беззащитные ВЛАСТЕЛИНЫ

«кайнар»

Беззащитные
ВЛАСТЕЛИНЫ

Мы должны иначе относиться к животным — с бо́льшим пониманием, а может быть, и с благоговением. Человек потерял контакт с природой, построил свою жизнь на хитроумии и изобретательности — и потому рассматривает животных сквозь лупу человеческих знаний, а она увеличивает перышко или шерстинку, но образ в целом искажает. Мы относимся к животным свысока, полагая, что судьба их достойна сожаления: ведь по сравнению с нами они весьма несовершенны. Но мы заблуждаемся, жестоко заблуждаемся. Ибо нельзя к животным подходить с человеческой меркой. Их мир старше нашего... Они сохранили многие из чувств, которые человек растерял: они живут, прислушиваясь к голосам, которые недоступны нашему слуху. Животные — не меньшие братья наши и не бедные родственники, они — иные народы, вместе с нами угодившие в сеть жизни, в сеть времени; такие же, как и мы, пленники земного великолепия и земных страданий.

Генри Бестон «Дом на краю»

Беззащитные
ВЛАСТЕЛИНЫ

Алма-Ата «Қайнар» 1983

Б 39 Беззащитные властелины/Сост. О. В. Таланова.— Алма-Ата: Қайнар, 1983.— 496 с.

В сборник входят лучшие произведения современных зарубежных писателей-натуралистов: Виктора Шеффера «Год кита» (США), Джеймса Кервуда «Гризли» (Канада), отрывки из книги Б. Гржимека «Среди животных Африки» (ФРГ), Кесри Сингха «Тигр Раджастхана» (Индия), Фарли Моуэта «Не кричи: «Волки!» (Канада).

Эти произведения объединяет одна проблема — сохранить тех представителей фауны, которых принято считать властелинами мира животных — китов, слонов, медведей, тигров и других, но которые, увы, беззащитны перед человеком.

Рассчитана на массового читателя.

Б $\frac{2005000000-113}{403(05)-83}$ 105—83 28.688

Бернгард Гржимек

Среди животных Африки

Среди черных носорогов

Хитростью можио и льва замаиить,
силой же и мухи ие поймаешь.

Африканская поговорка

Если в Африке повстречаешься с черным носорогом, причем путешествуя пешком, а не так, как теперь прннято, в машине, то сразу же почувствуешь себя весьма скромным н незиачнтельиым. Тут же вспомнншь о бешеиых атаках этнх чудищ, кончавшнхся смертельным исходом, если вернть многнм кннгам об Афрнке. Ведь такой остромордый (как нх еще называют) носорог веснт как-ннкак до двух тонн, длнна его от коичика носа до основання хвоста 3,7 метра, высота в холке от 150 до 160 сантиметров, словом, это одно из самых мощиых наземных жнвотиых. Правда, если его сравннть с некоторымн вымершнмн его роднчами, напрнмер с гнгаитскнм носорогом ндокотернем, наиболее крупным из нзвестиых иауке наземных млекопнтающих, то он может показаться даже маленьким. Тот достнгал пятн метров в высоту (рост жирафа) н семи метров в длину. Костн гиганта, пролежавшне в земле прнмерио 35 миллнонов лет, былн найдены в Казахстане на берегу рекн Челкар-Тенгнза.

Еще сравнительно иедавио иосорогн, очень мало отлнчавшиеся от современных, былн шнроко распростраиены по всей Европе н Азии. В Краковском музее я вндел чучело шерстистого иосорога, возраст которого определеи в 10 тысяч лет. Он был найден в 1929 году отлично «законсервированным» в нефтеносных н соляных слоях почвы близ Старуни[1].

[1] Шерстистый иосорог сравнительио недавио был широко распростраиеи в Европе и Севериой Азии. Остатки его даже миогочислеииее остатков мамоита и очень характерны для средиечетвертичиого и раииеголоценовых отложеиий. Найдены ие только костные остатки шерстистых иосорогов, ио и части их трупов, покрытые шерстью. По миению профессора И. Г. Пидопличко, шерстистый иосорог вымер только к X веку н. э. в результате преследоваиия его человеком.

Черный, или остромордый, носорог, как известно, столь же черен, как белый, или широкомордый, бел. Тут всё дело в почве, на которой обитает животное, в иле и пыли, где оно валяется. От этого его первоначально свинцово-серая кожа становится в одних случаях белой, в других — красноватой, а в местностях, покрытых лавой,— совершенно черной. Кожный покров носорога абсолютно лишен растительности, если не считать кончика хвоста и края ушей. Нет у него и потовых желез; отсюда пристрастие этих животных к охлаждающим грязевым ваннам. Реброподобные складки по бокам туловища не имеют никакого отношения к находящимся под ними ребрам. У носорогов нет ни резцов, ни клыков, с каждой стороны челюсти у них расположено по семь коренных зубов. Во Франкфуртском зоопарке в помете восьми-девятилетнего самца носорога были найдены выпавшие зубы; к этому возрасту животные, по-видимому, и становятся взрослыми.

В начале нашего века работающие в музеях зоологи по поступавшим к ним рогам и костям черных носорогов и на основании изучения тех немногих африканских носорогов, которые попадали в зоопарки, пытались выделить целый ряд видов и подвидов этих животных. Однако современная наука объединяет всех черных носорогов в один вид — Diceros bicornis, из которого иногда еще выделяется один подвид — Diceros bicornis somaliensis; обитает он в северной Кении и в Сомали и примерно на 10 процентов легче, чем другие черные носороги.

Разумеется, у черных носорогов наибольшее впечатление производят два рога на носу. Неискушенный посетитель, впервые увидевший носорога в нашем зоопарке, невольно ощущает эти рога уже у себя под ребрами. При этом еще следует учесть, что у зоопарковых носорогов почти никогда не бывает таких мощных рогов, какие таскают на себе их сородичи в природной обстановке. Самый длинный рог был обнаружен у носорога из Кении, он был длиной 133,7 сантиметра. Несколько позже мировой рекорд побила Герти, одна из двух самок из кенийского национального парка Амбосели. Передний рог у нее был почти горизонтально направлен вперед и достигал в длину 138 сантиметров. Эта Герти на протяжении многих лет была наиболее часто фотографируемым диким животным на земле. Аналогичное чудовищное образование на носу имела обитавшая там же самка Глэдис. В 1955 году она, к сожалению, отломила 45 сантиметров своего рога. Сравнивая фотографии разных лет, удалось установить, что рога у этих животных за 6—7 лет вырастают на 45 сантиметров.

Носовой рог носорога не имеет костной основы подобно головным украшениям горных козлов или коров. Состоит он из особого вещества, напоминающего спрессованные волосы. При определенной обработке его можно распустить на отдельные волокна. Когда такое носовое украшение обламывается (что случается не так редко), под ним остается лишь слегка кровоточащая ранка. А рог затем снова отрастает. Передний рог всегда длиннее заднего, однако говорят, что в некоторых местах Африки, где носороги теперь уже ис-

треблены, встречались группы животных, у которых оба рога были одинаковой длины.

Рога эти, высушенные и растолченные в порошок, продаются в восточноазиатских аптеках в качестве лечебного средства от импотенции. Именно поэтому-то браконьеры и не прекращают упорного преследования этих довольно беззащитных из-за своей неуклюжести животных. На черном рынке уже в течение многих лет платят по 60 марок за килограмм рога, причем все это из-за какого-то пустого суеверия: никакими целебными свойствами рог не обладает. Точно так же во многих китайских аптеках в качестве лекарственных средств торгуют зубами дракона и другими не менее удивительными вещами. Печальной известности Джон А. Хантер, на счету которого наибольшее число убитых носорогов, заваривал из наструганного носорожьего рога темно-коричневый чай.

«Несмотря на то,— пишет он,— что я выпивал по нескольку порций этого варева, я не ощущал ни малейшего признака возбуждения; может быть, это происходило оттого, что я не верил в успех этого дела, а может, и оттого, что вокруг не было никаких объектов, вызывавших вожделение...»

Совсем недавно было проведено весьма тщательное научное исследование целебных свойств рога, показавшее, что их в нем абсолютно нет.

Тем не менее спрос на носорожьи рога не прекращается. Увы, на земле истреблено уж немало видов животных, ставших жертвами вредных поверий.

Иногда попадаются и трехрогие носороги. Довольно часто их встречали в Замбии, вблизи озера Иоиг. Видели черных носорогов даже с пятью рогами и таких, у которых рога росли прямо на туловище. Изображенный на знаменитой картине Альбрехта Дюрера панцирный носорог с маленьким боковым рогом на лопатке, многократно перерисованный другими художниками, впоследствии вызывал немало недоверчивых улыбок. А между тем он, действительно, мог быть срисован с натуры.

Что касается безухих носорогов, как правило с обрубочком-хвостом, то я сам неоднократно фотографировал их как в Амбосели, так и в кратере Нгоронгоро. Масаи любят рассказывать, что у них мужество молодых воинов проверяется тем, насколько ловко они отрезают уши у спящего носорога. Но это выдумки. На самом деле эти животные прямо так и рождаются без ушей. Безухого Пикси мне неоднократно приходилось наблюдать совсем близко. При этом у меня создалось впечатление, что он способен в определенные моменты сужать и даже закрывать ушные отверстия. Выяснить это окончательно удастся только тогда, когда кто-нибудь возьмет на себя труд изучить ушные мускулы мертвого носорога. Между прочим, у Герти — матери Пикси — были совершенно нормально развитые уши.

Черные носороги удивительно близоруки. На расстоянии 40 и даже 20 метров они не могут отличить человека от древесного ствола, чем и объясняется многое в их поведении. Значительно лучше

обстоит у них дело со слухом: раструбы из ушей мгновенно поворачиваются в сторону любого непривычного звука. Но острее всего у них нюх, не хуже, чем у собаки. Особей своего вида они разыскивают по запаху. Иногда мать с детенышем теряют друг друга, находясь, по нашим понятиям, почти рядом. Тем не менее они не направляются навстречу друг другу, а старательно нюхают землю, пока один не наткнется на следы другого и уже по ним разыскивает пропавшего.

Носороги иногда нападают на машины. На меня лично они нападали несколько раз, когда я сидел в машине, и только один раз, когда я шел пешком. Было это в кратере Нгоронгоро. Но я проявил необыкновенную оперативность: мгновенно обежал вокруг «лендровера» и вскочил в него с другой стороны. В такие моменты развиваешь столь бешеную скорость, что сам себе удивляешься. Носорог тоже может набирать порядочную скорость. Так, зоолог Майнерцхаген проследил по спидометру, что носороги преследовали его машину со скоростью 50—56 километров в час. В другой раз носорог пробежал вслед за машиной 400 метров со скоростью 45 километров в час. Обычно же животные эти расхаживают весьма степенно, во всяком случае значительно медленнее, чем бежим мы, воображая, что гуляем.

Я не знаю никого, кто бы когда-либо видел носорога, переплывающего реку или глубокое озеро, несмотря на то что эти животные с превеликим удовольствием валяются в лужах и охотно заходят на мелководье, пасясь среди тростника. И тем не менее плавать они все же умеют. Рассказывают, что во время запруживания и создания искусственного озера Кариба в Замбии были сделаны попытки спасти всех животных, которые еще оставались на медленно исчезающих под водой островках. Как-то, когда моторный бот приблизился к берегу, какой-то разъяренный носорог решил напасть на него и неожиданно бросился в глубокую воду. Не почувствовав под ногами дна, он поплыл, однако почти целиком ушел под воду, на поверхности виднелись только нос, уши и глаза. Достаточно было бы самой маленькой волны, чтобы его захлестнуло.

Несмотря на внешнюю неуклюжесть, черные носороги могут довольно высоко забираться в горы; в горах Восточной Африки их встречали даже на высоте 2700—2900 метров.

Черные носороги могут обитать как среди густого кустарника, так и в редколесье, на открытых травянистых равнинах и даже в полупустынных районах. Избегают они лишь жарких и одновременно влажных местностей. Именно поэтому они никогда не проникали в дождевые леса бассейна Конго, а также в леса Западной Африки. Следовательно, черные носороги водились далеко не по всей Африке. Они обитали в ее южных областях — в районе Порт-Элизабета, Трансвааля, южной части Анголы и оттуда до западного побережья. Водились носороги и в Восточной Африке — в Мозамбике, Танзании, Кении, от Сомали до Эфиопии. А оттуда ареал их полосой протянулся между Сахарой, рекой Конго и нигерийскими девственными лесами вплоть до окрестностей озера Чад и Камеруна.

Однако на огромной территории Восточной Африки черные носороги водились отнюдь не повсеместно. Так, например, их не было вдоль всего побережья Танзании и Кении, а также между реками Замбези и Чобе. После вторжения в Африку европейцев носороги во многих районах были полностью истреблены, например южнее реки Замбези. Во французских колониях к 1930 году они уже почти совсем исчезли. Только тогда наконец спохватились и ввели строгий запрет на их отстрел. Таким образом, удалось сохранить нескольких носорогов. Сейчас во всей Африке обитает только 11 000—13 500 черных носорогов, причем большая часть в Танзании (3000—4000).

Сегодня трудно себе даже представить, как могли охотники, и в первую очередь белые, так бесчинствовать среди носорогов. Из одного только султаната форта Арчамбаулт, что находился вблизи озера Чад, в 1927 году было вывезено не меньше 800 рогов носорогов. Профессиональный охотник Кеннон за четыре года застрелил 350 носорогов. Он и еще один «мясник», по имени Тиран, особенно свирепствовали в Камеруне, Обанги и Чаде. Время от времени они переключались с охоты за слоновой костью на охоту за носорогами, которых и убить было легче, и рога их становились все более дорогими. Местное население, снабженное белыми охотниками современным огнестрельным оружием, помогало устраивать такие бойни, а затем промышляло и самостоятельно. Знаменитый британский охотник за крупной дичью Джон А. Хантер похвалялся, что кроме более 1000 слонов он уложил еще и 1600 носорогов. Стрельбище это он устраивал отчасти по поручению правительства. Так, например, в Кении было решено освободить от диких животных для заселения людьми район Вакамба. В 1947 году Хантер уничтожил там 300 носорогов, а год спустя еще 500. А потом выяснилось, что эти земли для человеческого жилья вообще не пригодны...

Особенно трудно понять так называемых спортивных охотников, которые из одной только любви к искусству, не преследуя никакой хозяйственной выгоды, разъезжали по Африке и стреляли в непуганых, не подозревавших об опасности животных. Некто доктор Колб как-то сообщил, что, будучи в Восточной Африке, он застрелил 150 носорогов.

Было бы любопытно, если бы психиатры задним числом взяли на себя труд по письмам и отчетам этих людей определить картину их психического состояния. Во всяком случае они резко отличаются от наших современных европейских охотников, которые берегут дичь, чтобы сохранить и умножить запасы промысловых животных. Можно предполагать, что подобными людьми двигало чувство собственной неполноценности, подсознательное стремление к разрушению и уж, конечно, жажда славы, потому что в те времена охота на крупную дичь на родине этих охотников описывалась как нечто весьма героическое и опасное. А между тем знаменитый британский исследователь Фредерик Селу (1851—1917) писал, что за все долгие годы, проведенные им в Африке, он ни разу не слышал ни об

одном случае, чтобы какой-нибудь европейский охотник был бы убит носорогом.

На сегодняшний день черных носорогов в Южной Африке можно считать практически истребленными, если не принимать во внимание нескольких экземпляров, сохранившихся в резерватах. Единичные особи остались еще в Южной Родезии и Малави, немногим больше в Замбии, прежде всего в окрестностях реки Лауигвы. Что касается Южного Судана, то там носороги за последние годы исчезли окончательно. В Мозамбике насчитывают сейчас 500 голов, в Анголе — 150, в Намибии — 280. Если бы за последние десятилетия не были созданы национальные парки и различные резерваты, черных носорогов можно было бы считать уже истребленными.

Дело в том, что носороги в отличие от слонов, охотно кочующих с места на место, никогда сами по себе не заселяют снова тех мест, где раньше были истреблены. Правда, их можно переселять искусственно, и это не представляет особого труда: их просто где-либо отлавливают и в огромных ящиках, установленных на грузовиках, перевозят к месту выпуска. В 50-х годах такую перевозку осуществили в Руанде в национальном парке Гарамба, а совсем недавно мы это проделали, как уже упоминалось выше, в Танзании, где в охотничьих угодьях отловили 16 носорогов, большей частью подростков, и перевезли их на пароме на остров Рубондо, что на озере Виктория. Но, как правило, носороги имеют привычку упорно придерживаться своих родных мест, даже если они становятся густозаселенными и все более для них беспокойными.

Только в самые последние годы, когда мы стали черпать свои сведения не из досужих россказней охотников за крупной дичью, а из наблюдений терпеливых исследователей и лесничих национальных парков, нам удалось узнать гораздо больше о жизни и повадках этих великанов. Так, например, мы узнали, что в отличие от многих других животных у черных носорогов нет строго определенных охотничьих участков, из которых обычно изгоняются другие особи того же вида. Зато одно и то же животное в определенное время года можно встретить, как правило, всегда на том же месте, в то же время суток и за тем же занятием.

Раз в день носорог отправляется по твердо утрамбованной тропе на водопой. Путь от пастбища до водопоя может составлять от 8 до 10 километров, но это носорога не смущает. Пастись он начинает обычно только после полудня, а остальное время проводит либо в тени какого-нибудь дерева, либо в «грязевой ванне». Ночью эти животные нередко затевают резвые игры вокруг какого-нибудь бочажка, во время которых они гоняются друг за другом, сопят и с шумом брызгают слюной. Там, где носорогов не преследуют, например в кратере Нгоронгоро или в районе Амбосели, их можно увидеть и средь бела дня. Пристрастие к «грязевым ваннам» иногда приводит к печальным последствиям: вязкий ил может засосать животное так, что оно уже не в состоянии выбраться и застревает в нем навсегда. Случается, что за носорога, попавшего в столь безвыходное положение, принимаются гиены...

Итак, считается, что черные носороги тесно связаны с определенным районом. Однако тщательно проводимые наблюдения в кратере Нгоронгоро, занимающем площадь 260 квадратных километров, начинают опровергать это мнение. Так, мы с моим сыном Михаэлем в январе 1958 года при авиаучете животных насчитали 19 носорогов; Моллой в марте 1959 года обнаружил уже 42 животных. Ганс Клингель, наблюдавший за носорогами с июня 1963 по май 1965 года, насчитал в Нгоронгоро 61 особь, из которых 34 можно было видеть там все время или во всяком случае в течение нескольких месяцев подряд. Этих, по-видимому, можно считать постоянными жителями кратера. 18 февраля 1964 года Тернеру и Ватсону удалось насчитать с самолета 27 носорогов — рекордное число для одного дня! А 8 октября 1963 года численность носорогов в кратере упала до 10. Биолог Ж. Годдард, проживший здесь три года (по 1966 год включительно) и непрерывно наблюдавший и фотографировавший носорогов, насчитал за это время 109 экземпляров. По его мнению, превалирующее большинство этих животных держится в течение всего года наверху, вне кратера. Он, между прочим, насчитал также 70 носорогов в районе Олдувайского ущелья (Серенгети), в месте знаменитой находки доисторического ископаемого человека.

К. Клингель всегда находил «старожилов» кратера, особенно самцов, на одних и тех же местах. Некоторые из них никогда не встречались вне пределов этих участков. Однако случается, что отдельные животные покидают свои «штаб-квартиры» и потом уже постоянно держатся в каком-либо другом месте.

Черные носороги особенно охотно поедают ветки, которые хватают своей гибкой верхней губой, словно рукой, и тянут на себя. Да и тогда, когда кажется, что они щиплют траву, на самом деле они выдергивают из земли маленькие свежие ростки кустарника. Известный английский зоолог Фрезер-Дарлинг проследил, что один носорог ежедневно поедает 250 ростков акаций! Можно себе представить, как сильно могут изменять эти животные картину африканского ландшафта! И с другой стороны, к каким печальным последствиям может привести их истребление в отдельных районах!

В Натале (ЮАР) наблюдали, как два черных носорога валили довольно большое дерево мтомботи (Spirostachys africanus). Один из носорогов защемил ствол дерева между своими двумя рогами, надавил на него всем телом и стал медленно передвигаться по кругу. Дерево не выдержало и повалилось. Когда крона оказалась на земле, оба животных как ни в чем не бывало принялись обгладывать ростки молодых зеленых веточек.

Другого носорога наблюдали стоящим на самом краю скалистого обрыва и поедающим ветки. Когда он потянулся за довольно далеко растущей веткой, нависшая над обрывом скала не выдержала его веса и рухнула вниз. Пролетев 10 метров, носорог разбился насмерть.

Черные носороги способны поедать и весьма колючие ветки, не отпугивает их и белый клейкий сок молочаев. Кроме того, они вре-

мя от времени подбирают собственный помет. Г. Клингель несколько дней подряд наблюдал за группой из четырех носорогов, которые занимались тем, что собирали помет гну. В это время сотни гну как раз паслись в этой местности; здесь после недавнего пожара выросла короткая, но очень свежая травка. Носороги поглощали свежий или чуть подсохший помет. По всей вероятности, они таким способом восполняют недостаток минеральных солей или еще каких-либо веществ, необходимых для организма.

Есть места, где черные носороги своим рогом вспахивают соленую землю. Иногда они рогом же разбрасывают собственные навозные кучи. Правда, обычно они делают это задними ногами.

Древняя легенда Замбии гласит, что носорог расковыривает рогом собственный навоз, затем чтобы разыскать в нем нечаянно проглоченную иглу. Когда господь бог создал это животное, он снабдил его иглой, чтобы ему легче было пришить кожу к телу. А носорог ее потерял и с тех пор все разыскивает. Согласно другой легенде, носороги ковыряют рогом свой навоз по распоряжению слонов, которые не могут допустить, чтобы где-либо возвышались такие же большие кучи помета, как их собственные.

Зоолог Рудольф Шенкель, проводивший в 1964—1965 годах длительные наблюдения за носорогами в национальном парке Цаво (Кения), заметил, что они никогда не выделяют одновременно мочи и помета, как это делают, к примеру, слоны. Они кладут свой помет в общие кучи и лишь в очень редких случаях испражняются на ходу, прямо посреди дороги. Самцы, как известно, выпускают сильную струю мочи назад, что в зоопарках иногда приводит к неприятным сюрпризам для посетителей, оказывающихся в насквозь промокшей одежде... Иногда самцы начинают рогом ломать кустарник, а затем топчут его ногами и под конец опрыскивают мочой. Навозными кучами животные отнюдь не отмечают границ своих индивидуальных участков. По мнению Р. Шенкеля, эти кучи позволяют носорогам с их острым обонянием держать связь между собой, чувствовать присутствие сородичей, даже если они их не видят. Кроме того, это помогает им ориентироваться на местности. Из аналогичных же побуждений самки носорога во время ходьбы то и дело «метят» мочой дорогу.

Зоолог Герберт Геббинг во Франкфуртском зоопарке в 1957 году изучал сон носорога. Обычно эти животные спят на животе или на боку, подвернув под себя передние ноги и вытянув вперед задние. Голову они кладут на землю. Только в очень редких случаях носороги полностью заваливаются на бок, вытянув все четыре ноги. Может быть, в таком положении они спят наиболее крепким сном.

Оба наших франкфуртских носорога заваливались спать, как только закрывался павильон, чаще всего сразу же после ужина. В отличие от слонов они спали подолгу, восемь-девять часов каждую ночь. При этом они определенное время лежат сначала на левом боку, потом столько же на правом. Как правило, они спят, не меняя позы, по два-три, а то и пять часов подряд, не просыпаясь от привычных для их слуха шумов. Дыхание хорошо прослушивается,

иногда оно схоже с храпом. За минуту они делают от восьми до девяти вдохов. Два-три раза в день они поднимаются, чтобы опорожнить кишечник или мочевой пузырь.

Герта Шют, проводившая наблюдение за носорогами в Ганноверском зоопарке, установила, что они по ночам девять с половиной часов спали, а три часа стояли на ногах; при этом, как правило, они ели. Если один носорог вставал, то вскоре просыпался и другой. Если же этого не случалось, то бодрствующий до тех пор толкал головой спящего, пока тот не вставал.

Носороги на воле большей частью встречаются по одному или маленькими группами, не более пяти голов, если не считать мест их купания. Когда носорогов двое, то это обычно мать со своим более или менее подросшим детенышем или самец и самка, реже — два самца. У взрослых носорогов не наблюдается ни постоянства, ни привязанности друг к другу, как это водится, например, среди старых самцов кафрских буйволов. Однако это не значит, что они неприветливы в обращении. Когда два носорога стоят рядом, то они нередко поглаживают друг друга губами или трутся подбородками. Самки никогда не держатся рядом с самцами, пока их детеныш еще мал. Но как только он достигает подросткового возраста, они перестают избегать мужского общества.

В национальном парке Найроби лесничий Элисс в 1958 году наблюдал такую картину. Однажды вечером из леса вышла группа носорогов, состоящая из четырех особей, которые вели себя довольно странным образом. Трое шли, тесно прижавшись друг к другу, что называется, плечом к плечу, а четвертое животное следовало за ними. Эллис заметил, что у самки, шедшей посредине, были родовые схватки. Когда носороги увидели, что за ними наблюдают, они в нерешительности остановились, но одна из самок продолжала своей головой потирать бок роженицы. В конце концов они вернулись назад в лес. А спустя три дня там обнаружили новорожденного детеныша.

Враждебные на первый взгляд стычки носорогов почти всегда кончаются мирно. Стоит, например, самка с детенышем, и вдруг из-за куста совершенно неожиданно появляется огромный самец. Все головы мгновенно вскидываются кверху, самка сопит, сопит и самец. Словно сигналы тревоги, у обоих колоссов свечками поднимаются их маленькие хвостики. Самец несколько раз нетерпеливо шаркает задними ногами и при этом делает несколько шагов вперед. Животных разделяет расстояние примерно в 80 метров. Самец снова фыркает, самка делает то же самое. Затем оба почти одновременно наклоняют головы к земле и бросаются друг другу навстречу. Я нацеливаю свою камеру и уже предвкушаю сцену боя носорогов. 60 метров, 50... Представляю себе, какой будет грандиозный треск, когда эти многотонные серые колоссы столкнутся! 30 метров, 20, шесть... Но что это? Оба противника как по команде вдруг останавливаются и, подняв головы, удивленно смотрят друг на друга. Воронки их ушей повернуты в направлении противника. Самка медленно водит головой из стороны в сторону. Самец пово-

рачивается и с безразличным видом идет к воде. А затем и самка поворачивает назад и возвращается к детенышу. Спустя некоторое время всех троих уже можно видеть мирно пасущимися совсем рядом. А со съемкой поединка носорогов опять ничего не вышло!

Черные носороги определенно признают превосходство слонов над собой. Однако проверить это довольно трудно, так как между этими животными редко возникают драки. Но вот однажды в Уганде произошел такой случай. По утоптанной дороге не спеша навстречу друг другу шли слон и носорог. Один не видел другого, а когда увидели, между ними оставалось расстояние не более 15 метров. Слон насторожил уши и двинулся прямиком на носорога, а тот остановился и поднял голову. В ответ на атаку слона носорог попятился, мотая при этом головой из стороны в сторону и громко фыркая. Вторая короткая атака слона заставила носорога броситься наутек; он исчез, бодро галопируя, в том направлении, откуда появился. А несколько позже этих двух животных видели мирно пасущимися невдалеке друг от друга. Значит, все дело в «престиже»: кто кому должен уступить дорогу.

Однажды в том месте, где сейчас находится национальный парк Аруша, нашли носорога, пропоротого бивнями слона. Кругом виднелись следы слоновьих ног. Случай этот не единичный. Смотритель национального парка Крюгера (ЮАР) Куз Смит в 1960 году был свидетелем отчаянной схватки между самцом носорога и слоном. Слон явно решил не дать носорогу напиться, в то время как тот настаивал на своем. В ходе борьбы оба животных свалились с трехметрового обрыва в реку, однако и в воде продолжали драку. А через некоторое время Куз Смит нашел мертвого носорога. К тому месту, где он лежал, вели огромные лужи крови. На его теле зияли пропоротые бивнями четыре дыры, не считая других, более мелких, ранений.

Убитых носорогов слоны, как правило, тщательно засыпают сучьями и ветками.

Отношения носорогов с другими крупными животными бывают самыми разными. Лесничий национального парка Мерчисон-Фолс (Уганда) наблюдал, как носорог гнал впереди себя стадо из 12 водяных козлов. Пробежав примерно 100 метров, антилопы, видимо, опомнились и, описав крутой вираж, решили в свою очередь напасть на серого гиганта. Но тот быстро ретировался в кустарник и больше не появлялся. В другой раз носорог явно из чистого озорства напал на стадо из 350 кафрских буйволов, которые мирно паслись, растянувшись в 400-метровую цепочку. Носорог бешеным галопом промчался вдоль всей этой цепочки, заставив оторопевших от неожиданности буйволов кинуться врассыпную. После этого он спокойно пошел своей дорогой.

Но чаще у носорогов можно наблюдать известную терпимость, даже дружелюбие по отношению к другим животным. Так, например, двух носорогов в течение долгого времени видели вместе с большим стадом буйволов. Они даже спали, окруженные со всех сторон буйволами, буквально бок о бок с ними. В национальном

парке Найроби биолог Гугнсберг наблюдал такую сценку: группа зебр шутки ради задирала одиноко стоящего носорога, и тот в конце концов счел благоразумнее удалиться.

В Натале видели, как две водяные черепахи теребили растрескавшиеся кожные складки на спине самки черного носорога, валявшейся в прибрежном иле. По всей вероятности, носорожихе это причиняло боль, потому что она каждый раз вскакивала, когда какая-либо из черепах начинала теребить ее кожу слишком сильно. Однако самка не делала ни малейшей попытки прогнать черепах.

В другой раз наблюдали, как в мелком небольшом пруду к только что улегшемуся на бок носорогу с разных сторон бросилось по меньшей мере шесть водяных черепах, которые принялись обдирать с его кожи клещей. Чтобы оторвать впившегося в кожу клеща, черепаха упиралась передними лапами о туловище носорога, а пастью хватала паразита и тянула его до тех пор, пока тот не поддавался. Когда черепахи «обрабатывали» на теле носорога более чувствительные места, ему это явно причиняло беспокойство, и он вздрагивал. Однако черепахи не обращали на это ровным счетом никакого внимания.

Известно, что за носорогами целыми днями следуют египетские цапли, которые то и дело присаживаются на их спины. Делают они это явно только для того, чтобы подбирать насекомых, вспугнутых гигантами с земли. Как показали исследования желудков птиц, клещей с кожи носорогов они не обирают.

От незнакомых им животных носороги пускаются в бегство. Так, фокстерьер Симба, принадлежавший известному фотографу дикой фауны Черри Киртену, своим громким лаем обратил как-то в бегство двух носорогов. Храбрец гнался за ними так долго, что его пришлось разыскивать верхом. Найти его удалось лишь в семи с половиной километрах от места происшествия. Собачка была вымотана до предела, но горда своей победой.

Когда в Африке еще не было ни вездеходов, ни автомобилей, дичь преследовали верхом. Киртону не раз приходилось видеть, как разозленные носороги гнались за всадниками. А так как скорость атакующего носорога примерно равна скорости галопирующей лошади, то такая охота иногда затягивалась надолго. Всадникам редко удавалось вырваться вперед на большое расстояние, и спасало их только то, что выносливость носорога не идет ни в какое сравнение с лошадиной, и спустя некоторое время носороги отказывались от преследования.

Детеныши носорогов иногда становятся добычей львов. Так, в 1966 году в национальном парке озеро Маньяра львы напали на самку носорога с детенышем и погнали ее к выездным воротам. Примерно в 50 метрах от ворот преследователи схватили детеныша. Мать душераздирающе закричала, взывая о помощи. В этот момент какая-то машина выезжала из парка, а другая, наоборот, туда въезжала. Разъяренная носорожиха отогнала обе машины назад. Но тем временем львы успели разделаться с ее детенышем, и, оставив одни объедки, ушли своей дорогой

В кратере Нгоронгоро возле леса Лераи был найден убитый львами молодой носорог. На шее его виднелись страшные раны, нанесенные львиными когтями. Поскольку на земле нельзя было обнаружить каких-либо следов борьбы, решили, что львы напали на свою жертву неожиданно и переломили ей шейные позвонки. Хотя все семейство львов в течение целого дня держалось возле убитого носорога, тем не менее они не делали никаких попыток его съесть. На другое утро они оставили его там, где он лежал, и ушли.

Совсем иначе окончилась в этих же местах попытка другого льва задрать 11-месячного детеныша носорожихи, по кличке Фелиция. Почуяв, что ее отпрыск в опасности, она словно взбесилась. Лев гнался за детенышем, а за львом с громким похожим на лай криком неслась Фелиция. Маленький носорожек описал круг и спрятался за спиной своей матери, а та немедленно набросилась на льва. И хотя лев успел вцепиться зубами в ее заднюю ногу и нанести серьезную рану, тем не менее она дважды всадила ему свой рог между ребер. Хищник описал в воздухе сальто, шлепнулся на землю и остался лежать неподвижно. Разъяренная мать вонзила ему свой рог еще в шею, затем в голову и принялась топтать его ногами. Два других льва все это время сидели недалеко от места происшествия, но предпочли сохранить дистанцию и не ввязываться. Уже спустя 40 минут от убитого льва не осталось и следа: его по кускам растащили гиены. Как правило же, носороги не интересуются львами, даже тогда, когда те проходят мимо них совсем близко.

А вот в Мзима-спрингс, прозрачном, как стекло, родниковом озере, находящемся на территории Цаво-парка, носорога убил бегемот. Он схватил подошедшего к воде носорога за переднюю ногу, повалил и принялся молотить своими мощными клыками.

Селу удалось заснять на пленку, как крокодил схватил взрослую самку носорога, утащил ее в воду и утопил.

Но если между двумя черными носорогами случается драка, то она представляет собой интереснейший спектакль. Правда, происходит это крайне редко. Поначалу думаешь, что это бьются два ревнивых самца за обладание самкой или за свою «земельную собственность». Но потом оказывается, что это ссорятся между собой две самки, а еще чаще — самка с самцом, и тогда это нередко происходит из чистого кокетства.

Наша парочка черных носорогов, которых мы содержим у себя во Франкфуртском зоопарке, часто часами может так играть — рог к рогу, а их детеныш с еще бо́льшим азартом «сражается» то с отцом, то с матерью.

Но даже в серьезных боях носороги редко наносят друг другу сколько-нибудь значительные ранения. Раны, так часто встречающиеся у них на плечах и боках, как мы еще увидим, имеют совершенно иное происхождение.

Во время брачных игр самец становится напротив самки нос к носу, и каждый обнюхивает морду другого, испуская при этом гор-

танные звуки. Потом, как правило, самка нападает на самца, сильно ударяя его своим рогом в бок. Самец безропотно это сносит и не отвечает ударом на удар, несмотря на то, что подобные «ласки» чуть не сшибают его с ног. Если в это время подбегает другой самец, который тоже начинает семенить и притоптывать вокруг самки, соперники не затевают между собой драки: самка сама решает, которому из претендентов она отдаст предпочтение. Во время таких любовных игр можно услышать громкое сопение, храп и своеобразное хрюканье, а иногда даже визг. Громкого же, пронзительного свиста самцов, который часто раздается у нас в зоопарке, на воле я не слышал ни разу. Мне кажется, что он выражает удивление, даже испуг и повторяется не так уж часто. Подражая храпу и сопению носорогов, их можно даже подманивать к определенному месту.

Спариваются эти животные в любое время года, и поэтому детеныши могут появляться у них тоже в течение круглого года.

Мартин Джонсон, который в 20-х и 30-х годах снимал в Восточной Африке и в бассейне Конго первые замечательные фильмы о животных, однажды очень близко (сидя, разумеется, в машине) наблюдал за любовными играми носорогов. Они топтались на месте характерными короткими шажками на негнущихся ногах. Через полчаса самец потянул ноздрями воздух; учуяв «автомобильный дух», он был немало озадачен и опрометью бросился в кусты, подняв свечкой свой хвостик.

Мы, конечно, подумали, что самка последует его примеру, но ничуть не бывало. Похоже было, что она не сразу заметила поспешного бегства своего кавалера. Ее, видимо, просто удивило, что он так внезапно прекратил свои настойчивые ухаживания. Но тут она увидела нас и — о чудо!— снова возобновила свой «соблазняющий» танец, явно приняв наш грузовик за другого носорога. Чтобы наша машина стала предметом вожделений носорожихи — этого мы никак не могли ожидать. Притом новый «флирт», затеянный с нами, отнюдь не был минутным заблуждением. Не менее четверти часа это «кокетливое» существо стремилось расшевелить наш стоящий неподвижно автомобиль и вывести его из состояния молчаливой сдержанности... Она притворно убегала, затем возвращалась и неуклюже пританцовывала на месте, косясь в нашу сторону; вырывала пучок травы из земли и неподражаемо «обольстительным» движением подкидывала его в воздух. Маленькими «грациозными» шажками она приближалась к нам и, становясь все навязчивее, подошла уже ближе того места, откуда начала свое притворное бегство, но тут она нас внезапно учуяла. Как же она разозлилась! Мгновенно вся ее любовь улетучилась. Раздалось громкое возмущенное сопение, голова стремительно опустилась к земле, а хвост рывком поднялся кверху, и не успели мы опомниться, как взбешенное животное бросилось на нас в атаку. А в следующий миг мы уже ощутили глухой удар об железную обшивку (к счастью, пришедшийся вкось, а не прямо в лоб). Однако отэропевшими оказались не мы одни. Носорожиха не меньше

нас испугалась металлического лязга, а наши крики оказались чем-то совершенно непривычным для ее ушей. Она еще раз злобно фыркнула, повернулась и галопом кинулась наутек.

Во Франкфуртском зоопарке нам не раз удавалось прослеживать за спариванием носорогов. На воле же такие моменты удается уловить чрезвычайно редко.

Моему сотруднику доктору Шерпнеру в Цаво-парке как-то удалось проследить за спариванием носорогов, длившимся 22 минуты. А Джон Годдард, работая в 1964 и 1965 годах в кратере Нгоронгоро, шесть раз наблюдал спаривание у носорогов. В одном случае самец и самка после спаривания оставались в течение четырех месяцев вместе, а в другом же — пара рассталась сразу же после свидания, а через месяц их увидели вновь спаривающимися. Затем они снова разошлись в разные стороны.

С тех пор как черные носороги стали размножаться в зоопарках, удалось выяснить длительность беременности у этих животных. Оказалось, что она продолжается 15 месяцев — 450 дней. Двойни пока еще ни разу встречать не приходилось.

Первый зоопарковый черный носорог появился на свет в Чикаго в 1941 году, второй — в Рио-де-Жанейро. Первый европейский носорог родился во Франкфуртском зоопарке.

Наша самка носорога, по кличке Екатерина Великая, была настолько ручной, что даже разрешала себя доить. Носорожиха не возражала против акушерской помощи, которую ей оказывал ветеринарный врач Клеппель, которому удалось извлечь на свет 25-килограммового «младенца». Уже буквально через несколько секунд у новорожденного зашевелились ушные раковины, а спустя две минуты роженица набросилась на стоящих вокруг помощников. Самка обнюхала детеныша, однако облизывать его не стала. Примерно через десять минут новорожденный поднялся и простоял около двух минут на ножках. Уже через час после родов он бойко расхаживал по конюшне и оставался на ногах до получаса. А вскорости он путешествовал уже целый час. Спустя четыре часа он нашел вымя и начал сосать. Только через девять с половиной часов детеныш наконец угомонился и прилег отдохнуть на сравнительно длительное время — на целый час.

К моменту рождения на месте переднего рога у детеныша была лишь небольшая припухлость величиной не более одного сантиметра, а на месте второго рога — и вовсе только белое пятно.

Рожденные в других зоопарках детеныши весили иногда 20, а случалось и 39 килограммов (в Ганновере). Насколько мне известно, всех рожденных в неволе носорогов удалось вырастить. Так, у нас во Франкфурте-на-Майне вырастили двоих.

Наблюдения за поведением носорогов в неволе как в Рио-де-Жанейро, так и у нас показали, что там, где самок и самцов содержат вместе, они регулярно спариваются.

Что касается нашей самки Екатерины Великой, то она уже через восемь дней после родов стала снова абсолютно ручной по отношению к своему служителю и ко всем знакомым ей людям. Она

опять позволяла заходить к ней в загон, кататься на ней верхом и даже играть с ее детенышем.

В 1911 году венгерский исследователь Африки Кальман Киттенбергер нечаянно застрелил самку носорога в момент родов. Он вскрыл мертвому животному брюхо и вынул оттуда живого детеныша. Однако сохранить ему жизнь не удалось: через восемь дней детеныш умер. И только в 1963 году впервые удалось проиаблюдать за тем, как протекают роды у носорога на воле. Сообщение поступило от смотрителей национального парка Маньяра — Малинды и Эди. Как-то утром они нашли самку носорога, неподвижно лежащую на земле. Они решили, что животное мертво, но на всякий случай бросили в него несколько камешков. Самка не шевельнулась. Приблизившись, они заметили, что земля вокруг животного совершенно мокрая. Внезапно носорожиха поднялась на ноги, и на свет появился детеныш, не причинив роженице каких-либо заметных трудностей. Мать обернулась к нему и губами быстро принялась освобождать его от родовой пленки. А еще через десять минут новорожденный уже встал на собственные ножки и встряхнул ушами.

Известный охотник Джон Хантер, массами отстреливавший носорогов, хотел однажды изловить маленького носорога, с тем чтобы продать его. Во время этого сафари он уложил на месте 75 носорогов. Изловить детеныша ему удалось только одним способом — подманить его выменем убитой матери.

Такие детеныши, отловленные в самом раннем возрасте, как правило, становятся совсем ручными, словно домашние животные. Да и взрослые особи быстро привыкают к человеку. Так, свою носорожиху мы неоднократно доили. Молоко спустя десять месяцев после рождения у нее детеныша содержало 3,2 процента белка, 36 процентов молочного сахара и 0,3 процента жира. Чтобы покормить своего детеныша, самки носорога часто укладываются на бок, наподобие свиноматок. Однако на вымени у них в отличие от свиней только два соска. Маленькие носорожки сосут материнское молоко примерно до двухлетнего возраста и остаются при матери не менее трех с половиной лет.

После родов проходит по меньшей мере от восьми до десяти месяцев, прежде чем самка снова спаривается с самцом. В парке Амбосели первый детеныш самки Герти — безухий Пикси — оставался при своей матери два года и девять месяцев, следующий ее детеныш — три года, а третий родился спустя более чем пять лет — в 1959 году. Половозрелыми эти животные становятся примерно в семилетнем возрасте. Пока детеныш мал, самку никогда не встретишь в обществе самца, зато позже — сколько угодно.

Носороги подобно северным оленям, изюбрам и многим другим диким животным любопытны. Завидев человека или другой подозрительный объект, запах которого они еще не успели уловить, они начинают нерешительно к нему приближаться, с любопытством разглядывая со всех сторон. Но стоит пошевельнуться, как они убегают прочь. К своему несчастью, черные носороги имеют еще и другое свойство: завидев нечто для себя непонятное и не выяснив еще,

представляет ли данная фигура для них какую-либо опасность или нет, они могут очертя голову кинуться в сторону нарушителя их спокойствия, сердито сопя и явно угрожая смять все на своем пути. Однако, не добежав нескольких метров, они, как правило, резко сворачивают в сторону или просто пробегают мимо.

Так, кинооператор Мартин Джонсон, завидя бегущего на него носорога, схватил свою жену за руку и вместе с нею спрыгнул довольно с высокого обрыва. Однако, к своему удивлению, он обнаружил, что, не добежав пяти метров до того места, где они стояли, этот колосс вдруг остановился и ушел. Эти же супруги попадали в аналогичную ситуацию еще два раза, и в обоих случаях носороги точно так же сворачивали в сторону, не добежав до них нескольких шагов. Но вряд ли найдется кто-нибудь, у кого нервы настолько крепкие, что он согласится проверить, разведывательная ли это вылазка близоруких животных, или, действительно, разъяренные гиганты всерьез собираются напасть? Любой охотник, безусловно, застрелит их, не дав им пробежать и половины пути. Точно таким же маневром эти серые великаны нападают на деревья или термитники, но, убедившись в их безопасности, просто проходят мимо.

Однажды директор танзанийских национальных парков Джон Овэн сопровождал свою знакомую наездницу по кратеру Нгоронгоро. Когда они карабкались вверх по ведущей по склону тропинке, навстречу им неожиданно вынырнул носорог. Овэн успел отскочить в сторону и скрыться в кустах, а его спутница подпрыгнула кверху и, ухватившись за наклонную ветку дерева, повисла на ней. Однако ветка, не выдержав тяжести ее тела, обломилась, и дама очутилась верхом на носороге. Кто из них при этом больше испугался — неизвестно. Во всяком случае наездница кубарем скатилась на землю, а носорог бросился наутек.

И тем не менее на такую «безобидность» носорогов не очень-то можно полагаться. Швейцарскому зоологу Рудольфу Шенкелю пришлось это испытать, как говорится, на собственной шкуре. Он занимался наблюдениями за носорогами и львами в Цаво-парке в Кении. Он там путешествовал пешком и неделями ночевал в спальном мешке прямо под открытым небом. Его встречи с черными носорогами происходили, как правило, мирно. Но как-то одному самцу его силуэт, вырисовавшийся на фоне неба, показался подозрительным, и он кинулся в атаку. Их разделяло всего пятьдесят метров. Тогда Шенкель в свою очередь издал громкий рев и бросился навстречу противнику, чтобы его запутать. Но поскольку тот, ничуть не сбавляя темпа, несся на него, человеку пришлось увильнуть в сторону и искать спасения за небольшим и чахлым деревцем, рассохшийся ствол которого треснул пополам и половина кроны поникла до самой земли. Чтобы залезть на дерево и спрятаться в еще уцелевшей части листвы, у Шенкеля не хватало времени. Поэтому он обежал вокруг ствола и юркнул в развилку между ним и упавшей частью кроны. Теперь от взбешенного животного он был отделен только свисающей к земле засохшей частью ветвей, а это была ненадежная защита. Носорог решил, как видно, от него

не отступаться. Он постоял, а затем стал медленно обходить вокруг дерева и, улучив момент, внезапно вновь кинулся на своего врага. Шенкель попробовал, было, ухватившись за нижние ветки, подтянуться к верхней части кроны, однако носорог оказался проворнее и, поддав зоологу мордой под одно место, подбросил его высоко в воздух. Шенкель сперва «приземлился» на спину животного, а затем шмякнулся на землю. Он тотчас же вскочил и поспешно заполз под сломанную крону дерева. Но носорог одним движением отбросил ее в сторону вместе с оторвавшимся куском ствола. Теперь человек и животное очутились лицом к лицу. Шенкелю ничего не оставалось, как прикинуться мертвым. И он остался неподвижно лежать на спине, подняв лишь ногу на уровень морды животного, для того, чтобы иметь возможность на самый худой конец хоть оттолкнуться от нее. И тут трагедия неожиданно превратилась в комедию. Носорог сначала опешил, потом приблизился, понюхал поднятую босую ногу (ботинок свалился во время баталии) и... отступил: запах потных ног ему явно пришелся не по вкусу. Кроме того, он не видел больше перед собой мечущейся фигуры, и это его успокоило. Он тут же отстал и, подняв хвост морковкой, потопал восвояси.

Поведение черных носорогов бывает весьма различным и в некоторых случаях зависит от поведения людей, живущих с ними в одной местности. Так, в Кении люди племени вакамба преследуют носорогов, стреляя в них отравленными стрелами или расставляя капканы с железными петлями. Яд добывают из дерева Acokanthera schimperi, из веток которого вываривается клейкое вещество. Пока яд свежий, он действует очень сильно, но со временем, находясь на воздухе, ослабевает. Поэтому браконьер всегда обертывает острие стрелы куском кожи и снимает его только перед самым выстрелом. Носорог, раненный свежеотравленной стрелой, очень быстро погибает независимо от того, куда она ему попала. А ножные петли из толстой проволоки, к которой прикрепляется тяжеленный кусок бревна, несчастные животные таскают за собой иногда по целым дням, а то и неделям. Проволока глубоко врезается в мясо и перетирает даже кость.

Именно поэтому на землях, принадлежащих вакамба, носороги издавна славились как агрессивные и злобные животные; на землях же масаев их считают вполне миролюбивыми. А ларчик открывается просто: масаи не охотники, а скотоводы и носорогов никогда не трогают. Зато в Натале в 1964 году смотрителя резерватора Хлухлуве носорог дважды подбросил в воздух, сильно поранив ему бедро и ягодицу. Когда же агрессор приготовился к третьему удару, человек в отчаянии уцепился мертвой хваткой за передний рог зверя и повис на нем. Этим только ему и удалось спастись. Носорог замотал головой из стороны в сторону, стараясь сбросить назойливую пиявку. Когда ему это наконец удалось и он резким рывком отшвырнул от себя человека, тот отлетел далеко в кусты. А носорог убежал.

Носороги, ни с того ни с сего нападающие на людей, как правило, оказываются подранками, уже имевшими опыт общения с ко-

варными двуногнмн существамн. Оскар Кеинг, иапрнмер, рассказывал, как одиажды, проезжая в Таизаиин по дороге нз Мошн в Заме, он выстрелил в зад иосорогу, не желавшему уступить дорогу машнне. В последующие ночи этот иосорог опрокинул одну за другой три легковые машнны и сшиб два грузовика. Животное пришлось пристрелить.

Как-то одиа охотнница выстрелила в носорога, известного всей округе своей полиой безобндиостью. Но ружье было слишком малого калибра, и животное было лншь ранено; оно бросилось на обидчицу и убило ее. На следующий день один человек, живущий неподалеку от места пронсшествия, проезжал там вместе со своей женой. Едва заметив автомобнль, носорог насторожился и явио прнготовнлся к атаке. Мужчииа, мгновенно сообразнв, в чем дело, быстро вытащил свою жену из машнины н подсадил иа дерево. Сам же он взобраться туда не успел: носорог настиг и убил его.

Мне лично не раз уже прнходилось быть свидетелем нападений носорога на машнну. Правда, должен оговорнться, что все этн случаи я сам провоцировал. Чаще всего жнвотные остаиавлнвались, не добежав до машнны иесколькнх метров, н, ие дотронувшись до нее, уходнли. Один раз машниа получнла легкую вмятиину. В другой раз сын лесинчего Амбосели-парка подвез меия слишком близко к безмятежио спавшему Пикси, ушные отверстия которого мне хотелось повиимательнее рассмотреть. Жнвотиое мигом вскочнло на все четыре ноги н бросилось на нашу машиину (между прочнм, она была с открытым верхом). Носорог сделал вмятиину в кузове как раз возле того места, где я сидел.

В том же Амбоселн-парке в 1965 году произошел случай, когда носорог сквозь открытое окно легковой машиины пробнл своим рогом крышу и полностью нскорежил кузов. Сидящим внутрн пассажирам тоже былн нанесены ранення, но отнюдь ие рогом, а... древком копья, торчащего в шее животиого. Сопровождавшнй посетнтелей парка смотритель прнстрелил носорога. А в 1958 году другая машнна, битком иабнтая пассажнрами, неожидаиио наскочнла в кустах на самку иосорога с шестнмесячным детеиышем. Носорожиха сейчас же кинулась в атаку, но, к счастью, передний рог у иее уже был обломлеи, что значительио смягчило удар. Тем не меиее две сндящие сзади дамы перелетели через голову водителя и ударнлись о ветровое стекло. Водитель же ие растерялся, громко заорал н застучал кулаком по жестн обшнвкн, создавая невообразнмый шум. Детеныш, нспугавшись непривычных звуков, броснлся бежать, и мать последовала за ним.

В Серенгети тоже зарегистрированы отдельиые «конфликты» носорогов с машииами. Так, в 1966 году одна машиина хотела медленно объехать носорога, стоящего поперек шоссе. Но толстокожему это не поиравилось, он бросился на нее, помял ее переднее крыло и даже слегка прнподиял. Во время этого циркового номера один из сндящнх виутрн туристов, пробнв головой ветровое стекло, вылетел на дорогу. Однако отделался он прн этом легкнм нспугом н незначнтельными ушибами.

А в Натале в резервате Хлухлуве произошел такой случай. Старая самка носорога подошла к одной машине, подсунула голову под переднее крыло и начала ее трясти. Причем все это делалось явно без каких-либо злых намерений. Сопровождавший туристов африканский смотритель парка храбро вылез из машины и ударил по голове не в меру разрезвившееся животное своим поясом, на котором висела пара наручников. Ошарашенный носорог отступил и решил уйти. Машина была не повреждена, и можно было спокойно ехать дальше.

На 555-м километре строящейся железнодорожной линии Моши — Заме один носорог повадился прогонять рабочих и сталкивать с рельсов служебные дрезины, нещадно их корежа. Злоумышленника пришлось пристрелить.

Прежде в зоопарке редко можно было увидеть носорогов, разве что индийских панцирных. Теперь индийские носороги почти полностью истреблены и редко попадаются в зоопарки. Первый африканский черный носорог попал в Берлинский зоопарк в 1903 году, а в Швейцарии, в Базеле, черный носорог появился в 1935 году. Теперь же это наиболее часто встречающиеся представители племени носорогов в зоопарках мира. Так, в 1966 году в зоопарках Соединенных Штатов их было 33. Черный носорог в торговле животными оценивается вдвое дороже слона.

В неволе носороги часто становятся совершенно ручными. На некоторых взрослых самках можно смело кататься верхом. Они очень любят, чтобы их ласкали, в частности им нравится, когда ладонью поглаживают по закрытым векам глаз. От нечего делать они часто трутся рогами о цементную стену или железную решетку, стирая их в конце концов почти до основания. Поэтому в загон для носорогов необходимо класть бревно какого-нибудь мягкого, например елового, дерева, о которое они охотно точат свои рога. В бассейн эти животные в отличие от слонов редко погружаются целиком. Зато они любят принимать «грязевые ванны». Они никогда не пытаются перебраться через ров шириной в 1,75 метра и глубиной в 1,2 метра.

Только наблюдения в зоопарках позволили выяснить, до какого возраста доживают эти гиганты. Так, пара носорогов, жившая в Чикагском зоопарке, не проявляла никаких признаков старения даже спустя 20 лет после прибытия туда. По всей вероятности, носороги живут не меньше, чем слоны, следовательно, до 50 лет.

С тех пор как мы научились усыплять этих животных наркотическими пулями, стало значительно проще их лечить, а также отлавливать и перевозить в другие места. Знаменитой самке Герти из Амбосели-парка в 1962 году таким образом удалось прооперировать тяжелораненый глаз.

Много предположений строили по поводу непонятных серповидных шрамов, которые часто можно увидеть у черных носорогов позади лопаток. Считалось, что это следы драк, а также деятельности птиц, выклевывающих из ранок личинок и тем самым их расширяющих. Но недавно Ж. Г. Шиллингс, работавший в Цаво-парке, в Ке-

нии, нашел у местных четырех носорогов в этих ранках мельчайших гельминтов — филярий, которые переносит мушка жигалка. Кроме того, в желудках черных носорогов найдены личинки желудочных оводов. Они присасываются своими присосками к стенкам желудка и питаются тканевыми соками и кровью. Как только личинки достигают определенного возраста, они отрываются от стенок и вместе с испражнениями выбрасываются наружу. Здесь, в почве, они немедленно превращаются в куколок. Появляющиеся из этих куколок большеголовые мухи достигают от 2 до 3,5 сантиметра; они ничем не питаются, но постоянно вьются вокруг носорогов и приклеивают им к голове свои яички, чаще всего вокруг рогов. Каким образом они оттуда попадают в желудок, пока еще не известно. Речь идет о двух видах оводов: Gygrostigma conjugens, встречающемся исключительно на черных носорогах, и G. pavesii, встречающемся как на черных, так и на белых носорогах.

Из других паразитов на носорогах найдено 26 различных видов клещей, которые, впрочем, паразитируют и на других африканских животных; найден также вид гельминта, обнаруживаемый прежде у слонов. Встречаются у них и ленточные черви, достигающие, правда, не более 7—12 сантиметров длины; один из этих червей совсем крошечный — размером в один сантиметр.

Все эти паразиты носорогов для человека и домашних животных не опасны. Кроме того, носороги, живущие в зоопарках, вскоре избавляются от паразитов, потому что там отсутствуют промежуточные хозяева, переносящие этих мучителей.

Жирафы научились прыгать через заборы

Коровы, чуя близкую гибель, начинают лизать друг друга.

Из африканской поговорки

Как бы вы стали транспортировать высокий обелиск весом в несколько тонн — положенным на катки в горизонтальном положении или поставив его вертикально, тщательно соблюдая равновесие, чтобы здоровенная колонна не опрокинулась? Природа в основном выбрала первый путь: плоским, вытянутым в длину животным вроде змей или крокодилов легче двигаться по земле в горизонтальном положении. А вот жирафам наоборот.

Удивляет несоответствие его короткого туловища и огромной высоты. Это самое высокое из ныне живущих животных. Рост жирафа превышает шесть метров, а вес — 500—750 килограммов.

Сердцу жирафа приходится гнать кверху кровяной столб высотой в два метра, чтобы он мог достигнуть головы; поэтому стенки сонной артерии у этого животного имеют толщину 1,2 сантиметра, а кровяное давление у него вдвое выше, чем у людей.

В Институте физиологии в Ленинграде были сделаны замеры, в результате которых выяснилось, что легкое жирафа набирает за один вдох 12 литров воздуха, в то время как легкое лошади — 30. Наверное, именно поэтому убегающего жирафа так легко догнать на лошади, и, если за ним долго гнаться, он либо остановится, либо даже рухнет на землю.

Американские исследователи провели такой опыт: они вставили в сонную артерию двух крупных жирафов специальные датчики, присоединенные к автоматическому транзисторному передатчику. Приемник, установленный на вездеходе, регистрировал передаваемые сигналы. Судя по этим данным, биение сердца и кровяное давление у жирафа подвержены очень сильным колебаниям. В состоянии покоя сердце билось от 90 до 100 раз в минуту, а во время быстрого бега — 170 раз. Давление крови колебалось во время галопа в такт опусканию передних копыт. Давление поднимается в связи с давлением кровяного столба в сонной артерии, меняющимся во время опускания и поднимания головы.

Козы и антилопы, стараясь добраться до какой-нибудь ветки, встают на задние ноги и пританцовывают на месте. Жираф этого никогда не делает. Он всегда остается твердо стоять на всех четырех ногах. Каким же образом животное, столь прочно «прикрепленное» к земле, преодолевает проволочные заграждения?

Когда в Трансваале фермеры начали огораживать свои плантации проволочными изгородями, жирафы поначалу просто прорывали их грудью и шли дальше, волоча за собой обрывки проволоки. Но после трех-четырехлетнего опыта жирафы, к большому удивлению фермеров, научились просто перескакивать через эти заграждения. Заборы из колючей проволоки даже высотой в 1 метр 85 сантиметров перестали представлять для жирафов непреодолимое препятствие. При прыжке они резко отбрасывают назад голову и шею и заносят передние ноги через ограду. Только молодняку такие прыжки иногда не под силу. Так, однажды детеныш жирафа остался по ту сторону ограды, в то время как все стадо, включая его мамашу, через нее перемахнуло. Мать вернулась к своему малышу и целых 16 часов металась вдоль заграждения, однако она так и не додумалась до того, чтобы перескочить назад. В конце концов детеныш исчез где-то в кустарнике и, по-видимому, потерялся.

Жирафы даже не боятся пить из цементных корыт с водой, установленных для водопоя домашнего скота. Не всякий вид диких животных решится на такое.

В январе 1963 года охотничье управление Кении с немалыми трудностями перевезло четырех жирафов из района Эльдорет в бывший кратер Менегаи, расположенный в 160 километрах от столицы Найроби.

Прибыв на новое место, самец жирафа решил «попастись» в

кроне одного из деревьев, но там оказался леопард, прилегший поспать после обеда. Леопард ужасно рассвирепел и немедленно прыгнул на незванного гостя, причем так сильно порвал ему шею, что тот вскоре умер. Обычно же жирафы живут в мире с окружающими их животными.

Правда, иногда в эти головы, маячащие где-то на головокружительной высоте, начинают приходить непонятные и странные мысли и желания. Так, однажды в ЮАР, близ Рузерми, одному врачу, ехавшему вместе со своей семьей в машине, повстречались на дороге два жирафа. Они шли прямо ему навстречу. Происходило это на рассвете, когда еще было довольно темно, поэтому врач притормозил и выключил фары, чтобы не ослепить животных. Заметив машину, один из жирафов тут же сошел с дороги, но другой, нисколько не испугавшись, двинулся ей навстречу спокойным и решительным шагом. Подойдя вплотную к автомобилю, он повернулся задом и принялся «обрабатывать» капот своими копытами. Прежде чем растерявшийся врач успел опомниться и, включив полную скорость, удрать, животное умудрилось нанести машине по меньшей мере три столь полновесных удара, что они оставили на ней довольно внушительные вмятины.

Врач потом необыкновенно гордился тем, что именно жираф так отделал его машину, и поэтому еще долго разъезжал на ней в таком виде, не уставая рассказывать о своем приключении. Починил он ее только тогда, когда рассказывать стало уже некому.

В том же году вездеход геологоразведочной партии ехал как-то после наступления темноты в Морото, главный город района Караможда (северо-восточная Уганда) и по дороге тоже подвергся нападению жирафа. Когда водитель выехал из-за поворота, он увидел примерно в 25 метрах впереди себя стоящего на дороге жирафа. Шофер притормозил перед самым его носом, а жираф повернулся и изо всей силы брыкнул задними ногами. При этом разлетелись вдребезги обе фары, ветровое стекло и погнулся руль. В довершение всего животное перескочило через машину, полную людей. К счастью, никто при этом не пострадал.

Сам я уже бесчисленное множество раз встречался с жирафами и в степи, и на дороге, и ни разу у них не возникало ни малейшего желания «драться» с моей машиной. Следовательно, в обоих этих случаях речь идет о поведении, совершенно нетипичном для этих мирных животных. Поэтому-то описанные происшествия и получили столь широкую огласку.

Определенные сложности возникают для этих «четырехногих башен», когда они попадают в холмистые районы. Правда, в такие места они стараются не забираться, однако недавно в новом национальном парке Аруша, созданном правительством независимой Танзании, наблюдали такую сцену. Самец жирафа пытался вылезти из сплошь заросшего зеленью кратера Нгурдото, карабкаясь по крутой буйволовой тропе. Но так как дело было после сильного ливня, а тропинка становилась все круче, ноги животного скользили все сильнее и сильнее, пока оно наконец не упало на грудь. По-

барахтавшись, как большой жук, на одном месте, жираф с превеликим трудом снова встал на все четыре ноги. Но тут он увидел перед собой целое стадо павианов. Обезьяны сидели полукругом и с любопытством рассматривали странную башню, преградившую им дорогу к водопою. Спустя какое-то время, которое ушло на взаимное изучение, один нахальный павианий подросток проскочил под брюхом жирафа и покатился кубарем вниз. Жираф брыкнул ногой, однако промахнулся, потому что хитрец бросился на живот и полз по-пластунски. Когда другие павианы это увидели, они все, будто по команде, словно водопад, ринулись вниз, проскакивая мимо жирафа и под ним, а тот так испугался, что стоял как вкопанный. Когда все павианы проскочили, он медленно повернулся и «грустно» заскользил назад по тропе.

Жирафов редко можно встретить в одиночку. Обычно же если увидишь одного из них, то, хорошенько осмотревшись кругом, обязательно обнаружишь поблизости в кустах или между деревьями еще нескольких пасущихся животных. Однажды в 1962 году близ Сероиеры нам удалось увидеть гигантское стадо из 51 жирафа. Но такое случается редко.

Если жираф бродит в одиночку, на него может рискнуть напасть лев. Но вообще-то львы неохотно связываются с такими большими и «обороноспособными» животными.

Правда, лесничий Делабат наблюдал во впадине Этоша, расположенной в Намибии, как лев напал на пасущегося в одиночестве жирафа. Когда тот увидел подкравшегося льва, он кинулся бежать. Но лев в несколько прыжков догнал его и вскочил ему на загривок. Вцепившись в него когтями, он, по-видимому, тут же перегрыз ему шейные позвонки, потому что огромное животное зашаталось и упало на землю.

А вот другое сражение с жирафом закончилось для льва весьма плачевно. На этот раз лев, собравшись напасть на жирафа, не сумел подкрасться к нему незаметно, и тот его увидел еще издали. Поэтому хищнику слишком долго пришлось за ним гоняться, прежде чем он его догнал, и к моменту прыжка лев был уже основательно измотан. Вместо загривка он приземлился на круп животного, сполз вниз, да еще получил от жирафа удар в бок обеими задними ногами. Удар был настолько сильным, что лев в течение нескольких последующих часов так и не смог подняться, и лесничему пришлось пристрелить хищника, чтобы прекратить его мучения. При осмотре убитого льва выяснилось, что вся грудная клетка вдавлена и почти все ребра поломаны.

Когда же жирафы дерутся между собой, они никогда не пускают в ход копыта. Совсем недавно мне пришлось наблюдать в Серенгети поединки между самцами-жирафами.

Я думаю, что и между жирафами существует определенная субординация, однако живут они обычно столь мирно, что трудно определить, кто высший, а кто низший по рангу. Это можно заметить разве что по тому, как один жираф переходит другому дорогу: если он прямо срезает ему «нос» (как это принято говорить у водителей

машин), значит, это «вышестоящий начальник». Кроме того, более «важные» особи держат голову высоко, подбородок их несколько сильнее приподнят кверху. «Подчиненный» же непременно немного опускает голову, когда мимо него проходит «начальник». Когда жираф хочет произвести на кого-нибудь впечатление или напугать, будь это его сородичи или служитель зоопарка, он всегда рывком поднимает голову.

Ни одному молодому жирафу не позволено «улыбаться» в присутствии высшего по рангу. Эта гримаса очень распространена среди лошадей, верблюдов, медведей и многих других животных. Голова при этом слегка приподнимается кверху, рот приоткрыт, верхняя губа вздернута и обнажает десны. Такая гримаса имеет, по-видимому, какое-то отношение к брачным играм.

Но если жираф задумал кого-то всерьез прогнать, он направляется прямо к нему, слегка нагнув вперед шею и угрожая короткими рожками. Эти рожки, а главное, тяжелая голова, которой животное размахивает, словно кувалдой,— основное оружие в драке между двумя жирафами. Короткие, покрытые шерстью рожки со временем становятся у самцов обшарпанными, с голыми концами. Уже по одному этому можно отличить самца от самки.

Многие люди, хотя и прожили десятки лет в Африке, причем в ее диких районах, тем не менее никогда не видели серьезного боя между двумя самцами-жирафами, потому что случается это крайне редко. Зрелище это производит незабываемое впечатление, несмотря на то что разворачивается оно постепенно и не спеша, как при замедленной съемке.

Происходит это следующим образом. Два противника становятся не друг против друга, как это бывает при аналогичных обстоятельствах у других животных (оленей, антилоп или хищников), а рядом, бок о бок, как пара лошадей в упряжке, причем головами либо в одну и ту же сторону, либо в противоположные. Они никогда не пробуют укусить друг друга. Вместо этого они размахиваются по очереди шеей и наносят друг другу чудовищно сильные удары головой. Удар обычно приходится противнику по голове, шее, иногда груди или загривку, а если борющиеся стоят головами в разные стороны, то по задней части и задним ногам.

Силу подобных ударов даже трудно себе представить. К нашему жирафу Отто, живущему во Франкфуртском зоопарке в свободном выгоне, без конца приставал самец антилопы канны. Разозлившийся всерьез жираф нанес ему такой удар головой, что тот с переломанной ключицей пролетел по воздуху и упал на землю. А весил он ни много ни мало 600 килограммов! Антилопа так и не оправилась, и ее пришлось пристрелить.

Злобный жираф, содержавшийся в Лондонском зоопарке, целясь в своего служителя, промахнулся и пробил в стене большую дыру.

Бои между самцами за место на иерархической лестнице могут длиться довольно долго — полчаса, а то и дольше. Часто при этом вокруг стоят «зрители»: самки и другие самцы. Но бывают драки,

при которых самки не присутствуют. В Серенгети, близ Серонеры, мне удалось засиять на кинопленку три пары дерущихся самцов. Сражающиеся пары находились в 80—100 метрах одна от другой и не проявляли друг к другу ни малейшего интереса. Остальная часть стада мирно паслась поодаль.

Во время драки один из самцов может прижать другого к дереву или они оба могут кружиться вокруг ствола. Когда один из противников признает себя побежденным, он отходит на несколько шагов в сторону, а победитель с гордо поднятой головой следует за ним, но не для того, чтобы прогнать, а просто так, для порядка. В то время как олени, антилопы и многие хищные кошки стараются изгнать побежденного соперника из своих владений и не пускать его туда больше, самцы-жирафы сразу же после поединка уже мирятся и зла друг на друга не таят. Для них важно было лишь выяснить, «кто главнее», а дальше им уже все равно. Иногда недавних соперников вскоре после драки можно увидеть мирно пасущимися рядом и, более того, потирающими друг о друга шею.

Серьезных ранений или смертельных исходов при этих драках почти не бывает. Если же такое все-таки происходит, то это можно рассматривать как несчастные случаи, как непреднамеренные убийства, которые бывают и у нас во время состязаний по боксу.

Возможно, что опухоли и ссадины, которые нередко можно увидеть на шее у жирафов, имеют такое происхождение. Мне самому несколько раз в северной части национального парка Серенгети встречались такие раненые животные, но я тогда еще не знал, кто бы это мог их так отделать.

Из национального парка Крюгера как-то сообщили, что там появился жираф со сломанной шеей. Перелом находился несколько ниже головы, и кость, по-видимому, уже срослась. Во всем остальном животное было отменного здоровья.

Там же в другой раз нашли мертвого жирафа, «погибшего от укуса мамбы». Такое часто утверждают, когда находят умерших животных хорошей упитанности и без каких-либо видимых повреждений.

Я не очень этому верю. Конечно, если большое животное, весящее около тонны, укусит ядовитая змея, то оно может в конце концов умереть, но будет это выглядеть совсем иначе. Яд мамбы способен мгновенно убивать только мелких животных: ведь именно они — обычная добыча змеи. Укушенный же человек мучается часами, иногда даже днями, прежде чем умрет. Труп в таких случаях выглядит отнюдь не неповрежденным, наоборот, на месте укуса образуется страшная отечность, видны следы кровотечений из всех отверстий тела, часто отмирание ткани приводит к отслоению мяса от костей, а кожа из-за кровоизлияний синеет. А у крупного животного, у которого яда в расчете на каждый килограмм веса тела приходится еще меньше, прежде чем наступит смерть, отравление произведет еще большие разрушения организма. Перелом же основания черепа или шейных позвонков от метко направленных ударов противника — это более правдоподобное объяснение смерти внешне

неповрежденных жирафов, которых находят, кстати, весьма и весьма редко. Но основание шеи с его большими кровеносными сосудами у жирафа очень уязвимо. Во время охоты на жирафов (которой теперь не бывает, потому что она считается предосудительной для уважающего себя охотника) всегда старались стрелять в основание шеи.

В 1958 году видели самца-жирафа, который во время поединка упал в обморок и в течение 20 минут не мог прийти в себя. В том же году близ Хайльброна, в ЮАР, группа туристов нашла в 30 метрах от дороги неподвижно лежащего на земле взрослого жирафа. Люди решили, что он убит и вылезли из автобуса, чтобы его поближе рассмотреть, но, к своему большому удивлению, обнаружили, что он дышит и смотрит на них широко открытыми глазами. Поскольку животное не шевелилось, мужчины набрались храбрости и решили помочь несчастному подняться на ноги. Они перекатили жирафа на живот и подогнули ему ноги, чтобы тому легче было подняться. Они и не подозревали, какой смертельной опасности себя подвергают. Работники зоопарка в аналогичных обстоятельствах повели бы себя значительно осмотрительнее. Но в данном случае жираф не оказывал ни малейшего сопротивления своим нежданным помощникам. В конце концов он самостоятельно встал на ноги и «высокомерно» посмотрел сверху вниз на людей, копошившихся где-то у его ног, щелкающих фотоаппаратами и жужжащих кинокамерами. Затем он взмахнул хвостом и спокойно побрел в лес. Время от времени он еще оборачивался и «удивленно» смотрел на своих «спасителей».

Сами же мы в Серенгети как-то нашли мертвую самку жирафа без видимых повреждений. Было это в апреле 1963 года, и умерла она от неудачных родов.

А в национальном парке Крюгера наблюдали за самкой, которая рожала в полном одиночестве. С дороги ее было хорошо видно. Она стояла в небольшой ложбинке под группой деревьев. Самка не обращала ни малейшего внимания на зрителей, стоявших в открытой машине, и спокойно продолжала заниматься своим делом. Время от времени у нее начинались схватки, и она тужилась. Наконец появились плечи жирафчика, а затем, после особенно сильных потуг, он вывалился целиком и упал прямо на землю. Спустя несколько минут мать обернулась и, широко расставив передние ноги, нагнулась, чтобы получше рассмотреть новорожденного. Уже через 15 минут детеныш пытался встать на ножки. Однако это ему долго не удавалось. Мать же и не думала ему помогать, спокойно и беззаботно пасясь среди стоящих поблизости деревьев, она оглядывалась на своего отпрыска.

Во время других родов в том же Крюгеровском парке роженицу окружало девять жирафов. Через десять минут после появления на свет новорожденному удалось подняться на ноги, но он тут же упал. В течение последующих 25 минут он снова и снова пытался встать. Наконец он окреп настолько, что смог обежать вокруг мате-

ри. Все присутствующие при этом жирафы потрогали детеныша своими иосами.

Молодые самцы-жирафы часто устраивают и просто шуточные бои. Во Франкфуртском зоопарке это любил делать иаш жираф Отто со своим сыном Туло. За неимением настоящего противника Отто часто сражался с высоко подвешенной корзинкой для корма, осыпая ее мощными ударами своей «каменной» головы.

О схватке двух жирафов сообщили как-то туристы, путешествовавшие по Крюгеровскому парку. Животные дрались прямо посреди шоссе Малелане. Одно из них было при этом убито. Смотритель парка Деклерк, выехавший на место происшествия, действительно обиаружил мертвого самца-жирафа с громадиой раной за ухом, из которой уже натекла огромная лужа крови. Верхний позвоиок был раздроблен, и осколки от иего проникли в спинной мозг.

Трудно узнать, что происходит в такой высоко посаженной твердой, как камень, голове, каким отражается мир в этих больших глазах, расположенных словно иа башне.

Недавно доктор Бакхауз провел во Фраикфуртском зоопарке тщательное исследоваиие органов чувств у жирафа, и кое-что ему уже удалось выяснить. Теперь, например, точно известно, что жирафы обладают цветовым зреиием, во всяком случае они способиы различать основиые цвета: желтый, синий, зеленый и красный. Собственный виешиий вид едва ли их волнует. В одиом и том же стаде могут мирно пастись животные самых различных оттенков и пятиистости. В Серенгети я часто встречал одного очень темного, почти черного самца; в парках Гарамба и Мерчисонском неоднократно виделн н белых жирафов. Видели их в 1963 году и в резервате Руква, в Замбии. Они мирно паслись среди обычно окрашеиных животиых. Однажды такого «беляка» удалось сфотографировать с самолета. В 1965 году иа севере Танзании, в резервате Мкомази, граничащем с кеиийским парком Цаво, появился белый жираф. Это был старый одииокий самец, державшийся отдельно от своих сородичей. Но поскольку глаза и отдельные пятна иа теле у него были черными, его иельзя было считать чистым альбиносом.

Этого белого жирафа видят здесь уже десять лет подряд. Он уцелел даже после того, как опрометчиво перешел границу национального парка Цаво и углубился иа 30 километров в местность, где еще ведется браконьерская охота. Одиако белому жирафу, повидимому, иичто ие угрожает со стороны местиых браконьеров, так как они связывают его белую окраску с белизной вершины близлежащего Килиманджаро и с якобы иаселяющими эту гору духами. Суеверный страх перед возмездием духов надежно сохраняет жизнь этому животному.

Что мы знаем о крокодилах?

Если ты бредешь по мелководью лагуны, не ругай вслух пасть крокодила.

Африканская поговорка

С каждым годом все больше туристов устремляется в Африку, чтобы в национальных парках в удобных условиях в непосредственной близи вдоволь полюбоваться разными диковинными животными и привезти домой кучу фото- и кинопленок.

Но того, кто мечтает увидеть знаменитых африканских крокодилов, ждет разочарование: он может их долго искать по рекам и озерам, но тщетно: их там больше нет. А вот где их обязательно увидишь, так это в национальном парке Мерчисон-Фолс, на песчаных отмелях Виктория-Нила, несколько ниже знаменитых Мерчисонских водопадов. Там они часами греются на солнце, не обращая внимания на моторные лодки с туристами, которые бесстрашно подплывают прямо вплотную к ним. Собственно о «бесстрашии» тут говорить не приходится. Еще ни разу не было случая, чтобы крокодилы напали на моторную лодку. Да и зачем им это? Они сыты. Их так мало, что никакого недостатка в питании они не испытывают.

В других национальных парках Уганды крокодилов теперь не найдешь. В озере Эдуард, где когда-то водились эти рептилии, они исчезли в результате вулканических извержений, а из соединенного с ним рекой Семлики озера Альберта они так и не сумели сюда перебраться. Возможно, виной тому огромные водопады, которые этим рептилиям не удалось преодолеть, а может быть, им показалось не очень уютной ледяная вода, стекающая в Семлики со склонов ледников Рувензори... Это уж их тайна.

Но и в Виктория-Ниле крокодилов становится все меньше и меньше. Во всяком случае таких массовых скоплений этих животных, какие встречались здесь всего несколько десятков лет назад, теперь уже не увидишь: крокодилов истребили браконьеры, которые охотятся за ними по ночам. А изловить таких браконьеров, как правило, очень трудно.

Крокодилов уничтожали испокон веков. Их ненавидили за то, что они нападали на домашний скот, а иногда и на людей. Но охота с копьями и стрелами никогда не причиняла столь опустошительного действия в их рядах, как изобретенное позже огнестрельное оружие. Еще в первые десятилетия нашего века крокодилов было достаточно много даже в реках и озерах Палестины. А теперь разве что в отдаленных оазисах Южной Сахары еще можно изредка встретить одинокого заморенного крокодила.

* * *

Итак, огнестрельное оружие облегчило охоту на крокодилов, а мода на дамские туфли и сумочки из крокодиловой кожи сделала эту охоту особенно заманчивой: за крокодиловые шкуры стали платить огромные деньги. Так что у браконьеров появился немалый стимул обшаривать на утлых лодчонках самые отдаленные реки и болота в поисках дорогостоящих рептилий. Найти их ночью довольно просто: прожектором освещают прибрежный ил и стреляют прямо по отсвечивающим в темноте глазам. При этом не брезгуют даже малюсенькими, недавно появившимися на свет крокодильчиками, из которых изготовляют чучела, бойко сбываемые туристам в качестве сувениров.

Одному белому охотнику, промышлявшему в болотах Окованго (Ботсвана), удавалось ежегодно выручать охотой на крокодилов четверть миллиона марок. Поэтому его нисколько не смущала необходимость уплачивать 35 тысяч марок племени батавана и 12 тысяч марок правительству за разрешение на охоту. А в Новой Гвинее недавно целую сенсацию произвела 40-летняя монахиня, которая охотилась на крокодилов, с тем чтобы на вырученные деньги построить небольшую миссионерскую церквушку. И как назло это был как раз наиболее быстро вымирающий на земле вид крокодилов.

Истребление крокодилов в последние годы приняло прямо-таки глобальные масштабы. Так, например, и во Флориде, и в Южной Америке лесничим тоже приходится вести отчаянную борьбу за последних аллигаторов, которых разбойничьим образом убивают организованные банды браконьеров-контрабандистов. Одной из таких банд руководит женщина, прославившаяся как изобретательница своеобразного способа беспрепятственно выносить шкуры убитых крокодилов за пределы заповедника: она обматывает свежеснятую шкуру вокруг голого тела, а сверху натягивает широченное, не по размеру платье, имитируя беременность на девятом месяце... Вот до чего может довести жажда наживы!

* * *

Кости вымерших крокодилов находят даже на острове Мадагаскар, находящемся далеко от берегов Африки, в океане. Кости эти принадлежали вымершим десятиметровым нильским крокодилам — животным, величиной с железнодорожный вагон. Вот это были крокодилы! Не то что теперяшняя мелюзга.

В самом Ниле найти нильских крокодилов теперь практически невозможно. А между тем еще совсем недавно, в начале нашего столетия, в нынешней Танзании их было видимо-невидимо. За уничтожение крокодила правительство выплачивало даже премию — от четверти до трех рупий. Так, в 1910 году один торговец скотом отправился на озеро Руква и за два месяца заработал там на крокодилах 5 тысяч рупий. Еще в 1950 году в Танзании было добыто

12 509 крокодиловых шкур, большей частью в озерах Руква и Виктория и в реке Руфу. Между тем крокодил — это важное звено в жизни фауны африканских водоемов, играющее немаловажную роль в поддержании биологического равновесия в природе. Еще неизвестно, как их исчезновение скажется через некоторое время на состоянии рыбьих стад... Недаром известный английский ихтиолог Хуг Б. Котт, работая в Уганде и Замбии, посвятил пять лет своей жизни (с 1956 по 1961 г.) изучению этого вопроса.

* * *

Индо-африканский биолог М. Л. Модха в 1965 году прожил восемь месяцев на Центральном острове озера Рудольфа (в Северной Кении). Свои исследования он проводил в труднейших условиях. Жара стояла ужасная: ночью температура достигала 26 градусов, а днем — от 36 до 42 градусов. Когда в 1968 году он снова приехал туда для продолжения своей работы, его во время купания схватил небольшой крокодил и жестоко отделал. К счастью, африканскому коллеге ученого удалось его спасти.

Площадь Центрального острова составляет 22 квадратных километра, на нем расположено три больших кратерных озера, в одном из которых обитает около 500 больших крокодилов. Самцы достигают от 3,5 до 4 метров в длину, и поэтому их легко отличить от более мелких самок. Наблюдения показали, что каждый самец завладевает собственным участком берега, откуда всякий пришелец немедленно прогоняется. Находившаяся под непосредственным наблюдением зоологов береговая полоса протяженностью 1200 метров была поделена на 12 таких индивидуальных участков.

Что касается самок, то они предпочитали не самых крупных самцов, а тех, которые обладали наилучшими пляжами для солнечных ванн и наиболее удобными местами для рытья гнездовых нор.

Обладатели индивидуальных участков стерегут свои владения даже в самое жаркое время дня, когда все остальные крокодилы лежат в песке на берегу и дремлют. Доплыв до невидимой границы своего участка, крокодил неизменно задерживается там минут на пять — десять, а затем плывет обратно. Если появляются новые претенденты на частную собственность крокодила, иногда происходят кровопролитные бои, после чего границы участков несколько изменяются. И хотя самцы — владельцы индивидуальных участков — не сгоняют самок подобно оленям в один гарем, тем не менее всякого соперника-самца они стараются поскорее выпроводить вон.

Если «правонарушитель» замечен в воде, его выгоняют на берег, причем «законный» хозяин преследует его только до берега. Затем он останавливается, ревет вслед убегающему противнику и щелкает челюстью. Уже через несколько минут он успокаивается, и, пятясь задом, уходит обратно в воду, где снова принимается патрулировать вдоль берега.

* * *

Как правило, ночь эти огромные ящерицы проводят в воде, а большую часть дня — на берегу, греясь на солнце. Только в полуденный зной они отползают куда-нибудь в тень или ополаскиваются водой. Но как только стемнеет, на берегу не найдешь ни одного крокодила.

Крокодила никогда не встретишь в открытой воде, далеко от берега. Даже тогда, когда их было более чем достаточно, стоило лишь отплыть несколько километров от берега озера Виктория, как уже можно было безбоязненно купаться.

Хотя в учебниках крокодилы причисляются к холоднокровным животным, тем не менее они ухитряются сохранять почти постоянную температуру тела, которая составляет в среднем 25,6 градуса. Когда в полуденный зной им становится слишком жарко, они широко разевают пасть и лежат так подолгу. Крокодилы делают это вовсе не с целью напугать кого-то своими страшными зубами, просто у них нет потовых желез, и они не в состоянии потеть, как мы с вами, регулируя таким образом температуру своего тела. Они вынуждены испарять влагу через слизистую оболочку рта.

* * *

На это разевание пасти еще в давние времена обратил внимание Геродот. Уже 400 с лишним лет до нашей эры он описывал, как птица трохилос[1] бесстрашно впрыгивает в открытую крокодилью пасть, чтобы склевывать там пиявок. Это сообщение было подхвачено более поздними античными писателями и не раз повторялось ими в разных вариациях. Так, например, Плиний утверждал, что птицы выклевывают остатки мяса, застрявшего между зубами крокодила, оказывая ему этим неоценимую услугу: ведь у крокодила нет, мол, языка, которым бы он мог себе помочь. Это неверно. У крокодила есть язык, только он короткий и прикреплен таким образом, что животное не может его высунуть наружу.

Аристотель утверждал, что крокодил, прежде чем захлопнуть пасть, определенным движением головы подает птице сигнал, чтобы она успела выпорхнуть наружу. А птица в свою очередь предупреждает крокодила об опасности особым криком. Вот это верно. Например, стоит шпорцевому чибису (Hipoplopterus spinosus) издать свой резкий свист, как все крокодилы словно по команде сползают в воду. Этой птице дозволено бегать по крокодильим спинам и шнырять между ними. Пользуется такой привилегией и другая птица — кулик-перевозчик (Actitis hypoleucos), гнездящийся у нас в Европе и навещающий крокодилов только зимой. Он тоже склевывает паразитов с кожи этих огромных рептилий и даже бесстрашно бежит навстречу гигантам, когда они вылезают из воды. Однако, чтобы этот кулик залезал к ним в пасть и чистил им зубы, мне еще никог-

[1] Трохилос древних — это египетский бегунок (Pluvianus aegyptius) кулик из семейства тиркушек.— *Прим. А. Г. Банникова.*

да не приходилось видеть. В новейшей зоологической литературе это тоже ставится под сомнение. Тем не менее Ж. Ж. Плейер описывает, что видел собственными глазами в Зулуленде, как кулик-перевозчик выклевывал корм из пасти крокодила. Швейцарский биолог Гуггисберг наблюдал на Виктория-Ниле за марабу, который трижды клюнул в открытую пасть крокодила и вытащил оттуда небольшую рыбешку. Эту сценку ему удалось даже заснять. Значит, с птицами, во всяком случае с некоторыми, крокодилы определенно в дружбе. Что касается пестроспинной авдотки (Burinus vermiculatus), то с этой птицей крокодилы дружат безусловно: ведь она, как правило, насиживает свои яйца прямо рядом с тем местом, где крокодил зарыл свою кладку. Крокодилы старательно охраняют свою кладку, но кулика-авдотку не трогают, тот явно чувствует себя в безопасности, имея такого мощного покровителя.

* * *

У крокодилов три разные походки. Торопясь в воду, они могут скользить на животе, растопырив лапы. Однако большей частью крокодилы слегка приподнимают тело над землей и на своих крепких лапах (с как бы вывернутыми наружу «локтями») довольно ловко маневрируют по берегу. Иногда же они переходят в галоп, но это случается очень редко, да и то только среди молодых особей. В этот момент они, как это ни странно, напоминают скачущих белок, потому что, как и те, бегут не по прямой, а зигзагами. В воде же они плавают точно так же, как рыбы,— лапы они в это время плотно прижимают к корпусу и движутся только за счет волнообразного движения тела и ударов хвостом.

Чем меньше крокодил, тем чаще он вынужден появляться на поверхности за новой порцией воздуха. Небольшие крокодильчики, не достигшие одного метра, могут находиться под водой до 44 минут, взрослые же особи могут пролежать на дне, не дыша, больше часа.

Много гадали вокруг того странного факта, что в желудках убитых крокодилов обычно находят камни. Едва ли они служат, как это наблюдается у некоторых птиц, для лучшего измельчения пищи. Ведь у крокодилов нет даже настоящего желудка, мускульными стенками которого они перемалывали бы пищу. Кроме того, вместе с камнями зачастую находили неповрежденных червей, раковины проглоченных моллюсков и тому подобное. Причем было замечено, что молодые крокодилы, не достигшие годовалого возраста, не заглатывают камней, а в желудках взрослых особей их так много, что они составляют один процент веса всего тела. Может быть, камни служат им балластом при нырянии? Во всяком случае к такому выводу пришел исследователь крокодилов X. Котт. Ведь когда такая махина залезает в воду, она теряет до 92,5 процента своего веса. Таким образом, животное весом до 200 килограммов весит в воде лишь 15 килограммов. Так что предположение о подобном назначении проглоченных камней вполне резонно.

* * *

Эти огромные рептилии весьма живучи. Как-то знаменитый охотник Александр Блэк вырезал у убитого самца крокодила сердце и, завернув его в мокрую тряпку, положил на солнце. Сердце билось. Спустя полчаса оно все еще продолжало биться...

Ганс Бессер, проведший 14 лет в Восточной Африке, однажды смертельно ранил крокодила, который все же уполз в воду. Храбрый африканский помощник Бессера Мтума побежал вслед за ним, схватил двухметровое животное за хвост и вытащил обратно на берег. Но прежде чем он успел опомниться, раненый крокодил одним ударом хвоста заставил его совершить сальто в воздухе и шлепнуться в воду. Туда же полетел и подоспевший на помощь Бессер. Оправившись от испуга, оба охотника подбежали к своей «жертве» и пригвоздили ее копьем к земле. Однако животное и не думало сдаваться; разинув пасть, оно старалось схватить за ногу кого-нибудь из своих мучителей. Тогда Мтума вонзил ему копье прямо в пасть. Крокодил тут же захлопнул ее и так сильно зажал копье между зубами, что оба охотника только с огромным усилием, рывками сумели выдернуть его обратно. Железное копье со скрипом протискивалось между не менее «железными» зубами чудовища. Чтобы окончательно разделаться с живучей тварью, Мтума всадил свой охотничий нож по самую рукоятку в загривок крокодила, а затем, воткнув в рану копье, пронзил им насквозь позвоночник.

«Поскольку я не дождался своего приятеля, с которым назначил встречу как раз на этом месте,— пишет дальше Бессер,— я решил над ним подшутить и оставить ему весточку о своем дальнейшем пути, вложив записку в пасть мертвому крокодилу так, чтобы конец ее торчал наружу. Мы подтащили тяжелую махину к самой тропинке и положили ее поперек таким образом, чтобы мой приятель никак не мог пройти мимо и не заметить записку. После этого мы помыли руки в реке, и только сели в тенечке, чтобы позавтракать, как мой помощник Мтума вдруг завопил: «Посмотри, господин, на своего крокодила!»

Каково же было мое удивление, когда я увидел, как «мертвый» крокодил с запиской в зубах бежит к воде и исчезает в ней. И все это несмотря на нанесенные ему раны, из которых каждая, на наш взгляд, была смертельной».

* * *

Взрослые крокодилы питаются почти исключительно мясом млекопитающих, не брезгуя и их трупами. В реке Луангва (Замбия) крокодилы километрами следовали за плывущей в воде тушей мертвого животного, причем по дороге к ним присоединялось все больше и больше сородичей, так что вода буквально кипела от копошащихся вокруг добычи крокодильих тел.

В реках Африки нередко можно видеть плывущие туши; чаще всего это кафрские буйволы, затонувшие во время наводнения.

В воде крокодилы могут разорвать даже тушу слона. Набрасываются они и на мертвых бегемотов, погибших во время своих поединков.

Преследуя такую тушу по реке, крокодилы поначалу держатся очень осторожно (особенно если видят, что за ними кто-нибудь наблюдает), но постепенно смелеют, а заметив, что к добыче подбираются крупные рыбы вунду (Heterobranchus longifilis) или грифы, они поспешно бросаются к ней. Как-то вокруг одного мертвого бегемота удалось насчитать 120 крокодилов! На расстоянии трех километров по реке в это время нельзя было обнаружить ни одного крокодила — все были здесь.

Однажды было замечено, как крокодил подкрался к льву, пожиравшему кафрского буйвола, и проворно утащил внутренности убитого животного. Крокодил никогда не отказывается от свежего мяса, но оно ему не всегда «по зубам», причем в полном смысле этого слова, потому что у крокодилов нет клыков, специально приспособленных для разрывания добычи. Не способны они и разжевывать то, что попало им в пасть. У только что убитого бегемота или кафрского буйвола крокодилам под силу только уши и хвост; кожный же покров слишком жесток, так что эти рептилии не в состоянии вырвать из туши подходящий кусок мяса. Поэтому крокодилы часто довольствуются полуразложившейся падалью или предпочитают поедать свою жертву в воде, где ее кожа размокает и разорвать ее становится легче.

Крокодилы пожирают добычу следующим образом. Подплыв к жертве, каждый крокодил сначала обходит ее так, чтобы очутиться головой против течения. Затем вцепляется в нее зубами и начинает, словно штопор, вертеться вокруг своей оси, как бы откручивая кусок мяса. Таких поворотов крокодил может совершать до 20 подряд. При этом он бьет хвостом по воде, показывая свое светло-желтое брюхо. С трудом оторвав кусок, рептилия высовывает голову из воды и рывками, как бы давясь, проталкивает его себе в глотку.

Однажды в Серенгети мы с лесничим Майлсом Тернером наблюдали за такой трапезой. После каждого проглоченного куска крокодил, тяжело дыша, оставался несколько минут на поверхности, а затем вновь нырял за следующей порцией. В реке Луангва нам приходилось видеть по 30—40 крокодилов, хлопочущих вокруг туши кафрского буйвола, но мы ни разу не заметили, чтобы они подрались между собой за добычу. Эти животные отлично ладят друг с другом. Правда, молодняк никогда не участвует в подобных пиршествах вместе со взрослыми, а старается держаться подальше от своих сородичей(а то не ровен час по ошибке проглотят!). Зато большие рыбы, которые иногда сами становятся добычей крокодилов, безбоязненно толкутся вокруг туши, стараясь урвать себе кусочек. При резких поворотах, которые совершают эти огромные животные во время кормежки, увесистые рыбины зачастую вылетают из воды и с шумом шлепаются назад.

О том, какой недюжинной силой обладают крокодилы, говорит

такой пример. На песчаной отмели в Натале возле убитой антилопы импала лежал четырехметровый крокодил. Заметив, что за ним наблюдают, крокодил схватил зубами свою жертву, зашвырнул ее себе на спину (весит такая антилопа примерно 50 килограммов) и опрометью бросился в воду.

Переваривание пищи у этих рептилий происходит крайне медленно и вяло. Может быть, этим объясняется их стремление затаскивать свою жертву в вырытые под водой прибрежные норы или под береговые навесы и дожидаться несколько дней, пока труп начнет разлагаться. Схватив неосторожную антилопу, зашедшую в воду напиться, крокодил, как правило, никогда сразу ее не пожирает, он сначала топит ее, прячет куда-нибудь и терпеливо ждет...

* * *

А дальше начинаются страшные рассказы о людоедстве. Ведь большие крокодилы при случае отнюдь не отказываются от мяса двуногих существ... Пропавших людей неоднократно находили в их подводных кладовых. Так, по сообщению лесничего национального парка Крюгера Дж. Стефансона-Гамильтона, под береговым навесом был найден труп африканского мальчика, на теле которого почти не было никаких следов укусов.

Газета «Таймс оф Свазиленд» 8 ноября 1952 года описывала страшное происшествие, случившееся на небольшом островке посреди реки Узуту, близ миссии Святого Филиппа. Крокодил длиной в 4 метра 20 сантиметров схватил восьмилетнего мальчика и утащил его под воду. Мужественный 19-летний молодой человек, подоспевший на крик ребенка, пересек вброд реку, настиг крокодила и несколько раз ударил его копьем. К сожалению, из-за быстро наступивших сумерек преследование пришлось прекратить; продолжить его удалось только следующим утром. На этот раз молодой человек привел с собой деда погибшего мальчика. Они выследили крокодила и, когда он задремал на песчаной отмели, швырнули в него копье, которое застряло у него между лопатками. Однако огромное животное вместе с торчащим из спины копьем сумело удрать в воду. Поскольку древко копья торчало над водой, легко было проследить, куда направился крокодил. Преследователям удалось настигнуть крокодила на другом берегу и добить его копьями. Когда они вскрыли ему брюхо, то нашли в нем верхнюю половину тела мальчика в совершенно непереваренном виде, хотя оно находилось там более 12 часов. Дед зарыл останки своего внука, отсек крокодилу голову и поставил ее сверху на могилу вместо памятника. В пасть мертвой рептилии вставили распорку, чтобы она навсегда оставалась раскрытой и служила предостережением неосторожным купальщикам...

Третий случай произошел в Цаво-парке, в Кении. Двое европейских детей купались в прозрачной воде реки Мзима возле самого берега. Девочка заметила подплывшего к ним под водой кро-

ходила и убежала. Мальчик же замешкался и был схвачен рептилией. Убитые горем родители снарядили большую группу людей, которая, обшарив все окрестности, обнаружила почти неповрежденный труп мальчика, запрятанный в тростниковых зарослях.

Знаменитый торговец животными Герман Рухе потерял на Суматре при весьма необычных обстоятельствах одного из лучших своих звероловов. Тот возвращался на лодке с компанией гостей после удачной сафари к себе домой. Он был в приподнятом настроении, пел и болтал в такт голой ногой, свесив ее за борт лодки. За эту-то ногу его и схватил крокодил; животное сдернуло зверолова с лодки, да так быстро утащило под воду, что даже никто выстрелить не успел. На поиски были снаряжены войска, которым только на третий день удалось обнаружить совершенно изуродованный труп...

* * *

С крокодилами издавна были связаны всяческие легенды и верования. Так, в Древнем Египте считалось, что речного бога можно умилостивить ежегодным жертвоприношением. Причем в жертву приносилась непременно молоденькая красивая девушка. Устраивалось специальное празднество, во время которого несчастную закланницу бросали в воду крокодилам, которые ее тут же разрывали.

На островах Сесе на озере Виктория местные жители долгое время считали крокодилов священными наместниками какого-то божества, которому считалось необходимым время от времени приносить жертвы. Закланникам предварительно ломали руки и ноги (чтобы они не могли сбежать), а затем относили несчастных на песчаные отмели, откуда крокодилам удобнее было их забирать...

Король Мутса во время религиозных войн свозил пленных африканцев магометанского вероисповедания на маленький остров в Мерчисонской бухте, а при попытке к бегству их в реке разрывали крокодилы.

Вместе с моим сыном Михаэлем мы как-то посетили народность дан, населяющую в Западной Африке частично Либерию, а частично Берег Слоновой Кости.

Доктор Химмельхебер сумел подружиться с одним из вождей этого народа и даже пригласил его к себе в Гейдельберг. Из бесед с ним ученому удалось выяснить много интересных подробностей быта и верований этой народности. Так, в частности, выяснилось, что у дан желчный пузырь крокодила считается ядовитым. Как только кто-либо из охотников убьет крокодила, он обязан тут же сообщить об этом в свою деревню. Тогда приходит шаман, собственноручно вскрывает его и содержимое выпускает в реку. Таким образом, никто не сможет использовать во вред якобы ядовитую желчь крокодила...

А вот какой ужасный случай произошел в марте 1959 года в Чикваве (теперешнее Малави). Один старик уговорил некоего

Эларда Чипандале убить его непослушную восьмилетнюю внучку. Элард был известен как «крокодилий колдун». За убийство дед обещал заплатить 22 марки. Но поскольку он не расплатился полностью, убийца подал на него в суд, требуя выплаты обещанной суммы! Каково же было удивление судей, когда этот человек, беззастенчиво объяснив суть дела, стал уверять, что умеет превращаться в крокодила, привязывая к бедрам заколдованные сучья, чем и зарабатывает себе на жизнь. Стоит ему укрепить эти сучья на бедрах, как у него сейчас же вырастают длинное крокодилье рыло, длинный хвост и острые зубы. На расспросы судей он охотно ответил, что указанного ребенка убил ударом хвоста. Однако на требование судей продемонстрировать им свое превращение в крокодила он ответил отказом, заявив, что уже уничтожил свои чудодейственные сучья. Обоих преступников — и деда и убийцу-колдуна — осудили по всей строгости закона.

* * *

В период брачных игр самцы, призывая самку, издают громкий и протяжный рев, напоминающий барабанный бой. При этом они поднимают голову и широко разевают пасть. Брачные игры происходят в воде, причем в озере Рудольфа между 9 и 11 часами, сразу же после первой солнечной ванны на берегу. Если, патрулируя вдоль своих владений, самец встречает самку, он первым делом в знак приветствия дугообразно поднимает хвост над головой, только конец его неизменно остается опущенным в воду. Кроме того, он поднимает голову, так что она лежит на поверхности воды; загривок его раздувается, а на обеих щеках появляется по прозрачному пузырю. Хлопаньем челюстей и ударами хвоста самец взбаламучивает вокруг себя воду. Затем он бросается в погоню за уплывающей самкой. Настигнув ее, он сначала плывет рядом, а затем, несколько перегнав, заставляет плавать по кругу. Самка высовывает кончик морды из воды и издает гортанные звуки. Самец же в это время молчит. Кончается погоня тем, что самка либо удирает от своего преследователя, либо разрешает ему обхватить себя передней лапой за загривок и оседлать. Хвосты при этом шлепают один о другой. Поскольку самец крепко удерживает самку передними лапами, они могут плыть некоторое время вот так, тесно прижавшись друг к другу. На глубоком месте самка может нырнуть, на мелком самец ложится на бок. Само спаривание длится от полминуты до двух. Между 13 и 14 часами брачные игры прекращаются, и животные ложатся отдыхать.

Бои между владельцами соседних участков или между владельцем и вторгшимся пришельцем происходят следующим образом. Противники лежат в воде друг против друга так, что видна только верхняя часть головы. Возле носа то и дело поднимаются маленькие водяные фонтанчики. Внезапно один из противников по пояс выпрыгивает из воды и, широко раскрыв пасть, с громким ревом

бросается на другого. Такой бой может продолжаться примерно три четверти часа; дерущиеся крокодилы нещадно кусают друг друга, а иногда сцепляются челюстями и с шумом крутятся на одном месте. Подобные поединки привлекают других крокодилов — зрителей.

* * *

Яйцекладка в разных частях Африки приурочена к разным месяцам. На Виктория-Ниле крокодилы откладывают яйца в декабре — январе, то есть во время засушливого сезона, когда вода уходит от берега. На Центральном острове озера Рудольфа яйцекладка происходит в конце декабря после первого сезона дождей, молодняк же появляется после второго сезона — в марте.

Гнезда с закопанными в них яйцами находятся обычно на расстоянии от пяти до десяти метров от уреза воды, примерно в двух метрах над ее уровнем на отлогом берегу. Делают их, как правило, в мягком без камней песке, где-нибудь в тенечке. Самки роют свои гнезда передними лапами, а задними отодвигают песок в сторону, траву же вырывают зубами и передними лапами. Яйца лежат на глубине от 20 до 50 сантиметров в сыром песке; чем меньше тени, тем глубже роются ямы. В гнездо ведет круглый коридор, сужающийся по направлению к гнездовой камере.

Владелица гнезда ночью откладывает в несколько приемов в среднем до 33 яиц и затем старательно засыпает их сверху песком или закрывает слоем травы толщиной до четверти метра. Под этим слоем температура песка почти на десять градусов ниже, чем в окружающем песке, обогреваемом солнцем. Биолог Модха измерял температуру в гнездовых камерах крокодилов, она оказалась равной 30—35 градусам.

В некоторых случаях гнезда крокодилов бывают расположены и значительно дальше от воды — даже в 30 метрах.

Инкубация длится обычно 11—13 недель, и все это время самка охраняет свою кладку. Если почва сырая и глинистая, яйца закладываются не так глубоко — всего в десяти сантиметрах от поверхности. Самка почти все время лежит сверху, время от времени удаляясь, чтобы окунуться в воду. Когда она возвращается назад, стекающая с нее вода увлажняет почву вокруг зарытой кладки.

В Мерчисонском парке была измерена температура в десяти таких кладках. Она оказалась равной 30 градусам и в течение суток колебалась не больше чем на 3 градуса.

Когда жара становится нестерпимой, самка иногда отходит в тень ближайшего дерева, но и оттуда зорко наблюдает за своей кладкой. Однако во время «насиживания» крокодилы становятся очень вялыми и медлительными, что объясняется, по всей вероятности, большой потерей влаги в организме за счет испарения. Этим обстоятельством пользуются нильские вараны, полуметровые сухопутные ящерицы, зарекомендовавшие себя как воры крокодильих яиц. Раскопав с быстротой молнии кладку крокодила, они хватают

одно яйцо за другим и разбивают о какой-нибудь камень или дерево, чтобы добраться до содержимого. Надо отметить, что оболочка крокодильих яиц в отличие от змеиных твердая, известковистая.

В прежние времена крокодилы, по-видимому, собирались в гнездовые колонии подобно некоторым видам птиц. И сейчас еще в местах, где много крокодилов, кладки их расположены довольно близко одна от другой. Так, на южном берегу озера Альберт на участке в 62 квадратных метра было обнаружено 24 кладки.

В южноафриканском резервате Мкузи сейчас занимаются искусственным выращиванием крокодилов, с тем чтобы снова заселить ими окружающие водоемы. При этом выяснилось, что яйца крокодилов отнюдь не скоропортящийся продукт. В ящиках, выстланных соломой, они выдерживали долгий путь в 250 километров — и в лодке, раскачивающейся на волнах, и в машине, трясущейся по плохой дороге. Для дальнейшей инкубации важно только помечать верх и низ, чтобы уложить их в таком же положении, как они лежат в гнезде. В искусственных условиях яйца держат не в песке, а в корзинах с сеном, которые время от времени обрызгивают водой, а в сильную жару переставляют в тень. При таком способе инкубации на свет появляется гораздо больше крокодилов, чем на воле, потому что в естественных условиях очень много яиц уничтожается. Наилучшей температурой для выклева из крокодильих яиц считают 27—35 градусов. На короткое время температура может опускаться до 19 градусов и подниматься до 38, что не нарушает инкубации.

Незадолго до выклева из яиц начинает раздаваться нечто вроде лягушечьего кваканья. В природных условиях эти звуки хорошо прослушиваются даже сквозь 30-сантиметровую толщу земли на расстоянии четырех метров. В условиях неволи было замечено, что звуки раздаются в ответ на стук по ящику, на тяжелые шаги поблизости от него или тогда, когда рядом запущен магнитофон с записью этих звуков. Писк крокодильего потомства привлекает и взрослых сородичей. Герпетолог Войлцков, проводивший свои наблюдения на Мадагаскаре, заметил, что крокодильчики подавали голос из яиц, как только он топал ногой возле ящика, в котором они находились, или стучал по нему рукой. По всей вероятности, крокодилье потомство подает голос, заслышав шаги своей матери. Та же в свою очередь, услышав их писк, начинает разгребать лапами землю, чтобы помочь своим деткам выбраться на волю: без ее помощи они не в состоянии этого сделать.

Во время выклева потомства крокодилицы становятся очень агрессивными. В этот период они могут напасть даже на суше, чего крокодилы при обычных обстоятельствах никогда не делают.

Так, на зоолога Ганса Бессера в Танзании на довольно большом расстоянии от берега реки вдруг напал крокодил. Застрелив животное, Бессер исследовал место, где оно рылось в момент появления непрошеного гостя. Он лег на землю, чтобы лучше разобраться в чем тут дело, и отчетливо услышал оживленную возню и звуки, подобные тем, которые издают щенята, насытившиеся

материнским молоком. Он раскопал землю и вытащил несколько маленьких крокодильчиков, которые тут же попытались цапнуть его за руку. В длину они достигали 25 сантиметров, и у некоторых еще сохранился желточный мешок. Все они стремительно стали карабкаться к воде, хотя с того места, где их откопали, реки не было видно. Ганс Бессер разными способами старался преградить им дорогу и поворачивал мордой в обратную сторону, но они безошибочно находили правильный путь и снова торопились к спасительной воде... В общей сложности в яме оказалось 205 яиц. Трудно предположить, что кладка принадлежала одной самке. По всей вероятности, этой ямой воспользовалось несколько самок.

Обычно твердая скорлупа яиц к моменту выклева, по-видимому, размягчается, потому что крокодильчики довольно легко ее разрывали и с волочащимся желточным мешком спешили к воде. Ни одного тухлого яйца в кладке не оказалось. Ганс Бессер отобрал 30 крокодильчиков, взял их с собой и поселил в специальном бочажке в своем саду. Но сколько он их ни кормил мясным фаршем и рыбьей икрой, они за три года почти не подросли. Вся компания с неизменной жадностью набрасывалась на брошенный им корм, поглощая его только под водой и никогда не делая этого на суше.

* * *

Поскольку молодым крокодильчикам в первые дни их жизни со всех сторон угрожают опасности, мать сопровождает их повсюду, как утка своих утят. Они даже залезают ей на спину и катаются на ней, чувствуя себя там в полной безопасности. Вылупившийся из яйца крокодильчик достигает в длину 28—34 сантиметров и имеет желточный мешок величиной с куриное яйцо. Содержащегося в нем запаса пищи может хватить на несколько месяцев.

Новорожденные крокодильчики — лакомое блюдо для орлов, марабу и грифов. Нильский варан преследует их до самой воды, а в воде за ними охотятся водяные черепахи, да и взрослые сородичи тоже не прочь ими поживиться. На озере Рудольфа молодых крокодильчиков промышляет сом. Так что тут смотри в оба.

В первое время весь выводок держится вместе. Малыши очень беспокойны; они общаются между собой при помощи звуков, напоминающих кваканье или хрюканье, и щелкают друг на друга челюстями. Завидев мать, они приветствуют ее особым хрюканьем, залезают ей на голову или на рыло и кидаются за ней, когда она ныряет. Хотя крокодилицы и отгоняют варанов, а также других взрослых крокодилов и цапель от своих «детских комнат», тем не менее потери бывают весьма велики.

Путем мечения Модхе удалось установить, что каждый выводок держится вместе от двух до трех недель, а затем объединяется с молодежью из других гнезд. Самки с одинаковым рвением охраняют и чужое потомство. Живут молодые крокодильчики в совсем иных местах, чем взрослые, где-нибудь в заболоченной бухте, зарос-

шей кустарником. Окрашенные в защитные цвета, они практически не видимы для посторонних глаз. Питаются они поначалу улитками, личинками стрекоз, кузнечиками, жуками и другими насекомыми; позже переходят на крабов, жаб, лягушек, птенцов и грызунов. В подростковом возрасте они начинают ловить рыб и охотиться за разными рептилиями и млекопитающими.

Джой Адамсон, приемная мать известной львицы Эльсы, нашла в небольшом бочажке недалеко от своей палатки семь крокодильих «бэби». Их почти нельзя было отличить от окружающей водной растительности: по серовато-коричневому фону их кожи расплывались несуразные большие головы, они свободно плавали, барахтаясь и отталкивая воду всеми четырьмя конечностями. Но охотнее крокодильчики садились на плывущий тростник и плавали на нем, как на лодке. Глаза у них были цвета светлой охры, выпуклые, величиной с горошину, и защищенные большими надбровьями. Как только на расстоянии шести-семи метров происходило малейшее движение, они мгновенно исчезали под водой. Однако звуки голосов или щелканье фотокамеры даже совсем рядом с ними не пугали их ни малейшим образом. Когда им предлагали на конце палки кусочки мяса, они не обращали на него никакого внимания, не интересовались они также брошенными им на съедение червями, стрекозами и мухами. Но когда Джордж, муж Джой Адамсон, попробовал имитировать звук, издаваемый крокодилами («ими, имн, ими»), они сейчас же сбились в кучу и повернули головы в его сторону. Однако они не тронулись с места, а остались под надежным прикрытием тростниковых зарослей. Но тем не менее они доказали этим, что отнюдь не глухи. Следовательно, они слышат и разговоры, и щелканье камеры, но просто не обращают на это никакого внимания, потому что звуки подобного рода ничего для них не означают.

Крокодильчики первые семь лет растут довольно быстро, прибавляя примерно по 26,5 сантиметра в год. После же 22 лет крокодил прибавляет лишь по 3,6 сантиметра в год.

При искусственном выращивании, например в резервате Мкузи в Зулуленде (ЮАР), особенно следят за тем, чтобы обязательно были тепло и тень. Загон, где содержатся крокодильчики, должен быть обнесен металлической сеткой с ячеей не более 1,3 сантиметра в диаметре, иначе эти маленькие рептилии ухитряются протискиваться сквозь нее. Кроме того, такую металлическую сетку необходимо закапывать на полметра в землю и с внутренней стороны обкладывать шифером, чтобы эти бесенята не могли устроить подкоп и удрать. Высота сетки может достигать 90 сантиметров, важно лишь, чтобы верх был загнут внутрь. Весь загон снаружи на некотором расстоянии обносится еще одним забором из древесных кольев, оплетенных камышом, который служит для защиты от ветра и хищных животных. Искусственный водоем на территории загона разделяют пополам маленькой плотиной. Одну половину наполняют холодной водой, а вторую, во время похолодания,— подогретой. Делается это для того, чтобы крокодилы во все сезоны

не переставали принимать пищу и росли быстрее. Подвешенная над водой большая лампа служит ловушкой для насекомых, которые, опалив крылья, падают в воду и становятся добычей молодых рептилий. Если животных кормят мясом, им необходимо добавлять в рацион кальций. К концу первого года крокодильчики удваивают свой рост, достигая в длину примерно 75 сантиметров, а к концу второго года их уже выпускают в близлежащие реки.

* * *

Между прочим, на воле крокодилов-подростков практически встретить невозможно. Недаром Питман писал: «Создается впечатление, что крокодилов размером от шестидесяти сантиметров до полутора метров вообще не существует в природе!»

До тех пор пока эти подростки не станут взрослыми, они прячутся в самых отдаленных бочажках, болотцах и закрытых бухтах, чтобы до поры до времени не попасться на глаза своим взрослым сородичам, склонным к каннибализму...

Однажды произошел чрезвычайно смешной случай. На реке Итшен, близ Саутгемтона (Англия), два рыбака никак не могли вдвоем вытащить попавшуюся на крючок рыбу. Удилище гнулось и трещало, чуть не переламываясь пополам. Когда же наконец им удалось вытащить свою добычу на берег, выяснить, что это молодой нильский крокодил. По-видимому, кто-то выпустил его в реку.

Самцы крокодилов становятся половозрелыми, достигнув длины от 2,9 до 3,3 метра, а самки начинают производить потомство, достигнув 2,4—2,8 метра, следовательно, лишь с 18-летнего возраста.

При таком медленном темпе размножения даже при самой строгой охране потребуется немало времени, чтобы какую-нибудь местность вновь заселить крокодилами.

Как сообщает охотничье управление Уганды, в реке Семлики был убит крокодил длиной 5 метров 95 сантиметров с объемом брюха в 1 метр 73 сантиметра. А Ганс Бессер сообщал об уложенном им в марте 1903 года в реке Мбака в Танганьике крокодиле, достигавшем в длину целых 7 метров 60 сантиметров; при этом у него еще не хватало одной четверти хвоста! Объем брюха у этого экземпляра составлял 4 метра 26 сантиметров, а череп имел 1 метр 40 сантиметров в длину и 95 сантиметров в ширину.

* * *

Эти страшилища издавна привлекали внимание европейцев. Так, в 58 году до нашей эры некто Эмилиус Скаурус привез в Рим пять крокодилов, которых демонстрировал в специально вырытом для них водоеме. Во время празднества по случаю постройки храма Марса-мстителя (2 года до нашей эры) римский император Август приказал напустить воды в цирк и устроил там представление, во время которого было убито 36 крокодилов. Подобные зре-

лнща позже неоднократно повторялись, поскольку имели огромный успех у публикн. Рнмский император Гелиогабал держал в своем дворе прирученного крокоднла, ставшего его любимцем.

Интерес к демонстрации этих рептилий в цирках не угас н в нашн дни. Только при этом крокодилам на всякий случай завязывают пасть невидимой нейлоновой леской. Так же поступают при перевозке этих жнвотных н в случаях, когда нескольких вновь прибывших крокоднлов сажают в общий бассейн. Завязанная пасть не позволяет им передраться между собой, а что касается приема пищи, то онн ведь могут подолгу голодать, так что первое время, пока они не прнвыкнут друг к другу, нх можно и не кормить.

Еслн выкармливать крокоднла с юного возраста, он может стать вполне ручным. Такой крокодил позволяет носнть себя на арене цирка на вытянутых руках, разевая при этом во всю ширь пасть н показывая публике свои устрашающие зубы. Однако для подобных представлений обычно дрессируют значительно более миролюбивых американских аллигаторов, которые и на воле никогда не нападают на людей.

Почему слонов одновременно и слишком много и слишком мало?

Для того чтобы погибнуть, даже слону достаточно одного-единственного дня.

Африканская поговорка

Как же в Афрнке в действительностн обстоит дело со слонами? Газеты сообщают, что их необходимо тысячамн отстреливать, потому что они перенаселяют некоторые местностн и уничтожают там всю растительность. А старожнлы Афрнки жалуются, что теперь неделямн можно ехать по афрнканскнм дорогам и не только не увндеть ни одного слона, но даже нигде не наткнуться на нх помет. Охотникам за крупной дичью уже давно не удается раздобыть в качестве трофея настоящего, «капнтального» слона с мощнымн бивнямн.

Расцвет хоботных на нашей планете давно позадн. Слоны появились 50 мнллнонов лет назад и населяли все материки земного

шара, за исключением Австралии. При раскопках обнаружено уже более 350 различных видов слонов. Наши предки в Европе и Азии еще «сосуществовали» с гораздо мелкими шерстистыми слонами. В слое вечной мерзлоты Сибири время от времени откапывают вмерзших в лед мамонтов с сохранившимися мясом и кровью. А иногда у них во рту находят даже корм.

Что касается родства слонов с некоторыми другими видами животных, то этот вопрос сейчас кардинально пересмотрен. Дело в том, что слоны не имеют ничего общего с носорогами и бегемотами, с которыми их раньше объединяли под общим названием «толстокожие». Сейчас их перестали причислять даже к собственно копытным животным. По строению тела слонов объединяют в одну общую группу вместе с сиренами, или морскими коровами, а также с капскими даманами. Посетители зоопарка, рассматривая этих внешне столь различных животных и читая соответствующие объяснения на табличках, обычно недоуменно пожимают плечами: чудеса, да и только.

В наше время по земле топают только два, причем легко отличимых друг от друга, вида слонов: азиатский, или индийский, и африканский. Первый — плотный, стремительный, с выпуклыми лобными выступами и небольшими ушами. У самок индийских слонов, как правило, полностью отсутствуют бивни. Наивысшая часть туловища у этого слона — голова, в то время как у африканского — спина. Второй — «африканец» — имеет покатый лоб, значительно большие уши, он менее плотный, и в отличие от «индийца» хобот его заканчивается двумя «пальцами», а не одним. Азиатских слонов можно увидеть значительно чаще, чем африканских. В 1965 году во всех американских зоопарках, вместе взятых, проживало всего 30 африканских слонов, вывезенных из Африки, и 90 индийских (четверо из которых были рождены уже в зоопарках).

Первый зоопарковский африканский слоненок появился на свет лишь в 1943 году в Мюнхене. С тех пор их родилось всего несколько.

Азиатских слонов люди уже тысячелетия приручают и используют в качестве тягловой силы. В свое время карфагенцам удавалось также приручать теперь уже давно вымерших североафриканских слонов. Слоны эти были значительно меньших размеров, чем теперешние. Слоны, с которыми Ганнибал в 220 году до нашей эры пересек Альпы и которые нагнали тогда такого страху на римлян, по всей вероятности, были «африканцами». Шестидесятью годами раньше греческий король Эпира Пирр с помощью слонов неоднократно побеждал римлян в битвах, происходивших на территории Италии.

Но затем почему-то в течение двух тысяч лет африканские слоны в отличие от индийских считались неприручаемыми. Однако за последние десятки лет бельгийцам удалось доказать, что это не так. Они сумели обучить этих слонов возить повозки и людей, а также всевозможным другим работам.

Я провел некоторое время на станции по приручению слонов «Гангала на Бодио» и впоследствии в своей книге «Для диких животных места нет» описал, какие работы там проводятся.

Число этих серых великанов идет в Африке на убыль. Когда первые голландцы прибыли в Южную Африку, в районе Капштадта еще паслись огромные стада слонов. В первые десятилетия прошлого века из этих стран на мировой рынок поступало внушительное количество слоновой кости.

Но затем слонов безжалостно перестреляли. Их не стало даже в знаменитом национальном парке Крюгера. Они вернулись туда значительно позже, забредя из пограничного с ним «португальского» Мозамбика. Единственное место, где слонам удалось удержать свои позиции, была северная часть бассейна Замбези.

Слоны, которые в доисторические времена, по всей вероятности, были обитателями леса, впоследствии лучше других видов сумели освоить самые различные жизненные пространства. Так освоиться удалось, пожалуй, еще только крысе, воробью и человеку. Иногда африканских слонов можно увидеть погруженными по самую спину в воду, а порой они поднимаются и высоко в горы, иногда выше пяти тысяч метров; в одних местах они пасутся на траве, словно коровы, в других — валят деревья...

Африканские слоны из различных местностей выглядят по-разному. В прошлом столетии, когда в зоологии появилась мода на выделение бесконечных видов и подвидов, различали дюжины видов слонов (по форме и величине ушей и по другим деталям строения тела). Но с тех пор специалисты установили, что речь может идти только о двух подвидах слонов Африки: о более мелком круглоухом, или лесном, слоне (Loxodonta africana cyclotis), обитающем в лесах Западной Африки, и о большеухом, или степном, слоне (Loxodonta africana africana), которого можно встретить как в Южной, так и в Восточной Африке — до Эфиопии и Сомали.

У лесного слона на передней ноге пять, а на задней четыре пальца, в то время как у степного на передней ноге обычно четыре пальца, а на задней — три. У лесного слона верхние края ушей никогда не соприкасаются друг с другом, у степного же это случается сплошь и рядом; ведь уши у степного значительно больше, при этом почти треугольной формы, острым углом книзу. Спина лесного слона возвышается над землей на 2,2—2,5 метра, реже выше этого, в то время как степные слонихи достигают в высоту в среднем 2,85 метра, а степные слоны — 3,2 метра, наиболее же рослые экземпляры могут достигать и 3,5—3,7 метра. Но основное отличие между лесными и степными слонами заключается в том, что у лесных слонов бивни тоньше и загнуты книзу, в то время как бивни степных слонов направлены косо вперед и большей частью еще загнуты кверху. И хотя бивни у степных слонов больше и толще, тем не менее кость у лесных слонов тверже.

Но различия между этими двумя подвидами четко выявляются тогда, когда лесной слон западного побережья Африки встанет рядом со степным слоном с восточного побережья.

Там, где эти подвиды смешиваются, встречаются самые различные переходные типы. Так, среди слонов станции «Гангала на Бодио» я видел таких, которых по форме ушей следовало бы причислить к степным, а по числу пальцев на ногах — к лесным. А в Уганде, в национальном парке Кунн-Элизабет, возле озера Эдуард, водятся слоны, бивни которых по своей форме очень похожи на бивни лесных слонов. По-видимому, оба этих подвида легко и просто скрещиваются между собой.

А где же обитают знаменитые карликовые слоны, спросите вы? Немецкий зоолог Ноак в 1906 году ввел их в определитель животных под латинским названием Elephas africanus pumilio. Свое описание он сделал по одному-единственному экземпляру, жившему тогда в Нью-Йоркском зоопарке. Высота этого слона составляла 1 метр 80 сантиметров, возраст по состоянию зубов определяли в 6 лет. Обычно же слонам такого роста не больше полутора лет. Слон этот прожил в зоопарке девять лет и вырос за это время еще на двадцать сантиметров.

С тех пор взрослых слонов ниже двух метров стали рассматривать как карликовых. Однако большинство «карликов», демонстрируемых в цирках и в зверинцах, оказывались просто молодняком. На воле же, а именно в Западной Африке, не раз встречали таких маленьких слонов с длинными бивнями. Майор Пауэлл-Коттон видел там беременную слониху, высота которой в холке составляла 1 метр 80 сантиметров.

На станцию по приручению слонов однажды доставили двух особенно маленьких слонов высотой всего лишь в 1 метр 30 сантиметров и с бивнями длиной в 70 сантиметров! Судя по этим бивням, им было от 12 до 14 лет. За последующие десять лет животные выросли всего лишь до 1 метра 60 сантиметров, длина же бивней достигла 1 метра. К сожалению, обоих «карликов» потом продали, и дальнейшего их развития проследить не удалось.

Однако ни в коем случае нельзя утверждать, будто бы такие слоны заселяют какую-либо определенную территорию. Их нигде не встречали стадами или вообще помногу. Поэтому мы считаем, что здесь речь идет не о какой-то особой расе или виде, а просто об отдельных «недомерках».

Охотиться на самых мощных животных своего континента было для африканцев опасным и трудоемким занятием (правда, только до тех пор, пока у них не появилось огнестрельное оружие). Добыть себе мясо для пропитания было значительно легче, охотясь на любую другую более мелкую дичь, которой кругом было полным-полно. Охота на слонов привлекала другим: добычей слоновой кости, которая с незапамятных времен продавалась по очень высоким ценам. Ради слоновой кости вокруг стада слонов поджигали лес, окружая его огненным кольцом, копали ямы-ловушки, отстреливали животных отравленными стрелами.

Когда еще не было железной дороги, носильщикам приходилось нести на себе слоновую кость от Уганды до побережья целых 90 дней! Это был единственный товар, окупавший столь дорогостоя-

щую доставку. Исследователь Африки Сэмюэль Бейкер оценивал доход от торговли слоновой костью в 1500 процентов; сам он иногда выручал и 2000 процентов.

Довольны оставались и поставщики слоновой кости: ведь большую часть бивней они отрубали у слонов, умерших собственной смертью, так что добыча их не составляла особых трудностей. Во времена колониализма охота на слонов проводилась с официального одобрения властей, хотя и контролировалась охотничьим управлением. Но даже и теперь, по утверждению зоолога Нила Саймона, из-за браконьерства и хорошо организованной контрабанды Кения, например, теряет из своего бюджета свыше миллиона марок.

Однако на сегодняшний день отстрел слонов иногда диктуется необходимостью. Особенно это важно для Восточной Африки, где с каждым годом требуется все больше земли под поселки разросшегося коренного населения.

Так, к примеру, в 1963 году охотничьему управлению Танзании пришлось поручить своим служащим отстрелить 3247 слонов да еще выдать 393 лицензии на отстрел приезжим охотникам. Продав 116 500 кг слоновой кости, управление выручило тогда 103 540 восточноафриканских фунтов (исходя из стоимости 1 фунта слоновой кости в 16 шиллингов). Но в то время как бивни, которые попадали на рынок Занзибара в 1850—1860 годах, весили от 25 до 50 килограммов каждый, а те, которые в конце прошлого столетия продавались в Родезии, весили в среднем по 20 килограммов, то уже бивни слонов, застреленных с 1927 по 1958 год, весили только по 12 килограммов.

В 1929 году слонов еще можно было встретить на 70 процентах территории Уганды, 30 же лет спустя — только на 17 процентах, и с тех пор их распространение продолжало сокращаться.

Мне рассказывали, что раньше в северо-восточном Конго (Заире) в определенное время года скапливалось огромное множество (до двух тысяч) слонов. А один из спутников Ливингстона однажды возле Замбези наткнулся на скопище из 800 слонов. Такие «природные спектакли» теперь трудно увидеть в Африке.

Как же с этим повсеместным сокращением числа слонов вяжутся газетные сообщения о необходимости отстреливать несколько тысяч слонов, чтобы спасти деревья и кустарники?

После страшной засухи 1960 и 1961 годов я находил в Кении, в Цаво-парке, поваленные или ошкуренные слонами деревья.

В Уганде, в национальном парке Мерчисон-Фолс, на огромной территории все деревья погибли по вине слонов, которые безжалостно обдирали с них кору. Подобным же образом ведут себя слоны сейчас в национальном парке Киву в Заире, в национальном парке Крюгера в ЮАР и в разных других местах.

Е. Дэвисон наблюдал в Ванкие-парке в Южной Родезии, как из целого стада слоних только две занимались тем, что ошкуривали акации, остальные этого не делали. Солидные самцы себе этого вообще никогда не позволяют.

В июне и сентябре 1962 года в Цаво-парке, занимающем более

20 тысяч квадратных километров, проводился авиаучет слонов. По этой «переписи слонового населения» (которая, безусловно, очень точна, так как на безлесной ровной поверхности эти крупные животные хорошо заметны), выходило, что в июне слонов было 6825, а в сентябре — 10 799). К этому числу следует добавить 4804 слона, пасущихся в пограничных с парком районах. Животные держались иногда стадами, которых было 1007, а иногда в одиночку — таких одиночных слонов насчитывалось 128. Примерно 300 стад состояло из двух — пяти животных и столько же из шести — десяти голов. Видели и десять скоплений, состоящих из более чем 100 животных.

Нужно сказать, что 10 тысяч слонов на 20 тысяч квадратных километров — это совсем не так уж много. Ведь площадь Цаво-парка равна примерно половине всей Швейцарии. Плотность слонового населения составляла в июне 0,34, а в сентябре — 0,54 слона на каждый квадратный километр. Эти цифры очень невелики, если их сравнить с другими областями Африки: в горах Абердара (Кения) насчитывается 1,1 слона на 1 квадратный километр; на равнинах Руинди-Ручуру в национальном парке Киву (Заир) — 1,7 слона на каждый квадратный километр; в национальном парке Куин-Элизабет — 1,72, а в Мерчисонском национальном парке (Уганда) — 1,8.

И тем не менее для Цаво-парка их все равно слишком много: ведь этот район очень засушливый, и там слишком мало растительности по сравнению с другими национальными парками. Все подсчитанные здесь животные были найдены в радиусе 23 километров от постоянного источника воды. В Цаво-парке есть одна-единственная река, которая круглый год не пересыхает,— это Галана. За два засушливых года слоны настолько истребили всю прибрежную растительность, что в 1960 году из 780 живущих в парке носорогов 300 умерло с голоду.

Цаво-парк, который в прежние времена представлял собой поросшую кустарником местность с высокими галерейными лесами по берегам рек, постепенно превращается в травянистую степь. Правда, для слонов это не так уж страшно: они ведь могут довольствоваться и одним травяным кормом. Гораздо хуже это для черных носорогов, которым для пропитания необходим веточный корм. Кроме того, они не в состоянии проделывать таких дальних кочевок, как слоны, которые благодаря этому могут уходить из засушливых районов. Степная трава, корни которой в отличие от деревьев и кустарников не уходят глубоко в землю, во время засушливых месяцев целиком увядает и не содержит, следовательно, ни малейшей влаги, а из-за постоянных степных пожаров она и вовсе исчезает.

Однако основная причина ущерба, наносимого слонами в Цаво-парке, кроется в другом. Во всем виноваты искусственные колодцы и образовавшиеся возле них бочажки с водой. Во всяком случае к такому выводу пришла Сильвия Сикс, изучавшая «слоновую проблему» в Восточной Африке.

Все началось, по ее мнению, еще со строительства железной дороги Момбаса — Найроби, когда приходилось обеспечивать колодцами строительных рабочих. Вода притягивала мучимых жаждой животных, и в особенности «влаголюбивых» слонов (взрослому слону требуется от 90 до 130 литров воды в день). Слоны и потом, в засушливые сезоны, старались держаться поблизости от железной дороги, потому что вдоль нее возникли поселки с колодцами. Животные по ночам приходили туда напиться и с рассветом неслышно исчезали. Положение еще более ухудшилось после того, как управление национальными парками Кении построило в парке Цаво постоянные искусственные водопои. Теперь слоны круглый год старались держаться в районе водопоя, а растительности вокруг уже явно не хватало: она вся была съедена. Это неизбежно привело к набегам животных на посевы во всей округе.

Сильвия Сикс придерживается мнения, что в первую очередь следует бороться со степными пожарами и затем во время засушливого сезона перекрывать воду на искусственных водопоях, чтобы прогнать слонов из парка.

А чем же объяснить перенаселение слонами других районов? Ведь в отличие от многих других африканских животных слоны способны совершать длительные и далекие кочевки. Дело в том, что во многих областях Африки на них так усиленно охотятся, что местами уже полностью истребили. Поэтому слоны скапливаются в резерватах и перенаселяют их так, что растительности начинает грозить опасность. При этом они, возможно, часто бывают отрезаны от мест, где прежде могли удовлетворить свою потребность в минеральных солях и микроэлементах. Кора деревьев и ветки содержат не только влагу, но, например, и 3,4 — 5,68 процента извести, в то время как в траве ее лишь от 0,18 до 0,33 процента.

В этих вопросах до сих пор еще нет никакой ясности. Хотя мы уже в течение многих веков знаем слонов, охотимся на них и восторгаемся ими, а охотники выпустили уже изрядное число приключенческих книг об этих животных, тем не менее нам до смешного мало известно о том, как они живут и в чем нуждаются.

Поэтому хорошо, что соответствующие деятели Кении не прислушивались к газетной шумихе, раздутой вокруг слонов, и не приступили немедленно к проведению намеченного отстрела трех тысяч или даже пяти тысяч слонов, живущих в национальном парке. Вместо этого они решили пригласить вначале группу ученых, которые должны были тщательно изучить жизнедеятельность и потребности этих животных.

Между прочим, не исключена возможность, что гибель деревьев происходит и из-за постоянных степных пожаров, которые в Африке учащаются с каждым годом. Эти искусственно учиняемые пожары со временем приводят к тому, что облесенные территории постепенно превращаются в открытую, ровную степь (столь желанную для скотоводов). Однако спустя некоторое время поросшая травой земля начинает зарастать колючим кустарником и другой

несъедобной для скота растительностью. Такое превращение произошло уже во многих районах парка Цаво.

Получается довольно постыдное положение: пока европейцы господствовали в Африке в качестве колонизаторов, они почти не давали себе труда изучить жизнь слонов, животных, играющих столь огромную роль в поддержании биологического равновесия в местной природе, а ведь нарушение его способно изменить даже климат, что в свою очередь может поставить под угрозу само существование всего живого в этих жарких районах земного шара. Только в последние годы после завоевания африканскими государствами независимости биологи приступили к работе над разрешением многочисленных загадок жизни этих серых великанов.

Дальше мы увидим, как далеко им удалось продвинуться в своих исследованиях. Наиболее значительное учреждение в этом плане — Научно-исследовательский институт в национальном парке Серенгети, созданный энергичным директором национального парка Джоном Овеном. Туда приезжают работать сроком не менее чем на три года зоологи, ботаники, почвоведы и этологи из всех стран мира. Обычно там работает одновременно 10—18 человек. Жилые дома для ученых и Лаборатория имени Михаэля Гржимека построены на деньги, пожертвованные людьми, радеющими об охране природы.

* * *

Прошло несколько недель, прежде чем мне наконец удалось увидеть первого дикого слона. Это было в лесах Берега Слоновой Кости в Западной Африке.

Мы удобно расположились на большой банановой плантации, владелец которой временно отсутствовал. Сюда, на эту плантацию, еженощно являлось стадо слонов. Назойливые, но пугливые животные проходили обычно вдоль небольшой речки, пересекающей эту местность. Для переезда машин через речку был переброшен бревенчатый мостик. Слонам это почему-то не нравилось. Вместо того чтобы воспользоваться мостиком для перехода через речку или в крайнем случае обойти его стороной, они каждый раз аккуратно разбирали мостик по бревнышку.

Слонов вообще многое раздражает из того, что мы, люди, сооружаем на их родине. Невысокие столбики дорожных указателей они зачастую засыпают ветвями или просто выдергивают из земли и оттаскивают в сторону. Целые участки только что проложенных асфальтированных дорог они тоже частенько забрасывают ветками. Телеграфные столбы, которые здесь вкапывают в почву с большим трудом, они сплошь и рядом по ночам вытаскивают и укладывают рядом на землю.

Однако фильмы, в которых показано, как слоны нападают на деревни местных жителей, топчут их хижины и раскидывают во все стороны обезумевших от страха людей,— чистый вымысел и ерунда. В действительности все бывает совсем иначе. Правда, мо-

жет случиться, что такой великан часами будет бродить между хижинами и даже иногда разберет какую-нибудь из них или продавит стену, учуяв, что внутри лежит что-то съестное или возбуждающее его любопытство. Но в таких случаях прогнать слонов не представляет особого труда. Так, в Эзо, в Южном Судане, трех таких навязчивых гостей удалось выпроводить с помощью громких звуков вальса (находящийся поблизости инспектор по сельскому хозяйству включил на полную громкость радиоприемник в своей машине).

Совершенно новое явление последних лет — так называемые туристские слоны. Это, как правило, одиночные животные, пристрастившиеся посещать туристские гостиницы и лагеря в национальных парках. Такие слоны со временем становятся очень назойливыми, потому что, несмотря на все запреты, получают от туристов подачки. В моей книге «Они принадлежат всем» описана история как раз такого слона, по кличке Лорд-мэр, или Бургомистр, и его печальный конец (его пришлось застрелить). Это произошло в модной туристской гостинице «Пара-Лодж», построенной в национальном парке Мерчисон-Фолс.

Но прошло совсем немного времени, и за мной в том же туристском лагере увязался уже другой слон, на этот раз подросток, по кличке Чарли. Когда я ночью возвращался из ресторана в свою комнату, расположенную в отдаленном коттедже, он так внимательно меня оглядывал, что я предпочел пробираться к себе за домами, а большие открытые площадки пересекал чуть ли не бегом.

Когда туристы садились ужинать, Чарли подходил совсем близко к окнам столовой и с завистью взирал на стол. Он вел себя, как ребенок, который, прислонясь лбом к витрине кондитерского магазина, с вожделением разглядывает заманчивые сладости. Однажды он своими короткими бивнями так сильно надавил на раму, что выбил ими сразу три стекла. Ничуть не испугавшись шума и звона, он проворно просунул хобот в образовавшееся отверстие и стал шарить по столу. А несколько дней спустя он пристал к директору ресторана, стараясь отнять у него какие-то продукты, так что тому пришлось взобраться на веранду и отбиваться от него палкой.

А одна слониха получила кличку Мусорщица Нелли, потому что вместе со своим слоненком Билли повадилась рыться в помойных ведрах. Когда кто-то из туристов вздумал на близком расстоянии с веранды сфотографировать ее детеныша, она бросилась в атаку. Лесничему едва удалось втолкнуть незадачливого фотографа в комнату. Не добежав двух метров до «обидчика», Нелли повернулась и ушла.

В другой раз малыша Билли страшно заинтересовала радиомачта. Он с такой силой стал тянуть за железные тросы, удерживающие ее в вертикальном положении, что верхняя часть антенны свалилась, причем прямо на спину его матери. Оба слона ужасно перепугались и бросились наутек. Но это не помешало Билли вскоре сломать прибитый при въезде в туристский лагерь щит с надписью, предупреждающей посетителей быть осторожными с полуручными

слонами. Кроме того, он дважды старательно пытался сдвинуть машины с места их стоянки. К сожалению, Билли погиб, не достигнув трехлетнего возраста: по-видимому, он проглотил что-нибудь несъедобное из мусорного ящика. В экскрементах слонов, пристрастившихся рыться в помойных ямах, нередко можно обнаружить полиэтиленовые мешочки и пергаментные обертки от ветчины.

Возможно, именно повышенной любознательностью слонов и присущей им игривостью можно объяснить тот факт, что они часто попадают в проволочные удавки, расставляемые браконьерами для других животных. Такая петля, затягиваясь вокруг хобота, постепенно все глубже врезается в тело и вызывает страшные нагноения. Мне уже дважды пришлось встречать слонов с такими ранами. Однажды лесничий из Ахоли в Уганде увидел слона, хобот которого попал в такой капкан. Когда лесничий некоторое время спустя вернулся к месту происшествия с вооруженным провожатым, слон уже исчез, а в петле висел оторванный кусок хобота длиной около метра. Такого бесхоботного слона видели как-то в Малави во время кормежки: он пасся, стоя на коленях, и, видимо, справлялся с этим вполне успешно, потому что выглядел достаточно упитанным.

* * *

Попробуйте как-нибудь не пустить слона туда, куда он хочет пройти, разумеется, не применяя стрельбы.

Несколько лет назад в Замбии возле реки Саньяти, в 100 километрах выше по течению знаменитой плотины Кариба, соорудили высоченную изгородь. Предназначалась она для того, чтобы помешать диким животным, обитающим в низменности Замбези, проникать в густо заселенные людьми окрестные районы. Эта изгородь, возведенная прямо посреди леса, очень часто повреждалась слонами и во многих местах была ими проломана. Поэтому пришлось вырубить с обеих сторон широкие просеки, да еще нанять сторожей, которые выстрелами в воздух должны были отпугивать «злоумышленников». В общем и целом это помогло.

Изгородь состоит из восьми стальных тросов, каждый из которых выдерживает натяжение до 550 килограммов. Тросы привязаны к столбам из прочного дерева, врытым в землю на целый метр. Если порвать такой трос, то концы его, отскочив, могут ударить с чрезвычайной силой.

И тем не менее двум слонам все же удалось перебраться через это мощное заграждение. Сначала они безуспешно пытались его разрушить, потом пришли в ярость и вырвали с корнем 40 деревьев, росших поблизости. Шесть из них толщиной примерно в 25 сантиметров они подтащили к изгороди и бросили на тросы. От тяжести деревьев тросы прогнулись настолько, что слонам удалось через них перелезть. Спустя неделю они таким же способом проникли обратно, использовав для этой цели один мощный древесный ствол.

Кому хочется узнать, как в Африке строят «слоноупорные» из-

городи, тому надо съездить на юг материка в маленький национальный парк Аддо, занимающий всего 67 квадратных километров. Там, недалеко от Порт-Элизабета, на самой южной оконечности Африки, в 1931 году выделили участок земли и объявили его заповедной зоной. Туда и согнали последнюю дюжину южноафриканских слонов.

Сначала все шло хорошо и число животных увеличилось до 25. Но потом пошли неприятности. Дело в том, что парк со всех сторон окружен жилыми поселками: здесь примерно 30 ферм, на которых проживает не менее 150 европейцев и около 300 африканцев. К 1949 году положение сделалось прямо невыносимым — почти еженощно слоны «нарушали» границы парка и чинили всяческие безобразия: сносили заборы, вырывали из земли водопроводные трубы, разрушали плотины, портили сады, затаптывали огороды, а иногда убивали и домашних животных. Люди испытывали панический страх перед этими великанами, внезапно, без всякого предупреждения появляющимися из ночной тьмы. Фермеры палили в слонов (иногда, действительно, в случае опасности для жизни, а то и без оной), а подранки начинали потом преследовать других людей, как правило, смотрителей парка.

Однажды ночью пять слонов пересекли железнодорожное полотно. Когда они на рассвете возвращались обратно, как раз подходил товарный поезд. Четыре слона успели перебежать через линию, а одна слониха замешкалась. Яростно заскрипели тормоза, но было поздно: смертельно раненая слониха покатилась под откос. Четырнадцать дней спустя такая же участь постигла вожака этого стада.

А один большой самец то и дело стал нападать на крестьян, работающих в поле; тем приходилось спасаться бегством и забираться на железные конструкции ветряков. В один прекрасный день этот слон решил вступить в единоборство с паровозом. Однако паровоз оказался сильнее, и покалеченный слон едва унес ноги. Из-за него пришлось на некоторое время закрыть парк для посетителей.

Год спустя тот же слон снова появился на железнодорожном полотне. Однако, завидя приближающийся поезд и вспомнив, по всей вероятности, о своем горьком опыте, он повернулся и опрометью бросился бежать, но оказался недостаточно расторопным, и его задняя нога попала под колесо. Слон издал дикий вопль и, хромая, на трех ногах заковылял прочь, однако, пройдя 20 метров, рухнул на землю. Всю ночь напролет раздавались его предсмертные стоны и крики, но спасти его не было никакой возможности. Остальные слоны обступили его со всех сторон. Жизнь в нем медленно угасала. С его смертью слонов в парке осталось всего 17, и среди них только три полноценных производителя.

Вот тогда-то и приняли решение отгородить национальный парк от окружающих его ферм прочной изгородью. В середине 40-х годов был испробован вариант с колючей проволокой, через которую пропускали слабый ток. Однако такое заграждение оказалось для

слонов не помехой. Они по-прежнему продолжали прорываться за пределы парка и бедокурить на соседних фермах.

Прошло немало времени, прежде чем национальному парку удалось раздобыть достаточную сумму денег на постройку прочного заграждения. Начали строить с 1951 года, а закончили только в 1957 году. Заграждение это состоит из старых трамвайных и железнодорожных рельс, вкопанных в землю на глубину 1,8 метра и торчащих кверху на 2,4 метра. Расстояние от одного столба до другого составляет 7,5 метра, но между ними через каждые 2,5 метра вкопаны еще дополнительные деревянные столбы из особо твердой древесины. Между столбами в несколько рядов натянут толстенный стальной трос, который используется обычно в лифтах или угольных шахтах. Для лучшего натяжения тросы соединены между собой свободно висящими бревнами, не доходящими до земли. Эти бревна сплошь утыканы острыми шипами, чтобы отбить у слонов охоту обхватывать их хоботом и тянуть.

Подобная ограда не рушится даже тогда, когда слон, разбежавшись, наваливается на нее изо всей силы. Только таким дорогостоящим способом удалось отгородить 25 квадратных километров непролазной чащобы от окружающего мира. И все это исключительно ради слонов. С тех пор они успели благополучно размножиться.

Подобное заграждение, только намного короче, можно увидеть в национальном парке Маньяра в Танзании. Там оно тянется между озером и отвесным склоном Большого Грабена.

* * *

На меня лично слон напал только один **раз.**

Произошло это в национальном парке Куин-Элизабет, где мы с моим сыном решили сфотографировать хорошенького маленького слоненка. Только мы вылезли из машины и начали устанавливать камеру на штатив, как появилась слониха, явно недовольная нашими манипуляциями. Пока мы совещались, она угрожающе оттопырила уши и бегом направилась в нашу сторону. Мы поняли, что шутить она не намерена, и с необыкновенной проворностью прыгнули в машину, захлопнув за собой дверцу. Но, как всегда в подобных случаях, мотор, как назло, не заводился. Впрочем, слониха остановилась совсем рядом, не пытаясь даже дотронуться до машины. Она просто хотела нас прогнать.

Слоны вообще чрезвычайно редко связываются с автомобилями. Тем не менее был случай, когда два пассажира, спавших в машине, «на свежем воздухе», возле туристской гостиницы национального парка Мерчисон-Фолс, были не на шутку перепуганы, увидев, как в окно их автомобиля просунулся слоновый бивень.

Известен случай, происшедший с тремя южноамериканскими профессорами, осматривавшими вместе со своими студентами на микроавтобусе национальный парк Киву в Заире. Внезапно, без всякой видимой причины, на них напали два слона. Профессору Гиверсу удалось, сидя в машине, запечатлеть на пленку атакующе-

го слона, но в следующую же минуту разъяренное животное раздавило мотор, пробило бивнями боковую стенку кузова и опрокинуло машину набок. У профессора оказались сломанными обе ноги, а слон бросился наутек. Не пробежав, однако, и нескольких сотен метров, он почему-то замертво рухнул на землю. Причину его внезапной смерти выяснить так и не удалось. А профессору вручили один из бивней на память об этом приключении.

* * *

Совсем недавно, в 1965 году, в ЮАР довольно внушительная группа слонов пересекла асфальтированное шоссе, ведущее через национальный парк Крюгера. Животные не торопились, и поэтому дорога в течение 15 минут оказалась полностью блокированной. Возле «живого шлагбаума» собралось уже несколько автомашин. Когда одна из малолитражек начала нетерпеливо сигналить, огромный самец, прикрывающий переход через дорогу слоних со слонятами, грозно обернулся, оттопырил уши (верный признак раздражения), затрубил и быстрыми шагами решительно направился в сторону нарушителя спокойствия. Великан поддел своими бивнями и хоботом передний мост машины и приподнял ее, причем сильно помял кузов. Но этого ему показалось мало. Встряхнув машину еще два раза и оттащив ее на пять метров в сторону, он сбросил ее с дороги в кювет. К счастью, сидящие внутри пассажиры — супруги Бауэры — отделались легкими ушибами, но когда они вылезли из машины, то вид у них был весьма бледный. Газета «Кэп Таймс» заканчивала сообщение об этом происшествии такими словами: «У господина Бауэра своя собственная ремонтная мастерская, так что починка машины обойдется ему недорого».

* * *

На картинках, изображающих слонов в момент нападения, художники обычно рисуют их с оттопыренными ушами и с поднятым хоботом. Это наводит на мысль, что с помощью обоняния и слуха слоны стремятся побольше узнать о противнике.

Правда, я лично ни разу не замечал, чтобы атакующий слон поднимал кверху хобот, хотя мне неоднократно приходилось фотографировать их с близкого расстояния. От людей, работающих со слонами, я тоже не слышал ничего подобного. Наоборот, слон, идущий на врага, подворачивает хобот под подбородок, и низко наклоняет голову, становясь по мере приближения как бы все «меньше». То же самое подтверждает господин Ж. Жилетт из Южной Родезии, машину которого атаковала слониха. Она пробила бивнями радиатор и откатила машину на 30 метров назад по шоссе, прежде чем водителю удалось затормозить. «Уши у нее при этом были плотно прижаты к голове, а хобот подвернут вниз»,— сообщал впоследствии «пострадавший», которому удалось выйти из всей этой истории целым и невредимым.

В 1958 году в Уганде, в парке Куин-Элизабет, слон чуть было не убил одного моего знакомого кинооператора. Это случилось во время съемок возле реки Ньямугазани. Нарушив запрет, этот оператор вылез из машины и стал снимать пасущихся слонов. Неожиданно один из них повернулся и погнался за незадачливым фотографом. Он вытащил его хоботом из кустов, куда тот спрятался, и трижды подбросил в воздух. К счастью, оператор отделался только небольшой раной на ноге и переломом щиколотки.

В том же году слон вне границ национального парка убил двух африканцев. Этого слона застрелили. Подобные случаи, как правило, происходят по вине браконьеров, ранивших этих животных, или по милости самоуверенных, но неумелых европейских охотников, обзаведшихся лицензиями; за их промахи потом приходится расплачиваться невинными жертвами.

* * *

Один африканский дорожный инспектор ехал на велосипеде через национальный парк Мерчисон-Фолс в Масинди, где лежала в больнице его беременная жена. Занятый мыслями о супруге, он даже не заметил, как внезапно очутился прямо посреди стада слонов. Вот что он рассказал впоследствии: «Я оказался в окружении слонов — они были и спереди, и сзади меня, и справа, и слева — словом, повсюду. Я слез с велосипеда и на несколько минут замер на месте. Мое присутствие как будто нисколько не взволновало животных, хотя они меня, безусловно, заметили и внимательно разглядывали. Спустя некоторое время они решили уйти, и у меня отлегло от сердца. Но тут одна из слоних надумала вернуться и напасть на меня. Я бросил ей под ноги велосипед и пустился бежать с такой скоростью, которую мне еще никогда не приходилось развивать. Однако слониху велосипед нисколько не заинтересовал, и она продолжала меня преследовать. Тогда я снял на ходу плащ и бросил ей. Но и плащ не произвел на нее никакого впечатления. Погоня продолжалась. Я обернулся и бросил в нее ботинком, но и это не отвлекло ее внимания от моей особы, она явно жаждала крови. Тогда я поднял длинную палку, валявшуюся у обочины дороги. Но слониха тут же ухватилась за другой конец палки, и так мы вдвоем, держась каждый за свой конец, пробежали еще некоторое время. Мне казалось, что я лечу, как птица, но силы мои быстро истощались, я бежал все медленнее, а слониха все быстрее. Я уже почувствовал затылком прикосновение ее влажного хобота — она, видимо, намеревалась схватить меня за шиворот. Но тут я споткнулся и упал ей под ноги. Слониха остановилась как вкопанная, наклонила свою огромную голову и вонзила свои бивни в землю по обе стороны моего тела. К счастью, я такой худой, что ей не удалось пришпилить меня, словно бабочку на булавку. Изловчившись, я вылез из своей куртки и в отчаянии засунул ее в рот рассвирепевшей слонихи. Та от неожиданности меня выпустила, поддала мне напоследок ногой и убежала. Я почти потерял сознание, но еще на-

шел в себе силы на коленях проползти примерно 200 метров к обочине дороги. Придя в себя, я встал и побрел назад в лагерь дорожных строителей. А оттуда меня отвезли в больницу в Масиди».

* * *

В особенно засушливое лето 1951 года в северной Кении даже слоны умирали от жажды. Часами простаивали возле колодцев, стараясь отнять ведра и кувшины с живительной влагой у пришедших за водой женщин.

Такие колодцы бывают обычно вырыты в глубоких ямах, и местным жителям приходится поднимать наверх воду при помощи лестниц и веревок. Люди, работающие на подаче воды, не решались уйти домой, прежде чем их одежда полностью не просохнет, потому что измученные жаждой слоны, чуя влагу, преследовали их всю дорогу.

* * *

До сих пор еще не удавалось найти точного объяснения следующей особенности в поведении слонов: если они находят трупы людей, то непременно старательно прикрывают их ветками, листьями или травой. В 1954 году в северной части Кении полуслепая старуха из племени туркана сбилась с дороги, и ей пришлось заночевать в лесу. Она выбрала дерево, нижние ветки которого почти стелились по земле, залезла под них и там уснула. Ночью ее разбудил крик слона. Он нащупал ее хоботом и, по-видимому, принял за мертвую. Тогда он начал обламывать ветки с ближайших деревьев и осторожно накрывать ими старуху. На другое утро группа людей, отправившаяся на поиски пропавшей, нашла ее под грудой веток высотой в полтора метра, из-под которой она не в силах была сама выбраться.

Один фермер в Конго (теперешнем Заире) хотел выстрелами прогнать слона со своих плантаций пиретрума, но раненое животное схватило обидчика и подбросило его высоко в воздух. Ударившись о землю, фермер потерял сознание. Очнулся он с переломанными ребрами под грудой сучьев. В Танзании в районе Килва близ Макумби слон убил одного из смотрителей парка. Тело его нашли засыпанным землей, поверх которой разъяренное животное нагромоздило еще кучу хвороста.

Доктор Вольф Дитрих Кюме, который довольно долгое время сотрудничал в Лаборатории имени Михаэля Гржимека в Серенгети, однажды проделал следующий опыт. Было это в Опельском зоопарке, расположенном в горах Таунус[1]. В пять часов утра он лег невдалеке от мусорной ямы на землю и притворился мертвым. Африканские слоны находились за загородкой в двух метрах от него. Вожак стада, заметив неподвижно лежавшую фигуру, немедленно

[1] Хребет Таунус расположен на территории ФРГ.— *Прим. ред.*

прннялся забрасывать ее навозом, сучкамн и гравием. Когда доктор Кюме встал, то на земле четко выделялся силуэт его тела — пустое место среди набросанной кучи мусора.

То, что прирученные слоиы прекрасно отличают своих сторожей в зоопарке или дрессировщиков в цирке от других людей, общеизвестно. Правда, это касается чаще всего азиатских слонов.

То же самое я заметил и у рабочих слонов, содержащихся на станцнн «Гангала на Бодио», в лесах Итури. Несмотря на все наши заигрывания, этн слоны держались по отношеиию ко мне и моему сыну Михаэлю весьма настороженно, в то время, как с наездниками н погонщнками-африканцами они вели себя очень дружелюбио и покорно. Тогда моему сыиу пришла в голову счастливая идея: он вымазал себе лицо, руки и ноги чериой краской, надел униформу наездника и пошел к слонам. И что же? Животные, которые до этого каждый раз боязливо от иего пятились, спокойно позволили ему взобраться иа себя, охотно катали его на спиие и вообще исполияли любое его приказание. Поведеиие слоиов по отиошению к нам, людям, стаиет понятным, если поближе ознакомиться с их взаимоотношениями с другими животными.

* * *

Врагов у африканских слоиов практически нет, исключая, конечно, вооружеииого современиым оружием человека. Может быть, именио поэтому эти великаиы так великодушиы по отношению к другим существам. Водяные козлы, антилопы импала, кафрские буйволы, да и совсем малеиькие аитилопы могут спокойио пастись рядом с этими серыми колоссами. Все животные, даже носороги, бегемоты и львы, непременно первыми уступают дорогу взрослому слону, если повстречаются с ним где-либо на узкой тропинке, отгороженной с обеих сторои кустарником.

Как-то Б. Никольсону пришлось наблюдать за иебольшим стадом слонов, пасшимся на самом берегу реки Киломберо в Танзании. Стадо состояло из животных, среди которых лишь одно имело бивни; даже у возглавлявшей стадо слонихи бивней не было. Внезапно эта слониха чего-то явно испугалась, попятилась и низко опустила голову (поза обороны). В тот же момент из оврага вылез носорог и направился в ее стороиу. Однако, когда он приблизился на расстояние четырех-пятн метров, мужество его покинуло, и он повернул назад. Трижды носорог возобновлял свои атаки на это стадо, явно желая прогнать его со своего пастбищного участка, но так ничего и не добился. Не добежав нескольких шагов, он поворачивал вспять, пока наконец не убежал совсем, подняв свечкой свой смешной хвостик. Слоны же все это время лишь обороиялись.

В парке Крюгера столкновение между слоном и носорогом окончилось не так благополучно: после отчаянной схватки носорог остался лежать на поле бнтвы, пронзенный в четырех местах бивнями.

Виднмо, слоны не страшатся и крокодилов, потому что спокойно подходят к воде и даже нередко заходят в нее.

Правда, однажды полковнику Редфорду удалось быть свидетелем забавной сценки. Он проезжал на моторной лодке по Виктория-Нилу через национальный парк Мерчисон-Фолс. На берегу группа слонов пила воду. Вдруг один слон испуганно выдернул из воды хобот и вытащил вцепившегося в него полутораметрового крокодила. Отшвырнув рептилию далеко в сторону, слон поспешно убежал.

Со львами дело обстоит подобным же образом, Так, А. Шис, находясь в юго-западной части Африки, однажды заметил, что огромный слон несколько раз подряд предпринимал злобные атаки в сторону одиноко стоящего дерева мерулы. Затем он изменил тактику, обошел дерево кругом и атаковал его с другой стороны. И тут высокая трава возле самого ствола зашевелилась. Великан, видимо, устыдившись собственной трусости, решительно двинулся к меруле.

Результат был сногсшибательным: затаившиеся возле мерулы четыре льва, словно их подорвали динамитом, высоко подпрыгнули и бросились в разные стороны. Только один молодой лев остался спокойно стоять и с любопытством рассматривал бушующего великана. Заметив смельчака, слон стал нерешительно топтаться на месте, совершая такие комичные телодвижения, которые можно увидеть только в мультипликационных фильмах Диснея.

Несколько секунд лев и слон не спускали друг с друга глаз, готовые броситься бежать. Наконец, у юмбо сдали нервы, и он, громко трубя, стал отступать, после чего лев спокойно вернулся на свое место под деревом. По движению травы было видно, что остальные его собратья тоже успокоились и вернулись на прежнее место. Слон же еще постоял несколько минут в раздумье, разглядывая дерево, а потом повернулся и побрел к пруду. Когда он проходил мимо зарослей кустарника, ему, по-видимому, пришла новая мысль. Прячась за кустами, он снова стал подкрадываться к дереву, но на сей раз очень осторожно. На какое-то время мы потеряли его из виду, но затем вдруг его громадная голова появилась над кустами: хобот был высоко поднят в воздух. Постепенно этот хобот опускался, пока, словно указующий перст, не протянулся в сторону дерева, напоминая змею, готовую к броску. Львы не шевелились. Тогда слон повернулся, еще раз бросил взгляд в сторону злополучного дерева и пошел на водопой.

В Ванкне-парке лесничий заметил тяжелораненого старого слона, у которого было явно дурное настроение. Лесничий обнаружил, что одной ногой слон стоял на кабане-бородавочнике, которого незадолго до этого убил, по-видимому, гепард. Слон прогнал гепарда от его добычи и караулил ее, придавив передней ногой. Когда слон ушел, гепард не заставил себя долго ждать: он тут же вернулся и принялся за прерванную трапезу.

Никогда нельзя заранее предсказать, что взбредет в голову толстокожему, какие планы зреют в такой чудовищно огромной череп-

ной коробке. Так, в сентябре 1957 года в парке Куин-Элизабет на дне кратера возле маленького топкого болотца стояли 13 слонов, которые пришли сюда на водопой. Примерно в 20 метрах от них ждали своей очереди два взрослых кафрских буйвола с довольно большим теленком. Один из слонов решил прогнать конкурентов. Сначала он сделал в сторону буйволов несколько ложных выпадов, а затем подбежал, схватил хоботом их теленка, бросил с размаху на землю и стал медленно топтать несчастное животное. Мамаша-буйволица безуспешно старалась отбить свое дитя — ничто не помогало. Под конец слон еще наподдал теленку бивнями и после этого удалился. Тогда буйволица подошла к своему детенышу и лизнула его — он еще шевелился. Он даже приподнялся на передние ноги, но вся задняя часть его тела была разбита, и когда он попытался последовать за матерью, то тут же рухнул на землю. А та, видимо, поняла, что ждать безнадежно, и медленно побрела вслед за буйволом.

В национальном парке Крюгера африканских рабочих лагеря Летаба по ночам частенько беспокоили дикие животные. Поэтому лесничий разрешил им завести собаку, что вообще-то в национальном парке запрещается. Этот пес прославился тем, что неоднократно отгонял слонов. Слоны пробовали вначале убить нахальное и шумливое существо, но им никак не удавалось его схватить. Пес изворачивался, лаял и хватал их за задние ноги. Вскоре все соседние слоны узнали о «непонятном и опасном страшилище» и обходили лагерь стороной, не решаясь приблизиться более чем на 100 метров. Держа их на таком почтенном расстоянии от лагеря, собака больше ими не интересовалась.

Почему же гиганты, не знающие себе равных по силе, испугались маленькой собачонки? Может быть, это объясняется страхом этих животных перед незнакомыми вещами? Ведь собака — животное, совершенно диковинное для слона. А слоны так же недоверчивы, как лошади.

Но вот приписываемая им боязнь перед мышами — это сущая выдумка. Кому-то пришло в голову, что мыши якобы могут забраться слону в хобот и тем самым довести его до удушья. И белые и чернокожие лесники охотно рассказывают эту басню. Между тем слону стоит только дунуть, и мышка (если бы она забралась в хобот) вылетела бы наружу. Кроме того, слоны могут дышать и ртом. В зоопарке я опытным путем проверил отношение слонов к мышам и убедился в том, что слоны без малейшего страха протягивали свой хобот к этим маленьким животным, чтобы их обнюхать. Но перед запущенными к ним в загон кроликами и таксами они испуганно отступали, забрасывая их издали песком и камнями и топая на них передней ногой.

* * *

Возможно ли убежать от нападающего слона? Африканский слон обычным шагом за час проходит от четырех до шести километров, то есть примерно столько же, сколько человек. Но он способен увеличить эту скорость вдвое и не сбавлять ее в течение нескольких часов. Если слоны, испугавшись чего-либо, убегают или же на кого-то нападают, они могут развить скорость и в 30 километров в час. Следовательно, они быстроходнее, чем бегун-спринтер, но не в состоянии перегнать верховую лошадь, антилопу и большинство хищных кошек. Кроме того, слоны могут быстро бегать лишь на короткие дистанции, не более 100 метров. Зато пробираться сквозь чащобу им значительно легче, чем более мелким животным или человеку: они прокладывают себе дорогу сквозь заросли тяжестью своего тела. Слоны не способны перейти в галоп, не умеют прыгать, и поэтому сравнительно невысокие, но отвесные стенки представляют для них непреодолимую преграду. Так, в Нюрнбергском зоопарке слоны уже десятки лет отгорожены рвом шириной в 1 метр 70 сантиметров, глубина которого в самом мелком месте составляет всего 1 метр 40 сантиметров.

Зато эти тяжеловесные животные отлично умеют лазить по крутым склонам и, как уже было сказано, забираются иногда высоко в горы. Так, в горах Заира мы с трудом карабкались по слоновой тропе: настолько круто она шла вверх. А между тем мы заметили, что слоны за ночь проходили по ней более 80 километров.

* * *

Долгое время было распространено мнение, будто бы слоны спят стоя и никогда не ложатся на землю. Профессор Хедигер, проследив за индийскими цирковыми слонами, опроверг это мнение. Слоны ложатся на землю, но чаще всего только после полуночи. Старые слоны лежат всего от двух до трех часов, молодые — дольше.

Мне самому ни разу не доводилось увидеть на воле лежащего или лежа спящего слона. Однако в девственных лесах Берега Слоновой Кости я не раз натыкался на лежки слона, где он незадолго до этого спал: в мягком грунте отчетливо отпечатались все формы его тела.

Во время своего пребывания на станции по приручению слонов «Гангала на Бодио», я иногда ночью осторожно заходил в помещение, где содержались слоны. Если это было до полуночи, то, как правило, все слоны были на ногах: после полуночи 12 слонов из 16 спали, лежа на земле. Мне удалось заснять это при вспышке магния.

Слоны не просыпались от толчков и звуков, которые исходили от их сородичей, однако от магниевой вспышки моего аппарата они все разом вскочили на ноги.

Видимо, в зоопарках слоны сейчас же вскакивают на ноги, как

только в неурочное время начинают поворачивать ключ в замке. Поэтому их и не удавалось застать в лежачем положении. С другой стороны, было замечено, что лежа слоны могут впасть в очень глубокий и крепкий сон.

Служитель слоновника в нашем зоопарке однажды случайно оказался запертым вместе со слонами. Поскольку выйти через основную дверь было невозможно, он решил воспользоваться запасным выходом. Но чтобы туда добраться, ему пришлось перелезть через всех лежащих на земле спящих слонов, и ни один из них даже не шелохнулся. Правда, служителя этого слоны хорошо знали и доверяли ему.

Другой случай произошел в 1963 году в Мерчисонском национальном парке в Уганде. Несколько рабочих, работавших близ туристской гостиницы «Пара-Лодж», придя туда ранним утром, увидели мертвого слона, они решили, что неплохо было бы отрубить у слона бивни и получить за них вознаграждение. Один из рабочих побежал за топором, а другой остался караулить мертвое животное. Когда первый вернулся, они все же решили на всякий случай кинуть камнем в лежащего на земле слона. Трудно описать испуг этих людей, когда «мертвый» слон вдруг вскочил на все четыре ноги и, громко затрубив, кинулся на обидчиков. Хорошо, что те догадались броситься в разные стороны, а не в одну.

Укладываясь спать, слоны часто подкладывают себе под голову «подушку» из веток и травы, приготовленных им для корма. В зоопарках во всяком случае это бывает так, не знаю, как на воле. Если слон спит стоя, он опускает голову и старается бивнями опереться о землю. Хобот при этом тоже касается земли. Эта поза характерна для лесных слонов, у которых бивни круче направлены вниз.

* * *

Слоны умеют плавать, но делают это весьма редко, несмотря на то что купаются они очень охотно. В парке Куин-Элизабет близ туристской гостиницы «Мвея-Лодж» часто можно наблюдать слонов, переплывающих залив Казуга. В Мерчисонском же парке быстро текущий Викторня-Нил служит непреодолимой преградой для двух популяций слонов, живущих по разным берегам реки. Зафиксированы лишь отдельные, весьма редкие случаи, когда какой-нибудь слон решался пуститься вплавь на противоположный берег.

Увидев однажды плывущего слона, смотритель парка догнал его на моторной лодке и посмотрел, как такая махина передвигается в воде. Слон сначала пришел в замешательство от столь близкого соседства лодки, но затем успокоился и продолжал плыть в прежнем направлении. Плывет слон довольно своеобразно: сперва он целиком уходит под воду, затем на поверхности появляется хобот, а за ним — голова. Манера слона плавать напоминает стиль кроль.

Второй раз здесь заметили слона, плывущего от Пары к Намзики. Это был старый самец с висячими ушами, и чувствовалось, что плыть ему очень тяжело. Выбраться на берег ему тоже стоило немалых усилий.

* * *

Какие звуки умеют издавать слоны? Волнуясь (во время атаки, от испуга или когда отдельное животное отбилось от стада), они могут резко трубить. По словам охотников, подраненные слоны издают настоящий рев; правда, сам я его никогда не слышал.

Много гадали вокруг странного клокотания или урчания, которое порой издают слоны. По-английски эти звуки называют to purr или rumble, что буквально означает «урчание в желудке». До самого последнего времени считалось, что слоны производят их желудком или кишками. Но против говорит тот факт, что это звуки не непроизвольные; слоны способны ими управлять (например, умолкнуть, если к ним подкрался человек); кстати, они никогда не издают их во сне. Следовательно, такое урчание подвластно центральной нервной системе, в то время как самостоятельно функционирующие желудок и кишки не имеют мускулов, управляемых мозгом.

Одиночные животные таких звуков не издают, зато у слонов, собравшихся в группу, их услышишь почти всегда. Скорее всего это своеобразный способ общения между животными, дающий им возможность удостовериться, что другие члены стада никуда не ушли, а также своего рода паспорт, удостоверение личности, как бы подтверждающие «я — слон» при встрече с другими, незнакомыми сородичами.

Специалист по слонам И. О. Басс, долгое время изучавший животных в Уганде, тоже бился над разгадкой значения таких звуков, но разгадать их удалось ему только позже в Базельском зоопарке. Там служитель, к которому животные очень привыкли, умел «уговаривать» слонов урчать. Стоило начать урчать одному из слонов, как немедленно подходили другие, и вскоре И. О. Басс и служитель оказывались в тесном кольце животных.

Басс проделал следующий опыт: он положил одну руку на глотку урчащего слона, и другой накрыл кончик его хобота. Руки явно ощущали вибрацию глотки и струю воздуха, рывками выталкиваемого из хобота.

Какую роль это урчание играет в общении между полами или в иерархических взаимоотношениях в стаде, пока остается невыясненным.

* * *

Неоднократно наблюдались случаи, когда слоны пытались помочь своим раненым собратьям. Так, сотрудник Управления охоты в Танзании пишет: «В районе Тундуру близ реки Рувума я выстре-

лом раздробил плечо крупного самца. Две слонихи, которые уже, было, пустились наутек, услышав крик, взывающий о помощи, тотчас же вернулись назад. Они с двух сторон вплотную подошли к раненому и пытались его полунести, полутащить. Я боялся, что им это и на самом деле удастся, поэтому забежал сбоку и стал на них кричать, пытаясь прогнать. Но не тут-то было. Одна из слоних повернулась и пошла прямо на меня. Я был вынужден ее пристрелить. И только после этого мне удалось добить и слона. Испугавшись выстрелов, вторая слониха пошла прочь, то и дело останавливаясь и оглядываясь. Когда же она увидела, что самец рухнул на землю, она, по-видимому, поняла, в чем дело, и медленно, как-то грустно побрела прочь».

То, как слоны делают попытки поднять своих застреленных товарищей, видели уже много раз. Иногда целое стадо слонов, трубя и крича, возвращается к рухнувшему на землю сородичу и старается ему помочь. Некоторые охотники воспринимали подобные действия как «массовую атаку слонов».

Смотритель Патулани Нгуни получил распоряжение прогнать четырех слоних, упорно топчущих плантации и сады в Замбии. Он застрелил слониху-вожака. Тогда другая слониха бросилась на смотрителя и преследовала его более чем полкилометра, но затем повернула обратно к убитой. Когда Нгуни вернулся, он застал оставшихся слоних собравшимися вокруг туши. Они старались приподнять мертвое животное, поддевая его хоботами под голову, под бивни, хватая за ноги и поперек спины. Но приподнятая туша вновь валилась на землю. Во время одного из падений отломился один из бивней мертвой слонихи. Сородичи тотчас же схватили его и отбросили прочь на пять метров. В течение примерно четырех часов животные оставались возле погибшей слонихи-вожака и занимались тем, что валили деревья вокруг. Придя сюда на следующее утро, Нгуни нашел мертвую слониху засыпанную ветками дерева мопани.

Другой смотритель в Замбии наблюдал возле протоки Катете, как слоны в течение полутора часов пытались поднять своего застреленного собрата, таща его за голову и за передние ноги.

Никольсон пишет: «Мне удалось установить, что самцы обычно стараются оказать помощь упавшему самцу, самки приходят на помощь и самцам и самкам, но странно, что ни разу мне не довелось увидеть, чтобы самец сделал хоть малейшую попытку помочь упавшей на землю слонихе».

Дэвид Шелдрик, лесничий, много лет проработавший в кенийском парке Цаво, утверждает, что слоны зачастую выламывают бивни у мертвых сородичей и уносят их более чем за полкилометра, а иногда швыряют об скалы или деревья, разбивая вдребезги. Прежде всегда грешили на гиен, считая, что это их проделки. Однако гиены не в состоянии утащить бивень весом в 35—45 килограммов на такое далекое расстояние, а тем более разбить его обо что бы то ни было.

* * *

В общении слонов между собой большую роль играют движения ушей и обоняние. Выяснить это удалось зоологу В. Кюме, годами наблюдавшему за двумя слонами и одной слонихой, находящимися на полувольном содержании в Опельском парке. У этих животных была довольно обширная вольера, и по ночам их не сажали на цепь. От них уже неоднократно получали приплод.

Итак, об ушах. В зависимости от температуры воздуха слоны машут ушами то быстрее, то медленнее. Если температура поднимается даже только на полградуса, уши все равно начинают двигаться быстрее. Агрессивность, намерение напасть на кого-нибудь, тоже выражается вначале движениями ушей: они резко оттопыриваются в сторону и начинают двигаться гораздо быстрее, чем это вызывается температурой воздуха. Животные, стоящие на низших ступенях иерархической лестницы, в присутствии вышестоящих не решаются сильно размахивать ушами, даже если температура воздуха того требует. Только при испуге и желании убежать уши бывают плотно прижатыми к голове.

Когда слоны копают ямы, они становятся на колени и отбрасывают землю своими бивнями. Они любят кататься по земле, забрасывать себя пылью и песком, который сначала сгребают в кучу, а затем набирают в хобот и с силой кидают себе на спину. Точно так же они забрасывают себя и ветками, листьями, травой, землей и навозом. Иногда они энергично трясут поднятой кверху головой, да так сильно, что передняя нога отрывается от земли и качается в такт этой тряске. Если же слоны кивают головой, часто это, как правило, означает, что они собираются напасть или убежать. Они способны также в течение нескольких минут вертеться вокруг своей оси, словно на карусели.

Поскольку слоны узнают своих сородичей главным образом при помощи обоняния, то они обычно водят хоботом по их головам, ощупывая в первую очередь рот, височные железы и ушные отверстия. Слон-самец часто держит хобот под мышкой у слонихи, время от времени вынимая его и всовывая на несколько секунд себе в рот.

Если слон абсолютно спокоен, уши его не шевелятся, а хобот опущен книзу. Приходя в возбуждение или в агрессивное состояние, он первым делом оттопыривает уши и слегка приподнимает голову; кончик хобота при этом ползет кверху. По мере того как возбуждение растет, хобот поднимается все выше, пока не окажется поверх головы. Если слон переходит в серьезное наступление, его поза снова меняется. Слон, который признает себя побежденным или подчиненным, подворачивает под себя хобот, даже засовывает его в рот или хватается им за кончик уха или височную железу.

Затевая «спортивный поединок», самцы (особенно молодые) становятся друг против друга на расстоянии от пяти до десяти метров. Затем они поднимают голову, забрасывают хобот на лоб, оттопыривают уши и быстро бегут друг другу навстречу, пока не

стукнутся основания поднятых хоботов. В момент столкновения слон старается схватить своим хоботом голову партнера или хоботы их сплетаются между собой, как две борющиеся змеи. Ногами они упираются в землю, и каждый старается своим телом столкнуть противника с места. Если никому из них это не удается, они перестают давить друг на друга и отходят на исходные позиции; спустя несколько минут все повторяется снова.

Когда полуручные слоны, рассердившись на людей, задумывают их наказать, они проделывают это следующим образом: поворачиваются всем телом в сторону обидчика, какое-то мгновение стоят с поднятой головой, оттопыривают уши, а затем с опущенным хоботом быстро начинают приближаться к нему. Чем ближе подходит слон, тем сильнее раскачивается его хобот. Остановившись совсем рядом, слон размахивает хоботом (прикасаясь при этом кончиком его к выводному отверстию либо левой, либо правой височной железы) и с силой ударяет им человека. Удар приходится иногда сверху вниз, иногда сбоку.

Серьезные бои, которые, правда, случаются крайне редко, начинаются так же, как и «спортивные», но затем ведутся с неимоверной яростью и бешенством.

Так, в парке Куин-Элизабет два слона, из которых один был значительно моложе другого, затеяли драку вокруг термитника, где росло небольшое деревце. Они боролись и осыпали друг друга ударами, вертясь вокруг этого холмика. В конце концов младший из слонов вырвал хоботом деревце и угрожающе замахнулся им на противника. Но почему-то не стал применять его как оружие и отшвырнул в сторону. Слоны еще некоторое время продолжали таранить друг друга головами; их бивни с треском сталкивались, а хоботы сплетались в крепкий узел. И хотя у старшего слона раны на голове были значительно серьезнее, младший вдруг струсил, повернулся и кинулся бежать. Другой бросился вдогонку и преследовал его до тех пор, пока не заметил машину лесничего, наблюдавшего за всей этой сценой, и предпочел броситься на нее.

Как-то в Цаво-парке пять слонов пришли на водопой, трое, напившись, ушли, а двое — самцы с тяжелыми бивнями — остались и затеяли драку. Один вдруг накинулся на другого и загнал его примерно на 80 метров в кустарник. Но затем загнанный повернулся к противнику, и начался кровавый бой. У напавшего слона бивни были прямые, как кинжалы, и он пронзил правым из них небо во рту другого, а левым пропорол ему гортань, да с такой невероятной силой, что приподнял противника с земли. Когда агрессор вытащил свои бивни из тела соперника, несчастный упал на колени. Но злодей на этом не успокоился. Размахнувшись бивнями, он пропорол своей жертве плечо и, вероятно, попал в сердце, потому что раненый замертво рухнул на землю.

Победитель снова вернулся к воде и немного попил. Он тоже оказался отнюдь не целым и невредимым: из нескольких ран на его груди обильно текла кровь. Пройдя немного вдоль берега и снова попив, он вернулся назад на поле битвы. Увидя поверженно-

го врага, он опять пришел в ярость и пронзил бивнями голову мертвого животного до самого мозга, а потом начал перекатывать тело на другой бок. После этого он угомонился и встал в тень под ближайшее дерево, находящееся на расстоянии примерно 100 метров.

Один из смотрителей парка, ставший свидетелем этой кровавой драки, решил спуститься с берега и рассмотреть поближе убитого слона. Однако ему пришлось броситься бежать со всех ног, потому что разъяренный слон-убийца его заметил и направился к нему.

Некоторое время спустя к месту страшного поединка подошло другое стадо слонов, намереваясь спуститься на водопой. Однако злюка немедленно бросился его прогонять, и тем слонам пришлось окольным путем добираться до другого места, пригодного для водопоя.

Гордый победитель караулил свою жертву еще около шести часов и только потом ушел в лес.

Бивни убитого слона весили 52 и 49 килограммов, следовательно, это был, безусловно, очень сильный взрослый самец. Напавший на него слон был примерно одинакового с ним размера и имел столь же тяжелые бивни.

Однажды в голове застреленного в провинции Киву (Заир) слона было обнаружено острие бивня его противника, обломившееся и застрявшее у основания черепа. Бивни вообще часто ломаются во время поединков. В Судане был найден убитый во время драки слон, в теле которого торчал большой кусок бивня. Он был разломан на четыре части, которые вместе весили 25 килограммов. Судя по таким находкам, можно представить себе силу ударов, которые наносят друг другу эти исполины.

* * *

К мертвому слону сейчас же со всех сторон слетаются стервятники, и в первую очередь грифы. Быстро исчезает не только мясо, но и кости. Могучий череп скоро выветривается, поскольку состоит в основном из пустот, окруженных тонкими костными стенками.

Неверно утверждение, будто бы никогда нельзя найти мертвого слона. Я сам находил их не раз, и среди них бывали не только застреленные, но и умершие по каким-либо другим причинам. В национальном парке Мерчисон-Фолс за последние несколько лет было найдено 325 слонов, умерших естественной смертью. Это удалось констатировать ученым при осмотре. Тем не менее до сих пор еще ходит легенда о знаменитых «кладбищах слонов» в Африке. Легенда утверждает, будто бы эти мощные животные, почуяв приближение смерти, уходят куда-нибудь в болото или уединенные местности, где потом можно найти целые горы их скелетов. Поводом для подобных сочинений могли послужить массовые отстрелы, которые практиковались в прошлые времена, а также облавы на целые стада во время засухи или окружения их подож-

женным со всех сторон лесом, из которого животным не удается выбраться. Способствует массовой гибели слонов отравление их ядом с целью добычи ценной кости, а возможно, и скопление в низинах удушливого газа, о котором в свое время уже писал доктор Верхарен. В таких низинах может погибнуть сразу много крупных животных. А поскольку трупы слонов, как правило, встречаются лишь поодиночке разбросанными по саванне, огромное их скопление, безусловно, может стать причиной для сочинения легенд о «кладбищах слонов». Племя туркана, например, из года в год в определенных местах (а именно возле бочажков с водой посреди засушливой степи) устраивало ловушки для слонов, и, разумеется, в таких местах со временем скапливалось огромное множество их костей.

* * *

Слоны — настоящие великаны животного царства в полном смысле этого слова. Они и самые тяжелые, и, не считая жирафов, самые высокие сухопутные животные. Известны случаи, когда убивали степных слонов (самцов), весивших 6,5 тонны.

Доктор Лавс в Уганде — в Мерчисонском парке и в парке Куин-Элизабет — обследовал 360 слонов. Средняя высота в холке у самцов в Мерчисонском парке составляла 3 метра 15 сантиметров, в парке Куин-Элизабет — 2 метра 98 сантиметров, а у слоних и там и здесь — 2 метра 72 сантиметра. Средний вес слоних составлял 2766 килограммов, наибольший вес самцов — 6000 килограммов.

Обычно цирковые и зоопарковские слоны (чаще всего слонихи) весят от трех до четырех тонн; слон, весящий пять тонн, считается уже необыкновенно тяжелым. Одна только кожа весит целую тонну. Вес легких составляет 137 килограммов, печени — 105, почки весят 18 килограммов, уши — 80, хобот — 120, скелет — 1600, сердце — 20, мускулы — 2700 килограммов и сало — 100 килограммов. Вот сколько весит разобранный на части слон!

У слона на каждый килограмм веса приходится значительно меньше квадратных сантиметров кожи, чем у более мелких животных. Поэтому он теряет относительно мало тепла через ее поверхность, не нуждается в шерстном покрове и не так уж плохо переносит даже северный климат. Для охлаждения же тела ему служат уши, которые у африканского слона занимают шестую часть поверхности всего тела. Взрослый слон выделяет столько тепла, сколько 30 человек, вместе взятых. Сердце его делает 30 ударов в минуту.

Бивни слона — это не клыки, а резцы верхней челюсти. Встречаются африканские слоны, у которых вовсе нет бивней или имеется только один, или (в виде уродства) целых пять или семь. В Южной Родезии в долине Замбези в 65 километрах восточнее Хирундо встречается много безбивневых слонов; у каждого десятого бивней нет.

Бивни слонов не покрыты эмалью и растут в течение всей жизни, но не более чем на пять сантиметров в год. У слона с каждой стороны челюсти имеется только по одному коренному зубу (правда, размером с хлебный батон), который за время жизни животного сменяется шесть раз (по мере того как стачивается предыдущий). Остатки выпавшего коренного зуба выплевываются, но иногда нечаянно и заглатываются; тогда их можно найти в помете слона.

Бивни прорезываются у слона в возрасте от одного до трех лет. По утверждению доктора Лауса проводившего специальные исследования в угандийских национальных парках, у самок в возрасте 16 лет оба бивня вместе весят в среднем 17,7 килограмма, а у самцов — 109 килограммов.

Но самое удивительное орудие слона — это его хобот. Своим своеобразным «носом»[1] слон может ломать деревья, рыть ямы, убивать других животных и в то же время поднимать мельчайшие монетки. Слон может набрать в хобот 15—20 литров воды, которые затем направляет в рот. Точно таким же образом слон обливается водой. Хобот может гнуться во все стороны, может удлиняться и укорачиваться, потому что состоит из 40 тысяч узлов продольных и кольцевых мышц. Он такой жесткий и упругий, что его почти невозможно перерезать ножом, хотя в нем и нет костей.

И тем не менее слоны могут прожить и без хобота. Так, в Южном резервате Луангва-Валли в течение четырех месяцев наблюдали за годовалым слоном, не имеющим хобота. Он оставался хорошо упитанным, несмотря на то что ему приходилось опускаться на колени, чтобы добраться до плодов диоспироса (Diospyros), которыми он питался. В национальном парке Аддо слон, у которого не хватало кончика хобота, пробавлялся тем, что присасывался обрубком хобота к апельсинам и затем забрасывал их себе в рот. А слон, убитый в районе Изега в Танзании, имел два хобота, причем один из них был недоразвитым, длиной всего в 46 сантиметров и имел на конце только один «палец».

Благодаря хоботу слон способен улавливать запахи и высоко в воздухе, как жираф, и низко на земле, как дикая собака. Опыт показывает, что для слона главное из пяти чувств — это обоняние.

Как-то произошел такой случай. В Замбии одна дама хотела сфотографировать слона, стоящего посреди сухого русла реки. Сама она в это время находилась под большим деревом на берегу. Но не успела она отснять первый кадр, как слон повернулся и пошел прямо на нее. Дама не на шутку перепугалась, бросила на землю яблоко, которое собиралась надкусить, повесила на шею фотоаппарат и приготовилась к поспешному отступлению. Слон медленно приближался, пока не остановился по другую сторону дерева, за которым спряталась перепуганная дама. Затем он не спеша протянул свой хобот, поднял с земли брошенное яблоко, су-

[1] Хобот — это не нос, а верхняя губа, сросшаяся с носом.— *Прим. А. Г. Банникова.*

нуя его себе в рот, повернулся и так же степенно отправился обратно. Все это время его, оказывается, привлекал запах яблока, и именно из-за него он подошел на расстояние метра к человеку.

Как-то в национальном парке Крюгера один из смотрителей заметил тяжело раненного слоненка, подошедшего к бочажку с водой, а затем исчезнувшего в кустарнике. Двумя часами позже возле бочажка появилась группа слонов и поспешно принялась пить. Одна крупная слониха вдруг подняла хобот и принялась нюхать воздух, а затем опустила его книзу и стала обнюхивать землю. После этого она двинулась по следу и нашла дерево, под которым лежал раненый слоненок. Поиски продолжались, слониха передвигалась очень медленно, тщательно изучая хоботом следы на земле. Через час она вышла из кустарника уже вместе со слоненком и присоединилась к общей группе.

* * *

Две тысячи лет назад Плиний писал: «Слону от природы свойственны такие качества, которые редко можно найти у человека, а именно: добросовестность, ум, справедливость и послушание. Как только наступает новолуние, слоны идут к реке, чистятся там и торжественно купаются. После того как животные таким образом поприветствовали планету, они уходят обратно в лес. Когда они больны и лежат на земле, то подбрасывают в воздух траву, словом, приносят небу пожертвования».

Подобное очеловечивание слонов и мистические объяснения их образа жизни мы и сейчас находим во многих романах и приключенческих книжках.

Хотя мозг слонов весит четыре-пять килограммов, то есть он втрое тяжелее человеческого, тем не менее об их умственных способностях пока еще сказать можно очень мало, во всяком случае об «африканцах». Все эксперименты проводятся обычно с «азиатами».

Я об этом подробно рассказывал в своей книге «Школа слонов». Рабочие слоны осваивали свыше 30 различных команд и вполне разумно обращались с бревнами, канатами и тому подобными предметами.

Мне стоило больших трудов «уговорить» одного зоопарковского слона наступить мне на ногу. Нога при этом не раздавливается и даже не повреждается. Ощущение такое, будто на нее поставили мешок с зерном. Разумеется, нельзя подставлять свою ногу под передний край слоновой ноги, где находятся копыта. Пятка же слона состоит из студнеобразной массы, именно поэтому эти исполины ступают так тихо и мягко. Ведь даже если целое стадо слонов бросается в бегство, все равно не слышно ни стука копыт, ни грохота, как это бывает при бегстве антилоп или зебр.

Стопа слона становится шире и толще, когда животное на нее наступает, и делается заметно тоньше, когда оно поднимает ногу. Площадь стопы может уменьшаться на целую четверть. Поэтому

слону нетрудно вытаскивать свои ноги даже из глубокой и вязкой тины. В 1958 году в Крюгеровском парке нашли слона без подошв: на их месте было голое мясо. Обожженные подошвы его валялись рядом. Оказывается, животное угодило в горящий лес.

* * *

Относительно возраста, которого могут достичь слоны, раньше всегда приводились преувеличенные данные. Обследование 325 слонов, умерших естественной смертью, проведенное недавно в обоих национальных парках Уганды, показало, что средний возраст, до которого доживает слон в природных условиях,— 15 лет. Человек по сравнению с ним — долгожитель. По опросным данным доктора Альфреда Зайтца, в зоопарках (где отдельные животные явно могут прожить дольше, чем на воле) ни один африканский слон не прожил более 40 лет. Большинство азиатских слонов умирает, не дожив до 50 лет. А до 60-летнего возраста ни один из них еще не доживал.

* * *

Слонам требуется довольно много корма, потому что они его недостаточно усваивают. В нашем Франкфуртском зоопарке мы ежедневно даем слону 6 килограммов овсяных хлопьев, 3 килограмма отрубей и примерно 75 килограммов зеленых кормов. Рабочие лошади, которые весят только пятую часть веса слона, съедают ежедневно 40 килограммов зеленых кормов, 2—3 килограмма картофельных хлопьев, смешанных с сечкой, и вдобавок еще кормовую солому.

На слоновой станции «Гангала на Бодио» слону дают 350—400 килограммов древесной листвы и зеленых растений, однако очень много растительной массы он разбрасывает и растаптывает. Когда эти остатки как-то взвесили, то оказалось, что животное в действительности за 24 часа съедает лишь 150 килограммов корма и употребляет около 150 литров воды, которые, однако, выпивает не целиком, а частично разбрызгивает хоботом по телу.

Слон в течение дня почти ежечасно выделяет большие кучи помета, в среднем за 24 часа 14—18 раз. Состоят они на 80% из воды. Ночью для этой цели ему каждый раз приходится вставать. Но, несмотря на значительное количество употребляемого корма, работоспособность слона не очень велика. Пара слонов способна везти повозку в две тонны, на которой лежит поклажа еще в четыре тонны, то есть общим весом в шесть тонн, а это не больше, чем весят сами слоны. Правда, надо сказать, что дороги вокруг станции «Гангала на Бодио», откуда поступили эти сведения, отнюдь не из лучших и ровных. С таким грузом слоны за день могут пройти лишь 20 километров при скорости 4 километра в час. Слоны работают в неделю не более пяти дней, а во время работы должны через каждый час отдыхать в течение десяти минут и при этом

получать корм. На спине слон может унести 300—400 килограммов груза и за четыре часа может вспахать две трети гектара при глубине вспашки около 12 сантиметров.

Возможно, правда, что эти данные нарочно занижены, чтобы фермеры, которые берут в аренду слонов, не слишком сильно их перегружали. Комендант станции поведал мне, что его слоны способны тащить и девять тонн груза.

* * *

Восточноафриканский степной слон явно предпочитает травянистые степи, но с непременным условием, чтобы на них росли хоть небольшие рощицы, или же он держится берегов рек, окаймленных полосой деревьев. Это необходимо животным, для того чтобы прятаться в тень во время дневного зноя.

Именно в таких местностях вблизи границ национального парка Мерчисон-Фолс исследовали содержимое желудков слонов, застреленных с января по март 1959 года. Слонов было 47. При этом выяснилось, что их пища на 91 процент состояла из травы, на 8 процентов — из коры деревьев и кустарников и на 1 процент — из зелени типа ботвы. Только 10 процентов съеденной травы было зеленой и свежей, а 90 процентов составляли высохшие потемневшие растения.

Во время пастьбы слоны непрерывно кочуют с места на место. Когда они находят пастбища, где после степного пожара только что появилась молодая зеленая травка, они настолько увлекаются едой, что перестают замечать, что делается вокруг. В это время к ним можно приблизиться на расстояние 15 метров, и они даже ухом не поведут. Дело в том, что во время пастьбы они либо совсем закрывают глаза, либо смотрят только себе под ноги. Если в такой момент подойти поближе, то можно увидеть полузакрытые верхние веки с красивыми длинными ресницами, которым может позавидовать любая кинозвезда. Пучки травы слоны вырывают из земли с корнями, потом стряхивают их об ногу или о бивень и уже затем кладут в рот. Никольсон утверждает, что если слоны едят что-то вкусное, у них изо рта капает слюна. Когда постбища во время засухи выгорают, слоны переходят на питание веточным кормом.

Слоны могут проявлять себя большими гурманами. Кончик их хобота, с помощью которого эти животные так тонко могут различать любые запахи, позволяет им выискивать те или иные растения и даже отдельные листья.

Так, в сад лесничего, живущего близ «Пара-Лодж» в национальном парке Мерчисон-Фолс, ночью залез слон. Он осторожно перешагнул через забор и начал выбирать себе закуску по вкусу. В первую ночь он поел всю зеленую кукурузу, дыни, огурцы, свеклу и некоторые сорта баклажанов. Во время второго визита он угощался оставшимися баклажанами и перцем. Помидоров, салата и моркови он не трогал.

В Танзаиии слоны в октябре н ноябре любят пастись в лесах. Они бродят там целымн днями и питаются нсключительно молодыми побегамн. В феврале скопления слоиов наблюдаются на юге, в областн Литуа-Книерере, где в это время созревают плоды мугоиго. А во время засухн они обычно откочевывают в местности, где особенно миого шнроколнстной травы магугу.

В ЮАР в нацнональиом парке Крюгера слоны часто лакомятся спелыми плодамн дерева мерулы, от которых как бы пьянеют. Некоторые «пьяные» слоны стаиовятся агрессивными, но большинство нз ннх бывает лншь «приятио навеселе».

Хотя «пьяные» слоны в этой местностн каждый год что-нибудь да учнняют, для турнстов онн иикакой опасности не представляют по той простой прнчнне, что вокруг туристских гостиннц все деревья мерулы предусмотрнтельно вырублены.

А вообще-то это дерево нанболее распространено в национальном парке. Местные жнтелн изготовляют нз его плодов довольио крепкое пиво. Поэтому онн не рубят этн деревья на дрова. Плоды начннают созревать сначала в северной окраине парка. Оттуда слоны постепенио продвнгаются к югу, лакомясь этнм нзысканным блюдом.

Одиажды такой «хмельной» слон столкиул смотрнтеля парка с велосипеда. Другой слон проткнул головой хижину одного местного жителя и, надев ее себе на шею в внде хомута, убежал в лес. Слава богу, никто при этом ие пострадал. Как сообщал днректор национального парка доктор Н. Вандермерве, какой-то «пьяиый» слон стащнл с велосипеда не менее пьяиого велосипедиста и уволок его прнмерно на десять метров от дороги в лес. Затем ои вернулся на дорогу и втоптал в землю велосипед.

Хочу сказать в защнту слонов, что в прежнне времеиа их стада имели обыкновеине откочевывать в поисках лучшего источника корма. Но теперь во многих областях Африки их полиостью лишили этой возможиости. Поэтому оии выиуждены искать себе другие продукты питания, а это в свою очередь приводит ниогда к вредным прнвычкам.

* * *

Слоны, пожалуй, едииственные животные в Африке, которые копают ямы, для того чтобы добыть воду. Сиачала оин разрыхляют землю бивнями, а затем выгребают ее хоботом, выкапывая колодцы метровой глубины. Таким способом онн добывают воду в высохших руслах рек. Этнми своеобразнымн колодцами пользуются затем и другне жнвотные (носорогн, аитилопы, зебры, стаи птиц, змен и другие), так что можио счнтать, что слоны помогают этим животным пережнть засуху. Подобной же деятельностью занимаются иекоторые виды кенгуру в Северо-Западной Австралии.

Биолог А. Гордои утверждает, будто бы некоторые слоны прикрывают свои колодцы лнстьями, травой или иавозом и поверх этого засыпают песком. Если в таких случаях слоиы во время за-

сухи покидают из каких-либо соображений данную местность, для других животных это может иметь пагубные последствия.

В январе и августе 1957 года, то есть во время короткого и длинного засушливого сезона, биолог Х. К. Бюхнер насчитал в южной части национального парка Мерчисон-Фолс более четырех тысяч слонов. Когда в середине сентября начался сезон дождей, их число увеличилось вдвое. Животные переходили из более облесенных местностей вне границ парка в травянистую степь.

За последнее время и в этом национальном парке очень сильно возросло число слонов. Из-за быстро растущих вокруг него поселений слоны вынуждены проводить в нем весь год, вместо того чтобы кочевать по его окрестностям.

Поскольку в обширных районах парка весь подрост деревьев был начисто уничтожен слонами, в 1964 году было отстреляно 200 слонов в части парка, расположенной южнее Виктория-Нила, и еще 200 — на северном берегу реки. Ученым путем тщательных исследований трупов этих животных удалось установить резкие различия в биологии южных и северных слонов. Выяснилось, что у северных самок половая зрелость наступает в среднем в 14 лет (от 10 до 15), а у самок с южного берега — в 18 лет (от 13 до 22).

У самцов северного берега соответствующий возраст наступает в среднем в 13 лет (от 8 до 15), у самцов же с южного берега реки — в 16 лет (от 13 до 20). Средний промежуток времени между двумя беременностями у самок из тех и других стад одинаков и составляет примерно четыре-пять лет. Однако длительность кормления у самок южной и северной популяций неодинакова: у южных самок она меньше (о чем говорит повышенная смертность слонят в этих стадах). Поэтому у южных самок новое яйцо образуется в яичнике за одиннадцать месяцев, а у северных — за четыре. Слоновье население северного берега в своей массе моложе: средний возраст его составляет 19 лет. Южные слоны в среднем 20-летнего возраста, и число их все убывает. Животные моложе десяти лет в северной группировке составляют 40 процентов, в южной же — 22 процента. Самки с северного берега спариваются с самцами с ноября по апрель, а южные слонихи — с апреля по сентябрь. По всей видимости, это зависит от условий питания. Разница в производительности слоновьего населения может объясняться тем, что растительность южнее Виктория-Нила гораздо больше истреблена. Земли, покрытые когда-то лесами, под воздействием слонов превращены здесь в травянистую степь. На северном же берегу еще остались отдельные облесенные или заросшие кустарником районы. Севернее Виктория-Нила на каждый квадратный километр приходится 0,9 слона, а южнее — 1,7 слона.

В прежние времена, когда слонам принадлежала вся Африка, такое положение регулировалось бы само собой: стада этих гигантов перекочевывали бы из обезлесенных южных областей куда-нибудь в другое место, и дело с концом. Или же их численность в таком бескормном районе сразу бы резко пошла на убыль. Сегод-

ня же нельзя допустить, чтобы слоны превратили национальные парки, эти последние остатки естественных ландшафтов с буйной зеленой растительностью, в полупустыни, а затем и в настоящие пустыни.

Это ставит людей, ответственных за охрану природы, перед тяжелым выбором. Как быть?

* * *

Раньше ежегодно отстреливалось примерно 45 тысяч слонов. Это легко можно подсчитать, зная, что во всем мире в год перерабатывалось 600 тысяч килограммов слоновой кости и что наибольшая часть ее поступала из Африки. Тем не менее долгое время никто не брал на себя труд изучить поближе жизнедеятельность этих колоссов, покопаться в гекатомбах внутреннего устройства такой убитой «горы». А ведь к концу нашего столетия вне границ немногих национальных парков наверняка уже не останется ни одного живущего на воле слона. Поэтому очень отрадно, что слоны, которых приходится отстреливать вследствие перенаселения ими отдельных территорий и из-за того, что они губят растительный покров в некоторых национальных парках, теперь неизменно попадают в руки ученых и используются для науки.

Например, И. Бассу удалось выяснить, что так называемый маст — жидкость, вытекающая из височных желез слона, расположенных между глазом и ухом,— никакого отношения не имеет к половозрелости (по крайней мере у африканского слона). Столетиями же считали обратное. У слонов, убитых с июля по сентябрь, такой жидкости не обнаруживали. У тех же, которые были убиты после 20 октября и до конца марта, маст непременно наблюдался; его не обнаружили только у нескольких очень маленьких слонят. Выделения из височных желез в этот промежуток времени наблюдались у всех взрослых слонов: и у неполовозрелых самок и самцов, у старых самок, и у слоних, только что родивших и кормящих своих детенышей, и даже у подростков.

Возможно, деятельность височных желез имеет какое-то отношение к терморегуляции, но с размножением она совсем не связана.

Одновременно Бассу удалось выяснить, что слоны с особенно мощными и тяжелыми бивнями очень старые. Причем это относится и к самцам и самкам.

В резервате долины Луангвы в Замбии В. Полес наблюдал у диких слонов спаривание. Слон при этом взял хвост слонихи в рот, прижался головой к ее заду, а затем продвинулся вперед, положил хобот ей на загривок и, как бы обняв им ее, захватил его кончиком край противоположного уха самки. Слониха не двигалась до тех пор, пока слон ее не отпустил. После спаривания животные встали друг против друга с поднятыми в виде буквы S хоботами. Два других слона, все это время пасшиеся неподалеку, подошли поближе и даже прошли между «флиртующей» парочкой, против чего первый

слон, как ни странно, ничего не возразил. Все четверо стали мирно пастись рядом.

Самцы часто нежно ощупывают своими хоботами слоних просто так, не имея ни малейшего намерения спариваться. Как мы говорили раньше, слоны спариваются на протяжении всего года, определенного периода для этого у них не существует.

Аллан Райт наблюдал однажды в Родезии в районе Нуанетси такую сцену. Молодой самец, по-видимому, самый младший в стаде, быстро рыскал между пасущимися животными. Как только он приближался к какой-нибудь из самок, та сразу же переставала пастись и настороженно останавливалась. Если же он подходил слишком близко, самка тут же убегала. В конце концов все семь слоних объединились в отдельную группу и бросились бежать. Однако серьезного намерения скрыться у них не было, они бегали по кругу, трубя и визжа, причем слонята бежали впереди своих матерей. Сзади всех несся разгоряченный самец и пытался догнать одну из самок. Во время этой беготни слоны втаптывали в землю кусты и небольшие деревца. В конце концов молодому слону все же удалось догнать свою избранницу.

То, что до сих пор африканские слоны так редко размножались в зоопарках, не в последнюю очередь объясняется тем, что в неволе обычно содержат индийских слонов вместе с африканскими слонихами. Скрещивание же между африканскими и индийскими слонами еще ни разу не удавалось. На станции же по приручению слонов «Гангала на Бодио» начиная с 1925 года постоянно содержатся не менее 12 африканских слоних и несколько африканских же слонов. Животные эти живут в привычной им природной обстановке. Днем они свободно пасутся на пастбище под присмотром своих погонщиков (корнаксов) и только ночью привязываются на цепь, как это принято делать в зоопарках. Правда, отдельные слишком резвые животные бывают стреножены и днем.

И тем не менее даже от этих почти свободно живущих слонов за 30 лет был получен приплод только четыре раза, и, что удивительно, от всех самок в один год — в 1930-м. И еще один слоненок родился в конце 50-х годов.

* * *

Беременность африканских слоних длится ровно 22 месяца.

Во время родов роженицу часто окружают со всех сторон «товарки» из ее стада и, если можно так выразиться, как бы охраняют ее покой.

Ф. Попплетону, прежнему лесничему парка Куин-Элизабет, удалось пронаблюдать во всех подробностях, как протекают роды у слоних в природной обстановке. Было это в декабре 1956 года. К сожалению, он подоспел к месту происшествия уже после того, как слоненок появился на свет. Ему бросилось в глаза, что часть большого стада сгрудилась в тесную кучу, причем слоны вели себя очень неспокойно — трубили, хлопали ушами. Попплетон останов-

вился на расстоянии 25 шагов от них и стал в бинокль следить за всем происходящим. Группа состояла из шести взрослых самок с пятью маленькими слонятами и одного молодого самца, державшегося в некотором отдалении, но наблюдавшего за всем происходящим. В середине тесного кольца слоних лежал только что появившийся на свет слоненок. Брюхо матери было неестественно разбухшим и свисало почти до самой земли. Животные пытались с помощью хоботов поднять новорожденного с земли.

Новорожденный слоненок был мокрым, покрытым слизью. На нем виднелся хорошо различимый шерстный покров, особенно густой на голове.

Слонихи трубили и визжали еще в течение десяти минут. Затем четыре из них ушли вместе со своими слонятами, оставив роженицу в обществе одной взрослой слонихи и молодого слона, которому на вид было не более семи лет. Все остальное стадо тоже двинулось в сторону реки и вскоре исчезло, а роженица, другая слониха и молодой слон — все старались поставить новорожденного «бэби» на ножки. Спустя четверть часа вторая слониха тоже исчезла, оставив новорожденного на попечение ее матери и брата. Молодой слон подсовывал свой хобот под брюшко детеныша и старался удержать его в стоячем положении, но тот был еще слишком слаб и опять валился на землю.

Наконец спустя два часа новорожденный слоненок сделал свои первые шаги. Он качнулся, как пьяный, упал, перекувырнувшись через голову, и неуклюже забарахтался на спине. Но слониха-мать и молодой самец не позволяли ему лежать, а все снова и снова ставили его на слабые ножки.

Через некоторое время молодой самец тоже потерял интерес ко всему происходящему и исчез в том же направлении, куда ушло стадо. Когда Попплетон сделал попытку подъехать на своей машине поближе к новорожденному, слониха тотчас же грозно бросилась ему навстречу.

Сам процесс родов удалось наблюдать лесничему из Замбии. Слониха привалилась боком к большому дереву. Все сильнее и сильнее прижимаясь к стволу, она наконец «выдавила» из себя слоненка, который упал на землю. Тогда самка тотчас встала, причем так, что слоненок оказался у нее под брюхом. Тщательно обнюхивая хоботом детеныша, она стояла так 20—30 минут. Затем малыш поднялся на ножки и принялся искать вымя. Все это время поблизости не было ни одного другого слона. Эта самка управилась со всем совершенно самостоятельно.

В противоположность этому случаю Р. Хойер, будучи однажды в бассейне Конго, в течение четырех часов не мог переехать через маленький мостик, потому что как раз возле него какая-то слониха расположилась рожать. Окружавших ее сородичей невозможно было разогнать ни гудками, ни криками.

В резервате Этоша-Пан (Намибия) тоже видели рожавшую молодую слониху. Однако здесь стадо, которому она принадлежала, продолжало пастись полукругом на расстоянии примерно 400 мет-

ров от роженицы. Только одна старая слониха паслась поближе, метрах в 200, причем с подветренной стороны.

...Лесничий Баард вылез из машины и подошел поближе, чтобы осмотреть животное. Когда он находился примерно в 20 метрах от слонихи, он увидел, как все ее мускулы внезапно напряглись и по телу от ребер к животу прокатилась волнообразная судорога. Затем она начала трубить.

Остальные члены стада, казалось, не обращали на это никакого внимания. Только находившаяся поблизости старая слониха приподняла хобот. Болезненные схватки участились и сотрясали тело роженицы через каждые пять минут. Спустя полчаса показалась голова слоненка. В это время силы как бы покинули слониху, она казалась крайне утомленной. Прошло еще 15 минут, пока появились передние ноги и плечи детеныша. Слониха вдруг опустилась на землю и теперь лежала на боку, часто и жалобно трубя. Под конец она издала протяжный стон и замерла. Дыхание ее становилось все спокойнее.

Новорожденный слоненок лежал на земле и во все стороны брыкал ногами, стараясь высвободиться из родовой пленки. Мать либо впала в обморочное состояние, либо была слишком измучена и не оказывала своему первенцу никакой помощи.

Слоненок, которому уже наполовину удалось выбраться из пленки, был розового цвета, только подошвы ног имели желтовато-коричневый оттенок. Прошло примерно десять минут, пока слониха подняла свой хобот и направила его в сторону новорожденного.

С момента прибытия наблюдателя до этого завершения родов прошел один час и десять минут.

В западногерманских зоопарках было только два случая появления на свет африканских слонят: в Мюнхенском зоопарке и в Таунусе, где они в Опельском парке находятся на полувольном содержании.

По данным станции по приручению слонов «Гангала на Бодио», вес слонят при рождении равняется 100 килограммам, высота — 80—85 сантиметрам. Годовалый слоненок достигает метровой высоты, в два года его рост составляет 115—120 сантиметров. Только в это время мать перестает его кормить. До пяти лет слоненок ежегодно прибавляет в высоту по десять сантиметров, позже — несколько меньше. У него уже хорошо заметны бивни, которые прорезаются в возрасте от года до трех лет.

В первое время слонихи стараются помочь своим на редкость неловким детям. Так, близ Фаяо группа слонов взбиралась по довольно крутому склону берега Нила. Один совсем маленький слоненок никак не мог вскарабкаться наверх. Тогда слониха-мать, уже взобравшаяся наверх, опустилась на колени и, подхватив беспомощное существо своим хоботом, очень осторожно подтянула его наверх.

Смотритель парка Кахари встретил в Замбии возле реки Колози двух слоних с четырьмя слонятами. Завидя человека, они кинулись бежать. Пока они поднимались по крутому берегу, передняя

слониха непрестанно подталкивала своего слоненка хоботом, чтобы он проворнее карабкался. Когда слоны добрались до места, где лежало много поваленных деревьев, эта же слониха начала приподнимать хоботом лежащие на земле стволы, чтобы ее слоненку не приходилось через них перелезать. Каждый раз, когда слоненок в нерешительности останавливался перед поваленным деревом, мать подходила к нему, приподнимала ствол от земли и пропускала свое чадо.

Когда Р. М. Бэр в сопровождении министра природных ресурсов Уганды в 1959 году объезжал национальный парк Куин-Элизабет, он увидел слониху, несшую мертвого слоненка. Судя по зловонию, он, по-видимому, погиб не менее трех-четырех дней назад. Мать опускала трупик своего детеныша на землю только тогда, когда хотела попить воды или попастись на траве. Но продвигалась она вперед медленнее, чем остальные слоны этого стада, и те время от времени терпеливо дожидались, пока она их догонит. Мертвого слоненка она поднимала с земли бивнем, а затем зажимала его между нижней челюстью и плечом наподобие того, как скрипач держит свой инструмент.

Когда слоны купаются, слонихи заботливо поливают водой своих детенышей и набрасывают им на спину ил.

* * *

И тем не менее, даже собрав все эти сведения воедино, мы убеждаемся, что, к сожалению, все еще слишком мало знаем о том, как живут африканские слоны и что им необходимо для нормального существования. Это тем более печально, что в самые ближайшие годы мы должны будем найти средства и пути сохранить в нашем цивилизованном мире хоть часть этих прекрасных и благородных существ. Ведь именно слоны — настоящие цари зверей, потому что не боятся никаких врагов из животного царства, даже льва.

Так, между прочим, считает и племя дан, населяющее Либерию и Берег Слоновой Кости. Я сам не раз слышал от этих людей и, кроме того, знаю из исследований Ганса Химмельхебера, что они верят в переселение душ. Они считают, что в человеке самое главное — живущий в его теле дух. Тот же дух может одновременно жить и в каком-нибудь животном. Тот, кто ощущает в себе способность быть одновременно и человеком и животным, должен стараться вступить в орден какого-либо животного, но за это часто приходится дорого платить предводителю этого ордена. Чей дух одновременно способен быть духом животного, может достичь и в своем человеческом организме желаемых качеств этого животного.

Наивысшим орденом животных считается орден слонов; его члены — повелители над всеми людьми, они и становятся вождями племен. Эти люди всегда высокие, у них большой, внушительный живот и величественная походка. Дух вождя вселяется не в первого попавшегося слона, а в какого-то особого. Если этого слона убьют, то и принадлежащий к нему человек должен умереть. В этих мес-

тах часто можно услышать от умирающего, что он должен расстаться с жизнью, потому что он и есть одновременно тот слон или буйвол, которого уложили позавчера. Если значительный человек умирает без какой-либо видимой причины, то считается, что это результат колдовства, и поручают колдунам выявить злоумышленника. Но прежде чем заняться этой неприятной процедурой, покойника раздевают и тщательно осматривают со всех сторон в поисках какой-либо ссадины или небольшого нарыва, указывающих на ранение животного, к которому данный человек относился. Однако охотника, убившего это животное, никогда не наказывают, потому что он исполнял лишь свой профессиональный долг, обеспечивая деревню мясом.

Дороже всего стоит вступить в орден слонов. Состоятельный человек неожиданно влезает в долги, ничего себе больше не приобретает, из его десяти коров пять бесследно исчезают. И хотя новоиспеченный кандидат «в слоны» хранит молчание, кругом начинает расползаться слушок, что он явно собирается оплатить вступление в какой-то орден духов. Когда же он наконец, сияя, объявляет своим соплеменникам, что его дух теперь «в слоне», его авторитет безгранично поднимается. Если он во время какого-либо собрания берет слово, все мгновенно замолкают. Его охотно выдвигают на какие-либо «руководящие» должности, нередко даже облекают властью вождя, так как всякий знает, что за этим человеком стоят слоны...

Поэтому-то племя дан считает любые законы об охране диких животных бессмысленными. Ведь все живущие сегодня на воле животные — это двойники людей, и они не вымрут до тех пор, пока на земле будут жить люди...

С другой стороны, старые африканские религиозные верования зачастую оказывали неоценимые услуги делу охраны животного мира. В большинстве областей Африки испокон веков имелись запретные районы, или «святые» рощи и другие территории, на которые наложено табу: там охотиться нельзя. Подобные религиозные законы соблюдаются совершенно неукоснительно, потому что каждый знает, что боги или духи все равно узнают о любом, даже самом засекреченном нарушении запрета и неумолимо покарают виновного.

Поэтому, даже когда какая-нибудь местность из-за неумеренной охоты бывала опустошена и некоторые виды животных там совершенно исчезали, впоследствии они появлялись здесь вновь, распространяясь из расположенных по соседству «запретных районов».

И чем больше исчезает старых африканских поверий, тем меньше люди считаются со всякого рода религиозными запретами. Потому-то в современной Африке для блага континента необходимо заменить святые «земли табу» национальными парками.

Виктор Шеффер

Год кита

Пролог: вступая в год кита

Нашн потомкн, вероятно, определят нынешнее десятилетие как закат историн самого крупного нз всех жнвотных, когда-либо обитавшнх на Земле,— и это будет еще одно печальное свидетельство нашей легкомысленной эксплуатации природных богатств планеты.

Стюарт Л. Удалл

Стюарт Удалл имеет в виду гнгантского кита, называемого синим полосатиком. Он призывает всех нас подумать о судьбе животных, с которымн мы делим планету,— даже еслн пути многих из них, никак не пересекающиеся с нашимн путямн, кажутся нам непостижимыми. Он призывает нас уважать все побегн н веточкн гигантского Древа жизни, растущего на Земле вот уже трн миллиарда лет. Если по нашей вине погибиет синий кит и другие представители его рода, можем ли мы рассчитывать на сохранение и эволюцию нашего собственного рода, рода человеческого? Если мы способны закрыть глаза на жестокое обращение с китамн, которое когда-нибудь приведет к смертн последнего из них, быть может, мы закроем глаза н на жестокое обращение с нашимн двуногими собратьями?

Чрезвычайное беспокойство внушает и судьба других видов китов. Опасаясь, что настанет время, когда их можно будет видеть лишь на выцветающих фотографиях и рвущнхся кинолентах, я спешу описать самого величественного из всех зубатых китообразных — кашалота.

Почему нменно кашалота? Отчасти потому, что китобои быстро узнают его н никогда не путают с другнмн китами — поэтому на многочнсленные рассказы очевндцев о необычных повадках кашалота вполне можно полагаться.

Кашалот — гигантское животное (в длину он достигает почти двадцати метров); у него нет спинного плавника; его огромная квадратная голова составляет почти треть длины всего тела; у ка-

шалота только одно дыхало, а значит, всплывая подышать, он пускает только один фонтан. Эти особенности кашалота и позволяют легко опознать его. Туловище кашалота, как писал Фредерик Д. Беннет, английский судовой врач, плававший на китобойном судне в тридцатых годах девятнадцатого века, «подобно черной скале или стволу гигантского дерева».

Будучи космополитами, кашалоты бороздят все моря нашей планеты, избегая лишь ледяных вод Арктики и Антарктики. Когда кашалоты умирают, прибой выбрасывает их на берег; поэтому тушу кашалота довольно часто удается рассмотреть и исследовать прямо на суше.

Человек всегда наделял кашалота особыми, мистическими чертами. Так было во времена Моби Дика, и с тех пор отношение к кашалоту не изменилось; он представляется нам этаким древним существом, живущим вне времени, и мир его загадочен и почти недоступен для нас. Кашалот близок нам, будучи, как и мы сами, теплокровным животным,— и в то же время бесконечно далек от нас; он умеет нырять на самое дно океана и обладает способностями, о которых мы до сих пор даже не догадывались. «Еще и по сей день кашалот ни в научной, ни в художественной литературе не получил всестороннего освещения. Биография его в значительно большей мере, чем у других китов, все еще остается ненаписанной»[1],— говорил о нем Герман Мелвилл.

Никто еще не исследовал по-настоящему жизнь крупного китообразного. Да и как это сделать? Как, например, проследить маршруты кита в открытом океане? Скажем, как проследить миграционные пути серого кита, который проплывает за год чуть ли не десять тысяч миль и успевает побывать и среди айсбергов, и под палящим мексиканским солнцем?!

Взявшись исследовать китов, биолог не упускает ни одной возможности проникнуть в тайны этих морских животных — однако возможности его весьма ограничены. Он изучает водоросли, прилипшие к спине загарпуненного животного,— и делает вывод: данный кит недавно побывал в холодных морях, где изобилуют такие водоросли. Он рассекает яичники убитой самки — и по числу шрамов пытается решить, сколько раз самка рожала и до каких лет дожила. Он пересчитывает волнистые линии на корне зуба кита, или на пластине китового уса, или на ушной пробке (как лесник пересчитывает кольца на древесном пне)— и определяет по ним возраст погибшего животного. Он читает в газете о том, что в океане, на глубине свыше тысячи метров, был обнаружен кашалот, запутавшийся в телефонном кабеле,— и с удивлением отмечает способность кашалотов нырять на огромные глубины. На песчаном берегу биолог находит китиху, погибшую при родах; голодные чайки белым саваном покрывают тело китихи, голова неродившегося ки-

[1] Здесь и далее цитаты из книги Г. Мелвилла «Моби Дик» приводятся по переводу И. М. Бернштейн (М., Географгиз, 1962).— *Прим. перев.*

тенка торчит из складки ее тела — и, огорченно вздохнув, биолог пишет в своем дневнике: «Причина смерти — неправильные роды».

На подобных данных основана наука о китах. Она описывает не только больших китов, но и их младших братьев — дельфинов и всех прочих китообразных. Все они — теплокровные млекопитающие, которые дышат атмосферным воздухом. Более крупные виды обычно называют китами, а среди мелких видов различают дельфинов (у них острые рыла) и морских свиней (у них рыла широкие и тупые). Особняком стоит нарвал, у которого всего один зуб — спиралевидный бивень, достигающий двух с половиной метров в длину; однако нарвалы живут только в полярных водах, и пути их не пересекаются с путями кашалотов.

Описывая жизнь своего героя — маленького кашалота — и жизнь его спутников, я старался пользоваться новейшими и самыми надежными источниками информации. Должен признаться, впрочем, что зоологи все еще не имеют точного представления ни о том, как часто рожает самка кашалота, ни о том, сколь быстро растут ее детеныши, ни о многих других аспектах жизни этого вида китообразных. По-видимому, наиболее обычен четырехгодичный детородный цикл. У самок северного полушария зачатие происходит в мае, после чего они шестнадцать месяцев вынашивают детенышей и рожают в сентябре следующего года; два года самка кормит свое дитя, затем около восьми месяцев отдыхает и к маю, завершив четырехгодичный цикл, снова готова зачать. Однако есть самки, которые, по-видимому, рожают каждые два года, то есть зачинают еще в период кормления. Май и сентябрь — сроки зачатия и родов, характерные для большинства самок, однако отдельные самки не соблюдают этих сроков и рожают немного раньше или немного позже, так что брачный период — и соответственно период разрешения от бремени — растягивается порой на целых восемь месяцев. Неизвестно, может ли самка кашалота переходить с двухгодичного на четырехгодичный или какой-либо иной цикл. Неизвестно также и соотношение между возрастом самки и ее детородным циклом. Лишь когда мы научимся лучше определять возраст кашалотов, можно будет выяснить, как быстро они растут. Темные и светлые слои, чередующиеся на зубах этих китов, безусловно, связаны с их возрастом; однако неизвестно, двум или четырем таким слоям соответствует один год жизни. У кашалотов северной части Тихого океана год, очевидно, соответствует двум слоям; в таком случае можно утверждать, что как самцы, так и самки кашалотов достигают половой зрелости в возрасте приблизительно девяти лет, перестают расти в возрасте от тридцати пяти до сорока пяти лет и стареют приблизительно в семьдесят пять лет.

Невозможно говорить о китах и не говорить при этом о людях, живущих в разных уголках земного шара, но преданных общему делу — изучению китообразных. Мне посчастливилось свести знакомство с некоторыми из них. В этих людях меня привлекают не только их теоретические и практические знания, но и их самоотверженное стремление спасти китов. В своей книге, посвященной одно-

му из видов китообразных, я пытаюсь также рассказать о том, как люди относятся к китам, как они обращаются с ними и как киты обращаются с людьми.

Рассказ о годе кашалота начинается с тихого осеннего месяца сентября. Я приглашаю читателя в северо-восточную часть Тихого океана, где родился наш герой — маленький кашалот.

Сентябрь

В начале сентября китенок впервые видит свет — сине-зеленые блики, танцующие на поверхности океана. Китиха с легкостью избавляется от бремени, и детеныш оказывается в воде в двухстах милях к западу от Мехико, в тропике Рака. Китенок дрожит, ибо холодна вода, а он шестнадцать месяцев провел при температуре тридцать шесть градусов Цельсия. Заботливая мать подталкивает детеныша своим широким рылом, и, оказавшись на поверхности, он учащенно дышит, пуская в осенний воздух облачка пара.

Небо над китенком сияет пронзительной синевой. Мы, городские жители, никогда не видим такого ясного неба. Повсюду, насколько хватает глаз, в волнах темнеют группы китов. Блестит на солнце черная дуга — это скользит и исчезает в волнах спина ныряющего кашалота. Взлетают в воздух фонтаны пара. Иногда тишину вдруг нарушает громкий и резкий звук, похожий на выстрел; что его породило — ласковое прикосновение или удар, начало стычки китов-подростков? В небе не видно птиц, но над волнами вдруг появляется альбатрос, привлеченный плавающей в воде плацентой; альбатрос тяжело обрушивается на воду, вспарывая ее поверхность широкими перепончатыми лапами.

У кашалотов сейчас в разгаре сезон рождения потомства. Лишь три вида млекопитающих рождаются под водой: морские коровы (ламантины и дюгони), африканские гиппопотамы и китообразные. Телята и жеребята (а также и человеческие детеныши) обычно рождаются головой вперед; в отличие от них, китенок рождается хвостом вперед. Формой тела китенок в точности напоминает головастика (большая голова, негнущаяся шея и длинное, суживающееся к хвосту туловище), и оттого ему поневоле приходится появляться на свет задом наперед, так сказать, «пятясь». Самка торопится — ведь если произойдет какая-то ошибка, исправлять ее будет некогда, и китенок может застрять в детородном проходе или запутаться в полутораметровой пуповине.

Мать и детеныш всплывают на поверхность, и пуповина рвется. Китенок разевает розовую пасть с бугристыми беззубыми деснами — и кажется, будто он улыбается. Это иллюзия, конечно,— просто углы рта кашалота загнуты вверх. Улыбка кашалота — это не более чем маска, которую надевает на него природа, причем надевает на всю жизнь. Наземные животные зевают, огрызаются, хмурятся, морщат лбы, и в старости их морды покрываются морщина-

ми; а морда кита постоянно кругла, гладка и лишена мимики, если не считать движений глаз и челюстей.

Формой тела наш герой похож на свою мать, только бледные лопасти его хвоста пока сморщены и загибаются на концах. В материнском чреве китенок лежал согнувшись дугой, как лук. Теперь его гибкое тело распрямилось. Он почти весь черный; на его гладкой, как резина, коже видны лишь отдельные вкрапления белого и серого.

Подобную унылую окраску имеют почти все киты: они черные или серые, иногда их бока украшают белые пятна и полосы, бледно-розовые или желтоватые разводы. Китам не нужна яркая окраска, потому что (насколько мы знаем) они плохо различают цвета.

С севера к нашим героям приближаются двадцать гринд, или китов-пилотов. Мощно вспарывая воду, они надвигаются сплошным фронтом, точно атакующий десант. Взбитая гриндами пена и шум их дыхания пугают китенка. Он прижимается к материнскому боку. Китиха спокойна — она остается на месте, и скоро гринды исчезают за горизонтом. Если бы это были косатки (называемые также китами-убийцами), мать маленького кашалота за милю опознала бы их голоса и вовремя приготовилась к сражению.

Семья нашего китенка неторопливо кружит в море; через неделю, завершив круг, она вернется к началу своего пути. Одни члены семейства отдыхают на поверхности, переваривая обед, другие движутся дальше. На секунду в воздух поднимается треугольник китового хвоста — это кашалот уходит в глубину, или, как говорят китобои, занырывает. Бурлит вода вокруг двух ревнивых китих, которые затеяли ссору; подле них — новорожденные китята. Неподвижен воздух над океаном, тихо кругом — только волны наполняют тишину плеском и шорохом, подобно тому, как песок и ветер беспрестанно шепчут что-то в тишине пустыни. А между тем океанские воды полны неслышных звуков — ультразвуковых сигналов сотен китов, переговаривающихся на расстоянии и никогда не теряющих связи друг с другом. Неторопливо продвигается вперед китовое стадо; оно охотится и бездельничает, играет и ссорится, но в общем живет мирно. Волнения начнутся позже, через полгода, когда наступит сезон любовных игр.

* * *

Детеныш кашалота, только что родившийся в тропике Рака, значительно более развит, чем только что родившийся детеныш человека. Китенок отлично плавает, отлично видит, реагирует на внешние сигналы. Таким рождается детеныш любого китообразного — иначе и быть не может, потому что он тотчас оказывается в суровом мире, где для него не приготовлено ни гнезда, ни берлоги, ни укрытия; лишь огромная темная тень матери укрывает его. Когда мы говорим, что ребенок слишком развит для своего возраста, мы подразумеваем отклонение от нормы; раннее развитие детенышей многих птиц и млекопитающих — это не отклонение, а норма.

Когда детеныш морского млекопитающего рождается крупным и массивным, он меньше мерзнет в холодной воде. Ведь чем больше масса тела, тем медленнее оно отдает тепло. Самое крупное из всех китообразных — это взрослый кит-полосатик, который весит в среднем сто семьдесят шесть тонн, то есть в две тысячи раз больше, чем взрослый человек. А самый маленький из всех китов — это новорожденная морская свинка; она весит всего шесть килограммов. Совсем мелких морских млекопитающих — так сказать, «морских мышей» и «морских кроликов»— не обнаружено ни в современном океане, ни среди окаменелых останков древних животных: мелкие млекопитающие попросту не выжили бы в море.

Новорожденный детеныш кашалота весит в среднем одну тонну, а длина его составляет около четырех с половиной метров. Спрашивается: откуда я это знаю? Действительно, очень редко удается взвесить новорожденного китенка, а взвешивание взрослой самки — задача поистине устрашающая. Когда убитого кита вытаскивают на палубу китобойного судна, его некогда взвешивать: китобои — люди деловые, им важна прибыль, для них время — деньги. Тушу кита они спешат превратить в муку, жир и мороженое мясо. Когда на палубу вытаскивают тушу беременной самки, биолог, который состоит на государственной службе и инспектирует китобоев, обмеряет ее и старается хотя бы на час заполучить зародыш в свое распоряжение для научных исследований. Если ему это разрешают, он поспешно вооружается набором пробирок и склянок; однако гораздо чаще неродившийся китенок тотчас отправляется в жироваренные котлы(вместе со своей матерью) или за борт (вместе с ее внутренностями).

Иногда биологу все же удается исследовать зародыш или даже новорожденного китенка. Закон запрещает убивать китят, но иногда прибой выбрасывает на берег живых или недавно околевших детенышей китообразных. Тут же биолог чувствует себя на верху блаженства: рассматривает, фотографирует, измеряет, укладывает образцы в банки со спиртом. Под конец он строит из подручных материалов треножник и взвешивает тушу китенка — частями, кусок за куском.

Под вечер усталый, измазанный кровью исследователь отправляется домой, привязав к крылу своей машины небольшой череп; возможно, дома его встретит снисходительная жена и любопытный пес.

Приблизительно в то время, когда родился наш маленький герой, другой детеныш кашалота совсем один плыл по заросшему водорослями проливу. Этот китенок попал в беду: четверо рыбаков с одного из Бермудских островов гонятся за ним в гребной лодке. На носу лодки стоит человек с острогой. Ему не удается серьезно ранить китенка, и вот он, не снимая одежды, прыгает в воду и твердой рукой опытного рыбака быстро наматывает веревку ему на хвост. Затем рыбаки налегают на весла и тащат отчаянно сопротивляющегося китенка в небольшую бухту, где в течение двух дней

будут выставлять его на обозрение публики — за небольшую плату, полкроны с человека.

Придет посмотреть на китенка и английский биолог, работник океанографической станции. Оценив размеры животного и состояние его пуповины, он поймет, что перед ним весьма и весьма редкое зрелище — недавно родившийся детеныш кашалота. На глазах у биолога этот детеныш умрет от перегрева. За небольшую плату владельцы туши согласятся отложить ее разделку, чтобы исследователь успел съездить за красками, бумагой и рулеткой.

Окажется, что маленький кашалот родился четырех метров семи сантиметров длиной — от рыла до развилки хвостовых лопастей. Акварельные краски увековечат цвет кожи, и год спустя улыбающаяся морда китенка появится в научном журнале — единственная акварель такого рода.

* * *

Первый день своей жизни новорожденный кашалот проводит, плавая вокруг матери и слепо тычась в нее; наконец он находит то, что ему нужно,— мягкий сосок, источник вкусного молока. Оба соска китихи спрятаны в глубокие складки по бокам брюха, далеко позади пупка. Раздвинув складку, китенок давит на сосок, и мать посылает ему в глотку сильную струю молока. Наблюдатели, случалось, замечали, как кормящая китиха плавает на боку, едва ли не выставив сосок в воздух, а китенок держит его в углу своей пасти, подняв морду над поверхностью воды. Со стороны кажется, что это весьма неудобно — ведь у маленького кашалота совсем нет губ, а его узкая нижняя челюсть, длина которой достигает около полуметра, находится в самом низу головы.

Первой неловкой трапезе маленького кашалота мешает другая китиха, завистливая «тетушка». У этой китихи в июле случился выкидыш. Врожденный инстинкт подсказывает ей, что ее положение в стаде противоестественно. Время от времени «тетушка» подплывает к китихе с детенышем и вклинивается между ними. Всякий раз кормящая мать отгоняет ее ударом хвоста. Наконец «тетушка» отплывает на безопасное расстояние и оттуда слушает, как счастливая семья переговаривается под водой: мать издает уверенные, громкие щелчки и потрескивания, а детеныш — слабые пробные звуки. Два года китенок будет кормиться молоком матери, держась подле нее у поверхности океанских волн. Он будет, точно тень, повсюду следовать за матерью и, питаясь ее жирным молоком, станет быстро расти; более одной трети молока самки кашалота составляет жир. (Синеватое молоко, которое привозят мне с молочной фермы, содержит только четыре процента жира.) Поначалу слой подкожного жира китенка довольно тонок — всего два с половиной сантиметра, и первые несколько недель китенок мерзнет в холодном море. Но, питаясь материнским молоком, китенок будет в течение трех лет прибавлять в среднем по два с половиной, а то и по три килограмма в день; со временем его жировой слой превратится

в теплый и плотный защитиый покров толщииой более тридцати сантиметров.

Китенок совершенствуется в плавании, и к концу сентября он уже может догиать любого из члеиов своей семьи. Когда к китам приближается панамское грузовое судно и воду начинает сотрясать тревожный шум его двигателей, китенок вместе с матерью бросается наутек, пуская фонтаиы и не отставая от стремительио иесущегося стада. Вот одии из молодых кашалотов наполовиину выскакивает в воздух; иа секуиду ои повисает черным силуэтом на фоне темно-сииего неба, затем с оглушительным шумом, вздымая стены сверкающих брызг, обрушивается на воду. Заметив это, его товарищ четыре раза подряд выскакивает в воздух; наконец и он успокаивается и, несмотря на усталость, энергично плывет под самой поверхиостью моря.

Но вот однажды утром в коице сеитября наш китенок обнаруживает, что море может быть ие только другом, ио и врагом. Низкое небо темнеет, налетает шквалистый ветер, клочья белой пены срываются с гребней воли. Знакомые голоса тонут в реве шторма. Только что китенок был возле матери, но уже в следующую секунду он взлетает под небеса в вихре пены, а потом, не успев перевести дыхание, вдруг проваливается в темную головокружительную пропасть. Мать чувствует, что детенышу приходится туго, и старается заслонить его от волн своим огромным телом. Пристроившись подле нее, китенок несколько минут пускает фонтаны, пытаясь отдышаться. Наконец китенок попадает в ритм с волной; теперь он дышит более спокойно и чувствует себя в безопасности. Весь этот деиь и всю иочь мать будет подле него.

Если бы ие шторм, китиха в течеиие ночи раз десять ушла бы в глубииу за рыбой и кальмарами. Ей надо охотиться, чтобы обеспечить свое дитя молоком. Впрочем, одну ночь китиха может и попоститься; запасы жира позволяют китам неделями обходиться без пищи. Этой голодной ночью китиха, вероятно, не слишком счастлива. Но она принимает свою судьбу как должное, исполненная того, что мы, люди, называем материнской любовью. Как и многие другие обитатели океана, она пережила не одну сотню штормов и знает, что во время шторма легче ждать, чем пытаться охотиться.

С рассветом небо очистилось от туч. Семья китов вновь собирается вместе и дремлет или играет под теплыми лучами солнца. Гигантские валы — пятьдесят метров от гребня до гребня — катятся по поверхиости, молчаливые и гладкие, как нефть.

Обычно китовая «семья» представляет собой группу около тридцати китов, состав которой постоянно меияется. Из множества таких семей складывается огромное стадо. В семье нашего маленького кашалота есть и киты-подростки обоих полов, и беремеиные самки, и матери, выкармливающие детенышей, и один старый самец, который обычно держится с наветренной стороны в полумиле от малышей. Состав китовой семьи давно известеи китобоям; они называют ее «гаремом». В райоие спариваиия всегда больше са-

мок, чем взрослых самцов; это сразу заметно, так как самцы выделяются значительно более крупными размерами. Преобладание самок и более крупные размеры самцов типичны для полигамных животных. Может быть, кашалоты потому придерживаются такой социальной структуры, что она гарантирует взаимную поддержку в бурных, бескрайних морях; однако некоторые другие виды китов вовсе не образуют семейных групп и плавают поодиночке.

День за днем солнце всходит все позже, а опускается за горизонт все раньше; по утрам над морем висят туманы, типичные для конца лета, днем их разгоняют осенние ветры. В течение всего сентября в тихоокеанских водах, простирающихся от побережья Мексики до Гавайских островов, самки кашалотов одна за другой разрешаются от бремени; некоторые самки рожают в октябре. А в это время далеко на севере, у Берингова моря и в районе Алеутских островов, пасутся самцы-одиночки, так называемые «холостяки». Толстый слой жира служит им надежной защитой от ледяной воды, и они не торопятся на южные зимовья. Юные китихи-девственницы пасутся у берегов Британской Колумбии. Они уже чувствуют осенний холод Северного Тихоокеанского течения и понемногу сворачивают к тропикам. Вместе с ними плывут и китихи, кормящие детенышей, годовалых и двухгодовалых.

Киты ежегодно мигрируют из одних вод в другие, прекрасно ориентируясь в пространстве и во времени; они объединяются в семьи, затем расходятся, потом снова отыскивают в океане других китов своего возраста и пола. Все это заставляет предположить, что китообразные получают и перерабатывают огромное количество сигналов внешнего мира — звуковых, зрительных, осязательных и, несомненно, каких-то иных, о природе которых мы еще ничего не знаем. Жизнь кита чрезвычайно сложна и вовсе не так однообразна, как может показаться. Его ежедневные занятия вовсе не сводятся к нырянию в поисках пищи, подъему на поверхность в поисках воздуха, обозреванию водной равнины и бесцельному плаванию.

В семейной группе наших героев, которые потихоньку-полегоньку движутся в сторону острова Ванкувер, плывет еще одна самка с детенышем — но она постоянно отталкивает своего сына, давая ему понять, что ей надоела роль кормящей матери. Сыну уже два года; это крупное животное восьми метров длиной, весящее почти четыре тонны. В последнее время великовозрастное дитя сильно мешает матери — отнимает у нее пищу, когда она поднимается из глубины после удачной охоты. Прежде китиха инстинктивно знала, что должна делить с ним добычу; теперь она полагает, что ему пора оставить мать в покое. Тем более, что она рожает каждые два года, и когда ее нынешнему отпрыску исполнилось четыре месяца, она снова зачала. Вот уже шестнадцать месяцев эта самка, в сущности, кормит двоих — неудивительно, что она устала от материнских обязанностей!

По мере того как день за днем расширяется представление нашего китенка о мире, его внимание все чаще привлекает хозяин

гарема — самец, который (хотя китенок об этом и не подозревает) приходится ему отцом. Огромный черный самец, вес которого достигает шестидесяти тонн, обычно охраняет свою семью, но временами исчезает куда-то на час или больше. Зачем? Куда он может исчезать среди бела дня посреди открытого моря? В глубину, конечно, в зеленую тень, переходящую в фиолетовый сумрак, а затем в черную тьму. Все ниже опускается кашалот; могучие удары хвоста ведут его сквозь толщу воды; вокруг него светятся рыбы и странные шарообразные существа; растет давление — вот оно достигает десяти тонн на каждый квадратный дециметр его тела; вода здесь мертвенно холодна и неподвижна. На глубине тысячи метров кит приступает к поискам добычи. Вовсю работает его локатор, непрерывно посылая в воду серии мощных сигналов и ловя их отражение. Не проходит и четверти часа, как он обнаруживает интересные эхо-сигналы и, мгновенно проанализировав их, обрушивает могучий удар в самую середину бесформенной, эластичной дрожащей массы, от которой отразились сигналы. Нанеся сокрушительный удар, кашалот раскрывает пасть: опускается огромная, как ворота, нижняя челюсть, усеянная зубами (их шестьдесят штук); и вот, крепко схватив добычу, кашалот начинает стремительное всплытие. Он поймал молодого кальмара — гигантское животное десятиметровой длины и весом около ста двадцати килограммов. Кальмар извивается, пытаясь вцепиться в своего врага, но присоски на концах его щупалец соскальзывают с гладкой кожи быстро плывущего кашалота. Изогнутый, как у попугая, клюв кальмара впивается в голову противника и выдирает кусок кожи, под которой обнажается белый волокнистый жировой слой. Кашалот раздраженно встряхивает свою добычу.

Вода светлеет, и вот самец всплывает на залитую солнцем поверхность моря. Раскрываются и снова смыкаются гигантские челюсти, поражая жизненные центры кальмара, и его серые щупальца извиваются в последней агонии, точно разрубленные на куски змеи. Китенок с интересом следит за тем, как самец отдувается, мощно выбрасывая в воздух столбы пара и слизистой пены. Клочья высыхающей пены покрывают темя кашалота. Он долго дышит: для того чтобы полностью очистить легкие, кашалоту нужно набрать и выпустить воздух не меньше пятидесяти раз. Отдышавшись и отдохнув, он принимается за убитого кальмара и, неторопливо отрывая от туши куски размером с футбольный мяч, проталкивает их языком в глотку.

* * *

Над моим письменным столом висит черно-белая репродукция картины под названием «Кракен», которого считали сепией, или каракатицей. На картине изображен парусный корабль семнадцатого века, опутанный щупальцами морского чудовища — серого существа, напоминающего одновременно гриб, жабу, змею и огромную тыкву. Щупальца толщиной со ствол дерева крепко держат

мачту, паруса и даже флаг. Моряки храбро рубят топорами извивающееся чудовище; их менее храбрые, но более здравомыслящие товарищи прыгают с палубы в море. В небе кружат чайки, предвкушающие возможность полакомиться человечиной. Что же такое «кракен»?

Кракен — это чудовище из норвежских мифов; живет оно в недосягаемых глубинах океана. Перечитав множество историй о кракене, я пришел к выводу, что его прототип — гигантский кальмар, который, по-видимому, является самым крупным беспозвоночным животным на Земле: длина его — около двадцати метров, а весит он более тонны. Глаза кальмара — самого крупного из этих обитателей сумеречных океанских глубин — достигают иногда тридцати семи сантиметров в диаметре.

В норвежском эпосе есть старая история о епископе из Нидароса, который прочел проповедь, стоя на спине спящего кракена; епископ принял кракена за скалу, установил на этой «скале» свой алтарь и прочел такую красноречивую проповедь, что проснувшись, чудовище заслушалось речами благочестивого епископа и позволило ему закончить проповедь, сложить алтарь и вернуться на берег.

Не будь я ученым, поверил бы — вместе с Теннисоном,— что

Слепым, дремучим, древним сном объят,
Под грозной твердью, в пропастях морских,
Таится Кракен — до глубин таких
Ни жаркий луч, ни громовой раскат
Не достигают. В черноте над ним
Громадных губок реют купола,
А дальше — там, где сумраком ночным,
Вся в язвах нор, очерчена скала,
Бурлит медуз прожорливая рать.
Так исполинской хлябью погребен,
Моллюсками кормясь, он будет спать,
Покуда пламя, вздыбив толщу вод,
Не возвестит скончания времен.
Тогда, взревев, чудовище всплывет,
И смертью оборвется древний сон [1].

Октябрь

Утро в начале октября; море неподвижно, как стекло. На воду падает перо, оброненное альбатросом, одиноко летящим на северо-запад, к Подветренным островам; медленно кружась, перо опускается к воде, навстречу своему отражению. В такой день кажется, будто даже время остановило свой бег.

С первыми проблесками зари наш китенок и его сверстник, другой маленький кашалот, напились теплого материнского молока. Теперь им хочется развлечься. Вода вокруг них наполняется ка-

---

[1] Стихотворение А. Теннисона «Кракен» дано в переводе Д. С. Шнеерсона.— *Прим. перев.*

ким-то странным дрожащим звоном. Сначала китята принимают его за голоса дельфинов, которые они слышат ежедневно и считают явлением вполне обычным, как плеск волн. Но звон нарастает; китята решают выяснить, в чем дело. Они бросаются вперед и разом набирают внушительную скорость. Затем, не сбавляя хода, поднимают над водой свои квадратные головы и быстро, но внимательно оглядывают горизонт, поворачиваясь слева направо: глаза кашалота расставлены так широко, что прямо перед собой он не видит. На расстоянии нескольких сот метров китята смутно различают какие-то скачущие пятна; это тихоокеанские белобокие дельфины, которые играют на поверхности безмятежного моря, вздымая миллионы сверкающих брызг. Дельфины гонятся за низко сидящим в воде серым судном, над палубой которого вьется флаг военно-морского флота США; судно идет переменным курсом со скоростью шесть узлов.

Юные кашалоты опускают головы в воду и полным ходом направляются к заинтересовавшему их судну. (Позже китята научатся бояться звуков, которые порождает морская техника, но сейчас они еще молоды и легкомысленны.)

Перед ними «Акула» — морской охотник, предназначенный для поиска подводных лодок противника. Сейчас он используется с учебными целями. В темной рубке командир «Акулы» обучает пятнадцать курсантов из военного училища пользоваться гидрофонами для обнаружения противника и распознавать сигналы, при помощи которых противник, в свою очередь, пытается обнаружить «Акулу». Лица курсантов освещает лишь зеленоватый экран осциллографа. Динамик, висящий под потолком, издает поток звуков, непривычных человеческому уху: скрип, писк, свист, гудение, щелчки и ритмичные сигналы гидрофона самой «Акулы».

«Слышите дельфинов? — спрашивает командир. — Когда они подойдут поближе, я сделаю запись, и после обеда мы прослушаем ее и сравним с голосами, которые мы записали возле Сан-Диего».

Командир отмечает характерные особенности записываемых звуков и комментирует их оптические изображения на экране осциллографа. Строго говоря, эти звуки нельзя назвать голосами, так как их производят вовсе не голосовые связки. Услышать дельфиньи «голоса» можно только при помощи специальных приборов: по частоте они почти в десять раз превышают предел самого чуткого человеческого уха.

Когда китята приближаются к «Акуле», дельфины уже резвятся возле судна. Они веселятся вовсю, но, вероятно, предпочли бы, чтобы судно шло гораздо быстрее. Один из дельфинов забавляется тем, что подталкивает своих приятелей к разрезающему воду носу «Акулы». Им приходится выскакивать из воды, чтобы избежать столкновения.

Шум, несущийся из динамика, становится невыносимо громким, и командир убавляет звук. Капитан сообщает с мостика, что вокруг судна играют около двадцати дельфинов (их трудно сосчитать точно: они то ныряют, то возвращаются на поверхность), и добав-

ляет, что вышедший на корму кинооператор снимает дельфинов на пленку.

Когда «Акула» вернется в порт, пленку проявят, и биолог из местного университета определит вид заснятых дельфинов; магнитофонная запись будет соответственно маркирована, размножена и разослана в фонотеки военно-морского флота в разные уголки страны.

Дельфиньи голоса стихают; командир хмурится и требует тишины. С минуту он крутит ручки гидрофона, настраиваясь на какие-то новые звуки, то нарастающие, то снова слабеющие, похожие на далекий перестук кровельщиков или лудильщиков. Командир включает усилитель гидрофона «Акулы» и просит одного из курсантов связаться с капитанским мостиком: нет ли поблизости еще одного судна?

Минуту спустя он получает ответ: приблизительно в ста метрах по правому борту «Акулы» плывут два небольших кита.

«Это кашалоты»,— добавляет капитан, ибо он уже успел проконсультироваться у боцмана, старого морского волка, когда-то служившего на китобойном судне с калифорнийской базы в Юрике.

«Слушайте внимательно,— говорит командир своим курсантам. — Это редкая удача. Чаще всего мы слушаем крупных китов, не зная, к какому виду они относятся... Во время войны я, бывало, потел от страха, соображая, кита ли слышу или лодку противника,— но никогда не отдавал приказ бросать бомбы, если не знал наверняка».

Занятия окончены; курсанты пьют кофе из огромных кружек и говорят о том, что звуки ударов хвоста и грудных плавников иногда напоминают шум корабельного винта, а некоторые из вибрирующих подводных «голосов» можно принять за звуки музыкальных инструментов.

«Нам пока не известно, каким образом кит производит эти звуки,— говорит командир.— Очевидцы рассказывают, что, когда кит подает голос в воздухе, из его пасти или дыхала поднимаются пузырьки воздуха. Лично я считаю, что эти пузырьки не имеют никакого отношения к механизму образования звуков. Однако многие утверждают, что звук образуется в китовом дыхале примерно так же, как в разболтанном водопроводном кране, когда открываешь его только наполовину: в текущей жидкости возникают пустоты, которые и порождают вибрацию. Этот процесс называется кавитацией».

Одному остроумному курсанту приходит в голову, что можно замаскировать звук двигателей подводной лодки, проигрывая под водой записи голоса кита. Командир улыбается.

«Возможно, возможно. А еще лучше — спрятать подлодку на глубину метров семьдесят, предпочтительно в таком месте, где есть подводные скалы, отражающие звуки, и где проходит слой скачка плотности воды, а над лодкой пустить стадо китов. Тогда ее не найдет и самый чувствительный гидрофон».

Командир снова включает усилитель гидрофона «Акулы»; подводный перестук — дуэт нашего китенка и его спутника — постепенно затихает: китята, раздосадованные непонятным треском двигателей чудовища, потеряли интерес к нему и отстали. Затем они развернулись и в поисках тишины и покоя устремились назад к своей семье, которая вдруг оказалась очень далеко. Китята получили урок ориентации во времени и в пространстве.

* * *

Способность китов поддерживать связь друг с другом на большом расстоянии и находить добычу при помощи эхолокации составляет предмет целого ряда специальных исследований.

Теперь часто приходится слышать разговоры о том, что животные общаются с себе подобными. Они действительно общаются; однако «общение» животных не следует понимать в нашем, человеческом смысле этого слова, то есть как сознательное порождение звуков и других сигналов, рассчитанных на определенный отклик. Увидев у своего крыльца бродячую собаку, которая принюхивается к кустам, я кричу: «Пошла вон!» — и размахиваю руками. Я могу довольно точно предсказать, каков будет результат моих действий. Когда мой пес Такер видит чужую собаку, он яростно лает и гонится за ней, и результат его действий будет тот же: незваный гость поймет поданный ему сигнал и отступит. Разница между мной и Такером в том, что я знаю заранее, как поступит дворняга, а Такер этого не знает. Если бы нарушитель оказался в десять раз крупнее Такера, мой пес все равно яростно бросился бы на него; я же в таком случае сперва хорошенько подумал бы. Достаточно Такеру распознать несколько внешних признаков, определяющих ту или иную ситуацию, и его мозг инстинктивно реагирует на них; у Такера нет выбора: хочешь, не хочешь — гони пришельца!

Первые сведения об эхолокации у китов были собраны в начале второй мировой войны, в те тревожные месяцы, когда военные специалисты морских держав напряженно прислушивались к подводным звукам, порождаемым вражескими судами. При этом они слышали, конечно, и голоса рыб, крабов, креветок, тюленей, дельфинов и китов — странные, с их точки зрения, неведомо кому принадлежащие звуки. На сегодняшний день опубликовано уже более тысячи научных отчетов о подводных звуках биологического происхождения.

В 1947 году Артур Ф. Мак-Брайд, сотрудник флоридского океанариума «Мэринленд», расположенного недалеко от Сент-Огастина, обнаружил, что дельфины, помещенные в бассейн с мутной водой, способны даже ночью отличить мелкую металлическую сетку от сети с крупными ячейками. Он заподозрил, что этой способностью дельфины обязаны какому-то высокоспециализированному биологическому механизму, помогающему им обследовать окружающую среду посредством звуковых колебаний.

В 1949 году Уильям Э. Шевилл и Барбара Лоуренс из Гарвард-

ского университета впервые записали на пленку «голос» китообразного. Для записи они избрали белуху, или белого кита, потому что среди моряков этот вид прославился своими «трелями», которые слышны и под водой, и в воздухе; белуху даже называют «морской канарейкой». Исследователям удалось записать и трели этой «канарейки», и множество других звуков — свист, писк, щелканье, треск. Этот многоголосый подводный шум они сравнивали с голосами играющих в отдалении детей.

Начиная с этого времени специалисты разных областей науки стали уделять все большее внимание исследованию звуков, издаваемых китами. В период между 1950 и 1958 годами анатомы, психологи, физики и биологи, изучающие поведение животных, проделали большую работу и накопили немало сведений. Выяснилось, например, что китообразные воспринимают звуки частотой до двухсот килогерц (для сравнения замечу, что верхний частотный предел человеческого слуха — около двадцати килогерц). Стало ясно, что издаваемые китами звуки, безусловно, могут служить для эхолокации.

Шевилл, Лоуренс и помогавший им дрессировщик работали с дельфином-одиночкой, плававшим в бассейне с мутной водой. С самого начала они заметили, что дельфин легко находит дрессировщика и пищу в любой части бассейна. В 1956 году они уже с уверенностью утверждали, что дельфин пользуется эхолокацией; так как он умел находить объекты, которые не только не были видны, но и не издавали никаких звуков.

В 1958 году У. Н. Келлог, профессор экспериментальной физиологии в Университете штата Флорида, сообщил о своих опытах с содержавшимися в неволе дельфинами; эти опыты не оставляли сомнений в том, что животные пользуются эхолокацией для обнаружения подводных объектов. В последней серии экспериментов дельфину по имени Альберт приходилось отличать рыбок длиной пятнадцать сантиметров от рыбок вдвое большего размера; эта серия состояла из ста сорока экспериментов, и ни в одном из них Альберт не сделал ошибки: он четко различал рыб разного размера, причем делал это очень быстро, независимо от того, было ли светло в бассейне или темно, и не ошибался, даже когда Келлог пытался сбить его с толку, транслируя под водой запись предыдущих «высказываний» дельфина.

Не имеет смысла спорить о том, кто первым обнаружил китовый «сонар»: первого не было. В наши дни ученые не отправляются в одиночку на поиски истины.

* * *

Маленький кашалот постепенно запоминает членов своей группы и учится отличать их от других китов. У его двоюродной бабки, например, изуродована нижняя челюсть: много лет назад эта китиха пострадала в драке с косаткой. Ее подбородок, на сорок пять градусов отогнутый от естественного положения, оброс водоросля-

ми и моллюсками; однако старая рана не беспокоит китиху — она как ни в чем не бывало охотится на рыбу и кальмаров.

Нетрудно отличить и другую старую самку, пережившую в море уже сорок три зимы. (Избежать насильственной смерти ей удалось отчасти благодаря тому, что ее почти всегда сопровождает детеныш, а китобои обычно не стреляют в кормящую мать.) Спина старой китихи густо усеяна бледными круглыми отметинами размером от чашки до большой тарелки. Некоторые из этих отметин — следы мощных присосок, которые усеивают щупальца кальмаров и осьминогов; другие шрамы — следы укусов миног, скользких и вертких коричневых существ метровой длины, которые внушают отвращение даже зоологам. Миноги всю жизнь путешествуют, присосавшись к телу кита или рыбы. Круглый и эластичный рот миноги специально приспособлен для этого: окружность его усеяна острыми зубами. Вонзая зубы в кожу жертвы, минога сосет ее кровь, и, если жертва достаточно крупна и сильна и не погибает, на теле ее остаются незарастающие шрамы. На коже китов шрамы всегда представляют собой окружности, и, если кит немолод, на его спине и боках видны сотни таких кругов, беспорядочно пересекающихся между собой, как лунные кратеры. Однажды я получил письмо от сотрудника рыболовной станции в Южной Америке, который с удивлением сообщал, что видел дельфина, на боку которого белой краской были выведены цифры три и девять. Конечно, это были не цифры, а шрамы — следы нападений морских хищников.

Третья самка в группе нашего китенка стала жертвой очень странного случая. На ее правом боку — позади плавника и немного выше его — виден длинный выпуклый шрам. Китиха будет носить этот шрам до самой смерти, и, если тушу ее доставят на палубу китобойного судна, нож раздельщика затупится, наткнувшись на чрезвычайно твердый предмет, скрывающийся под шрамом. Четыре года назад безлунной ночью недалеко от Бокинских островов курс этой китихи пересекся с курсом стаи меч-рыб. Меч-рыбы, вероятно, плыли со скоростью не меньше тридцати узлов, и одна из них на полном ходу столкнулась с китихой; меч обломился у основания и остался в ране. Прошло несколько недель, рана закрылась, и меч врос в подкожный жировой слой китихи.

Есть в семье нашего кашалота и кит, на которого было совершено, по-видимому, преднамеренное нападение. О том, что меч-рыбы совершают такие нападения, стало определенно известно после одного случая во время второй мировой войны. Несколько судов, груженых каучуком, были потоплены в Мозамбикском проливе; тюки каучука вынесло на берег, и осмотревшие их очевидцы пришли к выводу, что груз подвергся нападению марлинов и меч-рыб[1]. В каучуке остались многочисленные обломки мечей; в одном

---

[1] Меч-рыбы, парусники и некоторые другие мечерыловые рыбы обитают в открытом океане. Характерная их особенность — мечевидный вырост челюстей, особенно верхней. «Меч» способствует уменьшению лобового сопротивления воды при плавании, и поэтому мечерыловые рыбы одни из самых быстроходных в Мировом океане; меч-рыба, например, способна развить скорость до 130 километров

тюке застрял меч полуметровой длины, который, очевидно, принадлежал марлину весом не менее ста шестидесяти килограммов; рядом обнаружили застрявшие в каучуке зубы акулы кархародона [1]. Несчастный марлин! Он, вероятно, пытался выдернуть из каучука свой меч, и в это время на него напали акулы; одна из акул, обезумев от вкуса крови, принялась кусать каучук. Следы этого кровавого сражения сохранил и принес на берег тюк каучука.

В 1967 году меч-рыба пробила внешний слой обшивки подводной лодки — миниатюрного исследовательского судна «Алвин». Это произошло у берегов Джорджии, на глубине шестисот метров; агрессор не сумел высвободить свой семидесятисантиметровый меч и был поднят на поверхность и затем отправлен на камбуз. (В 180 году до н. э. Оппиан Сицилийский писал о меч-рыбе, что «природа хорошо вооружила ее пасть, но оставила безоружным ее ум».)

Другие члены семейной группы маленького кашалота не имеют таких заметных внешних отличий, но наш герой умеет и их опознавать под водой. У каждого кита своя окраска, свой «голос», свой рисунок шрамов, особенно заметный вокруг пасти, чаще всего это — следы укусов гигантских кальмаров, чьи твердые клювы, способные перекусить человеческий палец, оставляют на тонкой черной коже кита длинные белые царапины. Черное рыло кита бывает испещрено целой сетью белых линий — этаких росчерков тысячи клювов, роговых зубов и когтей.

На лбу одной из взрослых самок заметно углубление: когда-то она гналась за морским чертом [2] и на глубине полумили задела в кромешной тьме выступ скалы.

На спине у другой, более молодой самки — борозда, оставленная неумело нацеленным гарпуном; снаряд вошел в воду под слишком маленьким углом, задел китиху, но не взорвался.

Еще одна китиха носит на спине весьма редкий сувенир — стальную трубку с русской надписью. Это специальная метка, которой снабдил китиху один из сотрудников исследовательского судна «Алеут», приписанного к Владивостокской станции морских исследований.

А вот к нашей группе китов присоединяется самка странного вида; она только что прибыла из теплых южных вод, и маленький кашалот настороженно плавает вокруг нее, рассматривая диковинных, неприятно серых рыб около сорока сантиметров длиной, кото-

---

в час. Из всех рыб этого семейства только меч-рыба использует «меч» для нападения на добычу. Большинство мечерыловых — одни из самых крупных рыб, обитающих в Мировом океане; так, марлины могут достигать 5 метров в длину и весить до 900 килограммов.— *Прим. ред.*

[1] Кархародон — одна из самых крупных хищных акул; достигает в длину 11 метров, весит более 3 тонн. Распространена в теплых водах всех океанов, заходит и в умеренно теплые воды. Относится к числу акул, наиболее опасных для человека.— *Прим. ред.*

[2] Морской черт, или удильщик,— рыба до 20 килограммов весом и 1,5 метра длиной. Обычно затаивается на дне, выставив на конце гибкого луча-удилища «приманку» в виде развевающегося флажка.— *Прим. ред.*

рые облепили спину и бока китихи. Это не совсем обычные рыбы. Китенок видит, как одна из них бесшумно отделяется от кожи китихи, и, вяло извиваясь, плывет в его сторону. Верхняя часть головы этой рыбы украшена овальной присоской, состоящей из мясистых валиков и похожей на подошву спортивной туфли. Присоска позволяет китовой прилипале, или реморе, намертво вцепляться в кожу кита. В результате долгой эволюции прилипала отказалась от свободы (а отчасти и от физической силы) ради возможности с удобством путешествовать за чужой счет; жить самостоятельно она не может. Ремора, не нашедшая себе «лошадку», обычно обречена, ибо у нее много врагов — акул и барракуд [1].

Маленький кашалот бросается в сторону, и неприятно серое существо медленно погружается в глубину. Проходит день, и гостья с юга теряет еще несколько прилипал. А неделю спустя исчезают и последние «пассажирки» — вода здесь слишком холодна для них, и теперь, чтобы не погибнуть, они вынуждены искать себе попутчика в теплые воды.

Холодным дождливым днем в середине октября наш герой замечает на туманном горизонте странное судно. Это «Орхидея» — судно, созданное учеными специально для морских исследований и кино- и фотосъемок. «Орхидея» идет со своей обычной скоростью семь узлов — но вдруг резко звонит телеграф: полный назад. Судно вздрагивает, в камбузе скользят по полкам кастрюли, в кают-компании ударяются о стену стулья.

В воде, вспененной винтом «Орхидеи», бьется небольшая китиха (вес ее всего десять тонн). Она мирно отдыхала на поверхности; спина ее едва заметно выступала из воды прямо по курсу «Орхидеи», а рулевой некстати загляделся на фонтан по правому борту. В результате столкновения китиха ранена. Это одна из наших героинь — та самка, на спине которой блестит метка из нержавеющей стали. Метке не суждено вернуться во Владивосток, ибо раны китихи смертельны. Она издает резкий громкий звук, призывая на помощь своих собратьев, и два кита приближаются к ней. Вероятно, сочувствие заставляет их обоих одновременно испражниться. Они поддерживают раненую с обеих сторон, не давая ей утонуть. Появляются и другие киты, которым инстинкт велит спешить на помощь товарищу, попавшему в беду; было время, когда биологи смеялись над подобными утверждениями, но теперь существование этого инстинкта признается всеми исследователями.

* * *

Задолго до того как биологи начали научными терминами описывать инстинкт взаимопомощи у китов, китобои уже умели использовать его для своих целей. Они старались ранить детеныша,

[1] Некоторые виды прилипал свободно плавают и редко пользуются присоской. Другие, например, акулья ремора, наоборот, практически не могут плавать и потому вообще не могут существовать самостоятельно.— *Прим. ред.*

зная, что мать непременно явится спасать его, и тогда можно будет легко убить не только детеныша, но и китиху. Среди экспонатов Музея китобойного промысла в Нью-Бедфорде есть акварель, нарисованная в 1840 году; на ней изображена самка кашалота, поднявшаяся над волнами; в пасти у китихи умирающий детеныш, а из окровавленного бока детеныша свисает линь гарпуна.

Когда знаменитая «Морская студия» в океанариуме «Мэринленд» открыла первый крупный бассейн для дельфинов, у его прозрачной стены тотчас появились биологи с фотоаппаратами и записными книжками. Одно из первых сделанных ими наблюдений относилось к проявлению инстинкта взаимопомощи у китообразных: ночью в бассейне околел молодой дельфин, а утром биологи увидели, что мать терпеливо поддерживает безжизненное тело на поверхности воды, словно боится, что ее дитя задохнется.

При виде подобных сцен я не могу оставаться беспристрастным наблюдателем — они слишком волнуют меня. А еще больше меня волнует мысль, что, возможно, миллион лет назад именно такие проявления направили эволюцию австралопитека по пути, который в конце концов привел к появлению человека — животного общественного.

Примерно в то время, когда начались наблюдения в «Морской студии» в океанариуме «Мэринленд», известный научно-популярный журнал опубликовал рассказ жительницы Флориды об одном любопытном происшествии.

«Это случилось шесть лет назад. Мы тогда владели узкой полосой пляжа, к которому вела скользкая и шаткая деревянная лестница. В один прекрасный день я спустилась по ней к морю; кругом никого не было, и когда я вошла в воду, меня никто не видел... Волны были небольшие, не выше полуметра, и только оказавшись по пояс в воде, я поняла, что меня уносит отливом. Не успела я повернуть к берегу, как меня сбило с ног и захлестнуло волной; я сразу наглоталась воды. Достать дно ногами не удавалось. Я пыталась позвать на помощь, но от страха и от попавшей в гортань воды у меня отнялся голос. Я поняла, что, хотя до берега всего каких-нибудь три метра, мне не выбраться. Я начала терять сознание и молча молила бога послать кого-нибудь мне на помощь. И вдруг кто-то сильно толкнул меня к берегу, и через секунду я оказалась на песке. Я лежала ничком, не в силах даже поблагодарить человека, который спас меня. Лишь через несколько минут я сумела обернуться — и увидела, что за спиной у меня никого нет. В воде, метрах в шести от берега, прыгал дельфин, а всего в метре от него плыло какое-то другое морское животное или рыба. Я собралась с силами и поднялась по лестнице. Наверху меня ждал человек, стоявший по другую сторону изгороди, на общественном пляже. Он подбежал ко мне, спросил, как я себя чувствую, и сказал, что был свидетелем моего чудесного спасения. Он утверждал, что уже во второй раз видит, как дельфин спасает человека. По его словам, я лежала в волнах, как утоплен-

ннца, когда внезапио появившнйся дельфнн вытолкнул меия иа берег. Этот человек счнтал, что дельфин хотел спасти меия от плававшей иеподалеку рыбы, которая, по его мнеиию, была акулой. Значит, бог услышал мою молитву».

* * *

Владения малеиького кашалота пересекает судио с искателями приключений иа борту: это бригаитииа «Фея», возвращающаяся в Калифорнию с острова Пасхи. Бригантниа медлеиио идет под парусом, двигатель ее молчнт. Комаида дремлет, кто-то драит медь, кто-то чиинт одежду.

Вдруг нз рулевой рубки доиосится возглас вахтеиного, шутки ради подражающего воплю дозориого со старинного китобойца: «Фоита-а-аи иа горизоите!» По палубе стучат босые пятки. Оказывается, это вовсе не шутки: «Фея» поравиялась с семейной группой иашего кашалота. Бригаитниа окружеиа китами! Одии из них проходит так близко к борту, что слышен неприятный запах его дыхаиия. Тремен — мальчишка, сыи капитаиа,— повис над водой, держась за бушприт. Он вие себя от возбуждеиия. Схватив гарпун для акул, к которому привязаи лиињ н поплавок, он целится в спииу иебольшой китихи, проплывающей прямо у борта. Попал!

Китиха удивлеиа ие меиьше, чем сам мальчишка. Линь, точио живой, бежит из бочонка. «Шлюпку иа воду!»— кричит капитаи, и иа волны опускается моторная шлюпка; за рулем капитаи, рядом с ним Тремен. Они приблнжаются к раиеному животному, ио не зиают, что предпринять: три крупиых кита бросились к месту происшествия и кружат возле жертвы, годовалой кнтихн, сводной сестры иашего маленького героя.

Лннь рвется — то ли перекушен, то ли перетерся о бок проплывающего кита; ио Тремеи успевает подвязать к оборваниому лиию новый коиец, а капитаи бросает еще одии гарпуи и тоже попадает в цель — в левый бок китихн. Кровь струнтся из обеих раи; китиха быстро уходит, взбивая пену,— но шлюпка летит за ией иа буксире.

Между тем «Фея» запустила двигатель и иагиала моторку; двое моряков на палубе вооружнлнсь винтовкамн. Целый час оии почти иепрерывно обстреливают китиху, н в коице коицов нм это надоедает — онн готовы прекратнть охоту; однако тут-то лннь и провисает. Безжнзненное тело застывает в окружении розовой пеиы.

Хвост туши обвязывают тросом, включают лебедку, чтобы поднять добычу иа палубу. Лебедка дрожит н воет, ее приходится выключить — китнха слншком тяжела. Охотиики фотографируются иа фоне своего трофея, потом из спины китихи вырезают четырехкилограммовый кусок темно-красиого филе — и тушу бросают на пожнву акулам.

На восточиой окраине угодий, заиятых сейчас семьей маленького кашалота, поверхпость моря покрыта коричиевыми и зелены-

ми водорослями, которые шторм сорвал с прибрежного мелководья. Мягкие стебли покачиваются в воде, все разом поворачиваются, изгибаются; лучи солнца золотят их и теряются в зеленом сумраке. Течение расправляет на поверхности ярко-зеленые листья. Ветер задирает над водой их края, и море вспыхивает миллионом отблесков. Коричневые шары и луковицы поднимаются и опускаются в волнах, точно головки кукол, которыми управляет невидимый актер. Стаи рыб, тоже унесенных штормом от берега, снуют среди водорослей, ловят крошечные живые организмы, которые срываются со стеблей и медленно опускаются ко дну.

В этом плавучем лесу оказываются и наши герои — маленький кашалот и его семья. Конечно, китенку случалось видеть водоросли — но не в таком количестве и не так далеко от берегов! Он обследует пучок стеблей, берет его в пасть и выплевывает. Похоже на пищу, но эта пища ему не нравится. Плывя под самой поверхностью воды, китенок на пробу вторгается в гущу водорослей. Мокрые стебли поглаживают его кожу; что ж, ощущение приятное. Глаза китенка ничего не видят в джунглях колышущихся стеблей, а его слух воспринимает лишь бессмысленный шум. Закрыв глаза, он медленно движется сквозь эту странную, приятную на ощупь массу. Китенком движет первобытная тяга к открытиям, к переменам, к поискам новых возможностей — та самая тяга, которая движет эволюцией. (Иногда, правда, она заводит эволюцию в тупик.)

Десять минут спустя китенок возвращается на поверхность и видит рядом своего сводного брата. И вот китята вместе играют в водорослях — выпрыгивают в воздух, бьют хвостами, превращая воду с водорослями в сплошную бурую кашу, плещутся в свое удовольствие. Неожиданно китенок натыкается на широкий бок самца, хозяина гарема, который немедленно награждает его ударом хвоста. Игре конец. Китенок громко чихает, выпуская в воздух фонтан мелкой водяной пыли, и сломя голову несется назад, к матери.

* * *

В 1963 году пятьдесят специалистов, мужчин и женщин, собрались в Вашингтоне на международную конференцию по исследованиям в области биологии китообразных. Говорили на разных языках и интересовались разными аспектами биологии: одни представляли «чистую» науку — их интерес к китообразным подогревается пламенем бескорыстной любознательности; другие относились к «прикладникам», которые изучают животных с целью сохранить их для пользы будущего человечества. Все делегаты конференции были закоренелыми скептиками и привыкли подходить критически к результатам научных исследований. Слушая истории из опыта китобоев, обсуждая подробные доклады о поставленных экспериментах, они постоянно спрашивали себя: правильно ли докладчик интерпретирует наблюдения или им можно дать другое объяснение?

Одно из заседаний было посвящено умственным способностям китообразных. Келлер Бреланд, президент Ассоциации по изучению поведения животных, находящейся в Хот-Спрингсе в Арканзасе, предложил следующий исходный тезис: «Умственные способности проявляются, когда отказывают заложенные природой инстинктивные реакции; умственные способности расширяют комбинационные возможности животного как в отношении процессов, протекающих в его организме, так и в отношении событий внешней среды». Делегаты сошлись на том, что именно умственные способности позволили многим животным избежать тупика эволюции, в котором оказались низшие виды, реагирующие на раздражители чисто механически. Однако, когда разговор зашел о методах испытания умственных способностей и о способах их оценки, среди участников конференции завязалась оживленная дискуссия.

Артур Ф. Мак-Брайд, о котором уже упоминалось в этой книге, заслужил уважение коллег еще в тридцатых годах, когда он занимался организацией первых океанариумов; а его сотрудник Д. О. Хебб специализируется по биологии приматов и давно работает над методикой оценки умственных способностей животных, в частности шимпанзе, с которыми он проводил эксперименты, ставя их в новые, необычные условия. Я привожу здесь краткий пересказ доклада, сделанного на конференции этими двумя учеными.

До сих пор не получено убедительных доказательств незаурядных умственных способностей дельфина — то есть его умения разрешать поставленную задачу,— и пока неясно, как получить такие доказательства. По степени мотивированности поведения и по эмоциональным проявлениям дельфин находится между собакой и шимпанзе, так как:

— во-первых, дельфины выказывают страх перед необычными звуками и перед неподвижными предметами. (Крысы, например, такого страха не выказывают.) Достаточно бросить в бассейн яркий мяч, чтобы плавающие в бассейне дельфины замолчали на целый день и прекратили играть друг с другом и выпрыгивать из воды;

— во-вторых, дельфины как будто умеют дружить с себе подобными животными, в точности как собаки и шимпанзе (опять-таки в отличие от крыс);

— в-третьих, дельфины способны в течение целого часа и дольше играть с плавающими или развлекаться, дразня в бассейне акулу, черепаху или пеликана; забавляются дельфины и попросту ныряя или хлопая хвостом по воде в определенном ритме. (Быть может, это занятие дельфинов сродни ритмичным танцам шимпанзе?);

— в-четвертых, дельфины проявляют склонность к сексуальным играм, не связанным непосредственно с процессом размножения. Эти игры заставляют заподозрить, что дельфины — вид более высокоразвитый, чем остальные виды животных, и стоит ближе всех к человеку.

Следующий докладчнк, профессор А. Бразиер Хоуэлл из Уииверснтета Джона Хопкинса, заявил: «Хотя дельфину умственные способиости нужиы, по-видимому, меиьше, чем почти всем остальным млекопитающим, нзвнлины мозга дельфина более ярко выражены, чем извилины мозга человека; впрочем, возможно, что, вопрекн распростраиеииому миеиию, ярко выражеииые извилины вовсе не свндетельствуют о высокой степенн развитня умственных способностей».

Токузо Коджнма, бнолог из Японского ннстнтута по исследованию китов, привел данные о соотношенин веса мозга кита и веса его тела. Напрнмер, вес мозга двадцатнметрового кашалота составляет семь кнлограммов. Поскольку сам кашалот весит прн этом сорок две тоины, вес его мозга составляет всего одну пятнтысячную веса тела; укажем для сравнения, что вес мозга взрослого человека составляет от одной пятндесятой до одиой шестидесятой веса его тела.

Новый подход к исследоваиию мозга дельфииов предложили зоологи Сэм Г. Риджуэй, Н. Дж. Флаинган и Джеймс Г. Мак-Кормик. Оии считают, что показательио не соотношеиие веса тела и веса головиого мозга, а соотношеиие веса спниного мозга и головиого мозга. По нх миеиню, головиой мозг — это орган, управляющий рассудочным поведением; спиииой мозг управляет рефлексами. У некоторых из гигаитских дниозавров головиой мозг был не крупнее грецкого ореха, зато спииой мозг был огромен. Исследователи произвели вскрытие пятиадцати дельфинов трех разных видов. Сравнивая полученные соотношения веса головного мозга и веса спиииого мозга с подобными даннымн для других животных, онн обиаружилн, что если у рыб это соотношение равняется единнце, у лошадей — двум с половииой, у кошек — четырем или пяти, у обезьяи — восьми, то у дельфинов оио составляет тридцать шесть, а у человека — пятьдесят. Результаты этих исследований весьма лестны для «умницы» дельфииа.

Последним выступал на конфереицип Джон Каииингем Лиллн из Научно-исследовательского нститута коммуникаций (Майами, штат Флорида). Джои Лиллн сообщил, что среди китообразиых, живущих в открытом море, нет ии одного внда, мозг которого весил бы меньше восьмисот граммов. Следовательно, природа установила определеииый нижний предел количества клеток головного мозга (сравиите с инжннм пределом количества ячеек памяти компьютера), необходнмого, чтобы китообразные могли справляться с трудностямн жнзнн в океане. Самый крупный головной мозг, обнаруженный бнологамн иа Земле, был нзвлечен нз черепной коробкн кашалота: вес его составлял около восьмн килограммов.

Далее, эксперименты, поставленные Джоном Лиллн с дельфинамн, заставляют предположнть существование дельфииьего «языка». Джон Лиллн описывал разговоры между дельфииами, которые внешне напоминают человеческие разговоры в том отиошеиии, что пока одно из «беседующих» животных говорит, второе молчит (в

определение «человеческого разговора» не входят, очевидно, беседы женщин). Дельфины, которые долго находятся в неволе и привыкают к людям, постепенно научаются подражать речи знакомых им людей. (Впрочем, на это способны также попугаи и скворцы.) Джон Лилли сказал, что, безусловно, отвергает теории «спиритистов» о возможности существования сознания вне тела и тем не менее считает весьма правдоподобным существование неведомого нам, особого сознания дельфина.

В начале конференции доктор Л. Харрисон Мэтьюз, директор лондонского Зоологического общества, обратился к собравшимся со следующими словами: «Похоже, что некоторые из наших коллег не прочь поставить свои биологические исследования на службу прибыльному делу и собираются втянуть животных в непрекращающиеся человеческие войны, превратить китов в подводных сторожевых псов, охраняющих военные объекты, или обучить их носить взрывчатку. Как бы ни были разумны китообразные, они, к сожалению, не наделены достаточным умом, чтобы отказаться сотрудничать с человеком и ответить своим дрессировщикам теми характерными подводными звуками, которые, будучи произнесены в воздухе, выразили бы высшую степень презрения».

Браво, доктор Мэтьюз!

* * *

Проливом Хуан-де-Фука, ведущим к Пюджет-Зунду, плывет на восток двоюродный дедушка нашего маленького кашалота; старый кит нагоняет длинную процессию лососей. Лососи упорно пробираются к притокам реки Фрейзер, где, прежде чем проститься с жизнью, они отложат на галечное дно множество сверкающих икринок. Лососи появляются здесь каждую осень; кит догнал последнюю в этом году стаю и уже заметил, что лососей вокруг него становится все больше: они почуяли струю пресной воды и, повинуясь таинственному зову, с новой энергией устремились навстречу реке, которая дала им жизнь три или четыре года назад. Кашалот этого не знает. Но если прежде после часа погони ему иногда удавалось поймать одного-другого лосося, то теперь он плывет в сплошном потоке сверкающих серебряных тел — он просто не успевает их глотать. Колышутся в воде снасти рыбаков из Нибэя, Сэкью и Пишта. Кит приплыл сюда по чистой случайности. Он здесь один. Его семья пасется далеко в открытом море, откуда даже не видно мыса Флэттори. Древний инстинкт велит им держаться подальше от узкого пролива Хуан-де-Фука.

Инстинкт спасает кашалотов от неприятной встречи, ибо тихие и спокойные воды в окрестностях Пюджет-Зунда давно облюбовала стая косаток — китов-убийц, чрезвычайно крупных и быстроходных хищных млекопитающих моря. Вот группа косаток, возглавляемая самцом, бороздит море в поисках добычи. На самце роскошный наряд: черный фрак и белая манишка. Весит кит не меньше девяти тонн; когда он всплывает, его спинной плавник на

полтора метра поднимается над водой, как парус. Эта стая косаток отлично знакома местным яхтсменам, которые каждый раз с восхищением наблюдают, как киты направляются сначала на север, к острову Вагкувер, потом устремляются в пролив между островом и материком. Вдали от берегов косатки питаются сельдью, палтусом, хеком и кальмарами, а в проливах между островами охотятся на лосося, треску, акул, порой — на тюленей и дельфинов, а иногда и на морских птиц. (Английское название косатки «кит-убийца»— типичная выдумка человека: такими выдумками двуногий царь природы пытается отвлечь внимание от кошмаров массовых убийств, в которых виновен он сам.)

Эхолокатор вожака косаток обнаруживает одинокого кашалота, и вслед за вожаком вся стая направляется в его сторону. Эти косатки не раз успешно атаковали небольших китов, обитающих в районе Пюджет-Зунда, а однажды напали иа огромного серого кита, с которым они сражались два часа подряд на глазах у возбужденных туристов, толпившихся на берегу. Однако с кашалотом косатки встретились впервые: наш самец — диковинный гость для здешних вод. Вожак медлит — но его молодой и норовистый приятель, разинув зубастую пасть, бросается на кашалота.

Гость в четыре раза тяжелее агрессора, и в драках он не новичок: уже десять лет этот кашалот набирается боевого опыта в брачных поединках со своими собратьями. Он выжидает... и вот в решающий момент яростной дугой изгибает свое громадное тело и наносит косатке сокрушительный удар хвостом. В следующую секунду его нижняя челюсть вспарывает мягкое брюхо косатки; зияет трехметровая рана, сражение окончено. Незадачливый агрессор во фраке и в манишке беспомощно извивается на поверхности моря; волны окрашиваются кровью.

Вопли смертельно раненого товарища заставляют всю стаю забыть о голоде. Косатки в смятении кружат возле умирающего, а одна из самок пытается поддержать его, не дать ему утонуть. Кашалот же сворачивает на запад и уходит в открытое море. В следующий раз он прислушается к голосу инстинкта и не отважится так далеко заходить в здешние тихие воды.

* * *

«Киты-убийцы уничтожены! Соединение капитана Шеррилла выполняет особое задание».

Это заголовок озадачившей меня заметки, напечатанный в газете «Новости военно-морской авиации». В заметке, среди прочего, говорилось: «Успешно завершена еще одна операция по уничтожения китов-убийц в прибрежных водах. С помощью ракет, глубинных бомб и пулеметного огня были ликвидированы сотни хищников».

Несчастные киты! Несчастный капитан Шеррилл, командовавший «успешно завершенной» операцией! Знайте, капитан, что успех ваш весьма сомнителен: место уничтоженных косаток очень

скоро займут их потомки. Бомбите их, бомбите! Ваши люди вовсю позабавятся, а вы подпишите еще один рапорт об «успешно завершенной» операции.

Мы, люди, любим называть одних животных хорошими, «добрыми», а других плохими, «кровожадными». Классифицируя их подобным образом, мы как бы наводим порядок в животном царстве, которое пугает нас своим анархическим разнообразием. Мы без особых колебаний выносим приговор крысе, называя ее «злобной, хитрой и грязной», и эти эпитеты помогают нам отмахнуться от размышлений о биологических механизмах, управляющих жизнью крыс.

С тех пор как люди получили возможность наблюдать поведение косаток в неволе, отношение к этим хищникам значительно переменилось. Да и неудивительно: ведь теперь можно увидеть, как дрессировщик сидит верхом на ките-убийце, чешет ему спину щеткой на длинной ручке, «обнимается» с ним и даже кладет голову в пасть этого «кровожадного» животного.

Ни одна книга о китах не обходится без затасканной, набившей оскомину истории о том, как профессор Эшрихт вскрыл желудок косатки и извлек из него (цитирую лучший из вариантов этой истории): «Ни больше ни меньше как тринадцать взрослых дельфинов и четырнадцать тюленей». Еще один тюлень был якобы обнаружен в глотке косатки. Однако, обратившись к отчету самого профессора об этом вскрытии, написанному в 1862 году, я выяснил, что в действительности содержимое желудка косатки представляло собой отдельные куски кожи и костей — останки животных, съеденных косаткой в течение неизвестного периода времени. Не думайте, будто я полагаю, что развеял легенду о прожорливой косатке,— ведь это интересная легенда, а интересные легенды живут вечно.

Ноябрь

Первое ноября; наш юный герой играет в волнах; далеко на горизонте, там, где тихое, гладкое море сливается с таким же тихим небом, он замечает крошечную черную точку. Она слишком далеко, и пока не видно, что это такое — возможно плывущее по морю бревно, а возможно — раздутый труп тюленя; может быть, это деревянный ящик, сброшенный с палубы, или пустая пластмассовая банка (миллионы таких банок плавают в океане и валяются на побережьях: даже в соленой морской воде они не поддаются коррозии).

Пока маленький кашалот лениво переворачивается с одного бока на другой, точка на горизонте успела вырасти. Малыш настораживается — он почуял опасность. Его мать внезапно меняет курс и пускается наутек; так поступают и все остальные киты

семейной группы. Они размеренно дышат, их чувства обострены, голоса приглушены.

Прошло всего несколько минут — но зловещий черный предмет уже совсем рядом; киты в страхе бросаются в разные стороны. Вспенивают воду могучие винты; массивное океанское судно со словами «Арена жизни» на борту преследует кашалотов. На баке его чернеет странное металлическое чудовище, похожее на пару гигантских щипцов. В корзине на мачте — дозорный; осеннее утро морозно, и дозорный обмотался теплым шерстяным шарфом. Он энергично машет рукой, указывая рулевому курс. Моряки в желтых непромокаемых комбинезонах поднимают на палубу тросы и тали. Судно резко накреняется и разворачивается, взбивая белую пену; моряки хватаются за ванты и леера, чтобы не оказаться за бортом.

«Арена жизни» пускается в погоню за годовалой — еще «грудной» — самкой, которая приходится сводной сестрой нашему маленькому кашалоту. Преследователь то замедляет ход, то резко бросается вперед, а затем внезапно меняет курс и снова прибавляет ходу — точно коршун, охотящийся за зайцем! На секунду двигатели замолкают — это моряки пытаются определить, где всплывет юная китиха в следующий раз,— и вот зловещее судно снова устремляется в погоню, из трубы вырываются новые клубы дыма. Китиха не успевает перевести дыхание, а враг уже совсем рядом.

Гремит пушечный выстрел. На палубе сверкает вспышка, в воду летит снаряд. Однако это не гарпун: черное «чудовище» оказалось стальными щипцами, обтянутыми поролоном. Щипцы крепко хватают китиху за основание хвоста — самое узкое место ее туловища. Прочный нейлоновый линь соединяет щипцы с судном. Еще один выстрел — и в спину бьющегося животного вонзается ампула с транквилизатором — веществом, которое должно парализовать движения животного. Яростный звонок машинного телеграфа — судно дает задний ход. С дрожащего, как струна, линя срываются капли воды.

Моряки торопливо рубят тросы, удерживающие на палубе другое странное сооружение, похожее не то на лодку, не то на гигантское корыто. Это неглубокие сани шести метров длиной, сделанные из стали и поролона. Сани падают на воду, в них вскакивают четверо моряков, которые уже не раз репетировали предстоящую им сейчас операцию. Они спешно подводят свою странную посудину к хвосту китихи.

День холодный — но капитана прошибает горячий пот. Никогда еще человеку не удавалось поймать кашалота живым. Суждено ли ему стать первым в истории ловцом кашалотов — или линь намотается на винт, обломит лопасть руля? Что если китиха очнется и в ярости набросится на морские сани и утопит его людей? Тут не помогут и их спасательные жилеты!

Капитан качает головой и сплевывает табачную жвачку.

Китиха быстро успокаивается. Дыхание ее становится тяжелым,

хриплым. Может быть, доза вещества в ампуле оказалось слишком большой для нее?

И вот воплощается в жизнь план заключительного этапа охоты — результат бесконечных дискуссий, во время которых было выкурено множество сигарет и выпито немало кофе. Ветеринары, механики, инженеры, биологи и опытные моряки — все принимали участие в этих дискуссиях.

Металлические щипцы держат хвост китихи над водой в весьма неудобном для нее положении; под хвостовой плавник подводят сани.

«Быстрей, быстрей!— торопит капитан.— Как бы она не пришла в себя!»

Четверка в спасательных жилетах прыгает в холодную воду; хвост китихи лежит на краю саней. Судно дает задний ход, и щипцы медленно и осторожно втягивают китиху на сани. Все кончено — кашалот пойман.

«Господи, неужели удалось?!»— слышится с палубы.

Судно медленно движется задним ходом, не давая нейлоновому линю ослабнуть. Моряки подплывают к саням, продевают тросы в стальные кольца. Капитан подает сигнал, и огромные сани с живым грузом начинают подниматься из воды. Бум, через который перекинуты тросы, опасно наклоняется; палуба судна уже не горизонтальна: бьется о ванту висящее ведерко. Кто-то дергает тросик, соединенный с зажимом щипцов, и они раскрываются; теперь китиха свободно лежит в санях, вращая глазами — беспомощное, испуганное существо, против своей воли поднятое в чуждый ему мир.

Наконец китиху опускают в люльку, подвешенную на баке; широкий мягкий пояс из брезента и поролона прижимает ее плавники к бокам. В разрыв туч пробиваются лучи солнца. Судно разворачивается и, взяв курс на ост-норд-ост, полным ходом устремляется вперед. Летит радиограмма владельцам «Арены жизни». Сменив промокшую одежду, моряки выходят на палубу и молча окружают китиху, глядя, как медленно поднимаются и опускаются ее бока, как озадаченно ползают по ее высыхающей коже маленькие насекомоподобные существа, как дрожит притянутый к боку плавник пленницы, как блестят ее глаза. Они совсем рядом — кит и человек, теплокровные млекопитающие океана и теплокровные млекопитающие суши, отростки одного древа жизни, которому двести миллионов лет.

На палубе появляется кок. Он вытирает руки о фартук и сдвигает на ухо белый колпак.

«Обед!— кричит кок и обводит китиху бесстрастным взглядом.— Да простят нас киты и тюлени, друзья моряка»,— бормочет он, возвращаясь в свое маленькое и уютное королевство, полное восхитительных ароматов. У кока своя собственная религия, своя жизненная философия.

Дрессировщик и ветеринар озабоченно обсуждают длинный

красный порез на рыле китихи, где ее задело тросом. Затем они осматривают волдыри на ее темени.

Всю эту звездную ночь судно спешит в порт. С рассветом моряки снова поднимаются на палубу и осматривают китиху. Она уже не так тяжело дышит и время от времени ворочается в своей люльке. Ветеринар покрывает белой мазью ее волдыри, вслух объясняя самому себе: «На солнце сгорела... Всего час пролежала вчера на солнце, и вот пожалуйста — волдыри!». Затем он снова обрабатывает антисептической мазью порез на рыле китихи и распоряжается, чтобы пленницу непрерывно поливали соленой водой из шланга, не давая ее нежной коже пересохнуть.

К двум часам дня судно прибывает в порт, где пленницу водружают на открытый грузовик. Репортеры местных газет щелкают фотокамерами, листают блокноты. Час спустя китиха вселяется в свое новое жилище — бассейн с проточной морской водой.

Новость быстро облетела страну, и специалисты из Нью-Йорка, Сан-Франциско, Нового Орлеана и Лос-Анджелеса уже готовятся лететь на свидание с настоящим живым кашалотом.

Между тем озабоченные сотрудники «Арены жизни» пытаются организовать питание пленницы. Чем кормить годовалого беззубого кашалота? Что ел этот «младенец» на воле? Неужели ничего, кроме материнского молока?

«Для начала,— говорит старый служитель аквариума,— дайте ей касторки».

Однако ветеринар рекомендует воздержаться от сильнодействующих средств, и избавленная от оскорбительного лечения китиха получает пресную жидкую кашу, приготовленную из сырых моллюсков, макрели, рыбьего жира и витаминов; с помощью мягкого шланга кашу осторожно вводят ей прямо в желудок.

Выясняется, что эта «детская смесь» вполне может заменить пленнице материнское молоко. В первое кормление она благополучно съедает семь с половиной литров смеси, в следующий раз — пятнадцать литров. «Не будем считаться с расходами,— говорят ее хозяева.— Главное — чтобы китиха выжила». Она весело плавает в бассейне и всем своим видом как бы говорит: «Порядок!»

А в трехстах милях от нее, в океане, мать безуспешно ищет исчезнувшую дочь...

В середине ноября океан редко бывает спокоен. Почти не затихая, бегут на юг черные волны; по волнам скользят тени облаков. Подвывает ветер. Для тех, кто любит море, это сезон отдыха и покоя. Слушайте, слушайте музыку сфер! Вечная мелодия звучит в ритме катящихся волн. Неслышно является рассвет; винным отливом загораются облака, подкрашенные пеплом вулкана, проснувшегося в десяти тысячах миль отсюда.

К семейной группе маленького кашалота присоединяются новые киты, которых он прежде не видел. Киты в превосходной форме: кормясь на летних пастбищах в районе Алеутских островов, они все лето прибавляли почти по тонне жира в месяц.

Однако некоторые из самцов покидают нашу семейную группу и уходят на юг. Их немного, и они, в сущности, не являются членами семьи. Они живут в морях южного полушария; лишь иногда случай заводит их в мексиканские воды. На юге сейчас весна. День ото дня солнце все дольше остается в небе; скоро будет светить всю ночь.

В поисках добычи кашалоты идут на юг, в моря, редко посещаемые человеком; жизнь там бьет ключом. Даже достигнув шестидесятой параллели южного полушария, киты не останавливаются. Они идут дальше, плывут между огромными — иногда до мили шириной — ледяными полями, украшенными сверкающими дворцами, искрящимися пещерами, таинственно светящимися сине-зелеными башнями, вокруг которых в полыньях шумит вода, громким плеском встречая обрушивающиеся ледяные пики. Обломки ледяных полей «страны безмолвия»— великого белого континента — сползают в море, отделяясь от континентальных льдов, и плывут, постепенно распадаясь, тая и растворяясь, пока течение Гумбольдта не растопит их до конца.

Однажды я побывал на Южном полюсе и испытал, каково дышится при тридцатипятиградусном морозе — и это в середине лета!— на континенте вечных льдов. Это огромный континент, больше Европы; он бесконечно чист и покоен; там человек может наконец прислушаться к себе и своим чувствам.

* * *

Окаменелые останки китов-родоначальников прослеживаются в геологических породах, относящихся ко времени появления первых млекопитающих; более глубокие геологические пласты не сохранили никаких определенных «записей» касательно первобытных китов и вообще млекопитающих. Чем глубже мы заглядываем в геологические породы, тем реже находим окаменелые скелеты млекопитающих и тем мельче эти скелеты; самые мелкие из них принадлежали животным размером с крысу, которые когда-то питались яйцами динозавров. Животных, составляющих промежуточное звено между китами и их сухопутными предками, обнаружить пока не удалось.

Изучая эволюцию животных, ученый может прибегнуть к трем разным способам проникновения в тайны прошлого: он может исследовать окаменелые останки, может изучать ныне живущих представителей интересующего его вида и может заняться анализом среды, которая окружала этот биологический вид.

Говорят, что зоологи обожают полуистлевшие кости. Но ведь всякая кость, даже самая крошечная, отражает длительную историю эволюции животного и его потребности на определенном этапе развития. (Не только зоологи, но и художники находят в костях известную экспрессию и умеют видеть в них функциональную красоту.)

Однако было бы бессмысленно изучать скелеты давно вымер-

ших видов китов, если бы одновременно мы не изучали живых китообразных, пытаясь понять структуру организма кита, прекрасно приспособленного к жизни в океане — к плаванию и нырянию, к добыче пропитания и к размножению.

Начнем с зарождения жизни в чреве китихи — то есть с эмбриологии китов. Кит — самое странное из всех млекопитающих, наиболее отклонившееся от основного пути эволюции млекопитающих, наиболее специализированное. Тем не менее организм китообразного не отличается никакими принципиально иными биологическими механизмами: мы находим в нем органы, получившие то или иное специфическое развитие, однако хорошо знакомые биологам, ибо они имеются и в организме собаки, кошки, коровы или любого другого сухопутного млекопитающего. Этот факт вполне убеждает зоологов в том, что киты — потомки наземных млекопитающих (а не морских земноводных, например).

Когда зародыш кита представляет собой всего лишь розовый комочек плоти размером два-три сантиметра, по бокам этого комочка ненадолго появляется пара вздутий, которые исчезают по мере того, как зародыш растет. Местоположение их в точности соответствует местоположению задних конечностей зародыша других млекопитающих; таким образом, ясно, что эти вздутия — зачатки задних конечностей далеких предков китов. Они не несут никаких видимых функций — как не несут функций соски на груди мужчин. Их появление лишь иллюстрирует тот факт, что ненужные органы отмирают чрезвычайно медленно — если только какие-то обстоятельства не делают их существование обременительным для животного и не влияют на естественный отбор.

Время от времени среди скучных, однообразных записей, которые ведутся на китобойных станциях, появляются сообщения, в которые было бы трудно поверить, если бы они не были подтверждены фотографиями и зарисовками. Это сообщения о поимке китов с примитивными, полусформировавшимися задними конечностями. Ничтожна вероятность проявления такого гена после того, как киты многие миллионы лет рождаются без задних конечностей,— и тем не менее атавизм способен исказить развитие зародыша и привести к рождению двуногого морского млекопитающего. Эти атавистические конечности, разумеется, несовершенны: впрочем, недалеко от Ванкувера убили однажды кита-горбача, который имел ноги длиной больше метра. Они были вполне симметричны и состояли из тех же костей и хрящей, из которых обычно состоят задние конечности млекопитающего.

У каждого зародыша финвала в мягкой ткани десен можно обнаружить зачаточные зубы; по мере развития зародыша они твердеют, но когда зародыш достигает длины около четырех метров, эти несостоявшиеся зубы полностью исчезают. У новорожденного финвала зубов нет — с нёба его свисает густая сеть так называемого китового уса, который служит для выцеживания планктона из морской воды. Китовый ус состоит из рогообразного вещества — подобно человеческим ногтям, например.

В течение некоторого времени зародыши нескольких видов дельфинов имеют по восемь сосков, хотя у взрослых дельфинов сосков только два. Это тоже атавизм, напоминающий о далеком прошлом, когда предки китообразных жили на суше и каждая самка вскармливала целый выводок детенышей.

Оставим, однако, окаменелости и эмбрионы: немало сведений относительно предков китов можно получить, изучая биологию современных видов китообразных. Правда, сведений о наземных предках китов мы тут почти не находим, ибо киты так давно живут в океане и так хорошо приспособились к водному миру, что сохранили — во всяком случае, во взрослом состоянии — очень мало признаков своего родства с древними формами жизни.

Современных китообразных делят на две группы — зубатые киты и усатые киты. Зубатые киты — это активные хищники, охотящиеся на морских обитателей всех размеров, от крошечных рыбок до кальмаров, весящих около тонны. Зубатые китообразные встречаются почти во всех морях мира, так как они приспособились к самым различным условиям. Некоторые из них живут круглый год в пресноводных озерах Китая[1]. Каждому виду соответствует определенный тип среды обитания — так называемая «экологическая ниша»; таких видов зубатых китов сейчас насчитывается семьдесят. Усатых же китов всего только десять видов; все они обитают в открытом море и кормятся планктоном.

У зубатых китов одно дыхало и асимметричный череп; у усатых китов — два дыхательных отверстия, череп их симметричен. Желудок зубатого кита состоит из трех и более отделов (в зависимости от вида); желудки всех усатых китов имеют только три отдела.

Эти и многие другие различия между зубатыми и усатыми китами наводят на мысль, что их происхождение различно[2]. В ранний меловой период, более ста миллионов лет назад, два вида небольших, покрытых шерстью теплокровных животных обитали в мелких солоноватых болотах вблизи морских побережий. Последующее развитие одного из этих видов привело к появлению медведей, собак и выдр, другой вид оказался родоначальником иной ветви животных, в том числе коров. Часть представителей обоих видов со временем переселилась в океан, причем с одним из видов это случилось, возможно, на миллион лет раньше, чем с другим. Потомки представителей этих видов так и остались жить в океане и составляют теперь две разные группы, которые мы называем общим тер-

[1] Помимо китайского озерного дельфина (озеро Тунг-Тинг), существуют еще три вида пресноводных дельфинов: один обитает в реках Ганг и Инд, другой — в Амазонке и Ориноко и третий — в реке Ла-Плата.— *Прим. ред.*

[2] Среди специалистов по китообразным существуют две диаметрально противоположные точки зрения на происхождение китообразных. Первая — усатые и зубатые киты имеют разных предков, а внешнее сходство их следует объяснить конвергенцией (приспособлением к одинаковым условиям жизни); этой точки зрения придерживается и автор книги. Вторая — обе группы китов имеют одного общего предка.— *Прим ред.*

мином «китообразные», потому что, приспособившись к одинаковым условиям жизни, они стали чрезвычайно схожи.

Еще один (не слишком совершенный) ключ к родственным связям китов представляют собой наборы «попутчиков» и паразитов, живущих в теле кита или на его коже. Всегда есть паразитические черви в желудочно-кишечном тракте китов. Если какой-то вид кита и какой-то вид червя-паразита связаны длительной и устойчивой (хотя и односторонней) связью, то с изменением организма кита (под воздействием меняющейся внешней среды) меняется также и червь, отчего появляется новый подвид соответствующего вида червей.

«Попутчиками» мы называем такие организмы, как диатомеи — водоросли, скользкими пятнами покрывающие кожу китов. Некоторые подобные штаммы встречаются на коже китов северного полушария, другие — на коже китов-южан, и это указывает, что данные популяции живут в разных районах земного шара.

В наши дни появляются новые, чрезвычайно интересные теории для объяснения скорости и механизмов эволюции. Согласно одной теории, например, изменение содержания кислорода в земной атмосфере происходило не постепенно, а скачкообразно. При каждом скачке развивались новые виды растений и животных, а прежние виды начинали вымирать. Другая теория утверждает, что в периоды уменьшения силы земного тяготения поверхность планеты подвергалась воздействию мощных космических излучений, отчего среди живых организмов Земли возникали мутации[1]. Лишь обитатели океанских глубин, защищенные многокилометровым слоем воды, избежали воздействия космического облучения. Примером тому — допотопное животное целакант, в 1938 году извлеченное из океанских глубин африканским рыбаком[2].

Итак, древние киты оставили свои следы в геологических наслоениях планеты, которые сформировались от двадцати до шестидесяти миллионов лет назад. Современные зубатые киты восходят к китообразным, жившим на Земле около пятидесяти миллионов лет назад. Современные усатые киты — более молодая группа, ей около сорока миллионов лет[3]. Очевидно, общие предки усатых и зу-

---

[1] Мутации — внезапно возникающие естественные (или вызываемые искусственно) изменения наследственности организма. Давать мутации — свойство всех организмов (высших и низших, в том числе и человека), лежащее в основе наследственной изменчивости в живой природе.— *Прим. ред.*

[2] Долгие годы считалось, что кистеперые рыбы (некоторые из них были предками первых наземных позвоночных — земноводных) вымерли более 50 миллионов лет назад. И вдруг в 1938 году был открыт единственный современный представитель этой группы, существующий на сегодняшний день на Земле,— латимерия (отряд целакантообразных группы кистеперых рыб). С тех пор было поймано еще 20 экземпляров этого вида. Об этом «живом ископаемом» подробно рассказывается в книге Д. Смита «Старина четвероног», опубликованной на русском языке Географгизом в 1962 году.— *Прим. ред.*

[3] По представлению большинства зоологов, усатые киты уже прошли стадию своего расцвета, который пришелся на миоцен. Зубатые же, представленные сегодня многочисленными и разнообразными видами, именно в настоящее время достигли эволюционного расцвета.— *Прим. ред.*

батых китов существовали на Земле около ста миллионов лет назад. Возможно, их окаменелые кости когда-нибудь и будут обнаружены среди меловых отложений рядом с остатками скелетов летающих рептилий и зубатых морских птиц.

* * *

Бесконечно многообразен мир, окружающий нашего маленького кашалота. В океанской воде растворены сотни химических веществ, сверкают миллионы живых светлячков, плавают миллиарды комочков материи, ни один из которых не похож на все остальные. Это бесконечно разнообразный, постоянно движущийся, прозрачный животворный бульон — поистине космический источник жизни, древний и постоянно обновляющийся.

Резвясь в этом богатом, прозрачном мире, маленький кашалот и его друзья иногда подбирают игрушки, которые причиняют им боль: жизнь преподносит «детям» неприятные сюрпризы.

В последнее время наш китенок часто пытается ловить остатки материнской трапезы — куски пищи, которые она теряет каждый раз, когда раскрывает свою громадную пасть. Это полуживые рыбы самых разных видов, разорванные на части кальмары и другая добыча. Участие в материнской трапезе полезно для китенка, ибо так он учится ловить добычу, преследовать и кусать ее. Однако это не всегда приятно, потому что время от времени в пасть ему попадаются ядовитые рыбы и рыбы с колючками или с острой чешуей. Иногда и неядовитые рыбы могут вызвать пищевое отравление: это случается после того, как рыбы пасутся в «красных приливах».

«Красный прилив» представляет собой взвесь одноклеточных организмов — не животных и не растений, они занимают как бы промежуточное положение. Подобно растениям, они содержат хлорофилл; в их состав также входят и сгустки красноватого пигмента; а передвигаются эти организмы при помощи жгутиков, как простейшие животные. (Впрочем, разве всякий организм обязан быть либо растением, либо животным? Ведь этикетки нужны не природе, а человеку.) Организмы, составляющие «красный прилив», называются динофлагеллятами[1]; иногда они вдруг начинают размножаться с поразительной быстротой; почему это происходит, в точности неизвестно. Некоторые из динофлагеллят содержат смертельный яд[2], возможно, самый сильный яд на Земле — сильнее ботулина.

---

[1] И все же динофлагелляты относятся к животным, а именно к типу простейших, к классу жгутиконосцев, но к особому подклассу — растительных жгутиконосцев.— *Прим. ред.*

[2] Поедая динофлагеллят, морские животные накапливают в организме яд, который, попадая с пищей в организм человека и других теплокровных животных, оказывает на них отравляющее действие. Яд поражает нервную систему, вызывая паралич мышц. Известны случаи массового отравления людей. Явление «красного прилива» подробно описано в книге Э. Р. Ричмути «Опасные обитатели моря», опубликованной на русском языке Гидрометеоиздатом в 1979 году.— *Прим. ред.*

Желудок китенка еще не приспособлен для твердой пищи, и в кровь его пока только начинают поступать различные противоядия. Да и слизистая оболочка его пищевода пока слишком нежна и мягка.

Сегодня, например, у него болит живот. Он бьет своей массивной, как наковальня, головой в материнский бок и трется спиной о ее живот. Мать, от которой он привык получать всяческие радости, сейчас представляется ему виновницей его несчастья. Китенку кажется, что он голоден; он пытается присосаться к материнской груди, но тут же срыгивает несколько литров молока, которое расходится в морской воде.

Хлопья свернувшегося китового молока появляются в волнах, и плавунчики[1], аккуратной стаей летящие над морем, быстро снижаются, сверкая серебристыми крыльями, и ловко подбирают отвергнутую китенком пищу.

Мать преспокойно продолжает свой путь. Наш герой — ее двенадцатый отпрыск (не считая двоих, которым не суждено было увидеть мир). Китиха, вероятно, знает, что детские беды приходят и уходят, хотя едва ли помнит тот день, лет пятьдесят тому назад, когда, играя у рифов острова Рождества, она сама проглотила плававший на волнах кокосовый орех и долго мучилась желудком. Целую неделю проглоченный орех причинял ей боль, мешая пищеварению, пока природа наконец не пришла на помощь юной китихе и не избавила ее от несъедобной пищи.

Этот урок не прошел для китихи даром. В наше время воды северной части Тихого океана буквально усеяны сетями с крупными шарами из зеленого или бурого стекла, некоторые достигают почти полуметра в диаметре. На этих шарах можно прочесть названия китайских, корейских, японских, советских, канадских, американских и мексиканских заводов рыболовного оборудования. В шторм стеклянные поплавки отрываются от сетей и отправляются дрейфовать по волнам, приплывая и на «детские площадки» китов. Случается, конечно, что китенок проглатывает такой поплавок — но ни один опытный, внимательный кит не сделает такой ошибки.

Двадцатое ноября; полная луна, стоящая высоко в небе, освещает мир маленького кашалота. Он счастлив, все неприятности прошлой недели забыты.

Ровная поверхность моря, гладкого, как расплавленное серебро, внезапно взрывается, и прежде чем китенок успевает понять, что произошло, над морем вырастает лес теней. Какой-то сверкающий черный гигант всплыл на поверхность, разом выставив в воздух и хвост и огромную пасть, из которой торчат извивающиеся, бьющие по воде, отвратительные на вид щупальца. Это кашалот-самец, хозяин гарема, не на жизнь, а на смерть сражается с кальмаром.

---

[1] Плавунчики — мелкие кулики, жизнь которых тесно связана с морем. Большинство из них — арктические птицы. Зимуют обыкновенно в открытом море вдали от побережий. — *Прим. ред.*

Всего несколько кратких мгновений прошло с тех пор, как кальмар, привлеченный лунным светом, поднялся поохотиться у самой поверхности моря. Гигантским розово-серым призраком он двигался в воде, точно бесформенная пелена, парящая в пустоте, покачиваясь и шевеля тонкими щупальцами; внезапное нападение — и кальмар бросился в отчаянное бегство, последнее в его жизни.

Вода успокаивается, и китенок плывет вслед за самцом, на безопасном расстоянии от него — около сотни метров. Он наслаждается сладостными запахами, разлитыми в воде, и ловит сочные остатки кальмаровой туши. Порой ему приходится нырять за ними, иногда довольно глубоко. Когда китенок пускается в новые, незнакомые ему глубины, мышцы его тела напрягаются, сухожилия болезненно натягиваются, в желудке урчит; он постигает волнующее напряжение всех сил, знакомое любому из хозяев океанских глубин.

За много миль от маленького кашалота от стада самцов, направляющихся навстречу антарктической весне, отделяется кит — он тоже уходит в глубину, но ему уже не суждено вернуться. Случай привел его как раз в то место, где между двумя подводными вершинами повис на километровой глубине эквадорский телефонный кабель. Первый сигнал, который получает кит от своих опознавательных систем, кажется ему весьма знакомым: перед ним скользкое, мягкое, упругое щупальце — это, разумеется, кальмар, желанная добыча. Кит хватает «щупальце» зубами и осторожно тянет его. Кабель растягивается, затем внезапно тугим кольцом обвивается вокруг тела кита, намертво зажав его грудные плавники. Кит в страхе бросается в сторону, изгибает тело дугой, пытаясь вырваться. Еще одно кольцо обвивается вокруг его брюха, потом вокруг хвоста. Легкие кашалота горят мучительной болью; перед его затуманенным зрением вспыхивают искры, мир окутывается мягкой тьмой...

Кабель не рвется — и смерть этого кашалота не войдет в анналы человеческой истории. Лишь шепот телефонных разговоров окружает его могилу — о жизни и смерти, о любви и о пустяках, о заработанных и потерянных песо... Туша постепенно разлагается. К ней наведываются светящиеся существа и какие-то черные тени, усеянные светящимися точками; со временем все мясо будет съедено, и даже скелет погибшего кашалота рассыплется на части, и его кости лягут на океанское дно; они впишутся еще одной строкой в геологическую историю планеты, и история перевернет страницу.

* * *

Несколько лет тому назад двое храбрецов — инженер-математик и журналист — провели важный опыт у побережья Калифорнии: они опустились на океанское дно в водолазном колоколе, в который подавали не воздух, а кислородно-гелиевую смесь. Считалось, что эта смесь поможет им избежать так называемой

кессонной болезни, которая вызывает мучительные боли у всякого водолаза, погрузившегося слишком глубоко или вернувшегося на поверхность слишком быстро. В несколько приемов колокол опустили на глубину трехсот метров, где царит чудовищное давление. Затем его подняли на поверхность. Водолазы-любители были без сознания. Один из них так и не пришел в себя, второй очнулся и рассказал, как проходило погружение на рекордную глубину[1] для человека, не защищенного специальным водолазным костюмом.

* * *

Уже в первый год своей жизни маленький кашалот увидит и услышит множество самых разных судов, а в последующие годы он увидит их еще больше: и чадящие, грохочущие моторки с рыболовами-одиночками; и сейнеры, на палубах которых огромными грудами лежат сети, источающие запах гнилых водорослей; и быстроходные парусные клиперы, гордо несущие свои белые паруса (каждый из этих красавцев стоит не меньше миллиона долларов); и направляющиеся к южным островам туристские лайнеры с их яркими цветными огнями, смехом веселых пассажиров и музыкой. Нашему маленькому герою суждено узнать и запомнить много разных морских судов.

В последний день ноября он увидит «Поиск»— судно, какое второй раз уже не встретится на его жизненном пути, потому что капитан этого судна поклялся, что, если ему посчастливится вернуться домой живым, он никогда больше не поведет «Поиск» в открытое море.

«Поиск»— уникальное экспериментальное моторное судно, впервые спущенное на воду. В его разработке принимали участие десятки ученых. Любой моряк придет в ужас, оглядев «Поиск»: это плавучая мастерская-лаборатория, в которой громоздкие штативы с колбами для проб воды соседствуют с сетями для планктона; специальные ведерки для взятия проб грунта стоят возле рыболовных снастей; глубиномеры, радарные устройства, пеленгаторы, дистилляторы, цепные тали — все это размещено среди котлов, жестянок, кастрюль и множества разных подобных предметов. Поднявшись на борт перед отплытием, капитан оглядел загроможденную палубу, почесал подбородок и сказал: «Будем надеяться, что не заштормит».

И вот «Поиск» уже в двух днях хода от Сан-Франциско. На борту довольно пестрый экипаж — биологи, физики, химики, двое матросов, инженер, кок и старпом. Негромкий голос и приветливая улыбка капитана Ларсена успокаивающе действуют на экипаж, который все больше нервничает.

К вечеру второго дня «Поиск» минует острова Чаннел. Он идет лишь под небольшим парусом, который точно держит судно на

[1] В настоящее время человек достиг значительно больших глубин.— *Прим. ред.*

курсе, пока море спокойно. Биолог достает подводный фонарь и, выставив с борта шест с блоком на конце, травит трос; фонарь погружается, освещая воду желтоватым светом, и биолог вооружается большим сачком из мелкой нейлоновой сети, закрепленным на конце бамбукового шеста. Он знает, что с наступлением темноты в жизни моря происходят странные перемены. Некоторые из рыб, которые днем держатся у самой поверхности, ночью опускаются в глубину, зато другие рыбы, кальмары и различные мелкие организмы поднимаются из глубины. Причины этого не ясны, хотя, конечно, главную роль играют тут поиски пищи и стремление укрыться от врагов. Днем вода здесь была прозрачна, но теперь в ней появляются дымчатые существа, которые плывут по воле волн или передвигаются зигзагами, толчками; пройдет, может быть, какой-нибудь час — и ни одного из этих дымчатых существ не останется в живых.

Вот в круге желтого света появляется кальмар. Безукоризненно ритмичными движениями мускулатуры он выталкивает струю воды — это живой реактивный двигатель; вслед за кальмаром появляется беловатый шар, который внезапно превращается в калифорнийского морского льва. Словно акробат, подбадриваемый смехом зрителей и возбужденный огнями рампы, красавец лев взлетает и кувыркается в волнах, явно наслаждаясь движением. Его широкие грудные плавники то расправляются, то складываются, то изгибаются, словно тело льва — мягкая глина, которую лепят волны, подводные течения и перепады давления. Прижав грудные плавники к бокам, морской лев вытягивает длинную шею и устремляется в темноту, оставляя за собой след серебристых пузырьков, срывающихся с его морды и шкуры. Затем лев снова появляется в свете подводной «рампы» — небрежно повисает в воде вниз головой, слегка покачивая плавниками, будто парит в условиях невесомости. Свет фонаря внезапно отражается в его глазу: даже с палубы видна внезапно вспыхнувшая зеленовато-золотистая звездочка.

Биолог с сачком радостно зовет друзей полюбоваться львом, но их топот по палубе вспугивает акробата, и он исчезает. Пройдет всего несколько минут, а лев будет уже на расстоянии мили от судна.

Следующая ночь застает «Поиск» в открытом море, где он на час сбавляет ход, чтобы химик, сонно греющийся возле теплой трубы, мог взять пробы воды. На камбузе двое зоологов играют в карты. Убаюканные тихим рокотом двигателей, они засыпают на кожаном диване. У штурвала — никого, курс поддерживается автоматически. Старпом задумчиво курит на мостике. Барометр падает; поглядев на шкалу, старпом записывает в судовой журнал: двадцать девять. Надвигается шторм — в этом уже нет сомнений.

Утро наступает тихое, но в небе неспокойно, длинные кроваво-красные полосы облаков несутся с севера на юг. Капитан заглядывает в журнал, осматривает небо; ему все ясно, и он решает немедленно возвращаться в порт. Уже через час ветер начинает крепчать,

судно высоко поднимается и падает на волнах, палубу заливают потоки дождя.

На палубе, под спасательной шлюпкой устроился молодой биолог с фотоаппаратом. Объектив аппарата обернут куском развевающегося на ветру полиэтилена. Биолог упирается ногами в буксирный кнехт. Этот фотолюбитель в восторге от каждой возможности сделать необычный снимок. В сотне метров от судна он видит группу из шести китов, среди которых и наш маленький кашалот. Какой кадр для журнала «Лайф»! Шторм крепчает, но это еще только начало. Киты плывут парами. Волна поднимает двух китов одновременно, и телеобъектив ловит их черные раздувающиеся дыхала, которые моментально закрываются. Вода рядом с китами вспыхивает отраженным светом красных облаков. Головы китов черными тенями разрезают скат штормовой волны, над китами — облака белого тумана. Налетает порыв ветра с дождем, скрывая китов от фотографа. Быстро темнеет. «Что-то мне нехорошо»,— думает молодой человек, еще не знакомый с симптомами морской болезни. Спрятав драгоценный аппарат под пальто, он отпускает на ветер полиэтилен, служивший ему защитой от дождя, и торопится в кают-компанию, однако ему приходится задержаться у леера. Спустившись в душное, полутемное помещение, он видит, что его коллеги лежат пластом. По полу скользят игральные карты и журналы. Тошнотворный запах горючего проникает в каюту из машинного отделения — там что-то не в порядке. С потолка свисают мокрые плащи, они раскачиваются в унисон, словно танцуют под ритмичную музыку волн. Левые иллюминаторы каюты внезапно темнеют: их захлестнула зеленая волна; в следующую секунду темнеют иллюминаторы правого борта, затем снова левого, и снова правого...

Каюту сотрясает громовой удар. Судно на мгновение повисает на гребне вала, затем резко накреняется; в лаборатории звенит разбитая посуда, слышно, как по полу катится лавина осколков.

Капитан и старпом, забравшись в тесный рундук, торопливо сооружают плавучий якорь — нечто вроде парашюта из брезента и тросов. Полчаса спустя якорь летит за борт, и «Поиск» разворачивается носом к волне. Теперь его меньше качает, зато он регулярно зарывается носом. Двигатель работает в режиме «самый малый вперед». Проходит день, ночь, еще один день.

Черными тенями пролетают за стеклом рубки ведьмы в изодранных платьях. Вероятно, какие-то птицы: они исчезают, прежде чем их удается разглядеть.

Маленький кашалот ненадолго поднимается из тихого подводного мира в бушующий мир звука и движения — в море, сотрясаемое одиннадцатибалльным штормом. Китенок голоден, но его мать не хочет возвращаться на поверхность.

В каюте «Поиска» экипаж дрожит от озноба, хотя здесь вовсе не холодно. В сером сумраке каюты серые лица сливаются с серой тканью подушек. Кто-то вскрикивает в полусне. Кто-то медленно поднимается и, держась за наклонную стену, движется к трапу. По

стенам непроветренной каюты текут струйки сконденсировавшейся влаги, но никто не обращает на это внимания. Бьют склянки.

Снова громовой удар по палубе. Это спасательная шлюпка сорвалась с места и, порвав леер, рухнула за борт. Судно сотрясается всем корпусом. С верхней палубы текут в открытый люк стремительные потоки воды. «Поиск» снова поднимается на волне.

Жестокая рука шторма немного отпускает судно, когда на горизонте появляются низкие синие холмы Сан-Франциско. Они, кажется, вовсе не приближаются. Однако бледные обитатели кают-компании оживают. Вот наконец Фараллон, за которым становится еще тише, а затем —«Золотые ворота», Сан-Франциско. Экипаж уже толпится на палубе, слышатся бессмысленные, но оптимистические возгласы; люди уже начинают предвкушать кофе с тостом, томатный суп, апельсиновый сок, омлет («Нет, нет, лук пока не кладите, бекон тоже»).

Да, так бывает часто — ученые пытаются проникнуть в тайны великого океана, подглядеть за жизнью китов, тюленей и планктона, определить радноактивность и химизм воды, прощупать динамику волны; а океан сопротивляется, прячет от них свои секреты.

Декабрь

Год идет, настал декабрь. Пронесся первый снежный ураган, побелив берега, от Аляски до границ Калифорнии, и припудрив верхушки гигантских мамонтовых деревьев в Юрике.

После чрезвычайно ветреной недели в проливе Королевы Шарлотты белокрылые морские свиньи уплыли в тихие заливы. Здесь дельфины будут отдыхать, принюхиваясь к резкому запаху кедрового дыма, поднимающегося от костров индейцев на берегу.

Острова в Беринговом море, где летом жили северные морские котики, сейчас безлюдны; их бурая поверхность кажется пустынной. Ветер гонит по песку высохшие морские водоросли, сквозь иней светятся красные и оранжевые пятна лишайника. Детеныши морского котика, родившиеся здесь в этом году, устремляются на юг по проливам между островами Алеутской гряды. Они движутся неуверенно, пробуют свои силы, многое познают впервые: молодые котики впервые проведут целый год в море. Скоро они узнают, что такое шторм в северной части Тихого океана. Узнают, каково сутками не есть и не спать. Самые слабые из них погибнут. Сотни серебристых тушек будут выброшены на берег жестоким прибоем, облеплены водорослями, засыпаны песком.

В Северном Ледовитом океане быстро наступает зима. У северных берегов Берингова моря, где начиная с июля паслись серые киты, появляются льды; теперь серые киты решительно направляются на юг, проплывая по сотне миль в день. Их цель — Мексика. Там, в мелководных соленых лагунах, скрытых от человеческих глаз, беременные самки произведут на свет потомство, а затем сно-

ва начнут спариваться с самцами. Эти киты — последние представители своего рода, который удалось спасти только строжайшими законами, ограничивающими промысел этого вида. Было время, когда серые киты почти исчезли, но теперь число их снова растет. Каждый год, в декабре, когда они проплывают мимо утесов Сан-Диего, сотни тысяч людей приезжают на берег смотреть на них, а многие отправляются на прогулочных судах в море, чтобы увидеть китов совсем близко. На земном шаре нет другого такого места, где огромные толпы людей наблюдали бы за огромными стадами китов. Ни один другой вид китообразных не совершает ежегодных, таких регулярных и таких длительных путешествий, как мигрирующие серые киты. И ни один другой вид не приносит потомства в прибрежных водах — в заливах и лагунах.

Разные виды буревестников уже покинули север. Так, в сентябре тонкоклювые буревестники миллионами собирались в стаи, летали над волнами, то опускаясь на гребни, то проносясь над самой водой сквозь белые стены тумана, а теперь, проделав путешествие в семь тысяч миль, откладывают яйца на бесплодных островах у берегов Тасмании.

Наш маленький кашалот и его семья, по-прежнему пасущиеся у мексиканского побережья, начинают чувствовать, как остывают воды северо-восточного течения. Неторопливо, короткими переходами киты движутся к югу, в более теплые воды. Взрослым китам, одетым в толстый слой жира, холод не страшен: больше того, довольно часто им даже слишком жарко. Однако молодежь предпочитает более теплые воды.

В длительном процессе бесстрастной эволюции постоянно случалось так, что китихи, оказавшиеся на богатых пастбищах вблизи экватора, наиболее успешно рожали и вскармливали своих китят. И так как китята выживали и в свою очередь тоже приносили потомство, случайность постепенно перестала быть случайностью и превратилась в устойчивую привычку, которая помогает сохранению вида.

Молодые, но уже почти созревшие киты-самцы десяти лет и старше начинают чувствовать новые порывы, новые желания (хотя до весны еще три месяца). Они беспокойно кружат вокруг самок, ощущая все возрастающую тревогу. Самки отгоняют их, и молодые самцы снова отправляются охотиться и развлекаться. Некоторые из них уплывают далеко от своего стада, добираясь до Кореи и Курильских островов. Они обгоняют джонки и сампаны, отважные маленькие суденышки Востока. Киты встречаются со своей дальней родней — другими китами, чьи голоса звучат для них немного странно.

Мать нашего китенка проголодалась — слишком долго дремала в лучах зимнего солнца, почти у самой поверхности воды. Она делает выдох, затем набирает полные легкие воздуха и выпускает его; повторив этот цикл раз десять, китиха отправляется в глубину. Над волной, на фоне синего неба мелькает ее хвостовой плав-

ник. Ныряя, китиха не просто опускается под воду — она волнообразно изгибает тело, упорно «ввинчивается» в толщу воды. Ее пульс падает до десяти ударов в минуту. В этом замедленном режиме сердце китихи за одно сокращение перекачивает девятнадцать литров крови. Кровь перестает поступать в сосуды, пронизывающие ее плавники, кожу и хвост: кровь питает теперь главным образом обширный мозг и сердце китихи. Темно-красные мышечные ткани ныряющего животного начинают выделять в кровеносную систему скрытые запасы кислорода[1].

Помогает китихе и ее жировой слой. В его губчатой маслянистой ткани тоже есть запас кислорода. Давление воды растет: китиха погружается все глубже. Ее организму уже не хватает кислорода, но она еще держится. Бесчисленные клетки ее тела испытывают кислородное голодание, но не сдаются. Полчаса китиха охотится на глубине, затем всплывает подышать. Ее легкие очищаются и освежаются; в блаженном экстазе она втягивает в себя чистый, ничем не загрязненный воздух. Далеко слышно над водой дыхание китихи, вторящее пению ветра, точно шепот прибоя на песчаном пляже. Другого такого звука не услышишь в море. Китиха охотилась на глубине семисот метров — и осталась цела и невредима.

* * *

Не странно ли, что, когда ныряет беременная китиха, зародыш в ее утробе, который тоже испытывает гигантское внешнее давление и тоже страдает от замедленного кровообращения, не вылетает из тела матери, как пробка из бутылки? Вероятно, когда содержание кислорода в крови матери уменьшается, организм зародыша принимает к сведению изменение состава крови и тоже перестраивается на режим ныряния.

Самка кашалота живет довольно однообразной жизнью — первобытно простой, бесконечно повторяющейся и незамысловатой. Настает рассвет, затем полдень, затем сгущаются сумерки, опускается ночь, в небо поднимается луна, через несколько часов снова встает солнце. Набегают облака, проходит полоса дождя, поднимается ветер, потом все затихает; может быть, сгущается туман или идет мокрый снег; затем небо снова очищается.

Еще недавно специалисты дружно заявляли: «Скорость, с которой плавают киты, невозможно объяснить ни одной теорией. По всем законам физики у китов попросту не должно хватать мускульной энергии для столь быстрого передвижения под водой». Специалисты строили жесткие модели из дерева, буксировали их под водой, вычисляли необходимые затраты энергии. Сравнивая полученные цифры с возможностями китов, они пожимали плеча-

[1] Кислород, запасенный в мышцах, во время ныряния, как правило, расходуется на работу самих мышц, к которым прекратилось поступление кислорода, запасенного в гемоглобине крови. Благодаря такой системе снабжения организма кислородом киты могут подолгу оставаться под водой.— *Прим. ред.*

ми. Потом сконструировали модель из пластика и резины — искусственного кита с эластичным наружным слоем, имитирующим кожный и жировой покровы кита, теплые и подвижные. Эта модель оказалась гораздо ближе к действительности: разгадка поразительных скоростей китов заключалась в эластичности наружных тканей, которые чутко отзываются на давление обтекающей их воды и потому не вызывают завихрений при движении, создавая тем самым киту наиболее благоприятные условия для плавания. Вот почему кашалоты плавают со скоростями, недоступными механическим аппаратам [1]. Могучее движение хвостового плавника, непрерывное колебание всего наружного покрова, которое уменьшает трение о воду, позволяют китам в критической ситуации достигать скорости двадцать узлов, а при обычном, «крейсерском» ходе подолгу поддерживать скорость шесть узлов. Взлетают над безмятежным морем насыщенные парами фонтаны выдыхаемого китами воздуха. Плывут киты-одиночки, царственно скользя в волнах. Плывут киты, выстроившиеся шеренгой, точно старинная кавалерия. Играют киты, охваченные весельем: выпрыгивают из воды, ныряют, разом всплывают и пускают фонтаны, появляясь и исчезая в легком и величественном ритме. Они поистине удивительны, эти близкие родственники человека.

Сколько воды утекло с тех пор, как маленький кашалот появился на свет,— утекло прямо у него на глазах! Вода — неотъемлемая часть его мира. Но пьет ли кит? В поисках ответа я перерыл немало научной литературы. Может быть, я задался глупым вопросом? Может быть, животное, всю свою жизнь проводящее в воде, вообще не пьет в привычном нам смысле этого слова? Но ведь это отговорка, а не ответ.

Едва ли киты испытывают жажду — ведь вся их пища плавает в воде, и воздух, которым они дышат, всегда наполнен влагой. Кроме того, в процессе обмена веществ большая часть жиров, поглощаемых китом, разлагается, образуя в числе прочих продуктов также и воду. Пожалуй, можно сказать, что киты не пьют в нашем смысле слова, то есть не раскрывают пасть для того, чтобы хлебнуть морской воды. Однако, когда кит ест, потоки воды наверняка устремляются в его глотку, в особенности на глубине, где этому способствует высокое давление.

В сущности, проблема сводится к следующему: поскольку морская вода в три или четыре раза солонее, чем кровь кита, его почки постоянно работают под нагрузкой, преодолевая осмотическое давление. Когда потерпевший крушение моряк начинает пить морскую воду или, доведенный до крайности, пьет свою собственную мочу, он очень скоро погибает. Почему же этого не происходит с китами?

---

[1] Созданные человеком подводные и надводные аппараты, конечно, могут развивать значительно большие скорости, чем плывущий кит. Но при этом механические аппараты затрачивают куда больше энергии, чем кит. Именно это и имеет в виду автор книги.— *Прим. ред.*

Дело в том, что человек — странное животное; от ближайшего родственника в животном царстве его отделяет целая пропасть. Говоря о животных, мы обязаны полностью отказаться от своей системы координат, от своих терминов и определений, от своей привычки считать, что они живут так же, как мы сами.

В лабораторных условиях крысы, мыши и белки по нескольку месяцев живут, питаясь только сухой пищей и морской водой. Они худеют от такой диеты и зачастую перестают размножаться, но не погибают. Очевидно, им помогает какой-то особый биологический механизм, который выручает и китов. Иначе говоря, у этих животных тоже весьма высокий порог концентрации солей в организме и хорошо отлаженная система выведения солей. Секреты действия этой системы кроются в строении почек кита: они похожи на виноградные гроздья и как бы состоят из десятков маленьких почек, заключенных в общую оболочку.

Оценивая интенсивность работы почек кита, вероятно, надо учесть и объем мочи, извергаемой его организмом; но этот объем нам не известен. Можно придумать специальное устройство нержавеющей стали, вживленное в кожу кита вокруг мочеиспускательного канала, которое измеряет выделения этого канала и посылает по радио полученные данные. Вообразите группу ученых, следующих за китом на специальном судне, чтобы фиксировать количество его мочи. Не правда ли — фантастический план?

Так или иначе, киты пьют с целью утолить жажду, но вместе со своей добычей глотают соленую морскую воду. Они выводят соли из своего организма при помощи биологических механизмов, не так уж сильно отличающихся от наших собственных, и, вероятно, тоже терпят неудобства.

* * *

Однажды утром, едва начав сосать материнское молоко, маленький кашалот с отвращением выплевывает сосок. С молоком что-то случилось: у него чрезвычайно неприятный привкус, не то чтобы совсем новый, но гораздо более сильный, чем бывало прежде.

По поверхности моря вокруг китенка и его матери расходится сверкающее на солнце радужное пятно, приплывшее с востока. Китиха тоже чувствует неприятный привкус и уходит под ветер в поисках чистой воды.

Где-то за горизонтом какое-то судно промывает грязную цистерну и сбрасывает за борт остатки нефти и ржавую воду. Много дней будет плавать по морю зловонная пленка, пока солнце не превратит ее в комочки смолы, а волны и течения не выбросят эту смолу на побережье — так море избавляется от грязи, выплескивая ее на прибрежный песок.

Горе бурым пеликанам и олушам, которые садятся здесь на воду, надеясь отдохнуть и поохотиться. Маслянистая жидкость оседает на их оперении, постепенно проникая до самой кожи птиц, и

они тяжелеют, теряют плавучесть. Когда птицы наконец поднимаются в воздух и летят к берегу, их мокрая кожа стынет на ветру. Птицы достигают суши, и к маслянистым перьям начинают прилипать травинки и сор; они пытаются клювами очистить перья, но еще больше пачкаются в липкой массе.

В конце концов темные, бесформенные, неподвижные птицы медленно умирают на берегу.

В середине декабря группа китов, среди которых и наш китенок, оказывается в районе двадцать второй параллели, между мексиканским побережьем и островами Ревилья-Хихедо. Без особой причины семья китенка отделилась от своих попутчиков; пройдет несколько недель, и они вновь соединятся.

Здесь и проводит маленький кашалот вторую половину декабря, лениво плавая в богатых добычей водах: в этом районе встречаются холодные и теплые течения, приносящие самых разных рыб и головоногих.

Тут и самец, хозяин гарема; он уже не раз бывал в этих краях. Вот он ныряет и в течение часа с четвертью остается под водой — это предел для кашалота. В глубине кашалот внезапно попадает в светящееся облако таких крошечных существ, что кит их, конечно, не видит; каждое из этих прелестных существ — одна-единственная клетка, испускающая едва заметное свечение, но все вместе они освещают белую нижнюю челюсть гиганта. Наконец кашалот поднимается на поверхность, неся в желудке сто двадцать килограммов пищи.

По отраженным сигналам локатора кашалот узнает и о характере подводного рельефа, и о конусе ила, медленно ползущего во тьме по черной подводной долине, и о внушительных подводных утесах, и о пещерах, и о петлистых реках придонных течений, за долгие века проложивших в скалистом дне глубокие русла. Кашалот знает, где прячется осьминог, и знает, как его поймать, лишь только он покинет свое укрытие. Кашалоту известна и форма гниющего деревянного корпуса судна, груженного сокровищами, и форма разъедаемых солью корпусов современных военных кораблей, вокруг которых ржавеет личное оружие — все, что осталось от моряков.

Кашалот, как и все старожилы океана, помнит многочисленные особенности океанского дна, изучая которое, он, бывало, натыкался на весьма неприятные сюрпризы. Его величественное тело хранит шрамы от столкновений с подводными скалами, ему случалось и ломать зубы, и испытывать боль от неожиданного удара в лоб. Окружающий кашалота мир — его биосфера — полон опасностей.

Мы привыкли считать, что в животном царстве у всех диких животных есть враги — более крупные, более свирепые животные, постоянно охотящиеся на них. Но кто охотится на царя зверей — льва? На волка? На медведя гризли? На акулу и крокодила? Кто заставляет их пускаться наутек? Никто — только, может быть, в детстве им угрожают другие животные, а в зрелом возрасте — их

собратья. Враги крупных хищников — это будничные, прозаические опасности жизни: бури, засухи, пожары и наводнения, длительный голод, опасные утесы и предательские болота, чересчур тонкий лед, царапины, инфекции, опухоли, вши и другие кусающие паразиты, глисты, сломанные зубы и кости, ядовитая пища и прочее — сотни и сотни опасностей, которым подвержена живая плоть. Смерть приходит к ним медленно; мгновенная смерть — удел кролика, которого подстерегла лиса. Царь зверей умирает долго, скрывшись в густом буреломе и воя от боли. А великий кашалот умирает в открытом море, и человек редко становится свидетелем его естественной кончины.

* * *

Индивидуальная дистанция между отдельными кашалотами внутри группы и отдельными гаремами в океане кажется мне подобной взаимоположению Луны и Земли: кашалоты никогда не расходятся слишком далеко, но и не сходятся слишком близко. Стадный инстинкт заставляет их держаться вместе, но инстинкт территориальный гонит их друг от друга. В этом киты весьма напоминают людей: наше стремление к независимости и одиночеству всегда находится в противоречии с нашей потребностью в общении.

Принципы социального распределения территории уходят своими корнями в далекую глубь тысячелетий, в историю древнего человека и древних китов. Однако можно себе представить условия, формировавшие эти принципы. Например: каждый кит должен охотиться; если он охотится слишком близко к своим соплеменникам, ему мешают конкуренты; однако, путешествуя в одиночестве, он не услышит сигнала, который подает удачливый кит, обнаружив богатую добычу. Кит-одиночка более подвержен опасностям — а в группе китов существует своего рода коллективная оборона.

Некоторые считают, что, изгоняя молодых самцов из группы, хозяин гарема спасает свое племя от вырождения: ведь этим он предотвращает спаривание братьев и сестер. Но, по-моему, для диких животных кровосмесительные браки не представляют опасности, так как природа постоянно защищает их от вырождения, производя естественный отбор посредством бурь, болезней, борьбы с хищниками и длительных голодовок; в таких условиях выживают и размножаются лишь лучшие особи, в каких бы отношениях ни состояли их родители.

Несколько лет назад мне случилось работать в Кембриджском университете вместе с Джулианом Тейлором, симпатичным человеком, который называл себя «собачьим физиологом». Однажды за чашкой чая он рассказал мне интересную историю. Он зимовал на побережье Антарктики. В ту зиму море замерзло так внезапно, что чуть не в одну ночь лед стеной поднялся вокруг полыньи, в которой плавали две сотни китов. Они оказались в плену — уйти в открытое море было уже невозможно. В полынье собрались вместе

косатки, малые полосатики и один клюворыл; все они стали узниками одной тюрьмы. Киты метались, кружили в полынье, взбивая пену и вздымая волны, которые обрушивались на ледяные стены и намерзали на них; полынья сужалась с каждым днем. Случалось, что киты поднимали морды прямо в воздух, возле самого льда, и зимовщики подползали к краю полыньи, стараясь коснуться рукой живого кита. Затем зимовщики ушли, но шесть месяцев спустя вернулись к этой полынье; в ней осталось не более двадцати китов. Остальные либо умерли с голоду, либо решились на риск — попытались преодолеть подо льдом сорок миль, отделявших полынью от открытой воды.

Когда я пишу о природе, например, о мире китов, я на какое-то время забываю о человеке. Но человек — тоже часть природы, часть мира, в котором живут киты. С устрашающей быстротой человек губит моря, сушу и атмосферу планеты. Проникает он и за пределы атмосферы, запуская на околоземные орбиты спутники, которые сбивают с толку астрономические приборы. Радиоактивные отходы — тоже продукты деятельности человека — попадают в широкое устье реки Колумбия, а оттуда расходятся по всему океану, оседая, в частности, и в организмах китов; другие опасные отбросы человеческой техники дождем сыплются с неба на тундру и остаются во мху, который едят олени и лемминги.

Самые далекие из океанских островов, подлинные жемчужины океана, оглашаются теперь ревом бульдозеров, строящих новые базы для вооружающегося человечества; другие острова содрогаются от испытательных взрывов атомных бомб. «А почему бы и нет?— недоумевают военные, когда кто-нибудь принимается их осуждать.— Эти острова никем не населены, никто их не использует, они пропадают впустую».

Что может ответить на это любитель и исследователь природы? Что сказал бы на это поэт? На каком языке говорить с людьми, которые знают только язык насилия?

Ответить можно словами Лоренсота, героя книги «Корни рая»: «Боже мой, Шолшер, как можно говорить о прогрессе, когда мы уничтожаем все вокруг, разрушаем и губим самые прекрасные и самые благородные проявления жизни? Наши художники, наши архитекторы, наши ученые, наши поэты стараются сделать жизнь прекраснее — но в то же время мы вырубаем последние оставшиеся на земле леса, мы живем, не снимая пальца со спускового крючка автомата, мы отравляем океаны и самый воздух, которым дышим, мы без конца испытываем атомные устройства... Надо бороться против этого безумия. Неужели мы не способны уважать природу и защищать красоту жизни, если она не приносит нам денежной прибыли, если ею нельзя воспользоваться для каких-то сугубо практических целей? Неужели просто любоваться жизнью — это недостаточно полезное занятие?.. Человеку необходимо научиться сохранять и те богатства природы, из которых нельзя сегодня изготовить подметки или швейные машины! Необходимо сохранить хотя бы заповедники, где какие-то виды животных и растений могли

бы укрыться от опасности и где человек мог бы найти укрытие от своей собственной изобретательности и своей собственной глупости. Только тогда можно будет начать разговор о цивилизации».

* * *

К концу декабря наш китенок начинает все чаще покидать свою мать. Сегодня он с интересом наблюдает за группой шестилетних китов, играющих неподалеку. Это его сводные братья; они нашли трехметровое бревно толщиной с фонарный столб. Бревно пропиталось водой, оно так избито, что кажется мягким, вся его поверхность облеплена зеленоватыми стеблями водорослей. Когда-то, давным-давно, спустившись к морю по течению одной из камчатских рек, оно попало в неторопливое Северное Тихоокеанское течение, которое подхватило его и вынесло далеко в открытые воды; теперь бревно дрейфует у берегов Калифорнии. Один из молодых китов берет конец бревна в зубы и, фыркая, мотает головой из стороны в сторону. Он явно наслаждается воображаемым сражением с ужасным «глубоководным чудовищем». До чего весело! Как приятно сжать мягкую древесину вспухшими деснами, сквозь которые медленно пробиваются зубы (у кашалота они появляются лишь в возрасте девяти лет) [1].

Приятели молодого кита заметили новую игрушку и ринулись к ней. Вот одному из них случайно достался удар по мягкому брюху. Его охватывает внезапный гнев. Мгновенно превратившись из игривого подростка в грозного самца, он, вспенивая воду, бросается в сторону и несется куда-то, точно торпеда, но тут же возвращается и наносит удар испуганному товарищу. Тональность подводного разговора — щелчков и тресков — резко меняется. Молодые самцы, обуреваемые малознакомыми ощущениями, выстраиваются в круг, как лепестки цветка,— головы к центру, хвосты наружу.

Но страсти утихают, и киты снова весело играют бревном, перебрасывая его в волнах.

* * *

Можно ли назвать поведение молодых китов игрой в прямом смысле слова? Но каково буквальное значение слова «игра»? Оно легко ложится на бумагу, однако я вовсе не уверен, что оно в точности отражает какое-либо из проявлений дикого животного. Зоологи спорят по этому вопросу. Они решительно заявляют, что животные не работают, и, следовательно, нельзя говорить, будто они играют. Другие не противопоставляют игру работе, а определяют ее как действия, совершаемые ради самих действий, а не ради какой-то полезной цели. И все же общепринято говорить, что моло-

[1] По данным советских исследователей китообразных, зубы у кашалотов прорезываются раньше — к четырем-пяти годам, что соответствует времени наступления половой зрелости.— *Прим. ред.*

дые животные играют и что игра для них — способ познания мира, тренировка, готовящая их к взрослой жизни [1].

Я думаю, что только люди могут по-настоящему играть, любить, воевать, предаваться кровосмесительным страстям и совершать самоубийства. Строго говоря, все это — чисто человеческие действия, хотя биологи и пишут, что бобры «играют» на илистом склоне или что черные муравьи «воюют» с красными муравьями. Этими словами упрощенно обозначают сложные, не очень понятные нам действия животных; это условное употребление терминов, и не стоит придираться к нему. Когда известный орнитолог говорит о «разводах» или «безработице» среди пингвинов, вполне понятно, что он имеет в виду. Когда я пишу о самцах морского котика, «бездельничающих» на побережьях Аляски, я вовсе не осуждаю их за недостаток трудолюбия.

Но оставим в стороне определения. Мне вспоминаются игры кузины нашего кашалота — дельфина Опонони. Эту самку назвали так по имени прибрежной деревушки на острове Северном, в Новой Зеландии. Недолгая жизнь Опонони была ярка и восхитительна, и я не могу не рассказать здесь о ней. Началось с того, что владелец одного небольшого судна в этой деревне обратил внимание на молодую самку дельфина, которая не выказывала страха перед людьми. Затем ее стали замечать и другие. Она любила приближаться к купающимся и постепенно привыкла подплывать совсем близко к берегу, позволяя людям поглаживать ее и даже ездить на ней верхом. Во время рождественских каникул в Опонони приезжали по две тысячи туристов в день — так разлетелась слава о дельфине.

«У нее была поразительная способность определять, кто из ее молодых поклонников отличается мягким нравом, и она всегда держалась в стороне от тех, кто склонен к грубым развлечениям,— писал о дельфине Энтони Алперс.— Некоторые из приезжающих приходили в такой восторг при виде Опо, что бросались в воду в полном облачении, торопясь поскорее коснуться ее». Правительство Новой Зеландии издало закон, охранявший Опонони, но в тот самый день, когда закон был обнародован, она исчезла, а позже ее тело обнаружили в коралловой заводи неподалеку от Опонони; обстоятельства смерти Опонони не удалось выяснить. Однако, по-видимому, люди не виноваты в ее гибели. «Когда в деревне узнали, что дельфиниха погибла, там воцарилось самое мрачное настроение. Вечером, уже в сумерках, тело Опонони отбуксировали к пляжу, где еще недавно она так весело играла... Позже ее похоронили со всеми почестями, какие маори воздают покойным; ее могилу возле Мемориального павильона завалили цветами».

---

[1] По представлениям подавляющего большинства биологов, игры молодых животных — борьба, взаимное преследование и прочее — служат хорошей тренировкой, вырабатывая индивидуальные приемы нападения и защиты. Такие игры характерны только для млекопитающих — *Прим. ред.*

* * *

Маленький кашалот, вслед за своей матерью и несколькими другими китами, отправляется пастись в зеленые воды поблизости от мексиканского побережья. Самец гарема не заметил, как уплыла китиха; впрочем, если бы и заметил, он не остановил бы ее: китиха привлекает его только в период течки. Мать и сын оказались буквально в «толпе»: здесь собрались сейчас, как в Ноевом ковчеге, самые разные живые существа — костистые рыбы и акулы, осьминоги и кальмары, морские птицы и тюлени, дельфины и киты. Тысячи птиц с воплями взлетают, пикируют и снова взлетают над волнами: «толпа» растянулась на многие мили, будто массовое шествие живых существ.

Самые мельчайшие из них — крошечные растения, невидимые невооруженным глазом, однако скопившиеся здесь в таком количестве, что число их просто не укладывается в сознании человека. Две недели назад в юго-восточной части Тихого океана сложились идеальные условия для их размножения: стечение обстоятельств привело к настоящему демографическому взрыву популяции этих организмов — взрыву, какой бывает раз в несколько лет. Обстоятельства, ответственные за этот демографический взрыв, таковы: устойчивая солнечная погода, подъем нижних слоев воды, богатых питательными веществами, и падение температуры воды. А животных и рыб привела сюда возможность хорошо поохотиться: каждый вид охотится на более мелких обитателей моря — а в основании этой зоологической пирамиды находятся крошечные ракообразные, мириадами розовых точек снующие среди одноклеточных растений, которыми они питаются.

Несколько сот кашалотов задержались здесь на своем ежегодном миграционном пути, чтобы полакомиться на богатых пастбищах; другие кашалоты — например, наш герой и его мать — приплыли сюда со своих зимовок. Для одного старого самца этот пир — последний праздник долгой жизни. Ему сейчас семьдесят пять лет, он одряхлел и не переживет грядущую зиму. А вот другой самец, молодой, крупный, здоровый, ему сорок четыре года, он достиг полной физической зрелости и находится в расцвете сил. Аппетит этого кита неутолим. В середине дня он несколько часов подряд отдыхает на поверхности океана; охотится в основном по ночам, однако успевает проглотить тонны две пищи в сутки. Головоногие и рыбы самых разных видов регулярно попадают в его пасть; сомкнув челюсти, он тут же плывет дальше. Когда кусок тунца вываливается из его пасти, он не сбавляет хода, не подбирает свою потерю. Без всякой задержки проходит в его глотку обрывок рыболовной снасти с шестью крючками, намотавшийся на хвост трехметровой акулы. Складки позади нижней челюсти кашалота растягиваются, принимая проглоченный акулий хвост, и напрасно желудок (один из его отделов) пытается при помощи судорожной спазмы освободиться от колючей добычи. Вот на волнах дремлет юный морской лев, заплывший далеко от своего дома в пещере на

острове Седрос, лев так объелся, что чуть не лопается. В тревоге он просыпается, почуяв приближение кашалота, но поздно! Перед смертью лев успевает лишь увидеть гигантскую разинутую пасть, окаймленную рядом белых зубов и украшенную воланом из морской пены.

* * *

Зубы кашалота достаточно массивны, каждый из них весит не меньше двухсот граммов. Это слегка изогнутые конусы цвета слоновой кости; они прелестны, как произведения искусства; я очень люблю держать в ладони такой зуб. Пальцы сами собой поглаживают его, соскальзывая на отполированную верхушку зуба, сглаженную тысячей трапез. Длинные полосы на корне зуба — отпечатки гнезда, в котором он рос; так канавки на вылетевшей из ружья пуле хранят индивидуальные особенности винтовки, которая послала ее на черное дело. По окружности зуба пересекающимися линиями идут отметины периодов пиршеств и голода. Двухнедельная успешная охота на акул в районе острова Тибурон, например, оставит неизгладимый след на массивном корне зуба кашалота.

Включать ли Иону в рацион кашалота? Для ответа на этот вопрос приходится рассматривать самые разные обстоятельства. Те легковерные — а их тысячи,— кто не сомневается в том, что Иону действительно проглотил кит, позднее доставивший его живым на берег, найдут подтверждение своей вере в статье, напечатанной в журнале «Принстонское теологическое обозрение»; автор статьи, Амброуз Джон Вилсон из Оксфордского университета, доказывает, что проглотивший Иону кит был кашалотом.

«Желудочный сок кашалота,— пишет он, разумеется, должен был доставить проглоченному массу неприятностей, но действие его вовсе не смертельно. Кит не может переварить живое существо — иначе он переварил бы стенки своего собственного желудка».

В подтверждение своей идеи Вилсон приводит две малоаппетитные истории, которые рассказывают китобои.

В 1771 году китобои, охотившиеся в южных морях, подверглись нападению кашалота, который перекусил пополам их вельбот, схватил в зубы одного из членов экипажа и нырнул с ним. «Вернувшись на поверхность, кашалот выплюнул китобоя на плававшие кругом обломки разбитого вельбота; моряк был весь в синяках и ссадинах, но не получил ни одного серьезного повреждения».

Хуже пришлось другой жертве, на которую кашалот напал в 1891 году.

«Звезда Востока» находилась в районе Фолклендских островов, когда дозорный на мачте заметил большого кашалота в трех милях от корабля. На воду спустили два вельбота, и через некоторое время одному из гарпунеров удалось ранить кита. Второй вельбот также приблизился к киту, но был отброшен ударом хвоста, причем один из двух китобоев с этого вельбота утонул, а второй исчез. Ис-

чезнувшего звали Джеймс Бартли. Кашалота убили, и через несколько часов он уже был привязан у борта судна. Китобои занялись срезанием с туши подкожного жира. Они работали весь день и часть ночи. На следующее утро они извлекли желудок кита и подняли его на палубу. Моряки с ужасом заметили, что желудок шевелится; вскрыв его, они обнаружили пропавшего товарища, который лежал скрючившись и уже не подавая признаков жизни. Его положили на палубе, обмыли морской водой и привели в чувство... В течение двух недель пострадавший бредил... К концу третьей недели он полностью оправился от потрясения и вернулся к исполнению своих обязанностей».

Мой друг и консультант в вопросах исследования китообразных Френсис К. Фрейзер, сотрудник Британского музея, писал мне:

«Слава богу, что в новом переводе Ветхого завета Иону глотает «рыба», а не «кит», надеюсь, благодаря этому можно будет занести историю с Ионой в раздел рыб». В 1907 году случаем с Джеймсом Бартли занялась «Экспозитори Таймс». В архивах газеты до сих пор хранится письмо, полученное редакцией от жены капитана «Звезды Востока». Письмо это, к моему удовольствию, заставляет усомниться в подлинности всей истории. А теологи,— заключает Фрейзер,— не должны сомневаться во всемогуществе Господа, им следует попросту признать, что история Ионы — чудо».

Еще об одном «проглоченном» сообщает Эгертон И. Дэвис, корабельный врач, который в 1893 году охотился на обыкновенных тюленей в районе Ньюфаундленда. В 1947 году, будучи уже весьма пожилым человеком, он писал:

«Одному парню с другого судна не повезло: его унесло на отколовшейся льдине, а после он, на глазах у своих товарищей, свалился в ледяную воду, рядом с огромным кашалотом. Кашалот был явно раздосадован и озадачен внезапным появлением флотилии; было очевидно также, что он случайно оказался в полярных водах в такое время года и чувствовал себя здесь неуютно. Кит проглотил несчастного пловца и тут же направился к одному из небольших судов. Удачный выстрел из небольшой пушки, установленной на корме этого судна, смертельно ранил огромное млекопитающее и заставил его изменить курс; кашалот проплыл еще мили три и забился в агонии. На следующий день его нашли плавающим кверху брюхом, и хотя разделать тушу не представлялось возможным, охотники много часов мужественно трудились, стараясь добраться до огромного, наполненного газами желудка кашалота, в котором они надеялись найти тело своего товарища. Отделив желудок от двенадцатиперстной кишки, они доставили его мне, думая, что я достану, осмотрю и сумею забальзамировать тело, чтобы его можно было доставить на родину погибшего — в Ардженшию, на остров Ньюфаундленд.

Сначала я попытался вскрыть желудок скальпелем, но очень скоро сменил его на тесак, принесенный с камбуза. Наконец желудок был вскрыт, отчего кругом распространилось ужасное зловоние, впрочем, не более ужасное, чем зрелище, представшее нашим

взорам. Грудная клетка молодого человека была раздавлена, отчего, вероятно, и наступила смерть. (Вскрытие легких выявило полное спадение легочной ткани — ателектаз и кровоизлияние.) Однако самые поразительные изменения обнаружились на коже жертвы. Выделения желудочного сока кашалота покрывали все тело погибшего, и его обнаженные части — лицо, руки и одна из ног, которая не была защищена брюками,— оказались изъязвлены и частично переварены... Я пришел к выводу, что он потерял сознание прежде, чем понял, что с ним происходит. Как ни странно, несколько вшей в его волосах остались живы».

Что ж, спасибо за сообщение, доктор Дэвис; странно только, что вы ждали более чем полвека, чтобы поведать нам эту историю. Быть может, когда-нибудь ее подтвердит отыскавшийся корабельный журнал шхуны «Тулинге» или вновь вошедшая в моду мрачная песенка, которую сложили как раз в те времена в тавернах Сент-Джонса? А до тех пор позвольте мне относиться к ней скептически.

* * *

В то время как наш китенок отдыхает в кругу своих друзей, другую группу кашалотов, пасущихся в районе острова Перкинс у берегов далекой Тасмании, постигла беда. (Среди биологов бытует мнение, что дикие животные не умирают от старости — с ними всегда происходит какое-нибудь несчастье.) Тридцать семь самцов перекочевали из тропиков на юг; их выгнали другие, более агрессивные самцы, и теперь по меньшей мере на один сезон они лишены радостей гаремной жизни. В южном полушарии сейчас лето, и более молодые самцы этой группы ведут соплеменников — отбившихся от гаремов холостяков и дряхлых, немощных патриархов — к богатым пастбищам. Киты огибают скалистый мыс острова Перкинс во время отлива, при резком ветре с моря. Внезапно среди них начинается паника. Ни один из них не бывал здесь прежде. Ощупывая локаторами рифы, мели и волны прибоя, разбивающегося о берег, киты получают неясные, сбивающие с толку сигналы. Вслед за вожаком стадо слепо бросается вперед — на каменистую мель.

Неделю спустя на берег является репортер из «Квинсленд Уитнес»; он ошарашенно оглядывает последствия величайшей катастрофы, когда-либо случавшейся с кашалотами. Его взору предстают тысячи тонн гниющих останков. Киты застряли среди камней и погибли от собственной тяжести, когда вода перестала поддерживать их гигантские тела. Чернеют трагически разинутые пасти. Уходит в песок темный жир.

«Что вы на это скажете?— обращается наконец репортер к темнолицому, опаленному солнцем рыбаку, который пришел на этот берег из своей хижины, стоящей на другой стороне мыса, в двух милях отсюда.— Массовое самоубийство?»

«Что я скажу? Скажу, что прошлый вторник, в полдень, я вытаскивал свои ловушки на морских раков и вдруг слышу — сто-

нут... или, может, лучше сказать — ревут. Я до смерти перепугался. Тридцать лет здесь прожил и никогда такого не слыхал. Весь день это продолжалось и всю ночь. А в среду утром — тихо. И вдруг приходит Джек,— рыбак указывает на приятеля,— приходит к нам в деревню и говорит: киты на берегу. К этому времени они уже все сдохли. По-моему, самцы гнались за самкой и в горячке не заметили, что начался отлив».

Придется, вероятно, принять такое объяснение. Однако специалисты нам укажут, что, во-первых, только зубатые киты целыми группами выбрасываются на мель, а во-вторых, только зубатые киты почти целиком полагаются при плавании на эхолокацию. В незнакомых, особенно в мелких водах эти стадные животные, возможно, теряют ориентацию из-за ложных сигналов и, поддавшись панике, погибают, ибо инстинкт велит им слепо следовать за вожаком [1].

Январь

Наш герой ежедневно подрастает и прибавляет в весе. Подплыв к матери, он тыкается носом в ее бок и находит сосок; насосавшись досыта жирного материнского молока, он отпускает мать; тонкий слой кости нарастает на корне каждого из его зубов, храня память об очередной трапезе.

Но о чем он думает? Знакомо ли ему чувство страха? Какие новые волнующие картины разворачиваются перед его воображением? Какие новые связи образуются между нейронами его мозга? Например: что он различает раньше — цвет или форму? Увы, как мало мы знаем! И как мало нам суждено узнать! Человеку никогда не удается проникнуть в сознание существа, эволюция которого хотя и вела его по пути максимального развития всех способностей, однако не поспела за нашей эволюцией.

В начале января гарем начинает перемещаться к северо-западу — зигзагами, как будто без определенной цели, проделывая всего несколько миль в день. Киты оставляют архипелаг Ревилья-Хихедо до будущего года.

Когда четыре месяца тому назад родился наш китенок, в семье было шестнадцать самок: теперь их четырнадцать. Мать годовалой китихи, пойманной и увезенной в бассейн «Арена жизни», искала свое дитя до тех пор, пока ее не перестали беспокоить молочные железы. Но к этому времени она была уже далеко от своей семейной группы. Целый месяц она одна путешествовала в субтропиче-

---

[1] До сего времени не найдено сколь-нибудь удовлетворительного объяснения причин массового выбрасывания на берег или на отмели китов и дельфинов. Возможно, главное — «осечки» эхолокационного аппарата, которым затруднительно пользоваться вблизи низменных берегов, подводных песчаных отмелей, илистых наносов. Все подобные места (а по имеющимся данным, именно в таких местах и происходит обсыхание китообразных) не дают нормального отражения сигнала, и поэтому животные не могут их обнаружить.—*Прим. ред.*

ских водах и наконец присоединилась к проплывавшему мимо стаду китов, среди которых было много незнакомцев, но также и несколько китов, знакомых ей по прошлым встречам.

Еще одной самки уже нет в живых. Она околела на седьмом месяце беременности, и ветер и волны отнесли ее раздувшуюся тушу к скалистому берегу возле Мансанильо, где вороны, чайки, одичавшие собаки и скунсы много недель лакомились разлагающимся китовым мясом, а когда мясо кончилось, еще неделю пожирали куколок мясной мухи, подбирая их в песке под скелетом китахи. Возможно, она погибла от внематочной беременности — чрезвычайно редкого случая беременности, при котором зародыш препятствует нормальному кровообращению матери и в конце концов убивает ее. Причина гибели этой самки точно неизвестна. Кости ее скоро выбелило безжалостное мексиканское солнце, и однажды бродячий охотник на черепах использовал ее длинные ребра, набросив на них пончо и устроившись на ночлег в этой импровизированной палатке.

Двенадцатого января семья нашего героя догнала большую группу кашалотов, насчитывавшую более двухсот голов. Встреча не была неожиданной, ибо это стадо давно уже сообщало о себе многочисленными звуковыми сигналами — приглушенными ударами, низкими стонами, щелчками, скрипами и потрескиваниями, составляющими бесконечную фугу бродячего китового оркестра,— и вещественными следами — мочой, расплывающимися в воде желтоватыми облаками испражнений, плавающими по поверхности кусками амбры, чрезвычайно своеобразного вещества.

Иногда в кишечнике появляется серая воскообразная масса — амбра; ни у одного другого вида китообразных не обнаружено этого вещества. Сгустки амбры весом до четырехсот килограммов встречаются иногда на поверхности моря. Ее резкий гнилостный запах обманчив, ибо, будучи очищена в лаборатории, амбра превращается в ароматное вещество, применяемое в производстве духов и стоящее не меньше десяти долларов за унцию[1]. «Аромат амбры,— писал Кристофер Эш,— напоминает мне весенний запах английского леса, сорванного мха, прохладной, влажной земли».

Еще легче увидеть другой след прошедшего стада китов — стаи птиц, которые ныряют, подбирая недоеденные китами остатки пищи, и стаи акул, которые тоже не брезгуют падалью. Когда одни мусорщики отстают, их место тут же занимают другие. Целую неделю следует за китами огромный кархародон — десятиметровая акула, которая надеется, что от стада отстанет какой-нибудь больной или искалеченный кит. Через неделю акуле надоедает преследование, и она сворачивает в сторону. Вот рядом со стадом плывет так называемая гигантская акула, самая крупная из всех рыб, ка-

---

[1] Неприятный запах амбры со временем превращается в приятный, напоминающий запах муската, жасмина, ладана; запах этот все усиливается по мере старения амбры. Основная же ценность амбры состоит в том, что она адсорбирует и даже в какой-то мере усиливает запахи духов, делая их необычайно стойкими, сохраняющими свой аромат буквально годами.— *Прим. ред.*

кие водятся в морях умеренного пояса(длина ее достигает четырнадцати метров). Акула уверенно плывет вблизи поверхности. Охота для нее — процесс несложный: разинув пасть и глядя перед собой круглыми глазами, она попросту пропускает воду через жабры, на которые красивыми комьями налипает планктон; постепенно планктон проникает в глотку акулы и исчезает в ней [1].

Когда китенок голоден, он держится почти вплотную к матери, всего в нескольких сантиметрах от ее величественного тела. Мать и сын молча разрезают волны, двигаясь как одно существо. На поверхности вскипает водоворот, его тут же захлестывает другой водоворот, поменьше, потом оба исчезают в кружевной пене, и снова ничто не нарушает поверхности океана. Низкие ветвистые фонтаны пара ненадолго повисают в воздухе — и опять лишь небо и море кругом.

Пятнадцатого января маленький кашалот становится свидетелем страшной сцены — настоящего сражения между двумя самцами. В будущем ему не раз придется наблюдать такие сцены, а когда он вырастет, придется и самому участвовать в них, но сейчас он впервые видит, как гигантские самцы награждают друг друга могучими ударами. Остальные киты не участвуют в сражении, но тоже приходят в волнение, видя и слыша схватку самцов — первую битву этого года (до разгара сезона спаривания целых три месяца). Взрослые самки громогласно фыркают. Молодые самки и самцы с началом схватки трусливо отступают и держатся у самой поверхности.

Один молодой самец, которому исполнилось уже пятнадцать лет, прежде путешествовал с группой робких молодых самцов, не решаясь приблизиться к большому стаду, но несколько месяцев назад отделился от своей группы и с тех пор держится рядом с нашими китами. В течение последней недели он охотился урывками, потому что все чаще поднимался на поверхность, чтобы часами кружить среди самок гарема. Несколько раз он, после краткой схватки, отпугивал других молодых самцов группы, которых он превосходит энергией и решительностью. Вчера он оказался в первых рядах мигрирующего стада и, поддавшись внезапному порыву, ни с того ни с сего нанес удар в бок взрослому самцу. Как ни странно, самец отступил. Молодой кит не стал больше демонстрировать свою силу и спокойно поплыл дальше. Уступчивость противника предотвратила драку.

Теперь, в середине ясного зимнего дня, он направляется к отцу нашего китенка, плывущему в двухстах метрах от гарема, с подветренной стороны. Молодой кит чувствует раздражение, подступы прежде неведомой ему страсти; неутоленное чувство побуждает его к решительным действиям. Приблизившись к огромному самцу, он

[1] Планктонные животные — единственная пища этой совершенно безопасной для человека акулы. Таким образом, у гигантской акулы тот же рацион, что и у усатых китов. — *Прим. ред.*

начинает вращать плавниками и изгибает вверх хвост. Затем поднимает голову над водой — так высоко, что даже глаза его оказываются в воздухе.

Старый самец уже знает, что дело идет к драке. Громкий, хриплый сигнал вызова оскорбляет его слух. Пока кит только раздосадован — но вот и он чувствует возбуждение. Его организм рефлекторно реагирует на ситуацию. Широкий хвост самца, достигающий четырех метров в размахе, блестит на солнце — кит уходит под воду. Он ныряет метров на семьдесят, затем разворачивается и стремительно направляется к поверхности. Точно громадная черная цистерна, вздымается в воздух его голова, все выше и выше, метров на пять поднимается над водой. Он не спешит возвращаться в родную стихию и, блестя глазами, медленно кружит, мощно поводя хвостом и грудными плавниками.

Молодой кит поворачивается на левый бок и бросается в атаку. Челюсти его крепко сжаты, зубы вдавлены в твердые белые гнезда на верхней челюсти. Старый самец ложится на спину, обращая брюхо к небу, и отвечает ударом, звук которого на много миль разносится над морем. Его огромная нижняя челюсть опускается на девяносто градусов. При столкновении гигантских тел, общая масса которых доходит до сотни тонн, в небо взлетает зеленая стена воды. Секунда, другая — и движения китов уже невозможно различить за сплошной завесой пены. Каждый из разъярившихся борцов старается ухватить другого за челюсть или за плавник; невозможно разобраться, кто из них берет верх.

Вот киты исчезают в гигантском водовороте, затем снова всплывают и стремительно расходятся в разные стороны. Море бушует, точно во время шторма в скалистом проливе.

Развернувшись, противники сталкиваются на полной скорости, обрушивая друг на друга всю свою мощь. Старший самец теснит молодого. Голова старшего на двадцать секунд повисает в воздухе — огромный черный цилиндр, расцвеченный кровью и белыми полосами обнажившегося жира. Из воронки, в которой дерутся киты, поднимаются к небу рев и стоны.

Третий изнурительный раунд. Бросаясь из стороны в сторону, киты, забывшие обо всем на свете и целиком отдавшиеся драке, оказываются на пути стада. Стадо испуганно рассыпается. Теперь челюсть старого самца крепко сцеплена с челюстью молодого; дрожа от напряжения, оба погружаются в море в последней, решающей схватке.

И вдруг молодой кашалот сдается. Он молчит, он словно оцепенел и уже не сопротивляется, хотя старый самец рвет и треплет его обмякшее тело. Двигаясь неуверенно и неуклюже, побежденный кит покидает поле боя. Его нижняя челюсть сломана (со временем перелом зарастет). Сломаны и три ребра. Вода смывает кровь, на боках обоих китов проступают ряды белых полос подкожного жира, который светится в разрывах кожи.

Наконец побежденный кит собирается с силами: он выравнивается и медленно погружается в глубину, не шевеля плавниками,

Проплыв под водой милю, другую, он с трудом поднимается на поверхность и одиноко пристраивается в хвосте стада. Длинные тощие тени некоторое время кружат вокруг него, потом исчезают: синие акулы, которых привлек было запах крови, испугались могучих движений его плавников.

В смятении битвы маленький кашалот следовал за своей матерью — во всяком случае, так ему казалось. Теперь он обнаруживает, что ошибся,— это какой-то чужак. В панике он начинает рыскать среди плывущих китов, выискивая пропавшую мать. Но она охотится в глубине, и лишь когда мягкие краски вечера одинаково расцвечивают и небо, и море, китиха вновь появляется рядом со своим детенышем.

Хозяин гарема плывет со своей обычной скоростью, хотя это дается ему нелегко. Его беспокоит боль в основании нижней челюсти. У него начинается жар, который на неделю притупляет все его чувства. Кит не может зализывать раны — строение гигантского тела ограничивает его движения; эволюция словно надела на него кандалы. Кит ровно ничему не научился в этом сражении, он лишь послушно сыграл свою роль, ни в чем не отступив от программы, точно им все время командовал невидимый режиссер.

* * *

> «Мой бог! Мистер Чейз, что случилось?»— услышал я и ответил: «Наше судно протаранил кит!»
>
> **Оуэн Чейз**

Описав сражение, в котором самцы таранят друг друга своими массивными головами, я чувствую, что настала пора обратиться к предмету, который возбуждает любопытство всякого, кто читает о кашалотах: нападают ли киты на лодки и корабли?

В 1807 году киты послали на дно славное судно «Юнион», в 1820 —«Эссекс», в 1851 —«Энн Александр», затем, в 1902 году,— «Кэтлин»... Не буду приводить здесь полный перечень прочих и надежных деревянных судов, разбитых и потопленных китами и потому вошедших в анналы истории китобойного промысла. Перечень этот все время удлиняется: сравнительно недавно, в 1963 году, кашалот, охотившийся неподалеку от Сиднея, разнес в щепы рыболовное судно; при этом погиб один из членов экипажа.

Огромный кашалот, который потопил «Энн Александр», через пять месяцев после этого печального события был убит Уильямом Джернигоном, капитаном «Ребекки Симз». Капитан отметил, что «кит казался дряхлым, усталым и больным, что было неудивительно, ибо здоровенные занозы от расщепленных им досок обшивки все еще украшали его голову, и несколько гарпунов все еще торчали из его ран».

Подобные истории, приукрашенные человеческой фантазией, складываются в миф о ките-разбойнике, ките-людоеде, ките-драчуне. Это всегда крупный самец — одинокий, угрюмый, агрессивный,

не умеющий ужиться со своими собратьями. Многим из китов-героев присвоены имена — Пейта Том, Новозеландский Том, Тимор Джек, Моча Дик. Этот последний — огромный кит-альбинос, за подвигами которого китобои следили ровно тридцать девять лет,— стал прототипом героя романа «Моби Дик», самого прекрасного из всех морских романов.

Считается, что иногда кит-агрессор набрасывается на корабль без всякого повода, а иногда — лишь после того, как его ранят. Даже разбив себе голову, он продолжает снова и снова таранить деревянный корпус корабля. А когда судно тонет в волнах, кит продолжает кружить на поверхности, перекусывая плавающие обломки и методично убивая тех членов экипажа, которые еще пытаются спастись.

Как зоолог я не могу не интересоваться причинами подобного поведения кита-негодяя. Что это — физиологическая или психическая патология?

Когда к недавно ощенившейся суке приближается чужак, она незамедлительно нападает на него. Когда чужак приближается к голодному псу, только что раздобывшему кость, он реагирует точно так же. Необходимость подобной реакции очевидна: она помогает сохранению вида. Но для чего киту нападать на корабль?

Возможно, дело тут в сильном территориальном инстинкте, в основе которого лежит половой инстинкт. Из всех китов только кашалоты-самцы нападают на корабли. Известно также, что из всех крупных китов только кашалоты-самцы охраняют гарем и сражаются с соперниками за обладание самками. И, может быть, когда на территорию такого самца проникает «самец-корабль», кашалот воспринимает это как угрозу своему положению и бросается в атаку.

Некоторые зоологи указывают, что среди наземных животных подобные сражения за территорию ведутся чаще, чем за обладание отдельными самками. Однако, когда речь идет об обитателях безграничного, трехмерного водного мира, возникает вопрос: чем определяется здесь «территория»?

Возможно, кашалот-хулиган атакует корабль только потому, что видит в нем соперника, а причина преувеличенной ревности — чрезмерно обостренный территориальный инстинкт.

Не исключено, конечно, что киты-агрессоры действительно «безумны», то есть родились неполноценными или на свой китовый манер «лишились рассудка» при каких-то необычайных обстоятельствах. Можно предположить также, что это киты-параноики, которые под влиянием ощущения своей неполноценности или несостоятельности «слетают с катушек», пытаются уйти от реальности на манер маньяков, способных в припадке безумия убить своего друга или брата и начать есть его труп, а потом начисто забыть об инциденте.

* * *

Терпеливые, внимательные птицы, будто подвешенные к небосводу на невидимых нитях, беспрестанно кружат над волнами. В волнах дремлет мать маленького кашалота. Она держится на поверхности, опустив голову под воду,— отдыхает после плотного обеда, состоявшего из мяса длинноперых тунцов. Над горизонтом поднимается солнце.

Предыдущей ночью, около полуночи, когда на море спустилась тьма, а в воде заплясали миллионы крошечных звездочек, китиха заметила вдали какое-то странное сияние. Направившись к нему она скоро оказалась в круге света, который поднимался из воды и рассеивался в низком тумане. Казалось, что светится самый воздух.

Едва охотница заметила первую уплывающую от нее рыбу, как тотчас оказалось, что тут их сотни, а может быть, и тысячи — и каждая из них разрывала темную пелену моря фосфоресцирующими полосами. Это от их движения, точно под кистью художника-абстракциониста, возбуждались и светились зеленым и пурпурным какие-то крохотные частички. Рассекая эти красочные узоры, наша китиха пустилась в погоню за ближайшей рыбкой... затем за следующей... и за следующей. Она поворачивала голову то влево, то вправо, нацеливаясь то на одну жертву, то на другую. Большинство рыб благополучно улизнули от нее. В ту секунду, когда над рыбой уже готовы были сомкнуться страшные челюсти, она вдруг уносилась в темноту, серебристо сверкнув, точно сабля, выхваченная из ножен. За три часа непрерывной и увлекательной погони китиха поймала и проглотила всего две дюжины рыб, самая крупная из которых весила около двенадцати килограммов.

Белое мясо тунцов питательно, содержит много жиров и имеет сладковатый вкус. Под утро мать маленького кашалота почувствовала, что разыгравшийся аппетит обманул ее: она уже наелась и устала. Теперь она отдыхает. Солнце медленно поднимается над туманным горизонтом.

Поблизости от китихи отдыхает еще одна самка гарема, тоже наевшаяся рыбы. В недрах ее усталого тела просыпается какое-то новое ощущение, нечто большее, чем усталость. Что-то тихо шевелится в ее чреве, не вызывая ни тревоги, ни беспокойства. Это плод начинает делать первые движения. Ночью, когда в возбуждении погони китиха до предела напрягла все свои силы, состав ее крови слегка изменился, и это подействовало на зародыш.

Плод живет уже девятый месяц. Ростом он вполне догнал взрослого мужчину, однако ему предстоит еще много времени провести во тьме материнского чрева. Уже можно определить, что это самка, которая в общем напоминает миниатюрного кашалота, хотя строение ее тела еще отражает влияние предков — родственных видов млекопитающих. Тело неродившейся самки недавно было розовым, но теперь сереет со стороны спины и понемногу белеет на брюхе. На ее передних конечностях все еще видны пять пальцев. Скоро

они срастутся в одну широкую лопасть плавника. Вокруг ушного отверстия круглый кольцевой бугор, который постепенно исчезнет, а пока напоминает о том, что ухо предков кита было гораздо больше в диаметре. Наружные половые органы постепенно прячутся в длинную складку, в узкую щель, по бокам которой позже появятся соски. Глаза зародыша почти закрыты; мягкая челюсть время от времени подергивается — это зародыш глотает соленую жидкость, которая около часа идет сквозь его организм и затем выводится через отверстие в нижней части туловища.

Зубы детеныша уже начали формироваться, но пока глубоко спрятаны в мягкие розовые десны. Зубы у китов не меняются и потому появляются поздно: после того, как эта самка перестанет получать материнское молоко, ей суждено целых семь лет ждать их появления [1]. Все эти годы она будет хватать пищу беззубыми челюстями и проталкивать ее в пищевод при помощи гибкого подвижного языка.

Да, у кита всего один комплект зубов, да и те полностью появляются только ко времени полового созревания. Почему? Такой темп появления зубов вполне удовлетворяет нуждам ныне живущих китов. Челюсти кашалота растут медленно, и соответственно медленно появляются зубы, которые перестают расти примерно к тому моменту, когда челюсти достигают своего предельного размера. Это вполне естественно для животного, которое в основном питается мягкотелой добычей и чаще всего проглатывает ее целиком [2]. Наземные млекопитающие — такие, например, как собаки,— параллельно с материнским молоком получают твердую пищу, которую нужно кусать и грызть; щенку зубы нужны в самом нежном возрасте, и природа снабдила его молочными зубами. Если бы молочные зубы щенка не менялись по мере того, как растут его челюсти, они скоро оказались бы слишком широко расставленными, потому бесполезными. Но молочные зубы постепенно выпадают, и к тому времени, когда челюсти щенка достигают своего окончательного размера, у него вырастают постоянные зубы.

В семье маленького кашалота есть сейчас и взрослая самка, которая не кормит и не готовится рожать,— весьма редкое состояние для взрослой китихи. Предыдущая беременность этой самки окончилась неудачно. Так случается в среднем один раз на каждые двести родов. Она зачала близнецов, носила их четырнадцать месяцев, затем преждевременно родила — мертвыми. Даже если бы беременность и роды прошли благополучно, она не сумела бы вскормить двоих детенышей одновременно.

---

[1] Имеются данные о том, что зубы у кашалота начинают прорезываться вскоре после окончания молочного кормления.— *Прим. ред.*

[2] Большинство зоологов сходятся в мнении о том, что любую живую добычу кашалот ловит и отправляет в глотку всасывающими движениями языка. Значение же зубов у кашалота в добывании и удерживании кальмаров, рыб и прочих животных ничтожно мало. Вот почему у половины взрослых кашалотов зубы на верхней челюсти не прорезываются вообще, а на нижней их число колеблется от тридцати до шестидесяти.— *Прим. ред.*

* * *

Как вы помните, одну треть длины кашалота составляет его голова; за этим фактом кроется одно весьма существенное обстоятельство.

«Но божественное высокомерие чела, присущее всем тварям земным, у великого Кашалота усиливается настолько, что, глядя на него прямо в лоб, вы с небывалой остротой ощущаете присутствие Божества и силу Зла»,— говорит герой Мелвилла, рассматривая с палубы «Пекода» подвешенную на талях голову кашалота.

Помню, и я тоже стоял на скользкой платформе разделочной базы на Аляске, глядя, как рабочий, вооруженный фленшерным ножом — острым и длинным, точно меч,— рассекал голову кашалота, открывая путь струе спермацета. Проходили минуты; бочонки один за другим наполнялись чистым, прозрачным пузырящимся веществом. Потом на поверхности бочонков появилась матовая пленка: маслянистая жидкость начала остывать. В ней стали видны волокнистые линии — вереницы кристаллов, сосульки, застывшие каскады. Остывающая жидкость была теперь пронизана белыми линиями, поверхность ее покрылась вмятинами и углублениями: казалось, передо мной застывшая глыба благородного воска. Я медленно отвернулся, осторожно ступая по самой скользкой поверхности в мире — жирной, мокрой, затянутой слизистой пленкой палубе китобойной разделочной базы.

Когда-то в далеком прошлом кашалота назвали спермацетовым китом, и это название сохранилось за ним — во всяком случае, в английском языке; люди, давшие кашалоту такое название, полагали, что его сперма находится в голове. Трудно без улыбки думать о невежестве этих людей — однако ведь и мы не сумели раскрыть секрет гигантского черепа кашалота и того огромного количества маслянистого, воскообразного, волокнистого, хрящеподобного вещества, которое наполняет сложные лабиринты каналов, клапанов, проходов и тупиков его черепной коробки. От десяти до пятнадцати тонн живой плоти носит кашалот в этом резервуаре; и если природа сочла нужным наделить кашалотов таким грузом, то, очевидно, значение спермацета в жизни животного должно быть чрезвычайно велико: природа ведь ничего не создает понапрасну. Вероятно, спермацет необходим кашалоту, иначе он не мог бы позволить себе носить подобную тяжесть.

Я попросил рабочих китобойной базы поработать минут десять с другой стороны туши, а сам вооружился тесаком и принялся торопливо вскрывать участок головы, оставшийся нетронутым. Мне было интересно — что я сумею выяснить за десять минут? У кашалота лишь одна ноздря, или дыхало, расположенное на лбу, слева от центра. Однако, разрезая ткань вокруг этого отверстия, я нашел и вторую, правую ноздрю — вернее, то, что от нее осталось после миллионов лет эволюции. Этот второй канал тоже как будто представлял собой дыхательный путь и уводил вниз. Я продолжал вскрытие, пока не увидел, что правый дыхательный канал внезап-

но окончился тупиком, дойдя до какой-то кости верхней челюсти. Длина этого тупикового канала составляла три метра, и на первый взгляд казалось, что он совершенно бесполезен: но это, безусловно, не так. Какую-то функцию канал исполняет; для чего же природа лишила кашалота одного из двух дыхательных путей? Я снова вернулся к отверстию дыхала и продолжил вскрытие с другой стороны, рассекая все еще мягкую плоть, от которой в холодном полярном воздухе поднимался пар. На протяжении более трех метров я следил за ходом левого дыхательного канала, пока он не привел меня к отверстию в кости черепа.

«Ну, хватит!»— крикнул мне бригадир, и я неохотно отошел от окровавленной головы кашалота. Рабочие срезали с нее мясо, а затем отделили голову от туши. Опутанный цепями череп с гулким грохотом рухнул на палубу. Мне удалось хорошо осмотреть его. Странный это был череп — выше человеческого роста! Сбоку он напоминал по форме огромный ковш или сани. Над верхней челюстью обнажилось длинное костное ложе, которое еще час назад поддерживало несколько тонн мяса.

Есть мнение, что масса спермацета и все сложные переплетения тканей, проходящих сквозь спермацет и окружающих его, представляют собой нечто вроде кислородного резервуара или дополнительных «легких», размещенных в черепе и постепенно выделяющих кислород во время длительного ныряния. С другой стороны, специалисты, изучающие магнитофонные записи голосов китообразных, недавно сообщили, что по некоторым параметрам звуки, издаваемые кашалотами, не похожи на прочие китовые голоса; может быть, черепная коробка помогает кашалоту порождать мощные звуковые сигналы для эхолокации в океанских глубинах? Может быть, странные каналы, часть которых я вскрыл своими руками, на самом деле представляют собой органные трубы, клапаны и резонаторы? Ответы на эти вопросы мы получим в будущем, и я думаю — довольно скоро [1].

Еще в 1839 году Томас Бил с удивительной проницательностью писал: «Все кашалоты, и взрослые, и молодые, пользуются какой-то связью: они обмениваются сигналами на расстоянии, сообщают друг другу о приближающейся опасности и делают это вполне успешно, даже когда расстояние между ними превышает пять, а то и семь миль. Пока остается тайной, каким образом им это удается».

Может быть, человек наконец вплотную подошел к разгадке этой тайны?

---

[1] Предположение многих ученых, в том числе и В. Шеффера, о наличии у кашалотов в передней части головы сложной звуковоспроизводящей системы нашло подтверждение при изучении в океанариумах поведения дельфинов. К настоящему времени достаточно выяснено строение и назначение многих частей сложной системы генерирования звуков. Все они располагаются на костном ложе черепа, впереди же находится жировая (у кашалота спермацетовая) подушка, которая, как своеобразная линза, направляет и усиливает акустический луч.— *Прим. ред.*

* * *

Богатейший мир звуков окружает каждого кита, где бы он ни находился. С рождения и до последней минуты своей жизни, днем и ночью кит слышит неумолкающий оркестр океана. Тишина в море — вещь невозможная. Хлопки и пощелкивания крошечных креветок и ракообразных, хрюканье, скрежет, пыхтение и гудение сотен рыб, странное подвывание и трескотня дельфинов, печальные голоса морских птиц над волнами, мычание китов, шуршание вечно движущейся воды и свист ветра — множество звуков постоянно доносится до кита. Он не только слышит эту музыку — он воспринимает ее всем своим телом, ведь кожа кита постоянно ощущает звуковые колебания, которые распространяются в воде.

Маленький кашалот не сразу начинает понимать значение разных звуков. Очевидно, всех звуков океана он так и не выучит, ограничив свое образование теми из них, что связаны с пищей, с матерью, с опасностями, с расстоянием — например, с определением расстояния до плавучего бревна или до плывущих где-то друзей; это обычные, часто повторяющиеся звуки. Как слепой человек, живущий в лесу, узнает птиц по голосам, так и кашалот умеет узнавать китов, встречающихся на его пути. Некоторые звуки смутно знакомы ему с самого рождения. Это голоса других зубатых китов, его ближайших родственников. Голоса всех усатых китов более грубы и резки — они, должно быть, непонятны маленькому кашалоту. Еще в младенчестве он часто слышит вдалеке какое-то странное, причудливое, ни с чем не сравнимое сочетание звуков, которое мы приняли бы за какофонию скотного двора: скрипы, хрюканье, мычание, вскрики, стоны, присвисты, лай. Источник этой какофонии так и останется ему неизвестен.

Сегодня наш герой услышал диковинный новый звук, раздавшийся внезапно, точно голос неожиданного гостя из космоса. Вначале он походил на стон — таинственный, бесформенный, неопределенный. Стон постепенно превратился в визг, а потом, дрожа и затихая, сопровождаемый чуть слышным эхом, исчез, оставив маленького кашалота в болезненном оцепенении. Откуда пришел этот стон? Никогда больше кашалот не услышит его. Быть может, это был голос обитателя глубин, неизвестного и человеку? А может быть, голос самого обычного животного, в жизни которого случилось что-то необычное? Или какое-то безголосое существо почувствовало вдруг мучительную боль, от которой у него прорезался голос?

* * *

Человеку трудно оценить всю важность звуковых сигналов для маленького кашалота. Киты постоянно заняты анализированием подводных звуков, большая часть которых не имеет для них никакого значения, но все же должна быть услышана и проверена.

Звук сообщает китенку почти все, что ему требуется знать. Обоняния у него нет. Задолго до того как кашалот родился, в передней части его крошечной головы начали развиваться две мягкие доли. Им следовало бы стать участками мозга, управляющими обонянием, однако по мере развития зародыша они исчезли, уступив место другим клеткам и тканям. Откуда-то из глубины времен зародыш получил команду хромосом — и мозг послушно исполнил ее.

В самом деле, для чего киту обоняние?

Зрение у китов тоже постепенно атрофируется. Глаза маленького кашалота, расположенные над уголками его пасти, поблескивают в щелях между пухлыми веками. Наш герой никогда не видел своего собственного хвоста — и никогда не увидит его. Его глазные яблоки заключены в прочную прозрачную оболочку и охвачены сильными мышцами; маслянистая слезная жидкость служит им смазкой. Когда кит поднимает голову над водой, он видит не лучше человека, страдающего близорукостью и астигматизмом. В воде, однако, он видит достаточно хорошо, чтобы разыскать материнское брюхо и источник материнского молока. Пока развиваются и совершенствуются его сложные органы слуха и «речи», глаза подтверждают и корректируют звуковую информацию и помогают распознать ее источник.

Даже полностью потеряв зрение, китенок все же сумел бы, вероятно, нормально жить и развиваться. Много раз мне приходилось видеть слепых тюленей в естественных условиях — и они выглядели здоровыми, упитанными, в их поведении не было ничего необычного. И в воздухе, и в воде звуковые колебания заменяют им свет.

В 1939 году зоолог и судовой врач Томас Биль писал: «Был пойман совершенно слепой кит, потерявший оба глаза; в глазницах его густо разрослись грибоподобные растения, свидетельствующие о том, что кит уже давно лишился зрения... И все же при разделке его туши китобои добыли столько же жира, как при разделке туши любого зрячего кита такого размера».

Январское море так прекрасно, что даже мысленно не хочется возвращаться на берег,— и мысли мои обращаются к океану, к этому огромному, удивительному водному миру, опоясывающему Землю и вполне способному поглотить и Эверест, и Мертвое море, если бы кому-то удалось выровнять поверхность нашей планеты.

Интересно было бы вычислить, какой цифрой определяется общая масса живых существ в Мировом океане — биомасса морских животных и растений. Намного ли она превышает потребности голодного человечества в пище? Какую часть биомассы составили бы кашалоты? Впрочем, кто пересчитывает по головам их стада?

Мы, люди, любим задавать себе разные вопросы, а потом искать ответы на них. Океан и его обитатели не поддаются точному измерению; следовательно, нам пока приходится довольствоваться приблизительными представлениями, основанными на известных фактах.

Специалисты начинают — по-моему, вполне логично — с количественной оценки основания пищевой пирамиды, подсчитав для начала массу простых элементов, которыми питаются растения. Углерод, азот и фосфор — лимитирующие компоненты, дающие жизнь,— легко поддаются измерению. Моря нашей планеты достигли уже весьма почтенного возраста и так долго принимали участие в общем и повсеместном круговороте веществ, что все тона и оттенки их химического состава отлично перемешались и хорошо известны нам. Мы делаем анализ состава воды в сотне разных мест, умножаем результат на некую громадную цифру и прогнозируем длительность жизни на Земле — предполагая, разумеется, что энергия Солнца останется неизменной и будет и дальше питать разные формы жизни на нашей планете.

Советский океанолог В. Г. Богоров считает, что общая масса растений в Мировом океане составляет 1,7 миллиарда тонн, а масса животных — в двадцать раз больше.

Возможно ли это? Как это животных может быть в океане больше, чем растений? Как может лошадь весить больше, чем трава, которую она ест? Напомним, что жизнь океанских растений коротка, а животным отпущен гораздо больший срок. Если подсчитать, сколько новых растений и сколько новых особей животных появляется в океане каждый год, то окажется, что растительный мир в десять раз плодовитее животного. Следовательно, в наше рассуждение следует ввести фактор времени: ведь жизнь не стоит на месте. Океан — это постоянно изменяющаяся система, в которой равновесие между теми элементами, которые мы называем «живыми», и теми, которые у нас именуются «мертвыми» (разграничить их не всегда бывает легко), поддерживается одновременно на самых разных уровнях.

Американский специалист по рыболовству У. М. Чапман говорит, что, хотя общая добыча рыбы из Мирового океана составляет сейчас шестьдесят миллионов тонн в год, человечество могло бы увеличить эту цифру в тридцать раз, если бы сумело с максимальной эффективностью использовать суда и орудия лова.

(Мы с Чапманом знакомы давно. Помню, однажды мы с ним перегоняли моторную шхуну «Черный Дуглас» из Сан-Педро в Сиэтл; на шхуне были погашены огни, и на всем пути мы не видели ни одного огонька — это было в декабре 1941 года, через неделю после нападения на Пирл-Харбор. Были погашены также и навигационные огни. Прокладывая курс, мы всецело доверялись глубиномеру и воле божьей.)

Джон Д. Стрикланд из Института морских ресурсов при Калифорнийском университете в Ла-Хойе придерживается более осторожного мнения: он говорит, что добычу рыбы можно увеличить не больше чем в десять раз.

Приведем противоположное мнение: Волф Вишняк из Рочестерского университета в штате Нью-Йорк, а также Ламонт К. Коул из Корнеллского университета считают, что мы уже сейчас слишком усердно опустошаем моря. «Значит ли это, что нас ждут мрачные

перспективы?»— спрашивают они — и отвечают: «Нет, перспективы попросту безнадежные».

Чапман затрагивает и моральную сторону этого вопроса. Он говорит, что в наши дни серьезный ученый не может довольствоваться сочинением трактатов, сидя в своей башне из слоновой кости; он должен взаимодействовать с реальным миром, использовать свои способности и знания для решения насущных и актуальных проблем человечества, пытающегося лучше приспособиться к окружающему миру. Ради кого, спрашивает Чапман, мы пытаемся увеличить добычу китов, рыбы, водорослей и прочих богатств Мирового океана? Кто от этого выиграет?.. Во-первых, выиграет сам океан, потому что мы будем следить за тем, чтобы его эксплуатация не была чрезмерной; мы должны сохранить источник этих богатств. А во-вторых, мы открываем доступ к ним для всех народов, для всех наций Земли, готовых искать и добывать морепродукты. Мы не ставим ни политических, ни национальных, ни географических, ни расовых, ни шовинистических преград; все могут черпать там, где черпается слишком мало.

Возьмем данные В. Г. Богорова о биомассе животного мира океана и сравним ее с массой всех кашалотов на планете. Сейчас ежегодно добывается двадцать пять тысяч кашалотов — это сокровище эксплуатируется слишком усердно. Ежегодная добыча составляет, вероятно, одну десятую общего запаса кашалотов — их в океане приблизительно двести пятьдесят тысяч. Считая, что средний возраст кашалота — десять лет, а средний вес — десять тонн, приходим к выводу, что общий вес всех кашалотов Мирового океана составляет примерно 2,5 миллиона тонн. Сравнивая эту цифру с общим весом всех животных океана, выясняем, что кашалоты составляют приблизительно 1/13600 всех животных, то есть весьма значительную часть. Казалось бы, киты встречаются так редко, что едва ли можно было ожидать столь значительной цифры. Однако каждый гигантский кашалот весит столько же, сколько триллион планктонных животных.

Биолог, интересующийся статистическими данными о китах, должен очень осторожно пробираться по лесу цифр, среди которых прячутся нужные ему данные. Он должен опасаться предательских ям и ложных тропинок. Он старается сделать «случайную выборку», которая бы верно отражала ситуацию,— но это нелегкая задача, как нелегка любая обработка информации о живом, непрерывно меняющемся мире. Ведь приходится иметь дело со сведениями о животных, которых уже не существует; приходится подсчитывать призрачные популяции, уже переместившиеся во времени и в пространстве.

Подсчет начинается с вполне определенной цифры — количества кашалотов, убиваемых каждый год. Имеются также данные подсчета китов, которых заметили с кораблей и самолетов. Известно количество китов, проходящих во время ежегодих миграций вдоль берега и замеченных в районах спаривания. Кроме того, специалист по статистике использует сведения, полученные при

вскрытиях на палубах китобойных судов,— это чрезвычайно полезные сведения, которые говорят о том, как быстро киты растут, в каком возрасте они начинают спариваться, сколько раз самка рожает, в каком возрасте у нее начинается климакс, как часто киты болеют, какая среди них смертность, и о многих других важных аспектах, которые необходимо знать при подсчете китового населения планеты и оптимальной скорости его истребления.

Полезно знать и количество помеченных китов, доставленных на разделочные базы,— биологи многих стран метят встреченных в море китов при помощи специальных стальных меток. Данные о сезонных миграциях, которые можно получить, подсчитывая убитых китов с такими метками, не особенно надежны, потому что помеченного кита обычно убивают лишь через несколько лет. Тем не менее метки помогают составить представление о путешествиях китов и примерно очертить их территории, а также сделать некоторые выводы о том, насколько разные виды китов уважают неприкосновенность чужих владений.

Наконец биолог, занимающийся статистическими данными о китах, предлагает руководителям китобойного промысла выбор: «Прирост поголовья китов,— говорит он,— колеблется между этими двумя цифрами. Вот верхний предел возможной добычи, а вот — нижний. Выбирайте».

Здесь уместно привести слова Джеймса Тербера о пингвинах и о самой примитивной из жизненных форм океана — планктоне: «Пингвин питается планктоном — сытным, хотя и безвкусным продуктом, который энциклопедический словарь с очаровательной простотой определяет как «совокупность животных и растений, населяющих водоемы и плавающих либо пассивно, либо при помощи слабых движений». Человеку не свойственно уделять много внимания пассивным и покладистым животным; зато тем животным, мясо которых составляет основу его рациона, он любит задать жару и изобрел для этого множество орудий, убивающих и на суше, и в море, и в воздухе,— от рыболовного крючка и гарпуна до винтовки и дробовика. Когда пингвин и дельфин научатся говорить по-нашему, они воскликнут, глядя на человека, сидящего за своей устрашающей трапезой: «Подумать только, что едят эти смертные!»

Февраль

В то время как тысячи и десятки тысяч кашалотов пасутся в умеренных водах северной части Тихого океана, несколько сот самцов охотятся в ледяных водах более высоких широт, где течения Берингова моря встречаются с тихоокеанскими течениями. Это старые самцы, выходцы из разных морей (некоторые из них в прошлом путешествовали и с семьей маленького кашалота). Одни самцы родились под благоуханными ветрами Каролинских островов, другие — в районе островов Гилберта или Маршалловых, многие

впервые увидели свет в открытом океане, далеко от каких-либо берегов. Охотничьи угодья этих китов растянулись дугой на две тысячи миль, от Кадьяка на востоке до Командорских островов на западе, а на севере они ограничены опасными течениями, приносящими плавучие льды из Северного Ледовитого океана.

Самцы плывут, поднимаясь и опускаясь в ритме никогда не успокаивающихся валов открытого океана. Зимние дни коротки и сумрачны, шум волн то и дело перекрывается воем шквалов, которые рождаются в просторных долинах Алеутских островов и яростно проносятся над морем. Летящая пена и бушующие волны сливаются в одну сплошную пелену тумана и брызг, а через час шквал прекращается — так же внезапно, как начался. Сквозь снег и ледяной дождь, под огромными густыми облаками тумана киты продолжают преследовать добычу — даже темными, непроницаемо черными ночами. Они никогда не останавливаются. Им не нужен отдых. Наоборот — постоянная работа мышц необходима, чтобы не мерзнуть в ледяных морях.

Широкими проливами меж Алеутских островов киты идут в воды Берингова моря. Они избегают заходить в узкие проливы с предательскими течениями, рождающимися от столкновения северных и южных океанских валов; единоборство этих двух стихий порой вздымает море страшной пенистой зеленой стеной — а порой внезапно уносит всю воду из пролива, обнажая уродливые острые рифы.

Временами свежий ветер вдруг разрывает облака, и над северным горизонтом появляется радуга, ненадолго расцвечивающая синее небо. Лунная радуга похожа на солнечную, но цвета ее, разбавленные синевой ночи, мягки и прозрачны.

Двигаясь по своим регулярным маршрутам, киты иногда проплывают вблизи островов Алеутской гряды, самых чистых и прекрасных островов на свете. Это острова вулканического происхождения. Их белоснежные вершины поднимаются выше трех тысяч метров над уровнем моря, а в недрах их дремлет огонь, который иногда вырывается на поверхность, украшая вечные снега султанами дыма и пламени и пелериной вулканического пепла. Ландшафты этих островов графичны и чисты, здесь нет лесов, и ничто не мешает ветрам свободно разгуливать по земле; живут здесь лишь песцы и птицы.

Вот желтоглазый песец изящно ступает по зимнему берегу, переворачивает камни и слизывает языком с песка мелких насекомых или разрывает выброшенные на берег водоросли в поисках запутавшихся в них рыб и мертвых чаек. Зимой песец не побрезгует ни одним, даже самым крошечным и отвратительным кусочком и не прекратит поиски, пока желудок его не будет набит до отказа: в пищу годится все, что хотя бы отдаленно напоминает мясо. Если обитателям острова повезет, мощный зимний прибой вынесет на берег тушу кита. Тогда песцы будут неделями пировать, проедая длинные норы в горе разлагающегося мяса. В песке появятся тропинки, ведущие к китовой туше. Серебристый мех песцов сваляется

и потемнеет от жира, вид у их будет ужасен — до тех пор, пока осенью природа не снабдит песцов новыми шубами.

Издалека острова кажутся совсем белыми, но когда приближаешься к ним, видны участки коричневого и серого — это складываются в причудливый узор буйные заросли трав, и голые стебли борщевика, и шероховатые, обветренные валуны, и тонкие, гибкие ветви кустарников, которые приспособились к холодному, сырому климату севера.

Тяжело пикируют с утесов и садятся на воду краснолицые бакланы; они поводят головами из стороны в сторону, словно чему-то удивляясь. Появляются из тумана и опускаются на воду рядом с китами крошечные малые конюги. Во всем мире этих птиц осталось всего около двух тысяч (представьте биологический вид, биомасса которого во всем мире составляет сорок килограммов!) — вымирающее племя, последние остатки вида. На Алеутских островах пережидают зимние штормы топорики. Эти смешные морские попугаи с пучком перьев на голове (они встречаются в разных уголках земного шара) летом роют ямки в земле и, отложив яйца в потайных тоннелях, к зиме возвращаются в бурное море.

Есть птицы, которых киты видят по ночам,— это маленькие, как ласточки, качурки. Они стремительно проносятся в темноте, внезапно пикируют в воду, чтобы схватить комочек светящегося планктона, и снова порывисто взлетают над волнами.

* * *

В водах Алеутских островов суда появляются крайне редко, ибо большая часть этих островов совершенно безлюдна. В устьях рек, между мягких, округлых холмов здесь иногда находят следы древних становищ — груды полуистлевших костей, скелеты и зубы морских животных, указывающие на то, что когда-то здесь жили мужчины, женщины и дети. Однако двести лет назад на острова явились европейцы, которые и погубили туземцев. Краток и печален этот период истории Алеутских островов, ставших еще одним напоминанием о том, как жестоко обращается человек со своими собратьями.

На всей земле сейчас не осталось ни одного чистокровного алеута.

Этнологи установили, что алеуты пользовались весьма своеобразным методом охоты на китов. Особые шаманы — служители китобойного культа — по тайным рецептам готовили варево из корней ядовитых растений, таких, как борец волчий (аконит), лютик едкий, ветреница (анемон), и вымачивали в нем наконечники стрел и гарпунов. Охотники спускали на воду обтянутые шкурами лодки и, окружив кита, старались вонзить в него как можно больше отравленных стрел и гарпунов. Следовало длительное ожидание; наконец кит умирал от паралича и тонул. Много дней спустя, если тому благоприятствовали волны и ветер, всплывшую тушу выбрасывало на берег, и алеуты принимались пировать. Но если ветры

и волны не благоприятствовали охотникам, китовую тушу уносило на юг или на восток, за много сотен миль, и в конце концов ее выносило на какой-нибудь отдаленный берег,— к ужасу местных жителей.

Высоко над угодьями алеутских китов в темно-синем небе проходит трасса реактивных самолетов, летящих с Аляски на Восток и обратно. Некоторые из самолетов приземляются на аэродромах в районах Колд-Бей, острова Адак и других военно-воздушных баз, о которых мы мало что знаем; когда самолеты снова с воем взлетают в небо, испуганные киты в панике уходят на глубину.

Алеутская дуга — геологически молодой и беспокойный район нашей планеты. Океанское дно здесь подвержено частым сейсмическим колебаниям. Когда на острове Хоккайдо или в Анкоридже и Сиэтле вздрагивают стрелки сейсмографов, кашалоты тоже ощущают эти подводные удары и замирают, вслушиваясь в гул океанских глубин.

Я был там однажды летом и видел берег, на котором стоял когда-то маяк Скотч-Кэп. Темной апрельской ночью, за год до моего визита, огромная волна высотой тридцать метров, возникшая в районе впадины возле острова Унимак, обрушилась на берег и уничтожила и маяк и всех находившихся на берегу людей.

Роковые случайности и катастрофы — вполне обычное явление в жизни обитателя северных морей. Иногда китов и тюленей, рыб и морских птиц Алеутских островов губят самые неожиданные происшествия. Случается, что в море находят животных — одиночек и целые группы,— погибших от ожогов. Быть может, это жертвы морских гейзеров — подводных извержений горячего пара и сернистых газов? А иногда на берегу находят тела тюленей и птиц, не имеющих никаких следов травм. Быть может, это жертвы отравления знаменитым «красным приливом?».

* * *

Четвертое февраля. Три кашалота из стада самцов охотятся на мойву в Кроноцком заливе у берегов Камчатки. Здесь водится множество этих серебристых, похожих на корюшку рыбок. Они невелики (всего пятнадцать — двадцать сантиметров в длину), но мясо их нежно и вкусно. Блестящие серебристые рыбки сверкают в воде, точно тысячи внезапно рассыпавшихся лезвий.

На западе низко над горизонтом появляются бледные отсветы: это в темных облаках отражается лед. Присутствие льда, а также и некоторые другие приметы указывают кашалотам западные границы их охотничьих угодий. Киты медленно разворачиваются и уходят в сторону Америки.

Тишину зимнего дня нарушают негромкие вздохи десятка дельфинов, которые тоже ловят мойву. Это так называемые китовидные дельфины — у них, как и у настоящих гладких китов, нет спинного плавника. Стайка черно-белых дельфинов держится неподалеку от

кашалотов; они ленивы и медлительны — вероятно, уже наелись рыбой доотвала.

На поверхности появляется усатая морда морского котика. Это самец. Он крепко держит зубами рыбу и трясет головой, разламывая ее на куски, которые он мог бы проглотить. (У котика нет лап, чтобы держать добычу). Во все стороны летят мелкие брызги, кольцом окружая голову котика. Пикирует чайка, привлеченная разлетающимися в воздухе серебристыми кусочками мяса. Как и кашалоты, этот котик решил перезимовать на севере, у кромки дрейфующих ледяных полей. Его летняя резиденция — скалистый остров, расположенный недалеко от Сахалина, в Охотском море [1]. Эту зиму он проведет в одиночестве, вдали от своих собратьев.

В глубине под темным утесом на южном берегу острова Амукта, лежащего у побережья Аляски, в зарослях скользкой аларии пасется треска. Глубина здесь около двадцати метров. Поедая крабов, улиток, морских звезд и морских ежей, треска пробирается между коричневыми растениями. Эти темно-серые, метровой длины рыбины отличаются огромными выпученными глазами, громадной пастью и постоянно трясущимся отростком, свисающим с нижней челюсти. В тусклом подводном свете треска замечает движущуюся тень, очерченную серебристыми пузырьками. Треска бросается вперед и хватает добычу своими тонкими, острыми зубами. Это баклан, морская птица, которая глубоко ныряет, охотясь на рачков и мелких рыбешек (в том числе и на мальков трески). Рыба и птица сражаются среди подводных водорослей, но треска — в своей стихии, и она побеждает: голова баклана исчезает в пасти трески, еще мгновение — и птица проглочена целиком.

Вечером эта треска заплывает в пролив между островами Амукта и Юнаско. Позже, около одиннадцати часов, идущий проливом кашалот на ходу проглатывает треску. Таким образом, круг почти замкнулся: рыба сожрала птицу, которая охотилась на мальков, поедавших веслоногих рачков конепод, которые питаются диатомовыми водорослями. В желудке кашалота эта треска скоро будет переработана в питательные вещества, поддерживающие его жизнь, а ее кости и чешуя, вместе с перьями баклана, будут извергнуты и сделаются добычей разнообразных гнилостных грибков и бактерий, которые превратят эти отходы в вещества, питающие новые поколения диатомей.

Повернув на восток, кашалоты слышат в воде слабые пульсирующие звуки, не похожие ни на один звук, слышанный ими прежде. Они инстинктивно уходят в глубину, ибо непонятное равнозначно опасному. Проходит всего несколько минут — но непонятный шум уже приблизился почти вплотную. Один из кашалотов всплывает подышать. Над водой показывается черная мокрая воронка его дыхала — и кит вдруг слышит выстрел и чувствует, как что-то вонзается ему в спину. Воду и воздух сотрясает громкий рев моторов. На смену первому шоку приходит легкая колющая боль.

[1] Автор имеет в виду остров Тюлений.— *Прим. ред.*

Кит пускает торопливый фонтан (точно струя пара вырвалась из трубы паровоза) и ныряет, не успев полностью провентилировать легкие.

В десяти метрах над водой завис ярко-оранжевый вертолет, на борту которого чернеет русская надпись — «Третья звезда». Под брюхом вертолета — длинные цилиндрические поплавки. Вертолет взмывает вверх; винт обрушивает на воду мощную струю воздуха, которая создает на поверхности концентрические волны, пересекающиеся с волнами, поднятыми нырнувшим китом. В окне вертолета — бледное лицо. Кажется женское?

«Третья звезда» работает по заданию советской научно-исследовательской станции в Петропавловске[1], где круглый год занимаются изучением моря и разных аспектов рыболовства. Прошлым летом Людмила Грекова, двадцатидвухлетняя сотрудница станции, высказала мысль, что легче метить китов с вертолета, чем гоняться за ними на научно-исследовательском судне. Некоторое время ее предложение медленно двигалось по соответствующим административным каналам, но когда оно дошло до молодого начальника, на которого идея девушки и ее серые глаза произвели большое впечатление, станция получила разрешение на эксперимент.

И вот сегодня, четвертого февраля, из охотничьего ружья двенадцатого калибра, выставленного в окно вертолета, был пущен стальной цилиндр, который и вонзился в жировой слой на спине кита. Вертолет с пилотом и двумя пассажирами на борту полетел дальше в поисках других объектов эксперимента. Людмиле удалось обнаружить и пометить еще трех китов, причем из этих трех выстрелов только один, быть может, оказался не слишком успешным: в критический момент вертолет качнуло, и метка вонзилась в бок кита под слишком маленьким углом. (В пенистой воде не было видно, вошла ли она под кожу.)

К этому времени первый из помеченных китов удалился уже на пятьдесят миль к востоку: он развивает предельную скорость в надежде избавиться от причиняющего боль предмета. Через неделю рана у него на спине закроется а еще через неделю пройдет и всякая боль. Следующим летом этого самца убьет гарпунер японского китобойного судна, и блестящий цилиндр будет обнаружен на дне жироваренного котла, когда чумазый рабочий станет лопатой чистить котел. Биолог раздраженно пожмет плечами, а вечером снова пожалуется капитану: «Неужели раздельщики не могли обнаружить метку вовремя?» Биолог, конечно, зарегистрирует найденную метку, но теперь он не знает, какой из сегодняшних китов принес ее — может быть, огромный старый самец, доставивший китобоям девяносто бочонков жира, накопленного за пятьдесят лет жизни?

Второй помеченный самец будет четыре года и три месяца носить свою метку — номер пятьсот пятьдесят девять. Затем его

[1] Автор имеет в виду Камчатское отделение Тихоокеанского научно-исследовательского института рыболовства и океанографии.— *Прим. ред.*

убьет гарпунер с китобойца, направляющегося на промысел в Антарктику. Этот самец ненадолго прославился как первый кашалот, о котором наверняка известно, что он пересек экватор. Он найдет свой конец к северу от острова Гвадалканал (Соломоновы острова), в четырех тысячах миль от Кроноцкого залива. Ученые заключат, что в своей жизни этот кашалот проходил не меньше тысячи миль в год,— хотя ни один из них не узнает, каким путем шел кашалот, когда он отдыхал, когда снова отправлялся в дорогу.

Вечером вертолет возвращается к своей камчатской базе. Людмила быстро пишет в блокноте, фиксируя важные события дня, пока они еще свежи в ее памяти; солнце опускается к горизонту.

Второй пассажир вертолета, биолог Юрий Соколов, с увлечением участвовал в сегодняшней погоне, но не сумел испытать свое изобретение, с помощью которого он надеялся проследить за подробностями извилистого маршрута кашалота. До сих пор никому не удавалось успешно применить подобное устройство: это миниатюрный радиопередатчик, который заключен в заостренный стальной цилиндр и питается залитыми воском батареями.

Когда вертолет уже подходит к Кроноцкому заливу, Юрий замечает группу малых полосатиков — самых мелких из усатых китообразных, которые посещают заливы побережья. Юрий обращается к пилоту, жестом давая ему понять, что намерен все же выполнить программу, намеченную при вылете с базы. Вертолет снижается; белые поплавки нацеливаются на группу китов. Охваченный легкой нервной дрожью, Юрий пристраивается с гарпунным ружьем возле окна. Ветер срывает с биолога очки, глаза его слезятся. Но он прицеливается и нажимает на спусковой крючок. Трах! Взрывается заряд черного пороха; восьмисотграммовый снаряд вонзается в спину кита, позади спинного плавника. Снайперу не видно, что происходит дальше,— но красивый, блестящий цилиндр, нашпигованный печатными схемами, транзисторами и прочими миниатюрными деталями, как будто попал в цель. В полном соответствии с программой цилиндр выбрасывает наружу гибкий стержень антенны. Испуганный кит нырнул. Юрий склоняется к приемнику, установленному на полу вертолета, и надевает наушники. Он напряженно вслушивается, надеясь уловить электронное мурлыканье, которому обучили снаряд его создатели. Но как ни вслушивался биолог, желанный сигнал обнаружить не удается: приемник молчит. Тщательно сконструированный снаряд, казалось бы, застрахованный от всех неполадок, опять подвел молодого ученого.

* * *

Животные формируются под влиянием природных сил, которых они не понимают. Для них не существует ни прошлого, ни будущего. Им ведома лишь жизнь нынешнего поколения — его следы на земле, его невидимые пути в воде и в воздухе.

Лорен Эйсли

Каким образом кашалот находит дорогу в море? Как он прокладывает свой курс? По каким невидимым приметам он каждый год снова находит дорогу к районам спаривания? Какие вехи и маяки помогают ему?

Я задаю эти вопросы, но не имею на них ответов. Человечество все еще ищет их. Биологи будущего расскажут людям, чем руководствуется кашалот в своих скитаниях. Будущее проверит новые теории, оценит их выводы и выяснит, что именно играет решающую роль в передвижении кита по океанам.

Биолог будущего учтет и магнитное поле Земли (которое указывает нам направления на север и на юг), и силу Кориолиса (которую порождает вращение Земли), и изменение высоты солнца над горизонтом (и соответствующую поляризацию света), и химизм воды и ее температуру, и направление и силу преобладающих ветров, и положение небесных тел — учтет все это и решит, воспринимает ли кит подобные морские, земные и внеземные параметры и что они говорят кашалоту, регулярно возвращающемуся на привычные места.

А может быть, миграция китов — это весьма несложный процесс, и молодые киты попросту следуют за вожаком и, постепенно запоминая приметы, выучивают дорогу.

В начале нашего века передвижениями китов заинтересовался один выдающийся зоолог; постепенно он многое узнал о местах, посещаемых китами, однако почти ничего не узнал о том, как киты находят эти места. Это был Чарлз Хаскинс Таунсенд, в течение тридцати пяти лет руководивший Нью-Йоркским аквариумом. Однажды, работая в публичной библиотеке в Нью-Бедфорде, он, к своему величайшему удовольствию, обнаружил там сотни судовых журналов со старых американских китобойцев. В эти журналы капитаны аккуратно заносили сведения о добытых китах: даты, координаты, виды китов.

Таунсенд понял, что, отмечая на картах те места, где удалось добыть большое количество китов, можно составить представление о распределении китов и об их миграциях. Он изготовил превосходные карты Мирового океана, на которых цветными точками обозначил места, где когда-либо был обнаружен и убит кит. Увлечен-

но трудясь над составлением этих карт, Таунсенд обработал записи за сто шестьдесят лет китобойного промысла, содержавшие сведения о добыче более тридцати тысяч китов.

* * *

Десятого февраля рыболовное судно «Халкон» вышло в воды субтропической зоны Тихого океана. «Халкон» шел вдоль берегов Мексики, у южной границы района, который занимает семья маленького кашалота. Это был пробный выход: владельцы «Халкона» решили испытать свой рыболовный сейнер для охоты на китов. «Халкон» приписан к порту одного из государств Центральной Америки; оно не входит в Международную китобойную комиссию и поэтому не обязано соблюдать законы, регламентирующие китобойный промысел.

Между владельцами «Халкона» состоялся примерно такой разговор:

«У нас прекрасное судно, которым мы пользуемся только восемь месяцев в году, когда идет лов сардин. Почему бы нам не использовать его и весной, для охоты на китов? Мы ведь часто видим китов, когда расставляем сети».

«Но киты боятся шума дизельных двигателей. На китов могут охотиться только паровые или парусные суда».

«В самом деле? Откуда вам это известно?»

Всем заправляет португалец по имени Беппо, работавший прежде в калифорнийской компании по добыче и разделке китов. Его темные глаза загораются, когда он описывает треволнения охоты и богатую добычу — горы красного мяса, которое доставляют в порт китобойные суда и из которого можно делать консервы для собак; это очень прибыльное дело.

И вот в конце рыболовного сезона «Халкон» стали оснащать новым такелажем. Хозяева и моряки часто почесывали в затылках. Сколько проблем! Как в него стрелять, в кита? Какой длины должен быть гарпунный линь?

Наконец на носу «Халкона» установили гарпунную пушку, а для стрельбы из нее наняли норвежца по имени Аксел Свансон.

Свансона нашли в портовом кабаке. Его знают все местные рыбаки. Этот бывший китобой, плававший в южных морях, рассказывает удивительные истории. Его вежливо выслушивают и угощают выпивкой — хотя бы ради того, чтобы он повторил поэтические повести. Он так настрадался от холодных ветров и ледяных волн Антарктиды, что теперь до конца своих дней будет греться в тропиках. Норвежец не всю свою жизнь провел в кабаках и даже клянется, что в мире нет лучшего дозорного и лучшего гарпунера, чем он, Аксел Свансон. Ни для кого не секрет, что остроту своего зрения он поддерживает при помощи специальной процедуры: каждое утро, поднявшись с койки, выпивает огромную кружку морской воды. Воду он зачерпывает прямо у причала, и, очевидно, некоторые примеси, попадающие при этом в кружку, действительно

поддерживают иммунитет китобоя против инфекции. Все же к полудню, когда острые глаза великого охотника на китов начинают слезиться от яркого солнечного света, целительный эффект океанской воды заметно ослабевает, и его приходится подкреплять стаканом красного вина.

«Халкон» отваливает от причала. Вдогонку несутся советы и пожелания — насмешливые и грубоватые, но в общем дружеские. Судно берет курс на зюйд-вест. Ну, где тут киты?

Прошло три часа, пройдено тридцать миль. И вот Педро, стоящий в бочке, которую привязали к мачте, замечает кашалотов. Кашалоты спокойны, ибо в этих водах их никогда не тревожили. Педро машет рукой и кричит: «Кит-кит-кит-кит-кит!..» От возбуждения он едва не вываливается из бочки.

Аксел бросает трос, который он сращивал, и бежит на бак. Там он срывает с пушки брезентовый чехол, снимает предохранитель, опускает со лба защитные очки и разворачивает пушку, проверяя ход хорошо смазанных механизмов. Глаза его слезятся, но ум ясен. Снова он — первоклассный охотник, лучший гарпунер Антарктики. Капитан покидает рубку и поднимается на мостик, откуда ему лучше видна жестикуляция Педро, возбужденно скачущего в своей бочке. Красный султан на черной вязаной шапочке Педро тоже скачет на фоне светлого неба, щеки Педро пылают загаром, борода черна — ни дать ни взять персонаж пиратского романа. Проходит двадцать минут, и «Халкон» догоняет кашалотов; теперь уже и Аксел видит над волнами белые грибы пара — три, а может быть, и четыре. Аксел кричит капитану, что теперь он сам будет командовать, но внезапно забывает испанский: с языка его слетают выражения, понятные только норвежскому моряку. К счастью, капитан тоже видит китов. Киты уходят в глубину, но опыт рыбака помогает капитану угадать, где они всплывут.

Чу-уф! Это всплыл кит; он испуганно изгибается громадной черной дугой всего в двадцати метрах от «Халкона». Гарпунер разворачивает пушку. Вот он начинает опускать дуло, прицеливаясь в спину кашалота,— но проклятое дуло не опускается. Оно уперлось в тиковый фальшборт. Устанавливая пушку, моряки забыли, что ее придется нацеливать вниз, на кита, плывущего совсем рядом. Кашалот ныряет. Аксел разражается проклятьями и, сунув в рот пораненные пальцы, опускается на крышку люка. Его сотрясает нервная дрожь. Кит ушел — целый и невредимый.

День тихий, на море штиль; «Халкон» ложится в дрейф в двадцати милях от берега и мерно покачивается на волнах. Двое матросов, вооружившись пилами и топорами, отправляются на бак. Они выпиливают в фальшборте широкую дугу, чтобы дуло гарпунной пушки можно было опустить еще на десять градусов. Быстро сгущаются февральские сумерки. Матросы кончают работу при желтом свете фонарей.

Поднявшийся ночной бриз приносит с берега благоухание цветущих тропических деревьев. Экипаж спускается на камбуз и принимается за кофе с хлебом и жареными креветками. Беппо ока-

зался прав и теперь радостно ухмыляется: значит, можно охотиться на китов с шумного дизельного судна! Завтра снова отправимся в погоню. Это еще веселее, чем казалось со стороны. Господи, помилуй! Ну и здоровые же твари, эти киты! Выдержит ли буксирный трос?

На палубе дремлет вахтенный матрос, которому поручено следить, чтобы судно не снесло к берегу. Матрос с удовольствием замечает, что на снасти возле ходового огня уселись буревестники. Буревестников он знает с детства; их называют здесь птицами святого Петра, потому что они ходят по воде[1]. Птицы жалобно попискивают. Их силуэты ритмично покачиваются на фоне неба. Ритм качки не всем приходится по вкусу — некоторые из новых пассажиров «Халкона» срыгивают маслянистые куски лосося.

Аксел снял сапоги. Он лежит на койке, почти утонув в синем облаке густого табачного дыма. Ему очень хочется выпить, но он знает, что выпить нечего: ни одно уважающее себя рыболовное судно не берет в море алкогольные напитки.

Вскоре после восхода солнца «Халкон» снова принимается искать китов. Все дальше и дальше идет судно по волнующемуся зеленому морю. Экипаж завтракает — плоды азимины, маисовые лепешки, жареная рыба и черный кофе. В восемь часов снова раздается желанный крик с мачты: «Кит!» Аксел сбрасывает рукавицы, сплевывает и с лихорадочным блеском в глазах хватается за пушку. Ноги его широко расставлены. Совсем близко прямо по носу блестит в волнах огромная голова кашалота — и громоподобный выстрел возвещает начало второй жизни старого гарпунера. Облако едкого дыма обволакивает капитанский мостик. В воздухе на мгновение повисает массивный линь — точно мост, возникший по мановению волшебной палочки.

Раздается второй взрыв, глухой и ужасный. Это в спине кашалота взорвался заряд гарпуна. Аксел оборачивается к мостику и традиционным победным жестом поднимает кверху два пальца. Остановись, мгновение! Аксел на верху блаженства. Вся его последующая жизнь будет озарена блеском сегодняшнего триумфа.

К счастью для кашалота, заряд взорвался глубоко в мышечной ткани, в метре от сердца. Фонтан кита тотчас окрашивается кровью, а через пять минут голова его бессильно опускается. «Халкон» приближается к туше. Матрос в выгоревших брюках и веревочных туфлях прыгает на скользкую спину убитого кашалота. В руке матроса шланг, соединенный с компрессором, на конце шланга — острый стальной наконечник, который теперь загоняется глубоко в тушу. Заработал компрессор. Капитан поворачивает вентиль, и черная туша кита начинает раздуваться. Когда она переворачивается брюхом кверху, шланг вытаскивают, а надутую,

[1] Все буревестники редко садятся на землю и ходят по ней очень неуклюже. Зато на воде они держатся прекрасно. Однако перед взлетом они долго как бы «идут» по воде, пока их длинные крылья не наберут подъемную силу.— *Прим. ред.*

как подушку, тушу привязывают к борту и тащат к берегу, до которого пятьдесят миль.

Неудобный груз снижает скорость «Халкона» до четырех узлов. Лишь в полночь судно наконец огибает мол. «Халкон» входит в небольшую гавань, где он избавится от своей добычи — отбуксирует ее к причалу рыбоперерабатывающей базы. В рыболовный сезон здесь варятся в огромных котлах под давлением тысячи тонн сардин и кильки. Горячее месиво прогоняется сквозь канал, имеющий форму штопора. Из одного конца канала стекает жир, а из другого выходит пахучая коричневая рыбная мука, которая попадает прямо на бесконечную ленту транспортера и отправляется в упаковочный цех.

С окончанием сезона база закрылась — теперь на ней работает лишь один котел и один экстрактор, извлекающий из варева рыбий жир. Их обслуживает всего несколько человек. Они обрабатывают мясо добытых акул, скатов и других хищных рыб, а иногда и случайных дельфинов.

Управляющий базы выходит на причал посмотреть на кита. (На причале ждет также сотня мужчин и подростков и около сорока собак.) Управляющий говорил, что и пяти сентаво не поставит на экспедицию «Халкона», но вот «Халкон» гордо входит в гавань с темной тушей у борта. Сияют палубные огни. Судно причаливает и ждет рассвета.

Холодным утром начинается работа: на хвост туши наматывают стальную цепь, при помощи которой добычу втаскивают по скользкой платформе прямо на разделочную палубу. Когда тушу вскрывают фленшерным ножом, из нее с такой силой вырываются гнилостные газы, что на белом борту «Халкона» остаются коричневые пятна; придется экипажу чистить борт. Хотя убитый кит пролежал в холодном море целые сутки, туша не успела остыть — от обнаженного мяса поднимается пар. Рабочий обвязывает стальным тросом нижнюю челюсть кита и поднимает рукавицу: «Давай!» Челюсть медленно ползет вперед, с отвратительным скрипом и треском рвутся мышцы и сухожилия, трос натягивается до предела, лебедку останавливают, и рабочий взбирается на скользкую голову, чтобы отделить ее от туловища.

Дальнейшее — кровавое зрелище, которое заинтересует разве что мясника; упомянем, впрочем, об одном интересном факте. Когда брюхо китихи вспороли до конца и рабочий при помощи крюка и лебедки отделил кишечник от прочих внутренностей, управляющий был так поражен размерами кишечника, что решил кое-что выяснить. Этот человек наделен неутомимой любознательностью, он один из тех, кто всю жизнь продолжает исследовать мир; и вот он приказывает рабочему растянуть кишечник кита между двух вбитых в землю кольев, чтобы измерить его длину. Рабочий пожимает плечами и, найдя начало розовой кишки, отсекает ее и привязывает к колу. С удивлением следит он за движением бесконечной кишки; ее приходится много раз обернуть вокруг кольев, и когда все же появляется конец (по толщине он не уступит

трубе), выясняется, что полная длина кишечника составляет четыреста метров. Рабочий докладывает об этом управляющему, но тот не верит — и проверяет сам. Оказывается — правда! Позже управляющему случилось прочесть книгу о китах, но он так и не выяснил, зачем кашалоту такой длины кишечник. В книгах нет ответа на этот вопрос.

Об этом убитом ките прослышал американский торговый представитель в ближайшем городе. И вот он является на базу со странной просьбой: если в будущем удастся добыть других китов, нельзя ли заморозить их мясо и продать его американскому правительству? Сельскохозяйственное управление штата Флорида выращивает личинок падальных мух, которых кормят китовым мясом. Личинки падальной мухи представляют серьезную неприятность для скотоводов юго-востока США, так как они паразитируют на скоте и способны убить корову за каких-нибудь десять дней[1]. Когда из искусственно выведенных личинок развиваются мухи, их обрабатывают гамма-лучами, которые вызывают у мух бесплодие. Затем стерильных насекомых сбрасывают с самолетов на зараженные пастбища. Стерильные мухи спариваются со здоровыми насекомыми — но отложенные ими яйца остаются мертвы. Таким образом постепенно уменьшаются популяции этих вредителей, и со временем они будут полностью уничтожены — только тогда минует опасность, угрожающая скотоводству; но пока скотоводам требуются миллионы долларов для борьбы с насекомыми — и тонны китового мяса.

Управляющий базы заинтригован. Он вызывает бригадира, и они обмениваются быстрыми репликами — точно строчат из пулеметов. Затем управляющий снова поворачивается к торговому представителю Соединенных Штатов. «К сожалению,— говорит управляющий,— наш китобойный промысел ненадежен. Да и климат здесь такой теплый, что мясо будет портиться, и ваши мухи не станут его есть. И морозильный цех тоже ненадежен — сегодня работает, а завтра встанет». Торговому представителю все ясно; он благодарит своих собеседников и удаляется.

Март

Какое-то беспокойство начинает овладевать китами — и самцами, и самками. Скоро оно охватывает все стадо, несколько сотен китов, среди которых и наш маленький кашалот и его мать. Меняется ритм жизни стада. Это не только реакция на изменившуюся погоду, на порывистые мартовские ветры, но и результат биологических процессов, протекающих в половых органах самцов и са-

[1] Самки падальных мух обычно откладывают яйца на землю в местах скопления домашнего скота. Личинки, вылупливающиеся из яиц, активно внедряются под кожу животных. В тропических странах личинки некоторых видов этих мух нападают и на человека.— *Прим. ред.*

мок. Все взрослые киты ведут себя странно, совершают поступки, которые не были им свойственны в течение года. К маю семенники самцов настолько распухнут, что вес их достигнет двадцати пяти килограммов и больше, а объем — почти тридцати литров. Но и сейчас, в марте, семенники уже начали разбухать: в них размножаются и созревают сперматозоиды. Активизируются и процессы в яичниках самок — зреют фолликулы, оформляется структура яйцеклеток.

Организм кита (как и всякого другого животного) функционирует по неким биологическим часам, и когда они пробивают положенный час, ткани тела кита определенным образом перестраиваются; соответственно меняется и поведение животного. Удлиняется день, и ускоряются процессы, изменившие поведение спутников нашего героя. Солнце все раньше поднимается над горизонтом и все позже садится, и это вызывает определенную реакцию в мозге кита: железа размером всего с дикое яблоко начинает выделять в кровь некий химический компонент, который проникает во все ткани тела, в том числе и в половые органы. Киты готовятся к сложным величественным ритуалам сезона размножения. Китовое племя должно обеспечить прирост поголовья.

(Для эскимосов каменного века, рядом с которыми довелось жить бок о бок Вильялмуру Стефансону и Петеру Фрейхену, появление солнца после четырех месяцев полярной ночи служило сигналом к возобновлению активной половой жизни. Впрочем, у китов эта жизнь протекает иначе, чем у людей: половые «излишества» среди китов не наблюдаются.)

И вот стадо начинает распадаться на группы. Самцы-подростки, которым около десяти лет, а также взрослые самцы отделяются от стада и, прибавив ходу, движутся на север. Ведут эту группу молодые самцы; старшие отстают, занятые постоянными сражениями. Маленький кашалот постепенно привыкает к подводным звукам ссор и стычек, к бурному, хриплому дыханию сражающихся самцов. Чаще всего эти сражения — не более чем демонстрация храбрости и решительности: кровь редко окрашивает воду, и кости почти всегда остаются целы.

Самки тоже ощущают перемены, которые принес с собой март; они замечают, что подводные разговоры самцов становятся все громче и резче, а движения — все мощнее и энергичнее. Некоторые самки чувствуют также и растущее беспокойство. Они тоже идут к северу, в воды, омывающие берега южной Калифорнии. Каким-то таинственным образом самки узнают, когда и куда им следует прибыть.

Наш кашалот часто играл с другим детенышем, его ровесником — маленькой китихой. Но теперь ее странное поведение озадачивает его. Что случилось? Начав играть с ним, она вдруг подплывает к его матери и сердито толкает ее в брюхо, ищет сосок. Она даже успевает сделать несколько глотков молока, прежде чем мать нашего героя отгоняет ее ударом плавника.

Эта худая и печальная маленькая китиха осиротела — три недели назад ее мать погибла в море. Теперь сирота умирает от обезвоживания, хотя кругом нее вода. Природное чувство законности и справедливости, обратное тому, что мы, люди, называем состраданием, говорит матери нашего героя, что выживание вида — вещь более важная, чем выживание отдельного животного. Китиха знает своего детеныша и кормит его положенный срок; чужого китенка она кормить не станет. Таков закон. Сирота обречена.

* * *

На Вашингтонской конференции по китообразным одно из заседаний было посвящено охране этих животных. Делегаты обсуждали примерно следующие вопросы. Для чего пытаться понять жизнь китов — их странные привычки и обычаи, строение их диковинных, одетых жиром тел? Для чего изучать животных, которые скоро исчезнут с лица земли? С какой стати ломать голову над проблемами, которые сами собой будут решены в ходе неуловимого прогресса? Стоит ли оплакивать современников нашего технического века, которые не сумели к нему приспособиться? Самое главное, чтобы развивался человек,— какое нам дело до китов, до тюленей, до крошечных птиц, которых уже почти не осталось на земле?

Открывая дискуссию, Ноэль Саймон, представитель Международного союза охраны природы, сказал: «В последние годы все больше ощущается необходимость создания очагов дикой природы. Занявшись проблемами, связанными с судьбой рода человеческого, мы стали несколько более внимательны к судьбе животных, с которыми делим планету. Кроме того, мы, кажется, начали понимать, что нельзя только брать «проценты» пользы, красоты и удовольствий с доставшегося нам в наследство «капитала» природы; надо позаботиться и о том, чтобы «капитал», обеспечивающий эти проценты, был в целости и сохранности передан будущим поколениям».

Советский биолог М. Н. Тарасевич обратила внимание коллег на некоторые последствия современного китобойного промысла и, в частности, сказала, что «вследствие уменьшения поголовья китов... северные промысловые районы теряют всякую практическую ценность».

Джон Уолш, сотрудник журнала «Сайенс», сказал: «Трофеи охоты на китов настолько малочисленны, что продолжать пелагический китобойный промысел уже убыточно. Существует мнение, что самого крупного из китообразных — синего кита уже попросту поздно спасать»[1]. (Когда поголовье какой-то популяции уменьша-

[1] В настоящее время промысел на многие виды китов, в том числе и на синего кита, запрещен Международной комиссией по китобойному промыслу. Синий кит, а также другие виды китов, которые находятся под угрозой исчезновения, включены в международную «Красную книгу».— *Прим. ред.*

ется до определенного уровня, число самцов и самок, которым удается найти друг друга для спаривания, оказывается таким низким, что смертность превышает рождаемость — и вид обречен.) «И охрана природы, и экономические соображения дальнего прицела требуют, чтобы мы уменьшили добычу, ибо только так можно обеспечить устойчивый промысел в будущем. Однако простой логики и сочувствия к животным тут недостаточно: необходим закон, который можно было бы применять на практике».

Голландский анатом И. Дж. Слийпер напомнил собравшимся, что название китобойного судна, на котором сто лет назад отправился в море изобретатель Свенд Фойн, означало в переводе «Надежда и уверенность». Тогда это название звучало символически, однако изобретение Фойна — гарпун, начиненный взрывчаткой,— оказалось настолько эффективным, что теперь «надежда»— единственное, что осталось нам, наследникам Свенда Фойна.

Мак Лейнг, сотрудник ООН, заявил: «Для того чтобы спасти от уничтожения громадные ресурсы животного мира планеты — и в частности сохранить китобойный промысел, имеющий такую богатую историю,— необходимы совместные усилия многих стран, объединенных общими задачами».

Я закрываю отчеты конференции и поднимаю глаза на картину, висящую на стене. Это гравюра, сделанная во времена Шекспира. На ней изображен кашалот — выброшенный на берег и умирающий невдалеке от английского замка.

Искусство примитивного толка всегда стремилось запечатлеть странные, необъяснимые, чудесные и зловещие события. Я представляю себе, как в 1612 году художника вызвали из города на берег, чтобы он увековечил чудовище, явившееся ночью с приливом и теперь подыхающее на берегу.

Я вижу на гравюре человека, который стоит рядом со своей женой и указывает на кита палкой. Какие-то люди подходят к киту с ножами и корытами, радуясь своему счастью — ведь господь послал им настоящее сокровище, гору жира и годной для поделок кости. Вокруг туши носятся собаки, некоторые из них кувыркаются в воздухе — вот в какой восторг привел их запах крови, жира и отбросов.

Три с половиной столетия спустя на низменный берег Северного моря вынесло штормом другого злосчастного кашалота; дамба помешала ему вернуться в море, и, никем не замеченный, кашалот умер на польдере. Тушу его обнаружил мальчик, потом на берег пришел какой-то мужчина, за ним явились еще люди; наконец, прибыл ученый из музея. Кита оттащили к причалу и подняли на стальных тросах, чтобы выяснить, сколько он весит. Тяжело покачивался подвешенный мертвый кашалот. Пасть его застыла в ухмылке. Двухметровый половой член, странно изогнутый и неприятно серый, в последний раз показался из складки на брюхе. Собравшаяся толпа поражалась размерам кашалота. Люди разговаривали вполголоса, подавленные непостижимыми размерами туши.

Пятьдесят семь тонн! Под стенания стальных тросов и скрежет паровых лебедок туша медленно опустилась на причал. «Поберегись! Как бы не сорвался!» Последним на бревна причала отпустился широкий черный хвост. Толпа облегченно вздохнула, гордая успешно проведенной операцией.

* * *

Следуя за ветрами, морскими течениями и стаями рыб, кашалоты пришли сегодня к западному побережью бесплодного, каменистого острова Гуадалупа, который находится в ста пятидесяти милях от Байя Калифорнии — унылого, но поразительно красивого района Мексики.

Мне снова видится этот крошечный остров, на котором я высадился однажды, чтобы посмотреть на последнего из гуадалупских морских котиков[1]. На сухом, раскаленном берегу, мрачном, как ад, еще сохранились каменные кладки — стены квадратных и круглых хижин, которые строили здесь китобои в девятнадцатом веке (крыши, очевидно, делали из парусины, натягивая ее над каменными стенами и оставляя открытыми дыры-отдушины). На серых вулканических скалах выбиты названия судов и имена; иные из надписей демонстрируют изящество старинной каллиграфии. Самый старый автограф, который мне удалось найти, гласил: «Судно Эссекс... Хенри Уолдбон... Бристоль... 1835».

Почти полтора века прошло с тех пор... Меня окружают призрачные фигуры бородатых мужчин в грубой, пропитанной потом и солью одежде. Я слышу их разговор; без всякого уважения отзываются они о капитане: «Этот сукин сын готов уложить нас спать прямо на камни!» Моряки во все времена были народом непочтительным и грубым.

Похвастать острову нечем — кроме истории и тюленей, конечно. Родился он в огне вулкана, поднявшего со дна острые скалы и залившего их языками раскаленной лавы; на тысячу триста метров возвышается остров над уровнем моря. Самые высокие скалы Гуадалупы расположены в северный части острова; вершины их часто скрываются в облаках, и тогда по каменистому склону течет в океан ручеек пресной воды.

Живут на острове козы, кошки и мыши — вот и весь перечень его обитателей. Предков этих домашних животных привезли сюда люди; животные одичали и ведут непрерывную борьбу за существование на острых, почти лишенных растительности скалах. Го-

[1] Упоминание автором острова Гуадалупа интересно тем, что этот остров — северная граница обитания южных морских котиков, распространенных в южном полушарии от тропиков до Антарктики. Более ста лет назад гуадалупский котик занимал обширный ареал от Калифорнии до берегов Чили; был почти полностью истреблен. Более двадцати лет назад на острове была вновь обнаружена небольшая колония, которую взяли под охрану как вид, находящийся на грани полного исчезновения Гуадалупский котик включен в международную «Красную книгу».— *Прим. ред.*

лодная коза медленно, чуть не ползком продвигается по истрескавшемуся уступу к последнему зеленому стеблю — и, внезапно сорвавшись, разбивается о камни. Кости этой козы лежат на берегу среди прочих костей (некоторые из них принесло сюда море). Расположение костей и скелетов кажется мне любопытным, и я их фотографирую. В эту минуту я не думаю о том, какую глупость и жестокость совершили люди, оставившие неприспособленных животных на этом бесплодном острове.

Крошечная мумия домовой мыши темнеет на колючке кактуса: несчастное животное пыталось добраться до сочной зелени. (В книге Питера Кроукрофта, директора Брукфилдского зоопарка в Чикаго, сказано: «Мне кажется до ужаса понятным униженное положение мыши в нашем мире».) Вокруг расщелин, в которых буревестники часто пытаются вить гнезда, я вижу высохшие, выбеленные солнцем и ветром катышки — помет охотившихся здесь кошек.

Если бы не тюлени и не пресный ручей, «Эссекс» никогда не бросил бы якорь у берега сухого, раскаленного, зловонного острова Гуадалупа.

К вечеру маленького кашалота, плавающего в двух милях от острова, окружает многоголосый гвалт дельфинов. Здесь случайно встретились восемь разных видов китообразных — сотни животных. Одни дельфины собрались в крупные стада, потому что у них сейчас сезон спаривания, другие попросту проплывали мимо острова небольшими группами и задержались здесь, чтобы поохотиться. На площади всего в одну милю кружатся, встречаясь и расходясь, тысячи две черно-белых тел животных. Они прочесывают верхние слои воды; с наступлением сумерек к поверхности поднялись целые тучи розового планктона, а вместе с планктоном и многочисленные стаи рыб. В марте редко выпадает такой тихий, спокойный вечер. Море сверкает и искрится от плывущих у самой поверхности животных и рыб.

Сезонное, запланированное природой половое возбуждение дельфинов усиливается оттого, что животных собралось здесь так много; оно заставит некоторых самцов спариться с самками других, хотя и близких, видов, и на будущий год на свет появятся маленькие дельфины-гибриды, которые когда-нибудь озадачат японского биолога, обнаружившего их странные туши в своих сетях.

Среди гвалта, поднятого дельфинами, наш маленький герой с трудом различает голоса других кашалотов. Дельфины не перестают издавать звуки — даже в движении, даже на большой скорости, даже во время погони за рыбой они непрерывно «разговаривают». Их голоса известны маленькому кашалоту, но никогда прежде он не слышал такого гомона. Внезапно китенок различает щелчок выстрела и грохот взрыва, которому вторит эхо, отраженное облаками планктона.

По берегу с востока на запад проносятся ревущие мотоциклы.

Потом неумолчный подводный шум перекрывают какие-то печальные подвывания, стоны, мычание — такое можно услышать, когда подходишь к встревоженному стаду коров.

У кашалотов свой собственный маршрут, и к полуночи, оставив шум и гвалт дельфинов далеко позади, они перемещаются в более тихие воды. Киты поедают попадающуюся им на пути хамсу, сардин, светящихся анчоусов; все эти рыбы входят в основной рацион дельфинов, но для китов представляют лишь второстепенный интерес.

К рассвету тридцать первого марта густая пелена над морем начинает светлеть и рассеиваться. Мир разделяется на три слоя: черные волны, белый туман и серое небо. Изящные кулики взлетают и опускаются на океанских волнах, негромким пением приветствуя новый день.

Один из кашалотов замечает багровый отсвет на горизонте — но не в восточной его части, не там где должно взойти солнце. Полагая, что свет означает присутствие пищи, он меняет курс и успевает проплыть около мили, прежде чем ветер доносит до него запах зловонного дыма. Кашалот испуганно фыркает и поворачивает назад.

Четырехметровые валы играют горящим «Шоку Мару». Это рефрижераторное судно; на борту его нет ни одного человека. Еще накануне, убедившись, что справиться с пожаром невозможно, моряки спустили на воду спасательные плоты и, помолившись, доверились волнам и ветру, которые понесли плоты на запад. Есть надежда, что американский береговой патруль подберет их. Моряки открывают деревянные ящики с соленой рыбой, сушеными водорослями и рисом. Они рассчитывают, что помощь подоспеет скоро,— ведь прежде чем капитан отдал приказ покинуть судно, радист «Шоку Мару» на весь мир объявил об их несчастье. Не прошло и десятой доли секунды, как радиостанции в самых дальных уголках земного шара приняли сигнал бедствия.

Касуо Фуджима разворачивает кусок полотна и достает лесу с тройными крючками для ловли трески. Он насаживает на крючки кусочки соленой рыбы и забрасывает лесу. Наживка повисает в семидесяти метрах под поверхностью моря. Через час Фуджима-сан поднимает крючки; они пусты. Моряки молчат. Гибель корабля так же трагична, как гибель любимой женщины.

Временами серая пенистая волна обрушивается на палубу горящего судна и проникает в его огненную сердцевину; тогда над «Шоку Мару» взлетает красный фонтан воды и пара. Приглушенный взрыв — и снова высоко в умирающую ночь вздымается водяной столб. Пройдет час, с громким треском разойдутся металлические швы, корабль уйдет в адский водоворот огня и грохота — и его черные останки найдут успокоение на океанском дне.

Апрель

Семья маленького кашалота пасется в районе тридцатой параллели, к северо-западу от острова Гуадалупа и к югу от калифорнийских островов Чаннел. Девятьсот миль отделяют китов от того района, где в начале января сражались самцы; в действительности киты — и старые, и молодые — прошли гораздо больший путь, так как двигались они не по прямой. Теперь они присоединились к такому большому стаду, что с корабля кажется, будто белые фонтаны пара покрывают весь горизонт на западе.

Небо на севере темнеет. День клонится к вечеру. С минуту два самца плывут рядом, затем тот, у которого на спине белеет круглое пятно размером с тарелку (шрам от старой раны), замечает самку и сворачивает за ней. Несколько часов самец и самка плывут бок о бок, иногда он касается плавником ее плавника, или задевает ее хвостом, или прижимается к ней боком. Оба молчат. Ни самец, ни самка не охотятся. Они не ныряют, но подолгу остаются под водой. Наконец самец поднимается чуть выше самки и осторожно прижимается к ее спине. Потом отстает и минут пять идет следом за ней. Нет сомнений в том, что именно самец является активной стороной. Вот он набирает скорость и на ходу прижимается к брюху самки, затем обгоняет ее и переворачивается, показывая ей брюхо, затем опять спину. Потом проносится перед китихой, расставив плавники в стороны,— принимает необычные позы, стараясь привлечь внимание самки. Темп его танца убыстряется. Самка отзывается на ухаживания самца: она переворачивается вверх брюхом, и самец проплывает над ней, прижимаясь к ее возбужденному телу. Затем киты вновь плывут бок о бок; самец хватает самку за челюсть. Они трутся головами, щелкают челюстями, сталкиваются лбами. Это продолжается в течение получаса.

В северной части небосклона растет черная туча, и на горизонте небо уже сливается с морем в пелене дождя.

Наконец киты вертикально всплывают к поверхности. Их черные головы заслоняют потемневшее небо. Прижавшись брюхом к брюху, киты касаются друг друга плавниками; с их теплых чистых боков стекает вода. Несколько секунд продолжается соитие, затем оба с оглушительным плеском погружаются в воду.

Стадо не стоит на месте — оно перемещается то к северу, то к северо-западу, его средняя скорость составляет около трех узлов; примерно с такой скоростью идет пешеход. Еще несколько дней — и в движениях каждого кита будет отчетливо заметно сезонное возбуждение. Всплывает самец — дыхало его расширяется и конвульсивно сжимается, глаз словно подмигивает, мышцы под слоем жира вдруг собирают кожу в неожиданные складки. А наш маленький кашалот спокойно сосет молоко, и его мать настороженно держится в стороне от возбужденных самцов.

Среди ветра и дождя совокупляется еще одна пара китов, на этот раз — в горизонтальном положении.

Налетает шторм, и стадо скрывается в сплошной пелене воды.

* * *

Возникает вопрос, быть может, Левиафану... долго не выстоять против такой широкой облавы и такого беспощадного уничтожения; быть может, он будет в конце концов полностью истреблен по всем морям и океанам, и последний кит, как и последний человек, выкурит последнюю трубку и сам испарится с ее последним дымком?

Герман Мелвилл

У китобойного промысла обширная и сложная история. В ней то и дело натыкаешься на споры о проблеме собственности. Кому принадлежат киты? Что означает «свободная охота» в океане? Речь идет о промысле, который приносит сто пятьдесят миллионов долларов в год.

Пионерами китобойного промысла были первобытные охотники, вооруженные весьма примитивным оружием; а последними охотниками на китов станут, вероятно, наши современники, вооруженные такой жестокой и такой сложной техникой, что для работы с ней потребуется специальное образование. Первые китобои преследовали китов, вооружившись копьями с костяными или каменными наконечниками. Эти примитивные гарпуны прикрепляли к поплавкам, изготовленным из дерева или шкур. Лишь после многодневной борьбы, которая вконец изматывала кита, охотники отваживались приблизиться к нему, чтобы нанести последний, смертельный удар. Однажды какой-то охотник, не удосужившийся привести в порядок свой гарпун после очередной охоты, случайно заметил, что кусок гнилого мяса, приставший к наконечнику, служит чем-то вроде талисмана — ускоряет смерть очередной жертвы. Нам с вами известно, что такое заражение крови, но охотник, который впервые обнаружил магическое действие отравленного гарпуна, не знал о сепсисе и лишь по чистой случайности сделался первым шаманом китобойного промысла.

Некоторые из китобоев северных племен, вероятно, умели убивать китов при помощи ядов, приготовленных из ядовитых растений. Первым экспериментом такого рода были, очевидно, попытки отравления мелких рыб в прибрежных заводях. Начало применения яда для целей охоты уходит в седую древность.

Японцы, всегда державшие первенство по части использования морских богатств, умели плести особые сети, столь прочные, что с их помощью ловили даже крупных китов.

Нетрудно представить себе, как наши нецивилизованные предки распоряжались свежей — или не очень свежей — тушей убитого кита. Мясо они ели. Жир разливали в чаны и котлы — он шел для освещения и обогрева стойбищ и жилищ. Кости шли на изготовле-

ние инструментов и орудий, а также посуды. Сухожилия заменяли нитки.

Каждое новое усовершенствование китобойного судна и китобойного гарпуна позволяло охотникам уходить все дальше от берегов. В шестидесятых годах девятнадцатого века придумали наконец начинять гарпун взрывчаткой. Это изобретение Свенда Фойна возвестило начало нового, последнего века китобойного промысла. Фойн получил патент на свой разрывной снаряд накануне рождества; в тот день он записал в своем дневнике: «Благодарю тебя, Господи. Ты и только Ты совершил это».

Надеюсь, что памятника Фойну не поставят, но вполне понимаю людей, которые с чистой совестью воздавали почести человеку, обогатившему Норвегию — пусть даже и ценой величайшей катастрофы для китов.

Американцы убили первого кашалота в 1712 году, когда китобойное судно из Новой Англии, охотившееся в прибрежных водах на настоящего гладкого кита, унесло штормом в открытое море. Своего расцвета американский китобойный флот достиг в 1846 году; в него входило тогда семьсот тридцать пять судов — шлюпов, шхун, бригов, барков и прочих. Некогда Соединенные Штаты Америки гордились своим китобойным флотом — теперь у них осталась только одна база по переработке китов в Калифорнии.

В начале девятнадцатого века важнейшими продуктами китобойного промысла были жир и китовый ус. Когда в 1859 году из первой нефтяной скважины в Пенсильвании забила нефть, это был сокрушительный удар по торговле китовым жиром: жир перестали считать лучшим средством для освещения жилищ. Китовый ус (который в 1897 году шел по пять тысяч долларов за тонну, потому что из него делали корсеты) в двадцатом веке заменили пластиком. Однако и сегодня кости, внутренности и прочие продукты охоты на китов находят широкое применение, а мясо по-прежнему идет в пищу; в Японии его ежегодное потребление составляет более ста тысяч тонн.

В 1904 году Кристиан Ларсен основал китобойную станцию на острове Южная Георгия — и началось великое опустошение Антарктики: промысел, развернувшийся в южных полярных водах, унес больше миллиона китов. В 1923 году китобойный промысел окончательно избавился от необходимости опираться на береговые базы: теперь китобои в основном охотятся с плавучих заводов, которым приданы различные вспомогательные суда. Такие китобойные флотилии месяцами бороздят международные воды, не заходя в порты. Весь охотничий сезон днем и ночью китобойцы убивают китов и доставляют их туши на плавучие заводы для переработки. По последним доступным мне сведениям, в настоящее время насчитывается более двухсот пятидесяти таких специальных судов.

Человек не устает искать более легких и дешевых способов убийства китов: он пытался травить их стрихнином, цианистыми препаратами и кураре, пробовал убивать их электрическим током; он ищет их в океане со специальных самолетов и вертолетов, свя-

занных по радио с китобойцами. Китобойцы оснащены теперь специальной системой локаторов, которые позволяют обнаруживать китов даже ночью, в полной темноте. Специальная установка, так называемый «китопугач», изматывает китов, обращая их в паническое бегство с помощью ультразвуковых излучений,— с утомленными китами легче расправиться. Как будет дальше развиваться подобная человеческая техника? Может быть, для поисков последнего кита нам придется использовать космическую технику? Или мы попытаемся привлечь его, прокручивая под водой пленку, на которой записан зов кита, ищущего свою подругу, или плач китенка, зовущего мать?

Надеюсь, меня не поймут превратно. Я приветствую всякое изобретение, позволяющее убивать дешевле, гигиеничнее и гуманнее. Но если мы станем применять новые изобретения безответственно и бесконтрольно, будущие поколения с полным правом осудят нас за то, что мы уничтожили величайшее из существ, когда-либо живших на Земле.

Последняя на Земле стеллерова корова погибла всего через двадцать семь лет после открытия Командорских островов. Ее забили дубинками в мелководном заливе Берингова моря. Это животное, весившее более четырех тонн, было последним представителем одного из трех видов единственного отряда морских млекопитающих, который питается морскими водорослями. Мы никогда не узнаем многих тайн устройства организма этого животного. Что помогало морской корове переносить чрезвычайно холодные зимы? Какие механизмы помогали ей справляться с высокой концентрацией солей в пище? Как она оборонялась от своих врагов? Мы не узнаем и о многих других особенностях строения и поведения этого животного,— а ведь лишившись возможности исследовать огранизм стеллеровой коровы, мы закрыли себе еще один путь к пониманию процессов, протекающих и в организме человека.

Все виды животных, а в особенности высокоспециализированные животные, являют собой сокровищницу знаний, из которой человек черпает разгадки различных тайн. Сама по себе сложность организма животного есть залог его величайшей ценности для человечества. Ни одна научная лаборатория, какими бы средствами она ни располагала, не сумеет сконструировать и изготовить даже волоска с морды морской коровы.

Если же относиться к китам не как к уникальным живым организмам, а просто как к резервуарам жира и запасам белков, то, разумеется, можно обойтись и без китов. Перебьем всех китов и будем есть планктон, который составляет основу пищевой пирамиды океана. Вместо каждого килограмма китового мяса будем добывать в море тонну микроскопических растений; пускай морское сено станет нашей пищей! Только учтите, что вкус у нее будет соответствующий, да и собирать ее из моря будет недешево: сено не вытащишь на палубу в виде компактной, прекрасно упакованной, готовой к употреблению пятидесятитонной китовой туши.

За тридцать лет мировая популяция синих китов уменьшилась в

сто раз — до одной тысячи голов. С точки зрения китобойного промысла, этого вида кита уже не существует на Земле. Не только полосатики, но и многие другие виды китов подвергались хищнической добыче в начале шестидесятых годов нашего века — и в северном, и в южном полушариях. Сейчас в северных водах Мирового океана четыре вида китообразных вымирают быстрее, чем размножаются: синий кит, горбач, финвал и кашалот. В наши дни только три страны все еще занимаются пелагическим китобойным промыслом, причем прибыльность этого промысла вызывает большое сомнение. Средний размер добываемых китов все время идет на убыль, поэтому приходится убивать все больше китов. Количество китов, добываемых в среднем за один день промысла, также неуклонно уменьшается, и этот факт еще раз подтверждает то, что нам прекрасно известно: киты исчезают из Мирового океана. Ежегодная добыча китов в Антарктике до сих пор составляла около пятнадцати тысяч голов. Для того чтобы предотвратить полное истребление китов, эту добычу на много лет придется ограничить двумя тысячами голов в год.

Только международные соглашения и международный контроль могут спасти китов от трагической гибели. Однако мы слишком ревнивы и подозрительны, а крупные страны к тому же руководствуются прежде всего военными и экономическими соображениями. Еще в 1963 году было решено установить международный контроль над китобойным промыслом, однако правительства, подписавшие соответствующее соглашение, чрезвычайно неохотно его исполняют.

Надежду — правда, довольно слабую — обещает предложение, сделанное в 1966 году Джоном Галландом из Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО). По плану Галланда, судьбой китов должна заняться Организация Объединенных Наций, точнее, Международная китобойная комиссия. Деятельность этой комиссии будет проводиться по трем линиям — лимиты и квота добычи китов каждого вида; ограничение годовой добычи для каждой страны; и проверка соблюдения этих ограничений. Размеры предельно допустимой квоты будут зависеть от результатов биологических исследований, а успех этого плана — от нашей доброй воли, нашего здравого смысла и уважения к Жизни... Готовы ли мы следовать плану Галланда?

Май

Маленькому кашалоту исполнилось восемь месяцев. Человеческое дитя в этом возрасте уже начинает подниматься на ноги и стоит, держась за стул или ухватившись за материнский подол. По сравнению с человеческим детенышем наш герой — уже почти самостоятельное существо: если его мать сейчас внезапно исчезнет, он, вероятно, все же выживет.

Китенок и его мать охотятся в четырехстах милях от Сан-Франциско. Дальше на север они в этом году не поплывут; их спутники и спутницы направились в сторону Берингова моря и уже исчезли за горизонтом, но самки, у которых сейчас период течки, тоже остались здесь. Стадо теперь совсем не то, каким его застал китенок при своем рождении, и оно продолжает распадаться. Киты, которые по возрасту и детородному циклу готовы к спариванию, заняты любовными делами; распад стада объясняется тем, что разные группы китов плывут с разной скоростью.

День тих и спокоен. В голубом небе висит легкая дымка, море залито мягким светом. Нежный бриз поглаживает волны. Кое-где поверхность воды вдруг рассыпается серебристыми иглами — это взлетают стаи сайр, миллионы рыбок длиной двадцать — двадцать пять сантиметров. Бока сайры сияют радужным блеском, спинки отливают металлической синевой. Маленький кашалот, его мать, семь других самок и два самца (хозяин гарема и молодой кит) лениво следуют за рыбой, на ходу глотая сотни и тысячи сайр. Днем, когда стаи по неизвестным нам причинам опускаются на глубину, взрослые киты уходят за ними; ночью рыбки снова всплывают, и молодые киты преследуют их серебристые стаи. Даже маленький кашалот, все еще питающийся материнским молоком, глотает жирных, вкусных рыбок.

Утром, в девять часов сорок три минуты, на востоке появляется самолет, летящий низко над морем. Это «Утренний клипер», совершающий рейс из Сан-Франциско в Гонолулу; по синему небосводу тянется за самолетом белая, как мел, линия.

В ту же минуту, в девять сорок три, одна из спутниц нашего героя внезапно издает тревожный сигнал.

В течение последних недель маленький кашалот не раз замечал, что две взрослые самки, давние члены семьи, держатся немного в стороне от других. У обеих самок — у одной сильнее, чем у другой,— чрезвычайно округлились тела. Одна из них, более крупная, уже упоминалась в нашей истории: это молодая самка с обломком меча в мышечной ткани. Она впервые в жизни собирается рожать, но с ней что-то неладно. По обе стороны нижней части ее брюха ясно вырисовываются распухшие молочные железы — точно овальные подушки полутораметровой длины. Пупок китихи раздулся и напоминает белый шар размером с кулак. Китиха беспокойна, раздражительна, неуклюжа. Она резко изгибает хвост под прямым углом к туловищу, затем так же резко распрямляет его. Временами мелькает розовой полосой ее половая щель. Видно, как колышется брюхо китихи,— это китенок ворочается в ее чреве.

Когда китиха сбавляет скорость и, поднявшись к поверхности, принимается сгибать и выпрямлять туловище, к ней приближаются четыре кита, которые тоже чувствуют беспокойство, древнее, как жизнь. Молодой самец, удивленный, а может быть, и раздраженный странным поведением этой самки, грубо бьет ее головой в левый бок, и она наносит ему в ответ сокрушительный удар хвостом.

Киты кружат вокруг самки, посылая в воду ультразвуковые сигналы. Звучит также и пронзительный гул — киты весьма редко издают этот звук; источником его служит дыхало, из которого вырывается струя воздушных пузырьков, а частота этого звука такова, что его слышит и человеческое ухо. Молодая роженица тяжело дышит.

В девять часов пятьдесят три минуты из половой щели роженицы на мгновение появляются серые сложенные лопасти хвоста китенка — и снова исчезают. Затем они опять медленно вылезают наружу. Роженица извивается, насколько ей позволяет форма тела, и конвульсивно дергается. Вот уже появилась и вся задняя часть туловища белесо-серого младенца — до грудных плавников (именно в этом месте китенок толще всего — взрослый мужчина с трудом мог бы охватить его обеими руками). Плавники новорожденного застряли; роды приостановились. Уже видно, что младенец — самец.

Проходят минуты. Мать дергается и извивается, китенок тоже извивается, однако с каждой минутой все слабее. Оба поднимаются и опускаются на невысоких волнах. В десять часов сорок шесть минут мать, оставаясь под самой поверхностью моря, содрогается от мощной родовой схватки и делает резкий выдох. Торчащий хвост младенца скрывается в розовом облаке, еще мгновение — китенок на свободе, он энергично плывет. Мать разворачивается. Натягивается и рвется пуповина — возле брюха матери. Не прошло и минуты — а китенок уже на поверхности. Он пытается дышать. Снова сокращаются брюшные мышцы китихи; извергнута плацента. Китиха не обращает на нее внимания. (Наземные млекопитающие часто поедают плаценту. Считается, что они делают это для того, чтобы уничтожить источник сильного запаха, который может привлечь к гнезду или берлоге хищников, а также для того, чтобы питательными веществами плаценты в какой-то мере возместить затраты энергии за время беременности.) В течение часа у роженицы продолжается кровотечение.

Волнуется поверхность океана, кружат по ней черные тени китов. Роды в волнах привлекли десятка два буревестников; это передовой отряд миллионов буревестников, летящих теперь на север после гнездового сезона в Бассовом проливе и на Магеллановых островах [1]. Тугие черные крылья лихо рассекают воздух всего в нескольких сантиметрах над водой; птицы кружат над китами, но не найдя наживы, снова поворачивают к северу, к местам своих рандеву на морских пастбищах Аляски. Скоро маленький кашалот будет ежедневно видеть тысячи буревестников, пролетающих над его охотничьими угодьями.

---

[1] Эти тонкоклювые буревестники гнездятся в южном полушарии на пустынных островах между Австралией и Тасманией. Зимуют же — в противоположность подавляющему большинству птиц — на нашем севере, где в это время стоит лето, в районах Чукотского и Берингова морей. Пролетный путь тонкоклювых буревестников составляет восемь-девять тысяч километров. На такой перелет они тратят около месяца.— *Прим. ред.*

Роды китихи продолжались час и три минуты. Хотя ее детеныш родился в самом начале сезона и роды были довольно затяжными, он производит впечатление нормального здорового китенка. Сейчас он плывет под хвостом матери и слепо ищет сосок. Мать то и дело осторожно трогает сына своим чувствительным грудным плавником, но не делает никаких попыток помочь ему найти источник теплого молока. Его правый грудной плавник все еще не вполне расправился после долгого плена; китенок плывет неровно. Когда его относит в сторону, в голубые сумерки океана, мать быстро приближается к сыну и осторожно подталкивает его. Китиха преобразилась, она легка, подвижна — еще бы, ведь она похудела на целую тонну! Только вечером, когда очертания плывущей рядом матери уже начинают расплываться в темноте, китенок находит на ее брюхе то место, на котором в течение двух лет будет почти постоянно сосредоточено его внимание.

* * *

Однажды во время посещения китобойного судна я приобрел редкий образец — зародыш кашалота длиной всего десять сантиметров. Я поместил его в ящик со льдом и отвез на берег в свою гостиницу. Купив водки и лосьона для бритья, я смешал их в раковине, выпотрошил зародыш и оставил его на ночь в благоухающем растворе. Забальзамированный таким образом образец я позднее исследовал в своей лаборатории.

Формой тела зародыш мало походил на взрослого кита. Он казался комком глины, которой едва коснулась рука скульптора. Голова взрослого кашалота составляет одну треть длины его тела; голова зародыша составляла лишь четверть его длины. Тело зародыша сужалось к хвосту, как тело дельфина; вероятно, уместнее было бы сравнить его с неизвестным нам общим предком кита и дельфина. В профиль голова неродившегося китенка походила на голову крошечного поросенка: глаза были закрыты, нижняя челюсть выступала вперед, ноздри находились в передней части рыла.

Да, у этого зародыша явственно различались две ноздри. На более поздней стадии развития правая ноздря закрывается и исчезает, а левая перемещается на верхнюю часть головы. Сама голова увеличивается в размерах и в конце концов сливается с туловищем, полностью скрывая то сужение, которое можно было бы назвать шеей кашалота. По бокам тела заспиртованного мною зародыша располагались закругленные грудные плавники с отчетливо видимыми пятью стебельками-пальцами; кости плеча и предплечья были совсем короткими; в целом передняя конечность напоминала жесткий, упругий флюгер на одном шарнире — плечевом суставе. Такой плавник не помогает плыть: это лишь жесткое подводное крыло, служащее для изменения направления движения.

На теле зародыша еще можно было различить органы, которые у взрослого кита скрываются под жировым и кожным покровами, придающими телу животного обтекаемую форму. Половой член

выступал наружу; были видны зачаточные соски и даже уши — крошечные складки кожи, чрезвычайно странно выглядевшие на голове кашалота. Видны были даже следы усиков — задержавшийся след какого-то предка, вымершего около сорока миллионов лет тому назад.

В то время как маленький кашалот и его мать охотятся в восточной части Тихого океана, шестьсот взрослых мужчин вышли в море на сороковой параллели в районе японского острова Гонсил, чтобы решить судьбу старших родичей нашего героя. Три недели тому назад плавучая китобойная флотилия отправилась из Осимы на перехват кашалотов, мигрирующих на север из тропиков. Флотилия уже в открытом море. Центром ее является громадное судно «Сонан Мару» — это база по переработке китов, заводы которой будут работать и днем, и ночью — предстоит большая операция по уничтожению тысячи пятисот кашалотов и девятисот китов других видов. Лишь в ноябре, выполнив свою задачу, плавучий завод вернется в родной порт. Водоизмещение «Сонан Мару» — двадцать тысяч тонн, ее борта и палубы покрыты копотью и жиром. Четырнадцать китобойцев постоянно доставляют на базу китовые туши. Плавучий завод-база насчитывает шесть палуб выше ватерлинии и три палубы под ватерлинией. Базу обслуживает целая флотилия небольших вспомогательных судов, которые доставляют свежее китовое мясо к судну-рефрижератору; оно все время держится неподалеку от базы. Каждое грузовое судно за один рейс перевозит пятнадцать тонн мяса. Когда холодильные камеры рефрижератора заполняются, он уходит в порт на разгрузку, и до его возвращения заводу приходится самому хранить добываемое китовое мясо.

На борту китобойной базы — Тошио Накаджима, двадцатидвухлетний биолог из Японского института по изучению китов. Накаджима на практике познает будни пелагического китобойного промысла. Он с интересом следит за снующими туда-сюда вспомогательными судами, за рабочими и моряками, карабкающимися на скользкие туши в специальных сапогах со стальными шипами; он видит, как над головами рабочих проносятся стальные блоки и тросы, как из странных металлических кубов, цилиндров и труб вырываются струи белого пара. Днем и ночью он вдыхает резкий запах китового мяса и внутренностей, кипящего жира, испарений китового варева. Днем и ночью он слышит симфонию заводских шумов: шипение компрессоров, рев форсунок, изрыгающих пламя под котлами, недовольный скрежет лебедок, чистый звон металла о металл, крики рабочих и ни на секунду не прекращающийся гул двигателей судна, самым малым ходом идущего против ветра.

Накаджима — совсем новичок, самый молодой в группе специалистов, приписанных к «Сонан Мару» на этот сезон; кроме него, в группу входят еще один биолог, ветеринар и три инспектора. На судне есть и так называемый «американский наблюдатель»; он следит за происходящим на палубе, укрывшись в стальной кабинке, где он защищен от случайного удара тросом или крюком, но все же

рискует оказаться на пути летящего над палубой куска китового жира.

Это майское утро словно специально создано для наблюдений. Работа идет вяло; море спокойно; небо застилает легкая дымка — идеальное освещение для фотосъемок.

«Если сейчас не появится еще один китобоец с тушей,— говорит Накаджима,— бригадир позволит нам взвесить этого кита. До сих пор он говорил, что у рабочих нет времени».

Сквозь громадный шлюз на корме ползет хвостом вперед туша самца кашалота. Так называемая «китовая лапа», закрепленная на конце стального троса, извлекает черную тушу из морских волн и тащит ее вверх по наклонному слипу, который постоянно поливают из шлангов, чтобы туша лучше скользила. Громкоговоритель объявляет по-японски: «Кит номер шесть ноль два на слипе!» Туша вползает на разделочную палубу и останавливается. Накаджима и его партнер растягивают рулетку, измеряя длину туши. Пятнадцать метров двенадцать сантиметров. Рабочие лениво наблюдают за биологами. Беспокоиться не о чем: всякому видно, что кит крупнее установленного законом минимума. На этот раз инспекторам не к чему придраться.

На разделочной палубе сразу закипает работа: Накаджима принимается делать запись в специальном блокноте из водоупорной бумаги. Он отмечает присутствие обычных наружных паразитов —«китовых вшей» (мелких ракообразных) на брюхе туши, конходерм и коронул (усоногих рачков) на спине кита. Бледные толстенькие рачки извиваются, точно волосы Медузы Горгоны. За несколько секунд до того, как стальные тросы начинают рвать тушу на части, Накаджима успевает соскрести с нее пленку водорослей для анализа и вскочить на шпигаты — теперь он в безопасности. С громогласным шипением вспарывается брюхо кита, и на палубу серой дымящейся массой вываливаются внутренности. Партнер Накаджимы замечает выпавшего из китового желудка кальмара, который кажется ему необычным; он подбирает кальмара и бросает в ведерко, чтобы позже заспиртовать его. Биологи совершают быстрый налет на малоаппетитный кишечник убитого кашалота: они ищут паразитических червей. Затем, орудуя фленшерными ножами, Накаджима и его партнер вырезают семенники кита и упаковывают их в мешок. (Зимой, в Токио, они будут рассматривать под микроскопом срезы половых желез, отмечая признаки их деятельности.) Наконец, вооружившись молотком и долотом, биологи переходят к громадной ухмыляющейся пасти кита и вырубают из верхней челюсти два зуба вместе с кусками кости и десны. (Зимой они распилят зубы и будут считать на них годовые кольца.)

Раздается проклятие — один из рабочих, разрубавших внутренности выпотрошенного кашалота, с досадой смотрит на острие своего фленшерного ножа, затем со злостью поддает ногой твердый предмет, оказавшийся в желудке кита. Это неровный сланцевый камень размером с кирпич. Возможно, камень был проглочен на дне палтусом или другой рыбой, съеденной впоследствии кашало-

том. А может быть, кит и сам случайно подобрал его, срывая осьминога с выступа подводной скалы.

Бригадир приостанавливает работу и объясняет рабочим, что тушу надо разрубить на куски и каждый кусок взвесить на весах. Рабочие смеются и принимаются за дело — процедура взвешивания внесет хоть какое-то разнообразие в скучную работу раздельщика. Вот на свет появляется сердце кашалота, затем легкие, затем язык, бесформенные куски мяса, костей, жира. Тушу разрезали на тридцать три куска, затем их по одному протащили по скользкой палубе, подняли на весы, снова сбросили на палубу.

Накаджима подходит к кровоточащему сердцу кашалота, наполняет лабораторную пробирку кровью и относит ее в холодильник. (Зимой специалисты определят тип плазмы в пробирке и выяснят «генетический код» этого кашалота. Впоследствии другие специалисты, изучающие миграцию кашалотов, учтут эти данные при составлении карты перемещения кашалота разных популяций — а по этим картам будут определены предельные нормы добычи кашалотов каждой популяции.)

Час спустя на весы ложатся лопасти хвоста; взвешиванию конец. К этому времени прибыл новый улов — два сейвала и еще один кашалот. Рабочие возвращаются к своим обычным делам. Биологи подсчитывают общий вес и получают сорок тонн — не считая крови и других жидкостей, потерянных во время разделки туши.

После обеденного перерыва разделывают второго кашалота. Рабочие, вооруженные широкими тесаками на длинных рукоятках — так называемыми фленшерными ножами, ловко срубают мясо с головы кита. Затем с обеих сторон в жировой слой всаживают по стальному крюку. Оператор лебедки видит, что крюки закреплены, и, не ожидая сигнала, начинает обдирать тушу, срывая с нее длинные полосы белого жира,— так оголяется банан, когда с него снимают кожуру. С кожи кита слетают рачки, со стуком падающие на палубу. Раздельщики нарезают красное мясо на куски и сбрасывают их в воронку транспортера, который перегружает мясо на вспомогательное судно, пришвартовавшееся к борту базы. Десять минут спустя оно отправляется к судну-рефрижератору, идущему в полумиле от плавучего завода, а к борту завода швартуется другое вспомогательное судно. На нижнюю палубу беспрерывно валятся куски китового жира. Они тут же попадают во вращающиеся жироваренные котлы.

Самая настоящая гигантская бойня.

Бригада рабочих с механическими пилами принимается за скелет кашалота — и несколько минут спустя пятнадцатиметровый скелет уже распилен на части и отправлен в котлы. На палубе площадью две десятых гектара осталась лишь бесформенная, мягкая, дымящаяся печень кашалота; она весит около четырехсот килограммов. Печень исчезает в воронке транспортера, который доставляет ее в специальный котел, где ее перерабатывают таким образом, чтобы сохранились содержащиеся в ней витамины. Рабочие начинают мыть палубу, обдавая ее струями воды из шлангов,

Внизу, в пятнадцати метрах ниже палубы, вопят белые чайки, кружась над китовыми кишками, которые причудливо извиваются в волнах. Оттененные черным обрезом кормы, чайки кажутся нежным розово-лиловым живым узором.

За всю операцию ни один из множества людей, работавших на скользкой палубе с метровыми ножами и с механическими пилами, не получил травмы. А между тем даже кусок мяса, неожиданно сорвавшийся с крюка, может насмерть поразить человека, неосторожно ступившего на опасное место.

Водоизмещение китобойцев, этих современных судов-охотников, которые обслуживают «Сонан Мару», девятьсот тонн, их максимальная скорость — семнадцать узлов. В полночь один из них — «Секи Мару № 15» — берет на борт американского наблюдателя и, отвалив от плавучей базы, сквозь ночной туман идет к северо-западу, за сорок пять миль, где пилот вертолета, тоже обслуживающего плавучую базу, заметил стадо каких-то китов; пилоту не удалось установить вид этих китов. Через несколько часов «Секи Мару» сбавляет ход и ждет рассвета.

Охота на китов — занятие отнюдь не романтическое. Это скучная однообразная работа, даже для гарпунера, всегда озабоченного тем, чтобы избежать случайной травмы. Чтобы убить разрешенное количество китов, каждый китобоец должен в разгар сезона доставлять на базу по крайней мере двух кашалотов в день. Впрочем, иногда все же происходят неожиданные события. Например, гарпун ранит кита навылет и взрывается в теле другого кита, случайно оказавшегося рядом; или гарпунер по ошибке убивает кормящую китиху, не заметив рядом с ней детеныша. (Это считается минусом в его работе, и за убитую кормящую самку он не получает никаких денег.) Каждый гарпунер постоянно совершенствуется в своем искусстве — то есть учится убивать кита с первого выстрела. Раздельщики предпочли бы, чтобы китов убивали вообще без помощи гарпуна: даже один гарпун, разорвавшийся в теле кита, нашпиговывает тушу множеством стальных осколков, которые портят лезвия фленшерных ножей и перемешивают внутренности с мясом, отчего мясо быстрее портится.

В двенадцати метрах над поверхностью моря три дозорных несут вахту в так называемых вороньих гнездах: гарпунер стоит на носу. Он снял чехол с девяностомиллиметровой пушки и проверяет заряд, но пока не трогает предохранитель, фиксирующий дуло в определенном положении. Затем гарпунер говорит что-то в микрофон, висящий у него на груди под непромокаемой курткой, и в ответ слышит с мостика подтверждение готовности всех систем к началу охоты. Впереди по курсу китобойца над водой повисли полосы утреннего тумана.

Скоро из репродукторов, соединенных с микрофоном в одном из вороньих гнезд, раздается крик: «Кужира! Кужира» («Кит! Кит»). Дозорные заметили группу из шести кашалотов, и судно бросилось в погоню. Первые пять минут «Секи Мару» не только не догоняет китов, но даже отстает от них. Животные почти мгновенно

развили скорость около двадцати узлов. Но скоро расстояние между охотниками и преследуемыми животными начинает сокращаться. Судно уменьшает ход вдвое, затем совсем выключает двигатели. Оно быстро и тихо скользит по воде, разрезая бушпритом зеленую волну. Гарпунер выбирает мишень — самого крупного кита в группе. Сбросив предохранитель, он наводит пушку на тень в волнах, которая появляется за пять минут до того, как кит поднимается на поверхность. Всплыв, кит пускает фонтан воздуха и пара и уже собирается вновь погрузиться — но тут гремит выстрел, и восьмидесятикилограммовый гарпун вонзается в спину животного. Нейлоновый линь быстро стравливается с бухты, уложенной перед гарпунной пушкой. Обезумевший от боли кит уходит в глубину.

Вслед за нейлоновым линем начинает разматываться более массивный трос; стравливание троса притормаживает мощный амортизатор из стальных пружин, расположенный под платформой, на которой стоит гарпунер. Этого гарпунера не постигнет судьба капитана Ахава[1] — случайная петля линя не унесет его в океанскую пучину.

В покрасневшей воде кит совершает последний мощный рывок — и из раны на спине вырывается фонтан крови. Между тем пятеро моряков уже спешат к пушке с новым снарядом, начиненным черным порохом. С величайшей осторожностью они заряжают пушку — на случай, если потребуется второй выстрел.

Но второй выстрел не нужен, и скоро гарпунер приказывает выбирать трос. Лебедка мощностью сто лошадиных сил выбирает и сматывает трос, и через несколько минут кит — у борта. Он пускает последний фонтан и в агонии бьет плавниками. Появляется шланг воздушного компрессора, петля троса надежно охватывает хвост кита; за борт летит буй с флажком и радиомаяком.

К плавающей в волнах туше уже спустились чайки — они подбирают из воды комья свернувшейся крови. «Секи Мару» возобновляет охоту: убитого кита подберут позже. Всего двадцать семь минут прошло с того момента, когда кит был впервые замечен дозорными.

«Секи Мару» направляется вслед за встревоженными кашалотами, но вот на горизонте появляется облако пара: оказывается, что курс надо изменить на девяносто градусов.

«В прошлый сезон,— говорит капитан американскому наблюдателю,— на каждого убитого кита у нас приходилось в среднем пять часов охоты».

«Можно экономить время, используя самолет для обнаружения китов»,— говорит наблюдатель.

«На плавучей базе есть только вертолет, и его радиус действия не слишком велик. А вот наша береговая база в Абасири уже десять лет пользуется самолетом для обнаружения китов. Самолет обычно летит на высоте около ста пятидесяти метров, при хорошей

[1] Капитан Ахав — герой романа Г. Мелвилла «Моби Дик».— *Прим. перев.*

погоде он может налетать тысячу миль в день. Это помогает экономить большие средства».

«Я слышал, что успех охоты каким-то образом зависит от луны»,— говорит наблюдатель.

Капитан бросает на него острый взгляд.

«Добыча кашалотов действительно зависит от фаз луны. При молодой луне и при полной луне мы чаще обнаруживаем большие группы кашалотов. Но почему это так — никому неизвестно».

На следующий день «Секи Мару» возвращается на плавучую базу с тушами трех убитых китов — двух кашалотов и финвала. Наблюдатель, выспавшись и приняв душ, заходит к ветеринару Намкунгу, корейцу средних лет, который пять лет прожил в пресвитерианской миссии, а позже учился в Токийском университете. Намкунг немного говорит по-английски; оба собеседника владеют и международной научной терминологией; они обсуждают охоту на китов и санитарные аспекты обработки китового мяса.

«Очень трудно доказать потребителям, что наша пищевая продукция не ухудшается от наличия в ней китовых червей-паразитов,— говорит Намкунг.— Черви-паразиты есть у каждого кита. У кашалота двадцать разных видов червей. Бо́льшая часть паразитов живет в пищеварительном тракте, в сердце и в легких. Однажды я обнаружил в первом желудке кашалота больше сорока килограммов круглых червей, которые совершенно не мешали киту, просто жили себе у него в желудке и угощались его добычей».

«Здесь, в северных водах, мы редко убиваем беременных самок кашалота,— продолжает Намкунг.— Но у каждой беременной самки, которую мне приходилось вскрывать, я находил вот такого червя,— он разводит руки,— который живет только в плаценте[1]. Прежде чем поступить в продажу, все продовольственные изделия, изготовляемые из продуктов китобойного промысла, подвергаются либо термической обработке, либо глубокому охлаждению, либо засолке. Черви при этом, разумеется, погибают — а мясо червей не хуже мяса самого кита».

Американский наблюдатель соглашается с собеседником и в свою очередь рассказывает о спорах, недавно разгоревшихся в Америке в связи с появлением в магазинах так называемого «рыбного белкового концентрата». Это чистое и дешевое питательное вещество белого цвета, производство которого разработала одна рыболовная компания. Какой-то союз фермеров, побуждаемый завистью и конъюнктурными соображениями, попытался помешать продаже концентрата. Представитель этого союза заявил, что концентрат «вреден», так как содержит переработанные рыбьи внутренности. Во время расследования, когда этого представителя заставили публично отвечать на вопросы, он признал, что не раз с

[1] Советский паразитолог Н. Губанов в 1951 году впервые обнаружил в плаценте кашалота самую крупную из известных нематод. О ней и идет здесь речь. Длина самцов этих нематод достигает 2—4 метров, а самок — 7—8 метров.— *Прим. ред.*

удовольствием ел консервированные сардины,— а ведь эти консервы тоже содержат переработанные внутренности.

«Даже если бы люди ели сырое китовое мясо,— говорит Намкунг,— они почти ничем не рисковали бы. Паразиты, живущие в организме диких животных, как правило, торопятся покинуть организм проглотившего их человека. Черви-паразиты очень капризны; им нужен определенный объект. За свою жизнь я осмотрел тысячи китовых туш, но только пять или шесть из них нельзя было пустить в переработку. Во всех случаях причиной непригодности туши была застарелая гарпунная рана, из-за которой кит долго болел. Киты — очень здоровые животные, иначе они не жили бы так долго».

«Откуда вам известно, что они долго живут?— спрашивает американский наблюдатель.

«Наши японские китобои встречали в Антарктике кашалотов, помеченных тридцать лет назад учеными с «Дискавери». Осматривая зубы китов, возраст которых нам известен, мы научились определять возраст любого кашалота. Кроме того, всем известный дельфин Пелорус Джек в течение тридцати двух лет сопровождал суда у берегов Новой Зеландии. А сколько он прожил до того, как начал этим заниматься?»

«А что вы думаете о возможности накопления радиоактивных веществ в организме морских животных?— интересуется наблюдатель.— Вам встречались какие-нибудь свидетельства того, что радиоактивные отходы концентрируются в организмах китов и позже усваиваются людьми, которые питаются китовым мясом?»

«Японцы,— тихо говорит Намкунг,— очень осторожны в этом отношении, возможно, более осторожны, чем любая другая нация на земле. Но что делать? Стронций-90 сейчас проникает в кости каждого человека, где бы он ни жил, и в костях наших детей и внуков он тоже наверняка будет присутствовать».

* * *

В научных отчетах, издаваемых Институтом по изучению китов, я прочел в числе прочих и статью о китовом мясе на японских рынках; в статье этой содержится несколько чрезвычайно любопытных рецептов. Сырое китовое мясо можно мариновать в винном уксусе, приготовленном из риса. Большой, сочный кусок мяса можно отварить с горьким соком цитрусовых, или с имбирной соей, или с соей, смешанной с тертым редисом. Многие части кита консервируются и продаются в банках с добавлением специального вкусового вещества — называется это «яматоми». Из китового мяса можно приготовить и бифштекс.

В статье говорится: «Кишечник животных обычно отличается большой длиной, на что указывает даже его название на японском языке —«хиакухиро». Особенной длины достигает кишечник кита, и он часто служит символом долголетия. Вот почему в Нагасаки кишки кита едят, празднуя Новый год».

В ходе эксперимента по изучению вкусов населения восемь тысяч японских школьников получали на ленч изделия из мяса кита. В рацион входили: китовый «бекон» с капустой, булочки с молотой китовой печенью и многое другое. Исследователи выяснили, что мальчики охотнее едят незнакомую пищу, чем девочки, старшие дети — охотнее, чем младшие; дети из районов, где экономят на еде,— охотнее, чем дети из богатых районов.

«Районы, где экономят на еде»,— это районы, где дети голодают».

Меня беспокоит проблема «антигуманности» преследования и убийства китов. Доктор X. Р. Лиллн, судовой врач, работавший на британских китобойных судах в Южном океане, сообщал: «Методы, которыми все еще пользуются для умерщвления китов, можно назвать только варварскими и жестокими... Приведу самый ужасный случай из тех, что я видел своими глазами: самку кита-полосатика в довольно поздней стадии беременности убивали в течение пяти часов; девять раз в нее стреляли из гарпунной пушки».

Так называемые спортсмены-охотники тоже обагряют руки кровью — кровью оленей, кроликов, белок и других сухопутных животных. Как биолог я признаю, что размножение этих животных должно быть поставлено под контроль. Но какой?

Не приходится сомневаться в антигуманности вивисекции; однако вивисекция породила медицину, а медицина спасает жизни миллионов взрослых и детей. Зачислим ли мы в гуманисты тех людей, которые крали кошек и собак и затем продавали их вивисекторам? Или тех, по чьей вине совершались ритуальные убийства животных, мясо которых можно было бы употребить в пищу? Или тех, по чьей вине тысячи птиц бессмысленно гибнут от пролитой в море нефти? Или держателей грязных придорожных зверинцев? Или изобретателей инкубаторов, поставляющих нам кур и яйца? Или исследователей, которые отправляют животных в космос — на смерть ради науки?

Размышляя о подобных вещах, я вспоминаю отрывок из автобиографии Альберта Швейцера[1]:

«Желая спасти птенца орлана от издевательства жестоких туземцев, я покупаю его у них... Но теперь мне надо решить — позволить ли орленку умереть с голоду или ежедневно убивать некоторое количество рыбок, чтобы кормить его? Я решаю спасти жизнь орленка, но каждый день страдаю, принося ему в жертву другие жизни. В нашем мире судьба множества разных существ постоянно зависит от решения подобной дилеммы... и мы снова и снова убеждаемся в том, что сохранить свою жизнь и жизнь вообще можно лишь за счет потери других жизней. Человек, которому знакомо чувство благоговения и преклонения перед Жизнью, уби-

---

[1] Швейцер Альберт (1875—1965) — крупный немецкий мыслитель, богослов, врач, музыковед и органист. Всемирно известен своими антивоенными выступлениями.— *Прим. перев.*

вает и уничтожает только в тех случаях, когда этого нельзя избежать,— но никак не по небрежности и легкомыслию. И всякий раз, когда представляется возможность облегчить страдания и отвратить гибель, он вкушает блаженство».

Июнь

В начале июня семья нашего маленького героя пересекает западную окраину тихоокеанских просторов. В один прекрасный день он обнаруживает в волнах какой-то плавающий предмет; локатор утверждает, что это кит, но форма тела этого кита кажется малышу странной, и он медленно и осторожно приближается к незнакомцу. Тот тих и неподвижен. Лишь волны поднимают и опускают его на поверхности моря. Китенок поводит головой из стороны в сторону, пускает в ход все свои органы чувств, пытаясь определить, что это такое. Китиха ушла вперед метров на сто. А перед китенком покачивается в волнах серая, усеянная белыми пятнами туша кита. Один длинный плавник этого кита обращен в глубину, второй неуклюже торчит в воздух, словно кит все еще призывает кого-то на помощь. Из распоротого брюха вываливаются внутренности; между ними, отрывая куски, снуют взад и вперед три пряморотые акулы далатии с тусклыми глазами. Перед нашим героем — мертвый кит-горбач. Длина его — восемнадцать метров, зубов у него нет — как и у всех усатых китов,— нет также и глаз, потому что их съели крабы-плавунцы — портуниды. Огромная туша едва возвышается над поверхностью моря. Скоро какая-нибудь акула прокусит согнутую дугой спину, и тогда туша постепенно опустится на дно. Там сотни слепых любителей падали — животных и рыб разных размеров — растащат ее на куски, оставив лишь скелет. Твердые белые слуховые кости, прочные, как камень (каждая размером с кулак), пролежат на дне несколько десятилетий. Возможно, какое-нибудь научно-исследовательское судно заценит эти любопытные кости глубоководным тралом и вытащит их на поверхность — впрочем, вероятность этого весьма невелика.

Два дельфина, одетые в черно-белые костюмы арлекинов, приближаются к маленькому кашалоту. Они на пять метров выскакивают в синеву неба, рассыпая над волнами фонтаны радужных брызг и поражая своей идеальной формой и легкостью движений. Для маленького кашалота это ничем не примечательные обитатели океана. Увлеченные веселым бегом по волнам, дельфины быстро удаляются.

Китенок тихо опускается в глубину. Ничто не ограничивает свободу его перемещения в океане. Он живет в гармонии со временем и пространством. Бесконечность и космос для него не существуют. Он сонно смотрит вниз, туда, где голубые тона постепенно темнеют, растворяясь в фиолетовой бездне. Растет давление. Китенок прекращает погружение и, лениво шевельнув хвостом, неторопливо

поднимается на поверхность. Несколько раз вдыхает и выдыхает воздух.

Проходит час. Китенок лениво лежит у самой поверхности моря, освещенного яркими лучами солнца. Брюхо его полно теплого материнского молока; теперь он тихо дергает за хвост крупную рыбину, торчащую из пасти матери. Может быть, она сознательно учит его хватать и проглатывать твердую пищу? Едва ли. Китенок наконец отрывает восхитительный кусок белого мяса и проглатывает его.

Солнце опустилось за горизонт; прошел еще час, и мать маленького кашалота, изогнув спину, впервые за день отправляется на охоту в глубину. Сегодня ей везет — не прошло и минуты, как она обнаружила целую тучу светящихся кальмаров. Кальмары невелики, но зато их тут великое множество, тысячи и тысячи голубоватых теней, быстро мелькающих в темноте. Китиха поворачивается налево, направо, хватает пастью десяток пытающихся улизнуть кальмаров и разом превращает их в бесформенную массу. Проглотив добычу, она отдыхает. Фосфоресцирующая слизь, покрывавшая кожу кальмаров, некоторое время остается у нее в пасти, светится на зубах и языке. Китиха неторопливо скользит в темной толще воды. Кальмары и охотящиеся на них хищные рыбы замечают бледное свечение ее пасти и приближаются к ней; китиха легко ловит и поедает их. Когда она наконец поднимается на поверхность, чтобы подышать и отдохнуть, ее встречает маленький кашалот. Заметив призрачный свет, который исходит из пасти матери, китенок приходит в возбуждение — он уже видел такой свет и связывает его с пищей. Когда мать ныряет в следующий раз, сын неуверенно следует за ней.

Между тем кальмары поднялись выше и держатся теперь в тридцати метрах от поверхности — в тех слоях воды, где плавает сейчас планктон, которым питаются эти кальмары. Держась почти вплотную к материнскому боку, маленький кашалот наблюдает ночной подводный мир; светящуюся тьму то и дело пронзают бесформенные движущиеся огоньки. Китенок хватает тускло светящийся кусок, торчащий из пасти матери, и убеждается, что это вкусно. Возбуждение его растет. Сильный удар хвоста — и китенок бросается вперед и беззубой пастью крепко хватает двух кальмаров. Однако его легкие уже начали ощущать недостаток свежего воздуха — пора возвращаться на поверхность. Так он охотится, часто поднимаясь, чтобы подышать,— в четыре раза чаще, чем его мать.

Но вот китенок чувствует, что наелся. Теперь он лениво плавает на поверхности, под горящими в небе звездами: засыпает, просыпается, поводит плавниками, поднимает дыхало, ощущая холодный морской воздух. Перед рассветом появляется мать; она издает тихое призывное гудение, пытаясь разбудить детеныша. Но напрасно старается китиха. Впервые за свою короткую жизнь маленький кашалот не желает просыпаться к утреннему кормлению.

* * *

«Калан» принадлежит американскому правительству. Это небольшое судно, круглый год совершающее регулярные рейсы на Алеутские острова, доставляя туда инспекторов, уполномоченных, биологов и их оборудование. Однажды в июне «Калан» бросает якорь у южного берега острова Амчитка; пожилой старпом стоит на корме и, опираясь на леер, следит за желтым буем. Внизу, в холодной воде этого северного района Тихого океана, работает биолог по имени Хансен и по прозвищу Калан. Хансен, сотрудник Бюро рыболовства, опустился с аквалангом на дно, чтобы обследовать фауну придонных вод. Двадцать лет он занимается охраной природных богатств заповедника, созданного на острове Амчитка, ради своей любимой работы отказываясь от удовольствий и удобств жизни на материке.

Обходя зимой берег, шагая по хрустящей гальке или карабкаясь по кручам скалистого мыса, Хансен часто находил мертвых и умирающих каланов; особенно часто мокрые тушки попадались ему после штормов. Свежие туши биолог взвешивал и вскрывал, всякий раз обнаруживая, что погибшие каланы страдали от истощения и паразитов. Было ясно, что на подводных пастбищах Амчитки что-то неладно. Быть может, каланов развелось так много, что им не хватает пищи? Усилия правительства по охране животных заповедника явно не шли каланам на пользу. Не оттого ли умирают обитатели заповедника, что их слишком усердно оберегают? Не вредит ли им излишняя забота?

Еще зимой Хансен решил, что надо обследовать морское дно вокруг острова. Теперь он ходит в акваланге на глубине десяти метров, пригибаясь против течения и постепенно наполняя специальную сеть образцами донной фауны. Ему нужно проверить свою гипотезу о том, что каланов не устраивает пища, ее качество и количество. Биолог подбирает зеленого морского ежа — колючий шар размером с кулак. В сеть отправляется и хитон, кожистый моллюск, по форме напоминающий лодку; хитон упрямо не желает отпускать подводную скалу, к которой он прилепился. Оранжевые, коричневые и красные морские звезды не интересуют биолога: только умирающий от голода калан станет охотиться на этих жесткотелых животных. Сложены в сеть черные морские мидии и устрицы, крошечные литорины, разные другие моллюски, крабы, морские черви. Пальцы биолога синеют от холода; пора прекращать охоту и возвращаться на судно. Позже, в теплой лаборатории, он осмотрит добытые образцы; впрочем, и сейчас ему ясно, что эти животные слишком мелки и малочисленны для нормального рациона каланов, этих морских выдр. Большинство собранных им видов не успевает вырасти и начать размножаться — они слишком рано становятся добычей голодных каланов.

Внезапно набегает тень. «Акула!»— пугается биолог, но тут же успокаивается: в здешних приполярных водах акулы-людоеды не встречаются. Косатка? Биологом снова овладевает страх. Он хва-

тается за стебель подводного растения и, задрав голову, смотрит вверх. Всего в каких-нибудь трех метрах над его головой безмолвно движется огромная серая тень, заслоняющая синеватое свечение неба. Кит! Но, конечно, не касатка — он слишком большой для касатки. Целая минута проходит прежде, чем над биологом наконец появляется хвост кита; вода светлеет так же внезапно, как потемнела. Хансен с облегчением переводит дыхание; струйка пузырей поднимается к желтому бую.

Взобравшись по веревочному трапу на палубу, Хансен сбрасывает маску, акваланг и кричит старпому: «Привет! Видел кита?»

«Видел. Не стал сигналить — знал, что он тебя не тронет. Это был серый кит. Видно, первый из мигрантов».

Старпом не ошибся. Калифорнийские серые киты начали миграцию — по крайней мере, десять тысяч китов уже в пути. Их авангард направляется на северо-запад по алеутским проливам; позади авангарда на много миль растянулись самки с детенышами, родившимися в конце декабря.

В авангарде идет и старый самец, который уже пятьдесят лет ходит этим маршрутом — от Мексики до Чукотского моря, четыре тысячи пятьсот миль. Уверенно скользит кит по бескрайним водным просторам, проходя сотню миль в день. Неутомимо его длинное тело, облепленное рачками баланусами. К началу августа кит доплывает до северных границ судоходных трасс, где экипажи проходящих мимо судов будут наблюдать за тем, как он лавирует и кружит среди плавучих льдов Северного Ледовитого океана, всего в тысяче миль от полюса, как он показывает хвост, уходя в глубину, как он выпрыгивает в воздух, процеживает из воды оранжевый планктон, поднимая голову из волн и «ухмыляясь» от удовольствия.

Эти странные серые киты никогда не пересекают экватор. Сейчас они встречаются лишь в северной части Тихого океана, но кости серых китов находили и в песках европейских побережий в геологических слоях, относящихся к далекому прошлому,— к тому неопределенному периоду, когда первобытный человек переселился из Африки в Европу. Серые киты размножаются в заливах. Не эта ли их особенность оказалась роковой для европейской популяции серых китов? Быть может, первобытные охотники обнаружили тайные убежища китих-рожениц и уничтожили их всех до одной?

* * *

Сводная сестра маленького кашалота, которую в ноябре поймали для океанариума «Арена жизни», благополучно перенесла опасности путешествия и первых дней неволи. Вот уже шесть месяцев она с удовольствием ест искусственную питательную смесь, напоминающую молоко ее матери. Эта юная самка — первый кашалот, который выжил в неволе.

В ожидании очередного кормления она плавает кругами в своем зеленом бассейне. Работники океанариума назвали ее Сузи — в честь черноволосой школьницы, которая несколько лет подряд

дважды в неделю приходит в «Арену жизни»: она влюблена в животных и бесплатно работает с ними — кормит дельфинов, чистит стеклянные стенки аквариумов, ухаживает за «сиротами»-тюленями, которых добросердечные люди приносят летом в «Арену жизни», думая, что матери-тюленихи покинули их. Девочка часто сидит в мечтательной позе, наблюдая за животными, или делает с них зарисовки.

Как только Сузи увидела в новом бассейне молодую китиху, между ними возникла странная связь; если назвать ее дружбой, то можно сказать, что китиха выказывала к девочке более дружеские чувства, чем к служителям, которые ее кормят.

В июне, когда пленнице исполнилось около года (работники «Арены жизни» лишь приблизительно определили возраст Сузи), ее начали отучать от жидкой пищи. Возможно, она была еще слишком молода для этого. Сейчас она весит только две тонны, и, пожалуй, немного худа, хотя ежедневно поглощает сорок килограммов весьма калорийной пищи и по размерам быстро догоняет своих сверстников, живущих в океане.

Новую, «взрослую» пищу китихи в основном составляют переливчатые, голубовато-белые кальмары — мягкие, лишенные панциря, свободно плавающие моллюски, которыми изобилует залив Монтерей. Средняя длина этих кальмаров — двадцать сантиметров, тела у них белые, полупрозрачные, с голубоватым отливом и яркими сине-зелеными пятнами, которые вспыхивают и гаснут — точно радужные волны бегут по бледной коже. В начале лета кальмары собираются вместе; они спариваются, затем откладывают яйца на песчаных «склонах» подводных каньонов залива. По ночам в каньоны являются рыбаки со специальными сетями и с кошельковыми неводами. Освещая воду яркими прожекторами, они вылавливают тысячи тонн кальмаров. Часть улова замораживают и везут в «Арену жизни» для китихи Сузи.

Долгое время китиха упрямо отказывалась есть кальмаров. Неделю за неделей терпеливые служители приходили к Сузи в обычные часы кормления и пытались накормить ее твердой пищей, но она разгадала их тактику и стала уплывать в дальний конец бассейна. Отчаявшись добиться успеха, они нашли цистерну-холодильник и привезли из залива живых кальмаров. Бассейн Сузи наполнился сотнями сверкающих моллюсков, и сначала она испугалась, но скоро начала играть с ними, щелкая челюстями, точно собака, пытающаяся поймать мух на стекле. Пойманных кальмаров китиха раскусывала и выплевывала. Через неделю молочный рацион Сузи вдвое уменьшили. Китиха забеспокоилась. Какое-то время она встревоженно и возбужденно плавала по бассейну — а потом начала пожирать кальмаров.

Когда Сузи научилась наконец есть, ею заинтересовалась телестудия, и китиха ненадолго стала знаменитостью. Оператор, потеющий от страха и усердия в своем гидрокостюме, плавал за ней по бассейну, снимая на пленку белых кальмаров, летящих, точно снег, в черную пасть китихи. После того как Сузи вполне научи-

лась есть живых моллюсков, ее перевели на свежезамороженных кальмаров, которых служитель сыпал в бассейн из ведра, предварительно разморозив их.

Девочку Сузи иевозможио было разлучить с ее тезкой кнтихой. Только после того как из школы пришло письмо, из которого следовало, что Сузи пренебрегает занятиями, она неохотно вернулась в скучный мир, навязанный ей взрослыми, н провела в нем последние две недели учебного года.

К этому времени Сузи добнлась зиачнтельиого успеха в своих попытках войти в контакт с юной китихой и укрепить возникшую между ними дружескую связь. Девочка научнлась чесать щеткой нежное рыло китихи. Одевшись в футболку н линялые джинсы, она лезла в воду и протягивала китихе старую автомобильную покрышку; китиха хватала покрышку беззубыми челюстями и тащила ее к себе. Эти состязания всегда были непродолжительны и кончались победой китихи. У девочки возникла смелая идея — и после долгих колебаний управляющий «Ареной жизни» согласился позволить ей прокатиться на китихе верхом.

Оказалось, что это не так уж трудно. В открытом море, на воле, молодые кашалоты часто борются друг с другом (если можно назвать этим словом игры в воде, когда молодые киты таранят друг друга, перекатываются друг через друга, скользят, прижимаясь друг к другу боками). Телесный контакт в воде с другим живым существом не вызвал инстинктивной отрицательной реакции китихи. На берегу бассейна стоял на всякий случай служитель с багром; но девочке вовсе не было страшно — наоборот, она была в восторге. Когда она прннялась толкать ладонями черный хвост китихи, та полуобернулась, словно от уднвления, затем замерла и пустила фонтан. Девочка переждала ливень и вскарабкалась на спину китихи в том месте, где ее корпус суживается, переходя в хвост. Она сжала коленями скользкие бока своей тезки и победно вскинула руки. Девочка с поднятыми руками и распущенными черными волосами, сидевшая верхом на китихе, напоминала фигуру на критской вазе — замкнулся круг времени в двадцать пять столетий длиной!

Июль

В жизни кита, конечно, бывают дни, когда не происходит ничего нового. Сегодня один из таких дней в июле. Воздух полон шума дождевых шквалов, которые проносятся над пестро освещенными волнами. Наш герой держится в тени, отбрасываемой сверху телом его матери; края этой тени очерчены серо-голубым дневным светом, пронизывающим воду. Китенок бессознательно пытается подражать ритмическим движениям материнского тела. Колебания воды, создаваемые плывущей китихой, составляют постоянный фон повседневного существования китенка. Иногда ему удается держаться рядом с матерью, а иногда он отстает и потом прибавляет

ходу, возвращаясь в желанную тень. Когда китиха сбавляет скорость и неподвижно зависает у самой поверхности, детеныш трется уголком пасти о ее сосок, прося молока. В полусне мать несколько минут кормит его, потом просыпается и плывет дальше. Вечером она оставляет детеныша на попечение других взрослых китов и несколько раз ныряет, чтобы поохотиться в глубине.

Год кита напоминает год доисторического человека, существование которого было простым и грубым, а успехи измерялись попросту длительностью жизни. Теперь человек старается вместить как можно больше в каждую минуту своей жизни, до предела наполняя ее переживаниями, а иногда и переходя этот предел. Если бы при помощи электронной волшебной палочки современный обыватель получил возможность непрерывно наблюдать за личной жизнью какого-нибудь кита, то уже через неделю ему надоело бы это занятие.

Солнце снова встает над морем; маленький кашалот сегодня в игривом настроении. Семья кашалотов обгоняет плот — несколько толстых досок, скрепленных скобами. Это крышка люка, сорванная штормом с палубы какого-то парохода в далеком море. Размер плота — метр на метр; он тяжело взлетает и падает в волнах. В зеленой тени под плотом висят рачки «морские уточки» на длинных стебельках; рачки неустанно прочесывают воду своими бахромчатыми конечностями. Морские черви и стебли десятка разных видов водорослей — зеленых, коричневых, красных — стелются в воде под плотом. Растения усеяны какими-то существами размером не больше спичечной головки — они похожи на крошечных коз, пасущихся среди кустов.

Китенок подплывает под медленно дрейфующий плот и трется спиной о его неровную поверхность. Потом он подкидывает плот в воздух и слышит, как доски с громким плеском падают в воду. Китенок разворачивается и снова сильнее ударяет плот, повторяя этот маневр до тех пор, пока ему не удается перевернуть плот. Два других молодых кита присоединяются к нему и играют с плотом, пока не начинают чувствовать, что слишком устали — не столько от физических усилий, сколько от перегрева. У китов нет потовых желез. От долгой игры поверхность туловищ, плавников и хвостов юных кашалотов перегревается; внутри их тел, под теплой шубой жира, тоже поднимается температура; и вот китята чувствуют, что им надоело играть с плотом. Только наш маленький герой не унимается. (Ему сейчас одиннадцать месяцев.) В последнем приступе буйного веселья, уже услышав отдаленный зов матери, он вдруг развивает максимальную скорость, неожиданно взлетает в воздух и не меньше трех секунд летит над волнами, сверкая мокрой кожей в лучах солнца,— летит впервые в жизни.

Потом китенок отдыхает подле матери. В воде вдруг появляются тени, и он поворачивается набок, чтобы поглядеть вверх. Птицы, бросившие тени на воду, уже скрылись из поля его зрения. Это ярко-белые полярные, или длиннохвостые, крачки, семь птиц, размеренно и неутомимо машущих крыльями. У них сильно вытяну-

тые хвосты, как у чаек, с которыми они состоят в близком родстве. Крачки спешат сейчас в район гнездовья в тундре, на границе таяния снегов. Когда на севере наступает лето, они летят из Антарктиды в Арктику, покрывая путь длиной в десять тысяч миль, а осенью возвращаются назад — снова десять тысяч миль полета. Все это невероятное путешествие они совершают, затратив ничтожное количество «горючего»— всего каких-нибудь сто граммов.

Ветер терзает хрупкие тела птиц, но они неустанно движутся на север, отдыхая приблизительно через каждую тысячу миль. Для отдыха они садятся на какой-нибудь плывущий предмет — бревно или большой клубок водорослей. (На воду они садятся очень неохотно — их оперение тут же намокает.) Скоро крачки долетят до необитаемых галечных берегов чистой реки на Аляске, где они откладывают яйца.

Маленькому кашалоту известны и другие крачки — например, темная крачка. Сейчас, в июле, эти красивые черно-белые птицы, родственницы полярных крачек, свивают миллионы гнезд на островах Тихого океана. Поразительна способность этих птиц месяцами, без отдыха, без перерыва, бороздить воздушный океан. Никто не видел, чтобы они когда-нибудь опускались на воду или на землю — разве что в сезон спаривания. Больше того — лапы и перья этих птиц не очень хорошо приспособлены для жизни на море. Я чувствую неимоверную усталость, даже когда пытаюсь представить себе подобное существование — месяц за месяцем в воздухе!

* * *

Спит ли маленький кашалот, когда он отдыхает? Тут снова задумываешься о значении слов, ибо «сон»— слово из человеческого лексикона. Если рассматривать периоды пассивности кашалота в течение суток, будут ли они напоминать те часы, которые человек проводит в постели, предоставив своему сознанию полную свободу дремать или развлекаться сновидениями и отдельными случайными мыслями? Конечно, нет. Во всяком случае, о дельфинах можно уверенно сказать, что они никогда не спят в нашем смысле этого слова. Они отдыхают в воде, погрузившись в полубессознательное состояние, но при этом редко закрывают оба глаза.

Я часто встречаю в печати сообщения о том, что суда натыкаются в море на спящих кашалотов. В судовом журнале обычно так и пишут: «столкновение со спящим китом». Но я не думаю, что киты спят в том смысле, какой мы вкладываем в это слово,— ведь кит должен либо регулярно подниматься на поверхность, чтобы дышать, либо во время длительного сна так уравновешивать вес своего тела изменением объема воздуха в легких, чтобы постоянно оставаться на поверхности.

Основной закон жизни китообразного гласит — всплывай вовремя — или ты обречен на смерть. Между тем смерть у китов наступает быстро: как только кит теряет сознание, он начинает то-

нуть и тотчас лишается главного источника жизни — воздуха. Это создает особые трудности для биологов-экспериментаторов, которые пытаются усыплять китообразных. Усыпить кита или дельфина в естественных условиях удается — но, к сожалению, засыпая, он перестает дышать. Пока не найдено способа восстанавливать дыхание китообразных.

При помощи особой техники удавалось погружать китообразных в непродолжительный сон в лабораторных условиях. Дельфина привязывали к операционному столу и вводили ему транквилизатор, чтобы он перестал биться. Затем анестезиолог осторожно вводил через рот резиновый шланг в дыхательный тракт дельфина. После этого особый прибор начинал ритмично подавать в легкие спящего животного анестезирующее средство одновременно с воздухом. Проснувшись после такой процедуры, пациент оказывался способен плавать в своем бассейне.

Вагн Флайгер, сотрудник Института природных ресурсов при Мэрилендском университете, и его помощники эскимосы однажды попытались обездвижить белуху в Северном Ледовитом океане, выстрелив в нее специальной ампулой с иглой. Сначала все шло прекрасно: игла вонзилась в спину белухи, и содержащиеся в ампуле препараты поступили в мышечную ткань животного. Испуганная белуха тотчас нырнула, но тридцать секунд спустя снова появилась на поверхности и замерла, лишь слегка подергивая хвостом. Флайгер был в восторге.

Но в этот момент произошла одна из тех катастроф, которые в одно мгновение губят эксперимент и приводят в отчаяние экспериментатора: присутствовавший при опыте охотник-эскимос, для которого неподвижная белуха представляла собой всего лишь желанную и легкую добычу, обрадованно схватил винтовку и выстрелил; кит был убит, а с ним погибла и работа исследователя.

* * *

Восточная граница морского пастбища, на котором пасутся сегодня наш герой и его семья, проходит в прибрежных водах центральной Калифорнии. На теплом и влажном берегу этого штата водится особая порода людей — в любом событии, в любом изменении обстановки они видят лишь потенциальный источник наживы. «Легкие деньги» — выражение из их лексикона; впрочем, они употребляют его лишь в разговорах между собой. Обращаясь к посторонним, они говорят о «содействии», о «благоприятном стечении обстоятельств», о «новаторстве» и об «инициативе». Каждый из членов этого клана имеет свой собственный «подход» ко всякой ситуации. Он счастлив, когда ему удается угадать сегодняшний «подход» конкурента и не раскрыть при этом собственные карты.

Вот на этом берегу, среди таких людей, случилась однажды в июле следующая история.

К северу от Сан-Франциско ночной прилив выбросил на пляж мертвого кашалота; кашалот был невелик — всего шести с поло-

винной метров длиной. Когда тушу вынесло на берег, плотный туман окутывал весь пляж, и лишь около четырех часов утра один из местных жителей, собирающий на пляже выброшенные морем предметы, заметил огромную черную тень на границе прибоя. Он протер глаза, взглянул еще раз и бросился в ближайшее кафе, где на рассвете завтракают рыбаки. Из кафе он позвонил своему приятелю Мак-Гилу. Мак-Гил — представитель той самой породы калифорнийских дельцов. Он извлекает деньги из ловушки для туристов в Сосалито. Это придорожная лавчонка, на крыше которой мигает красный фонарь; к сожалению, фонарь не отпугивает туристов, едущих по дороге, а, напротив, привлекает их. В лавчонке Мак-Гила они покупают сувениры американского Запада (сделанные в Японии и Чехословакии). Здесь можно купить и барельеф из «настоящего» моржового клыка, изображающий эскимоса, который погоняет своих собак (эти барельефы изготовляются по десять штук за раз из пластмассы при помощи пресса, установленного в подвале недалеко от местного рынка).

Мак-Гил поднимается с постели, берет трубку — и сон мгновенно слетает с него. Глаза дельца блестят и нервно перебегают с предмета на предмет; губы растягиваются в улыбке. «Сейчас приеду,— говорит он, поспешно надевая штаны.— Беги назад к киту и никого к нему не подпускай!»

За свою находку собиратель морских даров получает пять долларов и акцию «Компания Мак-Гила» (цена которой, скажем, полтора доллара). Между тем Мак-Гил уже погрузил кита на грузовик и везет его в Санта Кларисиму. Немного поторговавшись, он заключает сделку с хозяином морга — поручает ему забальзамировать кита. Этот хозяин — тоже специалист по легким деньгам. Он тут же звонит своему поставщику и, немного поторговавшись, заказывает формалин и ртуть — в количестве, которое смутило бы и самое крупное похоронное бюро в разгар массовой эпидемии.

Всю ночь идет работа, и к утру туша кашалота отвердевает, глаза его покрываются синеватой пленкой, а язык странным треугольником повисает в пасти; но публика, конечно, не обратит на это внимания. Мак-Гил окатывает мумию водой из шланга, закрывает ее парусиной и отправляется в ближайшую мастерскую, изготовляющую вывески. Прошло ровно тридцать шесть часов с тех пор, как тушу прибило к берегам предприимчивых калифорнийцев, а кит уже лежит в кузове открытого грузовика под плакатом, на котором значится:

«Крупнейшее животное на Земле! Доступно наконец вашему зрению и осязанию! Глядите, трогайте, убеждайтесь! Взрослый кит, явившийся из океанских глубин! Левиафан, герой Священного писания! Выставляется только один день — доллар с человека».

Мак-Гил путешествует: каждый вечер его грузовик подъезжает в темноте к окраине очередного городка и застывает у дороги. А утром к грузовику стекаются посетители. Кашалот оказался настоящей золотой жилой.

Но вот июль кончается, августовское солнце гонит вверх ртуть

термометра. Многострадальная мумия, лежащая в кузове грузовика, испускает явное зловоние. Когда Мак-Гил подносит ко рту булочку с котлетой, ему чудится, что котлета сделана из тухлого китового мяса; когда он разбивает яйцо, оно тоже отдает тухлятиной. Весь день Мак-Гил страдает от ненависти к разлагающемуся кашалоту, а по ночам ему снится, что его преследует стадо китов и дельфинов. Вид у гигантской мумии весьма потертый. Посеревшие бока испещрены инициалами, названиями банд лихих мотоциклистов, именами любовников и кандидатов на выборные должности. Глаза кашалота давно исчезли, недостает и многих зубов, украдкой выломанных любителями сувениров.

Когда и виски начинает пахнуть тухлым китовым мясом, Мак-Гил понимает, что дело — труба. Он снимает плакат и вешает объявление: «Продается кит, цена по договоренности». Но желающих купить чучело не находится. Шеф городской полиции намекает Мак-Гилу, что, мол, пора и честь знать — хотя, конечно, полиция только приветствует красивые, чистые и полезные экспонаты, имеющие воспитательное значение. Мак-Гил уже нашел решение проблемы: такие люди всегда заранее готовят себе несколько путей к отступлению, рассчитанных на неблагоприятный поворот событий.

Ночью он уезжает и, проехав сто миль, останавливается над нависшей над обрывом площадке обзора на шоссе Палисад-Драйв. Он отвязывает тушу, откидывает задний борт, быстро подводит грузовик задним ходом к бетонной ограде площадки и резко жмет на тормоза. Грузовик вскидывается, точно испуганный мустанг; груз соскальзывает и летит в бездну. Проходит секунда, другая — и наконец далеко внизу слышен мощный всплеск. Затем снова наступает тишина, нарушаемая лишь шумом прибоя. Кит вернулся в родную стихию.

Август

Год кита подходит к концу. Китенок вырос почти на два метра и прибавил в весе почти полтонны. Еще год он будет питаться материнским молоком, но последние несколько месяцев все чаще будет охотиться сам. Постепенно мать перестанет его кормить — да и он сам потеряет интерес к матери, поскольку его растущий аппетит уже нельзя утолить струйкой молока. К тому же китиху начнет раздражать приставание четырехтонного младенца. Мать и сын проведут осень в водах к северу от Гавайских островов. В этом году у китихи не будет течки, и она не вернется в шумный гарем у тропика Рака, где год назад, в сентябре, родила своего нынешнего детеныша.

В августе кашалотов северного полушария можно встретить в Тихом океане повсюду — от экватора до Берингова моря. Половина кашалотов пасется к югу от большого миграционного пути, пролегающего между южной Калифорнией и южной Японией, дру-

гая половина — севернее этого пути. Воображаемая линия, которая делит пополам популяцию кашалотов, сейчас перемещается к югу, а в марте она вновь поползет на север.

В Северном Ледовитом океане с каждым днем увеличиваются длинные извилистые полосы чистой воды между дрейфующими льдами. Граница льдов отодвигается к полюсу. Их кромка в течение всего сентября будет крошиться и таять. Сейчас к северу от берегов Старого и Нового света самый разгар навигации. В сентябре планета «свернет за угол» на своем пути вокруг Солнца, и дни начнут укорачиваться. По ночам вода между льдинами станет покрываться тонкой пленкой молодого льда, и постепенно сплошная белая пелена льда снова распространится на юг и покроет Чукотское и Берингово моря.

Но сейчас август, и какой-то кашалот-холостяк обходит северную границу своих владений. Он охотится возле мыса Наварин на шестьдесят второй параллели. Его высокие фонтаны белой дымкой повисают в морозном воздухе. Кит приближается к одинокому айсбергу, тихо дрейфующему по волнам; айсберг, ушедший уже далеко от границы паковых льдов, достиг последней стадии распада: вся его поверхность изъедена солнцем и дождями. На льду видны большие коричневые пятна — тут месяц назад, когда айсберг был еще далеко от здешних вод, жила семья моржей. Кашалот всплывает, зажав добычу в пасти; за ним тянутся облака ила: Берингово море здесь мелководно. (Тридцать тысяч лет назад, когда из Азии в Америку переселялись первые «эмигранты», они шли пешком — нынешнее дно было тогда сушей.) Кашалот приплыл сюда, к ледяным границам своих угодий, не потому, что ему нравится холодная вода, а потому, что она изобилует пищей. Здесь множество кальмаров и таких животных, которыми кашалоту редко приходится лакомиться в северной части Тихого океана,— крабы, осьминоги и колючие акулы катраны.

В «Арене жизни» девочка Сузи впервые работает за деньги — наиялась гидом на время летних каникул. Из местного университета в океанариум прибыли два физиолога с самым разнообразным оборудованием: с пробирками, колбами, трубками, металлическими рамами, клейкими лентами и присосками, с приборами, которые топорщатся переключателями и ручками, с батареями аккумуляторов и десятками других устройств. Физиологи намерены поставить ряд экспериментов над китихой — они собирают материал по проблемам теплообмена у китов. Почему киты не мерзнут в холодной воде? Перегреваются ли они от физических усилий? Вопросов множество.

Эти специалисты — Питер Скансен и Джон Кантвелл — много лет изучают особенности терморегуляции у животных. Друзья страдали от жары в пустыне Мохаве, наблюдая за змеями и ящерицами, дрожали от холода на мысе Крозе, следя за пингвинами и тюленями. До сих пор они добывали сведения о теплообмене у китообразных самыми грубыми методами: втыкали термометры в

тела только что убитых китов, изучали вскрытые туши. Недалеко от летнего коттеджа Джона однажды застряла на берегу самка финвала; она прожила в мелкой воде полтора дня. Друзья вставляли термометры в естественные отверстия ее тела, а когда китиха умерла, исследовали образцы тканей, взятые из туши. Они также ставили эксперименты с дельфином: бросали в бассейн куски льда и наблюдали за тем, как первые несколько минут животное дрожит от холода, а потом, словно включив какой-то термостат, перестраивается и продолжает плавать как ни в чем не бывало.

Услышав, что китиху Сузи удалось отчасти приручить, друзья решили «расспросить» ее (на языке приборов) о том, как происходит у нее теплообмен. Они объясняют свои задачи управляющему и ветеринару «Арены жизни»; девочка Сузи тоже слушает их.

Управляющий готов помогать ученым. «Зоопарк, господа, соединяет в себе черты зрелищного аттракциона и исследовательской лаборатории,— говорит он.— Нам приходится постоянно думать о бюджете, но мы также живо интересуемся новинками науки. Зоопарк не приносит больших доходов; наша прибыль — это удовольствие, которое мы получаем, помогая людям увидеть и понять животных. Ведь животных на земле в миллион раз больше, чем людей!.. Чем мы могли бы быть вам полезны?»

«Прежде всего, у нас вопрос: сколько, по-вашему, весит китиха?»

«Около двух тонн. А пищи она съедает сорок килограммов в день».

Скансен что-то пишет на оборотной стороне конверта. «Значит, в день ей требуется около пятнадцати тысяч калорий, то есть примерно в шесть раз больше, чем человеку. Следовательно, она ест слишком много. Хмм... Пища смешивается с водой... Часть пищи, наверное, тонет в бассейне...»

Вопросам нет конца. Управляющий объясняет, что китиха наиболее спокойна по понедельникам, и приходить к ней лучше утром, когда в «Арене жизни» меньше всего посетителей. Исследователей интересует, каких успехов достигла девочка в своих попытках установить контакт с китихой. Насколько близко китиха подпускает к себе девочку? Выясняется, что китиха позволяет ей прикасаться даже к таким чувствительным местам, как дыхало и брюхо.

Наконец Питер с улыбкой достает из сумки радиоприемник и прижимает его к животу. Отчетливо слышен прерывистый сигнал: «бип-бип-бип»... «Сегодня утром я для проверки проглотил после завтрака датчик температуры — термистор в капсуле размером с мой большой палец,— говорит он.— Теперь при помощи этого приемника можно, не залезая мне в живот, следить за тем, что там происходит...»

И вот в понедельник утром Питер, Джон, Сузи и служитель кормят китиху. Датчик прячут в брюхе рыбины. Китиха как ни в чем не бывало проглатывает эту рыбину — она ничего не заметила. Затем Сузи засовывает длинные металлические термометры в ее влагалище и в прямую кишку, накрывает ее дыхало мягкой рези-

новой чашкой; тут уж китиха начинает нервничать. Дыхало — орган чувствительный и важный. Поглаживая китиху и ласково уговаривая ее, Сузи умудряется тридцать секунд продержать термометр у нее под языком; физиологи довольны — тридцати секунд вполне достаточно. Резиновая чашка, которой закрывали ноздрю китихи, похожа на «сифон» водопроводчика; в нее собираются для анализа выдыхаемые китихой газы.

«Поосторожнее с мелкими предметами!— предупреждает управляющий.— Не дай бог, китиха проглотит что-нибудь». Он много лет проработал с животными и знает, что питомцы зоопарков частенько глотают бутылки, бутылочные пробки, монеты, расчески, пластмассовые игрушки и прочие мелочи, которые посетители легкомысленно бросают в клетки и аквариумы.

Китиха все больше беспокоится. Наконец она резко бьет хвостом по воде и не больно, но крепко сжимает челюстями руку своей подруги Сузи. Девочка гладит китиху, а Питер тем временем пытается взять кровь для анализа.

Нет! Китиха слишком встревожена; она бросается прочь, разбрасывая провода и резиновые трубки, описывает полукруг и, подняв голову в воздух, обрушивает на своих гостей фонтан брызг. Гости смеются. Собрано уже немало сведений; если каких-то данных не хватит, можно прийти опять, можно продолжить эксперименты следующим летом, когда девочка Сузи снова вернется в «Арену жизни».

Термистор перемещается с пищей в желудке китихи, непрестанно посылая свой монотонный сигнал: «бип-бип-бип»...

* * *

Большинство исследований по физиологии кашалотов подогревается интересом к двум удивительным особенностям этих животных: кашалоты умеют нырять на большую глубину и оставаться под водой в течение длительного времени. Ученые постоянно ищут объяснение этим способностям, присматриваясь к особенностям организма кашалота. Органы и ткани кашалотов подвергают различным анализам и экспериментам, сравнивают с подобными органами человека и других животных — например, собак и кошек.

В крови кашалота до сих пор не обнаружено особенностей, которые были бы характерны только для этого вида животных. Соотношение общего объема крови и веса тела кашалота примерно соответствует этому соотношению для наземных млекопитающих. Отношение размера сердца к размерам тела тоже обычно для млекопитающих; сердце взрослого кашалота весит от ста двадцати до ста шестидесяти килограммов и совершает двадцать сокращений в минуту, что вполне естественно для столь крупного животного. Аорта кашалота огромна (она толще печной трубы), но и это тоже естественно для кита.

Кровеносная система кашалота отличается одной особенностью, которая, вероятно, имеет значение для теплообмена: веноз-

ная и артериальная сети кровеносных сосудов располагаются параллельно. Иногда артерия и вена проходят вплотную друг к другу; а в некоторых частях тела мелкие вены окружают артерию, как металлическая оплетка окружает жилу телевизионного кабеля. В обоих случаях теплая кровь, текущая к кожному покрову, отдает часть своего тепла возвращающейся венозной крови; таким образом в организме животного сохраняется часть тепловой энергии. Подобные системы противонаправленных «трубопроводов» можно обнаружить во всем теле кита, и работают они согласованно, словно ими управляет какой-то невидимый регулировщик.

Есть и другие факторы, имеющие значение для теплообмена кита. (Надо помнить, что у кита, отдыхающего в холодной воде северного моря, теплообмен протекает в тысячу раз интенсивнее, чем у кита, идущего на большой скорости в районе экватора.) Во-первых, сама форма тела китообразного помогает ему сохранять энергию: гладкое, округлое туловище с короткими конечностями, которое и по форме подобно термосу, лучше хранит тепло. Помогает сохранять тепло и слой жира, служащего хорошей изоляцией; впрочем, теплоизоляция — не единственная функция этого слоя. Для теплоизоляции не нужен столь толстый жировой слой — но жир служит также аккумулятором энергии, который позволяет (по крайней мере, теоретически) крупному киту обходиться без пищи четыре — шесть месяцев. И наконец, последний фактор, помогающий киту сохранять тепловую энергию,— это высокая интенсивность обмена веществ у китообразных по сравнению с наземными животными. Киты быстро усваивают пищу — и при этом тоже происходит выделение большого количества тепла.

Когда мы найдем способ содержать усатых китов в неволе, их тоже можно будет изучать в океанариумах. Перед второй мировой войной японцам удалось поместить небольшого усатого кита — малого полосатика — в залив к югу от Токио. Киту доставляли живую рыбу, однако так и не удалось выяснить, ел ли он ее; через месяц кит околел. Возможно, когда-нибудь удастся изобрести «сухой планктон»— нечто вроде сухого корма, который изготовляют для аквариумных рыбок.

Дельфины в этом смысле куда удобнее китов — дельфинов успешно содержат в неволе с 1913 года, когда Чарлз X. Таунсенд впервые показал восхищенной публике живого дельфина в старом Нью-Йорском аквариуме в Батри.

* * *

Кашалоты живут вдали от берегов, но вовсе не чувствуют себя одиноко — мир вокруг полон голосов их собратьев.

Кончается год кита — обычный год жизни, в котором загадочное перемежается с обыденным, периоды тревоги и напряжения сменяются периодами покоя, а пиршества чередуются с голодом.

Сегодня на рассвете мать и сын снова заслышали вдали знакомые голоса своих родичей — дельфинов. Но вот к ним присоедини-

лись новые звуки — равномерный пульсирующий гул рыболовного сейнера, который ловит тунцов; локаторы китов нащупывают в воде тысячи жирных, упитанных тунцов — желтоперых и полосатых. Охота на них ведется самыми новейшими методами — это достижение последнего десятилетия. Изобретение легкой нейлоновой сети и мощных гидравлических лебедок привело к тому, что рыбаки все чаще отказываются от ручной постановки ярусов с наживкой и, промышляя в открытом море, постепенно переходят на лов исключительно кошельковым неводом. Едва ли китиха и ее детеныш понимают, что происходит у них на глазах; а происходит массовое уничтожение — сотни тонн рыбы навсегда покидают океан при каждом подъеме огромного невода.

В круге диаметром триста метров мечутся, вспенивая воду, тунцы и дельфины. Серо-голубой сейнер быстро обходит круг; ему помогают два быстроходных катера, которые сгоняют рыбу, как ковбои сгоняют скот. Забрасывая с кормы невод (длина его — полмили), сейнер слегка меняет курс, чтобы дельфины (но не тунцы) успели уйти в сторону. Однако семь дельфинов остаются в круге; они перепуганы и сбиты с толку; в конце концов, запутавшись в неводе, дельфины тонут. Рыбаки, орудуя тесаками, разрубают на куски их гладкие тела и бросают куски в волны по другую сторону невода. Затем невод стягивают снизу и вытаскивают из воды; огромные, сверкающие рыбины скачут по палубе. Проходит совсем немного времени, и все они умирают; тускнеют их выпученные глаза. Охота окончена — и заняла она всего два часа. Нашему герою исполняется год; вот он плывет по бескрайнему океану, оставляя на воде недолговечный след — кружащиеся точки и запятые истории своей жизни. Налетает порыв холодного ветра. Волна перед кашалотом вспыхивает красным закатным отсветом. Еще минута, и солнце опускается за горизонт; исчезает и маленький кашалот.

Джеймс Кервуд

Гризли

Глава I.

Король и его владения

Безмолвно и неподвижно, словно огромный красно-бурый утес, стоял Тэр, оглядывая свои владения. Маленькие и широко поставленные глаза его, как и у всех гризли[1], видели плохо. На расстоянии трети или полумили ему еще удавалось рассмотреть козу или горного барана, но дальше все исчезло либо в сверкающем солнечном мареве, либо в непроглядном мраке ночи, и только по запахам и звукам Тэр догадывался о том, что творится вокруг. Он и теперь не мог видеть, что происходило внизу, в долине. Ветер приносил оттуда странный и непонятный запах, который беспокоил Тэра. Именно это и насторожило его, и теперь Тэр стоял тихо, не шевелясь. Тщетно ум животного бился над разрешением загадки. Пахло не карибу[2] — их-то он убивал немало,— не козой и не горным бараном. Это не был запах ленивых толстых сурков, нежащихся на согретых солнцем скалах,— сурков он ел сотни раз... Этот запах не вызывал у него ни злобы, ни страха. Тэра разбирало любопытство, и все же он не решался спуститься вниз. Удерживала на месте осторожность. Но даже если бы у Тэра было прекрасное зрение, он все равно не узнал бы больше того, что рассказал ему ветер.

Тэр стоял у самого края уступа скалы. В одной восьмой мили под ним расстилалась долина, а на таком же расстоянии вверх от него шла расщелина, по которой медведь спустился сюда вчера вечером. Ложбинка на уступе горы, не более акра величиной, заросла по краям роскошной мягкой травой и цветами: пестрели фиалки, лоскутки незабудок, дикие астры и гиацинты. А посредине ее была жидкая грязь, и место это, футов в пятьдесят шириной, Тэр посещал всякий раз, когда у него начинали болеть ноги.

Печатается по изданию: Джеймс Кервуд. Гризли. Государственное издательство детской литературы, Москва, 1960.

[1] Гризли — одна из пород крупных медведей, по расцветке серый, живет в Северной Америке.

[2] Карибу — некрупный канадский олень.

На севере, востоке и западе в золотистом свете июньского утра распахнулась удивительная панорама Канадских Скалистых гор. Отовсюду — из прорезанных в сланце лощинок и узких теснин, со скал, подбирающихся к линии вечных снегов, из долин — неслось, наполняя округу, монотонное, ласкающее журчание. Реки, потоки и ручьи стекали вниз из-под самых облаков, оттуда, где лежали вечные снега, и в воздухе, не умолкая, звучала музыка бегущей воды. Все благоухало. Последний месяц северной весны, июнь, шел на убыль, уступая место первому месяцу горного лета.

Ранние цветы уже покрыли солнечные склоны яркими коврами — красными, белыми, пурпурными. И все живое пело: толстые сурки на скалах, важные гоферы[1] на своих холмиках, огромные шмели, перелетающие с цветка на цветок, ястребы, орлы, парящие над вершинами. Даже Тэр и тот по-своему пел: когда он всего несколько минут назад топтался в вязкой грязи, из огромной груди гризли вырывалось какое-то странное урчание, не похожее ни на его воркотню, ни на рев. Это значило, Тэр доволен — это была его песня.

И вот прекрасный день вдруг как-то сразу померк. Не шевелясь, Тэр все еще принюхивался к ветру. Он был озадачен. Запах волновал его, хотя и не вызывал тревоги. Незнакомый запах действовал на гризли так же, как первый обжигающий глоток бренди на ребенка. И низкое, зловещее, как отдаленный гром, рычание вырвалось у него из груди. Сознание подсказало наконец, что владыка этих просторов не кто-нибудь, а он, гризли, и появление здесь какого бы то ни было непонятного ему запаха — вещь просто недопустимая.

Медленно поднялся он во весь свой десятифутовый рост и, как дрессированная собака, уселся, уронив на грудь отяжелевшие от облепившей их грязи передние лапы. Десять лет прожил Тэр здесь, в горах, а такого запаха ему не довелось слышать. И никак нельзя было примириться с этим. Он ждал, пока запах усилится.

Тэр не прятался. Резко выделяясь на фоне гор, стоял он, не заботясь, что его увидят. Размеры его казались чудовищными, а новая июньская шуба отливала на солнце золотисто-коричневым блеском. Передние лапы его толщиной были почти с туловище человека, из них торчали огромные когти-ножи, по пяти с половиной дюймов каждый. Лапы гризли пропахали в грязи две параллельные борозды, расстояние между которыми было не меньше пятнадцати дюймов. Он был толстый, гладкий и могучий. Глазки, не больше мелких орехов гикори[2], сидели в восьми дюймах один от другого. Два верхних клыка, острые как кинжалы, были длиной с большой палец мужчины, а огромным челюстям ничего не стоило перегрызть шею карибу.

Тэру еще не приходилось встречаться с человеком, и еще ничто не могло ожесточить его. Подобно большинству гризли, он никогда

[1] Гофер — мешетчатая крыса, североамериканский грызун.
[2] Гикори — дикий орешник с мелкими орехами.

не убивал ради удовольствия убить. Из целого стада выбирал он одного карибу, которого и съедал без остатка, высосав мозг из каждой косточки. Царствовал Тэр мирно. И требовал он только одного: «Не тронь меня». Это же самое говорила и вся его поза, когда, сидя на задних лапах, он принюхивался к незнакомому запаху.

Неприступные вершины гор вздымались высоко в небо. Могучий, одинокий, величественный, гризли был под стать этим горам. Равных ему не было в горных долинах. Гризли неразлучны с горами — так повелось из века в век,— и Тэр был весь плоть от плоти и кровь от крови этих гор. Среди них начиналась, среди них и угаснет вся его родословная.

До сих пор не случалось такого, чтобы кто-нибудь мог усомниться в могуществе и правах Тэра, разве только его же сородичи. Но с ними он обычно дрался по всем правилам и нередко насмерть... И он готов был к новым схваткам, пусть только посягнут на его права. А пока его не свергли, он здесь властелин, вершитель судеб и — захоти только им быть — деспот.

Династия, к которой принадлежал Тэр, царила здесь, в долинах, и на склонах гор испокон веков, и все живое было послушно ее велениям. Правил здесь и Тэр. Делал он это попросту. Его ненавидели, перед ним трепетали. Но сам он не знал ни ненависти, ни страха и действовал в открытую. Ему ли было прятаться от того неизвестного, что двигалось на него снизу, из долины?

Пока он сидел, поводя острым коричневым носом, какая-то неясная нить протянулась в сознании гризли к далеким поколениям предков. Тэр никогда раньше не слышал подобного запаха, и все же теперь тот не казался ему совершенно незнакомым. Запах не находил себе названия и не вызывал никакого определенного образа, но Тэр уже знал, что это — угроза.

Минут десять сидел гризли, словно каменное изваяние. А потом ветер переменился, и запах стал слабеть, пока не исчез совсем. Плоские уши Тэра слегка приподнялись. Медленно повернул он свою огромную голову и оглядел зеленый склон и уступ. И теперь, когда воздух был снова чист и свеж, он сразу забыл этот обеспокоивший его запах. Гризли опустился на четвереньки и возобновил прерванную охоту на гофера.

Зрелище получалось довольно забавное. Тэр весил добрую тысячу фунтов, а гофер, не больше шести дюймов величиной, весит шесть унций. Но Тэр мог без устали копать землю хоть час, чтобы достать маленького толстого гофера и проглотить его, как пилюлю. Это было лакомство, на поиски которого Тэр не жалел ни трудов, ни времени.

Облюбовав нору, расположение которой его устроило, гризли принялся разгребать землю, как собака, охотящаяся за крысой. Тэр находился на самом верху склона. Еще раз или два в последующие полчаса поднимал он голову, но странный запах из долины больше не беспокоил его.

Глава II

Незваные гости

А тем временем милей ниже, в долине, там, где ель и пихта, подступая к оврагу, начинали редеть, Джим Ленгдон придержал лошадь. Долго смотрел он перед собой, затаив дыхание. Потом вздохнул с наслаждением и, подогнув правую ногу, удобно уперся коленом в луку седла. Он ждал. Отстав от него ярдов на двести-триста, Отто, все еще не выбравшийся из леса, никак не мог справиться с Дишпен, упрямой вьючной кобылой.

Ленгдон улыбался, прислушивался к выкрикам спутника, грозившего Дишпен всевозможными карами, начиная с обещания немедленно вспороть ей брюхо и кончая посулом более милосердной смерти — от удара дубинкой. Дух захватывало от всех этих обещанных ужасов, на выдумку которых разъяренный Отто бывал неистощим. Однако на лошадей они не производили никакого впечатления. У Ленгдона же вызывали улыбку и восхищение. Он прекрасно знал, что, как только огромный, добродушный Брюс Отто упрется плечом в тюк на спине лошади, желая помочь ей, именно в тот момент Дишпен опрометью кинется вперед, а уж после этого бедняге не останется ничего другого, как разразиться такими проклятиями, от которых кровь стынет в жилах.

Но вот одна за другой все шесть вьючных лошадей экспедиции выбрались из чащи. Здоровенный детина верхом на индейском горном пони замыкал шествие. Он сидел в седле согнувшись, подтянув колени почти к самому подбородку: такая посадка выработалась у него за долгие годы жизни в горах, да и то потому, что нелегко, конечно, человеку шести футов и двух дюймов роста ехать верхом на пони.

Ленгдон спешился и осмотрелся. Его отросшая светлая борода подчеркивала густой загар лица. Расстегнутый ворот рубашки открывал обветренную и загорелую шею. Серо-голубые глаза его, острые и проницательные, изучали окрестность с веселым упорством охотника и искателя приключений.

Ему было тридцать пять лет. Половину своей жизни он проводил в диких местах, а все остальное время писал об увиденном.

Спутник его был лет на пять старше, но зато на шесть дюймов выше, если, конечно, лишние шесть дюймов можно считать преимуществом. Брюс полагал, что никакого преимущества здесь нет. «Вся беда в том,— говаривал он,— что я никак не перестану расти».

Он подъехал к Ленгдону и спешился.

— Видел ты что-нибудь подобное?— спросил Ленгдон.

— Недурное местечко,— согласился Брюс.— И самое подходящее для лагеря. Здесь тебе и карибу и медведи. Свежее мясо нам не помешает. А ну-ка, дай спичку, Джим.

У них вошло в обычай раскуривать трубки от одной спички. После первой глубокой затяжки Ленгдон кивнул в сторону леса, из которого они только что выбрались.

— Здесь бы и разбить лагерь,— сказал он.— Сухой хворост, проточная вода и пихта; из пихты можно устроить хорошие постели. А лошадей стреножим и выпустим на ту лужайку в миле отсюда, через которую мы проезжали. Там и травы и дикой тимофеевки край непочатый.— Он взглянул на часы.— Еще только три. Можно отправиться дальше... Но... Как, по-твоему, может быть, задержимся на денек-другой, посмотрим, что здесь хорошего?

— Что ж, пожалуй,— отозвался Брюс.

Он сел, прислонившись спиной к скале, и пристроил на коленях длинную подзорную трубу из меди. Труба эта была реликвией еще времен гражданской войны.

Ленгдон отстегнул от седла бинокль, привезенный из Парижа.

Они сидели плечо к плечу, внимательно исследуя холмистые склоны и зеленые скаты гор, возвышавшихся перед ними.

Вот она, дикая, «неведомая страна», как окрестил ее Ленгдон. Ведь к этим местам невозможно было подступиться; непроходимые дебри окружали их со всех сторон, и, насколько можно было судить, нога человека еще не ступала здесь. Двадцать дней пробирались Брюс и Ленгдон сквозь эту чащу и прошли всего сто миль; каждая миля досталась им с трудом. Вчера днем перевалили через гребень Великого Водораздела, который, казалось, расколол самые небеса надвое, а теперь они рассматривали первые зеленые склоны и величавые вершины Файерпенских гор.

На севере — а они направлялись на север — протекала река Скина; на западе и юге лежала горная страна Бэбин с бесчисленными реками и озерами; на востоке, за Великим Водоразделом,— горный район реки Оминеки и притоки Финлея.

Охотники ушли из обжитых мест десятого мая, а сегодня уже тринадцатое июня. Теперь они наконец у заветной цели. Два месяца пробирались они в эти края, куда еще не проникал человек. И их старания увенчались успехом. Сюда не забредал ни охотник, ни старатель. Сказочная долина расстилалась перед ними. И сейчас, на пороге ее тайн и чудес, Ленгдон испытывал ту особую радость и упоение, которые понятны только людям одного с ним душевного склада.

Его друг и товарищ Брюс Отто, с которым он пять раз забирался на север, считал, что все горы совершенно одинаковы. В горах он родился и прожил жизнь. В них же, скорее всего, и умрет.

Брюс вдруг резко толкнул Ленгдона локтем в бок.— Вижу трех карибу,— сказал он, не отрываясь от подзорной трубы.— Идут поперек склона милях в полутора вверх от долины.

— А я — козу с козленком. Вон там, на черном сланце первой горы справа,— отозвался Ленгдон.— Бог ты мой! А вот и «батюшка» смотрит на нее вверх, с утеса... Да у него борода в целый фут длиною! Ставлю, что хочешь, Брюс,— мы очутились в настоящем райском саду.

— Пожалуй,— рассеянно сквозь зубы процедил Брюс, пристраивая подзорную трубу повыше на колене.— Здесь полным-полно горных баранов и медведей, уж поверь моему слову.

Минут пять они молча наблюдали. Позади них лошади жадно щипали густую, сочную траву. Долина, казалось, спала, затопленная морем солнечного света. И только голос воды, бегущей с гор, звенел в ушах Ленгдона и Отто. И Ленгдон подумал, что так бывает только во сне. Долина напоминала огромную, уютно свернувшуюся кошку. А все звуки, слившиеся в их ушах в одно мелодичное журчание, были ее блаженным сонным мурлыканьем.

Ленгдон все еще наводил бинокль, чтобы поближе разглядеть козла, застывшего на утесе, когда Отто снова заговорил.

— Вижу гризли, здоровенного, как дом,— сообщил он бесстрастно.

Редко кому удавалось нарушить его невозмутимость. Разве что вьючным лошадям и особенно этой Дишпеп. Самые же волнующие сообщения, вроде последнего, Брюс делал с такой небрежностью, словно речь шла о букетике фиалок.

Ленгдон резко выпрямился.

— Где?— спросил он и нагнулся над плечом товарища, прослеживая направление подзорной трубы. Нервы его напряглись.

— Видишь, вон там склон у второго отсюда перевала... прямо за ущельем?— сказал Брюс, прищуривая глаз.— Он как раз на полпути к этому перевалу. Выкапывает гофера.

Ленгдон навел бинокль на склон и ахнул.

— Видишь?— спросил Брюс.

— Как будто перед самым носом,— отозвался Ленгдон.— Брюс, да ведь это самый большой медведь во всех Скалистых горах!

— Если не он, то его двойник,— усмехнулся невозмутимый Брюс.— Он больше твоего восьмифутового на добрую дюжину дюймов, Джимми! И...— на самом интересном месте Брюс умолк, вытащил из кармана плитку черного «макдональда»[1] и откусил добрый кусок, не отрываясь при этом от подзорной трубы,—...и ветер нам благоприятствует, а он сейчас так увлекся, что ничего не замечает,— закончил Брюс и поднялся.

Вскочил и Ленгдон. В такие минуты товарищи понимали друг друга без слов. Они завели лошадей обратно в лес и привязали их там. Из кожаных чехлов вытащили ружья и зарядили их крупным зарядом. После этого оба минуты две изучали склон и подступы к нему невооруженным глазом.

— Можно пробраться по ущелью,— предложил Ленгдон.

Брюс кивнул.

— По-моему, оттуда можно стрелять ярдов с трехсот,— сказал он.— Лучшего не придумаешь. Если подходить снизу, он почует нас. Эх, будь это часа на полтора раньше!

— Тогда мы бы залезли на гору и свалились прямо на него!— со смехом отозвался Ленгдон.— Когда дело доходит до лазанья по

[1] «Магдональд»— название жевательного табака.

горам, то второго такого сумасшедшего, как ты, Брюс, днем с огнем не сыщешь. Ведь ты способен перевалить хоть через Хардести или Джикай, лишь бы подстрелить козла сверху, пусть даже ты мог бы с тем же успехом сделать это и не забираясь на гору. Хорошо, что сейчас не утро. Нам удастся добраться до этого медведя и по ущелью.

— Возможно,— сказал Брюс.

И они отправились.

По зеленым, цветущим лугам они шли не скрываясь, пока не приблизились к гризли примерно на полмили. Дальше он уже мог увидеть их. Ветер переменился и задул прямо в лицо. Они заторопились и не сбавляли хода, пока почти вплотную не подошли к склону, скрывавшему медведя. Теперь до него идти было всего минут пятнадцать. Еще через десять минут они вышли к ущелью, заваленному камнями; весенние потоки, веками падающие со снеговых вершин, промыли его в склоне горы. Здесь они внимательно огляделись вокруг. Великан гризли находился сейчас от них ярдах в шестистах вверх по склону и меньше чем в трехстах от ближайшего к нему выхода из ущелья. Поэтому Брюс заговорил шепотом.

— Ты поднимешься наверх и подкрадешься к нему, Джимми,— сказал он.— Если промажешь или только ранишь его, то он сделает одно из двух... а то и из трех; займется тобой или удерет через расщелину, а то и спустится в долину... вот здесь. Помешать ему уйти через расщелину мы не сможем. А если он кинется на тебя... останется одно — прыгать в ущелье. Скорей же всего, если ты не убьешь его сразу, он кинется сюда. Здесь-то я его и буду стеречь. Желаю удачи, Джимми.

С этими словами он выбрался из ущелья и притаился за скалой, откуда можно было наблюдать за гризли. Ленгдон же стал осторожно взбираться по отвесной стене ущелья.

Глава III

Первая встреча

Во всей этой сонной долине ни одно живое существо не было занято так, как Тэр. Медведь этот был, так сказать, личностью весьма своеобразной. Подобно иным людям, он очень рано укладывается спать. В октябре его начинало клонить ко сну, а в ноябре он уже заваливался на боковую в долгую спячку. Спал до апреля и поднимался на неделю, а то и дней на десять позже остальных медведей. Сон у него был богатырский. Но зато, когда он вставал, сна не оставалось ни в одном глазу. В апреле и мае он позволял

себе вздремнуть лишь считанные минуты на согретых солнцем скалах. Но с июня и до середины сентября уже дважды в сутки спал часа по четыре, и спал по-настоящему.

В то время как Ленгдон начал осторожно подниматься из ущелья, Тэр был занят по горло. Он поймал того гофера, которого откапывал, и слопал одним духом этого толстого, почтенного вида патриарха. А теперь с увлечением заканчивал свою трапезу случайно попавшейся толстой белой гусеницей и несколькими кислыми муравьями. Он вылавливал их под камнями. В поисках этого лакомства Тэр орудовал правой лапой, переворачивая ею огромные глыбы. Девяносто девять медведей из ста, а то и все сто девяносто девять из двухсот — левши. Тэр же все делал правой лапой! Это давало ему большое преимущество в драках, так легче было ловить рыбу, да и раздирать мясо тоже было сподручней. Дело в том, что правая передняя лапа у гризли намного длиннее левой. Она настолько длиннее, что если бы гризли вдруг лишился своего шестого чувства — чувства ориентации, то ходил бы, как привязанный, по кругу.

Продолжая свои поиски, Тэр двигался в сторону ущелья. Огромная голова была низко опущена. На близком расстоянии его зрение по своей остроте могло поспорить с микроскопом. А обоняние было настолько тонким, что ему ничего не стоило поймать красного горного муравья даже с закрытыми глазами. Тэр выбирал гладкие, плоские камни. Его огромная правая лапа с длинными когтями действовала столь же совершенно, как и рука человека. Приподнимет ею камень, потянет раза два носом, лизнет горячим плоским языком — и пошел к следующему. Он относился к своему делу чрезвычайно серьезно, как слон, ищущий земляные орехи в стоге сена, и не видел в своих действиях ничего смешного. Ведь не для смеха же, на самом деле, выдумывала все это сама природа. Уж она-то знала, что делала!

Временем своим Тэр располагал более или менее свободно и за лето, действуя по своей системе, добывал добрую сотню тысяч кислых муравьев, сладких гусениц и разных сочных насекомых, не говоря уж о целых полчищах гоферов и маленьких горных кроликов. Вся эта мелюзга помогала ему нагулять впрок необходимые запасы жира, за счет которых он жил во время долгой зимней спячки. Вот поэтому-то природа и превратила его зеленовато-карие глазки в пару микроскопов, безошибочных на расстоянии нескольких футов и почти бесполезных на расстоянии в тысячу ярдов.

Только он собрался перевернуть новый камень, как вдруг замер на месте и целую минуту простоял, почти не шелохнувшись. Потом голова его медленно наклонилась к самой земле. Чуть внятный, необычайно привлекательный запах доносился до него. Запах был до того слаб, что Тэр боялся шевельнуться — как бы не потерять его направление. Так и стоял, пока не убедился, что не ошибается. Поводя носом и принюхиваясь, он спустился на два ярда ниже. Запах усилился. Еще два ядра — и запах привел его к каменной глыбе. Она была огромная и весила фунтов двести. Но правая лапа

Тэра отшвырнула ее, словно мелкую гальку. Сейчас же из-под нее раздалось яростное, протестующее верещанье, и маленький полосатый горный бурундук метнулся оттуда. Он угодил прямо под левую лапу Тэра, которая обрушилась на него с силой, способной сломать шею карибу. Но Тэра привлек сюда не запах самого бурундука, а аромат припасов, которые тот хранил под камнем. И все это сокровище — с полпинты земляных орехов, заботливо сложенных в небольшой впадине, выстланной мхом,— досталось ему в целости и сохранности. Орехами их, собственно говоря, только называют. А походили они скорее на картофелины размером с вишню и были крахмалистыми, сладкими и очень питательными. И Тэр, урча, лакомился ими в полном упоении. Поиски его завершились пиршеством.

Гризли не слышал Ленгдона, подбиравшегося к нему по расщелине все ближе и ближе, и не чуял его — ветер, как на грех, дул в сторону человека. О ядовитом запахе, так обеспокоившем его час назад, Тэр уже забыл. Настроение у гризли было самым радужным. Ведь природа наделила его добродушным нравом. Потому-то Тэр и был таким толстым и гладким. Раздражительные медведи со злобным, вздорным характером всегда тощие. И настоящий охотник отличит такого с первого же взгляда — он все равно что взбесившийся слон, отбившийся от стада.

Тэр продолжал свои поиски пищи, подвигаясь все ближе к расщелине. Он был уже всего в каких-нибудь полутораста ярдах от нее, когда услышал шум, заставивший сразу насторожиться.

Взбираясь по отвесной стене ущелья, Ленгдон нечаянно столкнул камень. Тот сорвался и, падая, увлек за собой другие, которые с грохотом обрушились вниз. Притаившийся внизу оврага Брюс беззвучно выругался. Он увидел, как Тэр сел на задние лапы, и приготовился стрелять, если гризли пустится наутек.

Секунд тридцать Тэр сидел на задних лапах, а затем неторопливой рысцой решительно направился к ущелью. Тем временем Ленгдон, задыхаясь и проклиная в душе свое невезение, из последних сил старался одолеть десять футов, оставшихся до края ущелья. Он услышал крик Брюса, но не понял предупреждения. Он цеплялся за скалу, силясь как можно быстрей покрыть последние три-четыре фута, и был уже почти наверху, когда, замешкавшись на миг, поднял глаза. Сердце его забилось так, что, казалось, выскочит. Секунд десять он не в силах был шевельнуться. Взгляд его остановился...

Прямо над ним нависали невероятных размеров голова и огромное плечо чудовища. Тэр смотрел на Ленгдона сверху, разинув пасть и оскалив клыки. Глаза медведя горели зелеными и красными огнями. В этот миг гризли впервые воочию увидел человека. Всей своей огромной грудью вдохнул он горячий человеческий запах и вдруг кинулся от этого запаха прочь, как от чумы.

Ружье оказалось прижатым грудью Ленгдона к скале, и о стрельбе нечего было и думать. С бешеной энергией карабкался охотник вверх, преодолевая последние футы. Камни и щебень

скользили и сыпались вниз. Но только через минуту удалось ему подтянуться к краю обрыва и взобраться на него.

Тэр был уже на расстоянии доброй сотни футов. Вперевалку, катясь, как шар, мчался он к расщелине. Снизу, из оврага, резко ударило ружье Отто. Упав на правое колено и облокотившись на левое, Ленгдон открыл огонь с полутораста ярдов.

...Случается, порой час, а то и всего минута изменит вдруг судьбу человека. За десять секунд, промелькнувших после первого выстрела из лощины, изменился и Тэр. Он надышался человеческим запахом. Он увидел человека. А теперь почувствовал, что такое человек, на собственной шкуре. Точно одна из тех молний, которые так часто на его глазах раскалывали темные небеса, сверкнув, обрушилась на него, войдя в тело раскаленным ножом. И одновременно с болью ожога, пронизавшей все тело гризли, до него докатился непонятный грохот, отдавшийся эхом в горах. Тэр уже взбирался по склону горы, когда пуля ударила его, расплющившись о жесткую шкуру и пробив мякоть предплечья. Кости она, однако, не задела.

Он был в двухстах ярдах от ущелья, когда первая пуля угодила в него, и почти в трехстах, когда его настигла вторая. На этот раз пуля попала в бок.

Ни один выстрел пока еще не ранил эту громадину всерьез. Ее не уложили бы и двадцать таких выстрелов. Но второй остановил медведя. С яростным ревом зверь обернулся назад. Громовый голос раскатился на четверть мили по долине, точно рев бешеного быка.

Брюс услышал медведя одновременно со своим шестым, совершенно бессмысленным выстрелом с семисот ярдов. Ленгдон в эту минуту перезаряжал ружье. Секунд пятнадцать Тэр, подставляя грудь под пули, бросал своим ревом вызов. Он вызывал на бой врага, которого ему уже не было видно. Но вот по спине зверя огненным кнутом хлестнул седьмой выстрел Ленгдона, и, подстегнутый неодолимым ужасом перед молниями, сражаться с которыми было ему не под силу, Тэр кинулся дальше, через расщелину.

Он слышал и другие выстрелы, звучавшие, как гром, но не похожие на тот гром, что ему приходилось слышать в горах. Пули уже не доставали медведя. Преодолевая боль, он стал спускаться в лощину.

Гризли знал: он ранен, но никак не мог разобрать, что это за раны. Когда во время спуска он задержался ненадолго, на земле под его передней лапой быстро набежала небольшая лужица крови. Недоверчиво, с изумлением обнюхал он ее и зашагал на восток. Вскоре на него снова резко пахнуло человеком. Теперь запах доносил переменившийся ветер. И, хотя Тэру очень хотелось лечь и зализать раны, он припустился вперед еще быстрее. За это время зверь крепко усвоил: человеческий запах и боль неразлучны.

Спустившись в низину, гризли скрылся в густом лесу. Сотни раз Тэр поднимался и спускался по этому ручью. Здесь пролегал главный путь, ведущий из одной половины его владений в другую. Ин-

стинктивно зверь выбирал эту дорогу всякий раз, когда бывал ранен или нездоров, а также и тогда, когда наступало время залечь в берлогу. На то у него была особая причина.

Здесь, в этих почти непроходимых чащах у истоков ручья, он родился. И медвежонком пасся на здешней куманике и дикой смородине, на мыльнянке [1] и сумахе [2]. Здесь был его дом. Здесь ему никто не мешал. Это было единственное во всех его владениях место, вторгаться в которое не разрешалось ни одному медведю. Вообще же он относился к своим собратьям вполне терпимо, какими бы они ни были: черными ли, бурыми или гризли. Пусть себе греются на самых вольготных солнечных склонах в его угодьях, лишь бы проваливали при его приближении. Пусть ищут пропитание и спят на солнышке, пусть живут в мире и согласии, лишь бы только не посягали на его владычество. Тэр был настоящим медведем и не прогонял сородичей из своих угодий, разве что (тут уж ничего не поделаешь!) приходилось иногда напоминать, кто здесь является Великим Моголом [3]. Случалось время от времени и такое. Тогда разгоралась битва. И каждый раз после боя Тэр спускался в эту долину и шел к ручью подлечить свои раны.

Сегодня он брел знакомым путем медленней, чем обычно. Страшно болело предплечье. Минутами боль была так сильна, что лапы его подгибались, и он спотыкался. Несколько раз гризли заходил в ручей по плечи, давая холодной воде хорошенько промыть раны. И мало-помалу кровотечение прекратилось. Но боль стала еще нестерпимей.

Была и другая причина, почему Тэр избирал этот путь, когда бывал нездоров или получал какие-нибудь увечья. Путь вел к зеленой лужайке с жидкой грязью — его лечебнице.

Солнце садилось, когда медведь наконец добрался туда. Нижняя челюсть его отвисла. Голова все ниже склонялась к земле. Он потерял много крови и выбился из сил, а боль в плече мучила так сильно, что гризли хотелось только одного — вцепиться зубами в этот непонятный огонь и рвать, рвать его в клочья.

Грязевая ванна имела футов двадцать — тридцать в диаметре. Посредине отстоялось зеркальце чистой воды... Грязь была жидкой, прохладной, золотистого цвета, и Тэр погрузился в нее по плечи. Затем он осторожно привалился на раненый бок. Прикосновение прохладной глины к больному месту действовало, как целительный бальзам. Она залепила рану, и Тэр почувствовал облегчение.

Долго еще лежал он на этом мягком и прохладном ложе. Солнце зашло, сгустились сумерки, яркие звезды высыпали на небе, а Тэр все еще лежал, исцеляя первые раны, нанесенные ему человеком.

---

[1] Мыльнянка — многолетнее травянистое растение из семейства гвоздичных. Мыльнянка лекарственная обладает целебными свойствами.

[2] Сумах — кустарник, листья которого содержат дубильное вещество.

[3] Великий Могол — титул бывших монгольских властителей Индостана. Здесь в значении — властный, могущественный.

Глава IV

Планы охотников

На опушке леса, в котором ель перемежалась с пихтой, сидели Ленгдон и Отто, курили трубки. Костер уже догорал, и последние красные угольки тлели у их ног. В горах на этой высоте по ночам бывает холодно, и предусмотрительный Брюс поднялся и подбросил новую охапку сухих еловых веток. Затем снова поудобнее улегся, растянувшись во весь свой рост, положил голову на корни ближнего дерева и рассмеялся.

— Смейся, смейся, черт побери!— проворчал Ленгдон.— Говорят же тебе, я дважды попал в него, Брюс. Уж дважды-то как пить дать! А ведь я был в чертовски незавидном положении!

— Особенно когда он смотрел сверху и ухмылялся тебе в лицо,— возразил Брюс, не упускавший возможности посмеяться над неудачей товарища.— Джимми, ведь на таком расстоянии ты бы мог и камнем его пристукнуть.

— Но ружье-то было подо мной!— в который уж раз оправдывался Ленгдон.

— Что и говорить, самое подходящее место для ружья, когда идешь на гризли,— не унимался Брюс.

— Тебя бы на эту кручу! Цеплялся и руками и ногами... Еще немного, и пришлось бы пускать в ход зубы.— Ленгдон сел и, выколотив пепел из трубки, заново набил ее.— Брюс, а ведь это самый большой гризли в Скалистых горах!

— И его шкура уже могла бы стать украшением для твоего рабочего кабинета, Джимми, если бы ружье не оказалось под тобой.

— Она и будет его украшать. Я не отступлюсь,— торжественно объявил Ленгдон.— Решено. Разбиваем здесь лагерь. Я доберусь до него, пусть придется потратить хоть целое лето. Я не променяю его и на десяток других. Девять футов, а то и больше! Голова в бушель. А шерсть на плечах дюйма на четыре. И мне, пожалуй, даже не жаль, что я не убил его. Ему всыпали, и впредь он будет держать ухо востро. Теперь охота становится по-настоящему интересной.

— Безусловно,— подтвердил Брюс.— Особенно если снова повстречаться с ним в ближайшие семь дней, пока раны у него еще побаливают. Только смотри, Джимми, лучше уж не прячь тогда свое ружье под себя... Не стоит...

— А как ты смотришь на то, чтобы стать здесь лагерем?

— По мне, так лучше и не придумаешь: дичи сколько угодно, хорошее пастбище, чистая вода.

Помолчав, добавил Брюс:

— Рана у него не легкая. Когда он был на вершине, кровь из него так и хлестала.

При свете костра Ленгдон взялся за чистку ружья.

— А как, по-твоему, он не удерет?.. Не может случиться, что он уйдет отсюда совсем?

Брюс даже крякнул от негодования:

— Удерет?.. Чтоб он да сбежал? Он, может, и удрал бы, будь он черным медведем. Но он — гризли. Хозяин в этих местах. Может статься, он некоторое время и будет избегать этой долины, но бьюсь об заклад, уходить отсюда и не подумает. Чем сильнее донимаешь гризли, тем больше он лезет на рожон. Ты гоняешь его, не давая ему передышки, а он лезет на рожон все отчаянней. Пока не сдохнет. И если тебе так приспичило, то мы его, конечно, заполучим.

— Да, приспичило,— повторил Ленгдон с ударением.— Его размеры побивают все рекорды, или я ничего не смыслю. И он нужен мне, Брюс. До зарезу... Как ты думаешь, удастся нам выследить его утром?

Брюс покачал головой.

— Дело не в том, чтобы выследить,— заметил он,— а в самой охоте. После того как на него нападут, гризли все время переходит с места на место. Из этой округи он не уйдет, а вот на открытых склонах больше уже не покажется. Метусин должен быть здесь с собаками дня через три-четыре. Вот когда мы пустим в дело свору эрделей [1], тогда пойдет потеха.

Ленгдон взглянул на огонь через отполированный канал прочищенного ствола и сказал с явным сомнением:

— Не верится мне, чтобы он нагнал нас и через неделю. Уж очень гиблыми местами мы шли...

— Ну, этот старый индеец не сбился бы с нашего следа даже на голых скалах,— убежденно заявил Брюс.— Он будет здесь дня через три, не больше, разве что собаки по глупости будут слишком уж лезть в драку с дикобразами и перекалечатся. А когда они прибудут...— Брюс встал и потянулся всем телом,— вот тогда-то и пойдет потеха,— закончил он.— По-моему, медведей в этих горах такая пропасть, что не пройдет и десяти дней, как все наши собаки будут перебиты... Хочешь пари?

Ленгдон щелкнул замком, ставя ствол ружья в боевое положение.

— Я доберусь до этого медведя,— сказал он, пропуская предложение Брюса мимо ушей,— и, думаю, мы сделаем это завтра же. Ты, Брюс, конечно, собаку съел по части охоты на медведя, но мне все-таки кажется, что рана у него слишком тяжелая, чтобы он забрел очень уж далеко.

Около костра у них были устроены постели из мягких веток пихты, и, последовав его примеру, Ленгдон расстелил одеяла.

День выдался трудный, и усталость взяла свое. Не прошло и пяти минут, как Ленгдон уснул.

---

[1] Эрдели — порода охотничьих собак.

Он все еще спал, когда на рассвете Брюс выбрался из-под одеяла. Тихо, чтобы не разбудить товарища, натянул сапоги и четверть мили прошагал по густой росе за лошадьми. Через полчаса он вернулся, ведя Дишпен и верховых лошадей. Ленгдон уже был на ногах и разводил огонь. Ленгдон часто думал, что именно такие вот утра, как это, и помогли ему в свое время разочаровать врачей. Ровно восемь лет назад он впервые попал на север. У него была впалая грудь и больные легкие. «Ну что ж, поезжайте, молодой человек, раз уж вы так настаиваете,— сказал один из врачей,— но вы отправляетесь туда на собственные похороны». Теперь же его грудная клетка стала шире на целых пять дюймов, а мускулы — железными.

Из-за гор просочились первые розовые лучи восходящего солнца. Ленгдон всей грудью вдыхал воздух, напоенный ароматом цветов, росы, растений, и вливающее новые силы благоухание пихты. Он не мог, подобно Брюсу, сдерживать радость, доставляемую ему жизнью на лоне природы. Ему хотелось кричать, петь, свистеть. Но сегодня он держал себя в руках, хотя его и трясла охотничья лихорадка. То же самое, правда не так бурно, переживал и Отто.

Пока Брюс седлал лошадей, Ленгдон замесил пресные лепешки. Он освоил до тонкостей всю премудрость пекарного искусства охотника. И его метод заключал в себе двойное преимущество: избавлял от хлопот и экономил время. Он развязал один из тяжелых брезентовых мешков с мукой, примял верхний слой кулаками и сделал углубление в муке; влил пинту воды, полчашки жира карибу, добавил вместо дрожжей столовую ложку пекарного порошка, щепотку соли и принялся месить тесто прямо тут же, в мешке. Не прошло и пяти минут, как пресные хлебцы лежали на большом цинковом противне, а еще через полчаса завтрак был готов: поджарилась баранина, сварился картофель, а пресный хлеб так пропекся, что стал золотисто-коричневым.

Когда охотники тронулись из лагеря, на востоке уже показалось солнце. Они проехали долину и, спешившись, стали подниматься по склону горы. Лошади послушно шли за ними.

Выйти на след Тэра было делом нетрудным: большие пятна крови оставались на земле в тех местах, где гризли задерживался, вызывая ревом врагов на честный бой. До вершины горы они шли по оставленному медведем кровавому следу. Трижды за время спуска в долину обнаруживали охотники места, где останавливался Тэр. И на каждом из них видели следы крови, впитавшейся в землю или запекшейся на скале. Миновали лес и вышли к ручью. И здесь, на длинной и узкой песчаной косе, следы лап Тэра заставили их замереть на месте.

Брюс не мог отвести от них глаз. Из груди Ленгдона вырвался возглас изумления. Ни тот, ни другой не произнесли ни слова. Ленгдон вытащил из кармана рулетку и опустился на колени рядом со следами.

— Пятнадцать дюймов... с четвертью!— с трудом выговорил он, задыхаясь от волнения.

— Измерь еще раз,— сказал Брюс.

— Пятнадцать... с половиной!

Брюс посмотрел на узкую теснину.

— У самого большого, какого я видел на своем веку, было четырнадцать с половиной,— произнес он, и что-то вроде благоговейного ужаса прозвучало в его голосе.— Его пристрелили на Атабаске, и он считался крупнейшим гризли, которого случалось убивать в Британской Колумбии... но этот, Джимми... этот еще больше!

Они отправились еще дальше и еще раз измерили расстояние между следами у края первого водоема, в котором Тэр промывал свои раны. Размеры почти полностью совпадали. Теперь пятна крови попадались им лишь изредка. К десяти часам они наконец добрались до лужайки и отыскали место, где Тэр принимал грязевую ванну.

— Туго же ему пришлось,— негромко заметил Брюс.— Почти всю ночь провалялся здесь.

Движимые одной и той же догадкой, оба посмотрели вперед. В полумиле от них горы образовали узкое ущелье. Туда не проникало солнце, мрак притаился в нем.

— Туго же ему пришлось,— повторил Брюс, не отрывая глаз от ущелья.— Пожалуй, привяжем-ка лошадей. Лучше уж идти дальше без них. Кто знает — может, он и здесь...

Они привязали лошадей в молодой поросли кедра и сняли с Дишпен поклажу. Затем, взяв ружья на изготовку, настороженно вглядываясь и прислушиваясь, вступили в безмолвие и мрак ущелья.

Глава V

Мусква

До этого длинного тесного ущелья Тэр добрался еще на рассвете. После грязевой ванны все тело ломило, но рану жгло уже меньше, и саднила она слабее, чем вчера. Мучила уже теперь не столько боль в плече, сколько общее недомогание. Медведь был болен, и будь он человеком, то лежал бы сейчас в постели с градусником, и врач склонялся бы над ним, подсчитывая пульс.

Медленно, еле волоча ноги, тащился Тэр по ущелью. Обычно такой неутомимый в поисках съестного, сейчас он и думать не мог о еде. Есть не хотелось. То и дело гризли лакал горячим языком холодную воду из ручья. Но еще чаще оборачивался назад и при-

нюхивался. Он знал, что человеческий запах, загадочный гром и необыкновенная молния притаились где-то у него за спиной. Всю ночь он глаз не сомкнул. Настороженность не покидала его и сейчас.

У Тэра не было рецептов для каждой отдельной болезни, и премудрость ботанической науки была ему недоступна. Но, создавая его, природа предначертала гризли быть самому себе лекарем. И, как кошка ищет мяту, так же точно и Тэр, когда ему нездоровилось, искал свои лекарственные травы.

Горький вкус имеет не только хина. Все лекарства Тэра были тоже горькими. Пробираясь по ущелью, гризли, не поднимая низко опущенной головы, внимательно обнюхивал молодую поросль и частый кустарник, то и дело попадавшиеся на пути. Так он набрел на небольшой зеленый участок, заросший кинникиником — красной толокнянкой, этим низко сплетающимся по земле растением не выше двух дюймов, с красными ягодами с горошину величиной. Сейчас они были еще зеленые. Горькие, как желчь, эти ягоды содержали вяжущее подкрепляющее вещество. И Тэр поел их. Потом он отыскал ягоды мыльнянки, растущие на кустах, напоминающих смородиновые; на них ягоды уже начинали краснеть и были значительно больше смородиновых. Индейцы едят мыльнянку при лихорадке. Прежде чем продолжать свой путь, Тэр обобрал их немного. Они тоже были горькие. Наконец, принюхиваясь к каждому дереву, он нашел то, что ему было нужно: сахарную сосну, из ствола которой местами сочилась свежая смола. Редкий медведь не задержится у сахарной сосны, когда на ней выступает смола. Это и было основное лекарство Тэра, и он принялся ее слизывать. Поглощая смолу, гризли поглощал вместе с ней и все известные медицине лекарства, которые приготовляют из этого вещества. К тому времени, когда Тэр подошел к концу ущелья, его брюхо было набито разными снадобьями, словно аптекарский склад. В число лекарств входила также хвоя ели и пихты. Больная собака ест траву, больной медведь — хвою пихты, если только ему удается разжиться ею. Медведь набивает ею весь желудок и кишечник также и за час до того, как завалится в берлогу.

Солнце еще не взошло, когда Тэр добрался до конца ущелья, задержавшись ненадолго у входа в низкую пещеру в отвесной стене горы. С тех пор как он помнил себя, только эту пещеру считал он своим родным домом. Пещера была небольшая, но очень глубокая. Весь пол ее был устлан мягким белым песком. Когда-то, давным давно, весенний поток просочился через трещину и выточил в горе эту пещеру, в глубине которой так сладко спится, даже когда снаружи температура опускается до пятидесяти градусов ниже нуля.

Десять лет назад мать Тэра забралась сюда и проспала в пещере всю зиму. А когда вышла весной, то за ней неуклюже ковыляло трое маленьких медвежат. Одним из них был Тэр. Он был еще полуслепым, и тельце его было почти голым — ведь медвежонок начинает видеть только через пять недель после появления на свет и

в это же время начинает обрастать шерстью. С тех пор Тэр уже восемь раз отсыпался в родной пещере.

Захотелось войти и отлежаться в глубине, пока не станет лучше. Минуты две-три гризли постоял в нерешительности у входа в свою пещеру, с наслаждением втягивая знакомый запах, затем принюхался к ветру, потянувшему снизу из ущелья. Что-то подсказывало, что лучше не задерживаться.

С западной стороны ущелья начинался крутой подъем на вершину скалы, и Тэр стал взбираться по нему. Солнце уже успело взойти довольно высоко, когда гризли добрался до вершины. Он задержался там, чтобы перевести дух и оглядеть сверху свои владения по ту сторону горного хребта.

Перед ним открылась долина, еще более сказочная, чем та, в которую недавно пришли Брюс и Ленгдон. С того места, где стоял Тэр, вся она казалась каким-то волшебным садом. В ширину она достигала добрых двух миль. Ее обступали зеленые горы. До их середины, до той границы, выше которой деревья уже не растут, были разбросаны причудливыми, живописными группами на фоне ярко-зеленых трав ель и пихта. Одни — не больше декоративных кущ, искусственно высаженных в городском саду. Другие тянулись на целые акры и даже десятки акров. А у подножия склонов — непрерывная кайма леса. И в этих естественных границах простиралась холмистая, пересеченная равнина, вся пестрящая розовыми зарослями иван-чая и горного шалфея, зарослями шиповника и боярышника. По ее лощине бежал ручей.

Спустившись ярдов на четыреста, Тэр повернул на север. Теперь он двигался по зеленому склону, перекочевывая от одного перелеска к другому, проходя в полутора-двух сотнях ярдов над опушкой леса. Обычно в таких местах он охотился за мелкой дичью.

Толстые сурки уже вылезли погреться на солнышке. И их протяжный, ласкающий слух посвист уже слышался сквозь журчание горных потоков и наполнял воздух музыкой. Где-то рядом, рукой подать, то и дело раздавался резкий предостерегающий свист, и сурки распластывались на земле, ожидая, пока огромный медведь не пройдет своей дорогой. Посвистывание разом умолкало, и некоторое время слышалось одно только безмятежное бормотание дремлющей долины.

Но Тэру и в голову не приходила мысль об охоте. Дважды повстречался дикобраз — любимейшее лакомство, а гризли прошел мимо, даже не взглянув. Из чащи пахнуло теплым, свежим запахом карибу, а он и шагу не сделал к зарослям. Проходя мимо темной и узкой расщелины, Тэр услышал запах барсука.

Два часа, не останавливаясь, он все шел на север по горным склонам, а потом спустился к ручью.

Залепившая рану грязь начинала твердеть; отыскав заводь, медведь зашел в воду по плечи и постоял так несколько минут. Вода промыла раны. Еще два часа брел он по ручью, то и дело припадая к воде. И вот наступил, как говорят индейцы, с а п у с у у и н —

прошло шесть часов после грязевой ванны. Ягоды кинникиника и мыльнянки, смола сахарной сосны, хвоя пихты и ели, вода — все вместе наконец-то оказало свое действие. Тэр почувствовал облегчение. Стало настолько лучше, что впервые за все это время гризли обернулся в сторону, где остались враги, и зарычал.

Плечо все еще саднило, но недомогание как рукой сняло. Несколько минут простоял гризли, не двигаясь, раз за разом оглашая округу рычанием, раскаты которого приобрели теперь новый смысл.

До сих пор зверь ни разу не испытывал настоящей ненависти... Он бился с медведями, но его ярость в бою не была ненавистью. Она начиналась у гризли мгновенно и так же быстро проходила, не оставляя после себя теперешней непрерывно нараставшей злобы. Он просто зализывал раны, нанесенные вражескими когтями, и испытывал полное блаженство, стоило только унять боль. Новое же чувство было совершенно иным.

Ненависть к вчерашним врагам сейчас была так велика, что он не мог забыть о ней ни на минуту. Он ненавидел и запах человека и само странное существо с белым лицом, карабкающееся по расщелине. Его ненависть простиралась на все, что было связано с тем и другим.

Это чувство пробудил в нем инстинкт, а только что пережитое не давало ему задремать. Хотя до этого он ни разу в глаза не видел ни одного человека, гризли сразу же понял, что перед ним — самый заклятый враг, и притом страшнее всех зверей в горах.

Он схватится с любым медведем. Не уступит самой бешеной из волчьих стай. Но от человека нужно бежать! Прятаться! Быть все время настороже и в горах и в долинах! Нужно постоянно присматриваться, прислушиваться, принюхиваться!

Почему Тэр сразу же, как только это существо ничтожных размеров ворвалось в его жизнь, почувствовал и понял, что перед ним враг, старшнее которого быть не может, остается загадкой природы...

В Тэре заговорил инстинкт, который выработался у медведей с незапамятных времен. Человек с дубиной, а позднее — человек с копьем, закаленным на огне, человек со стрелами с кремневыми наконечниками, человек с капканом и западней и, наконец, человек с ружьем — на протяжении веков человек был единственным властелином и повелителем гризли. Сама природа внушила это Тэру через сотню, тысячу, десяток тысяч поколений предков. И теперь впервые в его жизни этот дремавший в нем инстинкт проснулся, предостерегая и настораживая, и гризли все понял. Он возненавидел человека. Отныне и впредь он будет ненавидеть все, что имеет запах человека. Но вместе с этой ненавистью родилось то, что он не знал раньше: страх. И если бы человек не донимал Тэра и весь его род, то мир так никогда бы и не узнал гризли под его теперешним родовым именем: Страшный медведь.

А он все шел вдоль ручья своей неуклюжей, но твердой походкой. Голова его была низко опущена. Задними лапами он пере-

ступал вперевалку, как все медведи, только у гризли это получается особенно смешно. Клик-клик-клик!— стучали его длинные когти по камням и резко скрежетали по гравию. На мягком песке он оставлял огромные следы.

Та часть долины, в которую он сейчас вступил, имела для него особое значение, и здесь он замешкался, то и дело останавливаясь и поводя носом из стороны в сторону.

Тэр не приносил обета единобрачия, но вот уже много брачных сезонов подряд являлся сюда в поисках своей Исквау. Он всегда мог рассчитывать, что найдет ее здесь в июле. Это была великолепная медведица, приходившая с запада, крупная и сильная, с золотисто-коричневой шкурой. Красивей медвежат, чем у них с Тэром, не было в этих горах.

Исквау расставалась с Тэром еще задолго до их появления на свет, и они рождались, прозревали, жили и дрались в долинах и на горных склонах где-то далеко на западе. Проходили годы. И если Тэру случалось потом преследовать кого-нибудь из них, выгоняя из своих охотничьих угодий, или разукрасить как следует в схватке, то природа милостиво оставляла его в неведении на этот счет.

Он был таким же, как и большинство раздражительных старых холостяков,— недолюбливал малышей. Он был снисходителен к медвежатам лишь настолько, насколько способен какой-нибудь закоренелый женоненавистник быть снисходительным к розовому младенцу. Но жестоким он не был и за всю свою жизнь не убил ни одного медвежонка. Трепал он их немилосердно, когда они набирались нахальства и приближались к нему совсем близко. Но колачивал их при этом только мягкой подушечкой лапы и не сильно— так, чтобы медвежонок только отлетел, перекувыркиваясь, как пушистый маленький мячик. Этим и ограничивалось выражение неудовольствия Тэра, когда какая-нибудь случайно забредшая медведица-мать вторгалась со своими чадами в его владения. Во всех же остальных отношениях он вел себя безупречно, как истый джентльмен. За ним никогда не водилось такого, чтобы он стал прогонять медведицу с медвежатами, как бы она ни была ему неприятна. Даже если заставал их поедающими убитую им добычу, и то ограничивался только тем, что давал медвежатам шлепка.

Отступить от этого правила ему пришлось лишь однажды. Год назад он с позором изгнал отсюда одну форменную Ксантиппу[1]. Эта медведица упорно старалась внушить ему, что никакой он не хозяин здесь. Гризли для поддержания своего мужского достоинства пришлось задать ей основательную взбучку. Она удирала из его царства со всех ног, и трое злых медвежат неслись за ней, подпрыгивая, как черные игрушечные шары, надутые воздухом.

Рассказать об этом следовало, так как иначе читателю будет непонятно то внезапное раздражение, которое охватило Тэра, когда он, огибая кучу валунов, почувствовал этот теплый и, главное,

[1] Ксантиппа — жена греческого философа Сократа, имя которой стало нарицательным для обозначения злой, сварливой женщины.

так хорошо знакомый ему запах. Остановившись, он повернул голову и негромко проворчал какое-то свое медвежье ругательство.

В шести футах от него находился медвежонок, один-одинешенек. Раболепно распростершись на белом песке, извиваясь и дрожа, он не знал, друг перед ним или враг. Ему было не больше трех месяцев. Он был еще слишком мал, чтобы странствовать одному, без матери. Острая рыжая мордочка и белое пятно на грудке свидетельствовали о его принадлежности к семейству черных медведей, а не гризли. Всем своим видом он старался дать понять: «Я потерялся... Не знаю, то ли заблудился, то ли меня украли... Я голоден, и мне в пятку попала игла дикобраза». Но Тэр, не обращая на это никакого внимания, снова сердито заворчал и принялся осматривать скалы, отыскивая мать.

Ее нигде не было видно. Не слышно было и ее запаха. Поэтому гризли снова повернул свою огромную голову к медвежонку.

Мусква — так назвали бы его индейцы — подполз на своем животике на фут или два поближе и ответил Тэру, дружелюбно изогнувшись в знак приветствия. Потом прополз еще полфута. Раздалось ворчание. «Ни шагу дальше,— говорило оно достаточно ясно,— а то полетишь у меня вверх тормашками!» И Мусква понял и замер на месте, прижавшись к земле.

Тэр еще раз огляделся кругом. Когда же глаза его снова обратились к Мускве, то между ними оставалось уже меньше трех футов. Мусква смущенно ерзал по песку и жалобно хныкал. Тэр замахнулся правой лапой. «Еще один дюйм, и ты у меня получишь!»— проворчал он. Мусква весь изогнулся и задрожал. Облизнул губы красным язычком, сделав это отчасти с перепугу, а отчасти взывая к милосердию Тэра, и, несмотря на занесенную над ним лапу, подполз к гризли еще дюйма на три. Тэр еще раз проворчал что-то себе под нос, но уже потише. Тяжелая лапа опустилась на песок.

В третий раз он огляделся, потянул носом и снова заворчал. Каждый старый, закоренелый холостяк, безусловно, понял бы, что он хочет сказать. «Да куда же, в самом деле, запропастилась мать этого малыша?»— говорило его ворчание.

Но вот что случилось дальше.

Мусква подполз к раненой ноге Тэра, приподнялся, почувствовал запах незажившей раны и осторожно лизнул ее; язычок был, как бархатный. И, пока медвежонок зализывал его рану, Тэр стоял, не шевелясь и не издавая ни звука. А потом опустил свою огромную голову и обнюхал этот мягкий дружелюбный комочек. Мусква жалобно захныкал, как это делают все оставшиеся без матери дети. Тэр снова заворчал, но уже не сердито. Теперь это уже не было угрозой. Своим огромным горячим языком гризли лизнул медвежонка в мордочку.

«Ну ладно, пошли»,— сказал он, снова пускаясь на север. И за ним по пятам следовал оставшийся без матери маленький медвежонок с рыжей мордочкой.

Глава VI

Тэр убивает карибу

Ручей, вдоль которого шел Тэр, был притоком Бэбин и брал свое начало неподалеку от Скины. Идя к его истокам, гризли забирался все выше. Местность становилась суровой и дикой. Когда ему на пути попался черный медвежонок Мусква, Тэр успел уйти уже миль на семь-восемь от верхней гряды Великого Водораздела.

Склоны гор отсюда выглядели уже иначе. Они были сплошь изрезаны узкими темными расщелинами. Во всех направлениях громоздились огромные массивы скал, зубчатые утесы, крутые сланцевые оползни. Ручей стал бурливым, и идти по нему было все труднее.

Тэр вступал в одну из своих горных цитаделей. Стоит захотеть, и сотни потаенных убежищ открыты для него в этих диких скалах. Здесь он в любое время убьет для себя крупного зверя, и человеческому запаху никогда не добраться сюда.

Оставив позади скалы, в которых он нежданно-негаданно обрел Мускву, Тэр уже полчаса продолжал все так же неуклюже взбираться вверх, казалось, совершенно забыв об увязавшемся за ним медвежонке. Однако он слышал, как тот идет сзади, и чувствовал его запах. А Мускве в это время приходилось туго. Пухлое тельце и толстые лапы еще не привыкли к такого рода путешествиям. Но это был отважный малыш, и только дважды за эти полчаса принимался он скулить: один раз, когда чуть не полетел со скалы в ручей, другой — когда слишком сильно наступил на лапу, в которой сидела игла дикобраза.

Наконец Тэр оставил ручей, свернул в одно из глубоких ущелий и шел по нему, пока не выбрался на небольшое плато посредине широкого горного склона. Отыскал здесь скалу на солнечной стороне заросшего травой холма, остановился. Может быть, детская дружба маленького Мусквы, ласка мягкого красного язычка, пришедшаяся так кстати, а может, и стойкость медвежонка в пути затронули наконец чувствительную струнку в сердце огромного зверя, и он сжалился над малышом. Во всяком случае, старательно исследовав воздух, Тэр растянулся на земле у скалы. И, пока он первым не сделал этого, маленький медвежонок с рыжей мордочкой и не подумал ложиться. Зато стоило только Мускве лечь, он почувствовал такую смертельную усталость, что уже через три минуты спал как убитый.

Еще дважды среди дня принятые лекарства оказали на Тэра свое действие, и вот ему захотелось есть. Этот голод нельзя было утолить муравьями да гусеницами. Даже гоферы и сурки и то не годились. К тому же он, вероятно, догадывался, что и маленький

Муския совсем умирает от голода. Медвежонок уже не раз открывал глаза и все еще лежал, нежась на солнышке, когда Тэр окончательно решил, что ему делать дальше.

Было три часа дня. А в июне и в июле в долинах северных гор в это время особенно тихо и сонно. Сурки уже успели насвистеться в полное удовольствие и распростерлись на освещенных солнцем скалах. Орлы над вершинами гор превратились в точки. Ястребы, уже набив зоб мясом, попрятались в лесу. Горные козлы и бараны залегли где-то высоко в горах, чуть ли не под самым небом. И вряд ли сейчас поблизости было хоть одно животное, которое бы еще не наелось до отвала и не спряталось. Горным охотникам хорошо известно, что в этот час отдыха разыскать медведя, а особенно плотоядного, очень трудно. Пришлось бы, не жалея сил, обрыскать вдоль и поперек все горные склоны и прогалины между лесными чащами.

Для Тэра этот час был самым благоприятным. Инстинкт подсказывал, что, пока все звери сыты и спят, передвигаться им можно с меньшими предосторожностями, чем обычно. Сейчас было проще выследить добычу и подстеречь ее.

От случая к случаю ему и раньше доводилось убить козу или барана, а то и карибу среди бела дня, потому что в беге на близкие расстояния он не только обгонял горную козу или барана, но не уступал и карибу. И все-таки охотился он обычно на закате или в сумерках.

С громким «ууф», которое мгновенно разбудило Мускву, гризли поднялся на ноги. Медвежонок вскочил, моргая глазами, посмотрел на Тэра, на солнце и отряхнулся. Тэр покосился на этот черно-рыжий клубок без особого удовольствия. После наступившего облегчения душа его жаждала сочного, кровяного мяса, так же, как здоровому голодному мужчине подавай хороший кусок филе, а не какие-нибудь там разносолы или салат с майонезом. Но как тут загонишь карибу, когда под ногами путается чуть ли не умирающий от голода, но такой непоседливый медвежонок? Тэр призадумался. Мусква, казалось, сам понял все и тут же разрешил сомнения. Он забежал на дюжину ярдов перед Тэром, остановился и задорно оглянулся на него. Маленькие уши уставились вперед. У медвежонка был вид мальчишки, который старается убедить отца в том, что он уже подрос для того, чтобы его наконец-то взяли охотиться на зайца. Издав еще раз свое «ууф», Тэр одним прыжком догнал Мускву и поддал ему лапой так, что тот кувырком отлетел от него на дюжину футов назад. Это было своего рода нравоучение, смысл которого был ясен без слов: «Знай свое место, если хочешь охотиться со мной!»

И вот, внимательно прислушиваясь, оглядываясь, принюхиваясь, Тэр вышел на охоту. Он спустился к ручью, не доходя примерно сотни ярдов до него. Теперь он не выбирал троп поудобней, а держался каменных нагромождений и завалов. Гризли медленно пробирался, петляя зигзагами, крался, скрываясь за огромными

грудами камней, принюхиваясь к каждой расщелиие и тщательно исследуя кущи деревьев и бурелом иа своем пути.

То он забирался вверх, туда, где, кроме голого сланца, иичего ие растет. То спускался и брел по песку и гальке вдоль ручья. Ветер доиосил разиые запахи, но ни один из иих пока еще ие привлек гризли. Он услышал запах козы, когда взобрался иаверх и шел по гориому сланцу. Но так высоко гризли не охотился за крупиой дичью. Дважды доносился запах бараиа. И только поздиее, уже к концу дия, грнзлн увидел над собой и самого гориого барана, который смотрел иа иего с отвесиой кручи, стоя футах в ста иад иим. А иа земле то н дело попадались следы дикобразов, и время от времени Тэр застывал иа месте иад следом карибу, подняв голову и принюхиваясь.

Здесь, в этой долнне, бродили и другие медведи. Большая нх часть проходила у ручья, и по всему было заметно, что это либо черные медведи, либо бурые. Тэр напал и на запах гризли, и его ворчанне прн этом не предвещало тому инчего хорошего.

Ни разу за эти два часа после ухода с иагретой солнцем скалы гризли не поинтересовался, как чувствует себя Мусква. А того голод доимал все снльиее, и медвежонок слабел с каждым шагом.

Свет еще ие видел такого стойкого малыша, как этот медвежонок с рыжей мордочкой. Он то и дело спотыкался и падал иа иеровных местах. На подъемах, которые Тэр брал одним махом, ему нужны былн отчаянные уснлия, чтобы не отстать от гризли. Трижды Тэр переходнл ручей вброд, и каждый раз Мусква, идя следом, иаполовнну погружался в воду. Весь избнтый, изодранный, мокрый, он, несмотря на раненую ногу, не отставал, шел за Тэром по пятам или догонял его бегом. Солнце уже садилось, когда гризли наконец заметил добычу. А Мусква к тому времеии был еле жив.

Он ие знал, почему Тэр нн с того ни с сего прижался вдруг всей своей огромной тушей к скале, с которой удобно было заглянуть вннз, в небольшую лощнну. Он хотел было захныкать, да побоялся. И ни разу еще за всю его недолгую жизнь мать не нужна была так, как в эту минуту.

Медвежонок понять не мог, почему она бросила его посредн скал н так и ие вернулась за ннм(об этой трагедии Брюс н Ленгдои узналн иесколько поздиее). Никак не мог он понять и того, почему же она ие приходнт к нему сейчас. Ведь уже наступнл час сго кормежки перед сном. Он же был мартовскнм медвежонком, и, согласно правилам, которых свято придерживалось большннство медведиц, его еще целый месяц следовало кормить молоком. Таких, как он, еще нежных медвежат индеец Митуспн называл м ю н у к а у.

Так как Мусква был медведем, то и само его появленне на свет было не совсем таким, как у других зверей. Его мать, как и все медведицы в холодных странах, произвела его на свет в берлоге еще задолго до окончання своей знмней спячки. Оиа роднла его, не просыпаясь. Месяц, а то и целых полтора, пока он был еще голым и слепым, медведица кормила его своим молоком. Сама же все это

время жила без пищи и воды, так ни разу и не открыв глаз, и, только когда этот срок истек, выбралась с ним из берлоги на поиски чего-нибудь съестного, чтобы, проглотив кусочек пищи, поддержать свои силы.

Не прошло с тех пор и полутора месяцев, как Мусква весил уже добрых двадцать фунтов. Это, разумеется, было раньше, а не сейчас, когда он был страшно голоден и истощен.

В трехстах ярдах ниже теснились друг к другу пихты, сгрудившись у самого края маленького родникового озера, вода из которого переливалась через дальний от Тэра край впадины. В этих пихтах скрывались карибу — один, а то и два или три. Для Тэра это было так же несомненно, как если бы он видел их своими глазами.

Уинирау — запах лежащего копытного животного — был для Тэра так же не похож на мечису — запах, когда оно пасется,— как день на ночь. Один — почти неуловимо стелющийся в воздухе,—так легко и мимолетно пахнет от надушенных волос или платья прошедшей женщины. Другой — тяжело ползущий над самой землей, густой и горячий, как запах разбитого пузырька с духами. Даже Мусква и тот уловил этот запах, как только вполз сюда за Тэром и улегся рядом.

Целых десять минут Тэр стоял не шелохнувшись. Глаза его впились в лощину, в берег озера и подступы к чаще. Он точно определил направление ветра. Гризли не шевелился; отсюда легко было спугнуть дичь. Дело в том, что горы и резкая впадина создавали здесь постоянную тягу воздуха в лощину. И, случись Тэру выбраться ярдов на пятьдесят выше того места, где он сейчас притаился, чуткие карибу оказались бы от него как раз с наветренной стороны.

Навострив уши, с новым, понимающим блеском в глазах Мусква учился, как надо подкрадываться к дичи. Прижавшись к земле, Тэр почти полз на брюхе, медленно и бесшумно пробираясь к ручью. Шерсть на плечах стала у него дыбом, как у готовой к прыжку собаки. Мусква следовал за ним по пятам.

Целых сто ярдов продолжалось это продвижение в обход. И трижды за это время Тэр замирал, ловя запах со стороны деревьев. Наконец он добился своего. Ветер теперь тянул прямо на него и обещал многое. Крадучись, вперевалку двинулся он на добычу. Каждый мускул его огромного тела был напряжен до предела. Не прошло и двух минут, как он очутился уже на опушке пихтовой чащицы и замер. Захрустел валежник. Это карибу поднялись на ноги. Но не потому, что они были спугнуты. Просто они отправились на водопой и на пастбища.

Теперь Тэр двигался в том же направлении, что и они. Так он добрался, скрытый листвой, до опушки леса, не упуская из виду озера и луговины. Первым появился огромный самец карибу. Рога у него уже наполовину отросли и были покрыты бархатистым пушком. Откормленный, гладкий двухлеток, блестя в лучах заходящего солнца коричневой бархатной шкурой, шел за ним следом.

Первый олень замер, минуты две недоверчиво вслушиваясь, всматриваясь, принюхиваясь, не появятся ли где какие-нибудь признаки опасности. Молодой же, еще не такой подозрительный, как первый, щипал траву, стоя позади него. Затем величаво шевельнув рогами и опустив голову, старый олень не спеша направился к озеру на вечерний водопой. Двухлеток пошел следом... а Тэр тем временем бесшумно выбрался из засады.

Мгновение — и, весь подобравшись, он кинулся вперед. До карибу было пятьдесят футов. И, когда животные услышали его, он, катясь, как огромный шар, уже пролетел половину этого расстояния.

С быстротой стрелы, пущеной из лука, прянули они от него. Но поздно. Чтобы обогнать Тэра, нужна была скорость несущегося во весь опор скакуна. Тэр к тому же успел выиграть время. Как ветер пронесся он, заходя вбок двухлетку, чуть подался в сторону, легко, казалось, без малейшего усилия, прыгнул — и короткое состязание в беге было кончено. Огромная правая лапа Тэра обрушилась на плечо двухлетка, и в тот миг, как они оба покатились по земле, левая лапа гризли вцепилась в морду карибу и сжала ее, словно гигантская рука. Падая, Тэр оказался под карибу — таков был его всегдашний расчет при падении. Он не стал душить жертву в своих смертельных объятиях. Гризли подобрал под себя заднюю лапу, ударил ею, и все ее пять ножей врезались карибу в брюхо. После этого Тэр поднялся на ноги, огляделся и, отряхнувшись, издал громовой рев, то ли выражая им свое торжество, то ли приглашая Мускву на пир.

Второго приглашения маленький медвежонок с рыжей мордочкой дожидаться не стал. Так, впервые в жизни изведал он запах и вкус теплой крови и мяса. И случилось это в самое подходящее время в его жизни. Точно так же много лет назад пришлось их попробовать впервые и Тэру.

Отнюдь не все гризли убивают крупного зверя. Точнее, этим занимаются лишь очень немногие из них. Подавляющее же их большинство, в общем, вегетарианцы, весьма умеренно употребляющие в пищу мелкую дичь: гоферов, сурков, дикобразов. Случай время от времени превращает того или иного гризли в охотника на карибу, коз, горного барана и даже на лося.

Так некогда случилось и с Тэром. Теперь и Мускве предстояло стать таким же, как Тэр, хотя он и был всего лишь черным медведем и не принадлежал к семейству Страшных медведей.

Пиршество их длилось целый час. Они не набрасывались на пищу, как это делают, например, голодные собаки, а ели не спеша. Пристроившись между огромными передними лапами Тэра, Муксва слизывал кровь и урчал, как котенок, разжевывая мелкими зубками нежную мякоть карибу. Тэр же, хотя в животе у него было пусто, как в комнате, из которой вывезли всю мебель, по своему обыкновению, прежде всего принялся за самое лакомое. Он извлекал тонкие жировые прослойки с почек и кишок и жевал их, чавкая и полузакрыв глаза.

Последний луч солнца угас в горах, и вслед за короткими сумерками быстро сгустилась тьма. Когда они кончили, было уже совсем темно, и малыш Мусква раздулся так, что стал похож на шар.

Из всех педантов, каких только природа когда-либо производила на свет, Тэр был самым неисправимым. По его мнению, ничто не должно было тратиться даром. И явись сейчас сюда старый самец-карибу и подойди он сам прямо к Тэру, гризли, скорее всего, не тронул бы его. Пища у него была, и теперь единственное, что заботило его,— это как припрятать ее понадежней.

Он вернулся к пихтовой чаще. Но на этот раз облопавшийся медвежонок и не подумал сопровождать его. Он был в полном блаженстве, и что-то подсказывало ему, что Тэр никуда не уйдет от оставшегося у них мяса. Минут через десять гризли подтвердил справедливость этого мнения, вернувшись назад. Своими огромными челюстями он ухватил карибу за загривок, затем потащил его к лесу, точно собака, волокущая десятифунтовый оковалок сала. А молодой олень весил фунтов четыреста. Но если бы он даже весил восемьсот или тысячу, то и тогда Тэр потащил бы его. Правда, будь туша такой тяжелой, он взвалил бы ее себе на спину.

Тэр отволок карибу на опушку пихтовой чащи, где уже заранее подыскал подходящую впадину. Швырнул в нее остатки карибу и, пока Мусква со все более возрастающим интересом наблюдал за ним, принялся заваливать их хвоей, валежником, а сверху придавил бревном. Затем, принюхавшись, поводил вокруг носом и выбрался из леса.

На этот раз Мусква пошел за ним следом, хотя настолько отяжелел, что ему было трудно передвигаться. Звезды уже начали высыпать на небе. При их свете Тэр шел по крутому, неровному склону, который вел к горным вершинам. Все выше и выше забирался он — на такую высоту Мускве еще ни разу не приходилось подниматься. Пересекли снежное поле, а затем вышли к месту, где извержение вулкана, казалось, вывернуло все внутренности горы наружу. Вряд ли человеку удалось бы пройти тем путем, которым Тэр вел Мускву. Наконец гризли остановился.

Он стоял на узком уступе Скала отвесной стеной подымалась позади него. Вниз из-под самых его ног спадали в хаотическом беспорядке нагромождения развороченных скал и сланцевых оползней. Далеко внизу чернела, как бездонная пропасть, долина.

Тэр улегся и впервые с тех пор, как был ранен, вытянулся, опустил голову на землю между огромными передними лапами и глубоко, с наслаждением вздохнул. Мусква прикорнул у него под боком, так что огромное тело гризли согревало его своим теплом, и оба они, сытые до отвала, заснули глубоким, безмятежным сном. А звезды все ярче разгорались над ним, и луна всходила, заливая своим золотым сиянием вершины гор и долину.

Глава VII.

Брюс уточняет факты

Когда Ленгдон и Брюс перевалили через хребет и спустились в долину, лежащую на запад от него, день — тот самый, когда Тэр покинул свое грязевое ложе,— был уже в самом разгаре. В два часа Брюс пошел обратно к лошадям, оставив Ленгдона на высоком горном кряже наблюдать в бинокль за окрестностями. Через два часа после того, как проводник вернулся с поклажей, они медленно пошли вдоль по ручью, над которым до них прошел гризли. Даже оттуда, где они разбили лагерь, до места встречи Тэра с Мусквой оставалось мили две, а то и три.

Следы гризли на песчаной отмели у ручья пока еще не попадались. Но Брюс не терял уверенности. Он знал, что Тэр держал свой путь по гребню.

— Если ты, вернувшись из этих краев, вздумаешь писать о медведях, не валяй хоть ты дурака, как большинство всех этих писак,— сказал Брюс, когда они сидели, покуривая трубки после ужина.— Два года назад я подрядился на месяц к одному натуралисту и так ему угодил, что он пообещал прислать мне целую кучу книг о медведях и разном зверье. Ну и прислал!.. Прочел я эти книги. Сначала смеялся, а потом так разозлился, что сжег их. Медведи очень занятные звери, но о них и так можно рассказать уйму интересного. Поэтому совсем не обязательно плести разную чушь да срамиться. Это уж точно!

Ленгдон кивнул.

— Нужно охотиться и убивать, убивать и охотиться целые годы, для того чтобы познать, в чем состоит подлинная радость, когда выслеживаешь крупного зверя,— медленно проговорил он, глядя на огонь.— И, как только она станет тебе доступной и овладеет всей твоей душой, поймешь, что больше всего охота увлекает не тогда, когда убиваешь, а когда оставляешь зверя живым. Этот гризли нужен мне до зарезу, и я ни перед чем не остановлюсь, чтобы заполучить его. Я просто не уйду их этих гор, пока не убью его, и все тут. Но вместе с тем нам ведь ничего не стоило убить сегодня двух других медведей, а я и не подумал стрелять. Я постепенно познаю эту игру, Брюс, и начинаю входить во вкус подлинной охотничьей радости. А когда охотишься с умом, то узнаешь факты по-настоящему. Можешь не беспокоиться: когда я засяду писать, то буду излагать только то, что видел.— Неожиданно он повернулся и посмотрел на Брюса.— А что это были за «глупости», которые ты вычитал в тех книгах?— спросил он.

Брюс задумчиво выпустил облачко дыма.

— Больше всего,— сказал он,— меня разозлили разглагольст-

вования этих писак насчет того, что у медведей, дескать, существуют какие-то свои особые «знаки». Боже милостивый, послушать их, так выходит, что достаточно медведю подняться во весь свой рост да сделать на дереве отметину — и вся округа будет принадлежать ему, пока не заявится другой медведь, побольше, и не переплюнет первого. В одной книге, помнится, рассказывалось, как один гризли прикатил под дерево бревно и взобрался на него, чтобы сделать отметину выше, чем она была у предыдущего. Подумать только! Да ведь отметки, которые оставляют медведи, не имеют ровно никакого смысла. Я видел когда-то, как один гризли отгрызал от дерева здоровенные щепы и скреб их когтями, совсем как кошка. А летом, когда у них идет линька и кожа зудит, они встают на задние лапы и, прислонившись к дереву, трутся об него. Трутся потому, что у них чешется, а вовсе не для того, чтобы оставить свою визитную карточку для своих собратьев. Карибу, лось и олени делают то же самое, чтобы у них с рогов сошел пушок. Кроме того, все те же писаки считают, что у каждого гризли есть своя зона. Ну, а у них этого не водится, вот не водится, да и все тут! Я видел, как восемь гризли кормились на одном и том же склоне. Ты ведь, поди, и сам помнишь, как два года назад мы пристрелили четырех гризли в долинке, вдоль которой и мили-то не было. Время от времени у гризли заводится свой главарь, вроде того верзилы, за которым мы с тобой охотимся. Но даже и он и то не хозяйничает в своих владениях в одиночку. Бьюсь об заклад, что в этих двух долинах обретается штук двадцать других медведей! А тот натуралист, с которым я бродил два года назад, не мог даже различить следов гризли и черного медведя, и провалиться мне на месте, если он знал, что такое коричневый медведь!

Он вынул трубку изо рта и яростно сплюнул в огонь. Теперь Ленгдон знал, что Брюс выложил еще не все. Самыми интересными для него были такие часы, когда обычно молчаливого Брюса так вот прорывало.

— Коричневый медведь! — проворчал он. — Ты только подумай, Джимми: он считал, что существует такая порода — к о р и ч н е в ы й м е д в е д ь! А когда я сказал ему, что такой породы вообще не существует и что коричневый, мол, медведь, про который тебе случалось читать, — это просто гризли или черный медведь с шерстью коричневого цвета, так он поднял меня на смех. Меня, который и родился и вырос буквально среди медведей! У него глаза вылезли на лоб, когда я принялся ему рассказывать о мастях медведей, и он решил, что я ему просто голову морочу. Позже я сообразил, что, пожалуй, поэтому-то он и прислал мне эти книги. Хотел доказать мне, что прав был он... А ведь ни одна другая порода, Джимми, не имеет больше мастей и оттенков в окраске, чем медведи! Я видел черных медведей, которые были белы, как снег, и гризли почти таких же черных, как черные медведи. Мне попадались черные медведи коричневого цвета и коричневые гризли. Я встречал и тех и других, которые были коричневыми, золотисто-рыжими и даже почти лимонно-желтыми. Масти у

них так же разнообразны, как и характеры их и привычки в еде. Я пришел к выводу, что большинство натуралистов делают так: совершают вылазку, понаблюдают за одним каким-нибудь гризли и подгоняют описание всех гризли вообще под своего знакомца. Не очень-то это красиво по отношению к остальным гризли, просто чертовски некрасиво! Да ведь они не написали ни одной книги, в которой бы не говорилось, что гризли — изверг и самый страшный людоед на свете! А он совсем не такой — если, конечно, не доведешь его до крайности. Любопытен, как козленок, и самого покладистого нрава — только не приставайте к нему! Большинство из них вегетарианцы, хотя и не все. Попадались мне гризли, которые охотились на горных коз, баранов и карибу. Но видел я и таких, которые добывали себе пищу на одних склонах вместе с этими животными и не делали никаких попыток напасть на них. Гризли — очень занятные существа, Джимми. И о них можно рассказывать без конца. Так зачем же еще приплетать к этому всякие небылицы!

Брюс выколотил из трубки пепел, как бы подчеркивая этим значение своего последнего замечания. И, пока он снова набивал ее, Ленгдон сказал:

— По-моему, не может быть никаких сомнений насчет того, что уж наш-то верзила, за которым мы охотимся, специалист по крупной дичи, Брюс.

— Да как сказать...— отозвался Брюс.— Размеры медведя не всегда говорят сами за себя. Знавал я как-то одного гризли, который и весь-то был чуть больше собаки, а жил охотой. Каждый год зимой сотни животных гибнут в этих горах, и, когда наступает весна, медведи поедают их останки. Но от того, что он отведает падали, гризли еще не может пристраститься к убийству. Бывает, что гризли родится плотоядным, а иной раз его делает таким какой-либо случай. Но если уж ему пришлось убить один раз, то он будет убивать и в дальнейшем. Я видел раз, как коза набрела на склоне горы прямо на гризли. Медведь и не шелохнулся, но коза с перепугу кинулась очертя голову прямо на этого чудака, и он убил ее. Минут десять после этого он и сам не знал, что ему делать дальше. С полчаса обнюхивал еще теплую тушу со всех сторон и только позднее разодрал. Так впервые он отведал теплой крови. Я не стал убивать его. Уверен, что с тех пор он окончательно перешел на мясо.

— А по-моему, и размеры кое о чем говорят,— возразил Ленгдон.— Мне кажется, что медведь, питающийся мясом, будет крупнее и сильнее вегетарианца.

— Вот тебе одна из тех интереснейших загадок, о которых не мешало бы написать,— отозвался Брюс, посмеиваясь.— Почему медведь толстеет так, что еле ходит, именно в сентябре, когда ему почти не перепадает никакой другой пищи, кроме ягод, муравьев да кореньев? Ты бы растолстел, питаясь одной смородиной? И почему он так вырастает за четыре, а то и за пять месяцев спячки, хотя и не проглотит в это время и маковой росинки? Почему мед-

ведица кормит медвежат месяц, а то и два молоком не просыпаясь? Ведь медвежата рождаются, когда она проспит чуть больше двух третей положенного срока. И почему медвежата родятся такими маленькими? Тот самый натуралист, о котором я тебе говорил, чуть не лопнул со смеху, когда я рассказал ему, что у гризли медвежонок рождается чуть побольше котенка.

— Это просто один из тех глупцов, которые не желают учиться... И все-таки не так уж он и виноват,— заметил Ленгдон.— Четыре-пять лет назад я бы и сам ни за что не поверил этому, Брюс. Я не мог по-настоящему поверить этому, пока мы с тобой на Атабаске не откопали из берлоги тех двух медвежат: один весил одиннадцать унций, другой — десять. Помнишь?

— И им была уже неделя, Джимми. А мать весила целых семьсот фунтов.

Некоторое время оба молча попыхивали трубками.

— Трудно поверить!— заговорил Ленгдон.— И все-таки правда. И это не причуды природы, Брюс: это результат ее дальновидности. Ведь если бы величина медвежат при их появлении на свет и величина самой медведицы соотносились так же, как у котят и кошки, то медведице не прокормить бы их в течение тех недель, когда сама она живет без пищи и без воды. Но в этом расчете, кажется, все-таки допущена какая-то ошибка. Ведь взрослый черный медведь почти в полтора раза меньше гризли, а медвежата у него при появлении на свет куда больше, чем у гризли. Почему же, черт возьми, так получается?

Брюс перебил друга, добродушно рассмеявшись.

— Да ведь это проще простого, Джимми!— воскликнул он.— Помнишь, как в прошлом году мы собирали землянику в долине, а два часа спустя играли в снежки, поднявшись на гору? Чем выше поднимаешься, тем холоднее, правда? Сегодня, например, первое июля, а поднимись на какую-нибудь из этих вершин, и закоченеешь. Гризли устраивается на спячку в ы с о к о, а черный медведь — н и з к о! Когда там, где гризли устраивается на спячку, снегу навалит уже на четыре фута в глубину, черный медведь все еще может подкармливаться в долинах и лесной чаще. Он заваливается спать на неделю, на две позднее гризли и встает весной настолько же раньше. Он жирнее в начале спячки и не такой истощенный после нее. Поэтому у черного медведя медвежата еще до рождения набираются от матери больше сил. По-моему, в этом все дело.

— Ты попал в самую точку, Брюс!— закричал Ленгдон в полном восторге.— Мне это и в голову не приходило!

— Мало ли какие полезные истины в голову не приходят, пока вдруг невзначай не столкнешься с ними,— отозвался горец.— Ты сам говорил об этом только что... Когда начинаешь понимать, что охота не сводится только к тому, чтобы убивать, а состоит еще и в том, что оставляешь дичь живой,— тогда именно подобные открытия и придают ей особую прелесть. Как-то раз я пролежал на вершине горы целых семь часов, наблюдая за стадом горных бара-

нов, как они резвились, и это доставило мне больше радости, чем если бы я перестрелял всю эту братию.

Брюс встал и потянулся — обычная процедура после ужина, неизменно служившая сигналом, что он намерен отбыть ко сну.

— Хороший денек будет завтра,— сказал он зевая.— Посмотри, как бел снег на вершинах.

— Брюс...

— Да?

— Сколько будет в этом медведе, за которым мы гоняемся?

— Тысяча двести фунтов, а то и побольше. Я ведь не испытал удовольствия посмотреть на него так близко, как ты, Джимми. А то мы бы сейчас уже сушили его шкуру.

— И он сейчас в самом расцвете сил?

— Да, судя по тому, как он взбирается вверх по склону, ему что-нибудь от восьми до двенадцати лет. Старый медведь не мчался бы с такой легкостью.

— А тебе, Брюс, попадались очень старые медведи?

— Бывали и такие, которым уже костыли впору,— отозвался тот, расшнуровывая ботинки.— Стрелял я и таких старых, что у них не оставалось уже ни одного зуба.

— И сколько же им было?

— Тридцать... Тридцать пять.., а то, поди, и все сорок... Покойной ночи, Джимми.

— Покойной ночи, Брюс.

Глава VIII

Мать Мусквы

Брюс уже давным-давно спал, а Ленгдон все сидел один под звездами. У ног его, догорая, тлел костер. Еще ни разу в жизни не ощущал он с такой силой, как сейчас, своего слияния с природой. Оно наполняло его каким-то непонятным смятением и вместе с тем глубочайшим спокойствием. Он начинал понимать, что после долгих лет скитаний и поисков таинственный, непостижимый дух безмолвия этих мест, дух лесов и озер окончательно покорил его и порвать связь между ними невозможно. И он томился от того, что еще не поведал миру об этом, что еще не заставил людей взглянуть на милые его сердцу дебри его, Ленгдона, глазами, чтобы и они тоже поняли.

По нескольку лет приходилось ему работать не покладая рук, чтобы хоть ненадолго вырваться в эти края. Раньше он был одержим страстью убивать — это тешило его самолюбие, и все стены

его комнат были увешаны шкурами убитых им животных. А теперь что-то погасило жажду убийства. За последние несколько недель он подарил жизнь сотне животных, которых ему ничего не стоило подстрелить. Помиловал двух медведей. Новая радость, только что открытая им, захватывала Ленгдона, медленно, но верно вытесняя из его души старое. Он не мог больше убивать просто ради удовольствия.

Ему вспомнился один странный сон, который он видел как-то раз дома, заснув за работой. Головы животных, развешенные по стенам комнаты, вдруг ожили и одна за другой повернулись к нему. Их огромные живые глаза горели огнем, обвиняя и осуждая его.

«Сорок лет!» Ему казалось, что он все еще слышит слова Брюса.

Если зверь может дожить до такого возраста, то сколько же лет жизни загубил он в те дни, когда считал себя удачливым охотником? Сколько лет отнял он у всех этих животных, которых убил? Сколько лет загубил в один только день, когда утром на одном и том же склоне подстрелил трех медведей, а вечером, в долине,— двух карибу? У всех вместе — не меньше ста лет. Сто лет биения сердца за несколько минут захлестнувшей охотника страсти!

Сколько же таких лет вообще поставлено в счет лично ему за это его подлое удовольствие? Пристально глядя в костер, он подсчитал, получалось — тысяча лет!

Ленгдон поднялся и пошел прочь от лагеря. Шел до тех пор, пока не почувствовал, что остался один на один с этим безмолвным небом с сияющими над головой звездами. Он вслушивался в ночное бормотание долины, вдыхал глубоко, полной грудью, напоенный ароматом пихты воздух и задавал себе все один и тот же вопрос: достиг ли он чего-нибудь этим истреблением десяти столетий жизни? И пришел к выводу, что ничего. В тот день, когда он отнял пять жизней, он волновался ничуть не больше, чем сегодня, когда не отнял ни одной.

Теперь он утратил свое давнишнее желание подстрелить зверя, но охота от этого не потеряла для него своей прелести. Сейчас она привлекала его даже больше, чем когда-либо. Она доставляла ему теперь радости, о которых он раньше и понятия не имел. Совсем новые ощущения пришли на смену чувству минутного торжества при виде бьющегося в агонии, поверженного его смертоносными пулями зверя. Да, он будет и впредь стрелять зверя, иначе какой же из него охотник? Но никогда он больше не превратится в дикаря, опьяненного жаждой крови!

Ленгдон посмотрел на спящую долину. Он знал, что там сейчас должен прятаться Тэр. Вот это охота, настоящая охота. И он тут же поклялся себе, что будет бороться честно и по совести. Он поставил себе целью добыть Тэра и, значит, будет охотиться только за Тэром. Он радовался, что не убил его тогда, на склоне, потому что теперь, когда этот великан гризли познакомился с его пулями, охота станет еще увлекательней. И Ленгдон с удовлетворением

думал о том, что когда наступит развязка, то ему не придется страдать от жгучих укоров совести.

Этот огромный зверь, которого он видел и в которого стрелял, не достанется им просто так, его не возьмешь голыми руками. Он еще заставит их поломать себе голову. Он будет драться отчаянно, до последнего, если дело дойдет до драки. И собаки, если Метусин подоспеет с ними вовремя, найдут в нем достойного противника.

Тэр получил предупреждение. После этого, если ему так заблагорассудится, он волен перекочевать в другие места, спастись бегством. Или пусть остается и борется. Ленгдон знал, что Тэр выбрал борьбу, и он пошел спать, страстно желая, чтобы поскорее наступил новый день.

Он проснулся от того, что начался проливной дождь. Ленгдон с воплем, разбудившим Брюса, выскочил из-под одеял. Устраиваясь на ночь, они не разбили палатки. И Ленгдон слышал, как Брюс проклинает на чем свет стоит обоих за эту глупость.

Было темно, словно в пещере. Зловещие вспышки молний разрывали небо. В горах отдавались глухие раскаты грома. Сверкнувшая молния осветила Брюса, завернутого в одеяла, его мокрые волосы растрепались и прилипли к длинному, худому лицу. При виде этого зрелища Ленгдон так и покатился со смеху.

— Славный денек будет завтра,— передразнил он, повторяя слова, сказанные Брюсом несколько часов назад.— Посмотри, как бел снег на этих вершинах!

Ответ Брюса заглушил резкий удар грома.

При новой вспышке молнии Ленгдон нырнул под защиту деревьев в пихтовую чащу. Он просидел там, согнувшись в три погибели, минут пять или десять, а затем дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Гром прогрохотал, удаляясь к югу. Теперь и молнии вспыхивали уж где-то вдали. Опять воцарилась темнота. Ленгдон слышал возню Брюса где-то поблизости. Вот чиркнула спичка, и он увидел товарища. Тот смотрел на часы.

— Скоро три,— сказал он.— Чертовски приятный ливень, правда?

— Ну, я-то ничего другого и не ожидал,— невинным тоном отозвался Ленгдон.— Ты ведь сам знаешь, Брюс: когда снег на вершинах так бел...

— Заткнись ты... и давай-ка разложим костер. Хорошо еще, что у нас хоть достало ума укрыть провизию. Ты вымок?

Ленгдон отжимал волосы. Вид у него был не лучше чем у намокшей крысы.

— Ни капельки. Я спрятался в пихтовой чаще и заранее был готов к тому, что произошло. Как только ты обратил мое внимание на белизну снега на этих вершинах, я сразу понял, что...

— К черту снег!— проворчал Брюс.

Ленгдону было слышно, как он ломает сухие, смолистые еловые сучья.

Ленгдон пошел помочь товарищу, и через пять минут костер уже полыхал. Огонь осветил их лица, и, взглянув друг на друга, они увидели, что оба нисколько не огорчены. Брюс ухмыльнулся.

— Я спал как убитый, когда полило,— пояснил он,— и мне приснилось, что я свалился в озеро, а когда проснулся, то все еще пытался плыть.

Ночной дождь в первых числах июля, да еще в горах северной части Британской Колумбии,— не такая уж согревающая процедура, и почти целый час Ленгдон и Брюс не переставали собирать топливо и сушили одеяла и платье. Позавтракали они только в пять часов, а в начале седьмого, захватив с собой тюк и седла двинулись в долину.

Брюс не без самодовольства напомнил Ленгдону о своем предсказании, так как оно полностью оправдалось: после грозы и ливня наступал ясный, безоблачный день. Они ехали по мокрым лугам. Звонко журчали вздувшиеся ручейки. Последний снег в горах за ночь наполовину стаял, и Ленгдону казалось, что и цветы за это время выросли еще больше и стали еще красивее. Воздух, струящийся по долине, был напоен благоуханием и свежестью утра. А надо всем этим сияло солнце, и свет его разливался теплым, золотым морем.

Охотники ехали вверх по ручью, то и дело свешиваясь с седел. В поисках следов они изучали каждую из встречных песчаных отмелей. Не проехали так и четверть мили, как Брюс вдруг вскрикнул и остановился. Он указал на круглую песчаную отмель, на которой Тэр оставил отпечаток одной их своих огромных лап. Ленгдон спешился и измерил след.

— Он!— крикнул Ленгдон, и голос его дрогнул от волнения.— Не лучше ли будет двинуться дальше без лошадей, Брюс?

Горец тряхнул головой. Но, прежде чем высказать свое мнение, спешился и принялся исследовать склоны окрестных гор в подзорную трубу. Ленгдон взялся за свой неизменный охотничий бинокль. Но они ничего не обнаружили.

— Он все еще идет по пойме ручья и обогнал нас мили на три-четыре,— сказал Брюс.— Проедем, пожалуй, одну-две мили, пока не найдется подходящее местечко для лошадей. А трава и кусты к тому времени пообсохнут.

Следовать по маршруту Тэра было нетрудно, хотя гризли и шел у самого ручья. Не больше чем в трех-четырех сотнях ярдов от огромной кучи камней, около которой гризли натолкнулся на рыжемордного медвежонка, посередине заросшего травой откоса рос небольшой ельник. Здесь охотники расседлали и стреножили лошадей.

А еще через двадцать минут они, уже крадучись, подобрались к мягкому песчаному ковру, на котором состоялось знакомство Тэра и Мусквы. Проливной дождь смыл крошечные следы лап медвежонка, но следы гризли испещрили весь песок вокруг этого места. Взглянув на Ленгдона, Брюс улыбнулся.

— Где-то неподалеку,— сказал проводник шепотом.— Вполне

возможно, что он ночевал по соседству с нами и сейчас до него рукой подать.

Он послюнявил палец и поднял его над головой, чтобы определить направление ветра.

— Лучше подняться по склонам,— заметил Брюс.

Они обогнули груды камней, держа ружья наизготовку, и направились к небольшому оврагу, по которому восхождение на ближайший склон обещало быть более легким. Здесь снова замешкались. Дно овражка было устлано песком, на котором оказались следы еще одного медведя. Брюс опустился на колени.

— Еще один гризли,— сказал Ленгдон.

— Нет. Не гризли. Черный медведь,— заявил Брюс.— Ах, Джимми, когда мне только удастся вколотить тебе в голову разницу между следами гризли и черного медведя! Вот она, видишь? Задняя нога, и пятка круглая! А если бы это был гризли, то пятка была бы острая. Слишком широкая и косолапая для гризли эта нога, и когти слишком велики по сравнению с длиной ступни. Ясно, как дважды два четыре,— это черный медведь!

— И идет нашим маршрутом,— сказал Ленгдон,— пошли же!

Поднявшись вверх еще на двести ярдов, медведь выбрался из оврага и полез вверх. Туда же направились и Ленгдон с Брюсом. В густой траве и на жестком сланце ближайшего выступа скалы следы этого медведя вскоре пропали, но сейчас они не очень-то интересовали охотников.

Со скал, по которым они теперь пробирались, под ними открывался великолепный вид. Взгляд Брюса то и дело обращался к пойме ручья. Он знал, что только там, внизу, удастся обнаружить гризли, и ничто другое его сейчас не интересовало. Ленгдона же привлекало к себе все, что жило и двигалось вокруг них. Каждая груда камней и заросль боярышника манила его к себе, и его глаза исследовали каждый выступ горного кряжа над их головами так же внимательно, как и след, по которому они шли. Именно поэтому он и увидел нечто такое, что заставило его схватить своего спутника за руку и потянуть, чтобы тот присел рядом с ним к самой земле.

— Смотри!— прошептал он, не отпуская его руки.

Стоя на коленях, Брюс огляделся. Глаза его широко раскрылись от изумления. Не более чем в тридцати футах над ними возвышалась большая скала, и с нее свешивалась задняя часть туловища медведя. Это был черный медведь, его лоснящаяся шуба переливалась на солнце. Целых полминуты Брюс глядел на него во все глаза. Затем ухмыльнулся:

— Спит... спит мертвым сном!.. Хочешь, Джимми, увидеть одну забавную штуку?

Он положил ружье и вытащил свой длинный охотничий нож. Посмеиваясь потихоньку, он попробовал пальцем его отточенное острие.

— Если тебе еще не доводилось видеть, как медведь удирает во все лопатки, то сейчас ты это увидишь, Джимми! Не трогайся с места!

Медленно и бесшумно он начал карабкаться вверх к скале. А Ленгдон затаил дыхание, предвкушая дальнейшее развитие событий. Дважды Брюс оглядывался на него, широко улыбаясь.

Через минуту или две медведь даст такого тягу, что только держись. Мысль об этом и вид долговязой фигуры Брюса, ползущего наверх, настроили Ленгдона на самый веселый лад.

И вот Брюс достиг скалы. Длинное лезвие блеснуло на солнце, и сталь на целых полдюйма вошла медведю в огузок. Того, что последовало за этим, Ленгдону не забыть до самой могилы.

Медведь не шелохнулся. Брюс ткнул его ножом еще раз. Тот же результат. После второй попытки Брюс сам окаменел, как скала, за которую он цеплялся. Когда он, оглянувшись, уставился на Ленгдона, рот его был разинут от изумления.

— Ну, что ты скажешь о такой чертовщине?— спросил он, медленно поднимаясь на ноги.— Ведь он не спит. Он мертв!

Ленгдон подбежал к нему, и они взошли на скалу. Брюс все еще не выпускал ножа из рук, и на лице его появилось странное выражение. Он взволнованно хмурился и не сразу обрел дар речи.

— В жизни не видел ничего подобного!— сказал он, медленно убирая нож в ножны.— Это медведица, и у нее медвежата — к тому же, судя по ее виду, совсем еще маленькие...

— Полезла за сурком и сорвалась со скалы,— прибавил Ленгдон.— Разбилась насмерть, да, Брюс?

Брюс кивнул.

— В жизни не видел ничего подобного,— повторил он.— Я всегда ломал себе голову над тем, как они не убьются, роясь на кручах под скалами... но видеть такое мне еще не доводилось. Хотел бы я знать, где теперь ее медвежата. Вот горемыки-то!

Опустившись на колени, Брюс осмотрел медведицу.

— У нее их было не больше двух, а то и всего один,— сказал он, подымаясь на ноги.— Что-нибудь около трех месяцев.

— И теперь они умрут с голоду?

— Если только один, то скорее всего с ним так и будет. У этого маленького бездельника было столько молока, что ему не приходилось еще самому хлопотать о дополнительном рационе. Вот что получается, когда удираешь и бросаешь своих малышей одних,— заключил свою речь нравоучением Брюс.— Если ты когда-нибудь обзаведешься женой, Джимми, то не разрешай ей выкидывать подобные штуки. Ведь малышам ничего не стоит устроить пожар или сломать себе шею.

И он свернул на прежний путь по гребню кряжа. Глаза его внимательно исследовали долину. Ленгдон тронулся следом, размышляя о том, что сталось с медвежонком.

А Мусква сладко почивал рядом с Тэром на уступе скалы. Ему снилась мать, и медвежонок жалобно скулил во сне...

Глава IX

Поединок

Первые лучи восходящего солнца осветили уступ, на котором спали Тэр и Мусква. Солнце поднималось все выше, становилось все теплее. Поэтому, проснувшись, Тэр знай себе только потягивался, не проявляя ни малейшего желания вставать.

После всего, что произошло так недавно — ранения, выздоровления и вчерашнего пира,— он чувствовал себя великолепно. Ему было так уютно; и он не спешил покидать эту солнечную купель. Долгое время он с интересом рассматривал Мускву. Ночной холод заставил медвежонка пристроиться в тепле между огромными передними лапами гризли. И сейчас он, как ребенок, жалобно похныкивал во сне.

Немного погодя Тэр сделал нечто такое, чего за ним никогда не водилось: осторожно обнюхав пушистый комочек, свернувшийся между его лапами, он своим большим красным языком лизнул медвежонка в мордочку. И Мусква, которому, наверное, все еще снилась мать, прижался к гризли еще теснее.

Мусква, неизвестно почему, вдруг покорил Тэра. Огромный гризли все еще не мог разобраться в том, что же собственно произошло. Он постепенно преодолевал не только свою безотчетную неприязнь ко всем медвежатам на свете, но и свои прочно укоренившиеся привычки зверя, прожившего десять лет в полном одиночестве. Мало-помалу он начинал находить в близости Мусквы удовольствие, и в нем проснулось что-то вроде дружеского участия к медвежонку.

С появлением человека в его жизнь вошло какое-то новое чувство, вернее только проблеск его. Ведь пока не явится враг и не очутишься перед лицом опасности, нельзя до конца оценить дружбу. И не исключено, что Тэр, который впервые столкнулся лицом к лицу с настоящими врагами и настоящей опасностью, начинал понемногу понимать, что значит дружба. К тому же не за горами было и наступление брачного сезона, а Мусква еще сохранял запах матери. Вот поэтому-то, пока Мусква, нежась на солнышке, все еще витал в сновиденьях, Тэр чувствовал все большее удовлетворение.

Окинув сверху взглядом долину, которая вся так и сверкала после прошедшего ночью дождя, он не увидел в ней ничего подозрительного. Принюхался — но ничто не примешивалось в воздухе к чистейшему аромату травы, цветов, пихты и свежей дождевой воды. Тогда он принялся лизать рану, и это разбудило Мускву.

Медвежонок поднял голову. Поморгал глазами на солнце, протер лапкой мордочку и встал. Как и всем юнцам, ему уже не тер-

лось встретить наступающий день, независимо от того, каким бы тяжелым и утомительным ни был вчерашний. И пока Тэр все еще безмятежно лежал, созерцая долину, Мусква принялся обследовать трещины в каменной стене и кувыркаться между камнями.

Тэр перевел глаза с долины на медвежонка. Гризли проявлял несомненный интерес к ужимкам и веселому кувырканию Мусквы. Затем он грузно поднялся и отряхнулся. Минут пять, не меньше, стоял, вглядываясь в долину и принюхиваясь к воздуху, в котором не чувствовалось ни малейшего дуновения, точно все оцепенело вокруг. А Мусква, навострив ушки, подошел и стал рядом. Его маленькие глазки перебегали с Тэра на залитое солнцем пространство и снова на Тэра, как бы допытываясь, что же произойдет дальше.

Огромный гризли разрешил это недоумение. Пройдя по карнизу скалы, он начал спускаться в долину, и Мусква, так же, как и вчера, припустился за ним бегом.

По сравнению со вчерашним днем медвежонок чувствовал себя повзрослевшим и силы его тоже удвоились. Тоска по материнскому молоку уже не мучила его. Тэр просветил его — отныне медвежонок перешел на мясо. И Мусква уже понимал, что они отправляются туда, где пировали вчера вечером.

Они уже наполовину спустились со склона, когда ветер вдруг принес Тэру что-то новое. На мгновение гризли приостановился, и из груди его вырвалось рычание. Густая шерсть на загривке грозно встала дыбом. Запах исходил оттуда, где находился его тайник. И это к тому же был один из тех запахов, к появлению которых, а особенно возле своих кладовых, гризли относился совершенно нетерпимо — тут с ним шутки были плохи.

На него резко пахнуло запахом другого медведя. В обычных условиях это не вызвало бы у него такого раздражения. Не вывел бы его из себя и запах медведицы. Но пахло медведем. И запах шел из расщелины в скале, которая вела прямо к той самой пихтовой чаще, в которой он запрятал вчера останки карибу.

Тэр не стал тратить времени на праздные домыслы. Ворча про себя, он начал спускаться так быстро, что Мусква еле поспевал за ним.

Они остановились только тогда, когда достигли края плато, с которого хорошо просматривались озеро и пихтовая чаща. Мусква еле переводил дух. Затем уши его насторожились. Он пристально посмотрел вперед, и вдруг каждый мускул его маленького тельца напрягся до отказа.

Ярдах в семидесяти пяти под ними кто-то разорял их склад! Грабителем оказался огромный черный медведь, который делал это просто с неслыханным нахальством. Был он фунтов, пожалуй, на триста полегче Тэра, но почти такого же роста, и его шуба отливала на солнце бархатом, совсем как соболиная. Такой большой и наглый пришелец еще ни разу не заявлялся во владения Тэра. Он вытащил тушу карибу из тайника и, пока Тэр и Мусква смотрели на него сверху, пожирал ее.

Немного погодя Мусква вопросительно взглянул на Тэра. «Что же нам делать?— казалось, спрашивали его глаза.— Эдак ведь и без завтрака недолго остаться!»

Тщательно выбирая дорогу на спуске, Тэр стал медленно преодолевать эти последние семьдесят пять ярдов. Теперь он, казалось, совсем не спешил. Ступив наконец на луговину ярдах в тридцати — сорока от незваного гостя, гризли снова остановился.

Он как будто не рвался в бой, но шерсть на загривке поднялась так, как Мускве еще ни разу не приходилось видеть. Черный оторвался от своего пиршества и поднял глаза. Целых полминуты медведи смотрели друг на друга. Голова гризли медленно, будто маятник, раскачивалась из стороны в сторону. Черный застыл на месте, неподвижный, как сфинкс.

Футах в четырех-пяти от Тэра стоял Мусква. Чутье подсказывало ему, что вот-вот что-то произойдет. И с мальчишеским задором он ждал этого, готовый в любую минуту поджать куцый хвост и удирать вместе с Тэром без оглядки либо ринуться вперед и сражаться бок о бок с ним. Его глаза были прикованы к раскачивающейся маятником голове Тэра.

А что значит это покачивание, понятно всем на свете. Научился понимать его и человек. «Если гризли качает головой, то держись!»— гласит самая первая заповедь охотников на медведей в горах.

И черный медведь понял это. Будь он как все другие медведи, забредавшие во владения Тэра, ему бы немного отступить, повернуться и убраться подобру-поздорову. И Тэр дал ему для этого достаточно времени. Но черный медведь был новичком в долине, и, кроме того, он и сам был могучим зверем, которого, наверное, еще ни разу не проучили как следует и который, вполне возможно, был хозяином в своих владениях. Он не отступил ни на шаг и первым издал угрожающее рычание.

Все так же не спеша двинулся Тэр вперед — прямо на мародера. Половину этого пути Мусква шел за Тэром по пятам. А потом остановился и припал к земле. В десяти футах от туши карибу Тэр снова задержался. Теперь он раскачивал головой гораздо быстрее. И вот громовые раскаты низкого рычания вырвались из его полуоткрытой пасти. Черный оскалил клыки так, что Мусква жалобно взвизгнул.

И снова Тэр двинулся вперед: шаг — и остановка, шаг — и остановка. Теперь разинутая пасть гризли касалась чуть ли не самой земли, и сам он прильнул к земле всем своим огромным телом. И все-таки этот черный проходимец стоял как вкопанный.

Когда расстояние между ними сократилось до одного ярда, наступила пауза. С полминуты стояли они, совсем как два рассерженных человека, каждый из которых старается своим непреклонным взглядом нагнать на другого страх. Мускву трясло, как в лихорадке. Он жалобно скулил, и Тэр услышал его визг.

Дальнейшее совершилось так быстро, что Мусква просто онемел от ужаса и лежал, распластавшись на земле, неподвижно, как ка-

мень. С тем необычным ревом и скрежетом зубов, которого не издает ни один другой зверь на земле, гризли кинулся на черного медведя. Черный чуть подался назад — только для разгона, бросился навстречу, и вот они сшиблись грудь с грудью. Черный опрокинулся на спину. Но Тэр был слишком искушенным и опытным бойцом, чтобы поддаться на такую уловку и дать тому нанести снизу задней лапой удар, который распорол бы ему брюхо. Он вонзил зубы черному в плечо, прокусив его до самой кости. Одновременно он нанес левой лапой страшный рассекающий удар. Но Тэр был «землекопом», и когти у него были затуплены на концах. А черный был «лазающим по деревьям», и у него не когти, а настоящие ножи. И вот эти ножи вонзились в недавнюю рану Тэра, и кровь хлынула струей.

С ревом, от которого, казалось, задрожала земля, великан гризли отпрянул назад и поднялся на задних лапах во весь свой девятифутовый рост.

Он предупредил черного. Даже после их первой схватки враг еще мог ретироваться, и Тэр не стал бы его преследовать. А раз так — то бой будет не на жизнь, а на смерть! Мало того, что черный медведь обокрал его — это бы еще куда ни шло, но он разбередил его старую рану, р а н у, н а н е с е н н у ю ч е л о в е к о м.

Минуту назад Тэр отстаивал закон и справедливость и не испытывал еще особой злобы, не жаждал крови врага. Теперь он был страшен. Пасть открыта, губы раздвинулись, обнажив белые зубы и красные десны. Мышцы у ноздрей напряглись, как струны, и меж глаз набежала морщина, глубокая, как зарубка топором на стволе сосны. Глаза зажглись красным, рубиновым светом, и темно-зеленые зрачки потонули в этом пламени ярости. Встреться в эту минуту с Тэром человек, он понял бы с первого взгляда, что живым ему не уйти.

Тэр не умел драться, стоя на двух ногах. И, как только черный сделал шаг вперед, Тэр опустился на все четыре лапы. Они снова сшиблись, и Мусква, прижавшись к земле, долго еще следил горящими глазами за их боем.

Зрелище было ужасным. Разыгрывалось одно из тех побоищ, видеть которые удается только этим дебрям и горам. Рев разносился по всей долине. Как два борца, сцепились медведи своими могучими передними лапами, в то время как их клыки и задние лапы работали без устали.

Минуты на две они слились в крепком объятии и катались по земле, переваливаясь друг через друга. Черный яростно рвал когтями. Тэр же действовал главным образом зубами, нанося при этом страшные удары задней правой лапой. Передними лапами он то удерживал, то отбрасывал своего противника прочь. Как при нападении на карибу, Тэр старался очутиться снизу, чтобы иметь противника над собой. Снова и снова вонзал он свои длинные клыки в тело врага. Но в состязании этим оружием черный превосходил его по быстроте. И к тому моменту, когда их челюсти сцепились, все правое плечо гризли было буквально изодрано в клочья.

Муског слышал, как их зубы лязгнули друг о друга. Он услышал, как зубы одного скрежещут по зубам другого, как кость грызет кость. А затем черный вдруг медленно завалился на бок, как если бы ему свернули шею, и Тэр схватил его за горло.

Черный все еще сопротивлялся, хотя его широко раскрытые челюсти были бессильны теперь, когда гризли сомкнул свои огромные зубы у него на шее.

Муског поднялся на лапы. Он весь трясся мелкой дрожью, но теперь уже от нового, незнакомого ему ранее чувства. То, что происходило на его глазах, оказалось не игрой, в которую и он когда-то играл со своей матерью. Впервые в жизни он увидел битву, и от возбуждения кровь его загорелась и заиграла в жилах. Со слабым щенячьим рычанием медвежонок очертя голову кинулся в схватку. Но тщетно пытался он вцепиться зубами в густую шерсть и в жесткий огузок черного медведя. Он дергал его и рычал, помогая себе передними лапами и набив полный рот шерсти. Слепая, безотчетная ярость охватила его.

Черный повернулся на спину и сверху вниз полоснул задней лапой по брюху Тэра. Прежде чем этот удар повторился, Тэр уклонился в сторону, и второй удар достался Мускве.

Задняя лапа черного обрушилась на него своей подошвой, и футов двадцать Мусква пролетел, как камень, пущенный из пращи. Он не был ранен, он удар оглушил его.

В тот же миг Тэр отпустил горло врага и отступил на два-три фута в сторону. Плечи черного, его грудь и шея были в крови. Он попытался подняться, но Тэр снова очутился на нем.

На этот раз гризли с безошибочной точностью применил самый страшный из своих приемов. Его огромные челюсти мертвой хваткой вцепились в переносицу черного медведя. В один момент он с треском перегрыз ее, и битва была закончена — черный испустил дух. Но Тэр этого не знал. Теперь ничто не мешало ему рвать противника похожими на ножи когтями своей задней лапы. И он терзал его еще минут десять. Когда гризли наконец унялся, то на арену их боя страшно было взглянуть. Земля вокруг была залита кровью и вспахана, повсюду валялись клочья шерсти.

А в двух милях от этого места Брюс и Ленгдон, бледные, затаив дыхание, смотрели в окуляры. Они стали очевидцами этого жуткого побоища, но медвежонка за дальностью расстояния им не было видно. Когда Тэр, весь залитый кровью, поднялся, переводя дух, над своим бездыханным врагом, Ленгдон опустил бинокль.

— Боже мой!— прошептал он.

Брюс вскочил на ноги.

— Пошли!— крикнул он.— Черному крышка. И если мы не будем терять времени даром, то и гризли от нас не уйдет!

А там внизу, на лугу, Мусква подбежал к Тэру, неся в зубах клок черной шерсти, и Тэр, опустив к нему свою огромную окровавленную голову, ласково лизнул его мордочку. Маленький рыжемордый медвежонок испытал свои силы, и — кто знает!— может быть, Тэр все видел и понял...

Глава X

Через горы

После боя ни Тэр, ни Мусква даже и не приближались к карибу. Тэру было не до еды, а Мусква был так возбужден и его так трясло, что кусок стал бы у него поперек горла. Он все еще, как бы завершая дело, начатое Тэром, трепал клочок черной шкуры, ворча и взвизгивая, как щенок.

Долго гризли стоял так, низко склонив огромную голову, и у ног его натекли лужицы крови. Перед ним простиралась долина. Ветра не было... Вернее, он был настолько слаб, что почти невозможно было установить, откуда он дует. Его порывы замирали в ущелье, и сильнее он становился лишь выше, на перевалах и вершинах.

Время от времени поток воздуха устремлялся вниз и проносился по долине, как долгий, бесшумный вздох, чуть задев верхушки елей и пихт. Но, когда Тэр повернулся к востоку, ветер дохнул прямо на него. И Тэр почувствовал вдруг еле уловимый, но страшный запах человека!

С ревом Тэр стряхнул с себя то недолгое оцепенение, в которое он позволил было себе погрузиться. Его расслабленные мускулы снова напрягались. Он поднял голову и принюхался. Мусква прекратил свою никому не нужную расправу с клочком черной шкуры и тоже принялся втягивать воздух носом.

Ленгдон и Брюс бежали, сильный запах человеческого пота далеко разносился по воздуху. Этот запах вызвал у Тэра новый прилив ярости. Второй раз приходит он, когда Тэр ранен и истекает кровью! Человеческий запах и боль уже неразрывно связались в сознании гризли друг с другом. И теперь этот запах был ему вдвойне ненавистен. Он повернул голову и зарычал на истерзанное тело черного медведя. А затем угрожающе зарычал на ветер.

Меньше всего он был расположен к бегству. И, случись Ленгдону и Брюсу подоспеть именно сейчас, Тэра охватила бы такая ярость, что ему вряд ли удалось бы сдержать ее,— та самая ярость, которой весь его род и обязан своим именем: «Страшный медведь».

Но ветерок пролетел мимо, и снова все стихло. Долина была наполнена журчанием струящейся воды, сурки на скалах спокойно посвистывали, белокрылые стаи куропаток легко проносились в воздухе. Все это успокаивало Тэра, как нежная женская рука успокаивает разгневанного мужчину. Он рычал, безуспешно пытаясь еще раз уловить в воздухе этот запах. Но рычание становилось все тише и тише. Наконец гризли повернулся и не спеша зашагал к ущелью, по которому они с Мусквой не так давно спустились сюда. Мусква побежал следом.

Ущелье спрятало их от посторонних взоров, как только они начали подъем. Дно ущелья было покрыто сланцем и загромождено каменными глыбами. Раны, полученные Тэром в недавней битве, в отличие от пулевых ран, через несколько минут уже перестали кровоточить. И он больше не оставлял на своем пути предательских красных пятен.

Ущелье привело их к обвалу. Здесь они стали еще недоступней для наблюдения снизу. Остановились напиться у озерка, образованного потоками талой воды, сбегающей с горных вершин, и тронулись дальше.

Когда они добрались до скалы, на которой провели ночь, Тэр не стал задерживаться. Мусква на этот раз еще не чувствовал усталости. Два дня неузнаваемо изменили маленького рыжемордого медвежонка. Он был не таким круглым и толстым и стал сильнее, гораздо сильнее. Он закалился и под надежной опекой Тэра быстро проходил курс превращения из медвежонка в молодого зверя.

Заметно было, что Тэру и раньше уже случалось хаживать по этому уступу и он знает, куда тот ведет: все выше и выше, пока не упрется, как могло показаться, в отвесную каменную стену. Идя все тем же путем, Тэр пришел к глубокой расщелине, настолько узкой, что он едва пролезал в нее. По ней они выбрались на край такого крутого склона, какого Мускве еще ни разу не приходилось видеть. Он был похож на гигантскую каменоломню, которая уходила вниз, углублялась в лес далеко под ними и вздымалась вверх чуть ли не до самой вершины горы.

Для Мусквы переход по этим хаотическим нагромождениям с тысячей опасностей был совершенно непосильной задачей. И, как только Тэр начал перебираться через первые же глыбы, медвежонок остановился и жалобно заскулил.

В первый раз он отказывался идти дальше. Когда же он увидел, что Тэр, не обращая ни малейшего внимания на его писк, все идет и идет, его обуял ужас. Завопив что было сил, медвежонок отчаянно заметался в поисках хоть какой-нибудь тропинки через эти громадины.

Тэру же было совершенно невдомек, в какое трудное положение попал Мусква, и он знай себе лез вверх, пока не забрался на целых пятьдесят ярдов. Тогда он остановился, оглянулся через плечо и подождал.

Это приободрило Мускву, и он, стараясь не отстать, принялся карабкаться, цепляясь когтями и пустив в ход даже подбородок и зубы.

Минут десять понадобилось ему, чтобы догнать Тэра. Он совершенно запыхался. Но от прежнего страха не осталось и следа: Тэр стоял на узкой белой тропинке, надежной, как пол. Ширина ее была дюймов восемнадцать.

Странной и загадочной казалась эта тропа, и нельзя было понять, как она могла появиться в этих местах. Вид у нее был такой, будто огромная армия рабочих с молотками, пришедшая сюда когда-то, дробила целые тонны песчаника и сланца и насыпала между

валунами гальку, чтобы проложить узкую ровную дорожку. Но сделали это не молотки, а копыта не менее чем тысячи поколений горных коз. Тэр и Мусква ступили на козью тропу.

Первое стадо диких коз пронеслось этим путем, вероятно, еще задолго до того, как Колумб открыл Америку[1], но сколько же лет ушло на то, чтобы их копыта выбили ровную дорогу в горах! Тэру она служила столбовой дорогой из одной долины в другую. Правда, ею пользовался не только он, но и многие другие обитатели этих гор.

В то время как Мусква переводил дух, оба они услышали какой-то странный, похожий на посмеивание звук, доносившийся сверху.

Футах в сорока или пятидесяти выше того места, где они стояли, тропинка сворачивала за огромную каменную глыбу. И из-за этой глыбы навстречу им медленно спускался большой дикобраз.

На севере существует обычай, согласно которому человек не должен убивать дикобраза, которого называют «другом потерявшихся». Заблудившийся и умирающий от голода старатель или охотник, когда поблизости нет никакой дичи, всегда может отыскать дикобраза. А убить его ничего не стоит и ребенку. К тому же он самое потешное существо в этих дебрях — самый добродушный, приятный и покладистый весельчак на свете. Он болтает и хохочет без умолку, а когда движется, то похож на ожившую гигантскую подушечку для булавок. И он так рассеян, что, кажется, и живет, не просыпаясь.

Этот дикобраз, спускаясь прямо на Тэра и Мускву, благодушно болтал сам с собою. А его смешок звучал, как лепет младенца. Он был невероятно толст. Таких называют «Порки» [2]. Медленно, вперевалку спускался он сверху, и его бока и хвост щелкали по камням. Он смотрел себе под ноги. Неизвестно, что это были за мысли, в которые он был погружен, но Порки заметил Тэра, когда между ними оставалось уже меньше пяти футов. В мгновение ока он свернулся шаром и несколько секунд бранился на все лады. А потом застыл, молчаливый, как сфинкс, следя своими красными глазками за этим огромным, невесть откуда взявшимся медведем.

Тэр не собирался убивать его, но тропа была узка, а Тэр хотел продолжить свой путь. Он сделал шага два вперед. Тогда дикобраз повернулся к нему задом, приготовившись наносить удары своим мощным хвостом. В хвосте Порки сотни игл, а Тэр уже неоднократно имел с ними дело и поэтому остановился в нерешительности. Мусква с любопытством уставился на дикобраза. Ему еще только предстояло узнать, что такое дикобраз, потому что игла, которая попала недавно в лапу, была всего-навсего одной из оброненных игл.

Тэр сделал еще один шаг вперед. Тогда с неожиданным «чак-чак-чак»— самым устрашающим звуком, на который он только был

---

[1] Морские путешествия Христофора Колумба к берегам Америки относятся к последнему десятилетию XV века.

[2] Порки (англ.)— жирный.

способен,— дикобраз начал наступать на Тэра задом, рассекая воздух взмахами своего широкого, увесистого хвоста с такой силой, что, попади он в дерево, иглы вонзились бы в ствол на добрых четверть дюйма.

Промахнувшись, он снова свернулся, а Тэр шагнул с тропинки на каменную глыбу и обошел его сторонкой. Затем остановился, поджидая Мускву.

Порки торжествовал победу в полном упоении самим собой. Он распрямился, его иглы утратили свой угрожающий вид. Все так же добродушно посмеиваясь, он продолжал свой спуск, надвигаясь прямо на Мускву. Инстинктивно медвежонок посторонился, поскользнулся на краю тропинки и сорвался вниз. А когда он снова вскарабкался на нее, Порки уже ушел футов на пять от того места и продолжал свой путь, не обращая ни на что внимания.

Однако их приключения на козьей тропе на этом еще не кончились. Только-только Порки убрался восвояси, как из-за края огромной глыбы над их головами появился барсук, с нетерпением устремившийся было на запах дикобраза, обещающий самый лакомый обед.

Этот отпетый негодяй, от которого с презрением отворачиваются все в горах, был втрое больше Мусквы, и все в нем — сильные мускулы, когти, острые зубы — было великолепно приспособлено для нападения. На носу и на лбу у него были белые отметины. Ноги короткие и толстые, хвост пушистый, а когти на передних лапах почти такой же длины, как у медведя. Как только он показался, Тэр приветствовал его предостерегающим рычанием, и тот, перепуганный насмерть, удрал без оглядки.

А тем временем Порки ковылял себе потихоньку вниз, в поисках новых мест с подножным кормом. Он продолжал разговаривать и что-то напевать про себя, совсем позабыв о том, что случилось минуты две назад. Ему и в голову не приходило, что Тэр спас его от смерти столь же неминуемой, как если бы он свалился в пропасть глубиной в тысячу футов.

Тэр и Мусква прошли еще почти целую милю по извилистой козьей тропе. И вот наконец она привела на самую вершину горного кряжа. Теперь они находились на высоте добрых трех четвертей мили над поймой ручья. Местами хребет, вдоль которого вела тропинка, настолько сужался, что можно было видеть одновременно обе долины, лежащие по разным сторонам его.

Мусква видел у себя под ногами только золотисто-зеленый туман бездны. Лес по обе стороны ручья представлялся отсюда черной полоской, а пихтовые и кедровые чащи на отдаленных склонах казались не больше зарослей шиповника или ивняка.

Здесь, наверху, разгуливал сильный ветер. С непонятной яростью налетал он на Мускву, который, пока они шли, успел уже ощутить у себя под ногами незнакомый и далеко не приятный холод снега.

Какая-то огромная птица дважды стремительно пронеслась неподалеку от него, скользя на распластанных крыльях. Такой боль-

шой птицы медвежонку не приходилось видеть еще ни разу за всю свою жизнь. Это был орел.

Во второй раз орел пролетал так близко, что Мусква услышал, как он разрезает воздух крыльями, и разглядел его огромную злую голову и растопыренные в стороны когти. Тэр повернул к птице голову и зарычал. Очутись здесь Мусква один, плыть бы ему по воздуху в этих смертоносных когтях. Теперь же орел сделал свой третий круг на почтительном расстоянии, но уже под ними.

Огромная птица наметила себе другую добычу. Зверя, привлекшего орла, почуяли и Тэр с Мусквой и остановились.

Ярдах в ста под ними находился гладкий и отлогий сланцевый склон, и на нем, нежась на солнышке после утренней кормежки, расположилось стадо горных баранов. Их было штук двенадцать-тринадцать, главным образом матки с ягнятами. Поодаль, с восточной стороны от них, лежали на снегу три огромных старых барана.

Орел, словно перо, плывущее по ветру, бесшумно парил в вышине. Матки и даже старые, матерые бараны и не подозревали о его присутствии. Большинство ягнят лежало под боком у матерей, но два или три, самые непоседливые, бродили по склону, то и дело шаловливо взбрыкивая. Свирепый взгляд орлиных глаз был прикован к этим малышам. И вдруг орел стал удаляться, летя навстречу ветру, потом на расстоянии ружейного выстрела он плавно развернулся и понесся назад, по ветру, не шевельнув крылом. Скорость его полета все нарастала. И вот он ринулся вниз, обрушившись на ягнят, как ракета.

Казалось, лишь огромная черная тень промелькнула над стадом да одинокое жалобное блеяние пронеслось вслед за тенью. Но там, где только что резвились три ягненка, осталось два.

Смятение охватило всех находящихся на склоне. Тревожно блея, матки заметались взад и вперед. Бараны вскочили на ноги и застыли неподвижно. Высоко подняв свои рогатые головы, они в поисках новой угрозы внимательно вглядывались в бездну под ними и в черные вершины над их головами. Один из них заметил Тэра и издал низкое, резкое блеяние, звук которого охотник мог бы услышать на расстоянии мили отсюда. Подав этот сигнал тревоги, баран опрометью ринулся вниз по склону, и сейчас же стук многих копыт рассыпался по откосу, сопровождаемый грохотом мелких и крупных камней, которые, срываясь, покатились вниз.

Падая, одни камни увлекали за собой другие, и грохот обвала становился все громче. Все это необычайно заинтересовало Мускву. Он бы еще долго простоял так, с любопытством вглядываясь вниз, если бы Тэр не повел его дальше.

Вскоре тропа начала спускаться в ту самую долину, из верхней части которой первые выстрелы Ленгдона прогнали Тэра. Теперь они находились миль на шесть — восемь севернее леса, в котором охотники разбили свой лагерь. Отсюда Тэр с Мусквой двинулись к нижним притокам Скины.

Еще час пути, и голый сланец и серые скалы остались наверху, а Тэр и Мусква вступили на зеленые склоны. После скал, холодного

ветра, свирепого взгляда орлиных глаз теплая, приветливая долина, в которую они спускались, показалась Мускве раем.

Было ясно, Тэр что-то задумал. Теперь он шел не просто так. Он обходил стороной выступы и открытые места на склонах. Низко опустив голову, шел все на север и на север, и даже компас не мог бы обозначить более прямую линию к низовьям Скины. Вид у гризли был чрезвычайно озабоченный и деловой. А храбро трусящий за ним Мусква ломал себе голову над вопросом: неужели он так и будет идти вечно, без остановки? Разве есть в мире место более привлекательное для большого гризли и маленького рыжемордого медвежонка, чем эти чудесные солнечные склоны, от которых Тэру, казалось, не терпится уйти подальше?

Глава XI

Брюс и Ленгдон на месте побоища

Если бы не Ленгдон, то этот день схватки двух медведей оказался бы еще более бурным и опасным для Тэра и Мусквы. Уже через три минуты после того, как охотники, потные и запыхавшиеся, добрались до места кровавого столкновения, Брюса так и подмывало продолжать погоню за Тэром. Он знал, что огромный гризли не мог еще уйти далеко, и был уверен, что тот поднялся в горы. Как раз в ту самую минуту, когда Тэр и Мусква ступили на козью тропу, Брюс обнаружил следы Тэра на гравии в ущелье.

Однако все уговоры Брюса были бессильны. Потрясенный до глубины души представившимся его глазам зрелищем, охотник-натуралист наотрез отказывался покинуть покрытую пятнами крови и всю изрытую арену, на которой только что дрались гризли и черный медведь.

— Для того чтобы увидеть такое,— сказал он,— я проехал бы пять тысяч миль, даже если бы мне не удалось в результате сделать ни единого выстрела. Здесь есть о чем поразмыслить и что посмотреть, Брюс. Этот медведь еще не разлагается. Разложение начнется через несколько часов. Мухи еще только слетаются. И если здесь скрыта какая-нибудь история, до которой мы могли бы докопаться, то я хочу узнать ее.

Раз за разом Ленгдон совершал все новые обходы поля боя, осматривая землю и страшные раны на теле черного медведя. А Брюс, казалось, не обращал на все это ни малейшего внимания. Но приблизительно через полчаса он позвал Ленгдона на опушку пихтовой чащи.

— Ты хотел узнать, что случилось,— сказал он,— я сделал это, Джимми.

Он углубился в чащу, и Ленгдон поспешил за ним. Пройдя несколько шагов вперед, Брюс остановился и указал на яму, в которой Тэр прятал мясо карибу. Яма была перепачкана кровью.

— Твоя догадка была верна, Джимми,— сказал он.— Наш гризли действительно питается мясом. Вчера вечером он убил карибу вон на том лугу. Я знаю, что это он убил карибу, а не черный, потому что следы на краю опушки принадлежат гизли. Пойдем! Я покажу тебе, где кинулся он на карибу.

Он вывел Ленгдона на луг и показал место, где Тэр задрал молодого оленя. Там, где Тэр и Мусква пировали, оставались куски мяса и множество пятен крови.

— Наевшись до отвала, он припрятал тушу в чаще,— продолжал Брюс.— А сегодня утром черный проходил неподалеку, учуял мясо и забрался в его кладовую. Потом гризли вернулся позавтракать, и вот что вышло из этого всего! Вот тебе и весь сказ, Джимми.

— А не может он еще... вернуться?— спросил Ленгдон.

— Да ни за что на свете!— воскликнул Брюс.— Он не притронулся бы больше к этой туше, даже если бы подыхал с голоду. Теперь его будет мутить уже от одного запаха этого места.

Брюс оставил Ленгдона размышлять в одиночестве на поле брани, а сам пошел выслеживать Тэра дальше. Целый час Ленгдон писал под сенью пихт, то и дело вставая, чтобы установить новые факты или проверить уже установленные. А его проводник тем временем пядь за пядью продвигался по ущелью. Тэр не оставлял за собой кровавых пятен, но там, где другие не заметили бы ничего, Брюс находил верные признаки, что Тэр прошел здесь. И когда он вернулся к заканчивавшему свои заметки Ленгдону, то на лице его было написано полное удовлетворение.

— Он отправился через горы,— сказал Брюс с оживлением.

Не успели охотники перевалить через вулканические нагромождения среди скал и добраться по козьей тропе до места, откуда Тэр и Мусква наблюдали за орлом и баранами, как наступил полдень. Перекусили и занялись осмотром долины в бинокль и подзорную трубу. Долгое время Брюс не произносил ни слова. Затем опустил свою трубу и обернулся к Ленгдону.

— Кажется, теперь я представляю себе довольно отчетливо его владения,— сказал он.— Они простираются по этим двум долинам. Мы разбили лагерь слишком далеко на юг. Видишь вон тот лес внизу? Вот там бы и устроить лагерь. Как ты смотришь на то, чтобы сходить за лошадьми и подняться с ними сюда?

— И оставить гризли до завтра?

Брюс кивнул:

— Нельзя же пускаться за ним, оставив лошадей спутанными в этой пойме.

Ленгдон убрал бинокль в футляр, поднялся и вдруг замер.

— Что это?

— Ничего не слышал,— сказал Брюс.

Несколько секунд они стояли рядом, прислушиваясь. Налетел порыв ветра, и снова все стихло.

— Слушай!— шепнул Ленгдон, и в голосе его внезапно послышалось волнение.

— Собаки?— воскликнул Брюс.

— Да, собаки!

Оба подались вперед, полуобернувшись к югу,— до них донесся далекий лай эрделей.

Метусин прибыл и искал их в долине!

Глава XII

В неведомую страну

Тэр пребывал в том состоянии решимости, которое индейцы называют пимутэо.

Что-то подсказывало ему, что надо идти только на север. Это было так же неоспоримо для Тэра, как дважды два четыре, хоть он и не был знаком с таблицей умножения. И к тому времени, когда Ленгдон с Брюсом выбрались на верхнюю часть козьей тропы и остановились, прислушиваясь к далекому лаю собак, малыш Мусква дошел уже до полного отчаяния. Их путешествие походило на бесконечную, без передышки игру в салки.

Через час после того, как гризли и медвежонок оставили козью тропу, они подошли к тому месту долины, где начинался водораздел. Отсюда один из ручьев бежал на юг, углубляясь в район озера Тэклы, другой — сливался с рекой Бэбин, впадающей в Скину.

Тэр и Мусква быстро спустились в низину, и медвежонок впервые в жизни оказался на болотах. Трава была такая густая и высокая, что Мусква уже не видел из-за нее Тэра, а только слышал, как тот медленно продвигается вперед. Ручей разливался все шире, становился все глубже. Местами приходилось идти по самому краю темных, стоячих заводей, которые казались бездонными. Наконец-то Мускве удалось немного передохнуть.

Тэр поминутно задерживался то у одного, то у другого водоема, принюхиваясь к воде. Он что-то искал и, казалось, никак не мог найти. И всякий раз, как гризли снова пускался в путь, Мусква чувствовал, что он больше не выдержит.

Пройдя добрых семь миль на север от того места, откуда Брюс и Ленгдон осматривали долину, они вышли к озеру. Мускве, который на своем веку видел только освещенные солнцем горы, оно показалось темным и неприветливым. Лес подступал здесь почти к самому берегу, и вода в озере была темная, почти черная. Незнако-

мые птицы пронзительно кричали в густом тростнике. От озера исходил странный, острый запах, от которого у медвежонка вдруг потекли слюнки,— он почувствовал нестерпимый голод. Минуты две Тэр стоял, втягивая в себя этот соблазнительный запах. Пахло рыбой.

Огромный гризли не спеша направился вдоль берега озера. Вскоре он добрался до устья небольшого ручья. Хотя устье было не шире двадцати футов, вода в нем оказалась такой же темной, неподвижной и глубокой, как и в самом озере. Тэр поднялся ярдов на сто вверх по ручью и отыскал место, где несколько деревьев, упавших поперек ручья, образовали своего рода плотину. Вода у самой плотины была затянута зеленой ряской. Тэр знал, чем здесь можно поживиться, и стал медленно пробираться по завалу.

Дойдя до середины, гризли остановился и осторожно разогнал ряску правой лапой. Образовалось оконце, вода в котором была совершенно прозрачна. Блестящие маленькие глазки Мусквы следили за ним с берега. Мусква знал, что Тэр сейчас раздобудет еду, но как и что он достанет из этого оконца, никак не мог понять. И, несмотря на усталость, любопытство взяло верх. А Тэр растянулся на брюхе, свесив голову и опустив правую лапу через край плотины. Он окунул лапу в воду и замер. Ему было все ясно видно до самого дна.

Несколько минут гризли разглядывал дно, сучья поваленных деревьев и свою лапу под водой. Вдруг длинная, узкая тень проплыла под ним. Это была форель длиной дюймов в пятнадцать. Она прошла слишком глубоко. Тэр и не подумал бросаться за ней. Он терпеливо ждал. И очень скоро его терпение было вознаграждено. Пестрая, в ярких красных пятнах красавица форель выплыла из-под ряски. Огромная лапа Тэра — это произошло так неожиданно, что Мусква даже взвизгнул с перепугу,— плеснул целый фонтан воды футов на двенадцать в воздух, и рыба шлепнулась на берег около медвежонка.

Мгновенно Мусква накинулся на нее, и его мелкие, острые зубки вонзились в бьющуюся, извивающуюся рыбу. Тэр приподнялся было, но, увидев, что Мусква уже завладел форелью, снова принял прежнее положение.

Не успел Мусква прикончить свою добычу, как снова столб воды взметнулся вверх, и пролетела вторая форель, выделывая пируэты в воздухе. На этот раз Тэр кинулся за ней, потому что и сам был голоден.

Они попировали на славу в этот послеполуденный час у текущего в тени деревьев ручья. Еще раз пять выкидывал Тэр рыбу, появлявшуюся из-под ряски, но Мусква, хоть убей, не мог после первой форели съесть ни кусочка.

Несколько часов после обеда они провалялись в прохладном, надежно укрытом месте неподалеку от запруды. Сон у Мусквы стал чутким. Он начинал понимать, что жизнь его зависит теперь главным образом от него самого, и уши медвежонка уже привыкли быть постоянно настороже, прислушиваясь к каждому звуку. Сквозь сон

медвежонок чувствовал, когда Тэр повертывался или глубоко вздыхал. После вчерашнего марафонского бега медвежонку было не по себе — мучил страх, что он может потерять своего большого друга и кормильца, и Мусква решил смотреть в оба, как бы приемный родитель при случае незаметно не удрал от него. Но Тэр и не собирался отделываться от своего маленького товарища. Он и сам привязался к Мускве.

Не одно только желание отведать свежей рыбы и страх перед врагами привели Тэра в этот низменный край, где вольно струились воды Бэбин. Еще неделю назад почувствовал он все более растущую тревогу, и за последние два-три дня — дни сражения и побега — она стала нестерпимой. Странное, ничем не заглушаемое томление переполняло его. И, пока Мусква мирно дремал, прикорнув в кустах, уши Тэра напряженно и чутко ждали, не послышатся ли знакомые звуки, а нос то и дело принюхивался. Ему не хватало подруги.

Наступил паскувепесим — месяц линьки. А именно в этом месяце или чуть раньше, в конце июня, который называют «месяцем опыления», Тэр и отправлялся обычно на поиски медведицы, которая приходила к нему из западных урочищ. Гризли почти во всем следовал раз и навсегда установившейся привычке и каждый год проделывал одно и то же путешествие, неизменно забираясь в эту долину реки Бэбин. Он никогда не упускал случая поесть по пути рыбки. И чем больше он ее ел, тем сильнее от него пахло рыбой. Едва ли Тэр думал, что от этого благоухания он становится более привлекательным для своей подруги. Во всяком случае, рыбы он съел столько, что от него просто разило.

Гризли встал со своего места и, растянувшись на плотине, пролежал там часа два, пока не наступил закат. За это время он выплеснул из воды еще три форели. Мусква съел голову одной из них, а Тэр все остальное. И снова они пустились в странствия.

Они вступили в совершенно новый для Мусквы мир. Ни одного знакомого звука не было здесь слышно. Умолкла монотонная песня ручьев верхней долины. Не слышно было голосов сурков, куропаток и вечно озабоченных гоферов. Вода в озере была глубокая, темная, неподвижная. Черные, не знающие солнца омуты таились под самыми корнями деревьев — настолько близко лес подступал к озеру. Здесь не было скал, которые так трудно преодолеть, но повсюду встречались сырые, скользкие стволы деревьев, частые завалы бурелома и разбросанные там и сям заросли кустарника. И даже воздух был совсем другой. Ни движения — тишина. Они брели по чудесному ковру из мягкого мха, в котором даже Тэр утопал по самые плечи. Шли в загадочный мрачный лес, полный таинственных теней, в котором стоял терпкий, едкий запах гниющих растений.

Тэр шагал уже не так быстро. Молчание, мрак и гнетущий запах, казалось, настораживали гризли. Он ступал бесшумно, то и дело останавливался, осматриваясь и прислушиваясь. Принюхивался к омутам, скрытым у корней деревьев. При каждом новом

звуке медведь замирал на месте. Голова низко опускалась к земле, уши поднимались. Несколько раз Мусква видел, как какие-то тени проплывали во мраке. Это пролетали большие серые совы, которые зимой становятся белоснежными. А один раз, когда уже начинало смеркаться, они набрели на существо очень свирепого вида, которое при виде Тэра в страхе метнулось прочь. Это была рысь.

Еще не совсем стемнело, когда Тэр и Мусква бесшумно вышли из чащи и очутились сначала на берегу ручья, а потом у большого пруда. Пахнуло теплом и запахом чего-то нового, незнакомого. Запах, казалось, исходил из пруда, посередине которого виднелись какие-то круглые строения, похожие на огромные шалаши, обмазанные толстым слоем глины, и пахло не рыбой — это медвежонок уже знал.

Здесь жили бобры, и всякий раз, как Тэр забредал в эту часть долины, он неизменно наведывался в колонию бобров. Случалось, что тут перепадал на завтрак или на ужин какой-нибудь толстый бобренок. Но сегодня медведь не был голоден да к тому же торопился. И все же он задержался на несколько минут, притаившись в тени, у берега.

Бобры уже приступили к ночным работам. Какие-то поблескивающие зигзаги скользили по водной глади. Мусква не мог понять, что это такое, но вскоре разглядел темные плоские головы и заметил, что большинство их двигалось от берега пруда по направлению к длинной, низкой перемычке, отгораживавшей воду с востока ярдов на триста.

Для Тэра эта запруда оказалась новинкой, и, прекрасно зная своих искусных друзей — если ему и случалось закусить кем-нибудь из них, то ведь только изредка,— он понял, что бобры расширяют границы своих владений, сооружая новую плотину.

Тэр и Мусква наблюдали, как два толстых труженика с громким всплеском столкнули в воду четырехфутовое бревно. Один потянул его на место строительства, а второй вернулся к какой-то другой работе. Чуть позднее на том берегу с треском повалилось дерево — еще один работник успешно завершил свой труд.

Тэр направился к плотине. И в ту же минуту что-то оглушительно треснуло и громко плеснулось в воде. Это старый бобр увидел Тэра и, подавая сигнал тревоги, так шлепнул плоской стороной своего широкого хвоста по гладкой поверхности воды, что удар прозвучал в тишине, словно ружейный выстрел. И сейчас же пруд со всех сторон огласился плеском. Вся вода сразу закипела и забурлила — штук двадцать потревоженных рабочих в панике плыли под водой к своим обмазанным глиной твердыням. Мускву это общее возбуждение захватило настолько, что он чуть было не прозевал Тэра.

Медвежонок догнал гризли уже у самой плотины. Некоторое время Тэр критически осматривал новое сооружение. Потом попробовал, выдержит ли оно его вес. Постройка оказалась прочной, и по этому мосту медведь с медвежонком прошествовали на другой берег. Вскоре Тэр ступил на отчетливо видную тропу, протоптан-

ную карибу, и она, обогнув озеро, привела их через полчаса к ручью, который брал свое начало в озере и тек от него на север.

Мусква мечтал об одном: чтобы Тэр наконец сделал привал. За время короткого дневного сна ноги медвежонка не успели отдохнуть и теперь ныли, нежные подушечки на его лапах распухли и ободрались, на них страшно было ступить. Весь день они шли не останавливаясь, и, будь на то воля Мусквы, он в течение целого месяца не сделал бы ни одной мили пешком. Идти, конечно, было не так уж неприятно, но медвежонку приходилось то и дело гнать рысью, чтобы успеть за Тэром. Так бежит малыш, уцепившись за палец взрослого, который идет широким шагом. А Мускве и уцепиться-то было не за что.

Подошвы медвежонка жгло точно кипятком, нежный носик был порезан кустарником и острой, как нож, болотной травой, спина болела. И все-таки он не отставал.

Но вот под ногами снова пошли песок и галька. Идти стало легче. Звезды, миллионы звезд высыпали на небе, ясные, сверкающие...

По всему было видно, что Тэр настроился идти и ночью. И неизвестно, чем бы кончилось это ночное путешествие для медвежонка, если бы силы небесные не сговорились дать ему передышку.

Еще примерно с час звезды были ясными, а Тэр, этот изверг бесчувственный, все шел себе да шел. У Мусквы уже лапы заплетались одна за другую. Но вот где-то в отдалении, на западе, прозвучал низкий рокот грома. Рокот усиливался, нарастал, стремительно надвигаясь на них прямо с теплого Тихого океана.

Тэр забеспокоился и, повернув голову в сторону грома, принюхался. Синие огненные зигзаги вспарывали черный покров ночи, который то и дело снова затягивался, как огромный занавес. Звезды исчезли. Протяжно завыл ветер. И вот хлынул дождь.

Тэр отыскал скалу, которая образовала впадину с навесом над ней, и они с Мусквой успели забиться туда еще до начала ливня. Долгое время дождь хлестал как из ведра. Казалось, воды Тихого океана выплескивались сюда. Не прошло и получаса, как ручей вздулся, превратившись в бурный поток.

Молнии и удары грома приводили Мускву в ужас. При невероятных, ослепляющих вспышках молний Мусква мог видеть Тэра, но вдруг снова наступила кромешная тьма. Казалось, вершины гор рушатся в долину и земля вздрагивает... И Мусква все ближе подбирался к Тэру, пока не устроился наконец между передними его лапами и не прижался к лохматой груди гризли.

Тэра не беспокоили эти шумные судороги природы. Единственно, чего он боялся,— это намокнуть. Он принимал ванну только тогда, когда солнце сверкало и рядом была какая-нибудь уютная нагретая скала, на которой можно было растянуться.

Еще долго после своего неистового низвержения ливень никак не мог уняться. Но теперь это даже нравилось Мускве. Под укрывшей их скалой, прижавшись к Тэру, медвежонок чувствовал себя очень уютно и быстро заснул.

Долгие часы продолжалось одинокое бдение Тэра. Время от времени он клевал носом, но беспокойство, не утихавшее в нем, не давало ему уснуть. Вскоре после полуночи дождь перестал, но было еще очень темно, ручей разлился и вышел из берегов... И Тэр остался под скалой.

Мусква выспался на славу. Когда Тэр зашевелился и разбудил его, уже наступил день. Медвежонок выбрался из-под скалы следом за гризли, чувствуя себя несравненно лучше, чем вчера вечером, хотя лапы его еще ныли и тело ломило.

Тэр снова двинулся по течению ручья. По берегам его тянулись отмели и бесчисленные болотца, буйно заросшие мягкой травой со множеством съедобных кореньев. Здесь росли и стройные лилии на длинных стеблях, до которых Тэр был большой охотник.

Но чтобы такому огромному гризли насытиться подобными вегетарианскими деликатесами, понадобился бы целый день. А Тэр очень торопился. Любовный угар Тэра длился всего несколько дней в году. Но и сам Тэр и его образ жизни в эти дни изменялись неузнаваемо. Забота о хлебе насущном и о нагуливании жира отступала у гризли на время счастливого супружества куда-то на второй план. Иными словами, он в эти дни жил не только ради того, чтобы набить себе брюхо, а ел лишь для поддержания бренной оболочки. Потому-то, пока дело дошло до обеда, Мусква чуть не умер с голоду.

Но вот наконец — день еще был в самом разгаре — Тэр подошел к обмелевшему затону, не свернуть к которому было бы просто преступлением.

В ширину затон не достигал и двенадцати футов, но форели в нем было очень много. Это были те рыбы, которые в половодье поднялись вверх по ручью, но не успели достичь озера. Вода спала, а они остались в этом затоне; в ожидании нового подъема воды, когда можно будет уйти в глубокие реки Бэбни и Скину, они жили в этой ловушке. С одного края вода была здесь глубиной в два фута, с другого же — всего несколько дюймов.

Гризли вошел в более глубокую часть, и Мускве, оставшемуся на берегу, было видно сверху, как сверкающие в воде форели кинулись к отмели. Тэр не спеша двинулся на них, и, как только он оказался в воде на глубине в восемь дюймов, рыбы в панике одна за другой попытались проскочить мимо медведя опять в глубину. Раз за разом огромная правая лапа Тэра взметала огромные столбы воды. Первый же из этих всплесков сбил Мускву с ног. Но зато вместе с водой на берег была выплеснута двухфунтовая форель. Медвежонок тут же оттащил рыбу от берега и набросился на нее.

От могучих ударов лапы Тэра в водоеме началось настоящее столпотворение. Рыбы метались от одного берега к другому. А гризли тем временем выбросил на берег почти целую дюжину рыб.

Мусква так увлекся едой, а Тэр — ловлей, что оба прозевали появление гостя. Они увидели его почти одновременно: Тэр — из воды, а Мусква — стоя над рыбой. И оба остолбенели от изумления.

Гость был тоже гризли. Он принялся поедать рыбу, выловленную Тэром, с таким хладнокровием, словно наловил ее сам. Такого неслыханного оскорбления и столь дерзкого вызова никто не помнил в этой медвежьей стране. Даже Мусква и то понял это и выжидающе посмотрел на Тэра. Предстоял еще один бой, и, предвкушая его, медвежонок облизнулся.

Тэр не спеша вылез из воды. На берегу он снова помедлил. Оба гризли не сводили глаз друг с друга. Пришелец смотрел на Тэра, не переставая грызть рыбину. Ни тот, ни другой не рычали. Мусква не заметил ни одного признака вражды. А затем, к вящему изумлению медвежонка, Тэр приступил к еде шагах в трех от незваного гостя!

Может быть, человек и лучшее создание природы, но по части уважения к старости подчас уступает медведю гризли. Тэру, например, и в голову бы не пришло грабить старого медведя, драться с ним, прогонять старика от мяса, даже если оно нужно самому Тэру. А далеко не о каждом представителе рода человеческого можно сказать то же самое.

Гость был старым да к тому же еще больным медведем. Ростом он почти не уступал Тэру, но так одряхлел, что грудь его стала вдвое уже, а шея и голова до смешного тощи.

У индейцев племени кри есть особая кличка для такого медведя. Они зовут его Кьюйес Вопаск — медведь, который вот-вот умрет от старости. Индейцы ни за что не тронут такого медведя, хотя белый человек убивает его. Сородичи относятся к такому медведю снисходительно и подпускают его к своей добыче, если он окажется по соседству.

Старый медведь, стоявший перед Тэром и Мусквой, был измучен голодом. Когти у него выпали, шерсть поредела, на шкуре проступали плешины, беззубые, красные десны еле-еле разжевывали пищу. Если он дотянет до осени, то заляжет в берлогу на последнюю свою спячку. Там и умрет. А может быть, его час пробьет и того раньше. И тогда Кьюйес Вопаск, почуяв его приближение, забьется в какую-нибудь глухую пещеру или глубокую расщелину в скалах и там отойдет с миром.

Вот поэтому-то ни Брюс, ни Ленгдон ни разу не слышали, чтобы кто-нибудь из людей нашел в Скалистых горах кости или труп гризли, который умер естественной смертью!

...Огромный, затравленный зверь, которого мучила рана и которого преследовал человек, казалось, понял, что это последний пир Кьюйес Вопаска, слишком старого, чтобы самому ловить рыбу, слишком старого, чтобы охотиться, и слишком старого даже для того, чтобы откопать нежные корни дикой лилии. И Тэр не мешал ему. Они мирно уничтожали рыбу. А потом Тэр снова тронулся в путь, и маленький Мусква последовал за ним.

Глава XIII.

Пипунескус

Вот уже два часа подряд тянулась эта бесконечная прогулка — Тэр тащнл за собой Мускву все дальше на север. С тех пор как козья тропа осталась позади, они отшагали добрых двадцать миль. А для медвежонка с рыжей мордочкой это было равно кругосветному путешествию. При нормальных условиях он не забрел бы от родных мест в такую даль лет до двух, а то и до трех.

Много временн отнимали крутые горные склоны. Но Тэр наверстывал упущенное, выбирая самые удобные тропинки вдоль ручья. Милях в трех-четырех от водоема, у которого они покинули старого медведя, Тэр неожиданно свернул на запад. И вот они снова взбирались на гору.

Они поднялись на четверть милн вверх по заросшему травой оползню, который — к счастью для Мусквы с его больными лапамн — вывел нх на гладкую, совершенно ровную поверхность сброса. Отсюда они выбрались на склоны, ведущне во вторую долнну. Это была та самая долина, в которой мнлях в двадцати южнее Тэр убнл черного медведя.

С того момента, как Тэр оглядел свон владення с их северной границы, в нем произошла перемена, за которую Мусква, владей он даром речи, смиренно возблагодарнл бы всевышнего. Тэр вдруг как-то сразу утратил нетерпение, подгонявшее его все время. Минут пятнадцать простоял он, заглядывая вниз н принюхиваясь. Не спеша гризлн спустнлся в долину н, дойдя до зеленых лугов н поймы ручья, пошел навстречу ветру, который тянул с юго-запада.

Ветер не доносил желанного запаха подруги. Однако инстннкт, более безошибочный, чем рассудок, подсказывал гризлн, что она где-то неподалеку. Он не прннимал в расчет такого возможного, например, обстоятельства, как несчастная случайность,— ведь медведица могла, скажем, заболеть нлн попасться охотникам, которые убили бы ее. Тэр всегда начннал свои поиски с этого места и рано или поздно находнл медведнцу. Гризли знал ее запах и исхаживал этн ннзины по нескольку раз вдоль и поперек, так что появление этого запаха не могло ускользнуть от него.

Совершенно естественно, что в эти напряженные часы поисков гризлн почтн совсем забыл про Мускву. Еще до заката по меньшей мере раз десять переходнл Тэр взад и вперед ручей, н медвежонку прнходилось то идти вброд, то барахтаться в воде, то ползтн за ним по дну ручья. Бедняга чуть было не утонул н, возмущенный, почти решил уже отстать от Тэра. На десятый нлн двенадцатый раз Мусква взбунтовался н не пошел за Тэром на другую сторону ручья. Но гризли скоро вернулся.

Дальше события развнвались совсем уж неожнданно. Солнце

уже садилось. Слабый ветерок вдруг изменил направление и задул с запада, принеся с западных горных склонов в полумиле отсюда запах, который заставил Тэра замереть на месте и с полминуты не двигаться, а затем погнал его торопливой иноходью, самым безобразным аллюром, на который только способно четвероногое. Мусква шаром катился за ним, но, хотя и бежал во все лопатки, с каждым шагом отставал все больше. И медвежонок наверняка потерял бы Тэра, если бы тот не задержался у подножия склона ближайшей горы, уточняя направление. Когда же гризли кинулся вверх по склону, Мусква увидел его и с воплем припустился следом.

На высоте двухсот-трехсот ярдов, там, где горный склон полого спускался, переходя в лощину, втягивая носом воздух, стояла красавица медведица из чужих краев и с ней один из ее прошлогодних медвежат. Когда Тэр перевалил за гребень горы, то оказался ярдах в пятидесяти от нее. Он остановился и смотрел на нее. Исквау тоже смотрела на него. И началось медвежье ухаживание.

Торопливость, нетерпение, порыв, казалось, разом угасли. Да и у Исквау был теперь совершенно безразличный вид. Минуты две-три Тэр стоял, оглядываясь кругом. За это время Мусква успел догнать его и уселся рядом, ожидая новой баталии.

Исквау перевернула большую каменную глыбу и занялась поисками гусениц и муравьев, как если бы Тэра здесь и не было. А Тэр, чтобы не дать перещеголять себя, с такой же стоической невозмутимостью сорвал клок травы и проглотил его. Исквау ступила шаг или два, и Тэр тоже ступил шаг или два. Как будто совершенно случайно, само собой получалось, что они продвигались навстречу друг другу.

Мусква был озадачен, да и медвежонок постарше — тоже. Они сидели, точно две собачонки, на задних лапках и удивленно ждали, что же за этим последует.

Пять минут понадобилось Исквау и Тэру, чтобы расстояние между ними уменьшилось до пяти футов. Затем они церемонно принялись обнюхиваться. Как только дело дошло до этого, медвежонок постарше присоединился к семейному кругу.

Он уже достиг возраста, необходимого для получения дальнейшего имени, индейцы называют таких медвежат п и п у н е с к у с — годовалый.

Пипунескус решительно направился к Тэру и матери. Казалось, Тэр не заметил его. Но вдруг длинная правая лапа гризли мелькнула в неожиданном апперкоте — ударе снизу,— от которого Пипунескус взвился в воздух и полетел, кувыркаясь, в сторону Мусквы.

Мать, все еще нежно обнюхиваясь с Тэром, не обратила ни малейшего внимания на изгнание своего отпрыска. Но Мусква решил, что это начало новой смертельной битвы. Издав боевой клич, он кинулся вниз по склону и что было сил навалился на Пипунескуса.

Пипунескус был маменькиным сынком. Он принадлежал к тем медвежатам, которые упорно не отстают от своих мамаш и на вто-

рой год жизни. С ним нянчились, пока ему не сравнялось пять месяцев. Медведица и после этого не переставала добывать для него лакомства. Он был толстый, гладкий и очень избалованный. Настоящий неженка...

Мусква же, напротив, за эти несколько дней набрался настоящего мужества. И, хотя он был втрое меньше Пипунескуса и его лапы ныли, а спина болела, он обрушился на противника, словно пуля, выпущенная из ружья.

Все еще не опомнившийся от оплеухи Тэра, Пипунескус при этом яростном нападении завопил, призывая на помощь мать. Ему еще ни разу не приходилось сражаться, и он только перекатывался с боку на спину, царапаясь и испуская истошные вопли, в то время как острые зубки-иглы Мусквы раз за разом вонзались в его нежный бок. Муске удалось цапнуть его за нос. Укус был глубоким, и если у неженки Пипунескуса была вообще хоть капля мужества, то при этом и она улетучилась. И, пока Мусква крепко держал его зубами, Пипунескус вопил что есть мочи, извещая свою маменьку, что его убивают. А Искавау продолжала себе любезничать с Тэром и не обращала на эти крики никакого внимания.

Освободив наконец окровавленный нос, Пипунескус, пользуясь своим огромным преимуществом в весе, стряхнул с себя Мускву и кинулся наутек. Мусква доблестно преследовал противника. Дважды обежали они вокруг водоема, и Мусква несся за ним по пятам, пока насмерть перепуганный Пипунескус, зазевавшись на мгновение, не налетел на скалу и не растянулся во весь рост на земле. Сейчас же Мусква снова оказался на нем и не перестал бы кусаться и рычать, пока не выбился из сил, если бы случайно не увидел, что Искавау и Тэр не спеша спускаются с горы в долину.

Почти в тот же миг он забыл о драке. Его большой друг Тэр, вместо того чтобы разорвать медведицу на части, уходит вместе с ней! Медвежонок опешил. Пипунескус, придя немного в себя, тоже уставился на них. Затем медвежата посмотрели друг на друга. Мусква облизнулся, как бы выражая этим противоречивость своих чувств — колебание между соблазном изувечить Пипунескуса и властным голосом долга, зовущим его следовать за Тэром. Пипунескус разрешил эти сомнения. С жалобным ревом кинулся он за матерью.

Тревожное время наступило для двух медвежат. Всю ночь Тэр и Искавау провели в густом ивняке у поймы. Вечером Пипунескус опять было подкрался к мамаше, но Тэр снова отшвырнул его на середину ручья. Повторное доказательство неудовольствия Тэра окончательно убедило Мускву в том, что взрослые медведи не расположены терпеть общество медвежат. Результатом этого открытия было заключение перемирия между ним и Пипунескусом, которое длилось всю ночь.

Тэр и Искавау ушли недалеко. За всю ночь они не отошли от подножия горы дальше двухсот-трехсот ярдов. Поэтому Мусква воспользовался случаем и отдохнул. Но поспать по-настоящему так

и не пришлось, он по-прежнему упорно держался своего решения не упускать Тэра из виду. Весь следующий день Исквау и Тэр не выходили из зарослей.

Как только наступило утро, Мусква пустился на промысел. Сочная молодая трава была ему, конечно, по вкусу, но ей одной сыт не будешь. Он видел, что Пипунескус роется в мягкой земле у самого ручья, и в конце концов не выдержал и прогнал его от недорытой ямки, взяв дальнейшие поиски в свои руки. Покопавшись еще немного, он вытащил из земли белую луковицу.

Подобного лакомства ему еще не попадалось — даже форель не шла ни в какое сравнение с ним. Это было самое вкусное из того, что ему доводилось пробовать, если не считать рыбу. Луковица эта — корень клейтонии, и если с ней можно было хоть что-нибудь сравнить, то, пожалуй, только кандык. Клейтонии росли здесь в изобилии, и Мусква без устали откапывал их корни, пока лапы не разболелись не на шутку. Но зато и наелся уж в полное удовольствие.

Тэр еще раз оказался невольным виновником драки Мусквы с Пипунескусом. Уже к вечеру, когда оба взрослых медведя лежали рядышком в зарослях кустарника, Тэр вдруг ни с того ни с сего разинул свою огромную пасть и издал низкий, протяжный, раскатистый рев, очень похожий на тот, который прозвучал, когда он задрал насмерть черного медведя. Исквау подняла голову и стала громко вторить ему. Оба они делали это в самом великолепном расположении духа и испытывали во время этого дуэта полное блаженство. Почему медведи у себя на свадьбе находят удовольствие в дуэтах, от которых кровь стынет в жилах, остается тайной, и объяснить ее, пожалуй, могут только сами медведи.

Рев длился с минуту, и Мусква, который лежал возле кустарника, решил, что пробил славный час — Тэр приканчивает мамашу Пипунескуса. Глаза медвежонка мгновенно отыскали неженку. На беду себе, Пипунескус в это время крался по опушке кустарника, и Мусква не дал ему и рта раскрыть.

Черной молнией кинулся он на Пипунескуса и сбил того с ног, как маленького ребенка. Несколько минут они кусали, колотили и царапали друг друга. Вернее, все это делал главным образом Мусква, так как Пипунескус тратил свои силы в основном на вопли. Наконец большой медвежонок вырвался и опять пустился наутек. А Мусква загнал его в кустарник, выгнал оттуда, прогнал до ручья и обратно, заставил мчаться вверх по откосу, а потом вниз и преследовал, пока сам не выбился из сил и не свалился с ног.

И в это самое время Тэр вышел из чащобы. Он был один.

Казалось, Тэр впервые после позапрошлой ночи обратил внимание на Мускву. Он повел носом в одну, а затем в другую сторону, повернулся и пошел прямо к тем дальним склонам, с которых они спустились сюда вчера днем.

Мусква обрадовался, но был и озадачен этим. Очень уж хотелось ему забраться в чащу кустарника и порычать там, подергать за шкуру медведицу, которая, без сомнения, лежит там сейчас без-

дыханная, а заодно добить и Пипунескуса. Но, поколебавшись немного, Муква припустился за Тэром.

И вот он снова шагает по пятам за гризли.

На этом и кончилась семейная жизнь Тэра и первая битва Муквы. И снова они бредут на восток, навстречу самой страшной опасности — опасности, от которой никуда не уйдешь, которая смертельна.

Немного позже вышла из кустарника и Исквау. Так же, как и Тэр, она принюхалась к ветру. Затем повернула в противоположном направлении и не спеша уверенно двинулась вверх, навстречу закату. За ней бросился Пипунескус.

Глава XIV

Появление собак

Дойдя до склона, ведущего к сбросу, который разделяет две долины, Тэр повернул на юг, по направлению к тем местам, милях в восемнадцати — двадцати отсюда, где был убит черный медведь.

Муква полагал, что они с Тэром надолго распростились с Пипунескусом и его мамашей. На самом же деле Тэр испытал пока только первые радости медвежьего медового месяца. Теперь он удалялся, чтобы побыть наедине, поразмыслить и подкормиться. Да и Исквау тоже, хотя она и двинулась прямо на запад, еще не возвращалась к себе. Скорее всего, послезавтра, если судьба не вмешается в это дело по-своему, они встретятся снова и на следующее утро или к вечеру следующего дня опять расстанутся. Так их встречи будут повторяться в течение двух недель, а то и месяца, пока Исквау не станет неприветливой и злой. Тогда она отправится к себе до следующего года, и не исключено, что ее последнее «прости» окажется увесистой оплеухой, которую она залепит Тэру. Но замыслы живущих на земле то и дело рушатся самым плачевным образом. Судьба, которой предстояло стать между ними, в этот момент мчалась на лошадях по долине.

Эту первую, сверкающую звездами ночь после разлуки с Исквау и Пипунескусом огромный гризли и медвежонок с рыжей мордочкой пробродили без сна. Тэр не стал охотиться. Он взобрался по крутому склону вверх, а затем по глинистому откосу расщелины спустился к подножию горы и вышел на зеленую лужайку, густо заросшую кандыком. Это четырехлепестковый цветок на тонком, высоком стебле, с двумя листьями, как у лилии, и сладким луковицеобразным корнем. Всю ночь Тэр выкапывал и ел эти корни.

Мускве, который до отвала наелся клейтонией, есть не хотелось. И так как днем он, если не считать драки, только и делал, что отдыхал, то ночь, сияющие звезды, красавица луна показались ему восхитительными.

Луна взошла около десяти часов, и такой огромной и великолепной медвежонок не видел ее еще ни разу за всю свою недолгую жизнь. Свет ее, стекая с горных вершин, как лесной пожар, охватил Скалистые горы таинственным красным пламенем. Вся низина реки была освещена почти как днем. Небольшое озеро у подножия горы тихо мерцало, а питающие его ручейки, которые сбегали с гор из-под тающего на высоте тысячи футов снега, низвергались вниз сверкающими каскадами, в которых лунный свет дробился и играл, словно это была искрящаяся алмазная россыпь.

Там и сям пестрели кустарник, пихты и ели, как будто нарочно высаженные здесь. На вершине заросшего зеленью склона горы, невидимое для глаз Тэра и Мусквы, спало стадо горных баранов.

Мусква бродил с Тэром, обследуя чащи кустарника, черные тени сосен и елей, берег озера. Здесь он обнаружил лужицу жидкой грязи, которая казалась просто спасением для его измученных ног. И в течение ночи медвежонок раз двадцать забирался в нее.

Даже на рассвете Тэр все еще, казалось, не торопился уйти отсюда. Солнце уже было довольно высоко, а он все еще блуждал и блуждал по лужайке и по берегу озера, выкапывая попадающиеся коренья, набивая брюхо мягкой травой. Мускве, который позавтракал луковицами кандыка, это было по душе. Он только не понимал, почему Тэр не заберется в озеро и не нашвыряет оттуда форели. Медвежонок еще не знал, что рыба водится не во всякой воде.

В конце концов он сам отправился на рыбную ловлю и сейчас же преуспел, нарвавшись на одетого в твердый панцирь черного водяного жука, который впился ему в нос своими острыми, как иглы, клешнями, исторгнул из груди медвежонка отчаянный вопль.

Было часов десять, и в залитой солнцем ложбине медведю стало жарко, как у печки, в его толстой шубе. Тэр бродил меж скал около водопада, пока не обнаружил прохладное местечко. Он отыскал небольшую пещерку, в которой было холодно, как в погребе. Все вокруг нее — и шифер, и песчаник — было темным, холодным, скользким от множества струек талой воды, сбегавшей с горных вершин. Именно такие уголки выбирал обычно Тэр в жаркие июльские дни. Но Мускве здесь казалось темно, мрачно и в тысячу раз менее приятно, чем на солнышке. Часа через два он оставил Тэра в этом холодильнике и принялся обследовать уступы, не имея ни малейшего представления о том, как они опасны.

Несколько минут все шло прекрасно. Затем медвежонок ступил на зеленую шиферную плиту, по которой тончайшей прозрачной паутинкой стекала вода. Точно так же бежала она по этой плите уже сотни лет и отполировала ее, как жемчужину. Плита стала скользкой, точно ее смазали жиром. Мусква и опомниться не успел,

как ноги у него разъехались, и в следующее мгновение он уже скользил вниз, прямо в озеро, до которого было футов сто.

Он несся кувырком через мелкие лужицы. Точно мячик, перелетал через крохотные водопадики. У него даже дух захватило. Он ослеп и ничего не соображал от испуга. С каждым ярдом скорость его падения все возрастала. Его душераздирающие вопли разбудили Тэра.

На том месте, где потоки с гор спадают в озеро, образовался отвесный обрыв. И Мусква перелетел через него, причем инерция его падения оказалась так велика, что медвежонка швырнуло с разгона чуть ли не на середину озера. С громким плеском шлепнулся он в воду и скрылся.

Он погружался все глубже и глубже во тьму и холод, туда, где нечем дышать. А затем спасательный пояс, надетый на него самой природой — его жир,— снова поднял его на поверхность, и медвежонок забарахтался, хлопая по воде всеми четырьмя лапами. Это было его первое плавание. На берег он выбрался совершенно обессиленный и измученный. И, когда Тэр спустился со скалы, медвежонок все еще лежал, тяжело дыша.

В свое время мать Мусквы задала ему хорошую взбучку, когда он напоролся лапой на иглу дикобраза. Она наподдавала ему за каждую подобную оплошность, считая трепку лучшим лекарством. Воспитание медвежат и состоит главным образом в подобного рода поучениях, и, окажись мать Мусквы сейчас здесь, она бы снова проучила его таким же образом. А Тэр только обнюхал медвежонка, убедился, что тот цел и невредим, и тут же занялся откапыванием кандыка.

Не успел он доесть только что вырытый корень, как вдруг замер и с полминуты простоял в неподвижности, как статуя. Мусква, вскочив и отряхнувшись, тоже прислушался. Оба медведя что-то услышали. Легко, неторопливо Тэр выпрямился, встав на задние лапы. Он повернулся на север, уши его насторожились, чуткие ноздри напряглись. Он не почувствовал никакого запаха, но зато у с л ы ш а л!

Доносился еле различимый незнакомый звук, которого здешние горы еще не слышали. Лаяли собаки.

Минуты две Тэр сидел на задних лапах. Ни один мускул его гигантского тела не шевелился, только ноздри чуть вздрагивали. Сюда, в низину, в эту глубокую впадину под горой, даже звуку трудно было проникнуть. Мгновенно опустившись на четвереньки, гризли полез вверх по зеленому склону горы, на вершине которой прошлой ночью отдыхало стадо горных баранов. Мусква кинулся за ним.

Поднявшись футов на сто, Тэр остановился и, оглядываясь, снова поднялся на задние лапы. Теперь и Мусква смотрел на север. Внезапный порыв ветра помог отчетливо расслышать лай.

Меньше чем в полумиле от Тэра и Мусквы свора специально обученных эрделей Ленгдона, захлебываясь лаем, мчалась по горячему следу. Лай звучал яростно, заливисто, и это говорило от-

ставшим на полмили Брюсу и Ленгдону, что собаки недалеко от зверя.

Голоса собак взбудоражили Тэра. Инстинкт опять подсказывал гризли, что какой-то новый враг вторгается в его мир. Он не испугался. Но инстинкт властно настаивал на отступлении, и медведь стал взбираться выше и выше, пока не достиг части горы, которая была загромождена каменными глыбами. Там он снова остановился.

Он ждал. Какова бы ни была эта опасность, надвигалась она с быстротой ветра. Гризли и Мусква слышали, как она вырвалась на склон, который отделял впадину вокруг озера от долины. Вершина этого склона приходилась как раз на уровне глаз Тэра, и он увидел, как вожак стаи показался на краю этой вершины и на миг замер, четко обозначившись на фоне неба. Вскоре появились и остальные.

С полминуты собаки стояли неподвижно, вглядываясь в приозерную впадину под собой и втягивая ноздрями терпкий запах, которым она была пропитана. Тэр наблюдал за врагом не шевелясь, и только низкое, страшное рычание зарождалось у него в груди.

Он снова начал отступать лишь после того, как вся свора кинулась вниз и залилась звонким лаем. Но его отступление не походило на бегство. Гризли не боялся. Он продолжал свой отход потому, что так было нужно.

Тэр не напрашивался на неприятности. У него не было ни малейшей охоты удерживать этот луг и озерцо за собой. Есть другие луга и озера, а по своей природе Тэр не был охотником до драк. Но он был готов к драке. Медведь продолжал недобро ворчать. А в груди его медленно разгорался гнев.

Тэр прятался между утесами. Он шел по уступу горы, и Мусква не отставал от него. Гризли взобрался по крутому откосу скалы и запетлял между огромными каменными глыбами. Но он все время выбирал путь, который был бы по силам медвежонку. Только один раз он полез было с выступа скалы на нависший сверху пласт песчаника, но, увидев, что Мусква не взберется сюда, спустился обратно и пошел другим, более легким путем.

Лай собак слышался далеко внизу, в приозерной впадине. Затем он начал быстро приближаться, нарастая снизу, точно несся на крыльях. И Тэру стало ясно, что свора мчится вверх по зеленому склону. Он снова задержался.

На этот раз ветер донес запах собак, отчетливый и резкий. От этого запаха каждый мускул огромного тела гризли напрягся, и в груди медведя разгорелся злобный, неукротимый огонь. Собаки принесли с собой запах человека!

Теперь Тэр взбирался вверх побыстрее. Заливчатый, яростный лай собак звучал уже, казалось, не более чем в сотне ярдов, когда гризли ступил на узкий карниз, образованный сдвигом каменных пород.

С одной стороны карниза подымалась перпендикулярно каменная стена. С другой шел отвестный обрыв футов в сто глубиной.

Сам же карниз был загроможден огромной каменной глыбой, обрушившейся сюда с горы так, что остался только узкий проход.

Великан гризли довел медвежонка до этой каменной глыбы к началу прохода и сделал на площадке резкий разворот, пропустив Мускву вперед, а сам стал между ним и собаками. Перед лицом настигающей опасности мать-медведица загнала бы Мускву в какую-нибудь спасительную расщелину в скале. Тэр поступил иначе. Поднявшись на задние лапы во весь рост, он стал грудью навстречу опасности.

Пройдя футов двадцать по карнизу, Тэр зашел за выступ отвесной скалы и страшными, налитыми кровью глазами осмотрел уготованную им для гостей ловушку.

Свора приближалась с оглушительным лаем. К выступу, за которым притаился Тэр, собаки бежали плечом к плечу. Миг... и первая из них выскочила на арену, которую выбрал для боя Тэр.

Стая мчалась такой тесной группой, что, когда передние собаки, неожиданно наскочив из-за крутого поворота прямо на Тэра, попытались резко осадить, задние, налетев на них с разгона, швырнули их прямо на гризли. Тэр с ревом врезался в стаю.

Его огромная лапа протянулась вперед, и Муskве показалось, что он одним махом подгреб под себя сразу полстаи. Чудовищные челюсти медведя сомкнулись и разом перегрызли спину ближайшей собаке. Второй он так же быстро свернул шею. Затем гризли кинулся вперед и, прежде чем остальные собаки успели опомниться, влепил одной из них удар, от которого она перелетела через край обрыва и шлепнулась о камни с высоты сотни футов. Все произошло в какие-нибудь полминуты. Но за это время остальные девять собак уже успели отскочить в сторону.

Эрдели Ленгдона были настоящими бойцами. Все они как один происходили из рода бойцов, а Брюс и Метусин так натаскали их, что им теперь был сам черт не брат. Трагическая судьба трех собак не очень-то напугала остальных.

Быстрые, как молния, они окружили гризли, низко припав на передние лапы, каждая готовая в любой момент отскочить в сторону или назад и уйти от внезапных нападок медведя. Их лай перешел в частое, злобное тявканье, которое дает знать охотникам, что жертва загнана и ей теперь некуда податься. В этом и состоит их роль — изводить и выматывать зверя, замедлять его бегство, заставлять то и дело задерживаться, пока не поспеют охотники, чтобы добить его. Борьба между Тэром и собаками — это страшное, но благородное и захватывающее состязание. Появление же людей с винтовками превращает состязание в бойню.

Но если у собак были свои уловки, то и у Тэра имелись свои. После трех-четырех бесполезных выпадов, от которых эрдели, более подвижные и быстрые, чем он, легко уклонялись, гризли стал пятиться к скале, за которую забился Муsква. И, по мере того как он отступал, собаки наступали.

Их лай, который становился все громче, и очевидность того, что Тэру не прогнать собак и не разорвать их в клочья, нагнали на

Мускву такой страх, какой ему раньше и не снился. И тут медвежонок вдруг повернулся и бросился в ближайшую расщелину.

Тэр продолжал пятиться, пока не уперся в камень. Повернув голову вбок, гризли поискал глазами медвежонка. Но того и след простыл. Дважды поворачивал Тэр голову. Убедившись, что Мусква исчез, медведь стал отступать дальше. Он отступал, пока не загородил собой узкий проход сбоку — запасной выход, который он берег на крайний случай.

Собаки бешено лаяли на него. Они захлебывались от ярости, шерсть на загривках стояла дыбом, клыки оскалились до самых десен. Все напористей наседали они на гризли. Они вызывали его: попробуй, остановись, кинься, поймай хоть одну, раз ты такой ловкий!

Собаки, увлеченные охотничьей страстью, углубились следом за Тэром в узкий проход ярдов на десять. Тэр прикинул это расстояние, как он делал это на днях, охотясь на карибу, а затем без единого звука внезапно кинулся на своих врагов и обратил их в беспорядочное бегство.

Тэр не остановился и мчался за собаками следом. Там, где в стене скалы был выступ, карниз сужался до пяти футов в ширину, и Тэр учел это обстоятельство, как и расстояние до самого выступа.

Гризли сгреб лапой последнюю собаку и пригвоздил к земле. Пронзительные предсмертные крики эрделя донеслись до Брюса и Ленгдона. Еле переводя дух, мчались они вверх по склону, начинавшемуся у приозерной впадины.

Тэр улегся в узкой части карниза. И, когда собаки наконец снова подняли лай, он все еще лежал там. Но вот Тэр поднялся и поискал еще раз глазами Мускву.

Свернувшись в маленький, дрожащий комочек, медвежонок забился в расщелину глубиной футов в пять.

А Тэр, очевидно, решил, что его спутник забрался на гору, и не стал больше мешкать с отступлением. В это время ветер снова потянул на него. Брюс и Ленгдон вспотели, и их запах резко ударил в ноздри гризли.

Минут десять Тэр отходил, не обращая ни малейшего внимания на тявканье восьми эрделей. Разве что иногда чуть приостанавливался и оглядывался на них. Чем дальше он отступал, тем назойливей становились эрдели, пока наконец один из них не вырвался и не вцепился в заднюю лапу гризли. И только это заставило Тэра решиться на то, к чему лай так и не смог его принудить. Взревев, Тэр обернулся и погнался за собаками. Минут пять было потеряно на эту бесполезную погоню. Он поднимался дальше, направляясь к плечу горы.

Если бы не ветер, стая собак довела бы дело до победного конца. Но ветер предупреждал Тэра о приближении Брюса и Ленгдона, донося горячий запах их потных тел. И гризли прилагал все усилия, чтобы держаться с наветренной стороны.

У него был другой путь на вершину горы, легче и короче. Но надо было идти к нему запасным ходом. Тогда ветер не достигал бы его. А пока гризли не терял ветра, он был в безопасности, если только охотники не расстроят его план бегства, зайдя с другой стороны, наперерез Тэру, и тем отняв у него это преимущество.

Через полчаса он достиг самого гребня горы. Теперь, когда он будет подниматься последние двести ярдов по склону к главному хребту, ему придется выйти на открытое место и тем самым выдать себя.

На открытом месте Тэр так припустился вперед, что собаки отстали ярдов на тридцать — сорок. Минуты две-три он был отчетливо виден на горе. Затем силуэт его резко обозначился на фоне снегов: здесь не было ни кустарника, ни камней, за которыми можно было бы скрыться от смотрящих на него снизу глаз. Брюс и Ленгдон увидели гризли в пятистах футах от себя и сейчас же открыли пальбу.

Тэр услышал у себя над ухом свист первой пули и почти сейчас же — треск выстрела. Вторая пуля взвихрила снег в пяти ярдах перед ним. Гризли резко взял вправо. Для метких стрелков он в этот момент был великолепной мишенью. Тэр услышал третий выстрел, и все стихло.

Эхо первых выстрелов еще не замерло в горах, когда что-то со страшной силой ударило его сзади. Точно его хватили по голове дубиной откуда-то прямо с неба. Гризли рухнул как подкошенный.

Пуля лишь скользнула по голове. Крови почти не было, но медведь был оглушен, как человек, получивший удар по подбородку. Не успел зверь подняться, как собаки уже набросились на него и рвали горло, шею, грудь. Взревев, гризли стряхнул их с себя.

Он яростно расшвыривал эрделей, и охотники слышали его рев. Ленгдон и Брюс держали пальцы на курках, ожидая, пока собаки оттянутся подальше и можно будет сделать последние, решающие выстрелы.

Ярд за ярдом прокладывал себе Тэр дорогу вверх на кручу, рыча на собак и словно бросая вызов всему: этой обезумевшей своре, человеческому запаху, необыкновенному грому, обжегшей его молнии и, наконец, самой смерти.

А в пятистах футах ниже Ленгдон в отчаянии ругался на чем свет стоит: собаки так облепили Тэра, что о стрельбе нечего было и думать.

До самой вершины горы собаки защищали Тэра от выстрелов. Затем он перевалил через вершину и скрылся. Следом за ним исчезли и собаки. Их лай слышался теперь все слабей и слабей. Великан гризли быстро уводил за собой эрделей от угрожающего ему человека в долгие странствия, из которых лишь немногим суждено было вернуться.

Глава XV

Попался

Мусква слышал из своего укрытия последние отзвуки боя. Расщелина имела форму латинской буквы V, и медвежонок забился в самую ее глубину.

Он видел, как Тэр прошел мимо его убежища после расправы с четвертой собакой. Слышал, как — клик, клик, клик!— простучали по камню когти гризли, и понял, что тот ушел, а за ним — и враги.

Однако Мусква все еще не отваживался выглянуть наружу. Эти неизвестно откуда взявшиеся гонцы, примчавшиеся сюда из долины, нагнали на него смертельный страх. Пипунескуса он не испугался. И даже огромный черный медведь, убитый Тэром, не был так страшен, как эти чужаки, их красные пасти и белые клыки. И он, маленький, лохматый комочек, забился в глубине расщелины, как пыж, загнанный шомполом в ствол ружья.

Лай собак еще не отзвучал вдали, а медвежонок услышал новые более близкие звуки, от которых у него вся душа ушла в пятки.

Ленгдон и Брюс выбежали из-за выступа в стене скалы и при виде убитых собак замерли на месте. Ленгдон горестно вскрикнул. Они стояли футах в двадцати от Мусквы.

Впервые услышал он человеческие голоса. Впервые его ноздри втянули запах потных человеческих тел, и у медвежонка дух занялся до ужаса. А затем один из охотников остановился прямо перед расщелиной, где он притаился, и Мусква впервые у в и д е л человека. Еще через мгновение охотники исчезли.

Спустя немного медвежонок услышал выстрелы. Собачий лай стал удаляться, пока наконец не замер. Было около трех часов — время отдыха в горах. Стало очень тихо. Долгое время Мусква лежал неподвижно. Затем прислушался. Но ничего не услышал. И тогда его снова охватил ужас — стало страшно, что он отбился от Тэра. Всей душой медвежонок надеялся, что тот вернется. И поэтому еще в течение часа оставался на том же месте.

А потом он услышал: чип, чип, чип!— и на уступе показался полосатый бурундучок, который принялся опасливо обследовать одного из убитых эрделей. И при виде этого крохотного зверька Мусква воспрянул духом. Уши медвежонка приподнялись, и он тихонько всхлипнул, как бы взывая о сочувствии и дружбе к этой единственной живой душе, оказавшейся рядом с ним в трудный час. Потихоньку Мусква стал выбираться из своего убежища.

Вот его круглая лохматая голова высунулась из расщелины; медвежонок осмотрелся кругом. Карниз был свободен. Тогда Мусква направился к бурундучку. Пронзительно заверещав, ма-

лютка помчался от него со всех ног в свое убежище, и медвежонок снова остался один. Несколько мгновений он постоял в нерешительности, втягивая носом воздух, пропитанный резким запахом крови, людей, Тэра, а затем стал подниматься на гору.

Он знал, что Тэр шел в этом направлении. И ум и сердце медвежонка, насколько ему было отпущено того и другого, влекли его к одной цели — догнать своего старшего друга и покровителя. Даже боязнь людей, внушенная ему собаками, которых он доныне не знал, была ничто в сравнении со страхом остаться без Тэра. По следу гризли он мог бы идти и с завязанными глазами. След был еще горячим, и Мусква, идя по нему зигзагами, устремился по крутому склону что было сил вверх.

Местами восхождение становилось очень трудным для маленьких ног медвежонка, но он мужественно карабкался, ободряемый еще не остывшим запахом Тэра. Только через час добрался он до сланцевого пояса горы, который тянулся до самой линии снегов, до самого неба.

Было уже четыре часа. Мускве осталось пройти до вершины горы последние триста ярдов. Медвежонок не сомневался, что там, наверху, он и отыщет Тэра. Но ему было страшно, и, решительно вонзая свои маленькие когти в глину, он не переставал потихоньку всхлипывать.

Начав это восхождение, он уже больше ни разу не подымал глаз к гребню горы. Для того чтобы разглядеть этот гребень, ему пришлось бы сначала остановиться и свернуть чуть в сторону, так как подъем был очень крут. Вот и получилось, что даже на полпути к вершине он не увидел Ленгдона и Брюса, появившихся на вершине с той стороны горы и спускавшихся ему навстречу. Не услышал он и их запаха — ветер дул в сторону охотников.

Так, ничего не подозревая об их присутствии, вступил медвежонок в полосу снегов. Весело обнюхал он отпечатки огромных лап Тэра на снегу и направился по следу. А выше, прямо над ним, притаились Брюс и Ленгдон.

Оба низко пригнулись к земле, бросив ружья на снег и держа в руках на готове поспешно сорванные с себя толстые фланелевые рубашки. И, как только Мусква приблизился футов на двадцать, они кинулись на него сверху с быстротой снежной лавины.

Мускве удалось справиться со своим оцепенением, когда Брюс уже оказался прямо над ним. Медвежонок заметил и осознал опасность лишь в самый последний миг. И в тот момент, когда Брюс бросился на него сверху, как сеть, растянув в руках рубашку, Мусква метнулся в сторону. Упав, Брюс захватил полную рубашку снегу и крепко прижал этот ком к груди, решив на мгновение, что поймал медвежонка.

В ту же секунду и Ленгдон нырнул в снег так, что проехался на животе через длинные ноги друга и кувырком покатился вниз по снежному склону. А Мусква тем временем кинулся с горы вниз с быстротой, на какую только были способны его короткие ноги.

Но Брюс уже несся по пятам за медвежонком. Ленгдон присоединился к нему, отстав футов на десять.

Неожиданно Мусква резко рванулся в сторону, и Брюс по инерции пролетел вперед ярдов на тридцать — сорок; ему удалось затормозить, согнувшись пополам, как складной нож, и цепляясь ногами и руками за мягкую глину. Ленгдон же свернул и гнался теперь за Мусквой.

Он кинулся на землю, растянув перед собой рубашку, но как раз в этот момент Мусква опять вильнул в сторону. Когда Ленгдон снова вскочил на ноги, на лице его были ссадины, а изо рта он выплюнул чуть ли не с полгорсти земли.

К несчастью, Мусква не успел увильнуть в сторону и столкнулся лицом к лицу с Брюсом. Свет померк для него, и он чуть не задохнулся, закутанный с головой во что-то плотное. Над ним прозвучал победный рев врага.

— Вот он!— орал Брюс.

Накрытый рубашкой, Мусква царапался, кусался и яростно рычал. И, пока не подоспел Ленгдон со второй рубашкой, Брюсу хватало работы. Очень скоро Мускву спеленали, как грудного ребенка. Лапы и все тело скрутили так туго, что нельзя было шевельнуться. Только одну голову оставили на свободе. Она была единственной частью его тела, которая высовывалась наружу и могла двигаться.

И была она такой круглой, перепуганной, смешной, что минуты на две Ленгдон и Брюс забыли все неудачи и огорчения этого дня и хохотали до слез. Затем Ленгдон сел с одной стороны Мусквы, Брюс — с другой. Набили трубки, закурили. А Мусква не мог даже ногой шевельнуть в знак протеста.

— Хороши охотники!— проронил Ленгдон.— Пошли по гризли, а нашли вот что!

Он взглянул на медвежонка. Мусква смотрел на него такими серьезными глазами, что Ленгдон на миг онемел от изумления. Потом не спеша вынул трубку изо рта и протянул руку.

— Детка, детка, хороший...— увещевал он медвежонка.

Мусква прижал уши, а его глаза, обычно такие живые, остекленели, тверд и непреклонен был их взгляд. Брюс незаметно для Ленгдона выжидательно ухмылялся.

— Детка не кусается... нет, нет... детка милая... мы ее не обидим...

И вдруг острые, как иголки, зубки Мусквы впились в палец Ленгдона. В тот же миг дикий крик потряс горы. А от радостных воплей Брюса дичь, наверное, разбежалась на целую милю в округе.

— Чертенок!— только и мог выговорить Ленгдон.

А через минуту уже сосал укушенный палец и хохотал вместе с Брюсом.

— Молодчина, парень хоть куда!— сказал он.— Назовем его Злюкой, Брюс. Клянусь святым Георгием, о таком медвежонке я

только и думал с тех пор, как впервые попал в горы. Я увезу его домой! Но каков хват, а?

Мусква повернул голову и внимательно рассматривал Брюса. Лэнгдон встал и оглянулся на вершину горы. Лицо его окаменело, стало жестким.

— Четыре собаки!— проронил он как бы про себя.— Три внизу, одна — на горе...

Помолчав с минуту, он снова заговорил:

— Ничего не понимаю, Брюс. Ведь они затравили для нас полсотни медведей, и до сих пор мы не потеряли ни одной из них.

Брюс в это время был занят тем, что перевязывал сыромятным ремнем из оленьей кожи Мускву поперек тела. Закрепив петлю, он вывязал нечто вроде ручки, за которую медвежонка можно было нести, как ведро с водой или оковалок бекона. Когда он встал, Мусква закачался в воздухе.

— Мы нарвались на гризли-убийцу,— заговорил горец.— А если дело доходит до драки или охоты, то страшней плотоядного гризли ничего не встретишь. Собакам не удержать его, Джимми, и если стемнеет не скоро, то ни одной из всей своры уже не вернуться. В темноте они отстанут... если, конечно, хоть одна из них доживет до темноты. Старый плут почуял наше приближение, и — можешь смело биться об заклад — он знает, что свалило его на снег там, наверху. Теперь он удирает... и быстро. Чтобы снова увидеться с ним, придется пройти миль двадцать.

Лэнгдон сходил за ружьями, и, как только вернулся, Брюс первым стал спускаться вниз по горе, неся Мускву на ремне. Они ненадолго задержались на забрызганном кровью уступе горы, там, где Тэр творил свое возмездие. Лэнгдон наклонился над собакой, которой гризли свернул голову.

— Бисквитс,— определил он.— А мы-то еще считали ее единственной трусихой на всю стаю. Другие — Джейн и Боумер. А старина Фриц погиб там, на вершине.

Брюс заглянул через край карниза и указал вниз.

— Еще одна... сброшена туда с горы!— еле выговорил он.— Джимми, оказывается, целых пять!

Лэнгдон взглянул вниз с края обрыва, и у него крепко сжались кулаки. Какой-то сдавленный звук вырвался из горла. Брюс понял, что это значит. С расстояния ста футов им удалось разглядеть черное пятно на груди лежащей на спине собаки — такое было только у одной на всю стаю. У любимицы Лэнгдона, которую баловал весь лагерь.

— Дикси...— только и сказал Лэнгдон, впервые почувствовав, как его всего захлестывает злоба; лицо его побелело.— Теперь у меня причин больше чем достаточно, чтобы не отступаться от этого гризли. Теперь меня лошадьми не оттащишь отсюда, пока я его не прикончу. Если надо будет, я останусь здесь хоть на всю зиму. Я клянусь убить его... если только он не сбежит из этих мест.

— Не сбежит,— только и сказал Брюс и пошел со своей ношей дальше вниз.

До сих пор Мусква был так ошеломлен тем, что очутился в положении, которое казалось ему уже совершенно безвыходным, что совсем было присмирел. Он напряг все свои мускулы, пытаясь шевельнуть хотя бы кончиком лапы. Но его спеленали так туго, как не пеленали, вероятно, мумию ни одного из фараонов. Однако теперь в голове его забрезжила мысль, что, раскачиваясь взад и вперед, он то и дело задевает мордочкой вражескую ногу и что зубами своими он пока еще может распоряжаться. Медвежонок выждал удобного случая.

Случай этот представился, когда Брюс сделал огромный шаг, спускаясь со скалы. На какую-то долю секунды Мусква задержался на камне, с которого слезал Брюс, и успел цапнуть того зубами. Это был великолепный, глубокий укус, и если вопль Ленгдона огласил окрестности на милю вокруг, то Брюс своим ревом перещеголял его по меньшей мере раза в полтора. Такого жуткого, леденящего кровь в жилах звука Мускве еще ни разу не доводилось слышать — даже лай собак и то не был таким страшным. От этого вопля у медвежонка душа ушла в пятки, и он отпустил врага. То, что произошло дальше, снова заставило его разинуть рот от изумления.

Эти загадочные двуногие даже и не попытались отплатить ему той же монетой. Тот, которого он цапнул, с минуту скакал на одной ноге, выплясывая какой-то невообразимый танец, а другой в это время опустился на камень и, схватившись за живот, раскачивался взад и вперед, и из его широко раскрытого рта неудержимо вырывались какие-то малопонятные звуки. Затем второй прекратил свой танец и тоже стал издавать эти звуки, которые, по представлениям Мусквы, не имели ничего общего со смехом.

Все это внушило Мускве две догадки: либо эти нелепого вида чудовища не смеют тронуть его, либо они — существа самого мирного нрава и не собираются причинять ему вред. Они лишь стали осмотрительней и когда вступали в долину, то несли Мускву подвешенным посредине на винтовке, которую они держали с разных концов.

Уже почти стемнело, когда они добрались до пихтовой чащицы, красной от отблесков костра. Впервые Мусква увидел огонь. Он увидел также и лошадей. Они были больше самого Тэра и показались медвежонку жуткими чудовищами.

Навстречу вышел третий человек, индеец Метусин, которому охотники передали Мускву с рук на руки. Пленника положили на бок у костра, сверкающий огонь которого слепил глаза. Пока один из его тюремщиков крепко и очень больно держал его за уши, другой сделал из ременных пут ошейник, который надели на медвежонка. В металлическое кольцо на ремне пропустили крепкую веревку, а другой ее конец привязали к дереву.

Пока все это проделывалось, Мусква рычал и огрызался изо всех сил. А через полминуты он был свободен от скручивавших его рубашек и, покачиваясь, чуть не падая на затекших ножонках, показал свои зубы и грозно зарычал.

К величайшему его изумлению, на этих чудаков его угроза оказала лишь одно действие — все трое, даже индеец, разинули рты и в один голос издали все тот же совершенно бессмысленный звук, который он слышал у одного из них еще там, на горе, когда он впился в ногу другому. Медвежонок совершенно стал в тупик.

Глава XVI

Приручение Мусквы

Мусква почувствовал огромное облегчение, когда эти трое отвернулись от него и занялись своими делами у костра. А раз так, то нечего было мешкать, и медвежонок рванул веревку. Он натянул ее так сильно, что чуть не задохнулся. Пришлось в конце концов сдаться, и, окончательно впав в уныние, он устроился у подножия пихты и стал рассматривать лагерь.

Мусква находился футах в тридцати от костра. Брюс мыл руки в брезентовом тазике. Ленгдон вытирал лицо полотенцем. Метусин стоял на коленях у костра и держал над раскаленными углями большой черный противень, на котором шипели, брызгаясь салом, куски жирного мяса карибу. Более соблазнительного запаха Мускве еще ни разу не приходилось слышать. Да и сам воздух вокруг него, пропитанный какими-то неведомыми ароматами, казался ему очень вкусным.

Ленгдон, вытерев лицо, открыл жестяную банку со сладким сгущенным молоком. Белой струйкой оно стекало в миску. С этой миской Ленгдон подошел к Мускве. Медвежонок снова попробовал было бежать, да не тут-то было — чуть не задохся в петле. Тогда он в мгновение ока вскарабкался на дерево и рычал оттуда на Ленгдона и щелкал зубами, пока тот пристраивал миску под самой пихтой так, чтобы медвежонок, спустившись, сразу бы угодил в нее.

Пленник забрался на дерево так высоко, как только позволяла длина веревки. И долгое время охотники не обращали на него ни малейшего внимания. Медвежонку было видно, как они едят, он слышал их разговор — они строили новые планы военных действий против Тэра.

— После того, что произошло сегодня, нам остается только одно — перехитрить его,— заявил Брюс.— Преследование по следу надо бросить, Джимми. Можно гоняться за ним таким образом до бесконечности, а он все равно будет знать, где мы находимся.

Брюс умолк и прислушался.

— Странно, что собак все еще нет,— заметил он.— Хотел бы я знать...— Он посмотрел на Ленгдона.

— Не может быть!— запротестовал тот, понимая значенне этого взгляда.— Не хочешь ли ты сказать, что он перебнл всех?

— Я ходил на медведя уж не знаю, сколько раз,— спокойно отозвался горец,— но ни разу еще не охотился на такую хитрую бестию. Ведь он нарочно заманнл собак на этот уступ, Джнммн, и устронл им там ловушку. Он выкинул ловкую штуку н с той собакой, которую убнл на вершнне. Возьмет еще да н заманнт нх всех сразу куда-нибудь в укромное местечко, откуда нм н податься некуда будет. Ну, а в таком случае...— Он выразительно пожал плечамн.

Ленгдон тоже прислушался.

— Еслн хоть одна нз ннх уцелела, то вот-вот вернется,— сказал он.— Простить себе не могу, что взял нх сюда с собой!

Брюс засмеялся в ответ:

— Превратности войны, Джимми! Ведь, ндя на грнзлн, берешь с собой не комнатных собачонок, н уж лучше заранее прнучить себя к мыслн, что не той, так другой нз них все равно раньше илн позже погибать... Этот медведь оказался нам не по зубам, в этом все дело. Он обставил нас, как маленьких.

— Что ты хочешь этнм сказать?

— Что по-честному, без подвохов, с ннм не справнться. И мы здорово дали маху, впутав в это дело собак. Если уж ты без этого медведя жить не можешь, то согласен хоть взяться за него по-моему?

Ленгдон кивнул.

— А что ты прндумал?

— Когда отправляешься на гризлн, то нечего с ним нежничать,— начал Брюс.— А особенно когда ндешь на «убнйцу». Теперь не будет и часа такого, чтоб грнзлн не знал, где чем пахнет, и так до тех пор, пока в спячку не завалится. Как ему это удастся? Будет каждый раз лншний крюк давать по дороге. Держу пари, что, если бы сейчас выпал снег, то следы грнзлн на нем показали бы, что он через каждые шесть мнль возвращается мили на две назад по собственному следу поразнюхать, не преследует ли его кто-нибудь. И передвигаться теперь он будет больше по ночам, а днем — отлеживаться где-нибудь высоко на скалах. И еслн тебе хочется сделать еще хоть один выстрел по медведю, то на выбор можно предложить одно нз двух. Первое, н оно бы самое лучшее,— отправиться дальше и заняться охотой на другнх медведей...

— Об этом не может быть н речи, Брюс. Подумай, как добраться до нашего.

Брюс помолчал и ответил:

— Район его теперь у нас весь как на ладонн,— сказал он.— Он начинается у первого перевала, который мы перешли, н кончается здесь, в долине. Из конца в конец мнль двадцать пять. Грнзли не уйдет в горы нн на запад от этой долнны, нн на восток

от той. И уж можешь быть спокоен, теперь только и будет делать, что кружить по всему району, пока нам не надоест гоняться за ним. Сейчас он улепетывает к югу, на окраину своих владений. А нам нужно затаиться здесь и несколько дней просидеть на месте. Потом отправим Метусина с собаками, если от них что-нибудь останется, по долине в том же направлении. Один из нас засядет на склонах. Другой — в низине. И будем медленно кочевать так с места на место. Понял, куда я клоню? Он не уйдет от родных мест. Вот Метусин и будет гонять его по всей округе, пока не загонит на кого-нибудь из нас. Метусин выступит открыто. А мы устроим засаду. Не может же быть, чтобы этот гризли все время ускользал от нас. Когда-нибудь да попадется под твои или мои выстрелы.

— Неплохо придумано,— одобрил Ленгдон.— К тому же я расшиб колено, и несколько дней передышки не помешают — хоть подлечу его...

Не успел он договорить, как неожиданно резко загремела цепь, которой была стреножена пасущаяся на лугу лошадь. Раздался испуганный храп лошади. Это заставило их вскочить на ноги.

— Ютим!— прошептал Метусин, и багряный отсвет костра заиграл на его темном лице.

— Верно... собаки,— отозвался Брюс и негромко свистнул.

В соседнем кустарнике что-то зашуршало, и две собаки появились у костра. Они ползли по земле на брюхе. Подползли к охотникам. Простерлись у их ног. В тот же момент к ним присоединились еще две.

Это была уже совсем не та стая, которая покидала лагерь утром. Бока у собак глубоко запали, шерсть на загривках свалялась. Они бежали что было сил и сами знали, что осрамились. От боевого задора эрделей не осталось и следа. У них был вид побитых дворняжек.

Пятая собака появилась уже на исходе ночи. Она ковыляла, волоча перебитую лапу. Голова и горло одной из тех, что пришли раньше, были в крови, глаз выбит.

Они распростерлись на земле, как бы ожидая приговора. «Ничего у нас не вышло,— говорила эта их поза.— Нас потрепали, и вот все, что от нас осталось».

Брюс и Ленгдон молча смотрели на них. Прислушались... подождали. Больше ни одной не появилось. Друзья переглянулись.

— Вот и еще двух не стало,— сказал Ленгдон.

Брюс подошел к груде корзин и парусины и вытащил сворки. А Мусква, сидя на дереве, весь трясся от страха. Всего в нескольких ярдах перед собой он снова увидел ораву этих белозубых, которые не только загнали его в расщелину, но обратили в бегство самого Тэра. Людей медвежонок боялся уже не так сильно. Они не причиняли ему вреда, и он больше уже не трясся от страха, не рычал, когда тот или другой из них проходил поблизости. Но собаки были ужасны. Они вступили в бой с самим Тэром и, вероятно, оказались победителями, потому что гризли бежал.

Привязанный к очень молодому и невысокому деревцу, Муска пристроился на седловине его развилки, в пяти футах от земли. Когда Метусин вел одну из собак мимо деревца, эрдель увидел медвежонка и неожиданно прыгнул вверх, вырвав сворку из рук индейца. Он чуть было не достиг Мусквы. Собака уже приготовилась к новому прыжку, когда Ленгдон с сердитым окриком, подбежал, схватил ее за шиворот и крепко всыпал ей свободным концом сворки. Затем увел эрделя.

Медвежонок не мог ничего понять. Человек спасал его! Он отколотил это чудовище с красной пастью и белыми клыками и увел всех этих страшилищ на привязи подальше от него.

Вернувшись, Ленгдон подошел к деревцу и ласково заговорил с медвежонком. Муска дал приблизиться его руке дюймов на шесть и не вцепился в нее. По всему телу его вдруг пробежала дрожь. Пока голова медвежонка была повернута в сторону, Ленгдон решительно положил руку на его пушистую спинку. И это прикосновение оказалось совершенно безобидным! Даже мать Мусквы ни разу не клала свою лапу на медвежонка так бережно! Прошло еще десять минут, и Ленгдон за это время раз шесть успел погладить его.

Сначала Муска в ответ скалил оба ряда своих сверкающих зубов, хотя и не издавал ни звука. Постепенно он перестал даже скалиться.

Ленгдон отошел, вернулся с большим куском сырой оленины и поднес его к самому носу медвежонка. Муска чуял запах карибу, но пятился от протянутого ему куска и отстранялся. В конце концов Ленгдон положил мясо рядом с миской у подножия деревца и вернулся к курившему трубку Брюсу.

— Самое большее через два дня будет есть у меня из рук,— сказал он.

Вскоре Ленгдон, Брюс и индеец завернулись в одеяла и быстро заснули. Весь лагерь утих. Пламя костра опало, и только одна огромная головня все еще продолжала тлеть. Недалеко в глубине леса ухала сова. Тихая ночь наполнилась бормотанием долины и гор. Звезды разгорелись ярче. Муска услышал, как где-то вдали какая-то каменная глыба, сорвавшись, покатилась по склону горы. Теперь бояться нечего. Все было спокойно. Все спало.

Муска потихоньку слез с дерева и вдруг угодил прямо в миску, разлив сгущенное молоко, часть которого попала ему на мордочку.

Медвежонок невольно облизнулся, и, когда на его язычок попало это сладкое, липкое вещество, Муска вдруг почувствовал блаженство. С четверть часа он облизывался. А затем маленькие быстрые глазки жадно впились в оловянную миску, будто его вдруг осенила догадка о секрете этого нектара.

Медвежонок подбирался к ней по всем правилам искусства и с похвальной осторожностью, обойдя ее сначала с одной, потом с другой стороны. Все его мускулы напряглись, и он в любой момент был готов тут же отскочить, если этому диковинному предмету

вздумается броситься на него. Наконец его нос уткнулся в густое, сладкое лакомство, от которого Мусква уже не отрывался, пока не вылизал его до капли.

Сгущенное молоко сыграло решающую роль в деле приобщения Мусквы к цивилизации. Оно стало тем недостающим звеном, которое сзязало между собой в его живом умишке ряд определенных явлений. Он знал, что одна и та же рука и бережно прикасалась к нему, и поставила здесь это сказочное лакомство, и предлагала ему мясо. Мяса он есть не стал, но миску вылизал так, что она при свете звезд засверкала, как зеркало.

Однако молоко молоком, а душа его все-таки рвалась к побегу, хотя теперь он и не делал таких неистовых и безрассудных попыток, как прежде. Из прежнего своего опыта он усвоил, что тщетно было бы прыгать и дергать изо всех сил веревку, за которую он был привязан. И он принялся перегрызать ее.

Если бы он грыз веревку в одном месте, то еще до утра, пожалуй, вырвался бы на волю. Но челюсти его уставали, и он отдыхал. А когда снова возвращался к прерванной работе, то чаще всего ему попадалась другая часть веревки. Уже к полуночи на его деснах живого места не оставалось, и медвежонок отказался от этой бесполезной затеи.

Примостившись спиной к дереву, готовый в любую минуту вскарабкаться на него, ни разу глаз не сомкнув, дожидался он утра. Страх теперь мучил его меньше, но Мусква ужасно страдал от своего одиночества. Он тосковал по Тэру и всхлипывал, но так тихо, что охотники не могли услышать его, даже если бы не спали. Появись сейчас в лагере хотя бы Пипунескус, Мусква кинулся бы к нему с радостью.

Наступило утро. Первым выбрался из-под одеяла Метусин. Развел огонь, разбудил Брюса и Ленгдона. Ленгдон, как только оделся, пошел навестить Мускву и, убедившись, что миска дочиста вылизана, выразил свое удовольствие, потребовав от остальных внимания к этому знаменательному событию.

Мусква вскарабкался все на тот же сук и снова терпеливо перенес поглаживание рукой. Затем Ленгдон достал из мешка, сделанного из воловьей кожи, еще одну банку молока и открыл ее на глазах у Мусквы. Медвежонок видел потекшую в миску сливочно-белую струйку.

Ленгдон поднес миску к самому носу медвежонка. Молоко коснулось его носа, и Мусква, хоть убей, не мог держать язык, который сам высунулся изо рта. Целых пять минут ел он из миски, которую держала рука Ленгдона! Но стоило только Брюсу подойти полюбоваться этой картиной, медвежонок оскалился и зарычал.

— Медведя приучить легче, чем собаку,— утверждал Брюс позднее, за завтраком.— Через несколько дней он будет бегать за тобой, как собачонка, Джимми.

— Я уже начинаю привязываться к этому маленькому негоднику,— отозвался тот.— Что это ты рассказывал как-то о медведях Джеймсона?

— Джеймсон жил в округе Кутни,— начал Брюс.— Это был настоящий отшельник. Спускался с гор только два раза в году, запастись провизией. Приручал гризли. Много лет у него жил один, огромный, не меньше этого верзилы, за которым мы сейчас гоняемся. К Джеймсону он попал медвежонком. А когда мне довелось увидеть его, он весил уже тысячу фунтов и таскался за Джеймсоном, как собака, всюду, куда бы тот ни шел. Ходил за ним даже на охоту, и спали они у одного походного костра. Джеймсон любил медведей и не убил ни одного из них на своем веку.

Ленгдон помолчал немного, потом заговорил опять:

— Я тоже начинаю любить их, Брюс. Не знаю, в чем здесь дело, но есть в медведях что-то такое, за что их нельзя не любить. Не думаю, что стану охотиться на них снова... Вот только покончим с этим убийцей собак. Мне кажется, это мой последний медведь.

Он сцепил пальцы и сердито договорил:

— И подумать только, ведь во всем доминионе нет ни одной провинции или штата к югу от границы, где для охоты на медведя был бы введен хоть один «закрытый сезон»! Ведь это просто преступление, Брюс. Медведи оказались на одной доске с вредными хищниками, и их не возбраняется истреблять круглый год. Не возбраняется откапывать их в берлогах, спящих, даже с малышами... И... да простит мне небо... и я тоже помогал откапывать их оттуда! Мы настоящие звери, Брюс! Временами мне кажется, что ходить с ружьем вообще преступно...

— Эге-ге! Что там еще за чертовщина с медвежонком?

Мусква свалился с сука и болтался на конце веревки, как висельник в петле. Ленгдон подбежал, схватил его на руки, поднял и перенес через сук, за который зацепилась веревка. Затем он поставил медвежонка на землю. Мусква не огрызнулся и даже не зарычал.

Брюс и Метусин ушли из лагеря на весь день разведать окрестности к западу отсюда, а Ленгдон остался залечивать ушибленное колено, которое разболелось еще сильнее. Большую часть времени он провел в обществе Мусквы.

Ленгдон открыл банку с патокой и к полудню добился того, что медвежонок бегал за ним вокруг дерева, из кожи лез вон, чтобы добраться до миски, которую искуситель держал так, что до нее не дотянешься. Потом Ленгдон садился на землю, и Мусква забирался чуть ли не на колени к нему, лишь бы только достать патоку. У медвежонка в возрасте Мусквы нетрудно завоевать доверие.

Черный медвежонок мало чем отличается от детей. Он так же любит молоко, обожает сласти и льнет ко всякому, кто добр к нему. Более милого существа не найдешь среди четвероногих. Круглый, пушистый и такой забавный, что кого хочешь приведет в хорошее настроение. И не раз Ленгдон хохотал до слез, особенно когда Мусква делал решительные попытки вскарабкаться по его ногам, чтобы добраться до патоки.

Мусква просто с ума сошел от патоки. Насколько он помнил, мать не кормила его ничем подобным. А самое вкусное, что доста-

вал Тэр, была всего-навсего форель. К вечеру Ленгдон отвязал веревку, на которую был посажен Мусква, и повел его на прогулку к ручью, прихватив с собой миску с патокой. Ленгдон то и дело останавливался, чтобы медвежонок попробовал ее содержимое. Через полчаса после этой своеобразной репетиции Ленгдон бросил веревку и направился в лагерь. Мусква побежал за ним! Это была полная победа, и по спине Ленгдона даже мурашки пробежали от удовольствия. Такого он не испытывал еще за все время своей охотничьей практики.

Метусин вернулся очень поздно и был крайне удивлен, что Брюс еще не появлялся. Стало темно, и охотники разложили костер. Только через час, когда они уже кончали ужинать, появился Брюс. За плечами у него была какая-то ноша. Он сбросил ее неподалеку от дерева, за которым притаился Мусква.

— Шкура прямо бархатная, и немного мяса для собак,— сказал горец.— Подстрелил его из пистолета.

Он сел и принялся за еду. Немного погодя Мусква осторожно подобрался к скрюченному телу, которое лежало футах в трех-четырех от него. Медвежонок обнюхал его и весь так и затрясся. Прижавшись к мягкому, еще не утратившему живого тепла меху, он всхлипнул тихонько и на время притих.

Брюс принес в лагерь и швырнул у подножия дерева не что иное, как мертвого маленького Пипунескуса!

Глава XVII

Тэр собственной персоной

Этой ночью Мускву снова охватило чувство бесконечного одиночества. Брюс и Метусин за день намаялись, карабкаясь по горам, и завалились спать пораньше, и Ленгдон последовал их примеру. Пипунескус так и остался лежать на том самом месте, где Брюс сбросил его.

Мусква не шелохнулся после этого страшного открытия, от которого забилось чаще его сердце. Он еще не знал, какой бывает смерть, да и вообще не знал, что это значит, а кроме того, Пипунескус был мягким и теплым, и Мусква был уверен, что тот вот-вот зашевелится. Теперь у Мусквы не было ни малейшего желания затевать с ним драку.

Но вот снова наступила полная тишина, звезды высыпали на небе, костер догорел. А Пипунескус не двигался.

Осторожно-осторожно Мусква толкнул его носом и потянул за шелковистую шерстку, всхлипывая и как бы говоря при этом: «Я не буду больше драться с тобой, Пипунескус! Просыпайся же, и давай дружить!»

Но и тогда Пипуиескус ие шелохнулся. И у Мусквы пропала всякая надежда разбудить его. Не переставая уверять своего маленького толстого врага, с которым оии сражались когда-то на зелеиом лугу, что он раскаивается теперь в своем прежием недружелюбии к нему. Мусква, все так же всхлипывая, приник к Пипунескусу и вскоре заснул.

Утром первым делом Леигдои пошел посмотреть, как Мусква провел ночь, и вдруг замер на месте и целую мииуту простоял ие шевелясь. А затем какой-то страниый, приглушеиный крик сорвался с его губ. Прижавшись друг к другу, как будто оба были живыми, лежали Мусква и Пипунескус. Мусква же каким-то образом пристроился так, что малеиькая лапа мертвого медвежоика обнимала его.

Леигдои потихоньку вериулся к постели Брюса и минуты через две Брюс, протирая глаза, шагал с ним к медвежатам. Он так же, как и Леигдон, остановился пораженный. Друзья переглянулись.

— Мясо для собак!— еле выговорил Леигдон.— И ты мог принести его на мясо собакам, Брюс!

Брюс не ответил. Ленгдои тоже ие произнес больше ни слова. Целый час после этого друзья ие разговаривали. Метусни тем временем оттащил Пипуиескуса подальше от лагеря.

С Пипуиескуса ие сдирали шкуру, и мясо его не стали скармливать собакам. Его положили в яму, вырытую в пойме ручья, засыпали песком и завалили камиями. И это все, что смогли сделать Брюс и Ленгдон для Пипуиескуса.

В этот день Брюс и Метусии снова отправились в горы. Горец нашел кусок кварца, в котором оказались бесспорные признаки золота, и вместе с индейцем вериулся в лагерь за приспособлениями для его промывки. Ленгдои же все возился с Мусквой, воспитывая медвежоика.

Несколько раз он подводил медвежоика к собакам и, когда они рычали на него и начинали рваться со сворок, порол их, пока они наконец не сообразили и ие усвоили, что хотя Мусква и медведь, однако особа его неприкосиовенна.

Ленгдон теперь совсем освободил медвежонка от веревки, и, когда понадобилось снова привязать его, тот уже ие стал сопротивляться.

На третий и четвертый деиь Брюс и индеец заиимались геологическими разведками в долиие на восток от горного кряжа и в конце концов пришли к заключеиию, что найдеиные ими крупицы приналлежат к ледииковым наиосам и ие выведут их к золотоносиой жиле.

На четвертую иочь — а оиа выдалась облачиая и холодная — Ленгдон решил испытать Мускву и взял его к себе в постель. Он думал, что с ним хлопот ие оберешься, ио Мусква спал тихо, как котеиок, и, после того как устроился поуютией, почти ие шелохнулся до самого утра. Часть ночи Леигдон проспал, обнимая рукой теплое и пушистое тельце медвежоика.

Сейчас было самое время продолжать охоту на Тэра, уверял Брюс, но ушибленная нога Ленгдона разболелась не на шутку, и это нарушило их планы. Ленгдон был не в состоянии пройти более четверти мили сразу. А сесть в седло было так больно, что об охоте верхом не могло быть и речи.

— Еще несколько дней промедления не испортят дела,— утешал его Брюс.— Если мы дадим нашему старикану передышку побольше, то он, пожалуй, станет не таким осторожным.

Три следующих дня прошли не без пользы и не без удовольствия для Ленгдона. От Мусквы он узнал о медведях и особенно о медвежатах больше, чем за все прежнее время. Теперь собаки были переведены в чащу, за целых триста ярдов от лагеря, и мало-помалу медвежонку была предоставлена полная свобода. Да он и не делал никаких попыток сбежать и вскоре убедился, что Брюс и индеец тоже его друзья. Но привязался он только к Ленгдону.

Утром на седьмой день после погони за Тэром Брюс и Метусин, захватив с собой собак, поехали через всю долину на восток. Для подготовки загона Метусин должен был приняться за дело на день раньше. Брюс рассчитывал сегодня же вернуться в лагерь, чтобы завтра начать охоту.

Утро было чудесное. Прохладный ветерок тянул то с севера, то с запада. Часов в девять Ленгдон привязал Мускву к дереву, оседлал коня и отправился верхом вниз по долине.

Он не собирался охотиться. Ему просто было радостно скакать верхом, дышать встречным ветром и любоваться чудесными горами. Он проехал мили три-четыре на север и очутился у широкого пологого склона, который вел к горному кряжу в западном направлении. Ленгдону вдруг захотелось взглянуть оттуда, сверху, на другую долину. Колено не беспокоило, он стал подниматься верхом, и через полчаса добрался почти до вершины. Перед коротким, но очень крутым подъемом пришлось спешиться. На вершине он ступил на ровную террасу, которую со всех сторон окружали отвесные каменные стены иссеченных гор. В четверти мили отсюда терраса спадала уступами в долину, посметреть на которую так хотелось Ленгдону.

Посредине террасы оказалась глубокая впадина, которую сначала не было видно. Очутившись на ее краю, Ленгдон вдруг бросился на землю и, прижавшись лицом, минуты две лежал, не двигаясь. Затем медленно поднял голову. Ярдах в ста от него, сгрудившись около небольшого водоема, паслось стадо диких коз. Их было штук тридцать, преимущественно матки с козлятами. Ленгдону удалось заметить во всем стаде только двух козлов. С полчаса охотник лежал неподвижно, наблюдая за козами. Вот одна из них направилась с двумя козлятами к склону горы, за ней другая, и, видя, что все стадо готово уйти, Ленгдон поспешно вскочил и что было мочи побежал к ним.

Какое-то мгновение козы, козлы и козлята стояли точно парализованные его внезапным появлением. Они стояли, словно разглядывая его, и, казалось, у них отнялись ноги. Ленгдон уже пробежал

половину разделявшего их расстояния, как вдруг козы, опомнившись, в диком ужасе помчались к склону ближайшей горы. Мгновение, и их копыта звонко застучали по камням и сланцу. Ленгдон долго еще слышал далекий гул в горах, пробужденный их бегством по утесам и горным вершинам. А когда этот гул утих, козы превратились уже в бесконечные далекие точки, мелькающие на горизонте там, где горы и небо сливаются друг с другом.

Ленгдон двинулся дальше и через несколько минут уже оглядывал сверху лежащую по ту сторону гор долину. С южной стороны вид на долину заслоняло огромное плечо одной из скал. Оно было не очень высоким, и Ленгдон стал взбираться по нему наверх. Он уже был почти на самом верху, как вдруг зацепился ногой за кусок шифера и, падая, с силой ударил ружье о каменную глыбу. Ленгдон не ушибся, только больное колено заныло немного, но ружье было разбито. Ложе ружья раскололось полностью, и он отломил его совсем.

В лагере у него оставалась еще пара запасных ружей, и потому эта неудача расстроила его не так сильно, как могло бы быть при других обстоятельствах. И он продолжал карабкаться по скалам, пока наконец не выбрался на ровный карниз, огибающий отрог горы. В ста футах от него карниз упирался в отвесную стену горы. Отсюда открывался великолепный вид на широкие просторы страны, лежащей между двумя горными хребтами на юге. Ленгдон набил трубку и уселся в предвкушении увидеть что-то особенное и насладиться чудесной панорамой.

Бинокль позволял ему видеть на несколько миль вокруг. Перед Ленгдоном простерлась нетронутая страна, куда еще не заглядывал ни один охотник. Примерно в полумиле от него, а то и ближе стадо карибу не спеша гуськом направлялось к зеленым западным склонам. Мелькали на солнце белоснежные крылья бесчисленных куропаток. А еще дальше, в двух милях отсюда, горный баран пасся на скудно поросшем зеленью склоне. И Ленгдон задумался.

Сколько же всего таких вот долин в Канадских горах, которые простерлись с запада на восток от моря до прерии и на тысячу миль с севера на юг?.. Сотни, тысячи... И в каждой — целый мир, свой особый мир. В каждой — своя жизнь, свои ручьи, озера, леса, свои радости и свои трагедии. Эту, например, долину, на которую он смотрит, наполняет то же ласковое журчание и заливает тот же солнечный свет, что и все остальные долины. Но здесь своя жизнь. Медведи, которые заселяют вот те лишь смутно различимые невооруженным глазом горные склоны на севере и на западе, совсем не похожи на здешних медведей. Это новая страна, страна новых надежд и новых тайн. И, зачарованный ею, Ленгдон потерял чувство времени и забыл о голоде.

Ему казалось, что все эти долины всегда будут для него новыми, что он никогда не устанет странствовать по ним, от одной к другой. И в каждой будут свои красоты, свои тайны, которые надо открыть, своя особая жизнь, которую надо узнать. Они представлялись непостижимыми и загадочными, такими же, как сама жизнь.

Они скрывали свои сокровища веками, даря жизнь тысячам живых существ и требуя ее обратно у тысяч других. И, глядя на эти залитые солнечным светом просторы, Ленгдон задавал себе вопрос, какова же была бы, например, повесть о жизни этой долины и сколько бы томов она заполнила.

Она начиналась бы с глухого предания о сотворении мира, об океанах, их приливах и отливах, о том, как суша в конце концов оттеснила их отсюда; о тех сказочных доисторических эпохах, когда здесь не было ночи, а сиял вечный день, когда чудовища фантастических размеров ступали по тем самым долинам, где сейчас он видит оленей, пьющих из ручья, и когда огромные крылатые твари, полуптицы-полузвери, проносились в небе вон там, где сейчас парит орел. Потом все сразу переменилось, пробил страшный час, и воцарилась ночь. Тропический мир стал ледяным, и новая жизнь родилась, чтобы снова заполнить его. Но, наверное, еще не скоро после этого, думал Ленгдон, первый медведь пришел в страну мамонта, мастодонта и других чудовищ. И этот первый медведь был праотцом того гризли, которого им с Брюсом предстоит завтра убить!..

Ленгдон так ушел в свои мысли, что не услышал шума у себя за спиной. И вдруг будто что-то его толкнуло. Ему показалось, точно одно из тех чудовищ, которые рисовались его воображению, вдруг глубоко вздохнуло рядом с ним. Он медленно обернулся, сердце у него остановилось, и кровь застыла в жилах.

Загородив единственный выход отсюда, всего в каких-нибудь пятнадцати футах от него, разинув пасть и качая головой, как маятником, рассматривая попавшегося в ловушку врага, стоял Тэр, Король Гор!

Мгновенно руки охотника сами собой схватились за сломанное ружье, и Ленгдон понял, что его песенка спета.

Глава XVIII

Великодушие сильного

Прерывистое дыхание, какой-то сдавленный звук вместо крика — вот и все, что сорвалось с губ Ленгдона при виде гигантского гризли. Секунды показались ему долгими часами.

Первой мыслью было, что он бессилен что-либо сделать, совершенно бессилен. Даже бежать и то некуда — приперт к отвесной

стене скалы. Вниз не спрыгнешь — под ним крутой обрыв в сотню футов глубиной. Пропал...

Лэнгдон понимал, он смотрит в лицо собственной смерти, такой же страшной, как та, что настигла его собак. Жить ему оставалось считанные секунды. И все-таки в эти последние мгновения он не утратил рассудка. Он обратил даже внимание на красный огонь горящих жаждой мести глаз гризли. Увидел шрам вдоль спины зверя, по которой скользнула одна из его пуль. Заметил и плешину в том месте, где другая его пуля пронзила предплечье Тэра. И, как только Лэнгдон разглядел все это, сразу представилось, что гризли специально выследил именно его, шел следом по каризу и запер его в этом тупике, чтобы воздать ему полной мерой за все перенесенное.

А Тэр шагнул вперед — всего на шаг — и медленно, одним красивым, легким движением поднялся на задние лапы во весь свой могучий рост. И даже в своем теперешнем положении Лэнгдон не мог не отметить про себя царственного великолепия зверя. Сам он не шелохнулся, а лишь не сводил с Тэра глаз. Лэнгдон уже твердо решил, что ему делать, когда гигантский зверь кинется на него: он бросится с обрыва. В этом случае представлялся хоть один шанс из тысячи. Ведь внизу может оказаться какой-нибудь уступ или случайный отрог, за который он удержится.

А Тэр?

Он не ожидал увидеть здесь человека! То самое существо, которое преследовало его, ранило... теперь оно перед ним — стоит только протянуть лапу, и из того дух вон! Каким же жалким, бледным, растерянным выглядит это существо сейчас! Где же его необыкновенный гром? Его обжигающая молния? Почему он молчит, словно воды в рот набрал? Даже собака и та вела бы себя решительней. Она показала бы зубы, рычала бы, дралась. А это существо, ч е л о в е к, ничего не предпринимает! И глубокое сомнение зародилось в сознании Тэра. Да неужели же вот это растерянное, безвредное, насмерть перепуганное создание и в самом деле то самое, что ранило его?

Гризли чуял человеческий дух, острый, ядовитый. И все-таки на этот раз он не приносил с собой боли!

И вот, все так же не спеша, Тэр снова опустился на передние лапы. Сурово посмотрел на человека. Шевельнись только Лэнгдон, и тут же бы ему и конец. Но Тэр не был прирожденным убийцей. Еще с полминуты подождал он боли или признаков опасности. Ничего подобного не было, и гризли теперь не знал, что делать. Он опустил нос к самой земле, и Лэнгдон увидел, как взлетает пыль от горячего дыхания зверя. Еще томительные полминуты человек и медведь созерцали друг друга.

А затем зверь медленно и как-то неуверенно полуобернулся. Заворчал. Чуть оскалил зубы. Однако повода для нападения не было — этот растерянный белолицый пигмей, прижавшийся к скале, ни одним движением не обнаруживал намерения вступать в схватку. Кроме того, Тэр видел, что дальше пути нет.

Случись так, что человек оказался бы на дороге у гризли, загораживая ему проход, все это происшествие могло кончиться для Ленгдона по-другому. Но так как дальше пути не было, Тэр не спеша удалился в том направлении, откуда пришел. Огромная голова его была опущена к самой земле, а длинные когти — к л и к, к л и к, к л и к! — постукивали, точно кастаньеты из слоновой кости.

И только тогда, когда гризли исчез — так показалось Ленгдону,— он вздохнул, и сердце его вновь забилось. Протяжный рыдающий вздох вырвался у него. Он встал, ноги подгибались. Подождал — минута, две, три... осторожно подкрался к повороту идущей по карнизу тропы, за которым скрылся Тэр. Путь был открыт, и Ленгдон пошел по своему прежнему следу к зеленому склону, не переставая оглядываться и прислушиваться и все еще сжимая в руках обломки ружья. Добравшись до начала плато, он поспешно присел за огромную каменную глыбу. Ярдах в трехстах от него Тэр не спеша спускался с вершины откоса в восточную долину.

Пока гризли не появился снова, взобравшись на тот, дальний край расселины, и не исчез совсем, Ленгдон не двигался с места. Когда охотник достиг склона, на котором оставил спутанную лошадь, Тэра уже не было видно. Лошадь была на том же месте. Ленгдон почувствовал себя в полной безопасности, только усевшись в седло. Рассмеялся совершенно особым — нервным, отрывистым, радостным смехом и, оглядев долину, набил трубку.

— Ах ты, медведище!— прошептал Ленгдон, и каждая жилка в нем задрожала, когда он вновь обрел дар речи.— Чудовище ты этакое... да ведь у тебя же душа, да еще пошире человеческой!

А потом добавил еле слышно, казалось, сам не замечая, что говорит вслух:

— А если б я вот так же припер тебя к стене, разве я не убил бы тебя? А ты... я попал тебе в лапы, и ты отпустил меня с миром!

Он ехал в лагерь и все ясней понимал, что сегодняшний день завершил ту великую перемену, которая все это время назревала в нем. Он встретился с Королем Гор так, как не многим доводится. Он столкнулся лицом к лицу со своей смертью, и его четвероногий противник, за которым он гонялся и которого он изувечил, проявил великодушие. Ленгдону думалось, что Брюс не поймет, не сможет понять этого. Но для него самого этот день и час приобрели такое значение, что ему не забыть их до самой могилы. И Ленгдон знал, что отныне и впредь он никогда не поднимет руку ни на Тэра, ни на кого-либо из его сородичей.

Он добрался до лагеря, кое-как состряпал себе еду и пообедал в обществе Мусквы, строя новые планы на ближайшее время. Завтра он пошлет Брюса за Метусином, и охоте на этого великана гризли конец.

Они отправятся дальше, на Скину, а может быть, пройдут и до самой границы Юкона. Затем где-нибудь в начале сентября свернут на восток, в район Карибу, и выйдут вновь на заселенные места там, где Скалистые горы переходят в прерию. Мускву он заберет с

собой. Вдали от дебрей, в гуще людской, в краю больших городов, они с медвежонком будут большими друзьями. Мысль о том, что это будет за жизнь для Мусквы, ему сейчас и в голову не приходила.

Было уже два часа, а он все еще мечтал о новых, непроторенных тропах на север, как вдруг донесся звук, который заставил его очнуться. Ленгдон вздрогнул. Несколько минут он не обращал на этот звук никакого внимания, приняв его за один из тех, что постоянно слышатся в долине. Но тот все отчетливее выделялся в этом привычном бормотании долины. Наконец Ленгдон, который лежал под деревом, привалившись к нему спиной, встал и, чтобы лучше слышать, вышел из чащицы на открытое место. Муслва отправился за ним. Ленгдон остановился, и рыжемордый медвежонок тоже. Его маленькие ушки насторожились, голова повернулась на север. Звук доносился оттуда.

Еще мгновение, и Ленгдон распознал этот звук, но даже и теперь повторял себе, что слух обманывает его. Не могло же быть, чтобы это лаяли собаки! Сейчас Метусин и Брюс с собаками где-то далеко на юге. По крайней мере, Метусин должен бы сейчас быть там, а Брюс — возвращаться в лагерь! Звук очень скоро стал совсем отчетливым, и Ленгдон понял, что ошибиться невозможно.

Собаки приближались по долине. Брюс и Метусин, стало быть, почему-то пошли не на юг, а на север. И вот собаки подают голос — яростный, азартный лай, который сказал Ленгдону, что они сейчас бегут по горячему следу зверя. И вдруг нервная дрожь пронзила тело. Во всей долине было только одно живое существо, на которое Брюс стал бы спускать собак,— великан гризли!

Еще несколько мгновений Ленгдон прислушивался. А затем побежал назад, в лагерь, привязал Мускву к дереву, схватил новую винтовку и оседлал лошадь. Через пять минут он уже мчался верхом по направлению к тому району, где не так давно Тэр даровал ему жизнь.

Глава XIX

Последняя схватка

Тэр услышал собак за целую милю. По двум причинам сегодня он был расположен бежать от них еще меньше, чем несколько дней назад. Сами по себе собаки пугáли его не больше, чем какой-нибудь барсук или даже сурки, которые свистят со своих скал. Он пришел к выводу, что глотки у них здоровые, а зубы так себе и разделаться с ними проще простого. Страх же на него нагонял тот, кто следует за собаками. Но сегодня он столкнулся лицом к лицу

с существом, принесшим с собой в эти долины такой необычный запах. Оно не пыталось чем-нибудь повредить ему, и он не стал его убивать. Кроме того, Тэр разыскивал Искваy, медведицу, а рисковать жизнью ради любви способен не только человек.

Расправившись с последней из убитых им при первой встрече собак, Тэр сделал как раз обратное тому, чего ждал от него Брюс. Он не пошел на юг, а вместо этого завернул к северу и на третью ночь после сражения и потери Мусквы снова отыскал Искваy. В предвечерних сумерках незадолго до их встречи погиб Пипуиескус. Тэр слышал резкий треск автоматического пистолета Брюса.

Всю ночь и следующие сутки гризли провел с Искваy, а затем снова ушел от нее. Разыскивая ее в третий раз, он и наскочил на Лэнгдона на этом предательском карнизе.

Медведь все еще не обнаружил запаха подруги, когда услышал лай собак, напавших на его след.

Он шел на юг и поэтому оказался неподалеку от лагеря охотников. Гризли держался высоких склонов, пересеченных расщелинами, изрезанных сланцевыми плешинами, глубокими ущельями и беспорядочными нагромождениями каменных глыб. Он все время был с ветреной стороны, чтобы не прозевать запаха Искваy, как только она появится где-нибудь поблизости. Когда он услышал лай, то не уловил запаха собак и едущих за ними двух охотников.

При иных обстоятельствах он проделал бы свой излюбленный маневр и дал бы крюк, обойдя людей с подветренной стороны, но сейчас обычная осторожность гризли отступала перед его стремлением к подруге. Собаки были уже ближе чем в полумиле, как вдруг он внезапно остановился, потянул носом воздух и ринулся вперед. Тэр уперся в узкое ущелье, из которого убегала Искваy. Лай эрделей стал еще яростней и совсем приблизился.

Гризли спустился как раз в тот момент, когда медведица выбежала из ущелья. На мгновение она задержалась возле Тэра, затем кинулась дальше. Уши ее были сердито прижаты, из горла вырывалось угрожающее рычание. Тэр последовал за ней и тоже зарычал. Он знал, что его подруга бежит от собак, и, поднимаясь следом за ней в гору, все больше приходил в ярость. В таком состоянии, как сейчас, ему все бывало нипочем. Гризли был страшным бойцом, когда преследовали его самого, но, когда опасность нависала над его подругой, тут он уже превращался в сущего дьявола.

Тэр все больше отставал, давая Искваy уйти подальше, и дважды оборачивался, скаля клыки и посылая громовым голосом вызов врагу. Выбравшись из расщелины наверх, он оказался в тени, которую отбрасывала вершина горы. Искваy спешила достичь перевала через гору и уже успела скрыться из виду. Она исчезла в хаосе обломков, сорвавшихся сверху, с утеса, глыб песчаника и каменных пород. Сейчас вершины гор были всего в каких-нибудь трехстах ярдах выше Тэра. Он посмотрел вверх.

Искваy уже на пути туда, через этот каменный завал, поэтому здесь, внизу, самое место для боя. Собаки были совсем близко. Они

громко лаяли. До выхода из ущелья им оставалось уже немного. Тэр повернулся им навстречу и стал ждать.

Стоя на полмили южнее, Лангдон увидел в бинокль Тэра и Искwау, и почти в тот же миг из ущелья вырвались собаки. Он поднялся до середины гор верхом, отсюда вскарабкался выше и кинулся по бараньей тропе, очутившись почти на той же высоте, что и Тэр. Оттуда, где сейчас стоял Лангдон, долина под ним просматривалась в бинокль на несколько миль.

Брюс и Метусин оказались уже совсем близко. Он увидел, как они слезают с лошадей и бегут в ущелье. Затем они скрылись в нем. Лангдон снова повернулся к Тэру.

Собаки не давали гризли уйти, и Лангдон знал, что тому не справиться с ними на открытом месте. Затем он заметил какое-то движение в каменных нагромождениях и негромко вскрикнул, поняв, в чем дело, когда разглядел Искwау, спокойно взбирающуюся на вершину горы. Лангдон понял, что этот второй зверь — медведица.

Великан гризли — мужчина — остался внизу, чтобы биться. И если собакам удастся задержать его еще минут на десять — пятнадцать, то медведю конец. Брюс и Метусин выберутся к тому времени из ущелья и окажутся от него менее чем в ста ярдах!

Лангдон поспешно сунул бинокль в футляр и помчался по бараньей тропе. Ярдов сто пролетел одним духом, но дальше тропа разбегалась на множество мелких тропинок, скользящих по глинистому склону, и следующие пятьдесят ярдов отняли у него целых пять минут. Потом Лангдон снова почувствовал твердую почву под ногами. Задыхаясь, он побежал дальше, и еще через пять минут гребень горы заслонил от него Тэра и собак. Когда же он перевалил через этот гребень и пробежал вниз ярдов пятьдесят по склону, то остановился как вкопанный. Дальше пути не было — он оказался на самом краю крутого обрыва.

Лангдон находился теперь в пятистах ярдах от той площадки, на которой стоял Тэр спиной к скале. Гризли повернул свою огромную голову к собакам. Лангдон переводил дыхание, собирая силы для крика: Брюс и Метусин с минуты на минуту должны были выбежать из перелеска. Затем его вдруг осенила мысль, что, если они даже и услышат его крик, то все равно не поймут, чего он хочет. Брюсу и в голову не придет, что от него требуют пощады тому самому зверю, за которым они гонятся чуть ли не целых две недели.

И, когда Тэр, бросившись на собак, отогнал их на добрых двадцать ярдов в сторону ущелья, Лангдон поспешно залег за камень.

Если он еще не опоздал совсем, то спасти гризли теперь может только одно. Стая эрделей отступила еще на несколько ярдов вниз по склону, и Лангдон прицелился в нее. Одна мысль настойчиво сверлила его голову — он должен пожертвовать своими собаками, иначе обречет Тэра на гибель в тот самый день, когда тот даровал ему жизнь! И он, не колеблясь, спустил курок.

Стрелять прнходилось с далекой днстаиции, и первая пуля взвихрила фоитаичик пыли футах в пятидесяти от эрделей; иадо было взять прицел выше. Второй выстрел, и снова ои промахнулся. Звук третьего слился с произительиым воем, которого Ленгдои, одиако, ие расслышал, и одиа собака покатилась кувырком с откоса.

Сами по себе звуки выстрелов ие испугали Тэра. Но когда он увидел, как один из его врагов высоко подпрыгиул и затем покатился с горы, гризлн поспешил в укрытие, за каменные глыбы. Раздался четвертый выстрел, пятый... При пятом выстреле собаки с отчаяииым визгом кииулись обратио в ущелье. Одна из них припадала иа перебитую переднюю лапу. А Леигдои вскочил иа камеиь, служивший ему до этого опорой при стрельбе, и вгляделся в линию гориых вершии. Исквау только что достигла вершииы. На мгновеиие задержалась и посмотрела вииз. Но вот оиа исчезла.

Тэр под прикрытием камеииых громад и огромных глыб выветрившегося песчаиика двигался по следу медведицы. После того как Тэр скрылся, из ущелья выскочили запыхавшиеся Брюс и Метусии. Оттуда, где оии стояли, даже по вершиие горы можио было стрелять наверияка. Поэтому Леигдои закричал, как сумасшедший, и замахал им рукамн, указывая вииз.

Брюс н Метуснн ие замедлилн попасться иа эту удочку, хотя собаки уже сиова яростио лаяли у камней, среди которых нсчез Тэр. Охотиики сейчас же решили, что Леигдоиу оттуда, где он стоял, видно продвижение медведя н что гризли сейчас иесется в долиину. И, только пробежав более ста ярдов вниз по склоиу, оин остаиовились и огляиулись на Леигдоиа, ожидая от иего дальнейших указаиий. Но на этот раз Леигдон, стоя на камие, показал им рукой на лииию гориых вершии.

Тэр в этот момеит как раз переходил ее. На мгиовение ои, так же, как и Исквау, задержался и бросил последний взгляд иа человека. И Леигдон, прежде чем гризли нсчез, помахал ему шляпой и крикнул:

— Счастлнво, дружище..., счастливо!

Глава XX

Прощай, Мусква

Ночью Леигдои н Брюс обсуждалн новые планы. А Метусин сидел поодаль, покурнвая с невозмутнмым видом и время от времеин пристально приглядываясь к Леигдоиу, как бы все еще не в состояиии поверить в то, что произошло сегодия днем.

Пройдет миого лун после сегодияшней ночн, н Метуснн всегда будет рад случаю лишннй раз поведать своим детям и внукам,

друзьям и соплеменникам о том, как он однажды охотился с белым человеком, который перестрелял собственных собак, чтобы сохранить жизнь какому-то гризли. Ленгдон после этой истории уже не был для него прежним Ленгдоном, и после этого сезона Метусин никогда больше не пойдет с ним на охоту. Потому что теперь Ленгдон стал кесквау, то есть сумасшедшим. У него что-то разладилось. Великий Дух отнял у Ленгдона сердце и отдал его медведю гризли.

И, покуривая свою трубку, Метусин поглядывал на Ленгдона с некоторой опаской. Его подозрение окончательно утвердилось, когда он увидел, что Брюс и Ленгдон сооружают из кожаной корзины клетку, и понял, что медвежонок будет сопровождать их в долгом путешествии. После этого у него уже не оставалось никаких сомнений насчет состояния Ленгдона. Ленгдона «испортили». А подобная порча, по мнению индейца, не предвещала ничего хорошего.

На следующее утро вся экспедиция уже на рассвете была готова к долгому пути на север, и Брюс с Ленгдоном двинулись впереди вверх по склону и через хребет Скалистых гор в ту самую долину, из которой они впервые увидели Тэра. Вся экспедиция живописно растянулась за ними гуськом. Шествие замыкал Метусин. А в кожаной корзине, приторочённой на одной из лошадей, ехал Мусква.

Ленгдон был весел и сиял.

— Это самая удачная охота в моей жизни,— сказал он Брюсу.— И я никогда не пожалею, что мы не убили его.

— Много ты понимаешь!— пренебрежительно отозвался Брюс.— Возьмись я за это дело по-своему, его шкура сейчас была бы на спине Дишпен. Любой турист там, у железной дороги, отвалил бы за нее сотню долларов.

— А для меня он живой стоит несколько тысяч,— ответил Ленгдон и с этими загадочными словами приотстал посмотреть, как Мусква переносит путешествие.

Медвежонок то валился из стороны в сторону, то перекатывался в корзине, как неопытный новичок в хаудэ — широком, под балдахином седле на спине у слона. Понаблюдав за ним некоторое время, Ленгдон снова присоединился к Брюсу. Еще раз шесть за следующие два-три часа подъезжал он к Мускве и каждый раз возвращался к Брюсу все более молчаливым и задумчивым, как бы о чем-то споря с самим собой.

В девять часов они достигли конца долины Тэра. Прямо за ней возвышалась гора, и здесь поток, вдоль которого они ехали, круто сворачивал на запад, углубляясь в узкий каньон [1]. К востоку начинался зеленый холмистый склон, по которому лошадям нетрудно будет пройти и который выведет экспедицию в следующую долину, по направлению в Дрифтвуд. Этого направления Брюс и решил держаться.

Посредине склона остановились дать лошадям передышку,

[1] Каньон — каменистый овраг.

Мусква жалобно взывал из своей кожаной темницы. Ленгдон слышал, но, казалось, не обращал ни малейшего внимания на этот плач. Он, не отрывая глаз, все смотрел на долину, по которой они только что проезжали.

В свете утреннего солнца она была великолепна. Отсюда ясно виднелись заснеженные вершины, ниже которых лежало прохладное темное озеро, где Тэр недавно ловил рыбу. Отдаленные зеленые склоны гор казались бархатными, и Ленгдону при виде всего этого подумалось, что сейчас он в последний раз слышит журчащую музыку страны Тэра. И она подействовала на него, как хорал, как радостный гимн в честь того, что он уходит отсюда, ничем не нарушив жизни гор и долин, оставляя все таким же, как было до его прихода. Но так ли это? Разве до его ушей не доносится вместе с этой музыкой гор нечто печальное, скорбное, чья-то жалобная мольба?

И снова неподалеку потихоньку всхлипнул Мусква.

Тогда Ленгдон повернулся к Брюсу.

— Решено,— сказал он, и в этих словах прозвучала непреклонная решимость.— Все утро я собирался с духом, и вот теперь решился. Вы с Метусином тронетесь дальше, как только лошади отдышатся, а я съезжу в долину, отъеду примерно на милю и выпущу медвежонка на волю где-нибудь в таком месте, откуда он найдет дорогу в родные места.

Он не стал дожидаться, чтобы его начали отговаривать, не стал слушать возражения Брюса. Кстати, тот промолчал. Взяв Мускву на руки, Ленгдон направил лошадь обратно, к югу.

Проехав с милю по долине, он очутился на широком, открытом лугу с редкими зарослями ивняка и островками ели. Воздух благоухал от множества цветов.

Здесь он спешился и минут десять посидел с Мусквой, опустившись на землю. Вытащив из кармана небольшой бумажный пакетик, последний раз покормил медвежонка сахаром. Тяжелый комок подступил к горлу, когда носик медвежонка ткнулся в его ладонь, а когда Ленгдон наконец поднялся и вскочил в седло, глаза его застлал горячий, влажный туман. Он попытался рассмеяться.

Может быть, это бесхарактерность, но он любил Мускву и знал, что оставляет в этой горной долине что-то очень близкое и дорогое.

— Прощай, малыш,— говорил он, и голос его прервался от волнения.— Прощай, малыш Злюка! Может, когда-нибудь я вернусь сюда и мы увидимся... Ты будешь тогда большим, свирепым медведем. Но я не выстрелю... никогда... ни разу!

И он быстро поскакал на север. Отъехав ярдов на триста, оглянулся. Мусква бежал следом, но расстояние между ними быстро увеличивалось. Ленгдон помахал ему рукой.

— Прощай!— крикнул он, проглатывая подступающий к горлу комок.— Прощай!

А еще через полчаса он, уже стоя на вершине склона горы, навел бинокль на долину. Мусква виднелся вдали маленькой черной

точкой. Медвежонок остановился и доверчиво ждал его возвращения.

И снова Ленгдон попробовал было рассмеяться, но ничего не вышло. Перевалив через горы, он навсегда исчез из жизни Мусквы.

Глава XXI

Мусква ищет своего друга

Добрых полмили Мусква гнался за Ленгдоном. Сначала бегом, потом перешел на шаг и наконец остановился, уселся по-собачьи, не сводя глаз с далекого горного склона. Если бы Ленгдон шел пешком, то медвежонок, пожалуй, бежал бы за ним, не думая о привале, пока не выбился бы из сил. Но кожаная клетка смущала его. В ней было тесно, лошадь на ходу так встряхивала клетку, что медвежонку это казалось землетрясением. А он понимал, что там, впереди, не только Ленгдон, но и клетка.

Некоторое время он сидел так и грустно всхлипывал. Но не делал дальше ни шагу. Медвежонок не сомневался, что друг, которого он уже успел полюбить, скоро вернется. Он всегда возвращался и еще ни разу не обманул ожиданий медвежонка. Затем Мусква пустился на поиски клейтонии и кандыка, стараясь при этом не отходить очень далеко от места, где проходила экспедиция.

Весь этот день он провел в лугах, заросших цветами, у подножия склона. Светило солнце, было очень приятно. И он отыскал здесь немало столь милых его сердцу луковиц. Медвежонок рылся в земле и наелся досыта. Днем он заснул.

Но, когда солнце стало садиться и тяжелые тени гор надвинулись на долину, погрузив ее в темноту, ему стало страшно. Что там ни говори, а ведь он был еще всего-навсего медвежонком в самом младенческом возрасте и до сих пор только одну ужасную ночь — ночь после гибели матери — провел один. Тэр заменил ему мать, а потом Ленгдон — Тэра, и до сегодняшней ночи ему еще не привелось по-настоящему почувствовать одиночество.

Он забился в чащу боярышника неподалеку от следа, оставленного экспедицией, и все ждал, настороженно прислушиваясь и принюхиваясь. Ярко засверкали звезды, но сегодня их красота не могла выманить медвежонка из его укрытия. И только на рассвете он, осторожно крадучись, выбрался из своего убежища.

Солнце снова приободрило его и сделало смелей, и он побрел обратно, через долину. Запах, оставленный прошедшими здесь на-

кануне лошадьми, становился все слабей и вот наконец совершенно исчез. Этот день Мусква питался травой и несколькими корешками кандыка.

Ночь застала его на вершине склона, по которому экспедиция проходила из долины, где побывали Тэр и Исквау. Медвежонок устал, живот у него подвело от голода, и в довершение всего он окончательно заблудился. Эту ночь он проспал в дупле поваленного дерева.

На следующий день отправился дальше и много еще дней и ночей бродил по долине в полном одиночестве. Он прошел неподалеку от озерца, возле которого они с Тэром повстречали старого гризли, с жадностью обнюхал рыбные кости и горестно всхлипнул.

Проходил он и по берегу глубокого, темного озера. Снова довелось ему увидеть птиц, пролетающих, как тени, в лесном сумраке. Проходил по плотине, построенной бобрами. А две ночи проспал по соседству с запрудой, образованной упавшими деревьями на том самом месте, откуда не так давно он следил за Тэром, который ловил рыбу. Он уже почти забыл Ленгдона, думал больше о Тэре и вспоминал о матери. Так, как сейчас он скучал по ним, он никогда не скучал по человеку. Дикая натура Мусквы взяла свое.

Только в начале августа очутился он у края долины и перевалил через тот самый склон, на котором впервые Тэр услышал гром ружей белых людей и где впервые пули ужалили его. Медвежонку частенько приходилось укладываться спать на пустой желудок, но за эти две недели он заметно вырос и уже не боялся темноты.

Мусква прошел по глубокому, не знающему солнечного света каньону, который начинался выше грязевой лечебницы Тэра. И так как отсюда можно было выбраться одним путем, то он наконец очутился наверху, у выхода из ущелья, через которое когда-то прошел раненый Тэр, а следом за ним преследователи: Брюс и Ленгдон. Но вот и родные места, его дом: внизу распростерлась вторая долина.

Само собой разумеется, медвежонок не узнал ее. Все, что он здесь видел, было совершенно незнакомо ему. Но долина была так прекрасна, полна такого изобилия и столько в ней было солнечного света, что медвежонок не спешил выбираться из нее.

Ему попадались целые заросли клейтонии и кандыка. А на третий день своего пребывания в долине он впервые самостоятельно убил живую дичь.

Мусква чуть не наступил на маленького, не больше красной белки, сурчонка. Зверек не успел удрать, и медвежонок схватил его. Пировал Мусква на этот раз на славу.

Только еще через неделю прошел он по пойме ручья возле того самого склона, на котором погибла его мать. И, если бы он поднялся на вершину склона и прошел по его гребню, то увидел бы ее кости, дочиста обглоданные зверьем и птицами.

Еще через неделю медвежонок оказался на небольшом выпасе, где Тэр задрал сначала карибу, а потом черного медведя.

Теперь-то Мусква понял, что он дома!

Дня два не отходил он от этой арены былого сражения и пира дальше чем на двести ярдов. И день и ночь медвежонок ждал появления Тэра. Потом в поисках пищи пришлось уйти подальше, но каждый день в тот час, когда тени, отбрасываемые горами, начинали удлиняться, он неизменно возвращался к чащице, где они с Тэром устроили когда-то свой продовольственный склад. Тот самый, который был так по-мародерски разорен и осквернен черным медведем.

Однажды в поисках кореньев он забрел очень далеко и находился примерно в полумили от места, которое стало теперь его домом. В тот момент, когда чья-то огромная тень неожиданно упала на него, он обнюхивал подножие скалы. Медвежонок поднял глаза и с полминуты стоял, как громом пораженный. Сердце его стучало и прыгало так, как никогда еще в жизни. Перед ним стоял Тэр!

Великан гризли стоял неподвижно, как и медвежонок, и спокойно разглядывал его. Тогда Мусква с восторженным щенячьим визгом подбежал к нему. Тэр опустил огромную голову. Еще полминуты оба простояли неподвижно, нос Тэра уткнулся в пушистую спину медвежонка. А потом Тэр, будто Мусква никогда и не терялся, как ни в чем не бывало зашагал вверх по склону, и счастливый медвежонок отправился следом за ним.

С тех пор много дней прошло в удивительных путешествиях и роскошных пирах. Тэр показал Мускве тысячу новых мест в обеих долинах и в разделяющих их горах. Были дни удачной рыбной ловли. Еще один карибу был убит в горах. Мусква все больше толстел и прибавлял в весе. К середине сентября он уже был ростом с большую собаку.

Затем появились ягоды, и Тэр знал, где их искать. Сначала в низинах поспела дикая малина, затем мыльнянка. А за ними — ни с чем не сравнимая черная смородина. Она росла в глубине леса, в холодке, и ягоды ее были чуть ли не с вишню, а по сладости она почти не уступала сахару, которым кормил Мускву Лендгон. Черная смородина пришлась медвежонку по вкусу больше всего на свете. Она росла тяжелыми огромными гроздьями. На усыпанных ими кустах почти не было листьев, и медвежонку ничего не стоило за какие-нибудь пять минут обобрать и слопать целую кварту смородины.

Но вот наконец миновала и ягодная пора. Наступил октябрь. Ночи стали очень холодными, случалось, что солнце не выглядывало по целым дням. Небеса помрачнели, и по ним ползли тяжелые облака. На вершинах гор снег становился все глубже и там, на высоте, уже больше не таял.

Снег выпал и в долине. Сначала только-только застелил землю белым ковром, на котором у Мусквы мерзли лапы. Снег этот пролежал недолго.

С севера задули холодные, сырые ветры. Монотонная музыка летней долины сменилась теперь заунывным воем ветра по ночам, тоскливым скрипом деревьев. И Мускве казалось, что весь мир становится другим.

В эти холодные, сумрачные дин Мускву особенно удивляло, что Тэр ие уходит с ветреных склоиов,— ведь иичего же ие стонло взять да укрыться в инзинах. И Тэр, еслн ои вообще пускался в объяснеиия с ним, вероятио, сказал медвежоику, что зима уже не за горами н что этн склоиы — нх последнне кормнльцы. Ягод в долниах уже не осталось и в помние, трава и кореиья — что это за еда в такую пору... Им иечего сейчас попусту терять драгоценное время иа поиски муравьев и гусеииц, а вся рыба ушла в глубокие воды. В эту пору карибу стаиовится чутким на запахи, как лиса, и быстрым, как ветер. И только иа этих склоиах еще можно кое-как пообедать сурками и гоферами — таков обед голодного времени. Тэр выкапывал их из земли, и Мусква изо всех снл помогал ему. Не раз им прнходилось выбрасывать целые вагоиы землн, прежде чем онн добнрались до уютиых зимних квартир, где спало семейство какого-иибудь сурка. А иной раз нм приходилось целыми часамн копать, пока сцапаешь трех-четырех маленькнх гоферов, которые не больше красной белки, ио зато жириы просто на днво.

Так оин прожили коиец октября и встретилн иоябрь. Вот теперь сиег, холодиые ветры и яростиые метели, идущие с севера, взялись за дело всерьез. Пруды и озера затяиуло льдом. А Тэр еще оставался иа склоиах гор. У Мусквы по иочам зуб иа зуб ие попадал от холода, и ему казалось, что солнце так больше никогда н не засияет по-прежиему.

В один прекрасный день, примерно в середине иоября, Тэр вдруг броснл откапывать семейство сурков, спустился в долину и с самым деловитым видом направился иа юг. Когда оии троиулись в путь, то находнлнсь в десятн милях от каньона, лежащего выше грязевого бассейиа. Но великаи грнзли шагал так быстро, что они добрались туда еще засветло.

Два следующих дия Тэр, казалось, перестал ннтересоваться всем иа свете. Пнщи в этом каньоие ие водилось никакой, а Тэр слоиялся возле скал, прислушиваясь да прииюхиваясь, н вообще вел себя, с точки зреиия Мусквы, более чем страиио. В разгар второго дня Тэр задержался у сахариых сосеи, земля под которыми была устлана опавшей хвоей, н прниялся поедать ее. Хвоя не прншлась Мускве по вкусу, но что-то подсказывало медвежонку, что иадо делать то же, что н Тэр, н ои иачал подбирать хвою язычком и глотать, понятия не имея, что это сама мать-природа закаичивает их последние прнготовления к долгой спячке.

Было уже четыре, когда оии подошли к входу в глубокую пещеру, ту самую, в которой Тэр появился на свет. Здесь грнзли сиова задержался, принюхнваясь по привычке. Темнело. Над каньоиом завывала сиежная буря. Щиплющнй ветер то и дело иалетал с гориых вершин. Небо было черным, валил снег.

С мннуту грнзлн постоял, по плечи засуиув голову в пещеру. Потом вошел, а за ним и Мусква. Глубоко-глубоко в пещере онн пробирались в такой темноте, что хоть глаз выколи, н чем дальше, тем стаиовилось теплей. Затихало завывание ветра, пока ие превратнлось в еле слышиое бормотанне.

Еще полчаса вознлся Тэр, прежде чем устроиться со всеми удобствамн. Мусква свернулся у него под боком. Ему было очень тепло и уютно.

Всю эту ночь бушевала метель. Снег выпал глубокий. Он доверху завалил весь овраг огромными сугробамн и накрыл его сверху толстой снежной крышей. Весь мнр был погребен под снегом. Наутро не стало входа в пещеру и огромных каменных глыб. Исчезли черные деревья и красный кустарник. Все стало белым н мертвым. Монотонная музыка долины умолкла.

Глубоко в пещере беспокойно шевельнулся Мусква. Потом тяжело вздохнул Тэр. Долго и непробудно спали онн после этого. И как знать — может быть, видели сны.

Кесри Сингх

Тигр Раджастхана

Введение

Тигры — замечательные животные. Природа превосходно вооружила этих самых крупных представителей семейства кошачьих, сделав их наиболее грозными из всех обитающих на суше плотоядных. Некоторые северные медведи крупнее тигров, но им не хватает ни их подвижности, ни их грозного природного оружия: ведь медвежьи лапы и зубы значительно уступают тигриным [1]. Могучий скелет и невероятно мощные мышцы тигра не мешают ему легко и быстро передвигаться по джунглям. Звери эти весьма коварны, они отлично приспосабливаются к изменяющимся условиям жизни. Даже в зрелом возрасте тигры способны приобретать новые привычки. Район их обитания простирается от скованных морозом заснеженных сибирских равнин до джунглей Юго-Восточной Азии с их влажным тропическим климатом. Во многих отношениях тигры — венец творения в мире животных.

[1] К. Сингх пишет о медведях, обитающих в Индии, и не представляет себе силу бурого медведя, населяющего Приамурье, Камчатку и Аляску. Известны случаи, когда бурый медведь убивал тигра. Дальневосточный охотовед В. П. Сысоев пишет, что у медведя «в два раза толще шкура, крепче кости, он более вынослив, он способен на длительную борьбу и легче переносит большую потерю крови, в то время как тигр рассчитывает на внезапность и молниеносность своего нападения. Тигр более ловок, в начале схватки он не уступает в силе медведю, возможно, даже превосходит его, но потом силы его истощаются быстрее, чем у медведя» (В. П. Сысоев. На тигров. Хабаровск, 1967, с. 18).

Охотовед В. Горохов сообщает, что в трех столкновениях победу одержали тигры, а в двух — медведи («Охота и охотничье хозяйство». М., 1973, № 9, с. 16).— *Здесь и далее прим. ред.*

Возможно, ни один хищник не отличается абсолютным совершенством. И у тигра есть ахиллесова пята. У него очень тонкий слух, острое зрение, но слабое обоняние. Однажды я едва не лишил княжество Джайпур важного чиновника, пригласив его взглянуть на тигра, который незадолго до этого зарезал пасшегося верблюда. Свою добычу хищник уволок в лощину, густо заросшую низким ветвистым боярышником. Мы стояли на краю лощины, молча вглядываясь в переплетения зарослей и стараясь разглядеть останки верблюда. И тут, прямо под нами, в каких-нибудь восьми футах от наших сапог, прошел тигр. Однако он совершенно ничего не заподозрил, хотя, казалось бы, неминуемо должен был почуять нас. Он прокладывал себе путь сквозь подлесок, мы видели, как полосатая шкура мелькает среди ветвей, стеблей и листьев, но нас зверь не замечал. Зная повадки тигра, я нисколько не сомневался, что он немедленно напал бы на нас, если бы заметил.

И все же, несмотря на слабое обоняние, к тигру, как правило, весьма нелегко подобраться. По собственному опыту могу сказать, что это куда более опасный противник, чем лев. Охота на него — искусство, имеющее давние традиции и требующее солидной подготовки. Прежде чем мы продолжим наше повествование, будет, пожалуй, полезно рассказать о тех приемах, с помощью которых охотник — или фотограф — может взять на мушку или поймать в видоискатель свою мишень.

В Индии наиболее популярен вид охоты, известный как «загон» или «хаика». Суть его состоит в том, что тигра выгоняют на охотника. Способ этот сложен, но довольно хорошо разработан.

Для правильной организации загона нужно знать топографию местности и привычки одного или пары тигров, обитающих на данном участке. Затем составляют план загона, определяя расположение стрелков. Бесполезно пытаться выгнать хищника из хорошего укрытия прямо на открытое пространство. Он неминуемо прорвется через линию загонщиков. Тигра следует гнать с места его охоты или от растерзанной им добычи по направлению к его естественному убежищу, но так, чтобы он пересек открытое пространство, предоставив, таким образом, охотникам возможность выстрелить в зверя.

Чтобы убедиться, обитают ли тигры в районе охоты, используют в качестве приманки живого буйвола. Его необходимо привязать, но не слишком крепко — иначе тигр, убив буйвола, не сможет оборвать веревку и утащить недоеденную часть туши в свою потайную кладовую. В этом случае зверь заподозрит неладное и вместо того, чтобы вернуться, вообще уйдет подальше в поисках новой добычи. На земле бывает трудно отыскать след тигра. Поэтому нужно разбросать вокруг песок: на нем ясно отпечатывается след любого прошедшего здесь зверя. Песок следует разбрасывать с расчетом, только в тех местах, по которым может пройти тигр, но на известном расстоянии от приманки, иначе можно спугнуть хищника.

Сами охотники располагаются на маханах — платформах, оборудуемых на деревьях и замаскированных листьями[1]. Маханы сооружают на двадцатифутовой высоте заблаговременно до начала охоты, чтобы дикие звери успели к ним привыкнуть. Если же маханы начнут воздвигать непосредственно перед охотой, зверь всполошится и вы просидите на дереве впустую — стрелять будет не по кому. Там же, где охота год за годом проводится в одном и том же районе, постоянные маханы или даже деревянные вышки для стрельбы становятся настолько привычной частью пейзажа, что обитатели джунглей утрачивают врожденное недоверие к этим чуждым им предметам.

Когда позиции охотников и линии загонщиков определены, расчищают открытые пространства, по которым должен будет пробегать тигр. Здесь также надо проявить умение: если вырубить слишком много кустарника, тигр ни за что не выйдет на голое место.

Крестьянам Раджастхана нравится охота на тигров. Обычно там не составляет никакой трудности найти добровольцев-загонщиков, но их энтузиазм приходится сдерживать. На роль загонщиков годятся только сильные, энергичные мужчины. Каждый из них заранее, до начала охоты, должен твердо усвоить свои обязанности, знать, где будут стоять стрелки и в каком направлении полетят их пули. Число загонщиков зависит от площади охоты; обычно это небольшая долина или лощина. Их задача — поднять тигра, но при этом не растревожить и не напугать его. Пусть он спокойно и не спеша идет по направлению к маханам. Весьма вероятно, что тигр попробует метнуться вправо или влево, даже если ему для этого придется карабкаться по откосам лощины. На этот случай «заставы» располагают в таких местах, откуда загонщикам открывается хороший обзор. Убедившись, что тигр движется в их направлении, загонщики, кашляя или ломая сучки, должны вернуть зверя на намеченный для него путь. С той же целью по границам зоны охоты иногда разбрасывают яркие тряпки или бумагу.

Преследуемый тигр не представляет особой опасности, если он, конечно, не ранен. Вот почему я обычно беру с собой на махан красный и зеленый флажки, чтобы соответствующим сигналом сообщить загонщикам, убит мною или только ранен тигр, пантера или медведь[2].

Стрельба ведется, разумеется, в границах заранее установленной зоны. Как только впереди раздался звук выстрела, загонщики прекращают свою «работу». Обычно я предпочитаю размещать среди загонщиков нескольких опытных шикари (охотников), вооруженных дробовиками. Если поведение тигра окажется необыч-

---

[1] В России с маханов, или, как их у нас называют, лабазов, на тигров охотились редко, а вот медведей, выходящих полакомиться поспевающим овсом, до сих пор стреляют с лабазов.

[2] В Индии водятся различные виды медведей: бурый губач, пищухоед, черный (гималайский); о каком идет речь в книге Сингха, неясно. Подробнее о животном мире Индии см. Э. П. Джи. Дикие животные Индии. М., 1968.

ным, я подзываю шикари и мы действуем группой. Шикари берут с собой как холостые патроны, так и патроны с сильным зарядом пороха и тяжелыми пулями. Последние — самое лучшее средство остановить атакующего тигра или пантеру на прыжке. Холостыми патронами выгоняют тигра из укрытия в дремучих джунглях. Я предпочитаю по возможности избегать большого шума во время загона. Чем тише, тем безопаснее для загонщика, так как меньше вероятности разозлить тигра, который в этом случае попытается прорваться. Это удобнее и для стрелков. Спокойный тигр медленно выйдет на открытое пространство и тем самым представит собой более удобную мишень.

Однажды в большом заказнике Савай-Мадхопур в Джайпуре[1] во время облавы на трех тигров — пару взрослых и крупного тигренка — участники охоты при моем попустительстве чересчур расшумелись. Тигрица, как обычно, шла первой и была убита наповал выстрелом с махана. Тигр, шедший за ней, встревоженный шумом и грохотом выстрела, резко повернулся и бросился прямо на людей. К счастью, поблизости оказались шикари. Они разом выстрелили, тигр повернулся обратно, проскочив сквозь цепь загонщиков на фланге. Ушел легко, поскольку ранение было пустячным: шикари стреляли на изрядном расстоянии и лишь слегка попортили ему шкуру. Год спустя во время облавы мы снова наткнулись на него в тех же местах. Но на этот раз тигр был уже ученый. Он просто-напросто выпрыгнул из своего укрытия и, обрушившись на ближайшего загонщика, в одно мгновение раскроил бедняге голову. Затем зверь бросился назад в свое убежище, откуда нам так и не удалось его выгнать. В конце концов я убил этого хищника со спины слона. А ведь трагедии можно было почти наверняка избежать, если бы участники первой облавы вели себя более сдержанно.

Облаву принято начинать около одиннадцати часов утра или чуть позднее, когда тигр лежит в тени неподалеку от своей добычи. Зато охота с приманкой предпочтительнее вечером или ночью. Главная прелесть этой охоты — в ожидании. Затаив дыхание, не нарушая ночной тишины, сидишь и не знаешь, что тебя ожидает, прислушиваешься к шорохам пробуждающихся джунглей. Однако здесь есть своя отрицательная сторона — необходимость использовать живую приманку, и, чем старше я становлюсь, тем отвратительнее мне это кажется.

Как уже было сказано выше, обоняние тигра довольно слабое и лишь живое животное может привлечь его внимание. Как правило, для этой цели используется буйвол с колокольчиком на шее наподобие того, что надевают корове. Вообще-то тигр предпочитает корову буйволу, но в стране с индуистской религией корове не угрожает подобная участь[2]. Живая приманка, бесспорно, наилучший

[1] В настоящее время Савай-Мадхопур — заповедник; его площадь — свыше 20 тыс. га; в заповеднике, по данным 1969 г., обитало примерно 12 тигров.

[2] В Индии корова — священное животное и убивать ее нельзя.

способ привлечь и застрелить тигра, который повадился совершать набеги на стада. В тех же районах, где охотиться с загонщиками опасно или по какой-либо причине невозможно, а также нельзя использовать слонов, это единственный выход.

Махан сооружается над удобным открытым участком. Иногда хороша предварительная приманка, скажем, живая свинья, к которой тигр особенно неравнодушен. Свиней доставляют заранее, чтобы тигр повадился посещать одно и то же место. Если для этой цели привязывают буйвола, то труп его — после того как тигр расправится с животным и уйдет — следует забросать листьями, чтобы не привлекать внимания любителей падали; раскрыть его нужно только тогда, когда охотники разместятся на махане.

Взобравшись на махан и отправив домой проводников за час или более до наступления сумерек, охотник должен сидеть как можно тише. Если на махане двое, им нельзя даже перешептываться. Живой буйвол, находящийся ярдах в двадцати от охотников, будет спокойно лежать, пережевывая жвачку, пока не почувствует приближения тигра. Тогда он поднимается на ноги и начинает беспокойно метаться из стороны в сторону. Это сигнал охотнику: смотреть в оба. И вот вы видите, как в сумерках или при лунном свете неторопливо приближается тигр. Будьте осторожны и рассудительны — не выдайте себя, резко поднимая винтовку[1], ведь тигр, не освоившись в непривычной для него ситуации, напряжен до предела. При малейшей тревоге он легко и бесшумно ускользнет, чтобы никогда не появиться вновь.

Немного повременив, тигр ринется на буйвола, вцепится в него когтями и с силой ухватит за шею клыками. Вот теперь пора вскинуть винтовку. Щелчок предохранителя при этом не должен быть слышен. Как только буйвол испустит дух, тигр огляяется по сторонам, проверяя, не грозит ли ему какая-либо опасность. В это время он боится только двух противников — человека и другого тигра. Ибо более сильный тигр не постесняется подкрасться к слабому сопернику (особенно тигрице) и отогнать от законной добычи, да не просто отогнать, а еще и задать при этом жестокую трепку.

Если первая возможность выстрелить по хищнику упущена, у вас имеется еще один шанс — ведь зверь, будучи не в состоянии утащить тушу, может приступить к трапезе тут же, внизу, под вашим маханом. Но как бы то ни было, лучше всего стрелять в тот момент, когда тигр расправляется с буйволом.

---

[1] Автор различает нарезное оружие и гладкоствольное. Зато о нарезном оружии он пишет чаще всего столь неопределенно, что непонятно, о каком типе оружия идет речь: винтовке, карабине или штуцере. В тех случаях, когда автор прямо говорит о штуцере (express) или когда из контекста ясно, что речь идет именно об этом типе оружия, в русском тексте везде поставлено слово «штуцер» или «штуцер-экспресс». В остальных случаях слово rifle переведено как «винтовка». Нарезное оружие классифицируют различно; здесь и дальше мы называем штуцером нарезное оружие (обычно двуствольное) с откидывающими стволами (как у всем известного дробовика); винтовка — оружие, у которого ствол неподвижно скреплен с коробкой; винтовка с коротким стволом называется карабином.

Отправляясь в засидку над приманкой, очень важно занять позицию пораньше и быть готовым к тому, что тигр может появиться в любой момент. Однажды в Кхандаре, преследуя тигра-людоеда, я привязал свой махан — маленькое переносное сооружение, сплетенное из канатов,— к дереву, растущему на дне оврага и отстоящему на пятнадцать футов от его крутого склона. Когда махан был надежно закреплен и кое-как замаскирован, я влез на него и обнаружил, что нахожусь... вровень с верхним склоном оврага. Позиция была опасная, да и вообще неудачная во всех отношениях. Но я ведь приехал сюда не для удовольствия и к тому же поблизости не видел никакого другого дерева, так что оставалось лишь приложить все силы, чтобы наилучшим образом выполнить задачу.

Устроившись над приманкой, я не только следил за буйволом, но и вел непрерывное наблюдение за окрестностями, медленно поворачивая голову, чтобы не упустить ни единой детали. Просидев на махане минут десять, я почувствовал сильный запах тигра и мгновенно сообразил, что зверь должен быть где-то на краю оврага, на расстоянии прыжка до моего похожего на гамак махана. Усилием воли я удержал себя от желания сразу же оглянуться через плечо. Медленно, очень медленно поворачивал я голову до тех пор, пока не увидел тигра, уставившегося на буйвола в просвет между раскидистыми ветвями дерева. Заметив, однако, что несчастное животное крепко привязано к дереву, он решил не торопиться с обедом и занялся своим туалетом, вылизывая языком шкуру в точности так, как это делают кошки.

Всякий раз, когда он наклонял голову, чтобы поработать языком, я на один или на два дюйма приподнимал винтовку. При ярком дневном свете, отгороженный от тигра лишь редкой завесой из листьев, я не мог позволить себе резких движений, ибо, прежде чем надежно поймал бы зверя на мушку, он сам бросился бы на махан или попросту исчез. И неизвестно еще, захотел бы тигр покушаться на жизнь буйвола до наступления темноты.

Деревушка, которую терроризировал хищник, находилась слева от меня на расстоянии нескольких сот ярдов, и, на мое счастье, кто-то ударил там в храмовой колокол. Услышав звон, тигр повернул морду в направлении звука, а я постарался наилучшим образом использовать эту возможность. Дважды зверь медленно поворачивался к деревне, и дважды голова его возвращалась в прежнее положение. На третий раз я послал экспансивную пулю[1]

[1] В охотничьем нарезном оружии, предназначенном для стрельбы крупных и опасных для охотников зверей, применяются пули как в сплошной оболочке, так и экспансивные (полуоболочечные). Первые применяются при охоте на «толстокожих» (слон, носорог, бегемот, буйвол), вторые — при стрельбе крупных хищников (лев, тигр, ягуар, пума). При большой начальной скорости полуоболочечная пуля, попадая в тушу животного, деформируется, а то и разлетается на части, нанося более серьезное поражение, чем пуля в сплошной оболочке. Полуоболочечные пули малопригодны при охоте на «толстокожих», так как разворачиваются слишком рано; зато они незаменимы при охоте на хищников, ибо лучше останавливают последних при атаке, чем оболочечные.

в повернутую шею и разнес верхние позвонки. Тигр рухнул на обрывистом краю оврага. Охота закончилась менее чем через двадцать минут. Причем добрая половина этого времени была затрачена на маневры на махане, позволившие мне найти наилучшую позицию для стрельбы. Это был весьма удачный день и для меня и для буйвола.

Многие считают низким и недостойным делом принесение в жертву тигру домашнего буйвола. Мой хороший друг Фатех Сингх из Удайпура решительно осуждал подобные методы охоты. Хотя он и записал на свой счет более сотни тигров, никогда при этом не позволял себе использовать живую приманку. И все же следует помнить, что при охоте без приманки подвергается опасности жизнь загонщиков и шикари, чего можно избежать, если пожертвовать буйволом. К тому же после неудачной облавы тигры-людоеды и тигры, уничтожающие домашний скот, набираются опыта, лучше узнают людей, и охота на них становится намного сложнее.

Самый волнующий и опасный момент охоты на тигров — выслеживание пешком раненого зверя. Заниматься этим приходится отнюдь не из спортивных соображений. Тигр, залечивший свои раны, скорее всего, до конца дней будет представлять смертельную опасность для каждого мужчины, женщины и ребенка, которые окажутся на его пути. Возникает серьезный вопрос, когда следует начинать отыскивать раненого тигра. Обычно до начала преследования необходимо подождать по крайней мере час — за это время тяжелораненый зверь может испустить дух или же его подсыхающие раны настолько стянутся, что он не будет способен на внезапное и успешное нападение. В то же время, если рана окажется несерьезной, зверь, вместо того чтобы лежать в засаде, подкарауливая своих преследователей, может успеть уйти на многие мили. Следовательно, неоправданная задержка приведет к тому, что тигр либо станет людоедом, либо умрет медленной смертью от заражения крови.

Преследуя тигра пешком, важно оставаться максимально спокойным и собранным, чтобы суметь трезво оценить ситуацию. Нельзя бежать очертя голову вдогонку за тигром и действовать безрассудно, столкнувшись с непредвиденными трудностями.

Опасность заключается в том, что такой зверь обычно залегает поблизости от того места, где был ранен. Там он лежит, укрывшись в зарослях, и его полосатая окраска сливается с окружающим фоном. Стоит охотнику оказаться на расстоянии нескольких ярдов от него, как следует короткий и роковой для преследователя прыжок. Я предпочитаю идти немного впереди двух или трех следопытов, которые подсказывают мне направление, в то время как я, готовый в любую секунду открыть огонь, внимательнейшим образом осматриваю местность, не обременяя себя поисками следа. Следопыты никогда не должны идти перед стрелком, так как в решающий момент рискуют оказаться между винтовкой охотника и пастью тигра.

Осторожный тигр

Охота на тигров не терпит безрассудных поступков — таково мое твердое убеждение. Человек, ходивший на тигра раз или два в жизни и действующий торопливо и непродуманно, страшно рискует и, как правило, остается без трофеев. Профессионал вести себя так не имеет права. Даже соблюдая все правила охоты, ты всегда подвергаешься опасности.

Встретившись с тигром (или пантерой), человек особенно остро чувствует свою слабость. Поэтому зверю, который движется бесшумно, как тень, и может убить человека одним ударом лапы, охотник противопоставляет смекалку и меткую стрельбу, но при этом и тем и другим надо умело пользоваться. Человек наносит поражение зверю в его собственных владениях — в этом все искусство охоты на тигра. Во многих отношениях это напоминает игру в шахматы: необходимо подготовить план с заранее разработанными вариантами и не делать случайных или излишне самоуверенных ходов. Тот, кто не помнит об этом, может поплатиться жизнью[1].

У каждого тигра свой ярко выраженный характер. Тем не менее, потратив почти всю свою жизнь на изучение повадок тигров и охоту на них, я могу разделить их на следующие четыре группы: осторожные, смелые, беспечные и трусливые. Разумеется, эти категории претендуют на точность и полноту охвата не более, чем классификация, с помощью которой философы и физиологи разных школ веками пытались разделить род человеческий по различным темпераментам. И все же моя классификация, многократно проверенная на практике, может служить критерием для оценки возможного поведения тигров.

Особенно сложно охотиться на осторожного тигра. Чтобы убить его или хотя бы сфотографировать, приходится прибегать к различным ухищрениям. Осторожность — это, скорее всего, врожденная способность и результат хороших уроков, полученных в детстве. Вопреки некоторым утверждениям осторожность присуща вовсе не одним только старым, больным животным, которым приходится призывать на помощь смекалку, чтобы спасти свою шкуру. Оказалось, что самые крупные и здоровые тигры, которых я встречал, также и наиболее осторожные.

События эти произошли в те дни, когда я возглавлял охотничье управление в княжестве Гвалияр. Княжество это должен был по-

[1] Автор не преувеличивает трудностей и опасностей охоты на тигров. Его мнение разделяют другие известные охотники, ходившие на этого хищника в Средней Азии, на Дальнем Востоке, в Индии (см.: Е. Т. Смирнов. Охота на тигров на Сырдарье.— Владыка джунглей. А-А., 1966, с. 56—57; Н. А. Байков. В Маньчжурии.— «Природа и охота». 1903, № 11, с. 71; К. Андерсон. Черная пантера из Шиванипали. М., 1964, с. 90 и др.). Не случайно тигр отнесен к числу наиболее опасных для охотников зверей наряду со львом, слоном, носорогом, африканским (кафрским) буйволом и леопардом.

сетить вице-король лорд Ридинг, и, когда стало известно, что в окрестностях местечка Кер Кхо появился поистине чудовищный тигр, возникла идея устроить охоту. Я изложил свой план махарадже, обратив его внимание на то, что речь идет о необычайно крупном звере. Тот принял план с большим энтузиазмом. Как только лорд Ридинг прибыл в Гвалияр, мы выехали на охоту. Однако, к своему ужасу, я понял, что не в состоянии отыскать полосатого гиганта. Мягко выражаясь, я оказался в затруднительном положении. Зверь был настолько хитер, что обнаружить его просто не представлялось возможным. Он убивал и пожирал животных, которых мы оставляли в качестве приманки, но каждый раз ускользал из этой долины еще до восхода солнца. Даже самые опытные охотники теряли его след. Он явно держался твердой или травянистой почвы, а через тропинки, колею дороги и мягкие или пыльные ее участки перескакивал одним прыжком.

Серая предрассветная мгла опустилась на землю, когда я еще раз предпринял попытку сойти в долину. Визит вице-короля подходил к концу, и настроение у меня было прескверное. Как обычно, я обнаружил останки несчастного буйвола, но, как и обычно, там уже не было тигра. Вороны и коршуны кормились трупом, а тигры не делятся добычей с охотниками за падалью. Пока зверь держится поблизости от приманки, ни один мародер джунглей не рискует к ней приблизиться. Я тут же выслал следопытов, но, как и прежде, они не обнаружили никаких следов хищника.

Оставив всякие надежды, я направился обратно в охотничий лагерь махараджи, как вдруг ко мне подбежали два крестьянина, работавшие неподалеку в поле. Тяжело дыша от волнения, они рассказали, что видели большого тигра, плывшего по реке. Зверь плыл некоторое время близ берега, а затем вышел из воды на каменистом участке и направился в сторону приманки. Я заключил, что тигра что-то напугало, помешав ему кончить трапезу (возможно, мое приближение), и он спустился в долину, вошел в воду, чтобы замести следы, а затем решил вернуться к прерванному обеду. Я переправился через реку и, связавшись по полевому телефону с махараджей, предложил ему прибыть как можно скорее вместе с вице-королем. Менее чем через два часа вся группа охотников была на месте.

Тем временем я уточнил план кампании. Долина напоминала вытянутую подкову, концами упирающуюся в реку. Если смотреть с воды, правая сторона подковы меньше заросла, чем левая, на ней не было густых естественных укрытий. Оба откоса долины высокие и очень крутые. Зверь, уходящий от облавы по долине к реке, должен был наверняка держаться левой стороны, поскольку там было где укрыться.

В соответствии с этим я расставил линию загонщиков у верхнего изгиба подковы. Они должны были быть готовы гнать тигра к реке, если, разумеется, он окажется в долине. На другом берегу реки, в ветвях дерева, у меня был оборудован прекрасный махан. С него удобно было стрелять, и к тому же оттуда хорошо просмат-

рнвалась местность, по которой тигр должен был следовать, если он, коиечно, будет держаться ближе к левому склону.

Как только гостн прнбыли, я указал на махан н предложил лорду Рнднигу взобраться туда. Он отказался.

— На такой высоте у меня закружнтся голова,— сказал ои,— и я не смогу попасть в цель.

Да, коиечио, окажнсь тут башня, он бы поднялся на нее с огромным наслажденнем. Но на дерево он не полезет. Однако ои, видите лн, сумеет все сделать как нужно отсюда, с того места, где сейчас находится, то есть с землн.

В обычных условиях, прнннмая во вннманне высокое положение нашего гостя н рнск, сопряженный с охотой на тнгра с земли, я бы на это не согласился. Но, видя, что внце-короля отделяет от долины река ширнной около пятндесятн ярдов, я не стал возражать, чтобы не задеть тем самым достоинства гостя.

Итак, я отправился, чтобы дать сигнал загонщнкам начинать облаву, а вице-король, махараджа и сэр Малькольм Хейлн, сопровождавший лорда Рнднига, расположились в высокой траве у реки. Загон иачался, и тут мне в голову пришла тревожная мысль: что, если этот тнгр, зверь осторожный и хитрый, решил провести нас и ускользнуть из долины там, где выходнт к реке правая стороиа подковы? Подумав об этом, я занял позицию на том же берегу, что и махараджа, но ярдов на сто правее.

Мои надежды, что тнгр находнтся в долине, н мои дурные предчувствия относнтельно его поведення оправдались. Тигр, видимо, двигался очень медленно, потому что иеожиданно я увндел его огромиое полосатое тело в редком кустарнике всего лншь в иескольких ярдах перед загонщнками. Да, зверь двнгался по правой стороне долииы.

Я быстро повернулся, кашлянул и выронил белый платок. Тигр сел н замер. Он, вндимо, счнтал, что я его не вижу. Я медленио зашагал вправо, сознательно нзбрав это направление, тем самым как бы «внушая» тигру, что опасность угрожает ему имеино здесь. Теперь ои будет вынужден двинуться по берегу в противоположиую, левую сторону долины, то есть туда, где у внце-короля были все шансы сделать удачный выстрел. Шагая, я наблюдал за тигром уголком глаз и понял, что мои предположення оправдались: он встал, двинулся налево и нсчез из поля зрения.

Загонщикн, которыми руководили шикарн, следуя заранее согласованному плану, застыли на месте.

Но мне так и не удалось обмануть тнгра. Вместо того чтобы продолжать идти влево, он внезапно вышел из высокой густой травы прямо на берег реки, спокойно погрузился в воду и поплыл к противоположному берегу. Течеиие заставнло тнгра пересечь русло по диагонали. Теперь он держал курс прямехонько на группу поджндавших его людей. Возможно, что тнгр их не замечал.

Когда тигр плывет, он погружает в воду все тело и лишь часть морды торчит над поверхностью. Плывущего тигра легко заметить

только в очень спокойной воде, когда от его морды расходятся небольшне волны.

Обеспокоенный тем, что махараджа н его гости могут ие заметить приближающегося зверя, я с криком побежал к ним.

Неожидаино раздались два выстрела, одии за другим, а затем, когда я был уже совсем рядом со стрелками,— еще два. Охотники былн взволнованы. У махараджи и вице-короля, видимо, что-то ие ладилось с оружием, а сэр Малькольм, вооруженый лишь тросточкой, с мрачной решимостью сжимал свое «грозное оружие». Тигр же плыл уже в нескольких ярдах от них.

Оказывается, что все трое заметили, как тигр вошел в воду несколько выше по течеиию и поплыл по иаправлеиию к иим. Лорд Ридииг и махараджа были вооружены двуствольиымн штуцерами-экспрессами. Заметнв зверя, лорд Ридииг разрядил в него сразу оба ствола, но промазал. А тнгр продолжал плыть прямо иа них. Вице-король перезарядил свой штуцер и сиова выстрелил. И опять промахиулся. Тигр же приближался.

Махараджа, превосходиый и обычио весьма хладнокровный стрелок, сознательио ие открывал огия. Он хотел, чтобы зиатиый гость сам добыл свой трофей, и был увереи, что в крайнем случае всегда сумеет подстрелить тнгра до того, как тот выберется на берег. Одиако после последнего выстрела вице-короля махараджа решил, что игра зашла слишком далеко, подиял штуцер, тщательио прицелился и иажал иа спусковой крючок. К несчастью, он забыл зарядить свой штуцер. Торопясь зарядить его, махараджа автоматически суиул руку в карман куртки, где обычно держал про запас два-трн патроиа, но там их не было. Вместо этого пальцы его иащупали металлический свисток, иапоминающий по форме латунный патрон для штуцера- экспресса. Махараджа, ие глядя, вложил его в казеииую часть. Затвор заклииило, оружие стало непригодиым для стрельбы. Все это произошло в течение нескольких мгиовений. Вице-король, стрелок довольио иеопытиый, тем временем лихорадочно пытался перезарядить свой штуцер-экспресс.

Имеиио в этот момеит я и появился иа сцеие. Стоило мие поднять вннтовку, как тигр, испугавшись столпившихся иа берегу людей, поплыл обратио. Все перевели дух. Теперь оба стрелка смогли перезарядить свое оружие.

Первый выстрел, коиечно же, должен был сделать вице-король, но я попросил его не стрелять, покуда зверь ие выберется на берег и ие стаиет хорошей мишенью. Преодолевая течеиие, тигр решнтельио держал путь к протнвоположному берегу, прямо иапротив иас. Такнм `образом, дистаицня вполие подходила для стрельбы.

Тнгр вылез на берег, с его огромиого туловища стекала вода. Вице-король выстрелнл. Пуля угодила в бедро левой задней иоги, но зверь даже не захромал — иапротнв, метнулся прочь н сразу же набросился на группу загонщиков, стоявших иеподалеку. У одного из них был барабан. Ударом лапы тигр свалнл наземь ие-

счастного барабанщика. Затем молниеносно нырнул в густой кустарник, росший в долине. Сам я теперь уже ничего не видел, но один из фланговых загонщиков, стоявших на возвышенности, сообщил мне об этом.

Нам снова предстояло искать опасного хищника, и сделать это надо было как можно скорее. Договорившись с махараджей, который должен был доставить гостей обратно в лагерь, я переплыл на лодке реку и, распорядившись позаботиться о бедной жертве, вскарабкался по склону, откуда открывался хороший обзор. Сверху чаща казалась похожей на клумбу, притом не очень большую, окруженную со всех сторон сравнительно безлесным пространством. Это было мне на руку. Я подождал некоторое время, но раненый зверь не давал о себе знать.

Поскольку тигр не намеревался покинуть свое убежище, стало ясно, что его придется выгонять. Загонщики для этого теперь не годились, и я послал человека в ближайшую деревню с просьбой пригнать буйволов. Стадо собрали и с шумом погнали в чащу.

В этот момент тигр продемонстрировал свою поистине необыкновенную хитрость и понимание ситуации. Если бы он набросился на одного из буйволов или хотя бы издал страшный, «кашляющий» рык, как это обычно делают тигры, когда хотят отпугнуть незваных пришельцев, он выдал бы себя, однако зверь поступил иначе. Он дождался, когда пара буйволов подошла к нему поближе, и сделал несколько шагов для того, чтобы они заметили его. Буйволы тут же развернулись, паника мгновенно охватила все стадо, и, объятые страхом, животные помчались обратно к деревне. После этого нечего было и пытаться загнать их в кустарник.

У меня оставался последний козырь, который можно было попытаться использовать. Я послал в лагерь за обученным слоном и велел погонщику загнать слона в кустарник. В этом районе Индии дикие слоны не водятся, так что тигр наверняка не встречался прежде со столь странным зверем. Увидев гиганта, продирающегося к нему напролом через кустарник, тигр, взревев, неожиданно выскочил из укрытия и помчался вдоль долины. Из лагеря мне на помощь прислали несколько стрелков. Один из них выстрелил навскидку. Однако ему не удалось остановить тигра, и тот вскоре скрылся из виду, затерявшись в траве.

В этот момент стряслось второе несчастье. Увидев босого загонщика, беззаботно бредущего в одиночестве, тигр прыгнул на него и отомстил за все свои раны — сшиб беднягу и перегрыз ему горло.

Расставленные мною наблюдатели занимали удобные позиции на деревьях и по краям долины, и от одного из них, который видел ужасную сцену, я узнал, что после убийства тигр укрылся в узкой лощине, заполненной крупными валунами. Взяв с собой всех охотников, я тут же направился к ней. Несмотря на тяжелую дорогу, мы через несколько минут были уже на месте. Началась довольно опасная охота, чем-то напоминающая игру в прятки.

Стрелки заняли места на высоких откосах лощины. Тигр был внизу среди дикого нагромождения камней. Увидеть его было невозможно. Мы знали наверняка, что он двигается где-то там, в каменных завалах, не выдавая себя, и изредка стреляли в темные расщелины между валунами, надеясь выгнать тем самым тигра на открытое пространство. Он отвечал громким сердитым ревом, как бы предупреждая нас: «Но, но, не позволяйте себе лишнего». Рев раздавался то из-под одного валуна — чуть ли не прямо под стрелком, то из-под другого — на расстоянии двадцати—тридцати футов от первого.

Эта игра продолжалась более часа, а дело меж тем шло к вечеру. Солнце в Индии заходит быстро, и времени терять было нельзя. Поэтому я подозвал охотников, объявив им, что собираюсь идти в лощину и тем самым закончить дело.

Я стал спускаться по откосу на некотором расстоянии от того места, где мы последний раз слышали тигриный рев, а затем, лавируя между каменными глыбами, пошел по дну оврага, туда, где, по моим предположениям, находился зверь. Время от времени мои спутники спрашивали, вижу ли я что-нибудь. Я не отвечал. Наконец, передвигаясь ползком, я приблизился к валуну, под которым должен был прятаться зверь, если он еще не сбежал. Я решил тем самым выставить самого себя в качестве приманки — пусть тигр бросится на меня на открытом месте, где он будет виден сверху моим товарищам.

Когда от меня до валуна оставалось футов двадцать, я нарушил тишину, громко обратившись к ожидающим стрелкам с просьбой смотреть в оба.

Идея сработала. Послышался «кашляющий» рык, и между двумя валунами поднялась тигриная голова и плечи. Через мгновение в воздухе взметнулось полосатое тело — тигр ринулся на меня. Сразу же сверху раздался выстрел. Тяжелая пуля перебила зверю позвоночник.

Тигр рухнул, перевернулся навзничь, но, увидев меня рядом с собой на расстоянии протянутой лапы, с изумительным мужеством стал подползать ко мне. Я встал и выстрелил ему в упор в голову.

Теперь мне грозила опасность со стороны своих же стрелков, расставленных в отдалении. В быстро сгущающихся сумерках они продолжали палить по конвульсивно содрогающемуся телу зверя. Но тут между выстрелами они услышали мои отчаянные крики и начали спускаться по склонам, чтобы как следует разглядеть убитого тигра.

Зверь был таких огромных размеров, что мы поначалу заподозрили, не врет ли рулетка: она показывала одиннадцать футов пять с половиной дюймов — на один дюйм короче длины самого большого тигра, убитого в этих краях в 1914 году близ Шивапури. Мы изрядно помучились, вытаскивая убитого тигра из оврага, и основательно попотели, взваливая его на слона. Это было не удивительно. Когда мы добрались до лагеря и взвесили нашу добычу, выяснилось, что тигр весил пятьсот девяносто фунтов — вес совершенно необычный.

Для меня в этой охоте самым интересным было то, что этот исключительно крупный, могучий зверь был в то же время и самым хитрым и осторожным из всех, которых я когда-либо встречал. В течение этого длинного, неудачного для меня дня тигр пытался — и почти всегда с успехом — предусмотреть каждый мой следующий шаг и обдумать свои ответные действия. Он был убит лишь потому, что охота была тщательно спланирована, в ней принимало участие много загонщиков и стрелков. Шансов на спасение у него не было.

Смелые тигры

Как правило, тигры, если они не ранены, не одряхлели, стараются, особенно в дневное время, не встречаться даже с небольшими группами людей, которые собираются их преследовать. Это относится даже к тем тиграм, которые утратили свое врожденное уважение к человеку и привыкли охотиться на принадлежащих ему домашних животных. Однако бывают исключения.

Из деревни Шергадх (княжество Гвалияр) стали поступать сведения о тигре — похитителе скота. Я получил указание уничтожить хищника. К счастью, чуть ли не в тот же день ко мне зашел староста Шергадха. Услышав его рассказ, я решил бросить все дела. Немедля отослал старосту обратно в деревню, наказав ему к следующему дню собрать большой отряд загонщиков. Вместе со старостой я отправил двух слонов из слоновника махараджи и своего надежного шикари, великолепного охотника и следопыта по имени Мухаммад Хан.

Я решил безотлагательно заняться тигром не только потому, что тот уничтожал скот, но и из-за его необычайной наглости. Зверь не обращал никакого внимания на все попытки отогнать его от стада. Напугать тигра было невозможно, он бросался на любого крестьянина, дерзнувшего помешать ему свалить и утащить животное, которое, возможно, было единственным богатством всей семьи. Несколько человек поплатились жизнью при попытке спасти скот, хотя этот тигр явно не был людоедом: он не поедал трупы своих жертв.

На следующий день следом за старостой я выехал на машине в Шергадх. Мухаммад Хан и загонщики со слонами уже ждали моих распоряжений. Топография местности и рассказы о повадках зверя свидетельствовали о том, что нет никакого смысла сооружать махан. Кроме того, мы предполагали вступить в схватку с тигром немедленно.

Итак, я решил приступить к облаве. Как мне сообщили, любимое логово тигра находилось среди густых зеленых кустов, растущих в речной долине в полумиле к северу от деревни. Я влез в

хоудах[1] на спине одного слона, Мухаммад Хан взобрался на другого, и мы отправились в указанном направлении. Загонщики следовали за нами.

Однако, прибыв к логову зверя, я понял, что наша задача не столь проста. Длинными полосами тянулись здесь заросли густого кустарника, перемежаемые небольшими озерами и участками высокой, похожей на кустарник травы. Принимая во внимание громкую славу нашего тигра и условия местности, я меньше всего хотел вводить в дело загонщиков. Лучше было идти, не мудрствуя, по следу вдоль реки гуськом, хотя, если мне правильно обрисовали характер зверя, мы рисковали при этом вовсе не увидеть его: ведь тигр легко мог оставаться незамеченным в своем укрытии.

Не прошло и десяти минут, как ярдах в двадцати перед слоном Мухаммад Хана из кустов вышел тигр и остановился, загораживая дорогу. Слонов этот тигр никогда прежде не видел, но вел себя исключительно спокойно, представляя собой идеальную мишень для шикари. Мухаммад Хан сразу ж выстрелил прямо в грудь зверю. Я тоже видел тигра, но стрелять не мог, так как мой слон как раз в этот момент проходил под ветвями большого дерева.

Раненый тигр, взревев, бросился на ближайшего к нему слона. Тот испугался и повернул, готовый обратиться в бегство. Но стоило ему показать свой бок, как тигр прыгнул и, цепляясь когтями, вскарабкался на спину слона, где в широком хоудахе сидел Мухаммад Хан. Ударом передней лапы зверь размозжил ему голову и тут же издох сам, придавив несчастного своим телом.

В этих ужасных обстоятельствах, чувствуя тигра за своей спиной, махоут[2] вел себя с изумительным хладнокровием. Он оставался на своем месте и твердой рукой управлял слоном. Как только тело тигра обмякло, он заставил слона подогнуть колени, чтобы можно было снять оба трупа — человека и животного. Пуля охотника прошла через сердце тигра, но за те тридцать секунд, которые ему еще оставалось прожить, зверь успел вскочить на слона и убить Мухаммада.

Спустя некоторое время я повстречался с тигром примерно такого же нрава в Тигаре (Гвалияр). Охота была устроена для махараджи. Часов в одиннадцать утра загонщики подняли большого тигра-самца и погнали прямо на махан махараджи. Зверь быстро передвигался в густых зарослях, и стрелять было трудно. Пуля махараджи лишь оцарапала тигру лапу, не нанеся ему, в сущности, никакого вреда. Рассвирепев, зверь отступил в густой кустарник, но не покинул поля боя и грозно зарычал. Я остановил загонщиков и приказал им не двигаться с места.

В облаве участвовали два слона. На одном из них сидел я, а на другом по моей просьбе устроился мой приятель капитан Султан Хуссейн, опытнейший охотник из свиты махараджи. Намереваясь добить раненого зверя,— тогда я, конечно, не представлял

[1] **Хоудах** — седло с балдахином.
[2] **Махоут** — погонщик слонов.

себе, что махараджа фактически промахнулся, мы въехали в кустарник.

Тигра не было видно, однако он нас, конечно, заметил, и, как только слоны приблизились, хищник с громким ревом кинулся в атаку. Едва его полосатая шкура мелькнула в густых зарослях, как оба слона повернули и помчались прочь.

Тигр быстро настиг ближайшего слона — того, на котором сидел Хуссейн. Стрелять из винтовки со спины несущегося слона невозможно: тот, кто это испытал, легко мне поверит. Хуссейн не смог остановить своего преследователя — тот прыгнул и вцепился клыками в слоновый хвост у самой спины. Не скажу точно, что заставило остановиться слона — боль или страх, но так или иначе тигр попытался принудить гигантское животное подогнуть колени. Однако Хуссейн с величайшим присутствием духа повернулся в седле и, приставив дуло винтовки прямо ко лбу тигра, нажал на спусковой крючок. Тигр замертво рухнул на землю.

В этих краях Индии принято, чтобы охотничьего слона сопровождал пеший погонщик — сатмар — с копьем. С нами было два таких сатмара; каждый следовал за своим слоном. Едва ли не самое страшное на охоте, когда тигр атакует пешего, плохо вооруженного человека. Страшный рев, треск ветвей, да и сам вид тигра, преследующего слона, настолько потрясли обоих сатмаров, что они потеряли сознание от страха. Нашли мы их спустя некоторое время после того, как с тигром было уже покончено.

Тигр был превосходен. Он достигал десяти футов восьми дюймов в длину. Получив первую, легкую рану, зверь мог без малейшего труда ускользнуть в густой кустарник, но решил остаться и отомстить людям.

Беспечный тигр

Из всех тигров, которых я когда-либо встречал, этот был, пожалуй, самым легкомысленным. Он вел себя настолько странно, будто сознательно решил пренебречь всеми предосторожностями, к которым обычно прибегают дикие звери, когда им угрожает опасность. Он прямо-таки приносил свою жизнь в жертву новичку-охотнику, прежде наблюдавшему тигров лишь в зоопарке. При этом тигр мог спокойно уйти от охотника.

Моим начальником на государственной службе в ту пору был европейский чиновник, стрелок неважный и на тигров никогда не охотившийся. Но он жаждал убить хотя бы одного зверя, прежде чем подать в отставку и покинуть страну, славящуюся полосатыми хищниками. И вот, когда пришло сообщение, что в окрестностях появился тигр, ставший грозой деревень, он решил вместе со мной отправиться на охоту, чтобы прикончить этого разбойника.

Тигр находился на ровном плоскогорье. На двенадцать миль в длину н две в ширину раскинулось оно среди низких холмов. Хищннк повадился по ночам подкарауливать у дорогн воловьи упряжки. Он хватал вола пожирнее, вырывал его прямо нз ярма и тащил куда-нибудь в стороиу, чтобы не торопясь сожрать. Крнки крестьян не могли заставить его расстаться с добычей. Троих местных жителей, пытавшихся помешать ему, он просто свалил наземь и жестоко покалечил.

Я сразу же распоряднлся соорудить на большом баньяие[1] махан близ того места, где тигр в последиий раз зарезал животиое. В качестве приманки был куплен буйвол. Мой спутннк в свое время подвергся серьезной операции и, к сожаленню, особым здоровьем не отличался. Он плохо переносил жару. Лесное же плато располагалось довольно высоко, поэтому мы заблаговременно вышли в путь н добрались до махана за полтора часа до захода солнца. Буйвола привязали к столбу в двадцати пяти футах от баньяна. Тут же неподалеку поставили большой глиняный котел с водой, чтобы тигр мог спокойно утолнть жажду после пиршества.

Поскольку, виднмо, предстояло ночное бдение, мы постарались устроиться поудобнее на иашей крохотной платформочке. Я предупреднл своего компаньона, что, зарядив винтовку н поставив ее иа предохранитель, он должен замереть, пока ие придет время спустить курок. Я подробно разъяснил, что момент, когда тигр почтн под нами будет резать буйвола, нанболее подходит для первого выстрела.

Обычно, если прнманкой служнт буйвол, события разворачиваются прнблизительно в такой последовательностн: после короткой борьбы тигр хватает животное за глотку, прнгибает к земле и ие разжнмает челюстей до тех пор, пока не убеднтся, что буйвол испустил дух. Вот тут-то, пока тнгр занят своим делом, н иастает идеальный момент для выстрела. Хрнпы н мычание умирающего буйвола заглушают легкнй шорох, производимый охотником, поднимающим вннтовку. Курить или разговаривать в таких случаях, разумеется, нельзя.

Мы прннялись ждать, храня глубокое молчанне. Спустя некоторое время на небе показалась полная луна во всем своем великолепии. Ночь была удивнтельно тнхой, ясной н спокойной.

Сразу же, как только лунный свет озарил окрестность, я с удивленнем заметил тигра, спокойно двигающегося по направлеиию к нам по открытому пространству. Тут н там чериели кусты. Тигру, пожелай он этого, было где укрыться, но он, очевидно, не намере-

---

[1] Б а н ь я н (б а н н а н) — названне двух вндов деревьев нз рода фнкус (Ficus) семейства тутовых. Обычно баньяном называют бенгальскнй фнкус (Ficus bengalensis) — дерево около трндцатн метров высоты, с огромной кроной, поддержнваемое столбовнднымн воздушнымн корнямн. Плоды баньяна съедобны, из волокон коры изготовляют веревкн, бумагу. Отдельные части растения нмеют лекарственное значенне. Средн густой кроны баньяна, на его толстых ветвях, удобно сооружать махан.

вался сколько-нибудь затруднять себя и выбрал прямой и легкий путь. Самое удивительное то, что он даже не стал подкрадываться к буйволу, как это обычно делают тигры и пантеры. Зверь просто подошел к забившемуся в ужасе животному и крепко вцепился ему в глотку. Затем повалил буйвола на землю и принялся душить. Все это происходило так близко от нас и при таком ярком лунном свете, что я разглядел, как у тигра сверкали глаза и топорщились усы.

Я подал своему напарнику знак: пора стрелять. Вместо этого чиновник повернулся ко мне и громко прошептал, что он, пожалуй, повременит, покуда тигр не увлечется едой так, что забудет обо всем вокруг. Я сделал знак молчать. Судя по движениям головы, хищник услышал наши голоса, однако, спокойно расправившись с буйволом, медленно встал, огляделся и направился к котлу с водой. Придерживая котел двумя огромными лапами, он опустил голову и принялся лакать. Нагнувшись к уху моего соседа, я в отчаянии умолял его выстрелить, доказывая — ошибочно, как выяснилось позже,— что это последняя возможность покончить с тигром. Чиновник начал уверять меня, что ему советовали стрелять только тогда, когда тигр занят едой.

Зверь продолжал жадно пить воду. И тут на моего напарника напал кашель. Тщетно пытался он подавить его — кашель внезапно нарушил ночную тишину. Это уже было слишком. Даже наш удивительный тигр не выдержал. Он встал, уставился прямо на махан и пошел прочь все той же ленивой походкой, какой пришел, время от времени останавливаясь, чтобы потереться о стволы деревьев.

Мой спутник спросил, вернется ли тигр еще раз, на что я довольно ядовито ответил:

— Если он сумасшедший, то вернется.

Но и на этот раз я ошибся. Оказывается, тигр вовсе не собирался скрываться. Вскоре я разглядел его. Зверь спокойно лежал неподалеку на полянке. Тем временем мой компаньон, оставив всякую надежду убить тигра, достал сигарету и закурил.

Странная это была ночь. Один непредвиденный эпизод следовал за другим. Вдруг тигр с низким предупреждающим ревом вскочил, метнулся в нашу сторону и нанес несколько ударов лапами по чему-то, лежавшему в тени кустов. Затем мы увидели, что он стоит над другим тигром, который покорно лежит на спине, болтая лапами в воздухе.

Поскольку наш тигр не предпринимал серьезной попытки напасть на противника, а тот не пытался всерьез обороняться, я догадался, что второе действующее лицо — тигрица. В отличие от самца она подкралась так осторожно, что мы даже не заметили ее присутствия. Подождав немного и решив, что тигр больше не проявляет интереса к своей добыче, она решила урвать и себе кусок. Но тигр, который, возможно, рассчитывал приступить к ужину несколько позднее, не собирался нарушать своих привычек. Зная в отличие от нас о ее присутствии, он сначала своим ревом

предостерег самку. Она же продолжала подползать к буйволу, и тогда тигр задал ей трепку, хотя, наверное, и не очень суровую.

Подобный ход событий было легко предположить, поскольку у тигров, живущих парами, существует порядок, по которому обычно убивает самец, первым получающий право на добычу. Только когда он насытится, наступает очередь его подруги, а затем тигрят. Пантера же сначала наедается сама, в то время как самец спокойно дожидается конца пиршества.

Призная таким образом «супругу» к порядку, тигр, аппетит которого, должно быть, еще больше разыгрался от ее присутствия, вернулся к туше буйвола и стал рвать ее на части. Наконец мой спутник вознамерился стрелять и попросил посветить ему большим электрическим фонарем, который приобрел специально для нашей охоты. Мне очень не хотелось этого делать: ведь свет луны был еще достаточно ярким, а фонарь мы заранее не проверили. Я сомневался, окажется ли мишень в фокусе на таком коротком расстоянии от источника света. Однако чиновник настаивал, и, чтобы прекратить спор, я включил свет. Но, увы! Кольцо света легло вокруг тигра на траву, а сам зверь остался в тени.

Пока я фокусировал фонарь, тигр оставался на том же месте. Он прямо-таки плавал в море света. Мой спутник поднял винтовку и нажал на спусковой крючок. Оружие оказалось незаряженным, и, как это случилось, я до сих пор не могу понять. Впрочем, все, что происходило в ту ночь, было настолько странным и необычным, что эта очередная неудача меня почти не удивила. Пока чиновник заряжал винтовку, тигр мог уйти.

Я потребовал от своего спутника, чтобы он стрелял немедленно. Было совершенно ясно, что зверь от нас уходит. Но чиновник не послушался и на этот раз и, пожалуй, правильно сделал, поскольку стрелок он был неопытный и все равно промахнулся бы.

Как только тигр скрылся из виду, я решительно заявил, что этой ночью стрелять уже не придется и пора ложиться спать. Но прошло всего лишь несколько минут. Какой-то шум вывел меня из состояния дремоты. Это тигр грыз кость буйвола. Винтовка моего компаньона теперь уже точно была заряжена, и он был готов выстрелить. Я включил фонарь, который на этот раз хорошо осветил мишень. От звука выстрела тигр, не получивший даже царапины, взвился в воздух фута на три и проворно нырнул в ближайшие заросли.

Остаток ночи он бродил где-то неподалеку от нашего дерева. Рычание и «кашель» раздавались то здесь, то там.

Чиновника ждала в городе срочная работа, поэтому в лагере он не задержался. Пришлось мне самому взяться за тигра. Неделю спустя я вернулся на плоскогорье, снова взобрался на махан и стал ждать. Тигр был все так же беспечен, как в ту ночь, когда мы впервые его увидели. Я покончил с ним, выстрелив в шею с близкого расстояния. Это был прекрасный экземпляр десяти футов семи дюймов в длину.

Тигр этот, безусловно, относился к людям без должного уваже-

ния. Ведь ему разрешали совершенно безнаказанно нападать на волов и вытаскивать их из ярма. Я встречал многих тигров, накопивших подобный же опыт, включая тигров-людоедов, однако ни один из них не отличался таким удивительным легкомыслием.

Трусливые тигры

Однажды я получил сообщение, что близ местечка Райсар, милях в шестидесяти к северу от Джайпура, появился тигр, который повадился истреблять крестьянский скот. На людей он, правда, не нападал, но на пастбищах производил изрядное опустошение.

Райсар находился в ту пору на границе между княжествами Джайпур и Алвар; переносить же охоту на территорию Алвара мне не хотелось. Вот почему я выслал вперед нескольких шикари и, как только получил от них сообщение, что тигр сожрал приманку, оставленную на территории нашего княжества, срочно выехал на охоту.

Я убедился, что место, где тигру был принесен в жертву буйвол, выбрано удачно: местность с ближайшего дерева, на котором был установлен переносный махан, хорошо просматривалась. Еще до наступления заката я взобрался на махан. Охотник обычно чувствует себя не столь уверенно, когда видит перед собой труп животного, а не живую приманку. Тигр оттащил мертвого буйвола в сторону, и, если он вернется, стрелять в него отсюда будет уже нелегко. Туша была плохо привязана; хорошо еще, что тигр вообще не утащил ее с глаз долой. Однако уже ничего не поправишь, оставалось только надеяться на лучшее.

Около девяти вечера я скорее почувствовал, чем увидел, что тигр вернулся, и сразу же выстрелил. В следующий миг я услышал низкий рев. Пуля, видимо, попала в цель. Неясный силуэт растворился во тьме. Через полчаса я спустился с махана и быстро нашел свою палатку — мой слуга поставил ее неподалеку.

На рассвете я подошел к приманке и обнаружил следы крови. Итак, я действительно ранил зверя, но, насколько серьезно, сказать было трудно. Может, тигр уже издох, но вполне возможно, что он, раненый, лежит где-нибудь в засаде, полный решимости отомстить любому, кто попытается приблизиться к нему. Поэтому я и мой шикари осторожно шли по кровавому следу.

Отойдя на несколько ярдов в сторону, я по обилию кровавых пятен понял, что рана не пустячная. Едва я пришел к этому заключению, как где-то впереди зашуршали листья в кустарнике. Я призвал на помощь все свое мужество, ожидая прыжка хищника. Но хотя слабый шорох в кустарнике продолжался, леденящего кровь «кашля» — верного предвестника нападения тигра — я так и не услышал. Тут, к моему величайшему удивлению, я разглядел в вы-

сокой траве взрослого тигра, который труслнво уползал, прижимаясь брюхом к земле.

Секунда — и зверь исчез в кустах. Однако его успели увндеть крестьяне, которые стояли у подножня холма в ста ярдах левее меня. Они некстати начали крнчать нзо всех сил. Казалось, теперь, услышав крики и зная, что я следую по пятам, тигр наверняка повернет и бросится на меня. Я стал как вкопанный. И снова тишина. В конце концов я повернул к видневшейся слева небольшой возвышенностн в надежде, что оттуда сумею обнаружнть зверя.

Но тут события приняли неожнданный оборот. Крестьянам очень хотелось поглядеть, как я расправлюсь с хищнником, уннчтожавшнм их скот. Прежде чем я успел их предостеречь, крестьяне с криком окружили кустарннк, показывая мне на сндящего там тигра. Но даже и теперь хищннк не пытался напасть. Я стоял, охваченный волненнем. Теперь я тоже увидел тигра, выползавшего из кустов. Страх и боль были написаны на его морде. Он вызывал жалость, н я прикончнл несчастное жнвотное, послав ему пулю в плечо.

Это был исключительно крупный самец, самый большой тигр, добытый намн в Джайпуре. Длина его тела составляла десять футов и девять дюймов. Взвесить его не было возможности, но потянул бы он фунтов на пятьсот — необычайно малый вес при такнх больших размерах. У этого, казалось бы, проворного зверя была великолепная шкура. Если бы он занимался охотой на днкнх зверей, а не на домашннй скот, то он дожил бы, наверное, до старостн.

И хотя среди моих охотннчьих трофеев более тысячн тнгров, мне ннкогда не попадался такой трус, как этот огромный хищник. Тем не менее это не едннственный трусливый тнгр, какого мне довелось встретить. Расскажу еще об одном, который вел себя примерно так же.

Этот зверь нападал на скот. Он орудовал на небольшом участке холмистой местностн н получнл от крестьян красноречнвое прозвнще —«Чума». Узнав от местных жителей его местонахождение, я решил оставить там жнвую приманку — буйвола. Блнжайшей ночью проведя три или четыре часа на махане, я увндел, как появился тигр и прыгнул на свою жертву. Стонло ему хорошенько вцепиться в глотку несчастной скотнне, как я выстрелнл. Тнгр подпрыгнул и затих. Луна светнла недостаточно ярко, чтобы можно было разглядеть все подробности. Поэтому я направил на полосатую тушу луч мощного электрнческого фонаря, чтобы убеднться, не проявляет ли тигр каких-либо признаков жнзнн. И правильно сделал. Как только свет упал на распростертое под деревом тело, зверь вскочнл и исчез в соседнем кустарнике. Я не успел даже вскинуть вннтовку.

На следующее утро в сопровождении несколькнх следопытов и местных проводников я организовал погоню. Довольно скоро мы обнаружили кровавый след, тянувшийся вверх по холму через заросшую кустарником, сильно пересеченную местность. Неожндан-

но впереди я заметил место, где мог бы укрыться зверь, и скомандовал остановиться. Наблюдатели разместились на деревьях и крупных валунах справа и слева, а также немного впереди. Убедившись, что все заняли свои позиции, я отправился вперед, двигаясь с большой осторожностью. Не прошел и сотни ярдов, как наблюдатели, которые стояли на большой каменной глыбе, замахали руками, чтобы привлечь мое внимание. Они кричали, что видят недалеко от меня тигра, двигающегося по краю оврага, и знаками показали мне это место. Я поспешил вперед, прикинув, что на сравнительно мало заросшем дне оврага, где пролегает русло пересохшего ручья, стрелять будет удобно.

Когда я подошел к краю оврага, тигр, взобравшись по противоположному откосу, уже скрылся в зарослях кустарника. Я быстро выстрелил и понял, что попал. Хвост зверя дернулся, а это верный признак того, что тигр почувствовал боль. Теперь проблема заключалась в том, чтобы добраться до зверя, но при этом не преследовать его по кустам.

Овраг начинался от подножия холма, с которого убежище тигра должно хорошо просматриваться. Поднявшись повыше, я действительно увидел укрытие, которое нашел зверь. Это была полоса густого кустарника, окруженного редкими джунглями. Но, может быть, тигр уже ушел оттуда? Однако зверь сам разрешил все сомнения. Он вышел из своего тесного убежища, предоставив мне отличную возможность прицелиться ему прямо в плечо. Выстрел — и тигр рухнул.

Убедившись в том, что хищник мертв, я тщательно осмотрел его. Велико же было мое удивление, когда я понял, что первый и второй выстрелы причинили ему самые пустяковые ранения. Выстрел с махана, после которого тигр перевернулся в воздухе, угодил ему в шею прямо над позвонком, но пуля прошла навылет, не задев кости. Однако шок парализовал хищника на несколько секунд. Вторая пуля, полученная им на склоне оврага, не причинила животному вообще никакого вреда. Разве только осколки свинца кое-где попортили его шкуру. Полуоболочечная пуля встретила, очевидно, на своем пути ветку или какое-либо другое мелкое препятствие и развернулась еще до того, как достигла цели. Если бы этот крупный самец был ранен посерьезнее, он проявил бы, наверное, больше отваги и ярости — качеств, присущих его породе. Но об этом можно только гадать. Как я уже говорил, при одних и тех же обстоятельствах тигры ведут себя по-разному.

Два агрессивных тигра

Говорят, что если посмотреть на тигра прямо в упор, то он не решится на вас напасть. Смею заверить — это одно из наиболее абсурдных, хотя и широко распространенных заблуждений отно-

сительно повадок представителей семейства кошачьих. Впрочем, нельзя сказать, что тигр вообще не реагирует на взгляд человека. Наоборот, если опыт не подскажет вам, когда надо встретить взгляд животного (я имею в виду тигров, львов и пантер), а когда следует отвести глаза, вы можете не только остаться без трофеев, но и рискуете расстаться с жизнью.

У нас, индийцев, принадлежащих к военным кастам, есть традиция: на следующий день после праздника Дасира[1] выходить на охоту — все равно на какого зверя. Следуя этому обычаю, сентябрьским утром в восемь часов я отправился на охоту, сопровождая моего тогдашнего патрона, махараджу Гвалияра с несколькими гостями. Он намеревался подстрелить одного-двух самцов антилопы, чтобы, соблюдая традицию, разнообразить свой стол и вернуться домой. Махараджа взял с собой легкую малокалиберную винтовку.

Мы проехали на машине десять миль до деревушки Кулет, где был заказник и без труда нашли стадо антилоп гарна[2], состоявшее из двух самцов и их самок. Кто-то из охотников выстрелил и промазал. Антилопы галопом ринулись прочь и скрылись за холмом. Вскоре дорога стала непроезжей. Пришлось выйти из машины и продолжать путь пешком. Нас сопровождал мальчик Сурья Рао Шетоле и два офицера — полковник Бхао Сахиб и капитан Султан Хуссейн, тот самый, что застрелил дерзкого тигра, вцепившегося в хвост слона.

Я отправил двух солдат кружным путем к месту, где, как надеялся, они смогут перехватить антилопу. Мы же продолжали наблюдать за стадом.

Шетоле был обручен с дочерью махараджи. Ему было не более двенадцати лет, и, естественно, он не стал еще настоящим охотником. Поэтому я не сразу поверил Шетоле, когда тот сказал, что видит тигра. Всем мальчикам, которых впервые берут на охоту, под каждым кустом мерещатся тигры. Кроме того, на открытом пространстве с редкими, одиночными кустиками встреча с тигром маловероятна. Особенно в Раджастхане, где тигры обитают в непроходимых джунглях.

Когда мальчуган поделился своими предположениями, я в ответ шепотом передразнил его. Махараджа поинтересовался, что у нас за секреты. Я объяснил, в чем дело. Махараджа застыл на месте и попросил Шетоле сказать, где он увидел тигра. Мальчик повернул назад, сделал несколько шагов и показал направо. Там

[1] Праздник Дасира — один из важнейших у индуистов; отмечается в конце сентября — начале октября. Во время праздника во многих районах Индии прекращаются все работы. Праздник Дасира посвящен богине Дурге (известна также под именами Деви, Парвати, Кали др.) — супруге Шивы, одного из трех главных богов индуистов. В эпоху средневековья в некоторых частях Индии к окончанию этого праздника приурочивалось начало военных действий.

[2] **Антилопа гарна** (Antilope cervicapra) — парнокопытное млекопитающее, ранее широко распространенное в Индии; служила объектом спортивной охоты.

ярдах в ста от нас сидела тигрица с двумя маленькими тигрятами. Они внимательно следили за нами.

Если бы тогда я знал о тиграх так же много, как сейчас, то не утверждал бы столь уверенно, что этого зверя нельзя встретить вдали от любимых мест его обитания. Кроме того, я не позволил бы мальчику показывать на зверей, а своим спутникам смотреть прямо на них в упор. Но мы тогда инстинктивно все взглянули по направлению вытянутой руки мальчика и, не мигая, уставились на тигрицу. А она, поняв, что ее малышей заметили, взревела и огромными прыжками бросилась к нам. Хвост ее описывал огромные полукруги, как у рассерженной домашней кошки. Тем временем тигрята, хотя мы не выказывали никакого намерения причинить им вред, юркнули в какое-то укрытие поблизости, и больше мы их не видели.

Рядом не было ни одного дерева. Слева, в двух шагах от нас, рос куст шиповника в три фута высотой. Мы бросились к кусту, желая воспользоваться хотя бы этим жалким укрытием. А незадачливый Шетоле, думая, что мы собираемся бежать, повернулся и помчался назад. Это привлекло внимание тигрицы, и она кинулась за мальчиком. Бросив свою малокалиберку, Шетоле мчался во весь опор. Вдруг он споткнулся о камень и нырнул головой в кусты. Само провидение подстроило ему падение — тигрица потеряла малыша из виду и сразу же повернула в нашу сторону.

Нам с махараджей отступать было некуда. Не шелохнувшись, ожидали мы дальнейшего развития событий. У махараджи в руках был малокалиберный карабин системы маузер, из которого он намеревался подстрелить антилопу, а я нес сумку с патронами. Приблизившись к нам, тигрица взревела. «Если нам суждено остаться в живых,— подумал я,— мы с махараджей бросим охоту, станем спортсменами и никогда не причиним вреда ни одному тигру». Увидев, что мы не двигаемся, тигрица вдруг остановилась футах в пятнадцати от нас и поползла, точно готовясь к прыжку. Громко рыча, она била хвостом о землю и скребла ее длинными когтями передних лап, поводя головой из стороны в сторону. Мы, замерев, следили за ней. Согласитесь, что момент был не из самых приятных.

Но тут я не выдержал, взмахнул над головой патронташем и диким голосом закричал махарадже:

— Стреляйте же наконец!

К счастью, махараджа пренебрег моим непродуманным советом. Однако тигрица все же поняла, что мы не очень-то напуганы. Вспомнив о своих детенышах, она повернулась и побежала обратно.

Когда тигрица была уже в восьмидесяти — девяноста ярдах от нас, махараджа хладнокровно выстрелил из своего малокалиберного карабина. К счастью, он промахнулся. Я умолял его не стрелять больше.

— Вы даже не раните ее такой пулей,— говорил я,— она вернется и расправится с нами.

Потрясенные случившимся, мы только сейчас вспомнили о Ше-

толе. Оглядевшись, я заметил торчащую из шиповника худую ножонку, подошел к кусту и стал уговаривать мальчика вылезти. Но он не двигался. Я наклонился и дотронулся до него. Мальчик задрожал от страха. Впоследствии бедняжка рассказывал мне, что решил, будто около него тигрица.

И хотя Шетоле уже узнал меня, он не мог выползти из кустов без посторонней помощи: голова и плечи застряли в колючках. Когда мы в конце концов вытащили его, мальчуган испуганно озирался, не понимая, что же с ним произошло. Я коротко ответил, что времени на объяснения нет. Нужно поскорее добраться до машины. Но тут выяснилось, что Шетоле потерял свою малокалиберку, убегая от тигра.

Мы начали прочесывать местность в поисках пропавшей винтовки. Уж очень не хотелось ее бросать, хотя я уже начал волноваться, как бы тигрица снова не заинтересовалась нами. Ее нервное «покашливание» и рычание слышались совсем близко. К счастью, вскоре мы заметили, что в траве блеснула потерянная винтовка. Правда, чтобы ее подобрать, требовалось сделать несколько шагов по направлению к тигрице, притаившейся в редких кустах. Хотя нам было страшновато, но мы шли очень спокойно, не глядя на тигрицу. Наконец, я нагнулся и поднял малокалиберку, после чего мы чинно удалились, стараясь избегать резких и быстрых движений.

К несчастью, винтовка мальчугана была столь же непригодна для охоты на тигра, как и оружие махараджи. Однако я заметил, что она была заряжена, и, передав патронташ мальчику, сунул малокалиберку под мышку. Затем мы направились к машине.

Но наши напасти на этом отнюдь не кончились. Не прошло и нескольких минут, как мы снова услышали неподалеку угрожающий «кашель» тигрицы, остановились и осторожно огляделись. Прислушавшись, мы без особого удовольствия пришли к выводу, что звук доносится к нам откуда-то спереди; спустя минуту огромный тигр-самец вышел из невысоких зарослей приблизительно в сотне ярдов от нас и немедленно бросился в атаку. Это было похоже на какой-то кошмарный сон: огромный зверь с топотом мчался на нас по твердой, выжженной земле...

Мы замерли, прижавшись друг к другу. На этот раз мальчик стоял между нами. Теперь мы, бесспорно, имели дело с самцом. И опять точно так, как и в случае с тигрицей, зверь остановился в пятнадцати футах от нас и грозно зарычал, поводя своей огромной мордой из стороны в сторону, прижимаясь к земле и размахивая хвостом. Тигр готовился к прыжку. Чтобы предотвратить его, я быстро прицелился промеж шевелящихся ушей и выстрелил. Очевидно, в это удивительное утро провидение оказалось к нам благосклонно. Я промазал, но звук выстрела и облако пыли, поднятое пулей, угодившей в землю рядом с головой тигра, а также крик, вырвавшийся из моей груди, очевидно, ошеломили хищника. Издав короткий рев, он повернулся и побежал в свое укрытие.

Два удивительных нападения подряд со стороны двух тигров,

которых мы никак не провоцировали, но которые тем не менее атаковали нас с разных сторон! Мы почувствовали себя в окружении. Более того, мечась из стороны в сторону, потеряли точную ориентировку. А ведь тигр наверняка затаился где-то впереди; тигрица же, скорее всего, спряталась неподалеку, в нашем тылу. Слева виднелся низкий холм, справа — река. Самым разумным представлялось подняться на холм. Правда, и там было достаточно укромных уголков, где тигр мог бы нас подкараулить, но местность за холмом, по-видимому, хорошо просматривалась, что давало возможность быстро отыскать дорогу к машине. Наши предположения оправдались. Через час мы добрались до места, целые и невредимые. Дожидавшиеся нас Бхао Сахиб и Султан Хуссейн огорчились, увидев, что мы вернулись с пустыми руками.

Теперь мы были близко от дома, и я предложил съездить позавтракать, раздобыть пару охотничьих слонов и после полудня вернуться, чтобы уничтожить обоих тигров. Но махарадже моя идея не пришлась по душе. Он не видел резона в том, чтобы немедленно возвращаться обратно на двух слонах с крупнокалиберными штуцерами ради расправы с «какими-то» двумя зверями, которые даже не растерзали нас, хотя могли бы это сделать запросто.

Решение махараджи пощадить этих тигров было принято не в добрый час. Махараджа вообще-то намеревался очистить эти места от тигров, но собирался заняться этим позднее. По ряду причин охота все время откладывалась, а на следующий год махараджа уехал за границу, где скоропостижно скончался.

Предоставленные самим себе, оба тигра начали расширять район своих действий. В непосредственной близости от места их обитания поселений не было, но время от времени крестьяне отправлялись в эти края, чтобы накосить травы или набрать хвороста. И вот несколько человек пропали без вести. Какая судьба их постигла, так и не было установлено. Найти убийц даже не пытались. Но в феврале тигр-самец напал на стадо в миле от деревни и утащил одну из лучших коров. Два пастуха увидели, как тигр терзает свою жертву, и начали кричать. Тогда зверь бросил корову, сбил крестьян наземь и прикончил одного за другим.

Когда полиция узнала об этом, из управления были посланы для расследования младший инспектор и констебль. Инспектор собрал жителей, опросил их, а затем верхом на пони вместе с констеблем в сопровождении большинства обитателей деревушки отправился обследовать район, где погибли пастухи.

Осмотрев место убийства, инспектор решил взглянуть на корову, которую зарезал тигр. Ему показали, куда ехать, и чиновник направился туда в одиночку. То ли он желал доказать, что не трус, то ли просто недооценивал, сколь опасно приближаться к добыче тигра. Во всяком случае, он не предложил никому из крестьян сопровождать его.

Инспектор скрылся в зарослях кустарника. Больше его никто живым уже не видел. Дожидавшиеся его крестьяне не услышали

даже рычания тигра. Минуту спустя показался пони, который без всадника скакал по направлению к деревне.

Очевидно, тигр находился поблизости от мертвой коровы и, возможно, терзал ее, когда увидел приближающегося полицейского. Хищник притаился и бросился на инспектора, когда тот проезжал мимо.

Крестьяне Центральной Индии — народ смелый. Они сочли для себя позором оставить тело инспектора на съедение тигру и толпой отправились на поиски. Подойдя к останкам коровы, они увидели, как зверь волочит тело полицейского в сторону — обычный прием тигров-людоедов. Крестьяне подняли страшный шум. Каждый кричал с такой силой, на какую только был способен. Потом они дружно ринулись вперед, забрасывая тигра камнями.

Зверь не выдержал. Он бросил тело инспектора и пустился бежать, оставив свою добычу крестьянам.

Узнав о происшедшем, я после недолгого размышления пришел к выводу, что к нападению на пастухов и сборщиков хвороста, безусловно, причастны тигры, которых мы видели во время неудачной охоты на антилоп. Особенно характерным показалось мне поведение тигра, волочившего тело полицейского. Я вспомнил зверя, который бросился на нас, в то время как мы спасались от тигрицы. Ее-то вынуждал к нападению страх за детенышей, но его поведение — хотя в тот момент я считал, что он защищал свою подругу,— было каким-то странным: ведь тигры-самцы не отличаются отцовской привязанностью.

Если я был прав в своих выводах, то мы имели дело с тигром, хотя и не походившим на типичного людоеда, но по каким-то причинам приучившимся к охоте на людей. Обнаглев, он стал теперь совершать набеги и на населенные районы. Более того, его подруга, вероятно, в определенные времена года охотилась вместе с ним и вполне могла перенять странные привычки самца. Стало ясно, что времени терять нельзя.

И вот я снова отправился в Кулет с небольшой группой охотников, чтобы заранее осмотреть место охоты. На этот раз мы взяли с собой крупнокалиберные штуцера-экспрессы и не обращали уже внимания на антилоп. Моими спутниками были раджа Пахарага Сахиб и один из лучших шикари — Мухаммад Хан. Обследуя район, мы пришли к тому же самому холму, на который несколько месяцев назад я поднимался в довольно мрачном расположении духа. Взглянув на холм, я подумал, что за валунами на его вершине нам будет удобно прятаться, оставив для тигра приманку где-нибудь пониже, на склоне холма. Поскольку деревья здесь не росли, о сооружении махапа не могло быть и речи.

Приняв решение, я решил пройти там, где когда-то с махараджей и Шетоле повстречал тигров, и затем, следуя по берегу реки, огибавшей деревенскую околицу, вернуться в деревню. Там нас должен был ожидать транспорт.

Берег был изрезан устьями мелких притоков. Высокая трава и кустарник мешали быстро идти. Каждый шаг давался с трудом,

и мы были вынуждены продвигаться гуськом. Я шел первым, несколько оторвавшись от остальных, и тут заметил впереди, приблизительно в пятидесяти ярдах правее нашего маршрута, как кто-то зашевелился в кустарнике. Стараясь не делать резких движений и не глядеть прямо на кустарник, я замедлил шаг и скосил глаза. Спустя секунду я уже понял, что тигр, неторопливо передвигаясь, выбирает, по-видимому, позицию поближе к нам, чтобы напасть в тот момент, когда мы будем проходить мимо. Подобные действия зверя, когда он залегает в кустах на пересечении маршрута охотников, один из классических приемов представителей семейства кошачьих.

Очевидно, зверь был умен и со времен нашей последней встречи основательно пополнил свои знания о человеке. Теперь он избрал самый легкий, самый верный и самый безопасный способ атаки, потому что при любой попытке напасть, преодолевая открытое пространство, любой из нас наверняка расправился бы с ним. Шагать дальше в приготовленную тигром западню было бы просто глупо. Я преисполнился решимости наконец-то расправиться с людоедом и, желая избежать любых случайностей, подал спутникам знак к отступлению, сохраняя при этом порядок и придерживаясь открытой местности. Тигр, в свою очередь, также не рискнул преследовать нас. Вернулись мы домой довольно поздно, но без приключений.

Теперь надо было раздобыть буйвола для приманки, привести его и привязать на склоне холма в намеченном мною месте. Все это было сделано, и на следующий вечер я снова направился к холму с раджей Сахибом и Мухаммадом.

Мы вышли из машины и в течение часа шли пешком, сжимая в руках штуцера. Когда до вершины холма оставалось пятьсот ярдов,— мы двигались по противоположному от привязанного буйвола склону — я уговорил спутников позволить мне идти дальше одному. Я боялся, что втроем мы, пусть даже опытные шикари, поднимем слишком много шума.

Ползти на четвереньках, да когда еще тащишь на себе тяжелый штуцер, довольно утомительное занятие. Поэтому я долго карабкался на холм. Вершину его окружали скалы. Я решил взобраться на ближайшую из них и осмотреться прежде, чем двинуться дальше. И правильно сделал.

Взглянув с края плоской вершины скалы, я в семи-восьми ярдах от себя увидел тигра. Он перегрыз веревку, которой был привязан буйвол, и теперь втаскивал тяжелую тушу на холм, где, как он справедливо рассчитывал, она будет менее заметна.

К счастью, в момент, когда я увидел зверя, он стоял ко мне вполоборота, глядя в противоположную сторону, крепко сжав при этом зубами заднюю ногу буйвола. Поскольку двигался он в моем направлении, нельзя было терять времени даром. Бесшумно, плавно, рассчитывая каждое свое движение, чтобы не встревожить тигра, я приложил приклад к плечу, сдвинул предохранитель и выстрелил зверю прямо в шею. Тяжелая пуля раздробила хребет.

Тигр рухнул замертво, так и не разжав клыков. Позднее нам пришлось изрядно повозиться, высвобождая тушу буйвола.

Это был красивый, крупный, мощный зверь десяти футов двух дюймов длиной. Мы так и не сумели взвесить тигра, но, судя по внешним данным, вес вполне соответствовал его размерам.

Солнце уже клонилось к закату. Оставить труп на холме значило бы лишиться нашего трофея. Шакалы и гиены, питающиеся объедками жертв тигра, не постесняются закусить и своим покойным хозяином, если им представится такая возможность. Чудовищные челюсти гиены могут поразительно быстро перемолоть даже массивную тушу буйвола, не говоря уже о тигре. Поэтому было решено освежевать зверя. Однако я немного нервничал из-за тигрицы. Итак, пришлось стеречь моих спутников, которые, к счастью, имели при себе ножи и на скорую руку закончили свою работу. Только голову и лапы они оставили для более тщательной обработки. Затем, свернув наши трофеи в тюк, мы направились к машине. Еще перед тем как засесть в засаду, я распорядился, чтобы крестьяне не подходили близко к холму, так как боялся спугнуть зверя. Мой приказ был выполнен, причем настолько скрупулезно, что я потом пожалел об этом. Сырая тигровая шкура (да еще вместе с черепом) — очень тяжелая и неприятная ноша, особенно когда идешь по плохой дороге в темноте, даже если груз раскладывается на троих.

Снимая шкуру, мы поняли, почему тигр стал нападать на людей. В правой передней лапе застряла свинцовая пуля от старинного ружья, заряжавшегося с дула. Рана зажила хорошо, тигр сохранил свою силу и подвижность, достаточные, чтобы справиться с самой крупной добычей. Но к людям зверь воспылал глубокой ненавистью. Он стал убивать их и время от времени занимался людоедством. Я думаю, он скорее истязал тела своих жертв, чем пожирал их. Его главной целью было отомстить за собственные муки, хотя, без сомнения, когда с добычей было туго, он не упускал случая утолить голод человеческим мясом.

Тигрица, очевидно, не переняла его замашек, поскольку в дальнейшем из этого района больше не поступало сообщений о человеческих жертвах. Возможно, она действовала с ним в паре, но в одиночку не нападала ни на скот, ни на людей.

Мораль этой истории такова: нет границ бедам, которые может причинить раненый тигр. Если вы не убеждены в том, что прикончите зверя, не стреляйте. Одна неточно посланная пуля из старого мушкета или безответственный выстрел сельского жителя могут явиться — а мой опыт подсказывает, что так оно и бывает,— косвенной причиной гибели десятков людей, причем некоторым из них придется расстаться с жизнью при самых ужасных обстоятельствах.

Тигры-людоеды

Милях в двадцати к северу от Джайпура, около городишка Рамгарха, есть очаровательное озеро. В лесистой местности вокруг него водилось множество тигров, а также другая дичь. Поскольку хищникам вполне хватало там пищи, обитатели соседних деревень, казалось бы, могли не опасаться за свою жизнь. И тем не менее из всех ставших мне известными за четверть века случаев людоедства самые страшные произошли именно в этой внешне райской долине.

Тигрица лежала в логове с новорожденными детенышами. С рассветом к этому месту пришли косари и начали косить траву. Тигрица могла бы уйти, но с ней были тигрята. Она затаилась, выжидая, покуда один бедняга не наткнулся на нее; зверь ударом лапы убил человека и бросился с выводком в высокую траву.

Второй крестьянин помчался к находившейся неподалеку водонапорной станции и, задыхаясь, рассказал рабочим о том, что произошло. Вскоре в поселке собралась большая толпа; у кого-то нашлось ружье двенадцатого калибра и два патрона с картечью. Это придало людям храбрости, и односельчане отправились к месту происшествия.

Тигрица по-прежнему оставалась вблизи — малыши не умели еще как следует ходить. Когда люди подошли ближе, она выскочила из прикрытия и бросилась в атаку. Но прежде чем хищница достигла толпы, владелец ружья зарядом картечи заставил ее остановиться. Рыча, тигрица вернулась в заросли к своему потомству. Крестьяне отыскали тело убитого и вернулись в деревню.

К сожалению, рана тигрицы оказалась не смертельной. Испытав ужасную боль в результате попадания картечи, зверь навсегда преисполнился ненависти к человеку.

Но этот выстрел хотя бы принес пользу — было отбито нападение хищника. А год спустя в тех же краях кто-то — я так и не смог установить, кто именно,— выстрелил из мушкета в тигра, пожиравшего на опушке свою добычу — домашнего буйвола. Пуля с небольшой начальной скоростью ударила зверя в переднюю лапу, и он ушел, затаив злобу. По удивительному совпадению раненый тигр и убившая косаря тигрица были (впрочем, и не исключаю, что они стали ими после ранений) «супругами». Раненая пара начала разбойничать в округе.

Впервые я услышал об этом утром после рождества. Накануне вечером в двух милях к северу от озера тигр убил человека. Взяв четырех следопытов, я отправился на место убийства.

Оказалось, что жертвой был пуджари[1] местного прихода, который отправился за травой для своей коровы и не вернулся. Отсутствие его было замечено довольно быстро: его недоенная корова начала жалобно мычать, а соседи, которым пуджари обычно про-

[1] Пуджари (или пуджали)— жрец низшего ранга у индуистов.

давал молоко, остались без своей утренней порции. А тут еще кто-то сказал, что видел свежие следы тигриных лап вблизи луга, куда пуджари обычно ходил за травой.

Нам действительно не пришлось долго искать следы. Почти сразу же мы увидели в густом кустарнике запутавшийся белый тюрбан. Рядом лежали серп и пара туфель.

Тщательное обследование местности показало, что зверь, вероятнее всего тигрица, дважды менял свои намерения и соответственно место засады, поджидая свою жертву. Схватив несчастного, тигрица понесла его прочь; кругом виднелись пятна крови, но не было никаких признаков, что тигрица растерзала свою добычу.

Неся в зубах тело человека — груз довольно тяжелый, тигр неизбежно оставляет за собой весьма заметный след. Поэтому мы без труда двигались по проложенной зверем тропинке, тем более что обрывки рубашки несчастного и его набедренной повязки (дхоти) виднелись то тут, то там на ветках и шипах кустов. Через четверть мили мы остановились у страшных остатков пиршества тигра. Именно в этом месте хищник остановился и сожрал почти три четверти тела человека.

Известно, что тигр-людоед почти никогда не возвращается к убитому им человеку. Поэтому я дал указание нескольким крестьянам, следовавшим за нами на почтительном расстоянии, отнести останки в деревню для кремации.

Мы же продолжали упорно преследовать тигрицу. Следы ее шли среди песчаных оврагов, но, увы, привели нас к пологому каменистому подъему. Обнаружить там отпечатки лап тигрицы было невозможно.

Приближался вечер, и до наступления ночи мы не успели бы ничего сделать. На следующее утро я осмотрел местность и после глубоких раздумий решил расставить живые приманки. Одну — под деревом пипал[1] на охотничьей тропе, ведущей к югу, другую — у начала дороги, ведущей на восток, а третью — к северу, неподалеку от места гибели пуджари. Я рассчитывал, что тигрица, каким бы обширным ни был район ее действий, хоть на одну приманку да натолкнется. А уж когда она вернется на вторую ночь, чтобы продолжить трапезу, я буду ее ждать.

Пока крестьяне сооружали три махана, я решил пройтись и попытаться определить наиболее вероятный путь зверя. То и дело мне попадались неглубокие пересохшие русла ручьев. Я вышел к краю лощины и тут почувствовал на себе чей-то взгляд. Поднял голову — это была тигрица. Зверь явно подбирался к работавшим помощникам. Тигрица двигалась спокойно и расчетливо по проти-

[1] Пипал, или дерево Будды (Ficus religiosa),— дерево из рода фикус, один из двух видов баньяна, встречающихся в Индии; о другом виде — Ficus bengalensis — мы уже говорили (см. прим. на с. 314). Ficus religiosa — огромное дерево с воздушными корнями. Согласно легенде, Будда на своем пути к берегам Найранджара отдыхал под сенью большого дерева, которое с тех пор и называют «дерево Будды». Этот вид баньяна до сих пор почитается и индуистами и буддистами.

воположной стороне оврага, а мой штуцер остался под деревом в ста метрах позади.

Мы одновременно увидели друг друга, и удивление наше было одинаковым. Тем ие менее я постарался скрыть свои чувства. Я заставил себя небрежно отвести взгляд в сторону, словно ничего особеииого и не заметил. Тигрица замерла. Все хищиики боятся, что намечеииая жертва может увидеть их раиьше времени.

Но я надеялся избежать судьбы пуджари. Во-первых, тигрица, конечио, считала, что осталась незамеченной. Во-вторых, она вряд ли могла перемахиуть одним прыжком через овраг. Но если бы я продолжал смотреть иа иее или сделал резкое движение, она, без сомиеиия, кииулась бы иа меня. Весь сжавшись, я иеторопли善 повернул назад. «Прогулка» заияла лишь минуту, ио мие показалось, что прошли часы.

Тигрица, вероятио, поняла разиицу между тросточкой, которую я держал при первой встрече, и крупнокалиберным штуцером-экспрессом, оказавшимся у меня в руках, когда я через несколько минут вериулся на свидаиие, и благоразумно ретировалась.

На следующий день под всеми тремя маханами были привязаны буйволы: началась охота иа людоеда. Должен признать, что тигрица показала себя достойиым противником.

Для начала оиа продемонстрировала поразительное безразличие к приманкам. Причину этого феиомена я поиял, когда услышал от следопытов и крестьян, что у тигров иачалась пора любви. Очевидио, за ией повсюду следовал крупиый самец. В это время тигрицы обычно проявляют небольшой интерес к еде. Для нас это было подлиниым иевезеиием. Кроме того, меня тяготило подозреиие, что ее приятель — тот самый раненый тигр, разделяющий ее аитипатию к человеку. Сообщали также, что двое ее детенышей — первопричииа всех бед — основательио подросли и болтаются поблизости. Перед иами открылась, таким образом, угрожающая перспектива встречи с семьей тигров.

Первое сообщеиие о том, что зверь иапал на привязаииого буйвола, поступило через две иедели после того, как мы расставили примаики. К махаиу, сооруженному вблизи этого места, я отправился с сыиом махараджи М. К. Джайсиигхом, отличным стрелком. Мы прибыли около шести вечера. Мои спутники поднялись на махан, а я заиял позицию в кустарнике, приблизительно в сотне ярдов поодаль.

Около полуиочи тигры, все время держась в тени, подошли к туше убитого накануне буйвола. Было отчетливо слышно их ласковое супружеское ворчание. Но через иекоторое время звуки затихли. Прошел еще час напряжениого ожидания, но ни один из убийц так и не показался иа освещенном луной месте.

Хазур Баджи, смелый шикари, спросил, не буду ли я возражать, если он попробует следующей ночью убить тигра в одиночку. Я согласился. Чтобы помочь Бабджи, я привязал козу близ водопоя для скота, где видели тигриные следы.

Хазур Бабджи применил необычный способ охоты. Он сидел в

своем джипе с погашенными фарами на дороге, ведущей к водопою. Услышав отчаянное блеяние козы, водитель рванул джип вперед и включил дальний свет. В лучах фар показался крупный тигренок. Он торопливо удирал в джунгли, но Хазур Баблжи, стоя рядом с шофером, метким выстрелом прикончил молодого хищника.

Шло время, а бесчинства его родителей-людоедов не прекращались. Из разных мест поступали сообщения о новых жертвах. Каждый раз после этого в районе убийства выставлялась приманка, но все безуспешно. То ли тигры вообще не замечали ее, то ли они стали предельно подозрительны и осторожны. Множество людей пытали счастье, надеясь разделаться с хищниками. Но убийцам, казалось, сопутствовало исключительное везение.

Месяц спустя после гибели пуджари я отправился с М. К. Джайсингхом к одному из своих постов, близ которого, как сообщил мне шикари, были вновь обнаружены следы ночного визита тигра. Шанс был, конечно, незначительный, но мы не имели права упустить ни одной возможности. Привязав буйвола к дереву, мы заняли места на махане.

На этот раз нас наконец ждала удача. Мы не просидели и часа, как из тени выполз тигр-самец и прыгнул на буйвола. Тот до отказа натянул привязь, пытаясь стряхнуть с загривка врага. Раздался выстрел — мой спутник наповал сразил зверя.

Спустя несколько дней раджа Амарнад Атал, очень осторожный и расчетливый охотник на тигров, не выдав ни звуком, ни движением своего присутствия на махане, уложил на месте главную преступницу — тигрицу, послав пулю ей в шею. Утром население деревень, разбросанных на многие мили вокруг, собралось, чтобы посмотреть на труп грозы Рамгарха.

Было установлено, что оба зверя — именно те, кого искали.

Когда утром освежевали самца, в его передней лапе нашли круглую свинцовую пулю от мушкета. У самки обнаружили шесть картечин в груди. Так же, как тигр из Кулета, они стали убийцами скорее из чувства мести.

Возможно, самым страшным тигром-людоедом был зверь, разбойничавший в местности, известной под названием Ганвари Ганешар, в семидесяти милях к северу от Джайпура. Здесь нет ни железных дорог, ни шоссе. С внешним миром этот район связан одной лишь скверной проселочной дорогой, сведения о жизни бедных и неграмотных крестьян скудно и редко просачивались оттуда в большие города. А охотничьи экспедиции, которые отправлялись в Ганвари Ганешар, словно проваливались в небытие на несколько дней.

Прослышав о бесчинствах людоеда, я отправился в Ганвари Ганешар. Тигр продолжал терроризировать округу. Я установил несколько живых приманок в надежде привлечь зверя. Но тигр не пожелал ими заняться. Мои шикари докладывали, что несколько раз он вроде бы проходил мимо приманок, но не нападал на них.

Через некоторое время пришло сообщение, что тигра видели

приблизительно в двадцати милях от приманки. Сделав вывод, что он перекочевал в другие края, я вернулся в Джайпур, оставив на месте шикари и наказав им немедленно поставить меня в известность, если людоед снова объявится в Ганвари Ганешар.

Неделей позже я получил телеграмму, которая заставила меня бросить все и помчаться обратно.

В трех милях к востоку от Ганешара есть деревушка под названием Джелло; на окраине ее жил с молодой женой владелец джутового поля. Опасаясь тигра, как и все крестьяне по соседству, эта пара перед сном крепко запирала двери своего ветхого жилища.

Вскоре после полуночи людоед подошел к хижине, ударом лапы сломал дверь и, схватив бедную женщину за ноги, уволок ее в джунгли. Муж упал в обморок. Шок был настолько силен, что прошло немало времени, прежде чем крестьянин смог разбудить соседей и поднять тревогу.

Рано утром я прибыл в Джелло и сразу же направился к хижине. Мужчина все еще был не в себе. После трагедии, происшедшей тридцать часов назад, в домике ничего не трогали и не мыли. В дверном проеме болтались обломки разбитой двери, пол был в пятнах засохшей крови.

В сопровождении нескольких крестьян я пошел по следу, тянувшемуся в пыли примерно на полмили. Он привел к зарослям кактуса[1], откуда при нашем приближении взлетела пара стервятников. Мало что осталось от тела несчастной, но нетрудно было опознать серебряные браслеты на ногах.

Рыдающий муж вместе с нами пошел по следу зверя. Я пытался убедить беднягу вернуться домой, но ничто не могло заставить его отказаться от охоты.

Мы шли еще час с лишним, покуда следы вдруг не оборвались среди густых зарослей шиповника и кактуса. О засаде в такой местности нечего было и думать. Деревьев, где можно было бы замаскировать махан, тут не было. Кроме того, весь предыдущий опыт подсказывал, что мы имели дело с людоедом, который, по всей вероятности, не «клюнет» на приманку.

Я возвращался в Джелло основательно озадаченный. Однако, когда я еще раз осмотрел хижину, мне пришла идея. А что, если использовать поразительную смелость животного, дерзнувшего вломиться в дом!

Я тут же послал за местным плотником, и по моим указаниям он с несколькими добровольными помощниками соорудил маленький домик. Строение имело три плотные деревянные стены и крышу. Спереди вместо четвертой стены крепилась загородка из нескольких толстых жердей, достаточно прочных, чтобы выдержать по крайней мере первое нападение тигра[2].

Сооруженную ловушку поставили в открытом поле, примыкав-

[1] Кактусов в Индии нет. Под этим словом Сингх подразумевает древовидные молочаи (Euphorbia), внешне напоминающие кактус.

[2] Примерно таким же способом в XIX в. охотились на тигров казахи на Сырдарье («охота с юртами»).

шем к деревне. От ближайшего дома мое «строение» отделяло ярдов пятьдесят.

Незадолго до заката, вооружившись крупнокалиберным штуцером-экспрессом, я занял позицию в клетке-западне и, убедившись в том, что загородка закреплена вполне надежно, стал дожидаться наступления ночи. Играть роль живой приманки оказалось даже приятнее, чем сидеть на махане: можно курить, можно с хрустом растянуться на соломе. Чем больше я афишировал свое присутствие, тем лучше было для дела.

Ночь, однако, прошла без происшествий. Поиски следов тигра вокруг дома результата не принесли. Мы начали опасаться, что зверь снова исчезнет. Но в то же время не мог же хищник каждый день резать по человеку! Скорее всего, страшный зверь отлеживается в кактусах. Я решил поэтому придерживаться избранного плана, покуда не поступят более определенные данные о том, что тигр покинул эту местность.

Ждать долго не пришлось. Приблизительно в одиннадцать часов вечера следующего дня я внезапно услышал тревожные крики чибисов. Они кричали на некотором расстоянии, но их непрерывное «чьи вы, чьи вы» звучало очень четко в тишине, и я мысленно представил себе, как они носятся над раздраженным тигром или леопардом [1]. В деревне позади моего домика залаяли собаки — сначала одна, потом другая.

Я встал на четвереньки и глянул сквозь загородку. Луна была на ущербе, и вскоре совсем стемнело. Я задвигался, кашлянул и, прижавшись лбом к двум жердям, стал пристально вглядываться в мглу. Кроме тявканья собак, ничто не свидетельствовало о близости зверя. И все-таки я понимал, что тигр вполне мог быть на расстоянии шага от задней стенки домика.

Такая неопределенность длилась около получаса. Затем что-то огромное вылетело вдруг из тьмы, и ужасающей силы удар обрушился на загородку. Жерди затряслись. Сомнений в том, что это тигр, уже не было. Я разрядил в грудь зверю правый ствол. Мой штуцер был заряжен экспансивными пулями, которые не проходят навылет, а, попав в тушу, сильно деформируются. Эффект от такого патрона, снаряженного экспансивной пулей под сильный заряд пороха, бывает поистине чудовищным. Тигра отбросило от загородки. Я видел, как он отчаянно скребет землю. Выстрел из второго ствола прикончил людоеда.

---

[1] В своей книге Сингх употребляет то слово «пантера», то слово «леопард». Знакомясь с записками индийского охотника, читатель должен помнить, что леопард и пантера (и, добавим, барс) — животные одного вида (Felis pardus). Чаще (но не обязательно) название «пантера» применяют к черным леопардам. «Черные леопарды относятся, разумеется, к тому же виду, что и леопарды обычной окраски, все дело заключается в избытке меланина... Черные леопарды, спариваясь, дают потомство черной окраски, а от черных и обычных леопардов детеныши бывают и той и другой окраски. Два родителя обычной окраски могут произвести черное потомство, если в жилах их предков текла черная кровь. Мне дважды приходилось видеть в одном потомстве и черных и пятнистых детенышей от пятнистой матери» (Э. П. Джи. Дикие животные Индии, с. 64—65).

На следующее утро, когда я вернулся к домику, то обнаружил при свете дня типичный, поистине классический экземпляр тигра-людоеда: старый, тощий, запаршивевший зверь, худой, с клыками, сточившимися до корней. Он был в состоянии справиться только с такой легкой добычей, как человек. Даже домашнюю скотину ему трудно было зарезать. Желая проверить свою теорию относительно происхождения большинства тигров-людоедов, я весьма тщательно препарировал труп, прежде чем оставить его на растерзание коршунам. И действительно, в левой задней ноге я обнаружил глубоко засевшую небольшую круглую свинцовую пулю.

Не стану скрывать — меня обрадовал успех придуманного мною домика-ловушки. Он вполне годился для приманки тигров-людоедов, которые не подходят к животным. Домик-ловушка зарекомендовал себя. Это не только эффективное, но и безопасное для охотника сооружение. Важно, чтобы домик был достаточно прочен и мог выдержать первую атаку зверя. Охотник в домике ни на секунду не должен терять бдительности и присутствия духа.

Решающим фактором превращения тигра в людоеда обычно служит огнестрельная рана. Далеко не все старые или утратившие боевую форму тигры обязательно становятся людоедами. Тем не менее я могу привести множество ярких примеров, подтверждающих, что привычка к людоедству возникает вследствие потери инстинктивного страха перед человеком, который становится легкой добычей больного или старого хищника.

Несколько лет назад ко мне в Джайпур пришло трагическое сообщение из поселка, расположенного у подножия довольно лесистой возвышенности Банско. Старуха и ее дети — сын лет двадцати и восемнадцатилетняя дочь — отправились в джунгли за хворостом. Люди в тех краях, опасаясь тигров, обычно ходят в джунгли только большими группами. Но это несчастное семейство зарабатывало себе на жизнь торговлей хворостом, и поэтому им приходилось ежедневно отправляться в рискованное путешествие втроем. Собирая валежник, мать и сын услышали отчаянный вопль девушки, находившейся от них в нескольких ярдах. Подняв головы, они увидели, что ее сбил наземь тигр. Затем на глазах матери и брата схватил девушку, как кошка крысу, и потащил в кусты.

Невооруженный юноша повел себя с отчаянным героизмом. Он ринулся за тигром, крича и швыряя в него камнями. Зверь, двигавшийся сравнительно медленно, поскольку держал в пасти девушку, обернулся, выпустил свою ношу, прыгнул на юношу и убил его ударом передних лап. Затем он снова подобрал девушку и исчез в джунглях.

Обо всем этом позже рассказала потрясенная, почти лишившаяся рассудка мать. Узнав, что произошло, крестьяне гурьбой отправились к месту трагедии. Изуродованное тело юноши они нашли без труда и доставили его домой. Но след тигра с его ношей вел в глубь джунглей, и они не осмелились долго преследовать хищника. В ту же ночь старая мать умерла от горя.

Прибыв в этот район, я столкнулся с трудностями. В окрест-

ностях Банско водилось довольно много тигров. В мои планы и обязанности не входило заниматься истреблением всех хищников. Мне надо было найти людоеда.

После некоторых размышлений я разработал следующую схему операции. Двух буйволят привязали под деревьями в безлюдном месте у подножия холма и возле приманки поставили куклу, похожую на человека, натянув на нее изношенную одежду. За обеими приманками, стоявшими на расстоянии мили друг от друга, ежечощно внимательно наблюдали шикари.

Через две ночи я получил сообщение, что тигр подходил к одной из приманок, но, побродив в сомнении вокруг, ушел, оставив ее нетронутой. На следующий день пришло известие от другого наблюдателя: тигрица прыгнула на манекен, сбила его наземь и затем прикончила теленка. Сомнений не было — это она.

Соорудить махан над трупом теленка в том месте было нелегко. Поэтому я построил себе укрытие на земле примерно в тридцати футах в стороне. Никаких препятствий для стрельбы между мной и тушей не было. Из рассказов следопытов явствовало, что зверь все еще бродит вокруг деревень и наверняка вернется к добыче. Нужно было торопиться. В сопровождении трех шикари и советника махараджи я отправился через поля и сады, окаймляющие деревню Банско. По дороге мы разговаривали и смеялись. Если тигрица все еще залегала поблизости, следовало создать у нее впечатление, словно мы группа безобидных крестьян, идущих по своим делам.

Мы шли гуськом: я, капитан Кубер Сингх и советник — впереди, а три шикари с козой — немного поодаль. Первый выстрел я обещал капитану Сингху и очень огорчился, узнав, что он впервые в жизни идет на тигра. И в этот момент я, к моему крайнему удивлению, увидел в канале искусственного орошения зверя, за которым мы охотились. Тигрица лежала в пятидесяти футах правее нашей дороги. Тигры любят купаться в жаркую погоду, и эта блаженствовала в воде, лениво на нас оттуда поглядывая. Ситуация была до некоторой степени критической. В таких случаях самое правильное — попытаться спугнуть зверя. Я довольно громко заговорил и, не меняя тона, сказал другим, чтобы они постарались не смотреть вправо и не делали никаких порывистых или странных движений, поскольку в канале сидит тигрица и она набросится на нас, как только заподозрит недоброе. Все действовали аккуратно, и план удался: тигрице было, по-видимому, так приятно в воде, что она не пожелала ни убежать, ни атаковать нас. Однако непрерывное блеяние связанной козы произвело иное впечатление.

Едва мы сели в укрытие, как появилась тигрица и без колебаний набросилась на козу, привязанную поблизости от недоеденного буйволенка. Тигрица явно прихрамывала. Один из недостатков использования для приманки мелких животных, таких, как овца или коза, состоит в том, что тигр часто уносит их до того, как охотнику представляется хорошая возможность для выстрела. Я попросил капитана стрелять немедля.

Раздался выстрел. К сожалению, промах. Пуля отбила кусок от старой каменной стены прямо за тигрицей; та в испуге взвилась в воздух и исчезла.

Я считал, что большой беды не случилось. Тигрица вряд ли покинула бы такой богатый дичью район. Казалось, она не испытывает особого страха или ненависти к людям, а рассматривает их просто как легкодоступную пищу. Я пришел к выводу, что, если немного постараться, ее можно заманить под выстрел. Главное — действовать без промедления.

Мы срочно организовали облаву. На следующее утро цепочка людей осторожно двинулась вперед через густые заросли. Никто не сомневался, что тигрица все еще бродит среди полей и садов. И верно — вскоре она появилась перед загонщиками и затрусила через открытое пространство, туда, где я уже стоял, поджидая ее...

Пока свежевали тушу, я тщательно обследовал ее. Никаких следов прежних пулевых ранений. Странно! Я продолжал искать и вскоре из мускулов нижней челюсти извлек острие иглы, а затем еще одну иглу из левой передней лапы — печальные результаты нападения на дикобраза. Игла в лапе весьма значительно снизила подвижность тигрицы, а обломок в челюсти лишил хищника железной хватки. Убивать сильное животное ей стало не по зубам. Вот почему тигрице пришлось перейти на «диету» из овец, коз и людей. В период ее налетов на окрестные деревни не было случая, чтобы она утащила взрослую крупную рогатую скотину. Вне всяких сомнений, людоедом ее сделала крайняя нужда.

Как мы выкуривали тигра

Как уже говорилось выше, у каждого тигра свой характер. Поэтому, когда идешь на охоту, нужно быть заранее готовым к любым сюрпризам. Охота, возможно, пройдет как по нотам, но может возникнуть такая ситуация, которая и во сне не приснится.

Несколько лет назад я отправился с навабом[1] Лохару за похитителем скота, орудовавшим в районе озера Бунт Бухара в шестидесяти милях к северу от Джайпура.

Славные там края для охоты! Зимой озеро, окруженное с трех сторон холмами, привлекало большие стаи пернатых. И в любой сезон года можно было всласть поохотиться на крокодилов, водившихся там в большом количестве. Время от времени посещая эти места, я уложил около дюжины великолепных тигров. Один из них оказался поистине редчайшим экземпляром.

Наваб прежде никогда не участвовал в охоте на тигров. Равнина над озером изобиловала многочисленными пещерами и впа-

[1] Наваб — один из титулов знати в колониальной Индии.

динами. В таких условиях трудно сделать хороший выстрел. Поэтому я счел самым правильным начать охоту со скалы. Сверху хорошо просматривалось место, куда тигр обычно ходил на водопой.

Три ночи подряд наваб не смыкая глаз просидел на скале, но так и не увидел тигра. Мы знали, что хищник бродит где-то поблизости, но даже живая приманка не соблазнила его. Дело было не в том, что тигр обладал какой-то особой интуицией: он попросту находил множество другой пищи в окрестностях. На четвертый день охотничий пыл наваба стал угасать. Ему надоело проводить ночи напролет на скале, и он спросил, нет ли какого-нибудь другого способа выследить тигра. Об облаве здесь и думать было нечего. Кто мог знать, в какой именно пещере или ложбине отлеживается тигр в жаркие дневные часы. Живая приманка себя не оправдала. Я подумал, не сумеем ли мы с помощью нескольких опытных следопытов, не мудрствуя, устроить засаду на зверя на земле.

Удача сопутствовала нам. Мы обнаружили следы, скорее всего принадлежащие нашему тигру. Они шли по песчаной полосе. Не прошли и полумили, как увидели кружащихся впереди стервятников. Прибавив шагу, пересекли усыпанное валунами русло пересохшей речки и вскоре вышли к разлагающимся останкам коровы. Повсюду на песке виднелись четкие отпечатки тигриных лап. Хищник мочился, и там, где моча ушла в сухую почву, еще оставалась пена. Видимо, за две-три минуты до нашего появления, почуяв нас, тигр ушел на небольшую возвышенность. Все мы торопливо вскарабкались на нее. С вершины было хорошо видно далеко вокруг. И вот там, где мы совсем недавно, неторопливо переговариваясь, поднимались по крутому берегу пересохшей речки, появился взрослый тигр-самец.

Рядом с ним находились две небольшие пещеры, обследованные нами заранее. На наших глазах хищник исчез в одной из них, затем вылез обратно и, прежде чем войти в другую, заколебался, оглядываясь по сторонам. Заметив нас, тигр передумал и побежал вниз в лощину.

Как только он скрылся из виду, мы поспешили к пещерам. Оттуда четкий след тигриных лап вел к водопою, над которым наваб впустую простоял несколько ночей подряд. Мне показалось, что тигр, утолив жажду, скорее всего, скрылся в небольшом извилистом овраге. Показав навабу место, откуда, по всей вероятности, должен появиться тигр, я с одним из шикари отправился кружным путем к противоположному краю оврага. Мы спустились вниз и, с трудом пробираясь сквозь заросли, медленно пошли вперед. Не успели мы дойти до первого поворота оврага, как раздался выстрел. Зверь вышел точно в том месте, где я и предвидел. Пуля наваба свалила его, но не убила. Тигр перевернулся через голову, встал на все четыре лапы и убежал.

Мы прибавили шагу. За раненым зверем тянулся кровавый след. Теперь требовалась величайшая осторожность. Я приказал следо-

пытам идти по следу зверя, мы же с навабом, следуя за ними, самым внимательнейшим образом осматривали все вокруг.

Двигаясь с винтовками наперевес, за полтора часа мы прошли всего лишь четверть мили. И тут я с огорчением увидел впереди на берегу пересохшей речки человека, пасущего небольшое стадо овец. Пастух оказался на пути раненого тигра, и хищник неминуемо должен был напасть на него. Как только мы подошли поближе, я крикнул, предупреждая пастуха о раненом тигре. Услышав меня, он проворно взбежал по склону и исчез из виду. Овцы кинулись за ним.

Чуть дальше русло пересохшей речки круто изгибалось. На излучине течение нагромоздило кучу валунов, среди которых могла быть спрятана добрая дюжина тигров. След вел прямо к этим камням. Я принял решение немедленно подняться туда, где прежде стоял пастух. Оттуда открывался хороший обзор излучины.

Около четверти часа мы простояли на откосе, ожидая, когда тигр даст о себе знать. Но ничего подобного не произошло. Оставив одного дозорного, мы спустились в низину, позади пирамиды из валунов, чтобы посмотреть, не появились ли здесь кровавые следы. При тщательном осмотре не нашли ни пятнышка крови. Очевидно, тигр все еще отлеживался среди валунов.

Мы не имели права оставить раненого тигра в покое, но осмотреться и поразмыслить было необходимо. По другую сторону каньона футах в шести над камнями нависал крутой откос. Это далеко не идеальная позиция, но ничего лучшего в нашем распоряжении не было. Мы с навабом осторожно взобрались на откос. Сверху среди каменных обломков можно было рассмотреть пятна крови. Я разослал следопытов в разных направлениях вдоль каньона, приказав не углубляться в нагромождения камней. Меня интересовало, не найдут ли они каких-нибудь следов тигра. Видимо, тигр был где-то внизу, поблизости от нас, может быть, под хорошо заметным отсюда большим плоским камнем приблизительно двенадцати футов длиной. Камень лежал близ берега и своим основанием опирался непосредственно на ложе высохшего протока.

Старый шикари Саиват Сингх не согласился, однако, с моим предположением. Судя по следам, заверял он нас, тигр немного отдохнул, кровотечение прекратилось, и он давно уже убрался отсюда.

Несколько задетый словами шикари, я сказал Саивату, что если уж он так уверен в отсутствии тигра, то пусть рискнет и прыгнет на валун. Сам я уже вскинул винтовку, чтобы быть готовым стрелять, в случае если Санват примет мой вызов. Чтобы не ударить в грязь лицом, шикари перепрыгнул с берега на плоскую поверхность камня и стал пританцовывать, отбивая чечетку. И тут из-под камня раздался дикий рев тигра. Санват подпрыгнул и через мгновение уже стоял рядом с нами, дрожа всем телом. Мы были буквально парализованы этим жутким ревом, раздавшимся так близко. Воцарилась тишина. Вдруг один из шикари расхохотался.

И тут уж вся иаша компания прииялась потешаться над бедиягои Саиватом.

Итак, тигр был иайден. В этом уже не было иикаких сомиений.

Но, к сожалению, возникли новые осложиеиия. Жители деревни, отстоящей всего лишь на две мили от иас, услышали грохот выстрела иаваба. К тому же пастух, который по моему совету бросился бежать, поторопился рассказать крестьяиам о гибели тигра. И вот вместе со своими овцами, горя желаиием скорее увидеть убитого зверя, оии направились к нам. Известие о том, что хищник еще полон сил, иисколько не охладило их пыл, а только подогрело желание увидеть охоту. Крестьяие шли гурьбой, совершеино ие отдавая себе отчета в угрожающей им опасиости. Уговорить их уйти домой было невозможно, поэтому не оставалось ничего другого, как продолжать охоту и иадеяться иа благоприятный исход.

Более тщательно обследовав место, где спрятался тигр, я понял, что под камием толщиной более двух футов прорыто иечто похожее на довольно большую, ио неглубокую иору. Очевидио, это было жилище дикобраза. Хозяии покинул иору, ииаче тигр вряд ли счел бы для себя удобиым расположиться в ией.

Положение было трудным. Я иикогда не позволяю себе ставить под угрозу жизнь шикари и стараюсь, по крайией мере теперь, став постарше, ие идти иа иеиужиый риск. Но перед иами был тигр, раиеииый, и притом ие смертельио; оставить его в непосредствениой близости к деревне было опасио. Должен признаться, что мною руководили и личные мотивы, заставлявшие меия прикоичить зверя: ведь миогочисленные зрители, собравшиеся поглазеть, как храбрые охотники уничтожают тигра, безусловно, истолковали бы мое отступлеиие как проявлеиие трусости. Подобио Саивату Сингху — да и вообще эта черта присуща всему роду человеческому,— я не желал оказаться в смешиом положении.

Ждать до вечера ие было никакого смысла. Я попросил крестьян набрать сеиа и сухого иавоза, а шикари велел рыть дыру в песке и гравии у другого коица скалы по иаправлеиию к иоре. Покуда они выполияли мое распоряжение, я стал поблизости и изготовился к стрельбе.

Погрузив лопату в мягкую почву, одии мой храбрый малый иеожидаиио замер на месте. Лопата проникла в иору дикобраза, и прямо из нее торчала тигриная лапа. Это было очеиь страшио. Как только шикари крикнул, я приказал всем иемедлеино отойти подальше, а сам стал ожидать появлеиия тигра из другого, открытого конца норы. Судя по занятой им позиции под скалой, мне казалось, что зверь должен обязательио вылезти задом. Это было бы мие весьма на руку. Но тигр и ие думал двигаться с места. Тогда я поджег солому и навоз около отверстия, прорытого шикари. Едва костер заиялся, как легкий ветерок, который до той поры дул в сторону валуна, неожиданно измеиил направление. Дым повалил нам прямо в глаза, и, если бы тигр в этот момент бросился иа нас, наваб и я оказались бы совершенно беспомощиыми.

Сухое топливо прогорело быстро. Зрители возбуждеино зашуме-

ли, но я приказал им замолчать. Крестьяне угомонились. Воцарилась напряженная тишина. Тигр не подавал никаких признаков жизни.

В это время мой оруженосец Питер, человек исключительной храбрости, взял дробовик двенадцатого калибра и, лежа всего лишь в нескольких ярдах от тигра, приготовился стрелять в дыру, из которой была видна его лапа. Можно было рассчитывать, что по крайней мере несколько дробинок попадут в нору. Я крикнул ему:

— Стреляй и беги что есть духу!

Выстрел нарушил тишину. В тот же миг из-под скалы раздалось низкое ворчание. Прямо из норы тигр бросился на нас. Выскакивал зверь задом, но проделал это так быстро и проворно, что прицелиться и выстрелить наверняка было просто невозможно. Затем он молниеносно развернулся и прыгнул к нам на откос. Мы оба выстрелили одновременно. К счастью, одна из пуль угодила в позвоночник. Зверь упал и покатился по камням вниз, конвульсивно содрогаясь и перебирая лапами. Прогремели еще два выстрела, и все было кончено.

Это не единственный случай, когда я пытался выгнать тигра из убежища, выкуривая его. Но ни разу мне не приходилось приближаться к зверю на столь близкое расстояние

Вскоре наваб Лохару уложил своего второго тигра, причем обстоятельства оказались в какой-то степени схожими с описанным выше случаем. Жители из деревни Кличпури стали жаловаться на постоянную пропажу скота. Наваб решил приумножить свои трофеи. Вскоре мы были уже в охотничьем лагере.

Кличпурский похититель скота, судя по всему, был обременен семейством. Его «супруга» с двумя детенышами жила в тех же краях. Это заставляло относиться к разбойничьим похождениям тигра весьма серьезно, поскольку существовала опасность, что скоро в этих местах вырастет целый клан налетчиков.

В удобном месте соорудили махан, установили живую приманку, и операция началась.

И снова навабу не повезло. Ночь проходила за ночью, он ждал, а тигр не появлялся. Засада на дереве над привязанной приманкой — самый лучший способ охоты на осторожного тигра. Однако навабу, который вспомнил, как легко мы обнаружили след во время нашей последней засады, естественно, хотелось повторить подобную попытку. Я согласился с ним, и мы снова вместе со следопытами отправились в путь. Сначала осмотрели место, куда, как нам сообщили, сорок восемь часов назад тигр приволок корову.

Судя по ряду признаков, предыдущей ночью здесь пировало все семейство. Однако на твердой как камень земле мы не смогли обнаружить следов, ведущих от трупа. Поблизости находился невысокий холм, в котором было вырыто примерно полдюжины мелких шахт и каменоломен — старые горные разработки. Когда-то оживленный горнорудный район теперь был заброшен. Вокруг зеленели небольшие рощицы. Дикие животные облюбовали это тенистое мес-

течко. Здесь было где укрыться. В то же время редкая растительность делала его доступным для человека. Тигр вполне мог забраться туда, чтобы отдохнуть после обильной еды. Нам же не составило особого труда разведать это место. Вот почему именно с холма я и решил начать поиски.

Стояли жаркие дни. Поэтому мы поднимались в то утро на холм довольно медленно. Я хотел, чтобы наша группа рассредоточилась — так больше шансов наткнуться на след тигра,— и мы взбирались на холм с разных сторон. Поднявшись к вершине, я заметил, что следопыт Магния делает мне какие-то знаки. Подойдя к нему поближе, я увидел участок мягкой земли, на которой взрослый тигр-самец оставил несколько четких следов. Отпечатки выглядели свежими. По их положению мы заключили, что животное направляется к старым разработкам. Там, в срезе холма, невысоко над землей, зияло отверстие штольни. Идти напрямик в заброшенную пещеру значило бы подвергать себя опасности. Внимательно осмотрев местность, я пришел к заключению, что самое лучшее — подняться окольным путем повыше и затем попытаться, не потревожив тигра, спуститься так, чтобы занять позицию над самой пещерой. Срез, основательно заросший кустарником, не был отвесным. Двигаясь медленно и очень осторожно, мы с навабом благополучно поднялись на вершину холма и оказались в пяти-шести ярдах от входа в штольню. Ветви дерева не давали нам возможности просматривать местность, но в конце концов удалось устранить эту помеху, не спугнув тигра.

Подав знак своему спутнику изготовиться к стрельбе, я пронзительно закричал зверю:

— Эй, ну как ты там?

Прежде чем эхо замерло вдали, внизу под нами мелькнуло желтое полосатое тело. Тигр выпрыгнул из штольни и повернул морду, чтобы посмотреть, кто кричал. Но тут наваб выстрелил, и зверь свалился замертво. Послав в него на всякий случай еще одну пулю, мы стали спускаться. Идти далеко не пришлось: от убитого тигра до места, где мы сидели, было меньше двадцати пяти футов.

Позднее, обмерив пещеру, мы убедились, что она имела около двенадцати футов длины, восемь футов высоты и приблизительно четыре фута ширины. Нам повезло. Будь штольня уже и короче, пришлось бы немало потрудиться, выманивая тигра. Тигр менее охотно покидает низкие и узкие, нежели сравнительно просторные и широкие убежища.

Тигры на деревьях

Утверждают — и я сам читал об этом,— что тигры не умеют лазать по деревьям. Действительно, они занимаются этим весьма неохотно, потому что редкий сук может выдержать вес взрослого зверя. Им было бы просто невозможно, подобно пантерам, вести полу-

древесный образ жизни. Но утверждать, что тигры не умеют лазать по деревьям только потому, что в обычных условиях им этого не приходится делать,— это значит искажать факты. Я не раз видел своими глазами, как тигр лазает по деревьям. Да и вообще, если потребуется, он может проделывать такие поразительные трюки, какие и представить невозможно.

Деревню Рей в Гвалияре частенько стал навещать исключительно наглый похититель скота, который наводил ужас на крестьян. Тигр прятался где-нибудь поблизости от колодца, в полумиле от деревни, куда крестьяне обычно гоняли свой скот на водопой. Облюбовав самое крупное животное, тигр прыжком валил его наземь и тащил в ближайшие кусты. Если крестьяне пытались как-то отогнать тигра, тот тут же бросался на людей. Так он растерзал пятерых человек и почти сорок голов скота. Все эти подробности мне рассказал староста деревни сразу же, как только я туда приехал.

Я начал размышлять, каким образом положить конец злодействам полосатого чудовища. Стояла нестерпимая жара. Вскоре я понял, почему тигру все время везло: колодец, у которого он пировал, был единственным в округе источником воды для скота. Колодец находился в джунглях, чуть поодаль от деревни. От него отходил выложенный камнем желоб. Крестьяне следили за тем, чтобы желоб всегда был наполнен водой. Следы замбаров[1] и диких свиней указывали, что к желобу регулярно приходят на водопой дикие животные. Сколько я ни искал, так и не смог найти в этом районе другого естественного источника воды. Напрашивался вывод, что тигр приходит сюда не только ради мяса, но и для того, чтобы утолить жажду.

Хотя в последние дни хищника никто не видел, я решил все же устроить засаду у этого колодца. Тенистый баньян возле него оказался весьма удобным укрытием и мог стать прекрасной позицией для стрельбы. Поэтому я приказал моим спутникам соорудить в ветвях дерева примерно в футах двадцати над землей небольшую платформу. Идеальных во всех отношениях маханов почти никогда не бывает. Этот тоже имел свои недостатки: толстая горизонтальная ветвь, отходившая от ствола ниже махана, частично заслоняла желоб. Однако я решил, что взять на мушку тигра, лакающего воду, мне все же удастся. Ничего лучшего здесь все равно нельзя было найти.

Пока строили махан, я, позвав своего фокстерьера Джека, отошел с ним ярдов на сто от баньяна, чтобы позавтракать. Только принялся я за еду, как неподалеку в высокой траве что-то зашелестело. Джек вскочил и помчался на разведку. Однако это было совсем не то место, где смелая любопытная собачонка может резвиться в одиночку. Едва пес скрылся из виду, я позвал его. Джек не

[1] Замбар (Cervus unicolor) — парнокопытное млекопитающее семейства оленей. Прежде этот крупный — весом до трехсот килограммов — олень был широко распространен в Индии, но в результате усиленной охоты и браконьерства, особенно в последние годы, численность его сократилась; во многих районах страны замбары взяты под охрану.

послушался. Через мгновение послышался слабый визг. Затем наступила абсолютная тишина. Я вскочил, схватил винтовку и со всех ног бросился за собакой. Но там я увидел лишь несколько ярких капель крови. Я позвал шикари, и мы вместе обследовали окрестности. После долгих поисков наткнулись на следы пантеры. Сомнений не оставалось: зверь уходил, унося с собой мою бедную собачонку. Следы уводили в глубокую узкую расщелину, и мне пришлось оставить свои планы мести. Легко и быстро с пантерой не справишься, а я не имел права забывать своей главной задачи — охоты у деревенского колодца на тигра-людоеда.

Приблизительно около шести часов вечера, когда солнце уже скрылось за холмом, я взобрался на махан. Крестьян я попросил отправиться по домам и не возвращаться до рассвета, если не услышат выстрела. Я был убежден, что сумею прикончить моего тигра в тот момент, когда жажда приведет его к колодцу.

Стояла ясная ночь. Серп луны освещал колодец, желоб и вытоптанную вокруг него землю. Через часа полтора прямо подо мной послышался какой-то странный звук. Я огляделся: вокруг никого. И вдруг заметил, что какой-то предмет загораживает мне колодец. Между тем я только что совершенно ясно его различал. Что же мне помешало? Посмотрев вниз, я с ужасом увидел, как по ветви крадется большой тигр.

Сначала я не хотел верить своим глазам. И решил, что все это — игра теней и моего разгоряченного воображения. Но голова тигра оказалась совсем близко от меня. Я понял, что хищник не знает о моем присутствии и расположился на баньяне, готовый броситься вниз на любую, ничего не подозревающую жертву.

Нас разделяло не более двенадцати футов, и, поднимая винтовку, требовалось проявить величайшую осторожность. Я не спеша прижал приклад к плечу, спустил предохранитель и выстрелил. Последовал страшный грохот. Сраженный тигр свалился на землю. Зверь был недвижим. Пуля прошла чуть ниже головы и раздробила шейные позвонки. Хищник так и не узнал, что я сидел на дереве как раз над ним.

Вскоре послышались голоса бегущих к колодцу крестьян. Остановившись в нерешительности ярдах в ста от дерева, они спросили, что им делать дальше. Я крикнул в ответ, что тигр испустил дух и они могут спокойно подойти. Послышались радостные возгласы. Жерди, которые я заранее взял с собой на махан, были сброшены вниз. Тигра положили на них и с триумфом внесли в деревню. Вокруг собралась ликующая толпа. Начались танцы. Меня шумно приветствовали, хотя заслуга моя была не так уж велика; спина зверя оказалась в нескольких футах от дула моей винтовки, его силуэт четко выделялся на фоне залитой серебристым светом земли. Тигр подставил под выстрел самые уязвимые части тела.

Это был единственный случай, когда я повстречался с тигром, охотившимся на животных с дерева. И нужно сказать, что хищник очень удачно выбрал место засады: баньян с его толстой нижней ветвью, нависающей над желобом, хорошо скрывал тигра.

Конечно, своим успехом я обязан только невероятно слабому обонянию тигра. В самом деле, не много найдется крупных диких животных, которые безветренной ночью не смогли бы почуять человека на расстоянии двенадцати футов!

Тигры и пантеры — система Гара

Однажды в декабре я приехал в лагерь Савай-Мадхопур в Джайпуре и стал энергично готовиться к охоте на тигров. Я распорядился привязать буйволов в разных местах. Неожиданно поступило сообщение, что несколько буйволов убиты пантерой. Я поспешил проверить, так ли это, и вскоре по следам установил, что донесение соответствует истине. Взрослые пантеры отличаются друг от друга размерами. Здесь, как указывали следы, побывала крупная пантера, вполне способная полакомиться привязанным буйволом. Окажись поблизости тигр, пантера, бесспорно, благоразумно ретировалась бы. А тигр вполне мог здесь появиться: приманка была расположена в стратегически удобном пункте и неминуемо должна привлечь тигра. Поскольку я не хотел оставлять это место, нужно было как-то избавиться от пантеры.

Когда я рассказал об этом деле М. К. Джайсингху, который был вместе со мной в лагере, тот сразу же заявил, что мечтает поохотиться на большую пантеру.

Рядом с тем местом, где пантера расправилась с буйволом, стояло маленькое заброшенное строение с плоской крышей. Крышу эту можно было использовать как готовый махан. Неподалеку по моему приказу воздвигли платформу высотой в шесть футов, с которой отлично просматривался любой предмет. Каждую ночь за час до восхода солнца шикари приводили козу, поднимали ее на платформу, где коза была недосягаема для шакалов и гиен, и, привязав, уходили. Перед закатом козу забирали. График «приходов и уходов» животного был рассчитан так, чтобы заставить пантеру — а она, безусловно, внимательно наблюдала за ходом событий — напасть на козу днем.

Пантеры явно предпочитают козье мясо грубому мясу буйвола. Очень скоро животное расправилось с первой козой, а затем и со второй. Я сразу же взял джип и выехал на место с Джайсингхом и его сестрой Барией. Мы подъехали к платформе раньше, чем появился шикари с козой — в тот день он чуточку опоздал. Вообразите наше удивление, когда на плоской крыше домика мы увидели на редкость красивую пантеру, терпеливо дожидающуюся своего обеда. Она тоже хорошо поняла, что с крыши открывается великолепный обзор платформы, где мы оставляли приманку.

Я велел одному из моих спутников зарядить винтовку, а сам, немного сбавив скорость, продолжал вести машину прямо к панте-

ре. Дикое животное больше всего пугается, когда автомобиль останавливается неожиданно. Поэтому я не спускал ноги с акселератора, полагая, что, пока мы не упремся бампером в стену, можно будет еще успеть выстрелить. Приготовившись к стрельбе, мы подъехали совсем близко к домику. Я немедленно затормозил, но, к сожалению, мои спутники замешкались. Пантера, которая, конечно, нас видела, встала и без малейших признаков испуга, с изумительным достоинством спрыгнула на землю и скрылась из виду.

Хотя зверь действовал не спеша, можно было не сомневаться, что пантера понимала, какую опасность представляла собой группа вооруженных людей в джипе, потому что в дальнейшем больше ни разу не предоставила нам столь приятной возможности для охоты.

На следующий год я снова искал тигров в Савай-Мадхопуре. На этот раз в группу входили двое американцев — мистер Расел Хевенстрайт из Калифорнии и миссис Вудворт из Нью-Йорка. Обоим больше хотелось поохотиться на тигров, чем пытать счастье, преследуя пантеру. Но когда я рассказал им о прекрасном экземпляре, который видел во время предыдущей охоты, они согласились, что было бы неплохо устроить засаду на пантеру.

Скоро мы получили известие, что пантера не только бродит поблизости, но и отличается необыкновенной ловкостью. Для приманки был привязан буйвол, а поблизости от него — коза. Последняя, как я предполагал, должна была наверняка привлечь пантеру и, возможно, отвлечь ее внимание от более крупной добычи, предназначенной для тигров. Но большая пантера убила и буйвола и козу. Она отнесла козу в джунгли и, разорвав веревку, которой был привязан буйвол, подтащила его к большому дереву. Затем пантера втащила тушу на высоту шесть футов от земли, уложив ее в развилке. Поскольку буйвол весил, должно быть, раза в четыре больше, чем сама пантера, это был поистине выдающийся подвиг, равного которому я еще не видывал. Пантеры часто оставляют недоеденные остатки добычи на деревьях, чтобы уберечь их от гиен и шакалов. Я несколько раз находил трупы бродячих собак (а к собакам пантеры особенно неравнодушны)[1], лежащие высоко на ветках. Однажды поблизости от Джалауна я заметил убитую дикую свинью, поднятую на дерево таким же образом. Но втащить на дерево буйвола! Это чего-нибудь да стоило. Мистер Хевенстрайт сфотографировал тушу, и я до сих пор храню этот снимок.

Установив местопребывание пантеры, я распорядился соорудить около живой приманки тайник специальной конструкции. Зверь все еще проявлял исключительную осторожность и не приближался к козе до тех пор, пока не увидел, что стрелок, которого я оставил в тайнике, вышел оттуда и вернулся в лагерь. Тогда пантера пере-

---

[1] Страсть леопардов и тигров к собачьему мясу прямо-таки поразительна. Н. М. Пржевальский писал: «Тигры чрезвычайно лакомы до собак и предпочитают их всякой другой пище» (Н. М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае. М., 1947, с 193). Известно множество случаев, в том числе и в самое последнее время, когда тигры хватали собак из-под ног даже вооруженных людей или таскали их из населенных пунктов.

секла открытое пространство, зарезала козу и отлично полакомилась.

Я решил захватить с собой двух стрелков. Они вошли в тайник, просидели там некоторое время и ушли вместе со мной. Затем мы вернулись, и я шепнул одному из спутников, чтобы он незаметно проскользнул обратно в укрытие. Другой стрелок вместе со мной отправился в лагерь. Мы не успели дойти до цели, как услышали выстрел. Пантера, по-видимому, не сумела разгадать нашу хитрость, или же ее бдительность усыпил уход из тайника стрелков. Во всяком случае, зверю показалось, что он в безопасности. Решив, что вся группа вернулась в лагерь, пантера внезапно выскочила из укрытия и подставила себя под роковой выстрел.

Этот и несколько других аналогичных случаев привели меня к убеждению, что пантеры при всей их хитрости и осторожности все же не столь умны, как это часто считают. И уж, конечно, я не могу согласиться с теми, кто наделяет их или других представителей семейства кошачьих «мыслительной способностью» или даже «логическим мышлением».

Приведу еще один пример, подтверждающий мой вывод. Как-то раз близ города Амбера мне удалось поймать живую пантеру. Там, у подножия одного из холмов, была сооружена круглая арена площадью в сто квадратных футов, обнесенная двадцатифутовой стеной. Входили туда через бревенчатые ворота, на которые даже пантера не смогла бы взобраться. Арена использовалась для содержания диких животных. Внутри она делилась на два загона или отделения, чтобы в случае необходимости содержать ее обитателей.

Поскольку с внешней стороны стены были ступени, по которым могли подняться зрители, желающие посмотреть на животных, мне пришло в голову использовать это сооружение как ловушку. Ведь если домашняя кошка прыгает во двор за цыпленком, она не раздумывает над тем, как будет выбираться обратно. Я подумал, что и пантеры, живущие поблизости от холма, возможно, поведут себя таким же образом. Проходящая мимо пантера должна не только услышать или почуять козу, привязанную на арене, но и увидеть ее за перекладинами ворот.

Уловка удалась. Сразу же после заката я увидел из своего потайного убежища, как пантера, привлеченная блеянием козы, приближается к воротам. Обнаружив, что она не может пролезть между перекладинами, пантера повернулась и быстро взбежала по ступенькам для зрителей на верх стены. Здесь она чуточку постояла, хорошенько рассмотрела козу и некоторое время обозревала местность. Но, очевидно, при всей своей подозрительности пантера не сообразила, что ей придется прыгать вниз, с явно большей высоты, чем та, которую она в состоянии одолеть на обратном пути. Пантера ринулась на козу, сразу же прикончила ее и затем, держа тушу в пасти, попыталась уйти. Тут-то вся сложность положения и открылась перед ней. Бросив добычу, пантера начала делать круг за кругом по арене в поисках выхода. Всю ночь несчаст-

ный зверь искал пути к спасению. Пантера даже не сделала попытки съесть козу. Теперь она была в моей власти. Мы загнали ее в клетку и передали в зоологический сад.

Как ни странно, особую осторожность пантер охотник может даже использовать в своих целях, особенно если хорошо знает повадки зверя. Однажды гость махараджи Джайпура лорд Джерси выразил желание пополнить свои трофеи пантерой. Поскольку он скоро должен был уехать, требовалось изобрести план какой-то молниеносной охоты. Не могло быть и речи о живой приманке, с помощью которой можно приучить пантеру к определенному месту, или о том, чтобы устроить тщательно продуманную облаву. Короче говоря, все обычные способы, гарантирующие успешную охоту, не годились.

В восьми милях к востоку от города Джайпура есть небольшой холм, куда часто наведывались пантеры. С вершины холма открывается прекрасный вид на местность. Хищники часто поднимались туда по вечерам, чтобы высмотреть, где бродят козы или овцы. Поскольку здесь уже было отстреляно несколько пантер, хищники остерегались приманок, привязанных в известных им местах. Но, избегая общения с людьми, они в то же время извлекали для себя максимум выгоды, рыская поблизости от стад. Если какое-либо животное отделялось от стада, пантеры не мешкали и не ждали, покуда пастух обнаружит пропажу, а в считанные секунды расправлялись со своей добычей.

Я решил привести лорда Джерси на это место. Мы выехали приблизительно в пять часов вечера. В ближайшей деревне купили козу и, наняв двух носильщиков, отправились дальше пешком. Пройдя приблизительно пятьсот ярдов от последней хижины, я остановился у подножия холма и подробно проинструктировал крестьян. Затем мы расстались. Лорд Джерси и я пошли обходным путем, чтобы нас нельзя было увидеть с вершины холма. Затем, двигаясь очень осторожно, мы вышли к месту, которое я выбрал заранее: это был возвышенный участок, хорошо закрытый валунами и кустарником. Тем временем оба крестьянина продолжали лениво идти с козой к указанному им открытому месту, которое было совсем близко от нас и прекрасно просматривалось из нашего укрытия. По дороге крестьяне болтали и пели. Потом они привязали козу к кусту и, продолжая распевать, пошли обратно тем же путем, каким и пришли. Именно так я и приказал: не молчать и не выглядеть слишком деловитыми. Необходимо было все сделать, в том числе и привязать козу, с небрежным, праздным видом.

Идея моя заключалась в том, что пантера, если она следит с холма, заметит приманку. Решив, что козу оставили в кустах случайно и владельцы скоро вернутся, зверь будет действовать быстро.

Едва крестьяне прошли пятьдесят ярдов по направлению к дому, как я заметил желтоватое тело пантеры, бегущей с холма. Время от времени она останавливалась и посматривала то на людей, то на козу, прежде чем продолжить свой быстрый бесшумный

спуск. Менее чем через пять минут после того, как носильщики оставили козу, пантера была уже тут как тут. Вероятно, звук удаляющихся человеческих голосов, хорошо слышный в вечерней тишине, совершенно успокоил пантеру, и она вышла на открытое пространство. Так лорд Джерси получил перед отъездом свою пантеру, а в тамошних краях одной похитительницей скота стало меньше.

Ничего подобного у нас не вышло бы, если бы мы охотились на тигра. Я ни за что бы не выслал двух безоружных людей, а осторожный тигр никогда не действовал бы так опрометчиво, как пантера, слишком уверенная в собственной хитрости. Это не значит, однако, что тигра нельзя одурачить, показав ему, как несколько охотников, возбудивших его подозрение, уходят прочь, в то время как остальные остаются в укрытии. Подобный метод охоты на тигров с устройством засидки над добычей хищника получил наименование системы Гара.

Система Гара не пользуется большой популярностью, так как на нее не всегда можно положиться. Но в некоторых случаях она действует безупречно. Один такой случай произошел не столь давно, когда я охотился с американцем — полковником Вильбуром Мэйем из Невады.

Я получил сообщение о тигре, который привык нападать на домашних животных из засады в придорожных кустах. Зверь, казалось, испытывал особую слабость к осликам. Крестьяне жаловались, что он нападает на человека, оказавшегося между ним и добычей, или отгоняет его прочь. Жалобы на этого тигра были весьма уместными, поскольку полковник выразил желание охотиться только на таких животных, которые по каким-то причинам предназначались для отстрела.

Едва мы прибыли, как шикари донесли, что тигр зарезал поблизости буйвола и утащил его в джунгли. Мы прошли небольшое расстояние по следу и вскоре услышали впереди слабое позвякивание. Это звенел колокольчик, привязанный к шее буйвола: значит, тигр был еще у своей добычи.

Следовало в первую очередь определить, где находится туша, а затем, если обстоятельства позволят, соорудить на дереве махан и ночью посадить туда стрелка.

Шикари, которого я послал вместе с несколькими крестьянами разведать местность, сообщил мне, что туша найдена. Мы отправились в указанном им направлении. Но когда пришли, то буйвола на месте уже не было. Там, где он лежал, не осталось ничего, только в густые заросли тянулся кровавый след. Тигр, должно быть, пировал, а когда подошел шикари с крестьянами, спрятался поблизости и следил за ними. Он выждал, покуда они ушли, а затем сразу же, не мешкая, утащил тушу.

Идти по следу оказалось на редкость трудно. В некоторых местах трава и подлесок были такими густыми, что мы, хотя тигр и проволок здесь целую тушу, с трудом пробивали себе дорогу. Выйдя на твердую сухую почву, мы стали искать следы, но здесь это

уже было непросто. Прошло приблизительно полчаса, прежде чем мы увидели останки буйвола. И опять-таки я был уверен, что тигр следит за всем происходящим из ближайшего укрытия. Об этом я судил по поведению павлина, ясно говорящему, что тигр или пантера находятся по соседству.

Итак, наш осторожный противник выжидал. Я был твердо убежден, что до сих пор он встречался только с несчастными, бесхитростными крестьянами, чью скотину похищал. Вопреки всем россказням о какой-то необычайной интуиции тигра он, конечно, был уверен, что мы преследуем его всего лишь с безобидным намерением спасти останки буйвола. И в самом деле, как мог полосатый хищник понять, что кто-то проехал полмира, вооруженный дорогим, исключительно смертоносным оружием, специально для того, чтобы всадить в него пулю!

Выбрав подходящее дерево в пятнадцати ярдах от туши буйвола, я, стараясь не шуметь и не производить лишних движений, торопливо соорудил маленький махан. Затем, попросив полковника соблюдать тишину, помог ему взобраться на махан. После этого миссис Мэй и остальные охотники отправились вместе со мной к автомобилям, ожидавшим нас в миле отсюда.

Если бы мы уходили молча, тигр обязательно заподозрил бы недоброе. Он наверняка решил бы, что мы где-то поблизости от туши устроили засаду. Поэтому я велел всем громко и весело разговаривать, чтобы тигр слышал, как постепенно затихают наши голоса. Я рассчитывал, что хищник, убедившись в нашем отсутствии, сделает попытку оттащить свою драгоценную собственность в безопасное место. Так оно и вышло. Не прошли мы и двухсот ярдов, как услышали за собой грохот выстрелов и злобный рев раненого тигра. Потом рев замер и перешел в отчетливо слышный «кашель». Казалось, будто «кашляющий» тигр следует за нами где-то в густом подлеске. Через минуту «кашель» прекратился, и воцарилась тишина. Я понял, что зверь ранен в легкое, однако серьезно или нет, этого я не знал.

Время было послеполуденное, и солнце жгло немилосердно. Я хотел было вернуться, чтобы помочь полковнику спуститься с махана и выяснить все подробности, но тут же подумал, что надо бы сначала отвести миссис Мэй к машине. Но она и слышать об этом не хотела, настаивая на том, чтобы я отвел ее к мужу. Нам пришлось сделать значительный крюк, чтобы обойти заросли, в которых слышался «кашель» тигра, да и пришлось еще продираться через отвратительный колючий кустарник. Поэтому прошло не менее часа, пока мы всей группой подошли к махану с противоположной стороны.

Полковник к этому времени уже спустился и рассказал, что тигр появился через пять минут после нашего ухода. Он выстрелил и попал ему в спину, но, очевидно, не задел область сердца. Кровавый след был виден настолько отчетливо, что мы тут же начали преследование.

Двигались лесом, в котором поляны чередовались с густыми

тенистыми участками. То тут, то там на кустах и стволах деревьев виднелись пятна крови на высоте тридцати дюймов от земли — верный признак того, что кровь у тигра шла горлом.

Мы шли по следу приблизительно с полчаса со все нарастающим волнением, поскольку в любую секунду можно было ожидать нападения из ближайшей группы густых кустов. Ведь зверь получил настолько серьезные ранения, что не мог уйти далеко.

Неожиданно в глубине дремучих зарослей, не далее чем в десяти ярдах, я увидел лежащего под кустом превосходного тигра-самца. Мы подождали — тигр не шевелился. Я не разрешил Мэю стрелять. Зачем без нужды портить шкуру убитого зверя?

Взбесившийся слон

Слон может оказать большую помощь охотникам, особенно в том случае, когда тигр прячется в густых зарослях. Но слоны — своенравные животные и, несмотря на свой ум и податливость дрессировке, причиняют иногда массу неприятностей.

Самый печальный инцидент, оставшийся навсегда в моей памяти, произошел во время богатого событиями недельного визита в Гвалияр вице-короля лорда Ридинга, главной целью которого была охота на тигров. Вблизи Шивапури, в лесистой местности, где было полно дичи, примерно в семидесяти пяти милях к югу от города Гвалияра, мы разбили большой охотничий лагерь. Я распорядился, чтобы из Гвалияра в Шивапури пригнали пятнадцать слонов.

В Раджастхане каждого слона обычно сопровождают три человека: махоут, нукар и сатмар. Махоут — погонщик, восседающий на слоне; нукар — помощник махоута (он кормит слона и присматривает за ним); сатмар — охранник, следующий за слоном с копьем в руке.

Если слон проявляет строптивость и отказывается подчиняться махоуту, сатмар колет его в задние, очень чувствительные ноги. Сильный укол в сустав может даже на время парализовать огромное животное.

Путь от Гвалияра до Шивапури слоны проходят примерно за неделю. Так как погода стояла жаркая, слоны могли передвигаться лишь ночью. Во главе колонны шел большой слон-самец, принадлежавший богатому землевладельцу Садару Шетоле.

Слоны вообще очень нервные животные. Хорошо еще, если слон устоит перед нападением тигра во время загона. Но внезапный прыжок тигра на слона, мирно шествующего по дороге, может привести в смятение это огромное животное. Увы, нечто подобное произошло и на этот раз. Когда колонна слонов проходила через густой лес, впереди на дороге появился тигр. Путешествуя ночью, махоут обычно дремлет в своем седле, укрепленном на шее слона.

Увидев или почуяв тигра, головной слон остановился как вкопанный, отчего погонщик вылетел из седла и упал на землю. Это еще больше напугало уже и без того взбудораженного слона, и он затоптал несчастного махоута насмерть. Возникла полная неразбериха. Тигр тем временем скрылся в лесу. Подошли другие слоны — лишь с их помощью удалось утихомирить возбужденное животное. Нукар взобрался ему на шею и сумел вновь привести к повиновению. В конце концов колонна продолжила свой путь.

Получив известие о смерти махоута, я тотчас же запретил использовать головного слона для охоты, покуда он не успокоится. Когда испуганный слон убивает человека, часто трудно определить, произошло ли это из-за случайного стечения обстоятельств, или же виной трагедии оказался злобный и коварный характер животного. Я не хотел рисковать.

Слоны были расставлены там, где могли понадобиться скорее всего. Прибыли махараджа, вице-король и сопровождающие их лица. Охота началась. Мы отправились в местечко под названием Пори. Я предполагал, что в этом районе обитали два тигра, и подготовил здесь все для охоты. В башне, специально оборудованной для стрельбы, я разместил махараджу и вице-короля вместе с полковником Кроуфордом-Стюартом. Трое остальных охотников расположились на махане, устроенном на дереве примерно в пятидесяти ярдах от башни.

После того как были расставлены загонщики, я решил взглянуть на слонов, отобранных для участия в загоне. К своему неудовольствию, я обнаружил среди них забракованного мною слона. Когда я спросил нового махоута, на каком основании он решился вывести слона на охоту, тот ответил, что животное совершенно успокоилось и, уж во всяком случае, может принять участие в загоне. Махоут добавил, что в прошлом этот слон долгое время жил в Пори и, попав в знакомые места и родное стойло, чувствует себя как дома. Я не стал настаивать и, указав, куда следует поставить строптивое животное, взобрался на спину одного из слонов, снабженных хоудахами. Сигнал к началу загона был дан.

Примерно через полчаса впереди послышались выстрелы. Как только мой слон дошел до башни, где сидели охотники, я осведомился, как идет охота. Они сообщили, что ранили двух тигров, вышедших из леса, после чего хищники скрылись в густых зарослях позади башни и махана.

Мне было предложено отправиться в заросли и пристрелить их. Однако едва мой махоут повернул слона, как махараджа и его гости остановили меня. Они решили сами пуститься в погоню за тиграми. Я сошел со слона и помог разместить охотников на хоудахах двух слонов, выделенных для этой цели. Слоны медленно тронулись в путь, и тут я вдруг почувствовал беспокойство из-за того, что сам не отправился с охотниками. Третий слон-самец, растоптавший погонщика, стоял рядом. На спине у него, как обычно, было укреплено мягкое седло. Я решил все же воспользоваться им и велел махоуту поставить слона на колени, чтобы взобраться в седло.

Стоя в нескольких ярдах от животного, я не выпускал его из поля зрения, но и не глядел ему прямо в глаза. В тот момент, когда махоут дотронулся до слона анком [1], он, вместо того чтобы стать на колени, поднял хобот и пронзительно затрубил, а затем, растопырив уши, бросился прямо на меня. К счастью, я не спускал со слона глаз и был настороже. Пригнувшись и бросаясь из стороны в сторону, я помчался прочь.

Навстречу мне попался личный доктор махараджи и его носильщик с походной аптечкой.

— Спасайтесь!— крикнул я.

Однако доктор, вместо того чтобы бежать, стал смотреть по сторонам, пытаясь понять, что произошло. Секундой позже слон сшиб его с ног и начал катать по земле, пытаясь пронзить бивнями. К счастью, бивни слона слишком далеко отстоят друг от друга, поэтому доктор отделался несколькими ссадинами. Потом внимание слона привлек носильщик. Бедняга остолбенел от страха. На этот раз слон, сбив носильщика на землю, начал топтать его. Раздался жуткий звон и хруст стекла. Слон огляделся и вновь бросился на меня.

Я стоял невдалеке как загипнотизированный, наблюдая кошмарную сцену расправы слона над доктором и носильщиком. Махоут, хотя и допустил очевидную оплошность, взяв на охоту этого слона, оказался смелым и находчивым парнем. В то время как животное норовило проткнуть доктора своими бивнями, он орал на него и колол анком, пытаясь заставить слона поднять голову. К сожалению, эти попытки не имели никакого успеха.

Поняв, что слон опять мчится на меня, я бросился бежать и спрятался за башней для стрельбы. Потеряв меня из поля зрения, взбешенное животное обратило внимание на генерала Раджваде, стоявшего неподалеку под деревом. Генерал быстро спрятался за деревом и тем самым спас себе жизнь. Однако слон свалил дерево, и сбитый наземь Раджваде оказался под его ветвями.

Все это произошло в считанные секунды. Потеряв генерала, укрытого ветвями дерева, слон вновь поднял голову и заметил полковника Кроуфорда-Стюарта, который спокойно фотографировал, стоя на открытом месте на расстоянии около сотни ярдов от слона. Кроуфорд смотрел на башню в видоискатель и, только опустив аппарат, увидел мчавшегося на него слона. Сломя голову ринулся он к дереву. На счастье, полковник уронил фотоаппарат и фуражку. Ослепленный яростью слон остановился и начал топтать оброненные вещи. Воспользовавшись этим, полковник спрятался за пень и плотно прижался к земле. Когда с фуражкой и фотокамерой было покончено, слон, не видя больше своей жертвы, рванулся налево к группе шикари. Те ринулись в кустарник, где скрылись

---

[1] Анк (ангк) — изогнутая железная палка с острым концом, которой махоут управляет слоном. На это необходимое орудие погонщика обратил внимание еще Афанасий Никитин, который писал: «Человек сидит в доспесе промежу ушей, да крюк у него в руках железной велики, да тем его правит...» (Хожение за три моря Афанасия Никитина. Изд. 2. М.-Л., 1958, с. 24).

два раненых тигра. Слон следовал за ними по пятам до тех пор, пока один из тигров, спрятавшихся в густых зарослях, не услышал нарастающего шума и не издал предупреждающего рычания. Слон тут же остановился и, повернув обратно, помчался в сторону Пори. Несчастные шикари, оказавшиеся между молотом и наковальней, рассыпались в разные стороны.

Постепенно люди стали вылезать из своих укрытий. Я послал несколько человек в деревню предупредить жителей, чтобы они не выходили из домов до тех пор, пока не станет известно, что слона загнали в стойло.

Бедный носильщик походной аптечки был мертв. Его хозяин — доктор — до сих пор не пришел еще в сознание. Генерал стонал. Полковник Кроуфорд-Стюарт, несмотря на тесный китель и сапоги, сумел вскарабкаться на, казалось бы, совершенно недоступное для человека дерево. Впоследствии, когда опасность миновала, он никак не мог сам спуститься на землю, пока мы не кинули ему веревку. Случай с полковником весьма красноречиво показывает, что может сделать человек при виде приближающегося взбесившегося слона.

Тем временем дела у охотников, двинувшихся в заросли на двух слонах, шли не блестяще. Когда огромное животное бросилось на меня, его пронзительный рев так подействовал на их слонов, что животные, хотя и находились на почтительном расстоянии от нас, пустились бежать и пронеслись целую милю, пока их удалось остановить и успокоить. Тем не менее они вернулись к выполнению своего долга вместе с потрясенными охотниками. Вскоре один из тигров был найден и пристрелен. Второго обнаружили уже мертвым.

Позже я узнал, что разъяренный слон добрался до стойла, не встретив никого на своем пути. Махоут немедленно соскочил с его спины и, действуя весьма отважно, опустил засов, лишив слона возможности выйти из стойла. Садар Шетоле, владелец животного, был в этот день на охоте. Когда он узнал, что натворил его слон, то немедленно решил уничтожить его. Таков был печальный конец этого трагического дня.

Охота со слонами

Охота на тигра со спины спокойного слона — интереснейшее, захватывающее занятие, хотя, конечно, неприятности во время такой охоты не исключены; особенно удобны слоны при загонах в высокой траве, когда по движению стеблей можно обнаружить местонахождение дичи еще до того, как заметишь ее.

Со слона я охотился в травянистых джунглях Куч-Бихара. Там для подобных целей содержат тридцать — сорок слонов. Охоту организуют следующим образом. Двух или трех буйволов привязы-

вают в местах, где их скорее всего заметят тигры, а затем, когда станет ясно, что звери расправились со своими жертвами, организуется загон. Все охотники верхом на слонах располагаются на заранее определенных для них позициях, образуя большое кольцо вокруг убитой приманки. Слоны с царственной важностью начинают движение к центру круга. Кольцо постепенно снижается. Тигр пытается прорваться. При этом он выбирает наиболее слабого, с его точки зрения, слона и кидается на него. Иногда тигр выжидает до тех пор, пока живая стена слонов не загородит его и только тогда совершает прыжок.

В Гвалияре, а позже в Джайпуре в моем ведении было два десятка слонов. Использовались они лишь для прочесывания труднопроходимых зарослей или преследования раненых зверей, загоны же практиковались редко.

Точно прицелиться и выстрелить со спины слона не так-то просто. Если даже слон стоит, хоудах редко остается недвижимым. И все же, если попрактиковаться немного, хороший охотник может добиться отличных результатов. Одним из самых блестящих стрелков был покойный махараджа Алвара. Сидя на спине идущего слона в раскачивающемся хоудахе, он мог попасть из винтовки двадцать второго калибра в бегущего зайца.

Однажды тигр взобрался на крышу заброшенного строения. Махараджа подъехал на слоне близко к дому и терпеливо ждал момента, когда тигр прыгнет. И лишь тогда сразил зверя в прыжке.

Есть смелые слоны, которые, несмотря на свою легкую возбудимость, мужественно встречают нападение тигра. Другие рождаются робкими, и на них нельзя положиться, поскольку нет уверенности, что они не пустятся в бегство при первом же признаке опасности. Даже сидеть на спине бегущего слона почти невозможно из-за сильнейшей тряски, не говоря уже о стрельбе. Однажды, когда вопреки своим правилам я разместил всех охотников на слонах, одно испуганное животное неожиданно пустилось наутек, едва только тигр показался из-за укрытия. В хоудахе было два охотника: одна американка и раджа Амарнат Атал. Я весьма беспокоился за их судьбу, поскольку слон бежал сквозь лесистую местность и наездники могли быть сброшены на землю ветвями деревьев. Однако, когда слон пробежал около мили, махоуту удалось справиться с ним. Хоудах удержался на спине, охотники вовремя наклоняли головы, спасаясь от веток, и остались невредимы.

Капитан Султан Хуссейн, тот, что убил тигра, схватившего его слона за хвост, участвовал и в другой интересной охоте. Как-то раз мы с ним верхом на слонах разыскивали тигра, спрятавшегося в густых зарослях. Неожиданно зверь прыгнул на слона Хуссейна и вцепился в его переднюю ногу. Тот даже не попытался бежать. Напротив, он наклонил голову и так резко атаковал тигра, что капитан, пытавшийся произвести выстрел, был выброшен из хоудаха. Однако тигр был так занят схваткой со слоном, что даже не обратил внимания на упавшего человека. Слон попеременно наносил зверю удары головой и свободной ногой. Тем временем мой слон,

повинуясь команде махоута, встал как вкопанный, а затем, продвинувшись вперед, загородил своим телом капитана, лежавшего на земле. Я не мог стрелять, но этого и не требовалось. Тигр был буквально расплющен страшными ударами слона. Мой друг отделался царапинами и сломанным прикладом винтовки.

Бывает, что на охотничьих слонов нападают не только тигры, но и другие животные.

Однажды зимой мой брат, кузен и я организовали семейный выезд на охоту в пограничный район Джайпура и Бхаратпура. Намереваясь разнообразить свой стол дичью, мы верхом на верблюдах и лошадях рано выехали из лагеря. Главной целью охоты были куропатки и зайцы, но мы были готовы к охоте и на любых других птиц и зверей, за исключением самых крупных. С нами был слон, которого предполагалось использовать для прочесывания густых зарослей.

Настреляв куропаток, мы, двигаясь вдоль кустов, увидели небольшую пантеру, неожиданно выбежавшую на открытое место. Пантера промчалась мимо моего кузена, сидевшего на верблюде. Не в силах противостоять искушению, он выстрелил из ружья двенадцатого калибра и легко ранил зверя. Пантера скрылась на пятачке, покрытом высокой травой. Мы окружили ее со всех сторон. И тут один из охотников, мой старый друг Хари Сингх, подъехал на лошади слишком близко к месту, где спряталась пантера. Легко раненный зверь прыгнул на него и стащил с седла, вцепившись в правую руку. Однако Сингх не растерялся. Проявив исключительное присутствие духа, он захватил этой рукой нижнюю челюсть зверя и с силой сжал ее, лишив пантеру возможности схватить его за горло. Мы все бросились к Сингху, а пантера, поняв, что соотношение сил изменилось не в ее пользу, быстро ретировалась в высокую траву. Все это произошло в течение нескольких секунд. Хари Сингх отделался довольно сильно покалеченной рукой.

В то время как ему перевязывали рану, пантера сумела перебежать на участок, заросший кустарником и высокой травой. Мы не знали, где ее искать. Но и оставить раненое животное на свободе было нельзя. Пришлось привести слона, чтобы с его помощью пристрелить зверя.

И тут-то пантера продемонстрировала свои боевые качества. Когда слон подошел вплотную к ее убежищу, она с рычанием выскочила и вцепилась ему прямо в лоб. Однако лобная часть головы слона — это огромный твердый костяк. Не растерявшись, гигант опустил голову, отвел в сторону хобот, пригвоздил пантеру к земле и расплющил ее, надавив всей своей тяжестью.

Пантера, может быть, и не так хитра, как это иногда утверждают, но, если она рассвирепеет, вы не встретите в джунглях более храброго зверя.

Между слонами, живущими в одном загоне, иногда устанавливается большая дружба, и тогда животные по первому зову приходят на помощь друг другу. Когда я писал эту книгу, в Джайпуре жили две слонихи по имени Шарифин и Бибайя — близкие подруги

и союзницы. Обе они зарекомендовали себя во время охоты на тигров как надежные и спокойные животные.

Несколько лет назад я взял их на поиски тигра-людоеда, наводившего ужас на людей в местечке неподалеку от Шапура. От крестьян я узнал, что тигр скрывается на острове посередине мелководья, заросшего высокой травой и тростником. Оседлав для себя Бибайю, я посадил нескольких шикари на спину Шарифин. Но когда мы добрались до воды, слонихи отказались войти в нее, опасаясь завязнуть — вечная болезнь этих грузных животных. Однако дно под тиной было твердым, и после длительных понуканий Бибайю удалось убедить двинуться вперед. Ее подруга наотрез отказалась последовать примеру Бибайи, и я, таким образом, поехал один.

Прошлепав по мелководью около ста ярдов, мы подошли к густому тростнику. Бибайя стала пробираться через него. Тигр, скрывавшийся в этом месте, лежал тихо. Я увидел его только тогда, когда зверь взметнулся в прыжке, и не мешкая выстрелил навскидку. Пуля, попав тигру в грудь, остановила его в прыжке. Я услышал, как он упал и забарахтался в густой болотной растительности. Бибайя все это время вела себя великолепно. Остановившись, она замерла на месте, издав лишь странный пронзительный звук. Никогда прежде я не слышал такого звука. Не был ли это призыв о помощи, адресованный ее подруге, оставшейся на берегу? Так и оказалось.

Ни понукания, ни угрозы, ни уколы анком не могли заставить Шарифин вступить в воду. Но как только Бибайя подала свой сигнал и Шарифин услышала его (слоны обладают феноменальным слухом), она тотчас же бросилась в воду. Несмотря на все усилия махоута не подпустить ее слишком близко ко мне, чтобы не помешать выстрелу, Шарифин продолжала мчаться вперед, пока не встала рядом со своей подругой. После этого обе слонихи затеяли какой-то недолгий, одним только им известный разговор.

Шарифин, бросившаяся на помощь Бибайе, не помешала мне, поскольку тигр к тому времени уже испустил дух. Вода в этом месте едва доходила до пояса, и хищника скоро вытащили на сушу. Это был типичный людоед, тощий и изможденный. На его шкуре не было видно ни пулевых ранений, ни обломков игл дикобраза, но на передней лапе, горле и животе остались рубцы от каких-то глубоких ран. Длинный гноящийся шрам тянулся через весь живот. Это был самец, и я пришел к выводу, что глубокие раны он получил, вероятно, в схватке с соперником. Стало совершенно ясно, почему он занимался кражей овец, коз, а затем превратился в людоеда: тигр был искалечен и не мог уже справиться с более сильным и ловким противником.

Примерно так же эти слонихи повели себя позже в другой ситуации, но на этот раз уже к моей величайшей досаде. Я организовал охоту на тигра для лорда Маунтбэттена. Во время охоты дочь лорда, леди Памела, выстрелила в зверя и ранила его. Зверь укрылся в почти недоступном месте — кустарнике, окруженном

большими валунами. Чтобы настигнуть и пристрелить его, я решил использовать слонов. В полдень я и мой друг майор Хари Сингх с несколькими загонщиками и шикари отправились к месту охоты. Как обычно, я ехал на Бибайе, а майора посадил на Шарифин. Среди тех, кто сопровождал нас пешком, был и мой старый шикари Мангия.

В путь мы отправились двумя группами. Каждого слона сопровождали загонщики и шикари. Последним было приказано держаться на почтительном расстоянии от слонов. Спустя некоторое время мы оказались разделенными густыми зарослями, поднимающимися выше роста слонов. Мы были лишены возможности видеть, что происходит у наших товарищей. Внезапно со стороны, где скрылась Шарифин, послышался тревожный шум. Несколько пеших шикари, в том числе и Мангия, оказались впереди слона, и тигр, естественно, набросился на них. Зверь схватил Мангию и бросил его наземь. Слон, тигр, загонщики, шикари — все смешалось. И тут Шарифин подала тот же самый пронзительный сигнал, который я услышал впервые во время охоты на тигра-людоеда. На этот раз призыв адресовался к Бибайе, и та, не обращая внимания на своего махоута, как сумасшедшая бросилась на помощь, прорываясь через высокие заросли, словно сквозь паутину. Единственное, что я мог сделать,— это лечь плашмя в хоудахе и, надеясь на свое счастье, слушать треск ветвей над головой. Через считаные секунды мы были рядом с Шарифин, и обе слонихи начали свою глупую церемонию: тихий разговор, легкое касание друг друга и т. д. Тигра убили. Однако несчастный Мангия, которого он схватил за бедро, был жестоко изранен. Со временем, однако, шикари оправился от ран и вновь занялся охотой.

Слонов можно с полной уверенностью использовать почти в любой недоступной местности, за исключением болотистых районов. Они хорошо передвигаются по незнакомым местам и среди скал, разведывая дорогу с помощью хобота. Когда животные спускаются с мягкого песчаного склона, угрожающего обвалиться под их тяжестью, они подгибают ноги и съезжают вниз, словно на салазках. Кроме того, обладая исключительной сообразительностью, они почти всегда могут найти выход из затруднительного положения.

Припоминаю весьма примечательный эпизод, свидетельствующий о находчивости слонов. Я был как-то на охоте с махараджей Алвара. Убив четырех тигров, группа охотников возвращалась домой. У нас было четыре слона — три слонихи и один самец. Путь лежал через узкий канал с высокими крутыми берегами. Слонихи успешно преодолели канал, а самец с махараджей на спине, будучи тяжелее всех, сразу же оказался в беде. Когда слон сошел с откоса и приблизился к воде, то почувствовал, что почва уходит у него из-под ног. Он попытался подать назад, но не смог этого сделать, и его огромные ноги, двигаясь в поисках опоры, вскоре провалились. Гигант начал тонуть. Поняв, что ничто не сможет его спасти, если он сам не найдет выхода из положения, слон, вытянув хобот, делал попытки подтянуть к себе камень или деревце. Я осмотрелся и, к

счастью, увидел доски, сложенные в штабель на той стороне канала, где мы стояли. Обратив на них внимание моего махоута, я велел ему заставить нашего слона поднять одну из досок и передать самцу. Как только самец дотянулся хоботом до доски, он тут же схватил ее и подложил под переднюю ногу. Он почувствовал себя увереннее. Другие махоуты последовали нашему примеру, и через четверть часа слон выбрался на твердую почву, сумев спасти, таким образом, себе жизнь. Так слон показал, каким сообразительным он может быть.

Шансы и сюрпризы

Тигры, несмотря на свою незаурядную силу, гораздо более уязвимы, чем кажется. Быстрота реакции, умение вовремя уйти от грозящей опасности, решительный отпор, который они дают своим врагам,— вот что делает их прекрасными бойцами и охотниками. В то же время они плохо переносят ранения: по сравнению с крупными травоядными животными у них более нежная кожа.

Крупнокалиберная полуоболочечная (экспансивная) пуля гораздо более эффективна против тигра — она обладает большей останавливающей силой, чем твердая пуля в сплошной оболочке, которая, проходя навылет через тушу, редко кладет зверя на месте и не всегда останавливает его при атаке. Ахиллесова пята тигра — плечо. Как уже упоминалось, тигр с пулей в сердце способен стащить со слона человека и ударом лапы убить его. И все это за несколько секунд, оставшихся в его распоряжении.

Дважды я убивал тигра из винтовки «сэведж» двадцать второго калибра — довольно слабого оружия, так как оба раза под руками не оказывалось ничего более подходящего. В первый раз маленькая пуля угодила тигру между глаз, во второй — перебила ему шейный позвонок (наиболее эффективное попадание, если, конечно, охотник — мастер своего дела).

В случае опасности выстрел в плечо иногда может быть единственным выходом из положения. Результат такого выстрела бывает просто поразителен. Помню, однажды вместе с сэром Норманом Катэром мы выслеживали тигра, который унес жизнь нескольких человек. Организовали загон. Единственный махан, построенный шикари, был расположен в неудобном месте. Вот мы и решили, что лучше всего залечь за кучей хвороста на краю оврага, вдоль которого должен был пройти тигр.

Через четверть часа после начала загона тигр-самец, будто по заказу, вышел из кустарника примерно в тридцати ярдах от нас. Я сделал сэру Норману знак стрелять. Однако он, хотя и был смелым спортсменом, не знал, что в тигра следует стрелять с почтительного расстояния. Заботясь в основном о том, чтобы не выстрелить преждевременно, Норман выжидал до тех пор, пока тигр не подошел совсем близко, на расстояние всего нескольких футов от

места, где мы прятались. Укрытие казалось теперь жалким и ненадежным. Тут мой компаньон встал во весь рост и с завидным хладнокровием выстрелил. Тигр без колебаний прыгнул на нас. Все это время я сидел на корточках, прижав к щеке приклад. Увидев взметнувшегося зверя, я спустил курок. Пуля, пущенная с близкого расстояния, попала тигру в плечо и остановила зверя в полете. Его распластавшийся в прыжке корпус с вытянутыми вперед лапами буквально сложился пополам, потом тигр рухнул вниз и покатился по склону оврага. Я думаю, что он был мертв еще до того, как коснулся земли. Такие случаи бывают, когда охотник использует тяжелую пулю с мягким наконечником. Смерть наступает почти мгновенно.

Для того чтобы убить тигра, не обязательно иметь винтовку или какое-либо другое огнестрельное оружие. Оказывается, иногда бывает достаточно и дубинки.

В один из жарких дней я участвовал в Гвалияре в большой облаве. Вскоре мы наткнулись на следы целого выводка тигров: самца, самки и трех взрослых тигрят. Загон начался в одиннадцать часов. Уже через полчаса мы убили четырех тигров, остался лишь самый большой — самец. Обычно, когда идет облава на семью тигров, самец отходит последним, пропуская самку и тигрят вперед. Теперь же тигр-самец, заслышав впереди выстрелы, пришел, очевидно, к выводу, что следовать за своим семейством неразумно. Решив прорваться назад сквозь линию загонщиков, тигр кинулся на одного из них, опрокинул и вцепился клыками в плечо. Случилось так, что брат несчастного, тоже участвовавший в загоне, находился в это время поблизости. Увидев, что происходит, он подбежал и изо всей силы ударил тигра по голове обитой железом дубинкой. Нанеся зверю страшный удар, брат потерпевшего без оглядки бросился бежать.

Находясь в ста ярдах от загонщиков, я услышал рев тигра, его рычание, затем крики, извещающие о нападении зверя на загонщика. Я быстро прибежал на шум и в изумлении увидел человека и тигра, лежащих бок о бок. Тигр был мертв. Как же так — ведь я не слышал выстрела! Осмотрев голову зверя, я понял, что его череп проломлен ударом дубинки.

Это был фантастический и самый счастливый случай. У человека столько же шансов убить тигра дубинкой, сколько мухобойкой. Не говоря уже о легкости, с которой зверь может сбить с ног человека, тигр способен достать своего противника на гораздо большем расстоянии, чем это кажется. Сам же зверь почти всегда сумеет увернуться, если только внимание его чем-либо не отвлечено. В приведенном случае внимание тигра было, естественно, приковано к несчастной жертве, сваленной им наземь.

Еще более невероятная история произошла с человеком по имени Калу Сингх, служившим надсмотрщиком у владельца конного завода в Колесаре (Раджастхан).

В полумиле от Колесара у подножия холма стояло высокое дерево, окруженное земляным валом, образующим как бы круглый

двор. Во дворе хранился хворост и сухой навоз. В пятидесяти ярдах от дерева пролегала тропинка, ведущая в деревню.

Рано утром крестьяне, проходя по тропинке, увидели за кучей валежника позади дерева полосатую шкуру. Не оставалось сомнений в том, что какой-то бродячий тигр, заметив людей, спрятался за земляным валом. Одного из крестьян отправили в деревню сообщить новость, остальные разошлись по сторонам и установили наблюдение.

Вскоре собралась толпа человек в сто. Если бы тигра оставили в покое, он несомненно ушел бы, но теперь у него, по-видимому, не оставалось другого выбора, как выжидать среди валежника.

Проявив излишнюю уверенность, крестьяне повели себя неразумно. Толпа постепенно все ближе и ближе подходила к валу. Один наиболее любопытный крестьянин в надежде увидеть больше, чем другие, вошел во двор с противоположной стороны. Тут нервы у тигра не выдержали, и он выскочил через вал прямо в толпу. Поднявшись на задние лапы, зверь схватил человека, стоявшего рядом с Калу Сингхом, и бросил его на землю.

Калу Сингх был старый солдат, известный своей храбростью. Он не растерялся и изо всех сил рубанул тигра поперек спины саблей. Зверь плюхнулся животом на свою жертву, царапая когтями землю. Человеку, на которого он свалился, тигр нанес смертельную рану, но и сам никак не мог встать на ноги. Изрядно перепуганные крестьяне бросились бежать в деревню.

Лезвие сабли повредило зверю спинной мозг, и у него парализовало лапы. Он лежал там до тех пор, пока не раздобыли ружье и не прикончили его выстрелом в упор.

В то время Калу Сингху было уже более шестидесяти лет. Несмотря на это, он оставался еще очень сильным и бодрым.

Однажды я сам убил тигра дробью номер семь, применяемой для стрельбы куропаток.

Мы в то время производили эксперименты по акклиматизации африканских львов в Гвалияре. По пути из Шивапури к огороженному участку, где содержались львы, я, сидя позади водителя и спокойно посматривая по сторонам из окна машины, неожиданно увидел тигра примерно в двухстах ярдах впереди. Это был красивый самец — видимо, тот самый, которого так боялись местные жители. Говорили, что этот наглый зверь таскает и режет телят. «Вот прекрасная возможность покончить с хищником»,— подумал я. Но тут же спохватился: во-первых, у меня в машине не было винтовки и, во-вторых, обстоятельства быстро могли измениться не в нашу пользу. Тигр спокойно стоял на середине дороги, повернув голову и прижав уши. Наш маленький открытый «ситроен», видимо, не произвел на него никакого впечатления.

Что делать? Если мы остановимся и развернем машину на этой узкой дороге, тигр набросится на нас. Поэтому я приказал водителю продолжать ехать с той же скоростью — немного меньше тридцати миль в час — и свернуть направо к самой обочине дороги, когда мы поравняемся с тигром. Подъехав почти вплотную, я под-

нял ружье и с трех ярдов выстрелил из обоих стволов в угрожающе рычащего зверя. В ответ раздался страшный рев, но прыжка не последовало. Я обернулся и увидел, как тигр закрутился волчком, поднимая облако пыли и кусая себя в то место, куда попала дробь. Я не разрешил водителю останавливаться, пока мы не отъехали на пятьдесят ярдов. Рев прекратился. Мы успели увидеть, как зверь исчез в высокой траве.

Вечером на обратном пути мы остановились возле места встречи с тигром и я тщательно обследовал кусты у обочины дороги. Я рассчитал, что к этому времени, если тигр даже и решил подкараулить меня, его рана затянется и движения станут менее быстрыми и опасными. Однако мои поиски ни к чему не привели. Быстро опускались сумерки. Я решил вернуться домой. На следующее утро, чуть свет, я поехал туда в сопровождении двух следопытов, вооруженный соответствующим оружием. Светало. Старый кровавый след можно было легко различить. Вскоре мы нашли нашего зверя. Я старался смотреть вперед, а не на след, поэтому увидел тигра первым. Он лежал под кустом в позе, которая не оставляла никаких сомнений в том, что зверь мертв. Повсюду виднелась кровь.

Оказалось, что оба заряда попали прямо в тело тигра: один чуть выше другого. На таком расстоянии дробь летела плотной массой, подобно пуле. Видимо, тигр истек кровью вскоре после того, как был ранен [1].

В другой раз, тоже недалеко от Шивапури, я встретил на дороге двух тигров. Это случилось днем. Наступил сезон дождей, а как известно, в это время тигры предпочитают передвигаться при дневном свете.

Я сидел за рулем «ситроена». Рядом примостился охотник, а два других расположились на заднем сиденье. Неожиданно на обочине дороги показался тигр. Машина двигалась со скоростью около двадцати пяти миль в час. Тигр довольно миролюбиво наблюдал за нашим приближением. Но едва мы проехали двадцать ярдов, как позади нас из кустарников выскочила тигрица и вприпрыжку побежала за машиной. Судя по прыжкам и по тому, как она держала голову, у нее не было никаких серьезных намерений. Она была занята всего лишь веселой игрой: это впечатление подтверждалось и царственным спокойствием тигра. После нескольких прыжков тигрица свернула в сторону, и мы без приключений продолжили наше путешествие. Оба охотника, сидевшие позади, в отличие от меня и моего товарища были менее склонны рассматривать этот инцидент столь легкомысленно.

На этот раз у меня с собой была крупнокалиберная винтовка и можно было уложить одного, а может, и обоих тигров, не выходя из машины. Естественно, я не сделал такой попытки. Предотвраще-

---

[1] Подобный же (и, добавим, исключительно редкий) случай описан русским путешественником и писателем Н. Н. Каразиным, который охотился на тигров в тугаях Средней Азии; см.: Н. Н. Каразин. Охота на тигра.— Мантык — истребитель тигров. М., 1968, с. 113—116.

ние беспорядочного уничтожения диких животных является задачей егеря. Поэтому я никогда не стреляю в тигров, случайно встретившихся мне на дороге, но если мне приходится столкнуться с тиграми-похитителями скота или тиграми-людоедами, то я всегда принимаю решительные меры.

Успех охоты на тигров во многом зависит от удачи: увидит охотник зверя или нет — дело случая. Я бывал на охоте с людьми настолько невезучими, что им не удавалось даже мельком увидеть тигра, хотя они терпеливо просиживали по нескольку ночей подряд у приманок в местах, буквально кишащих хищниками. Другие же встречались чуть ли не через час после начала охоты.

Американец Уинстон-Гест приехал как-то в Джайпур поохотиться на тигров. Он прибыл в Савай-Мадхопур в час дня. После ленча (не самое лучшее время для охоты) мы организовали небольшой загон, а в три тридцать он уже убил прекрасного десятифутового тигра.

Через несколько дней после этой удачной охоты около полудня мы решили пойти поохотиться на куропаток. Но неожиданно я получил с полицейского поста сообщение о том, что в этот день тигр убил четырех человек. Сейчас он скрывается за деревней в нескольких милях к югу от Джайпура. Я пригласил Уинстона-Геста пойти со мной и попытаться выследить тигра-людоеда. Он согласился, и мы отправились в путь.

Около деревни собралась огромная толпа, не менее тысячи человек. Здесь в последний раз видели тигра. Оказывается, зверь, побродив вокруг деревни ночью, залег в высоких хлебах, чтобы переждать день, а потом возвратиться на заросшие лесом холмы в нескольких милях отсюда.

Утром группа крестьян проходила близко от спрятавшегося зверя. Тигр, видимо, испугался, выпрыгнул из засады, убил крестьянина и снова спрятался. Прибежали люди. С обычной в таких случаях безрассудной отвагой они постарались забрать труп односельчанина. Однако попытки отогнать тигра привели лишь к новым жертвам.

Когда мы прибыли на место, зверь уже скрылся в неглубокой лощине, где колючий кустарник и высокая трава обеспечивали ему довольно хорошее укрытие. Выйдя из машины и выяснив, где залег тигр, мы медленно пошли по полю, держась на близком расстоянии друг от друга. Такой вид охоты требует опыта и меткой стрельбы. Вскоре я увидел тигра, лежащего под кустом: он повернул голову в сторону деревни, туда, откуда доносился шум. По моему знаку Уинстон-Гест поднял винтовку и метким выстрелом в затылок уложил тигра на месте. Таким образом, менее чем за неделю американец сумел убить исключительно красивого тигра и уничтожить тигра-людоеда — трофеи, о которых он больше всего мечтал.

На редкость удивительная история приключилась с капитаном Сеймуром. Махараджа Джайпура попросил меня взять Сеймура вместе с его братом капитаном Хеем поохотиться на тигров. Мой друг Раджахирадж Акрол присоединился к нам.

Решено было устроить засаду возле приманки — двух буйволов, которых привязали на расстоянии мили друг от друга. Капитана Хея я взял с собой, а Сеймура направил к Раджахираджу Акролу.

Мы вовремя заняли места на махане. Еще до того, как стемнело, из джунглей вышла тигрица и направилась к буйволу. Однако она никак не решалась броситься на несчастное животное. Отсюда я заключил, что ее самец бродит где-то поблизости. Она, видимо, боялась первой напасть на его добычу. Стемнело. Тигрица так и не притронулась к буйволу. Освещенная лунным светом, терпеливо сидела она на тропинке, совсем рядом с маханом, поглядывая по сторонам. С минуты на минуту должен был появиться тигр. Немного подождав, я посоветовал капитану Хею стрелять. Он выстрелил тигрице в плечо и с шиком свалил хищницу, без сомнения — к величайшему облегчению буйвола. Мы спустились с махана и благополучно вернулись в лагерь.

Позже к нам присоединились остальные охотники. Им повезло меньше. Два тигра подошли к махану: один из них ушел, а второй вскоре набросился на буйвола. Капитан Сеймур, охотник еще неопытный, переволновавшись, как он сам в этом признался, выстрелил прежде, чем успел прицелиться: довольно обычная история, когда нервы перенапряжены от долгого ожидания. В результате тигр скрылся, отделавшись легким испугом.

На следующий день оба наших гостя сели на утренний поезд и уехали. Спешить было некуда, и я решил осмотреть следы возле махана, с которого незадачливые охотники видели двух тигров. Пока я бродил вокруг махана, мои проводники обнаружили кровавые следы и криками подозвали меня к ним. Я с интересом стал осматривать найденный след. Осторожно пройдя по нему несколько десятков ярдов, мы увидели крупного тигра-самца, лежащего в луже крови.

Осмотрев местность, мы все сразу поняли. Благодаря исключительно счастливому стечению обстоятельств шальная пуля попала совсем в другого тигра. Тот, видимо, бродил вокруг, не решаясь подойти к буйволу, принадлежащему его сопернику. В то же время хищник и не хотел совсем уходить отсюда. Я никогда больше не сталкивался с подобным случаем.

Удивительно удачная охота была проведена однажды в Гвалияре. Мы решили организовать загон на участке, где, по слухам, водилось много тигров. На дне оврага шириной в пятьдесят ярдов были сооружены на деревьях два махана. На одном из них сидели я и мистер Крамп, в то время как раджа Пахаргарха, полковники Хачисон и Коллинс устроились на другом.

Дно и края оврага перед маханами заросли густой травой и кустарником вперемежку с большими деревьями. Прямо по фронту заросли расступались таким образом, что любой крупный зверь при своем приближении сразу же оказывался у нас на виду. Через десять минут после того, как мы услышали вдалеке шум, производимый загонщиками, меня словно током ударило. Сквозь кустарник

прямо на нас спокойно двигалось целое семейство: взрослый самец, тигрица и три молодых тигра.

Дальше произошло нечто поразительное: все пятеро — Крамп, два английских полковника, раджа и я выстрелили так, как будто заранее согласовали свои действия. Это было тем более удивительно, что мы с раджей, будучи опытными охотниками и хорошо знавшие местность, никак не могли дать совета нашим компаньонам, так как нас все равно не услышали бы на другом махане.

Тигры шли беспорядочно. И пока передний не подошел на тридцать ярдов к махану, где сидели мы с Крампом, никто не стрелял. Затем в течение нескольких секунд почти одновременно прозвучали выстрелы: четыре тигра упали замертво, а пятый — раненый — повернул и побежал назад. Пробежав пятьсот ярдов, он также испустил дух. Остается только удивляться тому, что каждый охотник стрелял по «своему» тигру, хотя заранее мы об этом не сговаривались. Естественно, все охотники были очень довольны добычей и с большой радостью сфотографировались рядом с трофеями.

Иногда случается, что два человека стреляют одновременно, из-за чего трудно бывает определить, чья пуля попала в цель.

Как-то раз я организовал загон для охоты на тигра. Соорудили два махана: на одном из них сидели махараджа Джайпура и его друг, американец, а на другом я с махараджей Симура. Загонщики выгнали тигра. Он появился на расстоянии тридцати ярдов от обоих маханов. Я предложил моему спутнику выстрелить. Однако, когда он поднял винтовку, зверь заметил движение и повернулся к нам, рыча и поводя хвостом. Тем не менее выстрел раздался. Тигр упал и остался лежать неподвижно.

Поскольку зверь был виден и с другого махана, американец тоже выстрелил. Оба выстрела прозвучали одновременно. Во всяком случае, так решили не только мы, но также загонщики и наблюдатели. Конечно, на обоих маханах считали, что смертельная пуля была выпущена с их стороны, и, едва спустившись на землю, оба охотника стали претендовать на тигра. Махараджа Симура сказал, что стрелял в голову, а американец утверждал, что в плечо.

Однако когда я начал осматривать зверя, то вообще не обнаружил никаких следов ранения. Шкура была совершенно цела. Вокруг собралась большая толпа. Я крикнул, что тигр, возможно, еще жив. Людей как ветром сдуло. Мои спутники торопливо зарядили свое оружие. Однако тигр лежал неподвижно. Случай действительно был курьезный: зверь, очевидно, испустил дух именно в тот момент, когда оба охотника выстрелили.

Я детально осмотрел пасть тигра и обнаружил небольшое отверстие под языком. Пуля, очевидно, попала в его раскрытую пасть, отсюда проникла в самое уязвимое место — верхнюю часть шейного позвонка — и убила зверя наповал.

Эти случаи говорят о том, что самообладание даже в минуту самой отчаянной ситуации позволяет получить один-единственный шанс, который судьба всегда оставляет в запасе.

Новые сюрпризы

Люди, не знакомые с повадками диких животных, часто удивляются, обнаружив, что звери, которые обычно благоразумно избегают человека, попав в трудное положение, не обращают на него внимания или даже ищут его общества. Правда, это больше относится к местам, подобным моему родному Раджастхану, где население не так плотно и где диким зверям не приходится часто встречаться с человеком. Иное дело в густонаселенных и цивилизованных районах, где нет ни джунглей, ни кустарников...

В молодости я был большим любителем охоты с собаками. Вспоминаю случай, когда заяц, не зная, что именно я спустил на него собак, искал спасения у ног моей лошади. К моему стыду, собаки растерзали зайца прежде, чем я смог спасти его.

Или взять, например, замбара — крупного индийского оленя, принадлежащего к числу очень пугливых животных. Он обладает исключительно тонким обонянием, и на него очень трудно охотиться. Почуяв опасность, замбар сломя голову несется прочь. Тем не менее я знаю несколько случаев, когда замбар явно искал у человека помощи.

Находясь однажды в охотничьем лагере Савай-Мадхопур, я отправился на поиски замбара со своим другом, собиравшимся скоро покинуть Индию. Оленей в тамошних местах водилось множество, однако после целого дня поисков мы не нашли ни одного из них. Вечером за ужином мой друг совершенно расстроился. Я обещал ему, что до отъезда он если не подстрелит, то по крайней мере увидит оленя.

Утром мы завтракали под тентом. И вдруг увидели исключительное зрелище: замбар, крупный рогатый самец, перепрыгнул через шестифутовый забор, которым был обнесен лагерь, пронесся под нашим тентом и вновь вырвался на свободу, перемахнув через противоположную стену. К счастью, ни у кого не оказалось под руками винтовки. Мой друг был рад, хотя бы тому, что увидел великолепное животное, промчавшееся в нескольких шагах от нас.

Я пошел посмотреть, что послужило причиной столь странного поведения замбара, и вскоре все понял. Стая красных волков[1] преследовала оленя. Хищники не осмелились идти по следу через территорию лагеря и прекратили преследование. Я думаю, что зам-

---

[1] Красные волки (Cuon alpinus) — хищники из семейства собачьих, столь красочно описанные Р. Киплингом в его книге «Маугли» В популярной литературе их нередко ошибочно называют «красными собаками», «дикими собаками» и т. д.; возможно, ошибка происходит от буквального перевода с английского (Dog wild or red). Красный волк — редкий зверь, встречается у нас в горах Средней Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока; внесен в «Красную книгу СССР». Биология красного волка изучена плохо. Охотятся они стаей, перед нападением которой не может устоять ни один хищник. Известны случаи, когда красные волки разрывали на части даже тигра (К. Андерсон. Черная пантера из Шиваннпали, с. 13—14).

бар, спасаясь от волков, мужественно пересек наш лагерь, хотя там и было много народу. Замбар сознательно использовал нас как защиту от гораздо более грозной опасности.

Охотники, находившиеся в лагере, не могли поверить своим глазам, но я-то знал, что такое красные волки, и не рассматривал этот случай как из ряда вон выходящий. Страх, который внушают оленям эти звери, не поддается описанию.

Однажды я шел с товарищем по лесу. Внезапно послышался шум, и мы заметили бегущую самку замбара. Увидев нас, она остановилась, повернула назад и, к полному моему изумлению, пошла прямо на меня. Меньше чем за десять ярдов она, дрожа всем телом, вновь замерла на месте. Винтовка у меня с собой была, но я даже не пошевелился, желая разобраться в причине столь странного поведения животного. Через несколько секунд на поляну выскочила свора красных волков. Они остановились на открытом месте и смотрели на нас, разинув пасти и высунув языки.

Ну, теперь пришло время действовать. Я прицелился в вожака и убил его. Волки не обратили никакого внимания на мой выстрел. Не сдвинулась с места и самка замбара. Не желая признавать своего поражения, я пристрелил второго волка, а затем и третьего. Последний выстрел не был смертельным, зверь издал дикий вопль, после чего вся свора исчезла в лесу. Как только они убрались восвояси, самка замбара затрусила в противоположном направлении. Я попытался разыскать след раненого красного волка. Однако у меня не было собаки, и я, конечно, не смог выследить подранка.

Еще более странная история произошла с двумя охотниками, когда они один за другим пересекали верхом на верблюдах участок труднопроходимой полупустынной местности. Неожиданно верблюд, который шел последним, к неудовольствию своего всадника, стал проявлять признаки беспокойства. Охотник обернулся и с ужасом увидел с полдюжины красных волков. Думая, что волки преследуют верблюда и, может быть, даже собираются напасть на него, он закричал. Ехавший впереди его товарищ тоже обернулся и остолбенел: под брюхом последнего верблюда спрятался маленький олененок. Беспокойное поведение верблюда объяснялось его попытками прогнать прочь малыша. А тот, понимая, что его могут растерзать волки, готов был пострадать от верблюда, лишь бы отделаться от хищников.

Первый охотник быстро оценил обстановку. Он крикнул своему товарищу:

— Поворачивай верблюда и гони волков!

Так они и сделали. Тем самым охотники помогли бедному маленькому олененку избежать грозящей ему опасности.

Поведение животных, спасающих свою жизнь, бывает очень странным, но его еще можно как-то объяснить. Удивительно, что даже тигры, исчерпав все возможности к спасению, прибегают к тому, кого больше боятся,— человеку.

Несколько лет назад крестьяне из деревни Бишангарх пришли в мою контору и сообщили, что у них в хижине заперт тигр. Инфор-

мация была настолько неправдоподобна, что я попросил их спокойно и подробно рассказать все с самого начала.

На краю деревни находилось несколько хижин семьи Мина. Две из них были обнесены плетеным забором, образующим маленький дворик. Примерно в девять часов утра хозяйка вышла во двор и занялась приготовлением пищи. Невдалеке у порога одной из хижин играли двое ее маленьких детей — четырех и шести лет. Внезапно она заметила какое-то движение. Подняв глаза от очага, женщина увидела большого тигра, входившего во дворик. Она застыла на месте от страха. Тигр, не обращая никакого внимания на нее и на детей, стоявших у него на пути, направился прямо в ближайший дом.

Как только зверь вошел в хижину, женщина схватила детей и бросилась к соседям. Собралась толпа. Никто не хотел верить ее рассказу, пока несколько мужчин не перелезли через ограду и не увидели огромных следов тигра у дверей хижины. Собрался совет. Было решено запереть тигра. Однако дверь открывалась внутрь, и никто, естественно, не хотел подойти к ней. Тогда решили притащить большой щит, сплетенный из колючего кустарника, и им потихоньку закрыть дверь. Так и сделали, причем тигр на это не прореагировал. Двое крестьян побежали за подмогой.

Трудно было в это поверить. Но я понял, что только из ряда вон выходящее событие могло заставить крестьян оставить свои дома и пройти такое большое расстояние в сравнительно короткое время. Прихватив винтовку, я на машине отправился в дорогу в сопровождении охотника и двух крестьян. Примерно к пяти часам вечера мы приехали в деревню.

Наиболее любопытные крестьяне стояли неподалеку от двери хижины. Следы тигра были тщательно сохранены. Я осмотрел их. Не оставалось никаких сомнений, что тигр находится в хижине. Но что заставило хищника нанести столь странный визит? Как бы то ни было, зверю не место в человеческом жилище. Следовательно, нужно было покончить с ним как можно скорее.

Разобрать колючую баррикаду в дверях? Этот вариант не вызвал у меня энтузиазма. В хижине не было окон. А что, если взобраться на крышу и попробовать проделать там небольшое отверстие? Так я и поступил. Изнутри сильно запахло тигром, однако когда я заглянул в темноту, то не увидел зверя. Тигр даже не пошевелился.

Я попросил охотника передать мне электрический фонарь и, приспособив его к стволу винтовки, стал медленно прощупывать лучом небольшое помещение. Крупный зверь сидел в углу, плотно прижавшись к стене. Понимая, что он почти наверняка прыгнет на свет, я быстро прицелился, выстрелил и отскочил назад. Послышалось глухое ворчание, затем тишина... Ни ударов по тонким стенкам, ни грозного рычания, от которого у человека захватывает дух. Подождав минут пять, я вновь включил фонарь и посмотрел вниз. Тигр лежал, распластавшись на полу в небольшой луже крови. Я немедленно спустился с крыши и попросил крестьян убрать щит.

Как только он был снят, труп тигра вытащили во дворик, где я смог осмотреть зверя.

Это был самец средиего размера, страшно изувеченный. Шея была покрыта ранами, которые буквальио кишели паразитами. Раны, видимо, наиес ему другой тигр во время схватки. Все они были иа шее, и бедный зверь ие мог их зализать. Ои, должно быть, находился в отчаянном положеиии, если среди бела дня вошел в человеческое жилище, движимый, может быть, туманной надеждой на помощь и отдых. К иесчастью, зверь приiадлежал к семейству слишком опасных хищников, чтобы его можио было оставить в покое. По крайней мере быстрая смерть в хижине спасла тигра от невыносимых болей, которые мучили бы его еще несколько дней или даже иедель.

В этом случае смертельно раненный тигр трогательно продемонстрировал миролюбивое отиошение к людям, к которым ои, по всей видимости, стремился. Но в другом случае дело приняло совсем иной оборот.

Однажды вечером в мою контору поступило сообщеиие, что в долине Джалауна (район, расположенный недалеко от гробницы богини Деви) появился тигр и в один день убил трех крестьян. Сложилось впечатлеиие, что зверь бродил вокруг населенного пункта как одержимый, нападая на каждого, кто имел несчастье попасться ему.

На следующее утро я с небольшой группой проводников верхом на слонах отправился в путь и в полдень был уже в храме. Там во дворе мы увидели взбудораженных рабочих. Они рассказали, что примерно час назад видели тигра. Это случилось около храма, недалеко от колодца. Незваный гость погнался за ними. К счастью, они заметили его вовремя, успели добежать до двора. Увидев слонов с вооруженными людьми, рабочие, набравшись храбрости, открыли ворота. Рядом с колодцем, где утром трудились рабочие, стояло небольшое корыто с разведенной известью. Насколько можно было судить по следам, тигр случайно угодил в корыто. Некоторое время мы шли по белым пятнам, пока они не исчезли в густом кустарнике. Сидя на слонах, мы с помощью проводников продолжали поиски до наступления темноты, но безуспешно.

Рано утром мы снова отправились в путь, и вскоре наше внимание привлекли коршуны и вороны, кружившиеся над кустарником. Нетрудно было догадаться, что там они нашли какую-то падаль. Мы пошли в этом направлении и набрели на жертву, а на самого тигра. Так же как и у тигра, забравшегося в хижину крестьянки, у него на шее зияли глубокие раны. Это, очевидно, и послужило причиной его смерти.

Оба происшествия я могу засвидетельствовать лично. А третий случай мне рассказал инспектор лесов в Нилгири[1], и у меня нет никаких оснований сомневаться в его достоверности.

[1] Нилгири — горный массив на юге полуострова Индостан; высшая его точка — гора Додабетта (2633 м над уровнем моря).

Однажды во время обхода инспектор остановился переночевать в лесной сторожке. Было жаркое время года. Он и его помощник сидели за столом спиной к открытой двери и изучали при свете керосиновой лампы карту, обсуждая планы обхода леса на следующий день. Разговаривая, мой друг почувствовал, как кто-то нежно трется о его ногу. «Собака»,— подумал он. Хотя внимание лесника было поглощено картой, у него все же вдруг мелькнула мысль, что собаки не было ни у него, ни у его помощника. Он резко отпрянул назад, заглянул под стол и... увидел полосатую шкуру: тигр!

Инспектор, стараясь сохранить спокойствие, объяснил помощнику, кто лежит под столом. Вместе они поднялись, неторопливо вышли из комнаты, быстро захлопнули и заперли дверь. Пройдя по веранде в спальню, инспектор схватил винтовку и зарядил ее. Верхняя часть двери комнаты, где они прежде сидели, была застеклена. Заглянув через стекло, инспектор увидел тигра, все еще лежавшего под столом. Теперь можно было стрелять. Инспектор выбил стекло и уложил тигра первым же выстрелом. Осмотр показал, что и этот зверь также когда-то был тяжело ранен.

Чем больше человек наблюдает жизнь диких животных, тем лучше начинает понимать, как мало он о них знает.

Я уже описал несколько встреч с тиграми, включая случай, когда тигрица, играя, бежала вприпрыжку за машиной. Эти эпизоды не так уж необычны. В определенное время года тиграми овладевает дух бродяжничества; и если кто-нибудь, проезжая по району, где часто встречаются тигры, увидит полосатого зверя, сидящего на обочине, то в этом не будет ничего удивительного.

Однако случай, который произошел с одним моим знакомым страховым агентом на трассе Дели-Джайпур, относится к совершенно иному типу. Агент ехал по крутой дороге в закрытом «шевроле», когда увидел прямо перед собой крупного тигра, с важным и задумчивым видом сидевшего в полном одиночестве прямо на середине дороги. Оба — и тигр и шофер — были удивлены. Ни одна из сторон не могла избежать столкновения, и это обстоятельство, без сомнения, послужило причиной невероятного поведения тигра. Он прыгнул на переднее стекло и разбил его. Машина шла на большой скорости. Зверь не смог уцепиться когтями за твердую и гладкую поверхность капота и после нескольких секунд балансирования соскользнул на землю. Все это напоминало цирковой аттракцион. Надо отдать должное хладнокровию и искусству водителя. Если бы он потерял присутствие духа и бросил руль, то наверняка разбился бы.

Однако самая необыкновенная из всех подобных встреч, известных мне, произошла с тремя велосипедистами на дороге в городок Амбер.

Около города дорога идет под уклон, проходит по узкому каньону глубиной в пять футов и круто поворачивает внизу. Когда первый велосипедист, оторвавшись на несколько метров от остальных, повернул за угол, огромный тигр прыгнул с откоса на дорогу прямо перед ним. Мужчина закричал и, на свое счастье, упал с велосипе-

да. Прокатившись несколько метров по инерции, велосипед ударил тигра. Тигр бил лапами по переднему колесу, однако оно продолжало вращаться. В это время из-за поворота появились два других велосипедиста. Они уже не могли остановиться, хотя нажимали изо всех сил на тормоза, и налетели на тигра. Увидя вокруг себя людей и груду велосипедов, тигр исчез в джунглях. Не считая нескольких царапин, полученных при падении, никто из велосипедистов ранений не получил.

Впервые я услышал об этом, когда трое пострадавших, сопровождаемые товарищами, пришли ко мне в контору и заявили, что на них напал тигр-людоед. Они попросили меня немедленно уничтожить зверя. Расспросив их и узнав, что единственный ущерб, нанесенный тигром,— несколько сломанных велосипедных спиц, я отказался преследовать зверя. Из их же собственных слов явствовало, что тигр, о котором шла речь, был исключительно миролюбив.

На следующий день я оказался по соседству с местом, где произошло это необыкновенное происшествие. Ко мне подошел чокидар[1] и сообщил, что тот же самый тигр несколько часов назад неподалеку отсюда убил человека. Он рассказал, что знает, где было совершено нападение, и видел следы, ведущие в джунгли. Сторож добавил, что слышал крики обезьян и птиц, свидетельствующие о присутствии тигра в этом районе.

Я попросил его проводить меня на место. Там, недалеко от тропинки, виднелись следы крови, которые вели в высокую траву и кустарник. Пройдя около ста ярдов по следу, я наткнулся сначала на тюрбан, а затем на рубашку, зацепившуюся за колючий кустарник. Немного дальше лежал полуобнаженный труп мужчины с необыкновенно светлой кожей и золотыми серьгами в ушах. Рядом с телом валялся кошелек, в котором я нашел пять рупий и восемь анн.

На горле у человека — две глубокие раны. Длинная рана — около шести дюймов — была также и на животе. Осматривая голову мужчины, я понял, что ему был нанесен удар, достаточно сильный, чтобы проломить череп.

Все это несколько озадачивало. На пыльной дороге, где человек якобы был сбит с ног зверем, я не смог обнаружить каких-либо следов лап тигра. Зато кругом наследили люди. Это не давало основания для окончательных выводов, но тем не менее вызывало известное недоумение. Еще больше я удивился при осмотре тюрбана и рубашки. Они были аккуратно развешаны на кустарнике. Ничего подобного тигр сделать не мог. Странно выглядели и раны: не заметно было следов ни от клыков, ни от когтей тигра. Более того, три раны даже не кровоточили. Скорее всего, они были нанесены не когтистой лапой, а ножом или крюком спустя некоторое время после смерти, которая, вероятно, наступила от удара по голове. Деньги и серьги в ушах были, без сомнения, оставлены в

[1] Чокидар — профессиональный сторож.

наивной надежде создать иллюзию, будто злодеяние совершено зверем. Однако это говорило лишь о том, что человека убили совсем не с целью мелкого грабежа.

Дальнейшее ведение дела совершенно не входило в мои полномочия. Но история, рассказанная чокидаром, о том, что он слышал крики обезьян и птиц, была слишком подозрительной, поэтому я забрал его с собой и передал в полицию. С моей точки зрения, речь здесь шла, по-видимому, об убийстве.

Расследование показало, что чокидар не был убийцей. Он лишь всего-навсего предложил свои услуги в качестве лжесвидетеля. Преступление совершил человек, который хотел жениться на вдове убитого. В данном случае преступнику не повезло.

Тигр, повстречавшийся с велосипедистами в Амбере, не причинял больше никакого беспокойства. Но я знал пантеру, которая бросалась на машины, как это иногда делают бродячие собаки.

Однажды вечером после теннисной партии в клубе я возвращался домой из Шивапури в небольшом открытом «остине». Был тот самый неприятный момент, когда спускаются сумерки и видимость резко ухудшается. Фары здесь мало помогают. Поэтому я вел машину на небольшой скорости, не включая дальний свет. Внезапно что-то привлекло мое внимание справа на обочине дороги. Это была пантера. Она лежала, плотно прижавшись к земле, уверенная, что ее никто не видит. Как только я проехал мимо, пантера поднялась и, словно собака, помчалась вслед за машиной. Теперь я уже мог разглядеть крупного самца. Отстав от машины, он остановился точно с таким же разочарованным выражением, какое бывает у собак в подобных случаях.

Впоследствии эта пантера стала слишком навязчивой. Она шныряла вокруг теннисного клуба в надежде полакомиться нашими собаками — ведь все пантеры любят собачье мясо. Она появлялась всегда в тот момент, когда под руками у меня не было ни ружья, ни винтовки.

Примерно в четверти мили от клуба через реку был перекинут узкий мост около пятидесяти ярдов длиной. Однажды вечером после игры в теннис я ехал на машине со своим другом и заметил впереди на дороге пантеру, преградившую нам путь на мост. Видя, что мы не собираемся останавливаться, она, вместо того чтобы прыгнуть в сторону, повернулась и побежала по мосту. Спустя несколько ярдов пантера замедлила бег. Естественно, что и мне пришлось снизить скорость. Поскольку мы были вооружены всего лишь теннисными ракетками, а пантера, по всей видимости, не намеревалась унизить свое достоинство ни позорным бегством, ни прыжком в воду, нам не оставалось ничего иного, как почтительно ползти вслед за ней. Когда мы достигли конца моста, мотор едва не заглох; как только дорога стала шире, пантера великодушно уступила нам путь.

Однажды, собираясь поиграть в теннис, я прихватил свой штуцер-экспресс, чтобы покончить с этой хитрой пантерой. Но она

больше не появлялась. Может быть, хищница решила, что она достаточно уже испытывала свою судьбу.

Интересно отметить, что самую красивую пантеру, которую я когда-либо видел, мы встретили случайно на большой дороге. Как-то я выехал, чтобы проверить сообщения о тигре, замеченном в лесу Бодель к югу от Джайпура. Со мной были гости махараджи — раджи Сахиб из Кахари и его сын. Мы выехали рано. Не обнаружив никаких признаков тигра, разочарованные, мы повернули назад к лагерю. Время шло к полудню, и тут впереди машины я увидел нечто похожее на большой грязный узел. Мы продолжали ехать, не снижая скорости, когда узел — теперь уже в ярдах пятидесяти от нас — внезапно превратился в большую пантеру.

Зверь не торопился уходить. Слегка напуганный нашим приближением, он сошел с дороги, повернул голову в нашу сторону и зарычал. Мы проезжали мимо пантеры на довольно близком расстоянии. Надо сказать, что даже с такой дистанции выстрел из двигающейся автомашины — не простое дело. Однако раджа Сахиб быстро зарядил винтовку и выстрелил в голову рычащего зверя. Убитая наповал, пантера свалилась на дорогу. Когда мы вернулись, чтобы посмотреть на зверя, то убедились, что это было прекрасное животное длиной в семь футов десять дюймов от носа до кончика хвоста. Раджа заметил, что ему до сих пор никогда не удавалось с такой легкостью убить красивую пантеру.

Иногда любопытство тигра при встрече с машиной приводит его к интересным приключениям.

Один охотник как-то ехал на легковом автомобиле с затемненными стеклами. На расстоянии тридцати ярдов от себя он неожиданно увидел тигра, занятого трапезой. Остановившись, охотник начал наблюдать за зверем. Тигр тоже не остался равнодушным. Оставив убитое животное, он подошел к машине и, явно заинтересованный, подверг ее тщательному осмотру. Поскольку стекла были затемнены, он не мог видеть, сидел ли кто-нибудь внутри. Тигр прислушивался, присматривался и обходил машину кругом. В конце концов он дошел до выхлопной трубы, и в нос ему ударили газы от работающего мотора. От удивления тигр даже подпрыгнул. Явно оскорбленный, зверь повернулся и медленно, с достоинством удалился в джунгли.

Владыка джунглей

Тигр в расцвете сил — хозяин джунглей, и все другие обитатели его охотничьего участка[1] должны это признавать. Если они

[1] Площадь охотничьего участка тигра различна в разных районах земного шара и зависит от количества дичи: чем выше ее плотность, тем меньший участок может прокормить тигра. Для нормального существования тигра в Индии ему нужна территория от двух до шести — восьми тысяч гектаров.

бросают ему вызов, то этот зверь будет драться даже с самым сильным из них.

В отношениях с другими крупными животными Индии взрослые тигры-самцы ведут себя с достоинством, граничащим с чувством превосходства. Они как будто понимают, что должны поддерживать свою репутацию и защищать высокое положение даже с риском для жизни.

Вблизи Савай-Мадхопура находится очень хорошее пастбище, где ночью пасутся стада буйволов под надзором одного-двух пастухов. Часто тигры бродят вокруг их стад в надежде схватить какое-нибудь отбившееся животное. Буйвол обладает очень хорошим чутьем. Почувствовав запах хищника, взрослые быки образуют кольцо вокруг буйволиц и телят, сгрудившихся в центре. Такое кольцо практически неуязвимо до тех пор, пока животные остаются настороже, поэтому тигр обычно ищет отставшего буйвола, стремясь разделаться с ним прежде, чем тот успеет достичь безопасного места. Когда опытный тигр нападает на взрослого буйвола, он старается наброситься на него сзади, с тем чтобы перегрызть сухожилия на задних ногах. Как только животное захромает, его участь решена. Если даже буйвол и вернется в стадо, ему все равно придется плестись в хвосте, когда стадо двинется на новое пастбище.

В Ране Хиндола, по соседству с упомянутым пастбищем, произошел любопытный (и, добавим, печальный) случай. Годовалый телок был привязан под маханом в качестве живой приманки, чтобы привлечь одного из тигров, бродивших в этом районе. На махане тем временем разместились мои шикари.

Ночью появилась тигрица и набросилась на телка. Бедное животное издало предсмертный крик. И тут шикари, сидевшие в засаде, увидели при лунном свете огромного буйвола, примчавшегося на помощь. Он прогнал прочь тигрицу, не выдержавшую натиска быка, а затем встал на стражу останков теленка и бродил здесь до тех пор, пока утром его не отогнали мои люди.

На следующую ночь была привязана новая жертва. Мы не думали, что тигрица вернется к убитому животному, от которого ее отогнали накануне ночью, и надеялись подманить тигра-самца. На этот раз теленок громко замычал еще до появления тигрицы. Бык прибежал немедленно и успел его спасти. Шикари не видели тигрицу, но обнаружили много ее следов вокруг.

И на третью ночь буйвол спас теленка. На четвертую ночь пришел тигр-самец. Он сразу же принял вызов и начал кидаться на буйвола то с одной, то с другой стороны. В конце концов ему удалось перегрызть сухожилия, а затем переломать задние ноги быка, после чего храбрый буйвол оказался полностью в его власти. Тигр несомненно устал от борьбы, а возможно, и был ранен. Во всяком случае, он не пытался напасть на телка и съесть его. Он наверняка мог бы найти себе жертву где-нибудь в другом месте и разделаться с ней более легким способом, вместо того чтобы лезть

в драку с крупным буйволом — вожаком стада. Я думаю, что тигр вообще ни перед кем не отступит, кто станет между ним и его добычей.

Эту черту характера тигра еще ярче подтверждает история, услышанная мной из самых достоверных источников. Случилось это в Ассаме. Там, в лесах, водятся дикие слоны. Три или четыре года назад на тигра, задравшего слоненка, напал взрослый слон. Вместо того чтобы убраться подобру-поздорову, тигр не отступил. Прыгнув слону на спину, хищник стал рвать и грызть его. Битва продолжалась долго. Слон, очевидно, мчался сквозь чащу леса, пытаясь сбросить тигра. Ему, видимо, удалось достичь цели, но это привело лишь к тому, что тигр после короткой передышки вновь напал на слона.

Схватка произошла недалеко от отеля, расположенного в лесу. Всю ночь обитатели отеля не спали из-за шума, производимого дерущимися животными. Временами прерывистое рычание тигра заглушало даже дикий рев слона. Утром все кинулись на место ночной битвы и восстановили по следам ход событий. Тигр одержал верх в этой схватке. Охотники нашли останки слоненка и огромную изувеченную тушу слона. Тигр исчез. Если он даже и был смертельно ранен, что вполне вероятно, его все равно следует считать победителем.

В обоих этих случаях тигр убил противников, намного превосходивших его размерами.

Однако я знаю по крайней мере один случай, когда тигр попал в весьма неприятное положение, столкнувшись с менее сильным соперником.

Человек, который по различным деталям восстановил картину происшедшей битвы, был профессиональным охотником, привыкшим читать следы.

Небольшая долина Сингхпур Кхо в Гвалияре считалась охотничьим участком тигра. Обычно дикие свиньи избегают таких мест, но иногда крупные кабаны, понадеявшись на свою силу, нарушают границы владений хозяина джунглей. В данном случае тигр, очевидно, встретился с кабаном в центре долины и решил расправиться с незваным гостем, а попутно и обеспечить себя ужином. Кабан хотел скрыться, но не сумел проскочить мимо тигра и вынужден был принять бой.

Когда кабан попадает в подобное положение, он пытается обычно обезопасить свой тыл. Следы копыт, оставшиеся на земле, ясно свидетельствовали о том, что кабан сумел прижаться задом к большой скале. Как только тигр появлялся перед ним, кабан, видимо, атаковал его, когда же тигр отступал, кабан отходил к скале, уверенный в том, что его тыл прикрыт.

Звуки битвы — хрипы, визг, рычание — слышали несколько человек от полуночи до утра. На рассвете любопытные крестьяне и егеря пришли посмотреть, что произошло. Мертвый кабан — его тело было еще теплым — лежал под скалой. Он был изувечен,

однако труп так и остался нетронутым. Причина скоро стала ясна: один из егерей нашел изуродованной и полуразложившийся труп тигра [1].

Тигры очень любят свинину. Это их лакомое блюдо. Известны случаи, когда тигр наказывал даже вооруженных людей, вторгавшихся в его «свинофермы».

Вот что произошло однажды с двумя браконьерами и их слугой. Они ехали на джипе — впереди охотники, позади слуга. Чтобы было удобнее стрелять, переднее стекло джипа опустили. Охотники пересекли границу княжества Джайпур и направились в долину, где рассчитывали найти зверя. Вскоре они свернули на проселочную дорогу и двинулись к небольшому озеру, куда приходили на водопой различные животные.

Стало совсем темно, когда неподалеку от озера свет фар выхватил из тьмы целое стадо диких свиней. Животные бросились врассыпную. Хотя охота на свиней в это время была запрещена, оба браконьера выстрелили. В азарте никто из охотников не заметил тигра. Между тем хищник тоже подкрался к стаду и занял позицию рядом с кустарником, где браконьеры оставили свою машину. После выстрела оба охотника выскочили из машины и побежали к воде, чтобы забрать убитую свинью. Однако она оказалась тяжелой, и они кликнули слугу, чтобы тот помог дотащить добычу. Не получив ответа, браконьеры решили, что слуга побежал за одним из раненых животных. Бросив тушу свиньи в машину, они долго бродили вокруг, разыскивая слугу, но затем, опасаясь, что их поймают с поличным, уехали. Наутро, спрятав свинью, они вернулись и примерно в пятидесяти ярдах от места, где останавливались предыдущей ночью, нашли изуродованное тигром тело мужчины.

Следы лап ясно говорили о происшедшем. Зверь находился в засаде рядом с джипом и был, без сомнения, взбешен действиями браконьеров, охотящихся на его территории. В то время, когда они сидели в машине, или же после того, как побежали к убитому кабану, тигр набросился на слугу и быстро утащил его прочь. По ранам на горле нетрудно было установить, почему жертва не издала ни единого звука. Дело в том, что тигры, особенно людоеды, часто хватают людей так, что те не успевают даже крикнуть. Впоследствии, расследуя этот случай, я пришел к выводу, что тигр не

---

[1] Кабан действительно любимая и во многих районах обитания тигра основная его пища. Однако если молодые кабаны и самки сравнительно легко попадают на «обед» к могучему хищнику, то нападение его на взрослого самца (секача) не всегда кончается благополучно для тигра. Кабан-секач вооружен острыми клыками, защищен крепкой кожей и толстым слоем жира. Вот это-то сочетание средств защиты и нападения и делает секача столь опасным противником даже для тигра. Случаи гибели тигра от клыков кабана, подобные описанному Сингхом, известны и в других районах обитания этого хищника (Средняя Азия, Дальний Восток). Именно потому тигр и избегает нападать на секача в том случае, если видит, что последний его заметил.

был людоедом: последние редко охотятся за дикими кабанами. Зверь просто решил отомстить[1] за вторжение.

Печально, что именно слуга — может быть, единственный ни в чем не повинный член этой компании — расплатился за своих хозяев-браконьеров.

Тигры в неволе. Леопард в туннеле

В своей практике я всегда строго придерживался правила — не стрелять в тигриц с тигрятами. Можно только сожалеть, что самка с тигрятами иногда становится жертвой случайного выстрела, особенно во время азартного загона, в ходе которого она покидает тигрят.

Когда используют приманку для тигра, подобная ошибка почти невозможна, поскольку уже с месячного возраста тигрята сопровождают мать в ее охотничьих экспедициях и если даже сами они не попадаются на глаза охотникам, то следы их маленьких лап, как правило, не ускользают от внимания шикари. Когда же тигрята еще слишком слабы, чтобы выходить из своего убежища, то у кормящей тигрицы больше шансов распроститься с жизнью по ошибке. Это маловероятно лишь в том случае, если о существовании тигрицы с выводком знают те, кто несет ответственность за охрану дичи в этом районе. Но в случаях, когда животное становится опасным для населения, его необходимо преследовать, не обращая внимания на то, есть у него выводок или нет. Большинство тигрят, попавшихся в мои руки, родились от тигров-людоедов.

Впервые мне пришлось, самому того не желая, охотиться за тигрятами после встречи с тигром-людоедом недалеко от Лохагари. Это место в пустыне Раджастхана славится своим оазисом и гробницей, к которой постоянно тянутся паломники. Кормящая тигрица становится иногда, может быть из-за большей потребности в еде, беспощадным людоедом. Тигрица, о которой я узнал, приобрела ужасную привычку: она пряталась в кустарнике, подкарауливая сборщиков хвороста. Улучив момент, бросалась на свою жертву и тащила ее прочь, разделяя, без сомнения, добычу со своими двумя тигрятами.

---

[1] Подобный же случай описан В. К. Арсеньевым. Дело происходило в 1925 г. на реке Пихцу в Хабаровском крае. «Один охотник нашел кабана, задавленного тигром. Вместо того, чтобы поскорее уйти отсюда в другое место, он забрал кабана с собой. Не успел человек этот отойти с ношей и одного километра, как на него напали сразу два тигра. Звери поделили добычу. Один взял охотника, а другой кабана» (В. К. Арсеньев. В дебрях Приморья. Изд. 2. М., 1934, с. 265). Видимо, и в этом случае тигры решили отомстить человеку, так как ни о каких тиграх-людоедах в 20-х годах нашего столетия на Дальнем Востоке сведений не имеется.

Я отправился в путь полный решимости уничтожить хищницу. Однако ее не так-то просто было найти. После трех дней упорных поисков я пришел к выводу, что логово тигрицы находится на холме недалеко от источника, к которому приходили паломники. Самым правильным представлялось выгнать ее из густых естественных зарослей на склоне холма прямо на шикари, расставленных так, чтобы они сразу же ее заметили. Я решил послать несколько человек на вершину холма для того, чтобы они, бросая камни в тигрицу, попытались ее выгнать, избегая в то же время ненужного риска. По понятным причинам было довольно трудно найти людей, готовых участвовать в загоне на тигрицу-людоедку. Тем не менее я все же нашел несколько человек, имевших личные счеты с убийцей. Мой брат, Шинат Сингх, и двое других добровольцев — раджа Амар Сингх из Раноли и Мангал Сингх из Кура — приготовились встать на номера.

Я уже поставил на номер Мангал Сингха и прошел немного вперед, высматривая, где бы получше расположить двух других охотников. Но охота завершилась раньше, чем я успел это сделать. Зная, что мы имеем дело с коварным и осторожным зверем, я зарядил винтовку заблаговременно. Увидев нескольких загонщиков на склоне холма, я заторопился, споткнулся о камень и упал. Потом быстро вскочил на ноги и замер: ярдах в пятнадцати от меня на небольшом открытом пространстве сидела тигрица. Она смотрела на пробиравшихся по холму загонщиков, как собака, выпрашивающая кость. Похоже было, однако, на то, что ее интересовали совсем другие кости — кости загонщиков! Рядом с тигрицей сидели два тигренка.

Тигрица глядела в противоположную от меня сторону. Этот шанс я никак не мог упустить. Ведь в любой миг один из троих зверей мог оглянуться. Я поднял винтовку и, прицелившись в середину спины людоедки, выстрелил. Мне повезло: пуля перебила позвоночник и через несколько секунд тигрица уже была мертва. Два маленьких тигренка быстро скрылись под скалой, на которой я стоял.

Они были так малы, что оставить их на произвол судьбы было просто невозможно. Но как поймать тигрят? Ведь они могли спрятаться в узкие щели под скалой. Лишь спустя два часа мы вытащили их наружу. Один тигренок, к сожалению, был ранен и сдох прежде, чем мы успели вернуться в лагерь. Другого мы надежно упаковали в чехол от ружья, чтобы он не царапался, и без всяких приключений доставили домой. Выживший тигренок оказался самцом. Я назвал его Героем и впоследствии приручил. Несмотря на свое прошлое, он не проявлял никаких признаков вражды к человеку. Вскоре Герой стал всеобщим любимцем.

Во время загона в Джалауне махарани из Джайпура застрелил тигрицу. Осмотрев труп, я понял, что тигрица — кормящая мать. Когда охотники уехали, я вместе с несколькими шикари остался, чтобы разыскать тигрят. Охота проходила утром. Но в течение целого дня я так и не смог обнаружить логова. Лишь после

наступления темноты я натолкнулся на следы, оставленные тигрицей среди крупных камней, разбросанных на склоне холма. За камнями виднелся вход в логово. Однако к тому времени стало слишком темно, чтобы продолжать поиски. Поэтому я сел в машину и вернулся в Джайпур.

На следующее утро, захватив электрический фонарь и веревку, я вернулся к логову. Вначале оно показалось мне пустым. Затем луч света от фонаря выхватил из темноты несколько пар глаз, сверкающих как звездочки. Это были тигрята, забившиеся в такую узкую расщелину, что до них невозможно было добраться. Оставался единственный выход: привязать петлю к длинной палке и попытаться набросить ее на шею тигрятам. Если бы я оставил их, они несомненно погибли бы от жажды и голода. Мне удалось вытащить всех пятерых тигрят одного за другим и затолкать в мешок. Несмотря на свою молодость, они демонстрировали завидное присутствие духа. Некоторые тигрята крепко хватали веревку зубами, и мы таким образом вытаскивали их наружу. Когда я привез зверьков домой и выпустил из мешка, они выглядели довольно забавно. Большеголовые, с толстыми лапами, они напоминали маленьких гномиков.

Тигрята, пойманные в раннем возрасте, нежные существа. Поэтому, несмотря на проявленную нами заботу и внимание, трое из пяти молодых хищников так и не выжили. Два оставшихся тигренка были посильнее, стали быстро расти и вскоре перестали скучать по своей матери. Когда однажды я показал им мертвую тигрицу, они стали таскать и трепать ее, как будто это было чучело. Один из тигрят — Счастливчик — стал вскоре любимцем семьи и всего нашего дома. Он был очень привязан к моему сыну и к нашему фокстерьеру, с которым мог играть целыми днями в саду. Когда они подружились, маленькая собачка была ростом с тигренка и, вероятно, сильнее его, но спустя несколько недель положение изменилось. Одним ударом лапы тигренок мог бы пришибить фокстерьера на месте. Тем не менее в их отношениях ничего не изменилось: тигренок и собака остались неразлучными друзьями.

Счастливчик превратился в исключительно красивого зверя, и однажды я взял его с собой в джайпурский клуб. Дружба тигра с фокстерьером, также увязавшимся за нами, вызвала всеобщее восхищение. Я привязал Счастливчика рядом с теннисным кортом, где он мог возиться с собакой к всеобщему удовольствию и радости зрителей.

У махараджи Джайпура была немецкая овчарка — ужасная задира. В этот вечер она сидела в здании клуба рядом со своим хозяином, занятым игрой в бридж. Я прогуливался около дома, и терьер, услыхав мой голос, оставил Счастливчика и побежал ко мне. Овчарка, которой надоело сидеть без дела, высматривала в это время сквозь открытую дверь подходящую жертву. Завидев терьера, она сорвалась с места и бросилась на него. Собака взвизгнула и понеслась к своему полосатому приятелю.

Счастливчик, как настоящий дикий тигр, замер, плотно прижавшись к земле, а когда собаки почти вплотную приблизились к нему, прыгнул на овчарку. К счастью, он не рассчитал длины цепи — она была слишком коротка и не позволила схватить овчарку, сумевшую буквально замереть на бегу. Собака была страшно напугана. С трудом собравшись с силами, она с диким визгом бросилась назад в клуб, хотя не получила ни одной царапины, и спряталась под столом у ног своего хозяина. Махараджа встал и вышел, чтобы посмотреть, кто избил его собаку. Узнав, в чем дело, он весело рассмеялся вместе со всеми. Овчарка выглядела такой перепуганной и жалкой, какой я никогда не видел ни одной собаки.

С самого начала оба тигренка, если их не брали с собой, содержались на длинных цепях. Когда бы я ни подходил к Счастливчику, он старался изо всех сил освободиться, чтобы поиграть со мной. Как только тигренка спускали с цепи, он бросался ко мне и, схватив за ногу лапами, осторожно сжимал икры зубами. При этом он никогда не выпускал когтей и ни разу даже случайно не ранил меня.

Больше всего Счастливчик любил кататься на автомобиле. Как только я открывал дверцу, он прыгал внутрь и усаживался на заднем сиденье, как собака. Когда тигренок подрос, появление его всегда вызывало сенсацию. Вокруг машины собиралась толпа любопытных. Видя тигра, спокойно сидевшего в автомашине, прохожие отказывались верить своим глазам.

Как и большинство тигров, Счастливчик очень любил воду и с удовольствием играл у фонтана. Он барахтался в воде, пытаясь заткнуть фонтан лапами, что выглядело весьма комично. Это было исключительно красивое ручное животное, источник наших развлечений.

К сожалению, когда Счастливчику исполнилось девять месяцев, его характер стал постепенно меняться, как это обычно бывает с тиграми. Он уже давно обладал силой, достаточной для того, чтобы перебить позвоночник человека одним ударом лапы. Его проделки стали грубее. Спущенный однажды с цепи, Счастливчик едва не сшиб меня с ног. Я понял, что, если бы не удержался на ногах, оказался бы в весьма неприятном положении. Хуже всего было то, что он переменил свое отношение к моим детям. Я заметил, что тигр пытается подкараулить их. Больше его уже нельзя было считать милым ручным существом, и я решил отдать Счастливчика в зверинец. При этом я позаботился о том, чтобы его поместили в просторную клетку с удобным бассейном, где было бы достаточно места для игры.

В то время, когда я писал эту книгу, моему тигру исполнилось четырнадцать лет и в общем он остался довольно дружелюбным зверем. Когда я прихожу проведать Счастливчика, он подбегает к решетке и встает во весь рост, в то время как я ласкаю его, почесывая за ушами. Несмотря на миролюбие и то удовольствие, которое тигр испытывает от встречи с посетителями, на него уже нель-

зя положиться. Однажды он попытался схватить через прутья клетки безобидного посетителя, в другой раз ему удалось вцепиться в руку сторожа. Бедняга хотел поиграть с тигром, но по наивности на мгновение отвлекся и посмотрел куда-то в сторону. К счастью, ему удалось вырвать руку, оставив в пасти у Счастливчика только полпальца. Лично я не имел оснований жаловаться на тигра, но должен признать, что когда протягивал к нему руку, то ни на секунду не спускал с него глаз.

Особую любовь Счастливчик испытывал к собакам. Будучи с нами, он не только подружился с моим фокстерьером, но и привязался к самке терьера по кличке Мэри. Спустя несколько лет после того, как тигр был помещен в клетку, я решил проверить, вспомнит ли он Мэри.

Когда терьера посадили в клетку к тигру, стало ясно, что собака совершенно забыла его и не испытывает никакого желания возобновить знакомство. Счастливчик же сразу подошел к ней, стал ласкаться и мурлыкать. Все это убедило меня в том, что Счастливчик узнал старого друга и не причинит ему никакого вреда. Так оно и случилось. Что же касается Мэри, то она не испытывала особого страха, но и не проявляла склонности ответить взаимностью на заигрывание Счастливчика.

Когда в клетку посадили для компании двух других бродячих собак, возникла очень смешная ситуация. Собаки, заметив, что Мэри не боится тигра, уселись рядом с ней, как будто надеялись на ее защиту. Счастливчик, все еще полный готовности проявить гостеприимство, был оскорблен вульгарными компаньонами Мэри и предпочел держаться от них на дистанции. Собаки решили, что тигр их боится, и начали даже тявкать на него. Счастливчик же счел ниже своего достоинства связываться с ними или, может быть, просто не хотел обижать Мэри. Во всяком случае, он оставил собак в покое и пошел купаться в бассейн. Там тигр пробыл до тех пор, пока непрошеных гостей не убрали из клетки.

Меньшую терпимость он проявлял по отношению к обезьянам, бродившим вокруг нашего дома. Как-то раз одна из них, набравшись смелости, спустилась с дерева на землю. Подойдя к тигру, дремавшему в тени, она тронула его лапой за плечо. С молниеносной быстротой тигр повернул голову, схватил обезьяну, разорвал ее на части и вновь заснул.

Счастливчик любил яйца и молоко. Когда он жил у нас, я обратил внимание, что он с каким-то диким возбуждением встречал человека, приносившего молоко. Когда тигренок вырос, вкус его не изменился. Мне пришло в голову, что всем тиграм вообще присуща подобная склонность. Позже я убедился в своей правоте и там, где условия позволяли, использовал молоко и яйца в качестве приманки.

Немало историй рассказывают о прирученных тиграх, неожиданно ставших опасными благодаря инцидентам, пробудившим в них скрытые кровожадные инстинкты. Я могу поручиться за досто-

верность истории, происшедшей с моим коллегой, капитаном Мангал Сингхом.

У капитана жил необычайно рослый тигренок. Однажды в полдень в прохладную погоду Мангал Сингх вернулся домой после игры в футбол с поцарапанным коленом. Попросив слугу принести чего-нибудь выпить, он уселся в своем саду в кресло и начал играть с тигренком. На Сингхе были шорты, и тигренок, заметив царапину, начал лизать ее. Вначале он был настроен довольно дружелюбно, словно хотел утешить хозяина, зализав ему ссадину. Но вскоре зверь стал действовать более грубо, как это делают некоторые животные семейства кошачьих, когда отрывают мясо от костей. Языком он стал бередить рану, вызывая обильное кровотечение. Мангал Сингх, не обращавший до сих пор особого внимания на тигра, резко выпрямился и попытался оттолкнуть его голову, но не тут-то было. Тигр оскалил зубы и стал злобно рычать.

Тигр умело управляет своим языком. Тигрица облизывает своих новорожденных с исключительной нежностью. Но зверь может действовать языком как напильником, и тогда он превращается в грозный инструмент.

Тигр Мангал Сингха тем временем все больше свирепел, и хозяин понял, что если никто немедленно не придет на помощь, ему вряд ли удастся спасти свою жизнь. Пытаясь сохранить хладнокровие, он отправил слугу за дробовиком и патронами.

К счастью, слуга быстро нашел ружье, патроны и поспешил в сад. Поняв, что происходит, он зарядил ружье и попытался передать его капитану Сингху. Тигр, однако, не позволил этого сделать. Тогда Сингх разъяснил слуге его задачу. С большим присутствием духа слуга направил ствол ружья прямо в голову тигра и нажал на спусковой крючок. Пуля размозжила голову зверя, рухнувшего замертво наземь, к величайшему облегчению своего хозяина...

Частные зоологические сады князей Раджастхана совершенно не похожи на зажатые среди улиц и площадей больших городов зоопарки Европы и Америки.

Диких зверей часто держат в садах, окружающих дворцы. Например, в прекрасных садах дворца Джай Билас в Гвалияре был выделен участок для небольшой коллекции тигров и пантер. Расположенный в северном углу сада, он непосредственно примыкал к гряде холмов, где обитали дикие тигры и пантеры. Случалось, что они приходили навестить своих заточенных в клетки сестер и братьев, хотя для этого приходилось пересекать всю территорию зоосада.

Руководил ими, конечно, половой инстинкт. Среди «визитеров» преобладали самцы, привлеченные ночными призывами из зоопарка. Заслышав голос тигрицы, они приходили сюда в поисках пары.

Незваные гости часто не хотели покидать территорию даже после рассвета. Был случай, когда тигр попытался среди белого дня залечь в тени декоративного кустарника. Его заметили садовники и вскоре убили без особых хлопот. Это единственный на моей памяти случай, когда тигр был найден здесь днем, однако пантеры попа-

дались гораздо чаще. Некоторые из них пытались даже обосноваться с потомством в отдаленных уголках огромной территории. Представьте-ка себе на минуточку такую картину в одном из лондонских или парижских городских парков. То-то была бы паника!

Вскоре после того, как я поступил на службу к махарадже, мне сообщили, что в подземный ход, ведущий к глубокому колодцу, проникла пантера. До поверхности воды в этом колодце можно было добраться или по вертикальной шахте из помещения, расположенного над колодцем (оттуда воду черпали ведрами), или же по ступенькам подземного хода от ворот сада. День был жаркий, и пантера, очевидно, спустилась вниз по ступенькам. Выйдя из туннеля, охранник запер за собою дверь и поспешил обо всем доложить мне.

По молодости лет я пришел в возбужденное состояние из-за необычного происшествия и, не теряя времени, поспешил к махарадже за указаниями. Но тому было не до моих восторгов по поводу предстоящей операции. Он попросту распорядился загнать зверя в клетку, с тем чтобы пантера стала новым экспонатом для его зоосада.

Я попросил доставить в сад переносную клетку, известив некоторых своих друзей о происшествии. К тому времени у меня было много знакомых, горевших желанием поохотиться или по крайней мере посмотреть на диких зверей. Новость распространилась быстрее, чем я думал, и через полчаса огромная толпа собралась около колодца.

Мы укрепили клетку, а затем открыли дверь подземного хода. Пантера должна была попасть в клетку, как только решилась бы выйти на свет. Однако она не подавала признаков жизни, и спустя некоторое время я решил посмотреть, нельзя ли попытаться силой выдворить ее оттуда. Сверху пантеру не было видно, и я опустил через ствол шахты в большом кожаном ведре двух человек. Они стали бросать камни, пытаясь напугать пантеру и заставить ее в панике броситься вверх по ступеням подземного хода. Неизвестно, испугалась она или нет, но, во всяком случае, не трогалась с места, и лишь глухое рычание свидетельствовало о ее присутствии.

Тогда я послал за ракетами и хлопушками. Но, несмотря на шум, дым и огонь, толку от них тоже было мало. Пантера, по-видимому, не собиралась выходить из своего убежища. Запасы хлопушек и ракет подходили к концу, и я потерял уже всякую надежду выгнать зверя. Расстроенный, пошел я к махарадже попросить разрешения пристрелить пантеру.

Махараджа не возражал. Становилось темно, и я немедленно приступил к делу. Клетку убрали. Я занял позицию чуть позади открытой двери с новеньким двуствольным штуцером-экспрессом в руках. В вертикальную шахту колодца вновь спустились два человека. Они не оставляли своих попыток выгнать пантеру: метали камни и кричали изо всех сил.

Моя позиция, мягко говоря, была не из лучших. Практически я ничего не мог видеть впереди, поскольку в туннеле постоянно ца-

рил полумрак. А сейчас здесь и вовсе сгустилась кромешная тьма из-за дыма ракет, поднимавшегося снизу. Время от времени откуда-то из темноты доносилось глухое рычание.

Спустя некоторое время запасы хлопушек подошли к концу, да и крики мужчин в шахте заметно слабели. Пантера затихла, возбуждение зрителей улеглось, и я превратился в мишень для добродушных острот. И действительно, чего стоит управляющий охотничьим хозяйством, который не может даже выгнать пантеру из сада? Какой же вы специалист в таком случае, мистер Кесрн Сингх? Присутствовавшие дамы осыпали меня насмешками. А я был молод, и мысль о том, что женщины находят меня смешным, жгла мне душу. И тогда я повел себя совершенно опрометчиво.

Дым от хлопушек почти рассеялся, но спустились сумерки, и через несколько минут стало совсем темно. В те дни у меня не было подходящего электрического фонаря, поэтому я послал слугу за карбидной лампой от мотоцикла. Мы зажгли ее, отрегулировали и пошли в туннель. Он был слишком узок для двух человек. Но слуга сумел так ловко устроиться позади моего левого локтя, что мог освещать дорогу, не загораживая от меня цель.

Сначала шла ровная площадка. Луч от шипящей лампы осветил лишь стены и пол. Мы стали медленно спускаться по ступенькам. Напряжение росло с каждым шагом. Затем луч света круто упал вниз, осветив пространство от моих ног до самой поверхности воды. К моему несказанному удивлению, там никого не было. Но ведь пантера никуда не могла скрыться!

Я шепотом спросил у моего спутника, не видит ли он чего-нибудь. В ответ тот указал на какое-то темное пятнышко, торчащее над ступенькой чуть ниже нас. Это мог быть и сухой лист, и овальное ухо небольшой пантеры, плотно прижавшейся к ступеням лестницы. Место для стрельбы было не очень подходящим. Мой слуга плотно прижался к стене, а я расставил ноги так, чтобы занять по возможности наиболее удобное положение. Что-то подсказывало мне, что, если появится голова зверя, в моем распоряжении останется слишком мало времени. В то время как я сосредоточил все свое внимание на темном пятнышке, что-то легкое пронеслось у меня между ног. Я еще не успел сообразить, что случилось, как увидел пантеру, несущуюся... вниз по ступенькам прямо передо мной. Не сходя с места, я почти автоматически выстрелил навскидку в черный силуэт, появившийся в белом луче света. Резонанс от выстрела в узкой шахте колодца был ужасным. Дым и пыль со стен наполнили воздух. Свет от лампы растворился, словно в тумане. Лишенные возможности что-либо видеть или слышать — такой звон стоял в ушах,— мы бросились наверх и захлопнули за собой дверь.

Зрители забросали нас вопросами. Они слышали выстрел, и, когда я рассказал подробности, удивились, почему пантера не набросилась на меня, а, словно призрак, проскочила между ног. Но больше всего меня мучила загадка, придававшая всему инциденту налет мистики и нереальности,— откуда появился зверь? Ведь мы

спустились по пустому туннелю. На ступенях вплоть до самой воды тоже никого не было — и вдруг пантера появилась с тыла! Что же, она, выходит, выбралась в парк, а потом, не замеченная толпой людей, вернулась в туннель? Фантастика! После некоторого раздумья у меня блеснула догадка: открыв осторожно дверь и осмотрев ее с другой стороны, я понял, что близок к правильному решению. Дверь неплотно прилегала к стене, оставляя пространство, где такой гибкий зверь, как пантера, мог легко спрятаться от дыма и шума, поднятого людьми. Поскольку дверь открывалась внутрь, мой проводник и я, по-видимому, прошли мимо зверя, когда двигались вниз по ступенькам.

Свет от карбидной лампы все еще не проникал сквозь пелену пыли, висящей в воздухе, и я решил повременить с осмотром туннеля. Лишь спустя двадцать минут мы вернулись в туннель и снова стали спускаться. Пантера была тяжело ранена, но, очевидно, еще жива. Я крикнул. Ни звука в ответ. Стало ясно, что зверь находится при последнем издыхании. Мне не хотелось еще раз стрелять, и я медленно двинулся вниз, пока не оказался в семи-восьми футах от зверя. Моя пуля поразила пантеру в середину спины.

Позже, размышляя над этой историей, я припомнил, что примерно то же самое приключилось с моим отцом. В свое время отец служил у одного из раджастханских князей, известного своим охотничьим искусством. Как-то раз они охотились на пантеру, которая спряталась в руинах Рамбагха в Джайпуре. Попытки выгнать зверя оказались тщетными. Тогда мой отец, вооруженный пикой, вошел внутрь разрушенного здания. Пантера не бросилась на него, как она наверняка сделала бы, окажись в чаще леса, а, улучив момент, быстро прошмыгнула мимо в темном проходе.

Позже в результате накопленных в течение многих лет наблюдений я пришел к выводу, что наше спасение вовсе не было случайным. Как тигр, так и пантера обычно не нападают на человека, встретившись с ним в темном проходе — будь это естественная пещера или часть постройки. Так им диктует инстинкт.

Львы и тигры

Индийский лев встречается сейчас настолько редко, что у нас о нем вовсе не говорят, точно его вообще не существует[1]. Но в недалеком прошлом львы были широко распространены на полуострове Индостан и, вероятно, часто встречались в таких лесистых местностях, как, например, Раджастхан. Сегодня диких львов нигде, кроме Африки, не встретишь, за исключением, пожалуй, Гир-

[1] Об индийском льве (включен в международную «Красную книгу») подробно можно прочитать у Э. П. Джи, а также в кн.: С. Вайдья. Впереди джунгли. М., 1967, гл. 7.

ского леса в Саураштре[1], где нашли последнее прибежище потомки азиатских львов. А ведь было время, когда они водились не только в Индии, но и в Иране и в Месопотамии — вплоть до Европы, оставив неизгладимый след в искусстве и легендах бесчисленных поколений.

Я не думаю, что в районах, расположенных к востоку от Гирского леса, индийские львы исчезли только по вине человека, и считаю ответственными за это и тигров. Львы и тигры, обитающие в одном районе, неизбежно соперничают в борьбе за добычу. Тигры ревниво охраняют свои охотничьи участки и в силу характера не выносят никакой конкуренции. Они более сильны, более хитры и лучше приспособлены для жизни в джунглях.

Тигры, по-видимому, пришли в Индию с востока, из Китая, через Бирму и Ассам в Бенгалию. Оттуда они распространились по всей стране, вытесняя или уничтожая львов, где бы они им ни повстречались. Заслуживает внимания тот факт, что оставшаяся в распоряжении львов область в Гире, представляет собой изолированный район, отделенный ста милями труднопроходимой местности от холмов, где встречаются их соперники.

Будучи убежден в том, что раньше львы обитали на территории его княжества, покойный махараджа Гвалияра решил попытаться вновь расселить их здесь. С этой целью он вывез из Африки три пары великолепных львов. В качестве места для проведения опыта был выбран лесистый район Шеопур — Шивапури — территория в тысячу квадратных миль.

Я уже упоминал о просторном огороженном участке в Доби Кунде, где были созданы условия, необходимые для акклиматизации этих зверей. Участок был расположен в диком и отдаленном уголке на полпути между Шеопуром и Шивапури. Территорию, прорезанную оврагами, окружала каменная стена высотой в двадцать футов с крепкими воротами. Время от времени туда загоняли буйволов, чтобы львы не теряли способности самостоятельно добывать пищу. В этом загоне львы не только акклиматизировались, но даже стали размножаться.

В близлежащих лесах водилось очень много тигров. Их, по-видимому, привлекало рычание львов по ту сторону высокой стены. Дважды во время моих очередных осмотров местности я встречал тигров, бродивших поблизости с очевидным желанием бросить вызов привезенным львам.

После четырех лет было решено выпускать львов, но не всех сразу, а сначала лишь одну пару. Первая пара ушла в джунгли без всяких происшествий, просто исчезла в диких лесах. Выпущенная же спустя некоторое время вторая пара скоро вернулась в район неподалеку от загона и произвела большой переполох. Львы бродили у дороги, по которой шикари гнали буйволов, а однажды набро-

---

[1] Гирский лес (ныне заповедный) находится на полуострове Катхиявар, в Саураштре (ныне это территория штата Гуджарат). Площадь Гирского леса около 130 тыс. га.

сились на одного из буйволов и зарезали его. К счастью, людей они не тронули. Узнав об этом, я с группой шикари и загонщиков выехал в Доби Кунд и выгнал львов из их убежища. Я надеялся, что это послужит им хорошим уроком и львы уберутся подальше. Спустя некоторое время один из шикари, ответственный за доставку буйволов в загон, увидел след, который привел его к трупу льва. Огромный самец был страшно изуродован. Не вызывало сомнений, что виновником его гибели был тигр. Другого животного, способного нанести такие раны, просто не существует. Очевидно, когда мы прогнали вторую пару львов из соседнего с загоном района, они вторглись в охотничьи владения какого-то тигра. Льву пришлось принять бой, и он погиб, а львице удалось скрыться.

Благодаря естественному приросту в загоне осталось еще восемь львов. Шесть из них мы выпустили без всяких инцидентов. Спустя два месяца настала очередь последней пары. Она-то и доставила нам хлопот больше, чем все остальные. Близ леса Шеопур-Шивапури не было крупных селений, а лишь изредка встречались разбросанные далеко друг от друга убогие деревушки.

Но после того как два последних льва были выпущены на свободу, стали поступать сообщения о том, что звери занялись хищением домашнего скота. Обитатели деревушек не располагали огнестрельным оружием. Поэтому львы совершенно спокойно выходили из джунглей, безнаказанно хватали какое-нибудь домашнее животное, пасшееся около хижины, и съедали тут же, на месте. Чтобы спасти свой скот, жители стали укреплять изгороди. На первых порах это помогло. Однако спустя неделю или две львы, отчаявшись найти себе пропитание, наткнулись на несчастного крестьянина, убили и съели его.

Обоих зверей необходимо было немедленно уничтожить. С группой охотников я двинулся на розыски и без труда пристрелил хищников. Больше на домашний скот никто не нападал. Остальные львы стали охотиться на диких животных. Скорее всего, они ушли далеко на восток и на юг, за пределы Гвалияра, так как оттуда стали поступать сообщения о львах. Один из них был впоследствии убит на востоке махараджей Панна. Много лет спустя я узнал, что бывший махараджа Бария убил африканского льва далеко на юге, у речки Куну в Мадхья-Бхаратте[1].

Высказывались пожелания, чтобы местные львы из Гирского леса были расселены в других частях Индии. Сама по себе эта идея неплоха при условии, если будут найдены места, где львы не смогут причинить ущерба домашним животным и где нет тигров. Раджастхан — один из тех районов, где можно найти изолированные полупустынные области, и, может быть, не так уж несбыточна надежда на то, что в один прекрасный день в наших местах появятся эти храбрые и красивые звери. Это, наверное, единственный шанс сохранить львов. Район, где они сейчас обитают, слишком ограничен, чтобы эти звери могли сильно размножиться. В Индии

[1] Сейчас это территория штата Мадхья-Прадеш.

насчитывается около четырехсот экземпляров львов, и внезапный мор или непредвиденная катастрофа могут привести к тому, что они окончательно исчезнут.

И все же, несмотря на то что львов в Гирском лесу охраняют, иногда возникает необходимость сократить их количество. Несколько лет назад я вместе с махараджей Джайпура отправился на охоту, организованную Джам Сахибом. Мы уложили трех самцов. Метод охоты на львов такой же, как на тигров: загонщики выгоняют зверей на охотников.

И опять, как в случае с двумя африканскими львами-людоедами, которых мы должны были уничтожить в Гвалияре, охота на них оказалась не столь интересна и азартна, как на тигров. Львы почти не используют естественных укрытий. Всякий раз лев легкомысленно выходил на открытое пространство, так что промахнуться было почти невозможно. У меня сложилось впечатление, что львы не только смелы до безрассудства, но даже пренебрегают опасностью. Раненые львы так же смелы, как и тигры.

Однако привычки этих зверей различны. Нападая на большое и опасное животное, лев наносит удары передними лапами, в то время как тигр использует когти,чтобы вцепиться в жертву и добраться клыками до уязвимого места. Львы более общительны, собираются иногда в группы и охотятся целыми семьями. Тигр, если это не тигрица с тигрятами или самец, сопровождающий тигрицу, охотится один.

Когда тигр и тигрица охотятся вместе, тигр первый нападает на свою жертву и убивает ее. Лишь после того, как самец насытится и оставит тушу, тигрица и тигрята могут приступить к еде. Если убивает тигрица, то это значит, что она охотилась одна или с тигрятами. Если тигрица зарежет животное, на которое рассчитывал самец, он наказывает ее. Лев, так же как и пантера, уступает трофей своей самке и может позволить ей первой полакомиться добычей.

* * *

Опасность вымирания угрожает не только льву. С каждым годом животный мир Индии становится все беднее и беднее. В нашей огромной стране все еще имеются более или менее нетронутые районы джунглей, до сих пор не освоенные человеком. Можно рассматривать эти области как естественные убежища для растений и животных, которым угрожает опасность. Однако не всюду обитатели подобных «убежищ» пользуются равной безопасностью, и если решительные меры не будут приняты, то многие ныне здравствующие виды животных вскоре исчезнут.

Индийский носорог, гепард, ящер (панголин), олень аксис, дикий буйвол, кулан, большая индийская дрофа, розоголовая утка,— все эти виды были в свое время довольно широко распространены, а сейчас близки к полному исчезновению.

В Раджастхане в результате вырубки леса и браконьерства, участившегося в связи с уничтожением естественных укрытий для

животных, большая часть штата уже стала пустыней, а на остальной территории борьба животных за существование становится все более и более острой. Применение современного оружия и использование джипов с их слепящими фарами также способствуют безудержному истреблению животных.

В прошлом почти по всей территории Индии имелись заказники, в которых дикие животные чувствовали себя свободно. После того как они были ликвидированы, встал вопрос об охране фауны. Создание национальных парков и заповедников стало сейчас насущной необходимостью. Если это не будет сделано, то прекрасное наследство, полученное нами от природы, исчезнет с лица земли безвозвратно.

По поводу заказников можно услышать много разных противоречивых мнений. В нашей стране с постоянным недостатком продуктов питания люди, естественно, стремятся расчищать под пашню участки с дикой растительностью, а также уничтожать птиц и зверей, которые могут нанести урон посевам. Но аргументы в пользу таких действий часто бывают ошибочны. Ведь деревья во многих районах регулируют климат, поднимая влажность и сохраняя почву. Поэтому ликвидация естественной растительности — близорукая и неправильная политика.

Мой тридцатилетний опыт службы в качестве егеря и инспектора подсказывает, что если просто выделить определенную зону для заповедника и оставить ее на произвол судьбы, то это не даст должного результата.

Полной защитой в заповедниках должны пользоваться птицы, уничтожающие насекомых — вредителей полей. Что же касается животных, то следует стремиться к какому-то контролю над ними. Нельзя здесь все пускать на самотек.

Трудно поверить, что всего лишь несколько лет назад невдалеке от Джайпура бродили тысячи антилоп гарна. Сейчас их едва ли можно встретить.

Изобилие диких животных было достигнуто главным образом благодаря организованной охоте и соответствующему контролю, исключающему возможность браконьерства. Но это еще не все. Следует сохранять и естественную растительность. Однако главное — это сберечь диких зверей для потомства. Следует не только бороться против уничтожения деревьев и кустарников, но и поощрять посадки, особенно фруктово-ягодные насаждения. Поскольку трава не особенно хорошо растет в тени деревьев, местами следует делать вырубки, чтобы обеспечить травоядных кормом.

Ведь если олени, кабаны и другие травоядные будут нормально размножаться, не останутся без пищи и хищники. Не следует допускать чрезмерного увеличения стада парнокопытных — во имя сохранения посевов, но в то же время нельзя резко снижать их число, поскольку в этом случае тигры, пантеры и другие более мелкие плотоядные станут охотиться за домашними животными. Между травоядными и хищниками должно сохраняться постоянное равновесие. Не сомневаюсь, что появление голодных гиен и волков, шны-

ряющих вокруг крупных городов — Дели и Лакхнау,— результат полного уничтожения их естественной пищи.

Существует мнение, что если животных стало мало в определенном районе, то для восстановления баланса надо завезти их со стороны. Я не разделяю эту точку зрения. Ведь при надлежащей охране большинство местных животных хорошо размножается. Звери, поставленные в благоприятные условия в родных краях, обычно чувствуют себя лучше, чем какие-либо привозные экзотические экземпляры. Конечно, если дело доходит до полного вымирания отдельных видов животных, ничего не остается, как вновь разводить их. Я никогда не возражал против ввоза новых для Индии видов животных при условии, что они не вытеснят местные виды. В Индии, например, водится лишь несколько видов антилоп, в то время как Африка чрезвычайно богата ими. И я считаю, что некоторые антилопы, включая канну, отлично прижились бы в Индии.

Различные методы охоты

Читатель уже знает, что охотиться на тигров можно следующими способами: загон, засидка (вечером или ночью) у привязанной живой приманки или у убитого животного, охота со слона и охота по следу пешком. Но этим не исчерпываются способы, к которым может прибегнуть смелый спортсмен. Исключительно захватывающее, известное с древности занятие — преследование пантер и тигров со сворой собак. Собаки не обязательно должны быть чистокровными. Главное, чтобы они были выносливыми, вязкими, смелыми и обладали хорошим обонянием, были бы приучены работать в густых джунглях и знали повадки зверя, которого предстоит преследовать. Чтобы собаки не стали бродячими и не отбились от рук, их не следует выпускать со двора.

У моего отца была дюжина сильных, натасканных на пантеру собак. Если они настигали зверя и могли справиться с ним сами, то хватали его молча. Если же сталкивались с крупным зверем, который явно был им не по зубам, окружали его и начинали громко лаять, призывая на помощь хозяина. Мы спешивались и спокойно приближались к месту схватки, взяв винтовки на изготовку.

Собаки и пантеры всегда враждуют между собой. Одна собака, естественно, не справляется с пантерой, и ее не следует пускать за этим хищником, даже если она и рвется в погоню. Совсем другое дело — хорошая свора. Собаки загоняют леопарда на дерево и окружают его плотным кольцом. После этого обычно не составляет труда свалить зверя на землю. Но я вспоминаю одного смелого леопарда, который, завидев приближающегося человека с винтовкой, понял, что попал между молотом и наковальной, и решил

принять бой. Он прыгнул с дерева, и немедленно все девять собак кинулись на него. Прежде чем мы успели подбежать, все было кончено: собаки буквально разорвали леопарда. Всего лишь два пса пострадали в схватке, однако и они отделались лишь царапинами. Менее храбрая свора, которая заколебалась бы и позволила леопарду остаться на ногах, пострадала бы гораздо сильнее.

Однажды мы вместе с кузеном Сингхом взяли свору собак и отправились за пантерами в джунгли Калапахарра. Две собаки бежали впереди наших лошадок, разведывая местность, остальные следовали за нами. Внезапно собаки, находившиеся впереди нас, исчезли, а затем стали лаять. Стало ясно, что они выследили какого-то крупного зверя. Мы быстро пустили вслед за ними остальных собак. Некоторое время спустя послышался яростный лай. Полагая, что собаки загнали пантеру, мы спешились. Джунгли в этом месте труднопроходимы и изрезаны оврагами. Мы не видели собак, пока не подошли к ним ярдов на пятьдесят. С удивлением мы обнаружили, что они окружили не дерево, а густые заросли. Что за зверь находится в зарослях, мы не знали и поэтому осторожно приближались к кустам, надеясь, что он не видит нас и выскочит из укрытия в нашу сторону, предоставив нам, таким образом, воможность выстрелить. Однако чего никто из нас не ожидал, так это увидеть тигра. Он высунулся из зарослей и одним ударом лапы подбросил собаку в воздух.

Когда человек или собака преграждает путь преследуемому, но нераненому тигру, он обычно сбивает противника с ног и одновременно старается вцепиться в него клыками. Как правило, только раненый тигр не стремится побыстрей уйти от таких противников и задерживается, чтобы дать выход своей ярости и разорвать жертву.

Отбросив одну из собак и не желая, по всей видимости, связываться со всей сворой, тигр с рычанием стал отступать в чащу.

Мы не собирались охотиться на тигров, поскольку находились в заповедном лесу. Но я по опыту знал, что не смогу отогнать от тигра собак, пока он не прикончит еще нескольких. В руках у меня была винтовка, и я стоял, частично прикрытый стволом дерева. Тигр, внимание которого было отвлечено собаками, не видел меня и представлял собою прекрасную мишень. Через пару секунд он мог уже скрыться в чаще. Я все же решил расправиться с ним и, быстро прицелившись, выстрелил. Тигр замертво рухнул на землю...

После смерти отца я лишь изредка охотился с собаками, хотя такого рода охота практикуется сейчас в некоторых районах Индии.

Овладеть высшим искусством охоты на тигра — это значит научиться выслеживать его пешком. В этом случае охотник идет по следу здорового тигра без собак, не имея перед собой следов крови, полагаясь лишь на собственные знания, острое зрение и чутье. Однако в джунглях, где обитают тигры, такой метод охоты практически неприменим. Они передвигаются гораздо быстрее че-

ловека и зачастую не оставляют следов, по которым мог бы пройти даже самый опытный следопыт. Человек может провести на охоте месяцы, не увидев даже кончика тигриного хвоста.

Много лет подряд я выезжал с махараджей Джайпура и его семьей в Утакаманд, в предгорьях Нилгири. Это один из прекраснейших горных районов страны. Леса здесь буквально кишат разнообразной живностью, включая гауров[1], слонов, медведей и множество оленей различных видов. Тигров здесь водилось множество. Но, хотя я и неоднократно охотился здесь пешком, только дважды столкнулся с тигром.

Однажды я преследовал стадо замбаров на поросшем густым лесом плато, расположенном у восточных склонов горы Додабетта. Клочья плотного тумана висели среди деревьев, видимость была скверная. Внезапно туман на несколько секунд рассеялся, и впереди на открытом пространстве я увидел замбара, а немного ближе, в пятидесяти ярдах от меня,— тигра. Он, очевидно, также охотился на оленей. Я подумал, что пожалуй следует переключить свое внимание на тигра. Однако густой туман вновь упал на землю, а когда он рассеялся, тигр исчез.

Я пошел по следу. Вскоре справа от меня промчалась группа испуганных маленьких оленей. Я заключил, что тигр обнаружил мое присутствие и следил за мной гораздо внимательнее, чем я за ним. Некоторое время мы подкрадывались друг к другу, пока ухудшившаяся видимость не сделала дальнейшую охоту безнадежной. После того как я покинул владения хищника, он не стал более преследовать меня.

Во второй раз, когда я охотился именно на тигра, со мной был местный проводник. Вначале мы набрели на стадо гауров, пасшихся на открытом пространстве в сотне ярдов от нас. Лицензия, полученная у местных властей, разрешала мне отстрел только одного гаура в сезон, а на прошлой неделе я уже убил дикого быка. К счастью, мы стояли против ветра и успели уйти прежде, чем гауры нас увидели. Они опасны для человека. Кроме того, они могли обратиться в паническое бегство и поднять тревогу в джунглях. Сделав крюк, мы натолкнулись на небольшое стадо слонов, которые, заметив нас, тут же скрылись. Дикие слоны находятся под строгой охраной, и это совершенно справедливо. Отстрел их запрещен, за исключением лишь тех случаев, когда какой-нибудь слон впадает в бешенство и становится опасным для людей.

Проводник сказал, что тигр бродит где-то близко, скорее всего именно в той стороне, где скрылись слоны. Парень он был неробкого десятка и предложил мне последовать за слонами. Нет нужды говорить, что двигались мы с большой осторожностью. И все же у

---

[1] **Гаур** (Bibos gaurus)— дикий бык. Англичане нередко называют его бизоном (Indian bison). В ряде книг об охоте в Индии, о природе этой страны, переведенных с английского и изданных в СССР, можно прочитать об охоте на бизонов в Индии. На самом деле «индийский бизон» (гаур)— парнокопытное животное рода быков, в то время как бизон, обитающий в Северной Америке, относится к роду бизонов.

меня гора упала с плеч, когда я услышал, что гигантские животные с треском и шумом пробираются сквозь чащу значительно правее нас.

Вскоре мы вышли к месту, покрытому ползучими растениями. Двигаться здесь можно было только по охотничьей тропинке.

Казалось, что мы уже не обнаружим тигра. Поэтому, выйдя на поляну, я решил сделать небольшой привал. Но стоило нам выпить полбутылки пива и доесть последний бутерброд, как вдруг на другом конце поляны, ярдах в пятидесяти от меня, появился прекрасный тигр-самец. Пока я схватил мою винтовку, зарядил ее и добежал до полосы зарослей, его и след простыл. И хотя мне потребовалось всего несколько секунд, чтобы добраться туда, но я услышал лишь отдаленное потрескивание ветвей: тигр уже продирался сквозь плотную чащу. Я вернулся на поляну, спокойно допил пиво и был вознагражден любопытным зрелищем: ленивый на вид питон, свернувшийся кольцом на ветке высоко над моей головой, молниеносным броском поймал пролетавшую мимо него белку.

Однажды я принял участие в успешной экспедиции по выслеживанию тигров. В качестве гостя Чандра Секхара я с двумя спутниками — навабом Лохару и Рагхупир Сингхом из Биссау — отправился на охоту в леса Дхоли Дхаит, расположенные в ста семидесяти милях от Джайпура.

Перед рассветом мы подошли к большому оврагу, где, по слухам, обитали два тигра. Нам удивительно повезло. Невдалеке, откуда-то снизу, раздались любовные призывы тигра. Когда немного рассвело, мы увидели великолепного самца, распластавшегося на скале под нами. Он звал тигрицу, скрывавшуюся в густых зарослях на противоположной стороне оврага.

Рагхипур Сингх, не теряя времени, выстрелил. Пуля поразила зверя. Издав злобное рычание, тигр прыгнул по направлению к самке. По всей видимости, это произошло не потому, что он устремился к ней, полный тоски и отчаяния, а просто-напросто потому, что смотрел на тигрицу в тот момент, когда в него попала пуля.

Дно оврага было покрыто крупными валунами. Между камнями и по склонам виднелись густые заросли. Укрытие казалось почти идеальным, и я решил, что при сложившихся обстоятельствах лучше не идти по кровавым следам, оставленным раненым зверем. Наверняка он сам вскоре истечет кровью.

Поэтому мы не стали спускаться в овраг до утра.

На следующий день, двигаясь по кровавому следу, мы нашли в кустарнике мертвого тигра. Когда его вытаскивали, труп был еще теплым.

Для некоторых охотников охота с махана на тигра лишена всякой прелести по сравнению с тем волнением, которое им доставляет преследование зверя пешком. Тем не менее я глубоко сомневаюсь в том, что пешее преследование когда-либо станет широко распространенным способом охоты. Само собой разумеется, что его не следует рекомендовать ни для начинающих охотников, ни для тех, кто может промахнуться в решающий момент.

Махан с живой или мертвой приманкой под ним не единственное место, где можно подкараулить тигра. Хорошо выбранная позиция на дереве или скале над водопоем часто предоставляет блестящую возможность для выстрела, в особенности там, где мало водоемов. Кое-где с помощью такого метода охотятся на оленей, антилоп и других животных. Но там, где я вырос, ни один уважающий себя охотник-спортсмен не станет убивать дикое животное, пришедшее утолить жажду. Исключение делается только для хищников, которые не дают пить другим зверям. Устраивать засаду на оленей, кабанов или мелкую лесную живность, пришедшую к водопою,— значит нарушать не только охотничьи правила, но и кодекс охотничьей чести.

Лично я в период засухи старался избегать такого рода охоты даже на леопардов и тигров. И все же однажды мне пришлось убить у водопоя тигра. Это был исключительно хитрый людоед, и иного выхода у меня не оставалось.

Тигр был слишком осторожен и опасен для того, чтобы использовать против него загонщиков, и слишком хитер, чтобы привлечь его живой приманкой. Вид привязанного и брошенного на произвол судьбы животного сразу же вызывал у него подозрение. Он никогда не подходил к приманке. Даже когда на его дороге к водопою специально привязали теленка, тигр ушел и вообще стал держаться подальше от воды. Тем не менее я был уверен, что спустя некоторое время он все же вернется на водопой, и решил подкараулить его.

Однако это было легче сказать, чем сделать. У воды не было не только подходящего дерева для сооружения махана, но даже камня или кустарника, который мог бы обеспечить хотя бы минимальное прикрытие. После небольшого размышления я решил, что самое лучшее — это вырыть круглую яму четырех футов глубиной и трех в диаметре, а сверху на трех плоских камнях укрепить тяжелое деревянное колесо от повозки.

Вечером я залез с винтовкой в свою нору. Между колесом и землей оставался просвет высотой в девять дюймов, сквозь который я мог стрелять. Шикари тщательно замаскировали крышу моего убежища листьями и ветвями кустарника. Потом все ушли, и я остался один.

Ночь была безлунная. Хотя стоял уже ноябрь, звезды сверкали, как бриллианты. Темнота мешала мне увидеть тигра, спускавшегося к воде. О том, что тигр подошел к воде и находится в трех-четырех ярдах от меня, я догадывался лишь по громкому хлюпанью: зверь лакал воду. Напрягая зрение, я стал всматриваться в направлении звука и увидел неясный силуэт. Медленно подняв винтовку, я прицелился и включил фонарь, прикрепленный к стволу.

Да, прямо у воды стоял тигр собственной персоной. Как только вспыхнул свет, он повернулся и приготовился к прыжку. Глаза зверя горели в лучах света, словно лампочки. Мне не оставалось ничего другого, как прицелиться, спустить курок и понадеяться на

свое счастье. Мне повезло. Хотя лоб тигра не такое уязвимое место, как затылок или плечо, но в этот раз выстрел оказался смертельным. Тигр рухнул как подкошенный.

Я взял с собой фляжку и кое-какую еду для ночного бдения, так как решил остаться на месте до утра. Время от времени я направлял свет фонаря на мертвого тигра, чтобы отпугнуть шакалов. Но ни один из них не появился. Утром, когда за мной пришли шикари, шкура, верно служившая тигру-людоеду, была снята с него, совершенно неповрежденной.

Ранее я уже упоминал, что тигры-самцы иногда, на свою беду, подходят к клеткам зоосада, где томятся тигрицы. Самца возбуждает и привлекает запах самки в период течки. Складывается впечатление, что чутье тигра — дар, более предназначенный для сношений с противоположным полом, чем для охоты или борьбы с противником.

На этой слабости тигра иногда играют охотники, используя растение, известное под названием балчар или индийский нард[1]. Его запах тигры, по-видимому, не отличают от запаха тигрицы.

Покойный махараджа Датия получил однажды у махараджи Гвалияра разрешение поохотиться на тигра во время двухдневного визита в Гвалияр. Как раз накануне поступило сообщение о том, что в двух милях южнее Такинпура бродячий тигр, давно снискавший дурную славу похитителя домашнего скота, растерзал корову. Не теряя времени, я сел в машину, чтобы осмотреть район и выбрать подходящее место для засидки.

На следующий день в сопровождении махараджи Датия и двух шикари я отправился в дорогу. С собою мы захватили домашнюю свинью, два небольших мешочка балчара и переносный махан. В Такинпуре нам стало известно, что тот же самый тигр совершил еще одно нападение. Значит, он продолжает бродить в этом районе и можно надеяться на удачную охоту. Останки коровы по моему распоряжению были сохранены; их оставили лежать на открытом месте, в ста ярдах от которого рос большой баньян, окруженный густым кустарником. Там я укрепил переносный махан, тщательно замаскировав его. Тем временем мешки с балчаром замочили в воде. Когда они намокли и стали пахнуть тигрицей, два шикари потащили их на веревке — один на север, другой на юг. Я велел им протащить мешки хотя бы на милю, а затем вернуться по той же дороге. Убедившись в том, что свинья крепко привязана на открытом месте (в тридцати ярдах от махана), я отправился в гостиницу за махараджей.

В семь часов мы заняли места на махане. Вскоре взошла луна. Видимость стала прекрасной. До десяти часов не произошло ничего, что нарушило бы тишину и спокойствие на лужайке. Однако

[1] Нард (Nardostachys jatamansi) — многолетнее травянистое растение из семейства валериановых. Корневище нарда обладает сильным и приятным ароматом. Из этого растения изготовляют так называемый благовонный нард для косметических и лечебных целей.

свинья начала проявлять признаки беспокойства и вскоре дико завизжала: тигр пересек открытое пространство и бросился на нее. Бедное животное не могло, естественно, оказать сопротивления. Визг прекратился. Тут мой спутник выстрелил и сразил пулей в плечо прежде, чем тот успел исчезнуть с добычей.

Зная повадки тигра, я не сомневался в том, что именно след от балчара привлек его к приманке.

Тигры и привидения

С тиграми связана масса легенд и страшных историй о привидениях. Иначе и быть не могло. Во всем мире самые крупные и самые опасные звери в глазах простого человека олицетворяют собою силы дикой природы и, естественно, вызывают страх и повышенный интерес. Но тигры окружены ореолом особой таинственности благодаря той легкости и быстроте, с какой они появляются и исчезают. Несмотря на свои большие размеры, тигр может оставаться незамеченным даже на близком расстоянии. Его способность маскироваться просто фантастическая. Тот, кто видел тигров только в неволе, вряд ли способен представить себе, что полосатая шкура зверя, так резко бросающаяся в глаза, становится невидимой на фоне темных джунглей, высокой травы, кустарника или леса. Тигры обладают искусством буквально застывать на месте так, что даже усы у них не шевелятся. До тех пор, пока хищник стоит неподвижно, даже опытный охотник может не различить его. Не раз случалось, что охотник раньше улавливал запах тигра, чем замечал самого зверя.

Я вспоминаю, как неожиданно закончился загон, организованный для махараджи Гвалияра. Загон должен был идти по оврагу. Дерево, которое росло среди зарослей кустарника в овраге, ближе к его правому склону, покрытому лишь песком, как никогда подходило для устройства махана. До начала охоты я соорудил на ветвях махан, достаточный для размещения троих охотников. В день охоты я распорядился перебросить лестницу между краем оврага и маханом так, чтобы махараджа и оба его спутника могли спокойно занять свои места, не продираясь сквозь кустарник. Когда охотники расположились на махане и убрали лестницу, махараджа, посмотрев на часы и убедившись, что до сигнала о начале загона осталось еще полчаса, закурил сигарету. Он был страстный курильщик, но курить, когда ждешь зверя,— рискованное дело. После нескольких затяжек охотник выбросил сигарету. Но разве мог он ожидать, что тлеющий окурок упадет на спину тигра, спокойно лежавшего в кустарнике прямо под маханом! Рассерженный зверь с диким рычанием выскочил из кустарника и бросился в джунгли. Так как ни одна из винтовок даже не была заряжена, никто, естественно, не смог выстрелить по убегающему зверю.

Все трое мужчин, сидевших на махане, были прекрасными охотниками. Они, казалось, должны были бы сверху сразу обнаружить тигра. Тем не менее, пока он не двинулся с места, никто из них и не подозревал о его присутствии.

Примерно такой же случай произошел спустя несколько лет в Рамгархе, куда махараджа Джайпура пригласил на охоту лорда Уэйвелла. Я стал готовиться к загону и выставил в разных местах приманки. За ними наблюдали шикари.

Ночью накануне приезда гостя тигр убил приманку довольно близко от охотничьего домика. Наши шансы на успешную охоту повысились. Но примерно за час до начала загона я заметил среди обитателей джунглей признаки какого-то беспокойства. Уже за границей района охоты подняли шум обезьяны. Обычно они ведут себя так, когда к ним приближается крупный зверь. Напрашивался вывод, что тигр уже ушел от убитого животного.

Охотники заняли места, секторы стрельбы были определены, загонщики и проводники проинструктированы. Стало уже невозможно быстро изменить наши планы, хотя незнание обстановки могло привести к несчастным случаям. Осталась лишь надежда на то, что обезьян напугали пантера или какой-либо другой тигр. Поэтому я решил пойти в джунгли, в глубь района, предназначенного для загона, и попытаться хотя бы мельком взглянуть на зверя, схватившего приманку. Риск состоял в том, что, действуя подобным образом, я мог спугнуть тигра. Но это была единственная возможность узнать, не ушел ли зверь. Во всяком случае, я не мог проводить загон на пустом месте, в то время как тигр сидел за спиной загонщиков. Расставив сигнальщиков и посвятив их в свои намерения, я вошел в джунгли и начал очень медленно двигаться к зарезанному буйволу.

Не прошел я и сотни ярдов, как в низком кустарнике на другой стороне поляны увидел тигра. Я немедленно поспешил обратно к охотничьему домику, чтобы сообщить об этом махарадже и вице-королю и попросить занять свои места на махане. Как только охотники заняли позицию, я подал сигнал, и загон начался. Цепь загонщиков неудержимо двигалась вперед, однако ни тигра, ни вообще какого-либо другого крупного зверя не было видно. В конце концов, к моему изумлению и неудовольствию, загонщики, так и не подняв зверя, вышли на рубеж, у которого должны были остановиться, чтобы не оказаться под пулями. Невозможно было представить, чтобы тигр прошел впереди них, не обнаружив себя. Мимо тигра загонщики также не могли пройти.

Я стоял рядом с маханом, и мне казалось, что охотники озадаченно смотрят на меня. И вдруг совсем рядом послышалось ужасное рычание. Сердца наши ушли в пятки. Секундой позже в нескольких шагах от махана из густых зарослей выскочил тигр. Лорд Уэйвелл выстрелил навскидку, но промахнулся, а в следующий миг зверь уже скрылся из виду.

Произошло, очевидно, следующее. Тигр, которого я спугнул, пошел прямо вперед, не пытаясь свернуть в сторону, где стояли

загонщики. Пройдя через открытое пространство — сектор стрельбы, когда на махане еще никого не было, он достиг густых кустарников перед самой платформой. Здесь зверь и укрылся в зарослях. Распределяя охотников перед началом загона, мы прошли в нескольких метрах от него. Увидев людей, взбиравшихся на махан, тигр затаился и выскочил из своего укрытия, производя побольше шума для того, чтобы напугать своих противников. Его уловка удалась.

Если у тигра зарождается какое-либо подозрение, он часто производит осторожную разведку местности. Благодаря исключительной легкости и бесшумности движений ему это удается блестяще.

Однажды лунной ночью я лежал за небольшим укрытием в шести футах от вершины песчаной насыпи. Внизу, у подножия, лежал буйвол, убитый тигром предыдущей ночью. Полная луна светила мне прямо в спину. Внезапно на песок в нескольких шагах от меня легла четкая тень тигра. Я понял, что зверь находится прямо надо мной, сразу же затаился и расслабился, почти наверняка уверенный в том, что на этом мои охотничьи похождения закончились. Послышалось глухое рычание, тень двинулась назад. Когда я поднял голову, луна равнодушно освещала пустое пространство.

Еще более странные происшествия могут приключиться с теми, кто проводит много времени в поисках тигра. В апреле 1943 года, как видно из моих записей, я отправился в Басву, чтобы уничтожить тигра, нападавшего на людей и домашний скот.

Басва — небольшое, но процветающее местечко. Своим благополучием оно обязано железнодорожной станции: через Басву проходит магистраль Джайпур — Дели. Но там нет автомобильных дорог, а проселочные в очень скверном состоянии. Учитывая это, я выслал вперед небольшую группу людей на верблюдах и, закончив дела, последовал за ними. В Басве меня постигло разочарование: местные шикари не смогли разыскать свежий след тигра или сообщить что-либо толковое о его повадках.

Прошло три дня, прежде чем я смог обнаружить кое-какие признаки тигра. Мне сообщили, что он зарезал корову рядом с храмом Вишну, расположенным у подножия большого холма примерно в четырех милях к востоку от того места, где я разбил лагерь. Я тут же отправился в путь верхом на верблюде и тщательно осмотрел место происшествия. В районе храма находилось несколько заброшенных строений. Сам храм был окружен с одной стороны высокими тенистыми деревьями, а с другой — остатками земляного вала. Видимо, раньше здесь был дворик. Тут же находилась цистерна, пополняемая водой из источника.

Я нашел останки коровы в двухстах ярдах от храма. Тигр расправился с ней, очевидно, предыдущей ночью, так как съедена она была лишь наполовину. Никто ничего не видел и не слышал о происшедшем до тех пор, пока не нашли труп коровы. Единственным служителем храма был священник. Он рассказал, что, опасаясь

тигра, давно уже уходит из храма задолго до наступления темноты и возвращается после восхода солнца.

Почва здесь была твердой, поэтому следов тигра сначала обнаружить не удалось. После тщательных поисков отпечатки лап нашли на склоне холма. Отсюда я сделал вывод, что тигр, насытившись, перешел на противоположную сторону холма, покрытую густым кустарником.

Я объехал весь район, собирая сведения, расспрашивая всех, кто встречался на моем пути. Единственно полезная информация, которую мне удалось получить, заключалась в том, что тигр — если только он находился по соседству с храмом — утолял жажду у храмового источника.

Я купил козла и вернулся к храму. Останки коровы подтащили к источнику, а козла привязали по соседству в тени. Крыша храма, плоская, с парапетом высотой в один фут, представлялась мне более удобной позицией, чем махан на дереве. Мы подняли на крышу несколько крупных камней и установили их на парапете в виде небольшой баррикады так, чтобы меня не было видно и в то же время не мешало прицельной стрельбе. Задолго до темноты я отослал шикари с верблюдами в лагерь и, устроившись на крыше с винтовкой и термосом, стал ожидать развития событий.

Я привязал козла не только потому, что у меня не было времени на покупку буйвола. Дело в том, что тигры очень любят козлиное мясо. Хотя тигр, о котором шла речь, был известен как опытный похититель скота и мог запросто убить и утащить такое маленькое животное, как козел, я был убежден, что сумею свалить тигра, если он набросится на свою жертву, стоящую всего лишь в пятнадцати ярдах от меня.

Примерно в девять тридцать вечера я услышал высоко на холмах рев замбара, предупреждающего о том, что тигр вышел на охоту. Десять минут спустя, как показали мои часы со светящимся циферблатом, поблизости заскулил шакал, и тут же прерывисто заблеял козел. С этой минуты я должен был сосредоточить все свое внимание на том, что происходило внизу. Однако неожиданно я почувствовал, как что-то зашевелилось слева от меня. Там сидела огромная крыса. Когда я медленно повернул голову, чтобы лучше рассмотреть ее, крыса затрусила ко мне. Вначале я подумал, что она не догадывается о моем присутствии, и резко замахнулся на нее, чтобы отогнать прочь. Крыса увернулась и скрылась в тени, но спустя полминуты у меня опять появилось неприятное чувство, что кто-то наблюдает за мной сзади. Стараясь держать голову ниже уровня парапета, я осторожно посмотрел назад. Там совершенно спокойно сидела моя непрошеная соседка. Шкура ее отливала серебром в ярком свете луны. Я понял, что крыса может помешать мне выстрелить. Единственное, что можно было сделать,— это бросить в нее патронташ или термос. Но это произвело бы большой шум. В то время как я ломал себе голову, как выйти из затруднительного положения, тщетно стараясь найти палку, произошло нечто удивительное. Крыса неожиданно бросилась в сторону, и,

оказавшись справа от меня, попыталась вцепиться в руку. Я вынужден был отдернуть руку и схватить патронташ.

Мне было смешно и стыдно. Я лежал здесь с оружием, которое могло уложить буйвола, и почувствовал себя беспомощным перед грызуном, весившим несколько унций. Но чувство юмора скоро меня покинуло. Я был недоволен собой и, если быть откровенным, в какой-то мере утратил душевное равновесие.

Крыса не уходила, а продолжала метаться в темноте взад и вперед под парапетом. Мне пришло в голову, что носовой платок поможет отпугнуть ее: животные часто пугаются белых предметов. Я осторожно вытащил платок и резко взмахнул им. На крысу это не произвело никакого впечатления. А в следующую секунду я уже забыл о ее существовании: снизу послышалось громкое блеяние и вслед за этим звук лопнувшей веревки.

Я выглянул и успел лишь увидеть, как тигр метнулся под тень деревьев. Перемахнув через земляной вал, он исчез вместе с козлом.

Когда я отвернулся от парапета, крысы и след простыл. Решив, что тигр вернется на водопой, я решил остаться на месте, сохраняя при этом величайшую осторожность. Но даже шакал не подошел к трупу коровы. Остаток ночи прошел без всяких происшествий.

Утром меня ждал сюрприз. Следы тигра были ясно видны в пыли. Однако, осмотрев их, я убедился, что это был совсем не тот тигр, которого я искал. О том было известно, что он крупный самец. а следы, скорее продолговатые, чем круглые, могли быть лишь следами тигрицы.

Когда я возвратился в лагерь, меня встретила группа крестьян с печальными новостями. В то время как я подкарауливал тигра у храма, он ворвался на общинный скотный двор в нескольких милях отсюда и зарезал хорошую дойную корову. Несколько мужчин, ожесточенных этой потерей, пытались прогнать зверя прочь. Однако тигр тяжело изувечил одного из них. Проклиная все на свете, я вновь сел на верблюда.

В деревне мое настроение немного улучшилось. Рядом со скотным двором я увидел хорошее дерево и быстро соорудил на нем махан. Осмотрев труп коровы, я велел вытащить его со двора и положить в удобном для меня месте — в футах сорока от дерева. Потревоженный тигр не смог как следует поживиться добычей, и у меня оставалась надежда, что он еще вернется к своей жертве. От бродячего тигра можно было ждать всего что угодно.

В полдень я вернулся в деревню и взобрался на махан. Все шло как по маслу. Около девяти часов похититель скота появился в лунном свете и, оглядевшись по сторонам, приступил к трапезе. Успешные нападения на людей притупили его бдительность, иначе он обратил бы внимание на то, что труп коровы передвинулся на некоторое расстояние. Как только тигр увлекся едой, я застрелил его, спустился с махана и попросил шикари снять шкуру. В лагерь я вернулся довольным.

Дальнейший осмотр места моей первой засидки у храма пока-

зал, что ускользнувшая от меня тигрица довольно часто приходила на водопой к источнику. До сих пор за ней не водилось привычек нападать на домашних животных, и она очень боялась людей. Я не делал больше попыток убить ее. Как мог заметить читатель, я не отношусь к числу людей слишком щепетильных, однако не считаю правильным стрелять в животное без нужды, тем более что тигрица всего-навсего хотела утолить жажду у храмового источника.

Гораздо более интересная история связана с тигром-людоедом, обитавшим на холмах Адабалла. Профессиональный охотник, проживающий в этом районе, вызвался добровольно уничтожить зверя, растерзавшего уже несколько человек. Изучив привычки тигра, он устроил рядом с водоемом, на дереве, на высоте примерно пятнадцати футов, махан. Внизу был привязан буйвол. Его решили принести в жертву ради общего блага. Охотник взобрался на махан задолго до наступления темноты.

Тигры-людоеды, если они немолоды, быстро начинают разбираться в действиях людей. Когда тигр подошел к воде и увидел быка, привязанного к колу, он заподозрил неладное. Кроме того, попробовав человеческого мяса, зверь не спешил нападать на довольно сильное животное. Да и зачем это делать, если он привык получать добычу по вкусу. Поэтому тигр отошел в ближайшие кусты и стал ждать.

Спустя некоторое время он обнаружил охотника на махане. Во всяком случае, около полуночи он тихо подошел к дереву, а затем внезапным прыжком — следы когтей остались на стволе — вскарабкался на дерево и схватил несчастного, который, очевидно, задремал. На следующее утро нашли одежду и останки растерзанного охотника. Буйвол так и остался нетронутым.

Ни у кого теперь не появлялось желания охотиться на людоеда. Шли месяцы, и еще шестеро крестьян погибли, но, несмотря на довольно высокую премию, во всем районе так и не нашлось ни одного добровольца. Слухи о полосатом убийце тем не менее распространялись, и в конце концов один предприимчивый спортсмен решил попытать счастья. Тщательно осмотрев местность, он с огорчением убедился, что единственное дерево, подходящее для махана,— это то, откуда тигр стащил охотника. Тигр редко или почти никогда не возвращается к месту, где убил человека, и лишь привычка зверя постоянно пить воду на одном и том же месте давала кое-какую надежду на успех.

Охотник устроил махан на пять метров выше своего несчастного предшественника. Правда, осмотр дерева не давал никаких оснований предполагать, что тигр не сможет добраться до человека. И все же, будучи хорошим стрелком, наш спортсмен вполне обоснованно считал, что сумеет уложить зверя прежде, чем тот доберется до него. Он приобрел жирного телка, способного, как он думал, возбудить аппетит у любого, даже самого старого тигра.

Охотника никто не сопровождал. Ближе к ночи он спустился к воде и вскарабкался на свою засидку. Зарядив винтовку и устроившись как можно удобнее — насколько позволяло его положение,—

он начал наблюдать. Все было спокойно. Телок жевал траву. Ни шакал, ни чибис не нарушили тишины предупреждающими криками. Светила луна. Охотник до боли в глазах вглядывался в черные тени. Внезапно он вздрогнул, словно от резкого толчка, покачнулся и увидел внизу тигра, готового к прыжку. Хотя внимание охотника и было рассеяно, он тем не менее быстро поднял винтовку и, не раздумывая, выстрелил вниз. Тигр рухнул у корней дерева. Человек, убивший тигра, сам рассказал мне эту историю.

Фарли Моуэт

Не кричи: «Волки!»

Посвящается Ангелине

1

Долгие годы и большое расстояние разделяют ванную комнату моей бабушки в Оквилле (Онтарио) и волчье логово в тундре центрального Киватина. В мои намерения не входит описание всего жизненного пути, лежащего между этими крайними точками. Но у всякого рассказа должно быть начало, поэтому историю моего жития-бытия среди волков следует начать с бабушкиной ванной.

В пятилетнем возрасте я не обнаружил ни малейших признаков будущего призвания, хотя у большинства одаренных детей они появляются значительно раньше. Возможно, именно огорчение, вызванное моей неспособностью хоть как-то проявить себя, побудило родителей отвезти меня в Оквилль. Там они подкинули незадачливого сына бабушке с дедушкой, а сами укатили отдыхать.

В оквилльском доме, носившем название «Живая изгородь», царил дух необычайной чопорности, и я там чувствовал себя не в своей тарелке. Мой двоюродный брат, постоянный обитатель дома, был немногим старше меня, но он уже твердо выбрал для себя профессию военного — собрал огромную армию оловянных солдатиков и целеустремленно готовился стать вторым Веллингтоном. Моя полная непригодность к роли Наполеона так его разозлила, что последовал разрыв всяких отношений между нами, если не считать самых официальных.

Моя бабка, валлийская аристократка, так никогда и не простившая мужу его скобяной торговли, относилась ко мне вполне терпимо, но я никак не мог преодолеть страха перед ней. Впрочем, ее боялись все, включая дедушку, который давненько нашел спасение в притворной глухоте. Целые дни дед проводил в большом уютном

Печатается по изданию: Ф. Моуэт. «Не кричи: «Волки!» М., «Мир», 1968.

кожаном кресле, спокойный и невозмутимый, словно Будда, недоступиый житейским бурям, проносившимся по корндорам «Живой изгороди». Однако могу поклясться, что он отлично слышал слово «виски», даже сказанное шепотом за три этажа от его комнаты.

В этом доме для меня не нашлось задушевного друга, и я стал повсюду бродить один, решительно отказываясь расходовать энергию на что-либо полезное; именно тогда и столь неожиданно проявились мон будущие наклонности.

Однажды жарким летним днем я бесцельно брел вдоль сильно петлявшего ручейка и внезапно вышел к пересохшей заводи. На дне, чуть прикрытые зеленым илом, лежали при последнем издыхании три вьюна. Рыбки заинтересовали меня. Палкой я вытащил их на берег и с нетерпением стал ждать, когда они заснут, но вьюны никак не хотели умирать. Только я решал, что они уже окончательно мертвы, как вдруг широкие, безобразные рты открывались еще для одного вздоха. Столь упорное нежеланне подчиниться судьбе так потрясло меня, что я нашел консервную банку, положил туда вьюнов, прикрыл илом и поиес домой.

Рыбки начинали мне нравиться, н я страшно захотел узнать их поближе. Только вот вопрос: где их держать? Стиральных корыт в «Живой изгородн» нет; есть, правда, ванна, но пробка плохо подходит и не держит воду. Настало время ложиться спать, а я все еще не решил проблему, хотя и понимал, что даже такие стойкие рыбы вряд ли выдержат целую ночь в консервной банке. Не найдя приемлемого выхода, подгоняемый отчаянием, я пошел на все и решил пустить рыбок в унитаз бабушкиного старомодного туалета.

Я был тогда слишком мал н не мог понимать всех специфических особенностей, которые присущи старости. Одна из них и послужила непосредственной причиной неожиданного и весьма драматического столкновения между бабушкой и рыбами, происшедшего глубокой ночью.

Переживание оказалось слишком сильным и для бабушки, и для меня, и, вероятно, для вьюнов тоже. До конца своей жизни бабушка в рот ие брала рыбы н, отправляясь в ночные странствия, неизменно вооружалась электрическим фонариком. Признаться, я так и не знаю, какой эффект произвело это событие на вьюнов, так как мой жестокосердный кузен безжалостно спустил воду, едва тревога улеглась. Что касается меня самого, то это происшествие послужило первым толчком к моему увлечению малыми тварями, которое сохранилось и поныне. Одним словом, приключение с вьюнамн положило начало моей карьере натуралиста н биолога.

Так я вступил на путь, который привел меня в волчье логово.

Мое увлечение животным миром вскоре перешло в настоящую страсть. Мне казалось, что н люди, разделяющие мою любовь к природе, тоже совершенно исключительные личности. Моим первым наставником был шотландец средних лет, который развозил лед и тем самым зарабатывал на жизнь, но странно увлекался изучением

млекопитающих. В раннем детстве бедняга перенес чесотку или еще какую-то другую болезнь; в результате у него вылезли все волосы. Возможно, именно из-за этой трагедии он ко времени нашей встречи целых пятнадцать лет своей жизни посвятил изучению влияния летней линьки на гоферов. Этот человек сумел настолько приручить пугливых зверьков, что свистом вызывал их из норок и не торопясь осматривал шерсть на спинках.

Не меньший интерес представляли ученые-биологи, с которыми мне довелось встретиться позже. Когда мне исполнилось восемнадцать, я целое лето вел полевые наблюдения под руководством весьма почтенного специалиста по млекопитающим. Семидесятилетний ученый казался до отказа набитым всякими учеными степенями, причем своим высоким положением в мире науки он был обязан главным образом неустанным исследованиям маточных рубцов у землероек. Да, этот уважаемый профессор крупного американского университета знал о матке насекомоядных больше кого бы то ни было другого. К тому же он мог бесконечно говорить на излюбленную тему. Мне никогда не забыть одного из вечеров, когда маститый ученый перед лицом весьма разнородной аудитории (состоявшей из торговца пушниной, почтенной индейской матроны из племени кри и английского миссионера) разразился вдохновенным часовым монологом о половых отклонениях у самок карликового крота. (Торговец в первый момент неправильно понял смысл лекции, но миссионер, привыкший к скучным проповедям, быстро разъяснил ему, в чем дело.)

Первые годы увлечения естествознанием пролетели незаметно. Но вот наступила пора зрелости, и стало ясно, что прежняя забава становится профессией. Кончились беззаботные дни общеобразовательной подготовки, когда можно было интересоваться сразу всеми областями естественной истории. Наступил момент, когда пришлось столкнуться с малоприятной необходимостью специализации. Я это отлично понимал, и все-таки в начале университетского курса мне было очень трудно выбрать узкую стезю.

Одно время я всерьез собирался пойти по стопам одного приятеля, который специализировался в области скатологии (раздел биологии, связанный с изучением экскрементов животных) и впоследствии стал весьма уважаемым скатологом Биологической службы США. Предмет казался мне довольно увлекательным, но все же не захватывал настолько, чтобы я мог посвятить ему всю свою жизнь. А кроме того, в эту область науки стремилось слишком много желающих.

Пожалуй, больше всего меня привлекало изучение животных в их естественной среде. Я придерживался буквального смысла слова «биология», что, как известно, означает *изучение жизни,* и был искренне озадачен тем, что мои сверстники, как черт от ладана, бежали от всего живого, радовались возможности укрыться в стерильной атмосфере лабораторий и корпеть там над мертвым материалом. В самом деле, в мое время в университете считалось

немодным возиться с животными — не только с живыми, но и с мертвыми. Ученые-биологи зарывались в статистические и аналитические исследования, в то время как сама жизнь служила лишь пищей для вычислительных машин.

Неумение приспосабливаться к новым течениям отрицательно сказалось на моей научной карьере. Все студенты очень рано приобрели различные непонятные специальности, которые они изобретали, исходя из теории, что единственному специалисту в редкостной отрасли нечего бояться конкуренции. Я же по-прежнему не мог переключиться с общего на частное. Приближался выпуск, и оказалось, что большинству моих однокурсников уже уготованы тепленькие местечки в исследовательских учреждениях. Только я не мог предложить ничего достаточно привлекательного для биологического рынка. Поэтому мне суждено было поступить на государственную службу.

Жребий был брошен в одно прекрасное зимнее утро, когда почтальон вручил мне вызов Службы изучения животного мира Канады. В нем сообщалось, что я принят на «щедрый» оклад в 120 долларов в месяц и должен *немедленно* явиться в Оттаву.

Пришлось подчиниться властному приказу и подавить в себе остатки мятежного духа. Ведь за годы учебы я превосходно усвоил, что иерархия в науке требует от своих служителей если не подхалимства, то уж, во всяком случае, полной покорности.

Через два дня я прибыл в открытую всем ветрам серую столицу Канады и в лабиринте темных коридоров вместительного здания отыскал Службу изучения животного мира. Там я представился главному маммологу, который оказался моим школьным товарищем. Увы, беззаботные дни детства миновали, и теперь предо мной сидел махровый чинуша, преисполненный чувства собственного достоинства. Ну, его, видно, ничем не проймешь! Я ограничился тем, что воздержался от изъявления своего глубочайшего почтения.

Мне предоставили несколько дней для так называемого ознакомления; по-моему, штука эта придумана специально для того, чтобы довести человека до безнадежного отчаяния и сделать его уступчивым. Во всяком случае легионы ученых педантов, которых я посетил в их мрачных, пропахших формалином каморках — там они бесконечные часы обрабатывают скучнейшие данные или сочиняют никому не нужные доклады,— отнюдь не вдохновили меня. За это время я твердо усвоил лишь одно: в отличие от бюрократической иерархии научная иерархия Оттавы больше смахивает на анархию.

Наконец наступил долгопамятный день. Я был признан годным для инспекционного смотра и торжественно препровожден к заместителю министра. Должен признаться, я так растерялся, что назвал его просто «мистер». Сопровождающий меня начальник, побледнев от страха, мгновенно выставил меня из зала аудиенций и окольными путями провел в мужской туалет. Там он прежде всего присел на корточки и поочередно заглянул под двери всех кабинок,

чтобы убедиться, что нас никто не подслушивает, а затем зловеще прошептал: «При обращении к заместителю министра никогда не смейте называть его иначе как «шеф» или, еще лучше, «полковник», в память об англо-бурской войне, в которой ему довелось участвовать!»

К слову сказать, военные звания в этом гражданском ведомстве считаются большим шиком. Все документы подписываются обязательно с указанием чина: капитан такой-то, лейтенант такой-то (если они исходят от младших чинов) или полковник имярек, бригадир имярек (если документ спускается сверху). Сотрудники, которым не представилось случая приобрести хотя бы псевдовоенную профессию, вынуждены были сами сочинять себе подходящие звания: штаб-офицерские — для пожилых и субалтернские — для молодежи. К сожалению, не все относились к этому с должной серьезностью. Я знал одного новичка из ихтиологического отдела, который вскоре прославился тем, что докладную записку на имя шефа подмахнул следующим образом: «Д. Смит, исполняющий обязанности ефрейтора». Через неделю отчаянный юнец был уже на пути к самой северной оконечности острова Элсмир, где ему предстояло влачить жизнь изгнанника и заниматься изучением биологии девятииглой колюшки.

Легкомыслие не встречает благосклонного отношения в аскетически суровых канцеляриях. Мне пришлось убедиться в этом на собственном опыте, когда обсуждались вопросы снабжения моей экспедиции. На совещании присутствовало много важных людей, которым надлежало обсудить и утвердить список необходимого снаряжения. Это был солидный документ, согласно инструкции отпечатанный в пяти экземплярах и внушительно озаглавленный «Заявка на материально-техническое снабжение полевых работ по волкам».

И без того взвинченный утомительными сборами в дорогу, я окончательно потерял голову, когда почтенное собрание перешло к обсуждению двенадцатого пункта этого ужасающего списка: *Бумага туалетная, правительственный стандарт, 12 рулонов.*

Резкое замечание представителя финансового отдела, что по этой статье возможна экономия, если полевая партия (состоявшая из меня одного) будет проявлять должную воздержанность, вызвало у меня истерический смешок. Правда, я почти моментально подавил его, но, увы, слишком поздно. Двое из присутствующих, старшие по званию — оба «майоры»,— молча поднялись, холодно поклонились и вышли из комнаты.

Оттавское испытание подходило к концу, но его кульминационная точка была еще впереди. Как-то рано утром я был вызван в кабинет своего непосредственного начальника для заключительной беседы «перед отъездом в поле».

Шеф восседал за покрытым пылью массивным письменным столом, на котором в беспорядке валялись пожелтевшие черепа сурков (со времени поступления в отдел — а это было в 1897 году —

он занимался определением скорости разрушения зубов у этих грызунов). На стене висел портрет хмурого бородатого ученого; покойный основоположник школы по изучению млекопитающих неприязненно взирал на меня. Пахло формалином — этот запах ассоциировался с тошнотворным ароматом задних помещений похоронного бюро.

После длительного молчания, во время которого он рассеянно вертел в руках череп сурка, шеф наконец с чрезвычайной серьезностью приступил к инструктажу:

— Как вам известно, лейтенант Моуэт, проблема *Canis lupus* приобрела общенациональное значение. За один только прошлый год наше министерство получило не менее тридцати семи меморандумов от депутатов парламента, и все они от имени избирателей настойчиво требуют принять меры против волков. В большинстве случаев жалобы исходят от таких мирных и незаинтересованных общественных организаций, как рыболовные и охотничьи клубы. Что же касается деловых кругов, преимущественно крупных фабрикантов по производству боеприпасов, то их поддержка придает особый вес законным протестам избирателей, граждан нашей великой страны. Претензии сводятся к тому, что волки уничтожают оленей, поэтому наши сограждане все реже привозят с охоты богатую добычу.

— Вы, очевидно, знаете,— продолжал шеф,— что мой предшественник подготовил для министра справку, в которой резкое сокращение поголовья оленей объяснялось ростом числа охотников (по его данным, на каждого оленя приходится пять человек). Министр, поверив ему на слово, начал было зачитывать этот документ в палате общин, но его быстро заставили замолчать криками «Лжец!», «Волчий прихвостень!». Через три дня моему злополучному коллеге пришлось оставить государственную службу, а министр выступил в печати со следующим заявлением: «Министерство по делам Севера и ресурсам намерено сделать все возможное, чтобы положить конец кровавой резне оленей, чинимой стаями волков. Предусмотрена широкая программа исследований этой жизненно важной проблемы с привлечением всех имеющихся в распоряжении министерства сил и средств. Население Канады может быть уверено, что правительство, членом которого я имею честь являться, примет все меры для устранения нетерпимого положения».

С этими словами шеф взял со стола самый крупный череп сурка и начал ритмически пощелкивать его челюстями, как бы подчеркивая значимость заключительных фраз:

— Вам, лейтенант Моуэт, предстоит осуществить этот великий подвиг. Вам надлежит немедленно отправиться в поле и энергично взяться за работу в духе лучших традиций нашего отдела. Помните, лейтенант Моуэт, волки — это ваша проблема!

Собравшись с силами, я встал по стойке смирно, при этом моя правая рука непроизвольно вскинулась вверх, и, лихо отсалютовав, выскочил из комнаты.

В тот же день я вылетел из Оттавы на транспортном самолете

канадских военно-воздушных сил. Местом моего назначения пока был Черчилл на западном побережье Гудзонова залива, но значительно дальше, где-то в пустынных просторах субарктических Бесплодных земель[1], меня ждала конечная цель — встреча с волками.

2

Двухмоторный транспортный самолет, рассчитанный на тридцать пассажиров, был так забит моим снаряжением, что в нем едва хватило места для меня самого и членов экипажа. Пилот, симпатичный лейтенант с усами, загнутыми точно велосипедный руль, с изумлением наблюдал за погрузкой. Он знал лишь, что я правительственный агент и направляюсь в Арктику с каким-то специальным заданием. Выражение любопытства на его лице усиливалось по мере того, как в кабину стали запихивать необычный багаж: три большие связки лязгающих волчьих капканов и среднюю секцию разборной лодки, которая походила на ванну с отрезанными концами. (Благодаря существовавшим в отделе порядкам носовая и кормовая части каноэ были отгружены другому биологу, который изучал гремучих змей в безводной пустыне южного Саскачевана!)

Затем на борт приняли мое оружие — две винтовки, револьвер с кобурой и поясом-патронташем, два дробовика и ящик со слезоточивыми гранатами; последние предназначались для того, чтобы выгонять волков из их логовищ под верный выстрел. Тут же были два больших генератора дыма с броской надписью: «ОПАСНО!». Предполагалось, что с их помощью я смогу подать сигнал бедствия в случае, если заблужусь или попаду в безвыходное положение (например, буду осажден волками). Грозный арсенал завершался ящиком, в котором находился «истребитель волков» — дьявольское изобретение, посылающее заряд цианистого калия прямо в пасть хищника, если тот попытается отведать приманку.

Затем последовало научное снаряжение, включающее два двадцатилитровых бидона, при виде которых брови пилота вовсе ушли под козырек фуражки. На бидонах значилось: *Абсолютный спирт для консервирования желудков.*

Наконец вереницей потянулись палатки, примусы, спальные мешки, связка из семи топоров (до сих пор не понимаю, почему именно семь? Ведь я ехал в совершенно безлесную страну, где и одного топора более чем достаточно!), лыжи, снегоступы, собачья упряжь, радио (приемопередатчик) и бесчисленное количество ящиков и тюков, содержимое которых даже для меня было совершенной загадкой.

Когда все было уложено и надежно закреплено веревками, пилот, второй пилот и я кое-как перелезли через гору груза и втиснулись в кабину.

Летчик, привыкший по службе к военным тайнам, сумел пода-

[1] Бесплодными землями (Barren Lands или Barren Grounds) в Канаде принято называть районы тундры.— *Прим. перев.*

вить жгучее любопытство, вызванное непонятным назначением столь странного снаряжения, и ограничился мрачным замечанием:

— Вряд ли эта старая корзина взлетит с такой уймой всякой всячины на борту.

По правде говоря, я тоже сильно сомневался, но самолет с невероятным грохотом и скрипом все же оторвался от земли.

Полет на север продолжался долго и не был богат событиями, если не считать того, что над заливом Джемса заглох мотор и остальной путь мы летели на небольшой высоте в довольно густом тумане. Эти «мелкие» неприятности временно отвлекли пилота от раздумий о том, кто же я такой и для чего послан. Но едва мы приземлились в Черчилле, как его прорвало.

— Конечно, это не мое собачье дело,— начал он извиняющимся тоном, пока мы шагали к ангару,— но, бога ради, дружище, в чем дело?

— Ничего особенного,— бодро ответил я,— просто мне предстоит провести годик-другой в компании волков, вот и все!

Пилот состроил гримасу — точь-в-точь как мальчишка, которого выбранили за назойливость.

— Виноват,— пробормотал он покаянно,— ведь знаю, что никогда не надо спрашивать.

Но не только экипаж самолета проявлял повышенный интерес к моей персоне. В Черчилле все мои попытки договориться о случайном самолете, который забросил бы меня в глубь тундры, ни к чему не привели. Не помогли ни правдивые объяснения целей экспедиции, ни честное признание того, что я и сам не ведаю места высадки. Ответом было либо настороженное недоверие, либо заговорщическое подмигивание. А между тем я вовсе не стремился к нарочитой уклончивости. Просто я руководствовался приказом, врученным мне перед отъездом из Оттавы:

> *§3, разд. С, п. iii:*
> *Тотчас по прибытии в Черчилл вам надлежит зафрахтовать самолет и следовать дальше в соответствующем направлении на нужное расстояние. Вы должны организовать базу в том месте, где с уверенностью можно рассчитывать на достаточное количество волков и где будут вполне благоприятные условия для работы.*

Тон приказа был весьма решительный, однако в нем явно отсутствовали конкретные указания. Ничего удивительного, что добрая половина населения Черчилла решила, будто я принадлежу к банде грабителей золота, тогда как другие увидели во мне старателя какого-то неведомого прииска, затерянного в бескрайних просторах тундры. Позднее на смену этим версиям пришла третья, еще более захватывающая. По возвращении в Черчилл после длительного отсутствия я с изумлением узнал, что, оказывается, все эти месяцы плавал на льдине вокруг Северного полюса и следил за деятельностью группы русских, дрейфовавших рядом на своем плавучем поле. Оба бидона со спиртом или, как здесь полагали, с водкой пред-

назначались якобы для того, чтобы развязать языки томимых жаждой русских и выведать у них самые сокровенные секреты.

После того как эта сногсшибательная версия облетела город, я стал местной знаменитостью. Но все это случилось гораздо позже, а сейчас, впервые прилетев в Черчилл, я уныло шагал на пронизывающем ветру по улицам города, доверху засыпанного снегом. Тщетно обивал я пороги в поисках летчика, который согласился бы доставить пассажира в неизвестном направлении. Я еще не стал героем, и никто не хотел помочь незнакомому чудаку.

После долгих поисков мне наконец удалось найти пилота, летавшего на древнем как мир «Фэйрчайлде», поставленном на лыжи. Он зарабатывал на жизнь перевозкой трапперов в дальнюю тундру в уединенные промысловые избушки. Когда я выложил перед ним, что от него требуется, он рассвирепел:

— Послушай, малый,— заорал он,— только психи нанимают самолет неизвестно куда и только психу может взбрести в голову, что парень вроде меня всерьез поверит, будто ты хочешь пожить бок о бок со стаей волков! Поищи-ка себе другого воздушного извозчика, понял? Мне некогда валять дурака!

Нужно же было такому случиться, что в Черчилле, этом унылом городишке лачуг, в тот момент не оказалось других воздушных извозчиков, хотя незадолго до моего приезда их было трое. Один из них немного не рассчитал, когда садился на лед Гудзонова залива в надежде подстрелить белого медведя. В итоге медведь оказался единственным оставшимся в живых участником охоты. Второй летчик находился в Виннипеге, где надеялся подсобрать денег на покупку нового самолета — у прежнего при взлете отвалилось крыло. Ну, а третьим был, разумеется, тот, которому «некогда валять дурака».

Поскольку я оказался бессильным выполнить приказ, мне не оставалось ничего иного, как запросить по радио из Оттавы новые распоряжения. Ответ пришел быстро — через каких-нибудь шесть дней.

НЕ МОЖЕМ ПОНЯТЬ ВАШИХ ЗАТРУДНЕНИЙ ТЧК ИНСТРУКЦИИ СОВЕРШЕННО ЯСНЫ ТЧК ПРИ ТОЧНОМ ВЫПОЛНЕНИИ ТРУДНОСТИ ИСКЛЮЧЕНЫ ТЧК ПОСЫЛАТЬ СЛУЖЕБНЫЕ РАДИОГРАММЫ В МИНИСТЕРСТВО ПО ИНСТРУКЦИИ СЛЕДУЕТ ЛИШЬ В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ СЛУЧАЯХ И НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПОВТОРЯЕМ НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ОНИ НЕ ДОЛЖНЫ ПРЕВЫШАТЬ ДЕСЯТИ СЛОВ ТЧК ЧЕРЕЗ ДВЕ НЕДЕЛИ ОЖИДАЕМ ОТЧЕТ О ПРОДЕЛАННОЙ РАБОТЕ И РАССЧИТЫВАЕМ ЧТО ЗА ЭТОТ СРОК ВЫ УСТАНОВИТЕ ТЕСНЫЙ КОНТАКТ С КАНИС ЛУПУС ТЧК РАДИОГРАММЫ ЗА СЧЕТ МИНИСТЕРСТВА НЕ ДОЛЖНЫ ПРЕВЫШАТЬ ДЕСЯТИ СЛОВ ЗПТ СЛЕДУЕТ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ ТОЛЬКО ВАЖНЕЙШИМИ СООБЩЕНИЯМИ ИЗЛОЖЕННЫМИ ПРЕ-

ДЕЛЬНО СЖАТО ТЧК КАК ПОНИМАТЬ ЧТО У ВАС ТОЛЬКО ПОЛОВИНА КАНОЭ ТЧК СТОИМОСТЬ РАДИОГРАММЫ БУДЕТ УДЕРЖАНА ИЗ ВАШЕГО ЖАЛОВАНЬЯ

Начальник отдела по растратам и хищениям

Ясно. Делать нечего — оставалось ждать возвращения пилота, уехавшего в Виннипег. Жил я в местном отеле — скрипучем сарае, сквозь его щели в ветреные дни наметало немало снега. Впрочем, других дней в Черчилле не бывает.

И все же я не бездельничал. В то время город был наводнен миссионерами, проститутками, полицейскими, торговцами спиртными напитками, трапперами, контрабандистами, скупщиками мехов и прочими весьма занимательными личностями. Все они оказались величайшими знатоками по волчьей части. Я беседовал то с одним, то с другим и старательно записывал все, что мне говорили. Таким путем я узнал совершенно изумительные факты, которые никогда еще не приводились в научной литературе. Так, например, выяснилось, что хотя, по единодушному мнению, в арктической зоне от волков ежегодно гибнет несколько сотен людей, волки никогда не нападают на беременных эскимосок. (Миссионер, сообщивший мне столь ценные сведения, был твердо убежден, что именно отвращением волков к мясу беременных женщин объясняется высокий коэффициент рождаемости у эскимосов. Впрочем, это обстоятельство является также результатом прискорбной склонности последних скорее заботиться о продлении рода, нежели о спасении души.) Мне рассказывали также, что каждый четвертый год волки подвержены странной болезни, из-за которой напрочь сбрасывают шкуру. Пока им приходится бегать «голышом», они настолько беспомощны, что немедленно свертываются в клубок, если подойти к ним вплотную. По утверждению охотников, волки вскоре окончательно уничтожат оленьи стада — ведь каждый волк ежегодно режет несколько тысяч карибу, просто так, из кровожадности, тогда как ни один траппер и подумать не смеет о том, чтобы застрелить карибу. разве что в порядке самозащиты. А одна женщина обогатила мои знания весьма странным сообщением: по ее словам, с тех пор как здесь создана американская авиационная база, количество волков перешло всякие границы, и теперь остается один выход — если тебя укусят, отвечать тем же.

Как-то один из моих собеседников, старый охотник, предложил мне отведать «волчьего коктейля», если уж я такой энтузиаст волковедения. Я ответил, что выпивка как таковая меня не прельщает, но меня интересует все, что относится к волкам, поэтому я, как ученый просто обязан попробовать, что это такое. Тогда старик привел меня в единственный в Черчилле пивной бар (который в обычных условиях я обходил бы стороной) и налил стаканчик. Напиток оказался адской смесью из бурды, известной в здешних местах под названием пива «Лось», и антифриза, добытого у солдат с авиационной базы.

Тотчас после крещения «волчьим коктейлем» я отправил простым письмом свой первый отчет о работе, который (к счастью для моей дальнейшей службы в министерстве) оказался совершенно не поддающимся расшифровке. Никто в Оттаве не смог в нем разобраться, поэтому отчет был признан верхом научной мысли. Я уверен, что это бредовое сочинение и посейчас хранится в архиве министерства и к нему обращаются правительственные специалисты, когда появляется необходимость проконсультироваться у эрудированного эксперта по волкам. Кстати, всего месяц назад я встретил биолога, которому довелось видеть отчет; по его уверениям, многие крупные ученые до сих пор считают, что это — последнее слово науки о Canis lupus.

За время вынужденного пребывания в Черчилле мне удалось не только собрать массу интереснейших сведений о волках, но и сделать самостоятельное открытие, которое, с моей точки зрения, имело весьма большое практическое значение: я обнаружил, что если смешать лабораторный спирт с пивом упомянутой марки «Лось» (в равных частях), то получается напиток, который не уступит божественному нектару! Поэтому я спешно добавил к своим продовольственным запасам пятнадцать ящиков пива. Кроме того, я запасся достаточным количеством формалина — в нем, как подтвердит любой препаратор, ткани мертвых животных сохраняются ничуть не хуже, чем в чистом спирте. А отпущенный мне спирт, право, жаль на это тратить!

3

В последних числах мая мне наконец удалось выбраться из осточертевшего Черчилла. Перед этим в течение трех суток бушевала пурга; на третий день, когда слепящие снежные шквалы свели видимость к нулю, над самой крышей отеля проревели моторы. Самолет плюхнулся на лед ближнего озера. Ветер едва не понес его дальше, но несколько человек, сидевших в пивном баре, в том числе и я, успели вовремя выскочить и ухватиться за крылья.

Это была донельзя изношенная двухмоторная учебная машина образца 1938 года, отработавшая все мыслимые сроки и в конце концов списанная военным ведомством на слом. Теперь эта развалина ожила в руках бывшего английского военного летчика, долговязого малого с вваливщимися глазами, одержимого манией открыть собственную авиалинию на севере Канады. Пилот вылез из своей скрипучей колымаги, которую мы с трудом удерживали на месте, и, разматывая длиннющий светло-вишневый шарф, представился. По его словам, он летел из Йеллоунайфа, что находится в тысяче с лишним километров к северо-западу отсюда, в Пас.

— Ведь это Пас?— с надеждой спросил он.

Мы деликатно намекнули ему, что Пас лежит приблизительно в шестистах километрах к юго-западу. Однако такая неожиданность ничуть не обескуражила летчика.

— А, ладно — любой добрый старый порт хорош в шторм,— весело сказал он и в сопровождении своего медлительного бортмеханика направился вместе с нами в пивной зал.

За кружкой пива я горько пожаловался ему на свои невзгоды.

— Пустяки,— заявил летчик, внимательно выслушав меня,— завтра же поддадим газу и на старой колымаге доставим вас куда душе угодно. Что, если направиться на северо-запад? Это лучший курс для нас. Видите ли, я не доверяю своему компасу на других румбах. Полетим быстро и низко. Найдем массу волков, тогда — на посадку, и счастливо оставаться!

Он оказался хозяином своего слова. Правда, в ближайшие три дня улететь не удалось — во-первых, из-за очень низкой облачности; во-вторых, самолет, поставленный на лыжи, сильно «хромал» — протекал правый цилиндр гидравлического амортизатора шасси. С погодой мы, разумеется, ничего не могли поделать, но цилиндр-то можно заставить работать. Бортмеханик решил накачать его тюленьим жиром. Честно говоря, тек он по-прежнему, но все же самолет стоял прямо в течение двадцати минут, а затем валился на бок, как подстреленная утка.

На четвертый день собрались в путь. Самолет мог поднять лишь небольшой груз, и мне пришлось пожертвовать частью поклажи, в том числе никому не нужной ванной-каноэ. Вместо нее удалось выменять за галлон спирта брезентовую лодку, находившуюся в приличном состоянии. Пилот уверял, что сможет ее увезти, привязав под брюхо самолета.

Тогда я решился на дерзкий трюк. Естественно, что ящики с полюбившимся мне пивом «Лось» попали в кучу багажа, который был отложен как несуществующий. Но мне пришло в голову обмануть этого славного парня. Ночью, посветив себе электрическим фонариком, я убедился, что все пятнадцать ящиков отлично умещаются в брезентовой лодке. Когда я снова крепко притянул ее веревками к фюзеляжу, абсолютно никто не мог заметить, что в ней спрятан жизненно важный груз.

День нашего отлета выдался чудесный. Скорость ветра не превышала шестидесяти километров в час, снегопад прекратился. Взлетев в черном морском тумане, мы сразу потеряли из виду Черчилл, и, развернувшись, пошли на северо-запад.

Правда, все произошло не так гладко. Во время недавней оттепели лыжи самолета сантиметров на пять ушли в снежную слякоть, а затем накрепко примерзли ко льду. Первые попытки взять разгон не увенчались успехом; оба мотора надсадно ревели на предельных оборотах, но самолет не трогался с места. Такое упрямство в одинаковой степени озадачило и летчика, и механика. И только после того, как из бара выбежало несколько завсегдатаев, которые, стараясь перекричать адский грохот моторов, показывали на наши лыжи, мы поняли, в чем заключалась загадка. С помощью добровольцев из пивной нам удалось раскачать и освободить самолет. Но произошла очередная задержка — неисправный цилиндр

успел осесть, и потребовалось зарядить его новой порцией тюленьего жира.

Освобожденный для разбега самолет вновь поразил своего хозяина — на этот раз он решительно отказывался подняться в воздух. Мы катили по маленькому озерку на полном газу, но никак не могли оторваться. В последний момент летчик резко рванул руль, самолет описал на лыжах крутую дугу, подняв тучу снега, которая чуть было не погребла нас, и мы, несколько озадаченные, оказались на месте старта.

— Чертовски странно,— пробормотал летчик,— самолет должен был взлететь, понимаете, должен! А, ладно! Снимем запасное горючее и облегчим вес.

Резервные бочки с бензином были взяты на борт для обеспечения обратного рейса до Черчилла, и, по-моему, выбрасывать их было несколько опрометчиво. Но так как командовал он, мне оставалось только молчать.

После того как мы выгрузили запасное горючее, летчик с первой же попытки поднял машину в воздух, разумеется, предварительно накачав злополучный цилиндр. Но даже родная стихия не доставила самолету особого удовольствия. Скорее наоборот, он упорно отказывался подняться выше ста метров, а указатели оборотов обоих моторов неуклонно показывали примерно три четверти законной нормы.

— Нет никакой нужды забираться выше,— весело прокричал летчик прямо мне в ухо,— тогда не увидим волков! А ну-ка, откройте глаза пошире...

Вытянув шею, я тщетно пытался что-нибудь разглядеть сквозь мутный, исцарапанный плексигласовый иллюминатор. Самолет шел в густом сером облаке, порой даже скрывался конец крыла. Волков я не видел, никаких признаков волков.

Мы жужжали уже около трех часов. С таким же успехом можно было провести их на дне бочки с черной патокой — впечатление от мира, расстилавшегося под нами, осталось бы таким же. Но вот летчик перешел в крутое пике и прокричал:

— Иду на посадку! Бензина осталось в обрез на обратную дорогу. Впрочем, под нами чудесная волчья страна. Волки что надо!

Мы вынырнули из-под облака в десяти метрах от земли и обнаружили, что летим над замерзшим озером в долине шириной около полутора километров, окруженной высокими скалистыми холмами. Ни секунды не колеблясь, летчик приземлился. И если раньше я сомневался в его лётных способностях, то теперь мог только восхищаться его искусством — ведь он умудрился сесть на одну исправную лыжу! Только когда самолет почти окончательно потерял скорость, пилот осторожно поставил его на больную правую «ногу» и не стал глушить моторы.

— Приехали, приятель,— весело сказал он,— вам выходить. И побыстрее. А то стемнеет, прежде чем мы доберемся до Черчилла.

Тут сонный на вид механик воспрянул духом, и мгновенно (во

всяком случае, мне так показалось) все мое снаряжение очутилось на льду. Брезентовое каноэ отвязали от фюзеляжа и вновь до отказа накачали цилиндр амортизатора.

Увидев содержимое каноэ, летчик бросил на меня укоризненный взгляд.

— Не совсем честно, а?— спросил он.— Ну ладно, предположим, что без этого вам не обойтись. Хорошенький подвесок, ничего не скажешь! Как-нибудь осенью вернусь за вами, если эта старая колымага не развалится. Не унывайте! Вокруг полно эскимосов — они в любое время доставят вас в Черчилл.

— Большое спасибо,— смиренно пролепетал я.— Но не можете ли вы сказать, где я все-таки нахожусь,— мне это понадобится для отчета.

— Весьма сожалею. Сам не очень-то уверен. Скажем, примерно, в пятистах километрах к северо-западу от Черчилла. Достаточная точность? Но как бы то ни было, карты этих мест не существует... Счастливо!

Дверца кабины захлопнулась. Моторы взревели во всю мощь, как им и положено, самолет запрыгал по застругам, нехотя поднялся и исчез в хмуром небе.

4

Я огляделся и увидел вокруг промерзшие холмы — их вершины были закрыты тучами, увидел широкую полосу торосистого льда и раскинувшуюся за долиной волнистую тундру, пустынную, без единого деревца. Да, кажется, я и впрямь попал в самую настоящую страну волков. Мне даже померещилось множество волчьих глаз, которые настороженно следят за мной. Я зарылся в гору багажа, отыскал револьвер и постарался критически оценить создавшееся положение.

Оно было не из блестящих. Правда, мне — это бесспорно — удалось проникнуть в самое сердце Киватинской тундры. Кроме того, создано даже некоторое подобие базы, хотя ее местоположение — на льду озера, вдали от берега — оставляет желать лучшего. Как бы то ни было, до сих пор я строго придерживался инструкции. Однако следующий пункт оперативного приказа явно противоречил реальным возможностям.

§ 3. разд. С. п. iv:

Немедленно по организации постоянной базы вам надлежит, используя водные пути, отправиться на каноэ в широкий объезд окружающей территории с целью общего ознакомления и сбора достаточных статистических сведений о численности Canis lupus и области их распространения, а также для установления непосредственного контакта с изучаемым объектом...

Я и рад бы действовать согласно инструкции, но толстый лед под ногами вынуждал отложить плавание на каноэ по крайней мере на несколько недель, а возможно, и навсегда. К тому же, лишен-

ный других транспортных средств, я просто не знал, как начать перевозку целой груды снаряжения на твердую землю. Что же касается «установления контакта с объектом изучения», то сейчас я вообще не ставил перед собой этой задачи, если только сами волки не проявят инициативы.

Как быть? Ведь инструкции составлялись специально для меня после консультации с Метеорологической службой. Там клятвенно заверили мое начальство, что к намеченному сроку моего прибытия в центральную тундру озера и реки «обычно» очищаются ото льда.

Еще в Оттаве я твердо усвоил правило: никогда не оспаривать сведений, исходящих от других отделов; ведь если полевые работы срываются из-за неверной информации, то виноватым все равно оказывается полевой работник.

В создавшемся положении оставался только один выход: несмотря на обескураживающий ответ на мою первую радиограмму, просить новых указаний из Оттавы.

Я мгновенно распаковал портативную радиостанцию и водрузил ее на штабель ящиков. Должен признаться, что раньше у меня както не хватало времени, чтобы ознакомиться с аппаратурой. Поэтому сейчас, перелистав приложенное руководство, я несколько растерялся: меня снабдили моделью, предназначенной для лесников, радиус ее действия в нормальных условиях не превышал тридцати километров. Тем не менее я присоединил батареи, поднял антенну и, согласно наставлению, принялся вертеть ручки и нажимать кнопки, словом — вышел в эфир.

По причинам, известным лишь министерству транспорта, которое выдает разрешение на переносные рации такого типа, мои позывные были «Дэзи Мей». Несколько часов кряду несчастная Дэзи посылала отчаянные призывы в темнеющее полярное небо, но — ни шепота в ответ. Я уже совсем было согласился с приведенной в наставлении весьма скептической оценкой рации и собирался прекратить бесплодные попытки, как вдруг уловил слабый человеческий голос, едва слышный сквозь свист и треск в наушниках. Поспешно настроившись на волну, я с трудом разобрал несколько испанских слов.

Я понимаю, что мое дальнейшее повествование может вызвать недоверчивую улыбку читателей, но так как сам я абсолютно не смыслю в радиотехнике, то мне остается лишь привести объяснение, данное позднее одним экспертом. Добавлю также, что ни один рядовой биолог, и я в том числе, ни за что не сумел бы выдумать такой истории. Техническая сторона вопроса сводилась к загадочному явлению, известному под названием «прыжок волны»: в результате определенного сочетания атмосферных условий маломощные радиостанции (особенно на Севере) иногда осуществляют связь на очень большое расстояние. Моя установка побила все рекорды. Станция, которую я поймал, принадлежала радиолюбителю в Перу.

Его английский язык был не лучше моего испанского, и прошло немало времени, прежде чем мы начали понимать друг друга. Но и

после этого он остался при убеждении, что с ним говорят откуда-то неподалеку, с Огненной Земли. Я совершенно вымотался, пока наконец столковался с перуанцем. Он записал основной смысл моего сообщения и обещал переслать его в Оттаву по обычным каналам связи. Памятуя недавнее суровое предупреждение, я свел свое послание к десяти словам, которые были неправильно поняты в Перу и в довершение основательно переврапы при переводе. Во всяком случае их оказалось вполне достаточно, чтобы, как мне стало известно впоследствии, вызвать переполох в официальных кругах.

Телеграмма пришла из Южной Америки и поэтому поступила не в мое министерство, а в министерство иностранных дел. Там лишь установили, что депеша, по-видимому, передана с Огненной Земли и, кажется, зашифрована. Срочно запросили министерство обороны, в котором никак не могли расшифровать код или хотя бы собрать какие-нибудь сведения о таинственном канадском агенте, засланном в район мыса Горн.

Клубок распутался совершенно случайно. Несколько недель спустя один из заместителей министра иностранных дел, завтракая с высокопоставленным чиновником из моего министерства, рассказал ему нашумевшую историю и случайно упомянул, что загадочная депеша подписана каким-то ВАРЛЕЕМ МОНФЭТОМ.

С похвальной (хотя почти необъяснимой) проницательностью сановник признал меня наиболее вероятным автором радиограммы. Однако возникла новая, еще более волнующая загадка: кто разрешил мне отправиться на Огненную Землю? В результате полетели срочные радиограммы, адресованные мне через канадского консула в Чили, с требованием немедленно прислать объяснения в Оттаву. Ни одно из этих предписаний до меня не дошло. Даже если бы их направили по прямому пути, я бы их все равно не получил — ведь батареи рации годились всего на шесть часов работы. До того как они окончательно сели, мне удалось принять только концерт легкой музыки из Москвы.

Но вернемся к моему повествованию.

К тому времени, когда я закончил разговор с Перу, совсем стемнело, и окружающие холмы, казалось, вплотную придвинулись ко мне. Волков пока не было, но они, как легко понять, в сильной степени занимали мое воображение и, когда вдали промелькнула какая-то тень, я сразу понял — это волки!

Напрягая слух, я уловил слабый, но взволновавший меня звук, который мгновенно узнал. Мне неоднократно приходилось слышать его и раньше, правда, не в дикой местности, а в ковбойских фильмах. Тут не могло быть ошибки — это вой волчьей стаи, несущейся в бешеной погоне. Совершенно очевидно, что направляются они в мою сторону. Итак, мне, вероятно, удастся выполнить по крайней мере одно задание — я вот-вот «установлю контакт с изучаемым объектом».

Но радость от сознания верности долгу омрачилась целым рядом обстоятельств, среди которых не последнее место занимал тот

факт, что в моем револьвере всего шесть зарядов, а я, хоть убей, не помню, куда засуиул запасные патроиы. Вопрос этот имел иемаловажиое значение: будучн весьма иачнтаи, я зиал, что число волков в стае колеблется от четырех до сорока. Более того, если судить по разнообразню голосов, я склоиеи был предположить, что эта стая иасчитывает не меиее четырех сотеи хищиинков.

Поляриая ночь вплотиую надвииулась иа меня, волки тоже вотвот нагрянут. В темиоте я, коиечно, ие смогу как следует определнть ин их числеииости, нн тем более характера повадок. Поэтому я почел за благо спрятаться под перевернутую лодку, чтобы присутствие человека ие слишком бросалось в глаза и не вызывало у животиых тендеиции к иетнпичиому поведеиию.

Как известно, одни из осиовиых прииципов современиой бнологии заключается в том, что наблюдатель ни при каких условиях ие должеи допускать, чтобы его винмаиие рассеивалось. Выиуждеи, одиако, честно призиаться, что в сложившейся обстаиовке я так и ие сумел сконцентрироваться иадлежащим образом. Особеиио меня беспокоила мысль о каноэ. Непрочиая парусииовая лодка иа тонком кедровом каркасе вряд ли выдержит грубое обращеиие, н тогда я остаиусь вовсе без средств передвижеиия.

Что же касается второго источиика беспокойства, то его крайиюю иеобычность мне бы хотелось подчеркиуть особо как иаглядиое свидетельство нелогичности человеческого мышлеиня прн отсутствии должиого дисциплииирующего коитроля. Дело в том, что я поймал себя иа горячем желанни превратиться в беременную эскимоску!

Находясь иад лодкой, я, разумеется, не мог видеть, что пронсходит снаружи, поэтому мие пришлось положиться иа другие оргаиы чувства. Я услышал, как стая примчалась иа полном ходу, описала круг у груды моего сиаряжеиия н кииулась прямо к каиоэ.

Ужасающий вой, лай и визг почти оглушили меия; от иевыиосимого шума у меня иачались галлюциииации — мие почудился среди общего рева хриплый человеческий голос. Звучал ои прнмерио так: СТОЙЧЕРТВАСПОБЕРИСУКИНЫДЕТИ!

Затем послышались удары, болезиеииый визг, и виезапно иаступила удивительная тишиша.

Я потратил годы, стремясь иаучиться делать правильиые выводы из иаблюдаемых явлеиий, ио с подобиой ситуацией столкнулся впервые. Это было выше моего поннмаиия. Требовались дополиительиые факты. С величайшними предосторожиостями я гляиул одиим глазом в щель между планширом каноэ н льдом. Сперва иичего не было видио, кроме миожества волчьих лап, но виезапио мое виимаиие приковала пара конечиостей — едииствеиная пара, которая явио ие принадлежала волку. Мобилизовав все свои дедуктивные способиости, я сразу же отыскал ответ, спокойно приподиял борт каиоэ, высуиул голову и уставился в смущеииое, слегка испугаииое лицо молодого человека, закутаииого в олеиьи меха. Вокруг иего,

грозно скалясь, сгрудились четырнадцать огромных, грозных эскимосских лаек, составляющих упряжку. Что же касается волков, то, признаюсь чистосердечно, их нигде не было видно.

5

Обидно, конечно, что первая встреча с волками вылилась во встречу с собаками, но судьба меня вознаградила.

Как оказалось, хозяин, сын эскимоски и белого, занимается охотой и живет в промысловой избушке всего в нескольких километрах отсюда. Это же идеальное место для моей постоянной базы!

Майк — так звали молодого охотника — был единственным человеческим существом, обитающим на площади в двадцать пять тысяч квадратных километров, если не считать горстки эскимосов (включая семейство его матери), которые жили в ста километрах к северу. Редкая удача! Можно не опасаться людской назойливости и спокойно проводить наблюдения над волками.

Поначалу Майк отнесся ко мне довольно сдержанно, чтобы не сказать — подозрительно. За все свои восемнадцать лет он не слышал, чтобы самолет сел в этой части полярной пустыни. Ему, правда, доводилось видеть аэроплан, но очень высоко над головой, и каждый раз серебристые птицы пролетали мимо. Не удивительно, что он никак не мог представить, как это самолет, которого не было ни видно, ни слышно, высадил меня с кучей багажа на лед посреди озера.

С самого начала нашего знакомства Майк был склонен считать мое появление делом рук нечистого. От своего отца-торговца он почерпнул немало сведений об основах христианства и всегда был на страже против дьявольских козней. Однако на рискованные действия он так и не отважился.

Первые несколько дней Майк не выпускал из рук своего карабина и выдерживал приличное расстояние. Но стоило угостить его «волчьим коктейлем», как он отложил винтовку в сторону, решив, по-видимому, что, даже если я и в самом деле черт, соблазн слишком велик, чтобы ему противиться.

Вероятно, так и не придумав, что еще со мной можно сделать, Майк в первую же ночь привел меня в свою избушку. Построенная из жердей, крытая гниющими оленьими шкурами, она едва ли могла показаться дворцом, но для моих целей вполне годилась.

Перед отъездом из Оттавы начальство разрешило мне нанимать вспомогательных рабочих из местного населения при условии, однако, чтобы весь расход по этой статье не превышал трех долларов в месяц. Я немедленно заключил сделку с Майком и выдал ему официальную долговую расписку на десять долларов в оплату жилья за три месяца вперед, а также его услуг в качестве проводника и помощника. По сравнению с тем, как в подобных случаях рассчитывались с эскимосами правительственные учреждения, миссии и фактории, это была сказочная плата. Впрочем, я не сомневался, что наш финансовый отдел примирится с подобной расточитель-

ностью: должны же они учесть, что, не будь здесь Майка, учреждение потерпело бы убыток в четыре тысячи долларов — такова стоимость экспедиционного снаряжения, которое неминуемо погибнет, едва растает лед на озере.

Правда, в ходе дальнейших событий мне показалось, что сделка с Майком носит несколько односторонний характер. Очевидно, Майк не совсем точно понял смысл принятых на себя обязательств, но, во всяком случае, пока он перевез на собачьей упряжке весь мой груз к своему дому.

Последующие дни я был страшно занят распаковкой снаряжения и устройством походной лаборатории и волей-неволей оккупировал почти всю избушку. Мне было совершенно не до Майка, но все же я заметил, что он чем-то угнетен. Поскольку он казался молчаливым от природы (со всеми, кроме своих собак), а познакомились мы совсем недавно и вмешиваться в его личные дела мне было попросту неудобно, я не стал выяснять причину его дурного настроения, а попытался развлечь его и время от времени демонстрировал перед ним то один, то другие приборы.

Казалось, они подействовали на его воображение, но желанного эффекта не произвели. Майк по-прежнему озабочен, его удрученность даже усилилась. А после того как я показал ему цианистый «истребитель волков» и объяснил, что отрава убивает мгновенно, причем действует в ничтожном количестве, так что обнаружить ее почти невозможно, поведение Майка сделалось и вовсе ненормальным. Он повсюду стал таскать длинную палку и, прежде чем сесть за стол, весьма странным образом колотил ею по стулу и даже по тарелке с едой. Мало того, по утрам он начал выколачивать свою обувь и одежду.

В другой раз, когда я вытащил четыре сотни мышеловок, которыми собирался ловить мелких млекопитающих, чтобы по ним затем определять содержимое желудков волков, и объяснил, как вываривать скелеты леммингов для коллекции, Майк молча вышел из избушки и с тех пор решительно отказывался разделять со мной трапезу. Должен, однако, признаться, что такое поведение Майка не очень меня обеспокоило. Обладая кое-какими познаниями в области психологии, я без труда распознал в нем симптомы замкнутости. Тем не менее я решил вывести его из состояния болезненной самоуглубленности.

Как-то вечером я заманил его в угол, где размещалась моя походная лаборатория, и с гордостью разложил перед ним набор блестящих скальпелей, хирургических ножниц, кюветок и прочих хитроумных инструментов, которыми намеревался пользоваться при вскрытиях трупов волков, оленей и других животных. Объяснять Майку, что такое аутопсия, было довольно сложно, поэтому я взял учебник патологии, открыл его на развороте с цветным изображением вскрытой брюшной полости человека и, пользуясь этим наглядным пособием, увлеченно продолжал свою лекцию, как вдруг почувствовал, что лишаюсь аудитории: Майк медленно пятился к

двери, в его черных глазах нарастал ужас. Нетрудио было догадаться, что все только что миою сказаииое истолковано им совершенно превратио. Я вскочил, пытаясь разуверить его, но, испугаиный этнм двнжением, он повернулся и опрометью выбежал нз избушкн.

Я увндел его только на следующий день, когда вериулся нз туидры, где ставнл мышеловки. Он увязывал свон нехитрые пожиткн, вндимо готовясь в дальиий путь. Сдавлениым голосом, торопясь и глотая слова, он пролепетал, что его иастоятельно вызывают в стаиовище эскимосов к больной матери, где ему, вероятио, придется задержаться. С этнми словами ои выбежал к собакам, которые былн уже запряжены, н на бешеной скорости умчался в северном иаправлении.

Меня очень опечалнл отъезд Майка: ведь теперь я остался в полном одиночестве, одии в окруженнн волков. С иаучной точки зреиия, пожалуй, это даже неплохо, но жутковатая атмосфера, как прн чтении «Собакн Баскервнллей», казалось, сгустилась вокруг меня в этой безлюдной, оголенной ветрамн тундре.

Нужио сказать, что я еще окончательно не решнл, каким образом следует зиакомиться с волками. Мне очень хотелось, чтобы при первой встрече Майк представнл меня. Но, что нн говори, болезиь матери, безусловио, важнее всех моих иаучных забот (хотя мие и посейчас невдомек, откуда Майк мог узиать, что его мать захворала).

Итак, первоочередную и самую тяжелую задачу — устаиовить контакт с волкамн — мне пока не удалось решить, н я занялся подготовкой графиков и таблнц полевых работ. Программа нх была детализирована до предела. Так, например, только в разделе «Брачные повадкн» насчитывалась пятьдесят одна подтема, и каждая требовала глубокого изучения. К коицу неделн у меия кончилась бумага. Настало время выйти в поле!

Мие, как новичку, следовало, осваиваясь в тундре, соблюдать осторожность. Поэтому иа первый раз я удовлетворнлся кольцевым маршрутом вокруг нзбушки в раднусе трехсот метров.

Эта экспеднция многого мне не дала, если ие считать иаходки четырех нлн пяти сотен олеиьих скелетов; по существу, вся окружающая террнтория была точно ковром покрыта костями карибу. В Черчилле мие удалось выяснить, что трапперы никогда не стреляют в карнбу — значит, их зарезали волкн. Таков был трезвый научный вывод. Еслн прннять, что норма убыли оленей однпакова во всем райоие, то по обиаруженным скелетам можно судить, что только в Киватине волки губят в средием двадцать миллионов оленей в год!

Прошло три дия после обескураживающей прогулкн по кладбищу костей, прежде чем я смог выбрать время для следующей вылазки. Вооружеиный вннтовкой н револьвером, я прошел около километра, ио волков не встретнл. Зато с большим удивленнем заметил, что плотность покрова из останков карибу уменьшается по ме-

ре удаления от промысловой избушки почти в геометрической прогрессии. Меня крайне озадачило, что волки выбирают место для страшной бойни почему-то поближе к человеческому жилью, и я решил расспросить об этом Майка, если, конечно, когда-нибудь его увижу.

Тем временем в тундру пришла дружная, стремительная весна. Снег таял так быстро, что замерзшие реки не успевали унести талую воду, и она поднялась метра на два над поверхностью льда. Наконец лед с грохотом тронулся, но вскоре образовались заторы, и паводок затопил избушку, принеся с собой нечистоты, скопившиеся за долгую зимовку четырнадцати ездовых собак.

Постепенно заторы прорвало, и вода сошла, но избушка потеряла прелесть, так как на полу остался отвратительный осадок. Поэтому я вынужден был разбить палатку на галечной гряде, чуть повыше избушки. Но заснуть мне той ночью помешали какие-то странные звуки. Я мгновенно сел в постели и внимательно прислушался. Звуки доносились с севера, из-за реки,— какая-то непонятная смесь воя, хныканья и жалобных стонов.

Вскоре я разжал руку, которой схватил винтовку. Уж если научные работники чем и сильны, так это уменьем учиться на опыте: меня, например, дважды не одурачишь! Конечно, воет лайка, и, по-видимому, молодая, я даже подумал, что это одна из собак Майка (у него, кстати, было три больших, но еще не выезженных щенка, которые бегали за упряжкой). Очевидно, пес заблудился, по следу вернулся домой и теперь молит о внимании и помощи. Я был растроган. Если щенок нуждается в друге-приятеле, пусть располагает мной! Я быстро оделся, сбежал к реке, вскочил в каноэ и стрелой помчался на другую сторону.

Щенок ни на минуту не прекращал горестных стенаний, и я уж совсем собрался откликнуться, но вовремя сообразил, что чужой человеческий голос спугнет его. Лучше подкрасться вплотную и ласково подманить бедняжку.

По силе доносившихся звуков можно было судить, что собака находится всего в нескольких шагах от берега. Но когда в тусклом полусвете я выскочил из лодки, пересек полосу щебня и перебрался через галечные косы, звуки слышались все на том же расстоянии. Ясно — щенок отбегает, вероятно, боится меня. Чтобы не отогнать его, я старался двигаться бесшумно, даже когда жалобный вой прекратился и направление пришлось определять наугад. Впереди замаячила крутая гряда — вот поднимусь на нее и сразу увижу беглеца! Последние метры, оставшиеся до гребня, я прополз на животе (помогло искусство разведчика, приобретенное в бойскаутах) и затем осторожно приподнял голову — вот он, мой песик. Мы столкнулись нос к носу. Нас разделяли каких-нибудь два метра. Он лежал, очевидно, отдыхая после минорного концерта. Мы молча уставились друг на друга. Не знаю, что происходило в его массивном черепе, но моя голова наполнилась роем тревожных мыслей. Прямо на меня пристально глядели янтарные глаза матерого тун-

дрового волка; по-видимому, он был тяжелее меня и, бесспорно, гораздо лучше владел техникой ближнего боя.

Несколько секунд никто из нас не двигался, мы продолжали взглядом гипнотизировать друг друга. Волк первым разрушил чары. Прыжком, какой сделал бы честь даже русским танцорам, он взвился в воздух почти на метр и пустился наутек. Как утверждают учебники, волки могут развивать скорость до сорока километров в час, но этот волк, казалось, не бежал, а летел на бреющем полете. Через несколько секунд он скрылся из виду.

Моя реакция не была столь динамичной, но и я, несомненно, установил рекорд в беге по пересеченной местности. Переправляясь через реку, я так разогнал каноэ, что оно во всю длину выскочило на сушу, а затем бросился в избушку и запер дверь на засов. Я старался не обращать внимания на зловоние, которое поднималось от залитого нечистотами пола, и устроился на столе в надежде спокойно проспать до рассвета — к счастью, дни стали здесь по-весеннему ранними.

Ну и ночка! Зато теперь я имел полное право поздравить себя: наконец-то установлен контакт с изучаемым объектом — неважно, что встреча была мимолетной.

6

Уснуть не удавалось! Стол оказался слишком коротким и жестким, воздух в избушке чересчур спертым, а впечатления от недавней встречи с волком — необыкновенно яркими. Напрасно пробовал я «считать овец»— они незаметно превращались в волков, а это окончательно прогоняло дремоту. Когда же под полом заскреблась какая-то мышка, мне представилось, будто это волк принюхивается под дверью, и тут уж окончательно стало не до сна. Отказавшись от дальнейших попыток, я зажег фонарь Майка и принялся ждать рассвета.

Перед моим мысленным взором возникли события прошедшего вечера. Удивительно, как много, несмотря на краткость встречи с волком, запомнилось подробностей! Волк предстал передо мной так отчетливо, будто я знал его (или ее) долгие годы. В память навсегда врезались массивная голова с пышным ошейником белой шерсти, короткие торчащие уши, рыжевато-коричневые глаза и седая морда. Живо запечатлелся образ волка, когда он ринулся прочь от меня: стремительный бег могучего хищника, ростом с небольшого пони; от него, казалось, так и веяло смертельной опасностью.

Чем дольше я раздумывал, тем менее доблестным представлялось мне собственное поведение. Отступление было чересчур поспешным и, пожалуй, недостойным. Впрочем, я тут же утешил себя — ведь волк тоже держался не самым блестящим образом! На сердце сразу сделалось веселее; к тому же взошло солнце и бледным светом озарило суровый мир, лежавший за окном. Настроение у меня поднялось.

По мере того как разгорался рассвет, мне даже стало казаться, что я упустил редкий, возможно неповторимый, случай. Видимо, мне следовало бежать за волком и постараться завоевать его доверие или по крайней мере убедить его в том, что я не питаю злобных намерений ни к нему, ни к ему подобным.

Канадские кукши, прилетавшие ежедневно, чтобы порыться в отбросах перед домом, уже начали свою болтовню. Я разжег печку и приготовил завтрак. Затем уложил в рюкзак немного еды, проверил запас патронов, повесил на шею бинокль и, преисполненный решимости, отправился исправлять вчерашнюю оплошность. Мой план был прост — я направляюсь прямо к тому месту, где лежал волк, отыщу его след и пойду по нему, пока не обнаружу зверя.

Поначалу дорога была тяжелой, каменистой; не удивительно, что мне понадобилось немало времени, чтобы преодолеть сравнительно небольшое расстояние. Но вот наконец и невысокая гряда, с которой я тогда увидел зверя. Дальше расстилалась болотистая тундра, там следы должны быть хорошо заметны. И действительно, мне почти сразу посчастливилось обнаружить отпечатки лап на небольшом пространстве, поросшем бурым мхом.

Наверное, мне полагалось испытывать бурную радость, но я почему-то не обрадовался. По правде говоря, эти первые в моей жизни волчьи следы оказались находкой, к которой я был совершенно не подготовлен. Одно дело прочитать в учебнике, что следы тундрового волка достигают пятнадцати сантиметров в поперечнике, другое — увидеть их непосредственно перед собой во всем их величии. Несомненно, это может охладить любой энтузиазм. Гигантские следы, при чуть ли не метровой длине шага, свидетельствовали о том, что преследуемое мной животное ростом не уступает серому медведю гризли.

Я внимательно изучал волчьи следы и, возможно, занимался бы этим еще немало времени, как вдруг обнаружил, что забыл свой карманный компас. Без компаса же забираться далеко в бескрайнюю тундру — чистое безрассудство. Огорченный, я вынужден был вернуться в избушку.

На том месте, куда я его положил, компаса не оказалось. В сущности, я хорошенько не помнил, где мог его оставить; не знаю даже, попадался ли мне компас после отъезда из Оттавы. Что и говорить, положение не из приятных. Чтобы не терять времени зря, я взял с полки одно из руководств, которыми меня щедро снабдили перед отъездом, и углубился в главу, посвященную волкам. Разумеется, мне не раз случалось заглядывать в нее и прежде, но некоторые важные факты как-то ускользали из памяти. Теперь же, когда мне воочию довелось увидеть волчьи следы, способность восприятия значительно обострилась, и я перечитал главу с особым интересом и глубоким пониманием дела.

Тундровый волк, как сообщил автор руководства, является самым крупным из многочисленных подвидов *Canis lupus*. Максимальный вес измеренных особей 77 килограммов; длина от носа до кончика хвоста 260 сантиметров; высота до холки 105 сантиметров.

Взрослый тундровый волк может съесть (а при удобном случае и съедает) до 14 килограммов сырого мяса за один присест. Волчьи зубы «отличаются массивностью и с одинаковым успехом рвут и размалывают пищу. Это позволяет их владельцу раздирать на части самых крупных млекопитающих и дробить даже наиболее крепкие кости». Глава заканчивалась следующим кратким заключением: «Волк — свирепый и опасный хищник. Среди всех зверей, известных человеку, волк занимает одно из первых мест по тому страху и ненависти, которые он, с вполне достаточными основаниями, к себе внушает». Основания, правда, не приводились, впрочем, они оказались бы совершенно излишними.

Остаток дня я провел в размышлениях; надежда завоевать доверие волков порой начинала мне казаться чересчур оптимистической. Разумеется, продемонстрировать отсутствие злой воли с моей стороны несложно, но грош этому цена, если волки не ответят взаимностью!

На следующее утро я занялся чисткой «авгиевых конюшен» в избушке и во время уборки нашел компас. Положив его на подоконник, я продолжал работу, но солнце, отражаясь на медной крышке инструмента, блестело столь призывно, что я решился предпринять еще одну попытку и восстановить утраченный контакт с волками.

На этот раз я продвигался вперед еще медленнее — при мне были винтовка, дробовик, револьвер, патронташ, небольшой топорик и охотничий нож, а также фляга с «волчьим коктейлем» (на случай, если я провалюсь в какой-нибудь ледяной поток).

Стоял жаркий день — весной в Арктике иногда выдаются деньки не менее знойные, чем в тропиках. Первые комары, словно герольды, возвещали о приближении несметных полчищ, которые скоро сделают пребывание в тундре поистине адской мукой. Я отыскал волчью тропу и решительно зашагал навстречу судьбе.

Следы вели прямо через огромное болото, но беда заключалась в том, что волчьи лапы увязли в нем всего на восемь — десять сантиметров, тогда как я проваливался на добрых тридцать сантиметров до мерзлого грунта. С трудом добрался я до галечной гряды, идти стало гораздо легче, зато там я сразу потерял следы волка.

Попытки обнаружить их вновь ни к чему не привели. Пристально оглядывая холодное царство тундры, безбрежное как море, я почувствовал себя безмерно одиноким. Ни рокота самолета, который нарушил бы немую тишину пустого неба, ни дальнего грохота проходящего поезда, от которого дрожала бы земля под моими ногами... Мертвое молчание! Только посвистывание невидимой ржанки свидетельствовало о том, что жизнь все-таки существует на этой голой, похожей на поверхность Луны земле.

Я отыскал нишу среди скал, покрытых лишайниками, втиснулся в нее и с аппетитом позавтракал. Затем, взяв бинокль, начал

рассматривать пустынный ландшафт в надежде обнаружить хоть что-нибудь живое.

Прямо перед собой я увидел скованную льдом бухточку большого озера, а на противоположном берегу какое-то яркое пятно, выделяющееся среди однообразной окраски тундры. Это был желтый песчаный вал высотой около двадцати метров, который, извиваясь как гигантская змея, терялся вдали. Такие узкие, вытянутые холмы, эскеры или озы, есть не что иное, как древние ложа исчезнувших рек, которые некогда (примерно десять тысяч лет назад) пробивали свой путь среди ледников, покрывавших весь Киватин. Когда толщи льда растаяли, наносы отложились на поверхность земли, и теперь они являются почти единственными заметными чертами рельефа тундры среди однообразной унылой равнины.

Напрягая зрение, я внимательно осматривал оз, пробегал по нему биноклем, пока не заметил, наконец, какое-то движение. Расстояние было значительным, но мне показалось, будто кто-то, подняв руку над головой, машет из-за кромки вала. В сильном волнении я вскочил на ноги и пустился бежать к берегу залива. Теперь до песчаной насыпи оставалось не более трехсот метров; отдышавшись, я вновь прильнул к биноклю.

Замеченный мной предмет оставался на месте, но теперь он выглядел как боа из белых перьев, которым неистово размахивает кто-то, скрытый от меня гребнем. Это было совершенно необъяснимо, и ничто из постигнутого мной при изучении естественых наук сюда не подходило. Пока я изумленно таращил глаза, к первому боа присоединилось второе, тоже яростно махавшее, и вот оба медленно двинулись вдоль оза.

Мне сделалось не по себе — ведь это явление не поддавалось научному объяснению. В сущности, я даже утратил интерес к непонятному зрелищу, считая, что оно скорее всего относится к компетенции психиатра, как вдруг совершенно неожиданно оба боа повернули ко мне. Они делались все выше и выше, пока не оказались... хвостами двух волков, поднимавшихся на песчаный вал.

Оз значительно возвышался над берегом залива, где я находился, и я чувствовал себя выставленным напоказ, точно полуобнаженная красавица с рекламы нижнего белья. Стремясь сделаться как можно меньше ростом, я присел на корточки и уполз в скалы, где старался держаться поскромнее. Но беспокоиться было не к чему — волки не обращали на меня ни малейшего внимания. Они были слишком увлечены собственными делами, которые, как я с удивлением понял, в данную минуту сводились к игре в пятнашки.

В это трудно поверить, но это так! Они вознлись как щенята. Тот из них, что поменьше ростом (вскоре появились конкретные доказательства, что это самка), был зачинщиком. Положив голову на вытянутые передние лапы и самым неблаговоспитанным образом подняв зад, волчица внезапно прыгнула на самца, который был много крупнее; я узнал в нем моего позавчерашнего знакомца. Пытаясь увернуться, тот споткнулся и упал. Волчица мгновенно оказалась наверху, больно теребя зубами его загривок, затем вскочила

и бешено помчалась, описывая круги. Волк поднялся на ноги и кинулся в погоню, но только ценой больших усилий сумел ее настичь и куснуть в спину. После этого роли вновь переменились, и самка мчалась за самцом, возглавлявшим дикую гонку, то вверх, то вниз, за насыпь и обратно; в конце концов оба волка потеряли равновесие и, сцепившись, покатились по крутому склону. Внизу они разделились, вытряхнули песок из шерсти и, тяжело дыша, встали мордой к морде. Самка поднялась на дыбы, обняла самца передними лапами и начала его прилизывать, как бы целуя, своим длинным языком.

Самец с трудом переносил назойливые нежности и все время старался отвернуть голову, но тщетно. Я невольно проникся к нему состраданием; по правде говоря, столь бурное проявление страсти вызывало отвращение. Однако, собрав все свое мужество, волк терпел, пока ей не надоело. Отвернувшись, волчица вскарабкалась примерно на половину песчаного склона... и пропала.

Казалось, даже след ее исчез с лица земли. Я терялся в догадках, пока не навел бинокль на густую тень в складке оза, где видел ее в последний момент. Темное пятно оказалось входом в пещеру, или логовище; конечно же, волчица забралась туда.

Я был счастлив — ведь удалось не только установить местонахождение пары волков, но и, по милости судьбы, отыскать их логово! Позабыв о всякой осторожности, я бросился к ближнему бугорку, чтобы оттуда получше разглядеть вход. После ухода подруги волк слонялся у подошвы оза и тотчас меня заметил. В три-четыре прыжка он взлетел наверх, остановился и с грозной настороженностью уставился на меня. Стоило мне только глянуть на него, и вся радость встречи мгновенно улетучилась. Нет, он больше не походил на игривого щенка, а превратился в великолепнейший механизм разрушения! Метаморфоза была столь устрашающей, что у меня застучали зубы о флягу, когда я собрался хлебнуть для успокоения нервов.

На сегодня хватит, решил я, не следует надоедать волчьему семейству, иначе, чего доброго, спугнешь их с насиженного места. Я счел за благо удалиться. Возвращение было нелегким — что может быть тягостнее, чем тащиться обратно по осыпающемуся под ногами щебню, да еще с полной выкладкой различных металлических изделий, принятых на вооружение в научных экспедициях!

Достигнув гряды, с которой впервые увидел волков, я бросил прощальный взгляд в бинокль. Самки по-прежнему не было видно, самец же спокойно лежал на песчаном гребне, вся его настороженность исчезла. Вот он встал, несколько раз покрутился на месте, как делают собаки, и улегся поудобнее, упрятав нос под хвост и явно намереваясь вздремнуть.

Убедившись, что он больше не интересуется моей скромной особой, я с облегчением вздохнул. Было бы настоящей трагедией, если бы мое нечаянное вторжение напугало волков и лишило меня замечательной возможности наблюдать за животными, ради которых я так далеко забрался.

7

Явная индифферентность, которую проявил волк к моей особе, подстрекнула меня на дальнейшие действия — я решил на следующее утро вновь наведаться в волчье логово. На сей раз я взял с собой винтовку, револьвер и охотничий нож, а вместо дробовика и топорика прихватил сильную перископическую стереотрубу с треногой.

Стояло прекрасное солнечное утро; дул ветерок, прогнавший комаров. Добравшись до залива перед озом, я заметил примерно в четырехстах шагах от логовища торчащий обломок скалы; это позволяло установить стереотрубу таким образом, что объектив будет направлен поверх гребня, а меня не будет видно. Используя военный опыт, я незаметно подкрался к наблюдательному пункту; ветер дул со стороны волков, значит, можно ручаться — они даже не подозревают о моем присутствии.

Ну вот, все в порядке, труба установлена, и я навел фокус, но, к моему глубокому огорчению, волков нигде не было видно. Прибор давал такое увеличение, что можно было различить отдельные песчинки в насыпи, но хотя я очень внимательно проверил каждый сантиметр полутоpакилометрового расстояния по обе стороны от логова, волки исчезли. К полудню от сильного напряжения у меня разболелись глаза и, что еще хуже, начались судороги. Невольно стал напрашиваться вывод: вчерашнее открытие — печальная ошибка и то, что я принял за логово,— просто обыкновенная дыра в песке.

Какая досада, ведь без активного участия волков грош цена всем сложным исследовательским планам и графикам, которые я поторопился составить! В необозримых просторах тундры вероятность визуального наблюдения волков крайне невелика, разве что случайно повезет (а на мою долю счастливых случаев и так уж выпало больше, чем положено). Я отлично понимал — мне так же трудно отыскать в этой безликой пустыне волчье логово, как алмазные копи.

Огорченный неудачей, я продолжал бесплодные наблюдения; оз оставался пустым. От горячего песка начал подниматься нагретый воздух, потребовалось еще больше напрягать зрение. К двум часам дня я потерял всякую надежду. Скрываться дальше было бессмысленно, и я поднялся, разминая затекшие ноги.

Странное создание — человек. Даже один-одинешенек в утлом челноке в безбрежном океане или в дебрях дремучего леса он, оправляясь, делается необычайно чувствительным к тому, что его могут увидеть. В этот весьма деликатный момент только очень самоуверенные люди (степень надежности уединения роли не играет) способны не оглянуться.

Сказать, будто я ощутил только смущение, когда убедился, что нахожусь не один, было бы явным преуменьшением, так как прямо позади меня, в каких-нибудь двадцати шагах, сидели... исчезнувшие волки.

Они расположились покойно и удобно, словно уже несколько часов провели за моей спиной. Самец, по-видимому, немного скучал: но устремленный на меня взгляд самки был полон беззастенчивого, можно даже сказать похотливого, любопытства.

Человеческая психика — забавная штука. При других обстоятельствах я, вероятно, остолбенел бы от страха и вряд ли бы кто меня осудил. Но в этой необычной ситуации первой моей реакцией было сильное возмущение. Я повернулся к волкам спиной и дрожащими от досады пальцами стал торопливо приводить в порядок свой туалет. Когда пристойность (если уж не достоинство!) была восстановлена, я закричал на волков со злобой, изумившей даже меня самого:

— Кш-ш! Какого черта вам здесь нужно, вы... вы... бесстыжие, наглые твари! А ну — убирайтесь прочь!

Волки испуганно вскочили, переглянулись, а затем пустились бежать вниз по склону к озу и вскоре исчезли, ни разу не оглянувшись.

С их уходом у меня наступила реакция. Сознание, что бог знает сколько времени волки сидели на расстоянии прыжка от моей незащищенной спины, вызвало такое потрясение, что мне не удалось закончить неожиданно прерванное дело. Страдая от морального и телесного перенапряжения, я поспешно собрал вещи и отправился домой.

В тот вечер я долго не мог собраться с мыслями. Казалось бы, можно радоваться — молитва моя услышана, волки выразили свою несомненную готовность сотрудничать. С другой стороны, меня преследовала назойливая мысль: *кто* же все-таки за *кем* наблюдает? Мне представлялось, что в силу видового превосходства, как представитель *Homo sapiens,* к тому же получивший солидную специальную подготовку, я имею законное право на пальму первенства. Но где-то в глубине души шевелилась смутная догадка, что превосходство это чрезвычайно шаткое и фактически это *я* нахожусь под наблюдением. Надо ли говорить, что подобные сомнения не способствовали моему самоутверждению.

Чтобы установить свою власть раз и навсегда, я решил наутро отправиться прямо на волчий вал и внимательно осмотреть предполагаемое логовище. Добраться туда можно на каноэ — река уже очистилась, а на озере лед отогнало от берега сильным северным ветром.

Каким чудесным было неторопливое плавание в залив Волчьего Дома — так я назвал это место! Ежегодный весенний переход оленей из лесов Манитобы в далекие равнины тундры, к озеру Дубоит, в полном разгаре. Из лодки я видел бесчисленные стада карибу, пересекавшие болота и холмы. Когда я подплыл к озу, волков там не было — очевидно, они отправились промышлять оленя на завтрак.

Я подвел каноэ к берегу, и обвешанный фото- и киноаппаратами, оружием, биноклями и прочим снаряжением, старательно полез вверх, по осыпающемуся песку, к тому месту на склоне, где в прош-

лый раз исчезла волчица. Попутно мне удалось обнаружить неопровержимые доказательства того, что оз является если не пристанищем волков, то, во всяком случае, любимым местом их прогулок. Поверхность всюду была густо усыпана калом и покрыта волчьими следами, которые во многих местах образовали хорошо проторенные тропинки.

Логовище находилось в маленькой ложбинке и было так замаскировано, что я бы прошел мимо, не заметив его, если бы не слабый писк, который привлек мое внимание. Я остановился и увидел чуть ниже, в нескольких шагах, четырех небольших зверьков, с увлечением занимавшихся вольной борьбой.

Я не сразу сообразил, кто они такие. Толстые лисьи мордочки с маленькими ушками;туловища круглые, как тыквы; короткие кривые лапки и крошечные, торчащие вверх зачатки хвостиков — все это было так непохоже на волка.

Внезапно один из волчат почуял мой запах. Он прекратил попытку откусить хвост брата и поднял на меня дымчато-голубые глазки. Увиденное его заинтересовало. Волчонок вразвалку заковылял ко мне, но по дороге его укусила блоха — пришлось сесть, чтобы почесаться.

В этот момент, не далее чем в сотне шагов, послышался громкий, вибрирующий вой взрослого волка — сигнал тревоги.

Идиллия сменилась драмой.

Словно серые молнии, волчата исчезли в темном провале логова. Обернувшись, я оказался лицом к лицу с взрослым волком, от неожиданности потерял опору и начал сползать вниз по осыпающемуся склону, прямо к логовищу. Чтобы удержать равновесие, пришлось воткнуть винтовку дулом в песок. Она ушла глубоко и держалась довольно прочно, но выскочила, когда я, ухватясь за ее ремень, опускался все ниже. Я лихорадочно нащупывал кобуру с револьвером, но был так опутан ремнями от фотокамер и приборов, что никак не мог извлечь оружие. Вместе с растущей лавиной песка я промчался мимо входа в логовище, перемахнул через выступ, отходивший от главного гребня, и скатился по склону оза. Чудом — только благодаря сверхчеловеческой акробатике — мне удалось устоять на ногах. Я то выгибался вперед, как лыжник на трамплине, то откидывался назад под таким углом, что, казалось, позвоночник вот-вот не выдержит.

Да, это было зрелище! Когда я наконец остановился и смог оглянуться, то увидел на валу трех взрослых волков, чинно восседавших в ряд, словно в королевской ложе. Они внимательно смотрели на меня с выражением восхищения, смешанного с иронией. И тут, признаюсь, я потерял самообладание. С учеными это случается нечасто, но я ничего не мог с собой поделать! Моему чувству собственного достоинства за последнее время были нанесены слишком тяжкие удары, и моя выдержка больше не соответствовала нагрузке. В порыве гнева я вскинул винтовку, но, к счастью, она была так забита песком, что выстрела не последовало.

Волки не проявляли никаких признаков беспокойства до тех

пор, пока я не заплясал в бессильной ярости, тряся бесполезной винтовкой и посылая проклятия в их настороженные уши. Тут они обменялись насмешливыми взглядами и неслышно удалились.

Я тоже последовал их примеру — мое душевное состояние исключало возможность аккуратного выполнения научных обязанностей. Откровенно говоря, я вообще был ни на что не способен. Оставалось только поскорее вернуться в домик Майка и постараться найти забвение в стакане «волчьего коктейля».

В ту ночь я долго и весьма плодотворно «совещался» с упомянутым напитком. По мере того как мои душевные раны затягивались под его исцеляющим влиянием, я пересмотрел события последних дней. Несмотря на предвзятость, я вынужден был прийти к убеждению, что освященное веками общечеловеческое представление о характере волка — чистая ложь. Трижды на протяжении недели моя жизнь целиком зависела от милости этих «беспощадных убийц». И что же? Вместо того чтобы разорвать меня на куски, волки каждый раз проявляли сдержанность, граничащую с презрением, даже когда я вторгся в их дом и, казалось, являл собой прямую угрозу детенышам.

Все это было совершенно очевидно, но, как ни странно, я весьма неохотно расставался с дряхлым мифом. У меня не было желания его развеять — отчасти потому, что, став на новую точку зрения относительно волчьей натуры, я боялся прослыть отступником. Признаюсь, немалую роль сыграло и следующее соображение: ведь если *моя* правда восторжествует, то эта экспедиция лишится лестной славы предприятия опасного, полного жутких приключений. И наконец, не последнюю роль в моем упорстве сыграло еще одно обстоятельство: очень трудно было примириться с тем фактом, что тебя признают окончательным идиотом, причем не собратья-люди, а какие-то дикие звери.

Однако я устоял.

Наутро после ночного «собеседования» я чувствовал себя отвратительно физически, но духовно очистился — вступил в борьбу с дьяволом-искусителем и победил.

Я принял твердое решение: с этого часа пойду в волчье царство с открытым сердцем и научусь видеть и познавать волков не такими, как их принято считать, а такими, какие они есть на самом деле.

8

Вскоре с присущей мне основательностью я начал осуществлять принятое решение и перебрался к волкам. Для начала я устроил собственное логово неподалеку от волчьего, однако не настолько близко, чтобы мешать мирному течению их жизни. Ведь как-никак это я, чужак, к тому же не волкоподобный, вторгся к ним, и мне казалось, что не следует слишком торопить события.

Покинув избушку Майка без всяких сожалений (чем теплее становились дни, тем сильнее в ней пахло), я разбил небольшую палатку на берегу залива, прямо против логовища. Лагерный нивен-

тарь пришлось сократить до минимума: примус, котелок, чайник и спальный мешок — вот и все хозяйство. Никакого оружия я не взял (о чем иногда случалось пожалеть). У входа в палатку установил большую стереотрубу, что позволяло днем и ночью обозревать логовище, даже не вылезая из спального мешка.

В первые дни я отсиживался в палатке и лишь ненадолго выходил в случае крайней необходимости, да и то когда волков не было видно. Добровольное «одиночное заключение» понадобилось для того, чтобы звери привыкли к палатке и воспринимали ее просто как еще один бугор на весьма холмистой местности. Позже, когда от комаров не стало житья, я и вовсе перестал выходить из своего убежища (если не дул сильный ветер): ведь самыми кровожадными созданиями в Арктике оказались вовсе не волки, а несносные комары.

Предосторожности, принятые мной для сохранения покоя волков, оказались излишними. Если мне понадобилась неделя, чтобы трезво оценить характер волков, то они меня раскусили с первой же встречи. Не скажу, чтобы с их стороны наблюдалось явное неуважение к моей особе, но звери как-то умудрялись не только игнорировать меня, но и не обращать внимания на сам факт моего существования — признаться, это все-таки обидно.

По чистой случайности я раскинул палатку шагах в двадцати от одной их главных троп, по которой волки уходили на охоту и возвращались со своих угодий, лежавших на западе. Через несколько часов после моего переезда на тропе показался волк, державший путь к себе домой. Он возвращался с ночной работы, устал и стремился поскорее добраться до постели. Волк поднимался по тропинке, шедшей в гору, и находился от меня не более чем в сотне шагов; голова его была опущена, глаза полузакрыты, казалось, он глубоко задумался. Ничто в нем не напоминало то на редкость чуткое и осторожное существо, каким рисует волка вымысел. Напротив, он был настолько чем-то поглощен, что, вероятно, так и не заметил бы палатку, хотя проходил совсем рядом с ней. Но я вдруг задел локтем чайник, и тот звякнул. Волк поднял голову и широко открыл глаза, однако не остановился и не прибавил шага. Быстрый взгляд искоса — вот и все, чем он меня удостоил.

Правда, я не стремился привлекать особого внимания, но от такого полного пренебрежения мне просто становилось неловко. На протяжении двух недель волки почти каждую ночь пользовались тропой, проходящей возле палатки, но никогда, если не считать одного памятного случая, они не проявляли ни малейшего интереса ко мне.

К тому времени, когда произошло упомянутое событие, я уже немало узнал о своих соседях. Выяснилось, например, что они вовсе не бродяги-кочевники, какими их принято считать, а оседлые звери и к тому же хозяева обширных владений с очень точными границами.

Территория, составлявшая собственность наблюдаемой мной семьи волков, занимала свыше двухсот пятидесяти квадратных

километров; с одной стороны она была отделена рекой, но в остальных направлениях не имела четких географических рубежей. Тем не менее границы существовали, и очень ясно обозначенные, разумеется, на волчий манер.

Тот, кто наблюдал, как собака на прогулке оставляет свои визитные карточки на каждом подходящем столбе, уже догадался каким способом волки отмечают свои владения. Примерно раз в неделю стая совершает обход «фамильных угодий» и освежает межевые знаки. Подобная заботливость в данном случае, очевидно, объяснялась наличием еще двух волчьих семейств, чьи «поместья» примыкали к нашему. Впрочем, мне ни разу не пришлось быть свидетелем разногласий или драки между соседями. Поэтому все дело, по-видимому, сводится просто к традиции.

Так или иначе, но, убедившись в наличии у волков сильно развитого чувства собственности, я решил воспользоваться этим и заставить их признать факт *моего* существования. Как-то вечером, когда волки ушли на ночную охоту, я сделал заявку на собственный земельный участок площадью около трехсот квадратных метров, с палаткой в центре, который захватил отрезок волчьей тропы длиной примерно в сотню метров. Чтобы гарантировать действенность заявки, я счел необходимым через каждые пять метров оставлять знаки владельца на камнях, покрытых мхом кочках и на клочках растительности — по всей окружности захваченной территории.

Застолбить участок оказалось труднее, чем я предполагал. На это ушла большая часть ночи; пришлось часто возвращаться в палатку и выпить неимоверное количество чая. Но к утру, когда охотники обычно возвращались, все было готово. Чувствуя себя несколько изнуренным, я прилег в палатке в надежде немного отдохнуть и одновременно проследить за результатом.

Долго ждать не пришлось. В 8.14, как значится в моем дневнике наблюдений, из-за увала появился вожак стаи. Как всегда, сосредоточенный, он, по своему обыкновению, даже не соизволил взглянуть в сторону палатки. Но, поравнявшись с местом, где граница моих владений пересекла его путь, волк резко остановился, словно наткнулся на невидимую преграду.

Нас разделяли каких-нибудь пятьдесят метров, и в бинокль мне было отлично видно, как выражение усталости сменилось у зверя сильнейшим замешательством. Осторожно вытянув нос, волк принюхался к одному из намеченных мною кустиков. Он, казалось, никак не мог сообразить, что следует предпринять. После минутной растерянности волк отошел на несколько шагов и только тогда наконец взглянул на палатку и на меня. Это был долгий, изучающий, очень внимательный взгляд.

Но после того как я добился своей цели и заставил волка обратить на себя внимание, мне в голову пришла тревожная мысль: не нарушил ли я по неведению какой-нибудь волчий закон, и не придется ли теперь расплачиваться за собственную опрометчивость? Вот когда я пожалел, что не захватил с собой оружия,— взгляд волка становился все более пристальным, глубоким и жестким.

Меня это начинало нервировать. Я и раньше-то не любил игры в гляделки, а тут еще против меня выступал такой мастер. Взгляд желтых глаз становился все свирепее, все злее; тщетно старался я принудить волка потупиться. Положение — хуже некуда. В отчаянной попытке выйти из создавшегося тупика я громко откашлялся и на какую-то долю секунды повернулся спиной к противнику, давая ему понять, что нахожу его бесцеремонную манеру — глазеть на незнакомого человека — по меньшей мере невежливой, если не оскорбительной.

Волк, казалось, понял намек и немедленно перестал на меня таращиться. Выпрямившись, он еще раз принюхался к моему знаку и, очевидно, принял решение. Быстро, с уверенным видом он начал систематический обход участка, который я застолбил для себя. Подойдя к очередному «пограничному» знаку, он обнюхивал его разок-другой, затем старательно делал *свою* отметку на том же пучке травы или на камне, но с наружной стороны. Наблюдая за ним, я понял, в чем заключалась моя ошибка, вызванная невежеством: волк ставил свои знаки крайне экономно и смог проделать весь круг, ни разу не заправляясь, или, если слегка изменить сравнение, на одном баке горючего.

Через какие-нибудь пятнадцать минут операция была закончена. Затем волк вышел на тропу там, где кончались мои владения, и рысцой пустился к дому, предоставив мне пищу для самых серьезных размышлений.

9

Моя небольшая территория, окруженная чужими владениями, была выделена с соблюдением существующих правил; волки признали ее самостоятельность и ни разу не нарушали границ. Иногда кто-нибудь из них мимоходом останавливался у демаркационной линии и освежал свою сторону пограничного знака. В свою очередь, я, в меру сил и способностей, старался не отставать от соседей. Опасения за личную безопасность постепенно исчезли, и я смог все внимание уделять изучению зверей.

Очень скоро наблюдения показали, что волки ведут размеренный образ жизни, однако не являются рабами твердого режима. Во второй половине дня самцы отправляются на ночной промысел. Порой это происходит в четыре часа, но они могут и промедлить до шести или семи часов вечера. В поисках добычи волки рыскают довольно далеко от логова, хотя, по-видимому, всегда остаются в пределах угодий, занятых семьей. По моим подсчетам, охотясь в нормальных условиях, волки до зари успевают сделать около шестидесяти километров. В трудные же времена им приходится покрывать еще большее расстояние — мне доводилось видеть, как самцы возвращались домой только после полудня. Остаток дня они спят, но на свой особый, волчий манер, то есть свертываются калачиком на пять-десять минут, после чего быстро встают, оглядываются и, повернувшись на месте разок-другой, снова ложатся.

Волчица и волчата обычно ведут дневную жизнь. Едва самец отправляется на вечернюю охоту, как самка скрывается в логове и почти не показывается, разве только чтобы глотнуть свежего воздуха, попить воды или наведаться в мясной тайник.

Склады провианта заслуживают упоминания. Вблизи от логовища волки никогда не хранят пищи; сюда доставляется только такое ее количество, какое необходимо для немедленного потребления. Все излишки, добытые на охоте, волки сносят в тайник, расположенный метрах в восьмистах от логова, среди нагромождения валунов, и прячут мясо в расщелинах. Запасы предназначаются главным образом для питания кормящей волчицы, которая лишена возможности сопровождать самца в далекие охотничьи походы.

Я заметил, что тайником исподтишка пользовалась пара песцов, чья нора находилась неподалеку. Волки, разумеется, знали место расположения норы и наверняка замечали «утечку» продуктов, но ничего не предпринимали против воришек, хотя им не составляло труда выкопать и уничтожить их выводок. Песцы в свою очередь совершенно не боялись волков, и мне неоднократно доводилось видеть песца, тенью кравшегося по пятам волка, который никак на это не реагировал.

Позже я пришел к выводу, что почти все волчьи логовища в тундре представляют собой заброшенные песцовые норы, впоследствии занятые и расширенные новыми хозяевами. Возможно, именно полезность песцов как землекопов и обеспечивает им неприкосновенность, но скорее всего терпимость волков — просто проявление присущего им дружелюбия.

В течение дня, когда волки-самцы относятся к этому снисходительно, волчица довольно рьяно занимается домашним хозяйством. Волчата с визгом вырываются из опостылевшего заточения и тоже проявляют бурную активность, доводящую их до полного изнеможения. Круглые сутки что-нибудь да происходит; не удивительно, что мне почти не удалось оторваться от стереотрубы.

После двух суток непрерывных наблюдений я дошел до предела. Создалось безвыходное положение: спать я не решался, боясь пропустить что-нибудь важное, с другой стороны, я буквально валился с ног, в глазах двоилось, временами даже троилось. Впрочем, последнее обстоятельство, возможно, зависело от внушительного количества «волчьего коктейля», к которому я усердно прибегал, чтобы не заснуть.

Требовалось что-то предпринять, иначе рухнет намеченная программа исследований. Мне долго не приходило в голову ничего путного, но как-то, глядя на одного из волков, мирно дремавшего на холмике у логова, я неожиданно нашел исключительно простое решение проблемы: мне следовало научиться спать как волки.

Однако выполнить задуманное удалось не сразу, сказывалось отсутствие сноровки. Я пробовал закрыть глаза и приказывал себе проснуться через пять минут — ничего не вышло. Раз-другой мне действительно удавалось задремать на короткое время, но затем я засыпал-по-настоящему и спал несколько часов кряду.

Вскоре я понял, в чем ошибка. Оказывается, необходимо было точно повторять все действия дремлющего волка. В конце концов я убедился, что свертывание клубком в начале и кружение в конце каждого периода дремоты — совершенно необходимое условие успеха. Чем это объясняется, я так и не знаю. Возможно, изменение положения тела усиливает кровообращение. Но зато я *знаю* совершенно точно, что серия коротких, но правильно, по волчьим правилам проведенных отрезков сна освежает куда лучше, чем то бесчувственное состояние, длящееся семь или восемь часов, которое у человека призвано удовлетворять потребность в отдыхе.

К сожалению, волчья дрема совершенно не подходит к условиям нашего общества, в чем мне пришлось убедиться на собственном опыте после возвращения в цивилизованный мир.

По мере того как я все глубже вовлекался в круговорот повседневных занятий волчьей семьи, мне становилось труднее сохранять к волкам безличное отношение. Несмотря на все старания подходить к ним с чисто научной объективностью, мне так и не удалось избежать влияния их индивидуальностей. Главу семейства я окрестил Георгом в честь Царственного Джентльмена, за которого я сражался в годы войны в качестве простого солдата и которого он мне очень напоминал. Правда, в полевых дневниках Георг значился просто как волк А.

Это был массивный серебристо-белый зверь с на редкость величественной осанкой. Он был на добрую треть крупнее своей подруги, но едва ли нуждался в таком большом росте, который лишь подчеркивал его властную уверенность. Георг умел держаться внушительно. Он обладал врожденным чувством собственного достоинства, однако ни в коей мере не чурался других. Снисходительный к ошибкам, заботливый и в меру любящий, он казался тем идеальным отцом семейства, какие нередко встречаются на страницах скучнейших семейных мемуаров, но чей реальный прототип редко ступает по земле на двух ногах. Короче говоря, Георг относился к тому типу отца, которого охотно признал бы любой сын.

Его подруга также произвела на меня неизгладимое впечатление. Это была стройная, почти чисто-белая волчица с густым меховым боа вокруг шеи. Широко расставленные, слегка раскосые глаза придавали ей сходство с плутоватой девчонкой. Красивая, кипучая, страстная, сущий дьявол, если разозлится,— казалось бы, ее не назовешь воплощением материнства. И все же лучшей матери не сыщешь. Я поймал себя на том, что называю ее Ангелиной, хотя так и не отыскал в глубинах собственного подсознания никаких следов, объясняющих, откуда возникло это имя. Мне очень нравился Георг, я уважал его, но к Ангелине проникся глубокой любовью, и до сих пор лелею надежду когда-нибудь встретить женщину, в которой воплотились бы все ее достоинства.

Ангелина и Георг — нежнейшая супружеская пара, какую редко можно встретить. Насколько я знаю, они никогда не ссорились и с неподдельной радостью встречались даже после короткой разлуки. Они были страшно привязаны друг к другу, но, увы, стра-

ницы моих дневников, предусмотрительно отведенные для детальных описаний брачных повадок волков, так и остались пустыми, насколько это касалось Георга и Ангелины.

Вопреки ожиданиям я обнаружил, что физическая любовь занимает в жизни волков какие-нибудь две или три недели; происходит это ранней весной, обычно в марте. Самки-девственницы (а все волчицы сохраняют невинность до двухлетнего возраста) спариваются в это время и в отличие от собак, которые многое переняли от своих хозяев, сходятся только с одним волком, которому остаются верны на всю жизнь.

Если фраза «только смерть разлучит нас» для большинства людей не более как жалкий обман в брачном договоре, то у волков это непреложный закон. Волки строго придерживаются единобрачия, и хотя восхищаться подобной добродетелью не обязательно, однако приписывать волкам крайнюю распущенность в половых связях по меньшей мере ханжество.

Я так и не смог установить, давно ли Георг и Ангелина составили супружескую пару, но позднее Майк рассказал, что видит их вместе по крайней мере лет пять (при пересчете на сравнительную продолжительность жизни волков и людей это равносильно тридцати годам). Майк и эскимосы легко, как старых знакомых, узнавали «в лицо» волков своего района, причем эскимосы (но не Майк) были о них столь высокого мнения, что и в мыслях не допускали убить волка или причинить ему какой-нибудь вред. Эскимосы хорошо знали не только Георга и Ангелину, но и остальных членов их семейства; место же, где находится их логово, известно охотникам свыше сорока, а то и пятидесяти лет, на протяжении которых многие поколения волков выращивали там свое потомство.

Поначалу меня совершенно сбивала с толку одна особенность, относящаяся к организации волчьей семьи. Во время прежних посещений логова я видел там трех взрослых волков. После того как я установил постоянное наблюдение за логовищем, мне вновь довелось несколько раз видеть «лишнего» волка. Он представлял абсолютную загадку, так как в то время мне казалось, что нормальная семья состоит из самца, самки и детенышей. Я еще не успел в достаточной степени проникнуть в волчий мир; мне и в голову не могла прийти возможность существования у них извечного треугольника.

Третий волк, кем бы он ни был, внешностью и характером отличался от Георга — он был ниже ростом, менее подвижен и энергичен, с серым чепраком на белой шкуре. Едва я увидел его играющим с волчатами, как тотчас окрестил «дядюшкой Альбертом».

Шестое утро моего бодрствования выдалось ясным и солнечным. Ангелина с потомством не преминула воспользоваться хорошей погодой. С восходом солнца (в три часа утра) вся компания перебралась из логовища на ближайший песчаный холмик. Там волчата принялись обрабатывать мать с таким энтузиазмом, который

любую женщину непременно довел бы до истерики. Правда, они хотели есть, но и резвость била в них ключом. Двое волчат пытались оторвать материнский хвост, они рвали и драли его с такой яростью, что шерсть летела клочьями; двое других делали все, что только могли, чтобы оставить мать без уха.

Около часа Ангелина героически терпела пытку, затем, вся взъерошенная, попробовала защищаться; села на собственный хвост и спрятала истерзанную голову между лапами. Но где там — волчата накинулись на ее ноги, по одному на каждую. Моим глазам предстало жалостное зрелище: Ангелина, словно шаман, отгоняющий злых духов, изо всех сил пыталась одновременно прикрыть лапы, хвост и голову.

Наконец волчица не выдержала. Она отпрыгнула в сторону от своих мучителей и убежала на высокую песчаную гряду за логовищем. Четверо волчат весело помчались за ней, и тут Ангелина издала своеобразный жалобный крик.

Проблема общения волков между собой впоследствии чрезвычайно меня интересовала, но в данном случае я еще находился под влиянием широко распространенного заблуждения, что ни у одного живого существа, кроме человека, не существует развитой системы звуков для связи между собой. Пронзительному и тоскливому вою Ангелины трудно было дать определенное толкование. И все же я уловил в нем мольбу и почувствовал невольное сострадание к ней. Оказалось, не я один. Через считанные секунды после ее cri de coeur[1], раньше чем налетела банда волчат, появился спаситель.

Им оказался тот самый, третий волк; он спал в ямке, вырытой в песке на южном склоне оза в том месте, где насыпь уходит под воду залива. Я и не подозревал, что он там, пока волк не поднял голову. Вскочив на ноги и отряхнувшись, он рысью пустился наперерез волчатам, которых отделяла от матери последняя ступень склона. С захватывающим интересом следил я за тем, как он своим плечом опрокинул ближайшего волчонка на спину и спустил его вниз по откосу, легонько куснул другого за толстенький задок и погнал их всех к тому месту, которое, как мне удалось выяснить позднее, служило волкам площадкой для игр.

Не решаюсь вложить человеческую речь в уста волка, но все происходившее затем было настолько красноречиво, словно он сказал: «Если хотите потренироваться, ребята, то вот он я — ваш волк!»

И в самом деле, в течение последующего часа он с таким азартом возился с волчатами, будто сам был одним из них. Игры часто менялись, многие очень напоминали игры ребятишек, например пятнашки, которые особенно полюбились волчатам, причем Альберт всегда «водил». Прыгая, катаясь и носясь между волчатами, он умудрялся никогда не выскакивать за пределы детской площадки, но при этом задал малышам такую гонку, что они выдохлись.

---

[1] Крик сердца (*франц.*).

Альберт мельком гляиул иа них, кииул быстрый взгляд на гребеиь эскера, где спокойио отдыхала Аигелииа, бросился на землю посреди усталых волчат и перевериулся иа спииу, как бы приглашая малышей потреиироваться в иаиесеиии увечий. Волчата не заставили себя просить. Одии за другим оии подимались и шли в бой. На сей раз воодушевлеиие было полиым, запрещенных приемов ие существовало — во всяком случае, для иих.

Волчата пытались задушить Альберта, но их малеиькие, хоть и острые зубкн ие могли справиться с густой шерстью на груди старого волка. Охвачеииый приступом детского садизма, один волчоиок повериулся задом к лежащему и прниялся лапами швырять ему в морду тучи песка. Другие подпрыгнвалн вверх, насколько позволяли их маленькие, кривые лапки, н с глухнм ударом шлепалнсь иа иезащищеииое брюхо Альберта. В промежутках между прыжкамн оии пытались жевать любую уязвимую часть тела волка, какая попадалась иа зубы.

Меия заннтересовало, сколько же он в состояиии выдержать. Очевидио, волк оказался чрезвычайио выиосливым, во всяком случае, ои дождался, пока волчата в полном нзиеможеиии не свалились в крепком сие. Только тогда ои поднялся и отошел от нних, шагая осторожио, чтобы не иаступить иа маленькне тельца, раскииувшиеся иа песке. Но и после этого он ие вериулся в свою уютиую постель(хотя, иесомиеиио, заслужнл отдых после нелегкой иочиой охоты). Он уселся на краю детской площадки, задремал, как дремлют волки, н часто поглядывал на спящих — тут ли оии, не грознт ли им опасиость.

Его подлиниое место в волчьей семье по-прежиему оставалось загадочным, но с той поры в моих глазах ои стал «добрым старым дядюшкой Альбертом».

10

Прошло иесколько иедель с иачала полевых наблюдеиий, а я по-прежиему был далек от решеиия краеугольиой проблемы: чем же питаются волки? А ведь это моя осиовиая задача, так как получеиие ответа, иужиого моим иаиимателям, являлось, в сущиости, целью экспедиции.

Карибу — едииствеиные крупиые травоядиые, которые в значительиом количестве встречаются в арктической туидре. В прошлом оин были здесь так же многочислеиины, как некогда бизоиы в прериях, ио за последиие три-четыре десятилетия их поголовье катастрофически сократилось. По даниым различиых правительствеииых учреждеиий, полученим от охотииков, трапперов н торговцев, главиой причииой постепеииого исчезиовеиия карибу является их уиичтожеиие волкамн. Поэтому деятелям мииистерства вкупе с учеиымн, оргаиизовавшимн эту экспедицию, представлялось иаиболее безопасиым пронзвести иа месте исследоваиие взаимоотиошеиий волк — олеиь. В результате предполагалось получить неопро-

вержимые научные доказательства виновности волков, достаточные для широкой кампании по их истреблению.

Я занимался порученным делом, старательно искал улики, угодные начальству, но пока не нашел ни одной. И не было никакой уверенности, что найду.

К концу июня последние стада карибу прошли мимо залива Волчьего Дома, направляясь в дальнюю тундру, примерно за триста — пятьсот километров к северу, где они проводят лето.

Чем же будут питаться мои волки в течение долгих месяцев и чем они собираются кормить своих вечно голодных волчат? Во всяком случае, не оленьим мясом. Ведь карибу ушли! А если не олениной, то чем же?

Перебрав в уме все возможности, я так и не сумел найти источника пищи, который был бы в состоянии удовлетворить аппетиты трех взрослых волков и четырех волчат. Кроме меня самого (а эта мысль неоднократно приходила мне в голову) вокруг не осталось подходящей дичи для волка. Правда, здесь водятся полярные зайцы, но в ничтожно малом количестве, а кроме того, они так быстры на ногу, что волку их не поймать, разве что на редкость повезет. Тундрянок и других птиц множество, но они умеют летать, а волки нет. Озера и речки изобилуют гольцом, хариусом и сигом, но волки — не выдры.

Дни шли, а тайна все сгущалась. Волки выглядели хорошо упитанными, и это делало загадку еще более непостижимой. Но окончательно сбивало меня с толку, доводя чуть не до умопомешательства, следующее обстоятельство: каждый вечер оба самца уходили на охоту и возвращались под утро, но никогда ничего не приносили.

Насколько можно было судить, все семейство жило на диете, состоящей из воды и воздуха. Движимый растущей тревогой за их благополучие, я отправился в избушку, испек пять караваев хлеба, притащил их на берег залива и положил возле одной из волчьих охотничьих троп. Но мой дар отвергли. Более того — осквернили. А возможно, дядюшка Альберт, который нашел хлеб, принял караваи за новые пограничные знаки, поставленные мной, и просто обошелся с ними соответствующим образом.

Примерно тогда же начались неприятности с мышами. Огромные просторы топких торфяных болот служили идеальным обиталищем для нескольких видов мелких грызунов, которые могли вволю рыть там норы и устраивать гнезда в готовой моховой подстилке.

Они занимались также другими делами и, по-видимому, весьма усердно, и когда июнь сменился июлем, вся тундра, казалось, ожила — так густо она покрылась маленькими зверьками. Среди грызунов преобладали лемминги, широко известные своей склонностью к самоубийству [1], но которых скорее следовало бы просла-

[1] **Автор намекает здесь на массовые миграции леммингов, во время которых они тысячами тонут в реках, озерах и морских проливах. А. Миддендорф назвал эти миграции «путешествиями смерти».— *Прим. ред.***

вить за совершенно невероятную способность размножаться. Нашествия грызунов — красных полевок и полевок-экономок — в избушку Майка вскоре приобрели такие масштабы, что, судя по всему, мне грозил голод, если не положить этому конец. Вот уж кто не побрезговал моим хлебом! И моей постелью тоже — проснувшись в одно прекрасное утро, я обнаружил на подушке спального мешка одиннадцать голых полевок. Тут-то я понял, что должен был чувствовать египетский фараон, когда воспротивился богу израилеву.

Видимо, только из-за твердо установившейся доктрины о волках, такой логичной и такой неверной, мне потребовалось длительное время, чтобы объяснить благополучное состояние волков при полном отсутствии дичи (сколько-нибудь соответствующей их репутации и физическим данным). Сама мысль о том, что волки не только едят полевок, но даже процветают и выращивают потомство на этой «диете», настолько противоречива общепринятой, но вымышленной характеристике волка, что казалось совершенно нелепой. И все же именно в этом заключался ответ на мучивший меня вопрос: чем волки ухитряются набивать свою утробу?

Ключом к разгадке послужило непонятное на первый взгляд поведение Ангелины.

Как-то под вечер, когда самцы отдыхали перед ночной охотой, волчица вышла из логова и принялась обнюхивать Альберта до тех пор, пока он не зевнул, потянулся и нехотя поднялся. Тогда она побежала по направлению ко мне через заросшее травой болото, оставив волчат на попечение Альберта.

В этом не было ничего нового. Мне неоднократно приходилось наблюдать, как верный Альберт (а иногда и Георг) исполняет обязанности няньки, когда сама Ангелина убегает к заливу напиться или, как я ошибочно полагал, просто размять ноги. Обычно в таких странствиях волчица забиралась в самую дальнюю от палатки часть побережья и скрывалась за невысокой галечной косой. Но на этот раз она направилась прямо в мою сторону и оказалась на виду, поэтому я навел стереотрубу и стал наблюдать.

Волчица выбежала на каменистый берег, вошла по грудь в ледяную воду и долго пила. В это время небольшая стайка уток вылетела из-за мыса и села в сотне шагов от волчицы. Та подняла голову, внимательно глянула на уток, выбралась на берег и... внезапно сошла с ума.

Тявкая, как щенок, она ловила себя за хвост, каталась по камням, ложилась на спину, неистово махала в воздухе всеми четырьмя лапами, в общем вела себя так, словно начисто лишилась рассудка.

Я повернул трубу и навел ее на логово, где среди волчат сидел Альберт, чтобы убедиться, видит ли он сцену безумия и как на нее реагирует. Он, конечно, видел все и следил за Ангелиной с живым интересом, но без малейшего признака тревоги.

Ангелиной же овладел приступ маниакального возбуждения, она яростно прыгала вверх, хватала пустоту и при этом пронзи-

тельно визжала. Страшное зрелище, которое, как я заметил, захватило не только нас с Альбертом. Любопытство буквально загипнотизировало уток. Они так заинтересовались происходящим, что поспешили к берегу, желая получше рассмотреть все. Вот они подплыли, вытянув шеи и настороженно переклинкаясь между собой. Но чем ближе подплывали птицы, тем безумнее становилась Ангелина.

Когда до ближайшей утки оставалось менее пяти метров, волчица сделала гигантский прыжок. Сильный всплеск — и охваченные паникой утки, беспорядочно хлопая крыльями, поднялись и улетели. Ангелина упустила свой обед, промахнувшись всего на каких-нибудь десять сантиметров.

Этот случай открыл мне глаза на многое; он свидетельствовал о такой многосторонней изобретательности в добывании пищи, какая в пору разве что человеку. Однако вскоре Ангелина доказала, что приманивание уток — всего лишь побочное занятие.

Отряхнувшись несколько раз, да так энергично, что временами она совсем исчезла в голубом облаке брызг, волчица направилась к дому через болотистую низину. Но теперь ее движения стали совсем другими. И без того немалого роста, она вдруг вытянулась и пошла буквально на цыпочках, подняв шею, как верблюд, так что казалась выше по крайней мере на десяток сантиметров. Она медленно пересекала болото, держась против ветра и навострив уши, чтобы не пропустить малейшего шороха; мне было видно, как она морщила нос, втягивая воздух, напоенный неуловимыми запахами.

Внезапно она прыгнула. Подкинув задние ноги, словно лошадь, стремящаяся скинуть всадника, волчица перенесла всю тяжесть тела на передние ноги. Мгновенье — и голова ее опустилась, она что-то схватила, проглотила и вновь начала свой странный семенящий балет на болоте. В течение десяти минут Ангелина шесть раз повторяла меткий прыжок и что-то проглатывала, но я не успевал разобрать, что именно. На седьмой раз она упустила добычу, завертелась волчком и начала бешено хватать ее в зарослях пушицы. Когда наконец подняла голову, я смог разглядеть хвост и заднюю часть полевки, бьющейся в ее челюстях. Глоток — и все исчезло.

Признаться, меня немало позабавило это зрелище — подумать только, один из крупнейших хищников континента охотится за полевками!— и я не отнесся к нему достаточно серьезно. Мне казалось, что Ангелина попросту развлекается, закусывая на ходу. Но когда она съела около двадцати трех полевок, я был поражен. Конечно, грызуны не бог весть какая еда, но два десятка составляют солидную порцию даже для волка.

Только позднее, сопоставив факты, я вынужден был признать очевидное: волки залива Волчьего Дома и, надо полагать, все волки Канадской тундры, которые выращивают потомство за пределами района летних пастбищ карибу, питаются преимущественно (если не исключительно) полевками.

Оставалось выяснить лишь один вопрос: как волки перетаскивают добычу к дому, чтобы накормить волчат (если за ночь наловят внушительное количество полевок)? Решить этого я не мог, пока не встретился с родственниками Майка. Один из них, обаятельный молодой эскимос по имени Утек, впоследствии ставший моим большим другом (он оказался первоклассным, правда необученным, натуралистом), раскрыл мне секрет.

Так как таскать мышей по одной волки не станут, то им не остается ничего другого, как доставлять добычу в собственном брюхе. В самом деле, мне приходилось видеть, как Георг или Альберт, возвращаясь с охоты, направлялись прямо к логовищу и вползали в него. Мог ли я подозревать, что там они изрыгают дневной рацион, уже частично переваренный?!

В конце лета, когда волчата уже покинули логовище, я наблюдал, как взрослый волк отрыгивает для них пищу. Не знай я, что происходит, вряд ли мне были бы понятны их действия; верно, и по сей день я не догадался бы, как волки ухитряются доставлять добычу в логово.

То обстоятельство, что полевки составляют основу волчьего рациона, пробудило во мне интерес к самим грызунам. И я тут же приступил к исследованиям. Прежде всего мне пришлось установить около полутора сотен мышеловок — для обеспечения материала в целях изучения популяции мышей по полу, возрасту, видовому составу и численности. С этой целью я выбрал часть болота в непосредственной близости от палатки. Я исходил из следующих соображений: во-первых, условия там типичны для всех болот, на которых обычно охотятся волки; во-вторых, близкое расстояние позволит мне часто осматривать ловушки.

Как оказалось, я совершил ошибку. На следующий же день после того, как были установлены мышеловки, появился Георг. Я тут же заметил его приближение, но не сразу сообразил, как быть. Поскольку мы по-прежнему строго соблюдали неприкосновенность границ, я не решался выбежать за пределы моего анклава [1] и преградить ему путь. С другой стороны, абсолютно неизвестно, что он предпримет, когда обнаружит браконьерство в своих заповедниках.

Подойдя к краю болота, волк некоторое время принюхивался, потом бросил подозрительный взгляд в мою сторону. Очевидно, он сразу обнаружил, что я нарушил границу, но не знал, с какой целью. Не приступая к охоте, Георг двинулся сквозь пушицу, росшую по краю болота, и я с ужасом увидел, как он направился прямо к норкам колонии леммингов.

Предчувствуя, что сейчас произойдет, я вскочил на ноги и заорал, что было силы:

— Георг! Ради бога, СТОЙ!

Поздно. Мой крик только вспугнул его и заставил перейти на

---

[1] Enclave *(франц.)* — территория, окруженная чужими владениями.

рысь. Но не пробежав и десятка шагов, волк взвился в небо, будто по невидимой лестнице.

Когда позже я обследовал злополучное место, то убедился, что он умудрился попасть в шесть ловушек из десяти возможных. Правда, они не причинили ему серьезного вреда, но когда неведомые тиски сжали сразу несколько пальцев на волчьих лапах, страх и боль оказались довольно сильными. В первый и последний раз за время нашего знакомства Георг утратил чувство собственного достоинства. Как собачонка, которой дверью прищемили хвост, он с визгом помчался домой, разбрасывая по дороге мышеловки, точно конфетти.

Я очень переживал это неприятное событие — ведь оно легко могло привести к разрыву наших отношений. Этого не произошло только благодаря хорошо развитому чувству юмора у Георга. Он принял все за грубую шутку весьма сомнительного сорта — чего всегда следует ожидать от людей.

11

Я установил, что летом волки питаются главным образом полевками, но этим моя работа в области диететики не исчерпывалась. Я прекрасно понимал, что сообщение об открытии взаимоотношений полевка — волк произведет настоящий переворот в науке и будет встречено с недоверием, возможно, даже подвергнется осмеянию, если не будет подкреплено солидными обоснованиями.

Итак, я выяснил два важных обстоятельства: во-первых, волки ловят и едят полевок; во-вторых, мелкие грызуны водятся в тундре в таких количествах, что обеспечивают сохранение поголовья волков.

Оставался, однако, третий момент, исключительно важный для окончательного подтверждения правомерности моей теории: вопрос о питательной ценности полевок. Необходимо было доказать, что рацион, состоящий из мелких грызунов, вполне достаточен для нормальной жизнедеятельности крупного плотоядного.

Провести нужные эксперименты в полевых условиях оказалось занятием нелегким. Требовались тщательные наблюдения над подопытными и контрольными животными, но на волках не поэкспериментируешь! Где искать выход? Вот если бы вернулся Майк, можно было бы одолжить у него собак — одну кормить мышами, а другую — оленьим мясом (только удастся ли его достать?). Подвергнув затем собак одинаковым испытаниям, я смог бы сравнить результаты и окончательно доказать правильность выдвинутой гипотезы. Но от Майка ни слуху ни духу, кто знает, вернется ли он?

В поисках решения прошло несколько дней, и вот как-то утром, когда я препарировал леммингов и полевок, меня вдруг осенило — почему бы мне самому не стать «подопытным кроликом»? Правда, человек не относится к числу чисто плотоядных животных, однако это недостаточно веское возражение. Другое дело, что я «имелся в

единственном экземпляре» и поэтому нельзя было одновременно получить материалы для сравнения. Но это препятствие легко устранить, нужно только установить два периода: вначале я буду питаться одними мышами, а затем ровно столько же времени мой рацион будет состоять из мяса и свежей рыбы. Достаточно в конце каждого периода провести ряд психологических тестов и сравнить полученные результаты. Разумеется, выводы нельзя будет полностью применить к волкам, но уже одно то, что в моем процессе обмена веществ не произойдет серьезных изменений, если я буду питаться только мышами, несомненно, послужит убедительным аргументом в пользу выдвигаемой мною теории, что волки сохраняют нормальную жизнедеятельность, находясь на такой диете.

Потерянного времени не воротишь, и я решил, не откладывая в долгий ящик, приступить к делу. Начистив целую миску маленьких тушек, которые остались после того, как я утром снимал с них шкурки, я наполнил ими котелок и поставил на примус. Едва вода закипела, как распространился чрезвычайно соблазнительный тонкий запах, и пока готовилось кушанье, мой аппетит разыгрался не на шутку.

Поначалу есть такую мелюзгу — с массой мельчайших костей — показалось мне чистой мукой, но вскоре я убедился, что кости можно разжевывать и глотать. Вкус мышей — чисто субъективное восприятие, не имеющее ни малейшего отношения к эксперименту. На мой взгляд, он оказался весьма приятным, разве что мясо было чересчур нежное. Со временем, однако, мыши мне приелись, аппетит пропал, пришлось разнообразить способы приготовления.

Из нескольких приготовленных мною блюд наиболее удачным, бесспорно, следует считать «мышь под соусом». На случай, если кто-либо из читателей проявит интерес и захочет использовать в личном хозяйстве этот несправедливо обойденный источник ценнейших белков животного происхождения, привожу рецепт полностью. Для приготовления этого деликатеса требуются: десяток упитанных мышей, чашка муки, кусок бекона, соль, перец, чеснок, этиловый спирт. (Следует заметить, что бекон вполне можно заменить обычной соленой свининой.)

СПОСОБ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Обдерите шкурки и выпотрошите мышей, но не удаляйте голов; затем вымойте, положите в кастрюлю и залейте спиртом, так чтобы тушки были покрыты, и оставьте примерно на два часа. Нарежьте бекон маленькими кусочками и поджаривайте до тех пор, пока не вытопится жир. После этого выньте тушки и обваляйте в муке с солью и перцем, бросьте на горячую сковороду и поставьте на огонь минут на пять (не подогревайте сковороду, иначе мясо пересохнет, станет жестким и волокнистым). Теперь влейте чашку спирта и добавьте по вку-

су шесть или восемь зубков чеснока. Накройте и слегка прокипятите в течение пятнадцати минут. Крем-соус приготовляется по одному из стандартных рецептов. Когда соус будет готов, полейте им тушки, плотно закройте кастрюлю и дайте постоять минут десять в теплом месте, прежде чем подать на стол.

В течение первой недели я не заметил в себе никаких изменений — по-прежнему был полон энергии и абсолютно не ощущал вредного действия диеты. Правда, меня страшно потянуло на жиры. И тут я понял, что допустил оплошность, не делавшую чести моей научной подготовке: ведь волки едят целых зверьков! Мелкие же грызуны, как легко можно убедиться при вскрытиях, откладывают большую часть жиров в брюшной полости, на брыжейке кишечника, а не подкожно и не в мышечных тканях. Следовательно, я совершил непростительную ошибку, которую надлежало немедленно исправить. Начиная с этого дня и до самого конца экспериментального периода я стал есть мышей целиком — только снимал шкурку — и перестал ощущать недостаток в жирах.

Когда эксперимент с мышами подходил к концу, возвратился Майк. Вместе с ним прибыл его двоюродный брат, молодой эскимос по имени Утек, который вскоре стал моим собутыльником, а главное — совершенно бесценным помощником в научных исследованиях. Однако при первой встрече он показался мне таким же замкнутым и неприступным, как Майк.

Я пришел в избушку, чтобы пополнить кое-какие припасы. При виде дымка, поднимавшегося из трубы, я обрадовался — по правде говоря, временами мне все-таки не хватало человеческого общества. Когда я вошел, Майк жарил полную сковороду оленины. Как оказалось, им посчастливилось убить отбившееся от стада животное примерно в сотне километров к северу. После нескольких тягостных минут, в течение которых Майк делал вид, будто меня не замечает, я попробовал сломать лед и заговорил с Утеком. В ответ тот бочком, бочком перебрался на другую сторону стола, стараясь держаться от меня подальше. Вскоре они приступили к еде. В конце концов Майк предложил и мне отведать жареного мяса.

В другое время я бы принял его приглашение — но не сейчас, когда эксперимент еще не окончен. Я отказался и, как мог, объяснил Майку причину. Он встретил извинение с непроницаемым видом, унаследованным им от предков-эскимосов, хотя и перевел мои слова Утеку. Уж не знаю, что подумал обо всем этом Утек, но отнесся он ко мне чисто по-эскимосски. Поздно вечером, когда я направлялся к себе в палатку, Утек подкараулил меня и, застенчиво улыбаясь, протянул небольшой сверток, обернутый оленьей шкуркой. Бережно развязав стягивавшую его жилку, я увидел пять маленьких голубых яичек — по-видимому, дрозда, хотя за точность определения не ручаюсь.

Я был глубоко тронут этим подарком (а это, безусловио, был подарок), но инкак не мог постичь его значення и вынужден был вернуться в избушку, чтобы спросить у Майка.

— Эскимосы думают, что если человек ест мышей, то у него все становнтся маленьким, как у мышн,— объяснил Майк,— но еслн съесть яйца, тогда все в порядке. Утек за тебя нспугался.

Вот так положенне! Виачале я растерялся, не зная, как отнестнсь к этому предрассудку, ио потом решил, что излншняя предосторожность не помешает, к тому же вряд ли мнииатюрные яйца когда-инбудь скажутся на результатах проводнмого опыта. И я тут же прнготовил нз иних янчницу. Сезои кладки янц давио прошел, что весьма сказалось на нх свежестн, тем не меиее я съел все, а так как Утек вннмательно наблюдал за мной, прншлось сделать внд, будто получнл прн этом огромное удовольствне.

Надо было видеть, какой восторг отразился иа широкой, расплывшейся в улыбке физнономнн эскнмоса! Ои, несомненно, решнл, что спас меня от судьбы, худшей, чем смерть.

Мне так н ие удалось втолковать Майку суть и всю важность проводнмой миой исследовательской работы. Зато с Утеком дело обстояло иензмернмо проще. Правнльнее будет сказать, что, не совсем поннмая смысл работы, ои сразу же проникся уверенностью в ее необходнмостн. Как потом выясинлось, сам Утек был второразрядным шаманом в своем племенн. Из рассказа Майка н из того, что ему довелось увндеть собственнымн глазами, ои заключнл, что я тоже шаман, правда другого, неведомого сорта. Имеиио этим, с его точкн зрення, н объясняллсь многне мон поступкн. Мне бы не хотелось припнсывать Утеку эгоистическне побуждення, но, возможно, общаясь со мной, ои надеялся расширнть собственные позиання в общей для нас профессни.

Так нли нначе, Утек решнл «воднться» со мной. На другой же день он заявнлся ко мне в палатку, захватнв с собой спальные прниадлежностн, н, очевндно, собнрался остаться надолго. Мои опасення, что парень будет обузой, скоро рассеялись. От Майка Утек знал несколько аиглнйских слов, а так как он был поразнтельно понятлнв, то уже вскоре мы моглн вестн с ннм элементарные разговоры. Утека ннчуть не уднвнло, что все свое время я посвятнл изучеиию волков. Напротнв, он сумел растолковать мне, что н сам интересуется нмн: ведь его лнчным тотемом, духом-покровнтелем, является Амарок — Волчье Существо.

Утек оказался иеоцеинмым помощнником. Прежде всего, ему былн иеведомы ложные представлення, совокупиость которых составляет основу Пнсания о волках, прниятого в иашем обществе. А кроме того, ои по-иастоящему знал зверей н счнтал нх себе сродии. Позже, когда я немиого иаучнлся его языку, а Утек улучшил свон зиання аиглнйского, он рассказал мне, что ему не было пяти лет, когда отец, зиамеиитый шамаи, отнес его в волчье логово и оставнл иа суткн. Там Утек подружнлся с волчатами и играл с

ними на равных: взрослые волки его обнюхивали, но не трогали.

Конечно, принимать все россказни Утека о волках без фактических доказательств было бы по меньшей мере антинаучно. Но я убедился, что всякий раз, когда доказательства находились, он неизменно оказывался прав.

12

То, что Утек признал меня, благотворно повлияло и на Майка. Тот явно начал сдавать позиции. Правда, он по-прежнему не сомневался, что у меня «в голове не все дома» и без соответствующего надзора я могу быть даже опасен. Тем не менее Майк стал обходительнее (насколько позволяла его замкнутая натура) и по возможности старался быть мне полезным. Последнее обстоятельство было весьма кстати — появилась возможность использовать его в качестве переводчика во время бесед с Утеком.

Благодаря Утеку я пополнил свои знания о гастрономических привычках волков. Подтвердив, что полевки действительно занимают очень большое место в их рационе, он добавил, что волки поедают великое множество длиннохвостых сусликов (евражек) и временами отдают им предпочтение даже перед карибу. Евражки чрезвычайно распространены почти по всей Арктике, но залив Волчьего Дома расположен хотя и недалеко, однако южнее границы их распространения. Эти грызуны доводятся ближайшими родственниками сусликам западных равнин, но отличаются от них слабо развитым инстинктом самосохранения. В результате они становятся легкой добычей волков и песцов. Летом, когда евражки отъедаются, они очень жирные и весят почти килограмм. Не удивительно, что их так любят волки — ведь они с легкостью добывают себе на обед достаточное количество евражек с неизмеримо меньшей затратой энергии, чем нужно для поимки карибу.

Мне казалось, что рыба не занимает существенного места в волчьем меню, но Утек уверил меня в противном. По его словам, ему неоднократно доводилось видеть, как волки охотятся на щурят и даже на взрослых полярных щук, которые весят пятнадцать — двадцать килограммов. Весной, в период икрометания, эти крупные рыбы входят в бесчисленные узкие протоки, густой сетью покрывающие болотистую тундру в районе озер.

Когда волк хочет полакомиться рыбой, он прыгает за ней в воду и с шумом гонит вверх по течению пока еще довольно широкого протока. Постепенно русло сужается и мелеет; почуяв опасность, рыба кидается назад к глубокой воде, но волк преграждает ей путь. Одного быстрого удара мощных челюстей достаточно, чтобы сломать хребет даже самой крупной щуке. Утек рассказывал, что однажды видел, как волк меньше чем за час поймал семь больших щук.

Волки не брезгают и налимами, когда эти медлительные рыбы входят метать икру в тундровые речки. Но по отношению к ним они применяют иную тактику: притаясь на мелком месте у

какого-нибудь камня, они хватают проплывающих мимо рыб (этот способ похож на то, как медведи ловят лососей).

Еще одним источником пропитания, правда имеющим меньшее значение, являются полярные бычки — маленькие рыбки, которые прячутся под камнями на мелководье. Чтобы поймать их, волки бродят вдоль берега и лапами или носом переворачивают камни.

Позднее, летом, я воочию убедился в верности сообщения Утека о промысле бычков — я наблюдал, как этим занимался Альберт. К сожалению, я не видел, как волки добывают щук, но, узнав от Утека, в чем заключается их метод, с неменьшим успехом последовал их примеру. Я во всем подражал действиям волков, только для нанесения coup de grace[1] вместо собственных зубов воспользовался коротким копьем.

Разумеется, такие дополнительные сведения, проливающие свет на характерные особенности биологии волков, представляли для меня немалый интерес, но все же, когда Утек рассказал, какую роль играют карибу в жизни волков, у меня по-настоящему открылись глаза.

По словам Утека, волки и карибу настолько связаны между собой, что представляют как бы единое целое. И в доказательство он поведал предание, которое, на мой взгляд, несколько смахивало на Ветхий Завет, но которое (во всяком случае, по заверению Майка) относится к полурелигиозному фольклору эскимосов дальней тундры (которые, увы, горе их бессмертным душам, все еще беспечно пребывают в язычестве!).

Вот пересказ легенды Утека.

«В начале начал была Женщина и был Мужчина; никто больше не ходил, не плавал и не летал в этом мире. Потом Женщина выкопала большую яму и стала выуживать из нее поочередно всех животных. Напоследок она вытащила карибу, и тогда Кейла, Бог Неба, сказал: «Вот величайший из всех даров, ибо карибу даст пропитание человеку».

Женщина отпустила карибу на все четыре стороны, велев плодиться и размножаться; и карибу поступили, как та сказала. Прошло время, земля наполнилась стадами, и сыновья Женщины охотились счастливо; они были сыты, одеты и укрыты шатрами из шкур — все это от карибу.

Сыновья Женщины выбирали больших, жирных карибу, так как не хотели убивать слабых и тощих, чье мясо негодно в пищу, а шкуры плохи. И наступило время, когда больных и слабых карибу стало больше, чем жирных и сильных. Сыновья, увидев такое, смутились духом и пожаловались Женщине.

Та, свершив заклинание, обратилась к Кейле и сказала: «Твоя работа — плохая работа, ведь карибу сделались слабыми и больными, если мы будем их есть, то тоже станем слабыми и больными».

Кейла, выслушав ее, ответил: «Моя работа хорошая. Я накажу

[1] Смертельный удар *(франц.)*.

Амораку (духу Волка), а тот накажет своим детям — пусть едят больных, слабых и мелких карибу, тогда пастбища останутся для жирных и здоровых».

Так и произошло. Вот почему карибу и волк — одно целое: ведь карибу кормит волка, зато волк делает оленя сильным».

Признаюсь, рассказ изрядно меня изумил. Меньше всего я ожидал услышать от невежественного эскимоса целую лекцию — да еще в виде притчи! — о борьбе за существование и значении естественного отбора. И все-таки я скептически отнесся к словам Утека, будто между карибу и волками существуют идеальные взаимоотношения. Правда, за последнее время я на собственном опыте разубедился во многих научно обоснованных поверьях, но тем не менее не мог себе представить, что, нападая на оленьи стада, могучий и смышленый волк ограничивается отбраковкой больных и слабых, хотя может выбрать любого самого крупного и жирного оленя. К тому же у меня имелся превосходный аргумент, которым я намеревался сразить Утека.

— Спроси-ка его, — обратился я к Майку, — откуда в таком случае взялось столько скелетов и, очевидно, здоровых карибу, которыми усыпана вся тундра вокруг твоей избушки и на несколько километров к северу от нее?

— Незачем его спрашивать, — невозмутимо ответил Майк, — я сам убил этих оленей. У меня четырнадцать ездовых собак, всех их нужно кормить, на это требуется не меньше двух-трех оленей в неделю. Самому мне тоже хочется есть. А кроме того, я убиваю уйму оленей в районе промысла пушнины. У каждой оленьей туши ставлю четыре-пять капканов и на эту приманку ловлю немало песцов. Мне не годятся тощие карибу, а нужны большие, жирные.

Потрясенный, я мог только спросить:

— И сколько оленей ты добываешь в год?

Майк горделиво усмехнулся.

— Я меткий стрелок. Две-три сотни, а может, и больше.

Немного оправившись, я поинтересовался, обычная ли это вещь и как поступают другие трапперы.

— Каждый, кто ставит капканы, делает то же самое, — ответил Майк, — индейцы и белые бьют оленей по всей тундре, куда доходят карибу на зимние выпасы. Конечно, не всегда посчастливится добыть достаточно оленей; тогда приходится кормить собак рыбой. Но рыба не идет им впрок — они становятся слабыми, болеют и совсем не тянут груженые сани. Карибу лучше!

Из фолиантов, проштудированных в Оттаве, мне было известно, что в тех частях Саскачевана, Манитобы и южного Киватина, которые составляют район зимних пастбищ киватинского стада карибу, насчитывается тысяча восемьсот охотников, ставящих капканы. Я знал также, что многие из них были опрошены столичными властями через агентов пушных компаний о причинах катастрофического сокращения поголовья оленей. Мне самому довелось читать их показания. Охотники и торговцы пушниной с поразитель-

ным единодушием утверждали, что сами убивают не больше одиого, от силы двух карибу в год, а волки режут оленей несчетными тысячами. И хотя я иикогда ие был силеи в математике, все же я подвел итог даииым, которыми располагал. Будучи от природы человеком осторожиым, я вдвое умеиьшил число охотииков и иаполовииу скостил отстрел олеией против количества, указаииого Майком. Но сколько бы я ии перемножал цифры, результат получался фантастический: в этом районе трапперы ежегодно убивают 112 000 олеией!

Я отличио поиимал, что эта цифра ие для моих отчетов — если только я не добиваюсь иазиачеиия на десять лет иа Галапагосские острова изучать клещей у черепах.

Во всяком случае, все то, что порассказали Майк и Утек, принято считать иифррмацией, осиоваииой на слухах, а меия иаияли ие для этого. Выкииув из головы тревожные сомиеиия, я вериулся на тернистый путь иаучиых поисков истииы.

13

Утек, как иатуралист, обладал множеством редких качеств; из них ие последиим было его бесспориое умение поиимать язык волков.

Еще до встречи с Утеком я обратил виимаиие, что разиообразие и диапазои голосовых средств Георга, Аигелииы и Альберта значительио превосходят возможиости всех известиых мне животных, за исключеиием человека.

В моих полевых диевниках зарегистрироваиы следующие категории звуков: вой, завываиие, хныкаиье, ворчаиие, рычаиие, тявканье, лай. В каждой из этих категорий я различал бесчисленые вариации, ио был бессилеи дать им точное определеиие и описаиие. Более того, не сомиеваюсь, что все представители семейства собачьих способиы слышать и, вероятио, издавать звуки как выше, так и ииже регистра частот, восприиимаемых человеком. Так иазываемые «беззвучиые» свистки для собак, имеющиеся в продаже, лучше всего подтверждают сказаииое. Я установил также, что все члеиы моей волчьей семьи сознательио реагируют иа звуки, издаваемые другими волками, хотя у меия и не было иадежиых доказательств: что это иечто большее, чем простые сигиалы.

По-иастоящему мое образование в области волчьей «лингвистики» началось с появлеиием Утека.

Как-то мы вдвоем часами иаблюдали за логовом, ио безрезультатно — ничего достойиого виимаиия обиаружить ие удавалось. Денек выдался безветренный, и проклятые насекомые иавалились тучей, хуже всякой чумы. Спасаясь от иих, Аигелина с волчатами укрылась в логове. Оба самца, утомлеииые охотой, затянувшейся до позднего утра, спали иеподалеку. Стаиовилось скучно, и мной начала овладевать соиливость, как вдруг Утек приложил руки к ушам и виимательио прислушался. Я иичего ие слышал и иикак не

мог понять, что привлекло его внимание, пока он не шепнул: «Слушай, волки разговаривают»— и показал на гряду холмов километрах в восьми к северу от нас [1].

Я напряг слух; но если волк и вел «радиопередачу» с далеких холмов, то работал не на моей волне. Казалось, в эфире нет ничего, кроме зловещего стона комаров, но Георг, спавший на гребне эскера, внезапно сел, навострил уши и повернул свою длинную морду к северу. Спустя минуту он откинул голову назад и завыл. Это был вибрирующий вой; низкий вначале, он закончился на самой высокой ноте, какую только способно воспринять человеческое ухо.

Утек схватил меня за руку и расплылся в довольной улыбке.

Я с трудом понял, о чем идет речь, и только когда мы вернулись в избушку, с помощью Майка уточнил подробности.

Оказывается, волк с соседнего участка, лежащего к северу, не только сообщил, что давно ожидаемые карибу двинулись на юг, но и указал, где они сейчас находятся. Более того — и это было совсем невероятно — выяснилось, что сам сосед оленей не видел, а просто передал информацию, полученную им от волка, живущего еще дальше. Георг, который ее услышал и понял, в свою очередь передал добрую весть другим.

От природы (и по воспитанию) я скептик и тут не нашел нужным скрывать, как насмешила меня наивная попытка Утека произвести впечатление пустой болтовней. Но, не обращая внимания на мой скепсис, Майк без проволочки стал собираться на охоту.

Меня ничуть не удивило его желание убить оленя — ведь к тому времени я уже знал, что он, как, впрочем, и все коренные жители тундры, питается почти исключительно олениной, если только можно ее добыть. Меня поразило другое: его готовность предпринять двух- или даже трехдневную прогулку по тундре из-за нелепой выдумки Утека. Все это я не преминул высказать Майку, но тот только замкнулся в себе и отбыл, не проронив ни слова.

Через три дня, когда мы встретились вновь, мне были презентованы целый окорок и горшок оленьих языков. Из рассказа Майка выходило, что он нашел карибу в том самом месте, на которое, поняв речь волков, указал Утек,— на берегах озера Кунак, примерно в шестидесяти километрах на северо-восток от нашей избушки.

Я-то не сомневался, что это простое совпадение, но было любопытно, долго ли Майк намерен морочить мне голову, и я, притворившись, будто поверил, принялся расспрашивать о необыкновенном искусстве Утека.

Майк попался на крючок и разговорился. По его словам, волки не только обладают способностью поддерживать связь на огром-

---

[1] За два года моего общения с Утеком его английский язык значительно улучшился, а я в свою очередь достиг неплохих результатов в изучении эскимосского языка; таким образом, мы получили возможность свободно разговаривать. Но это произошло позже описываемых событий. Здесь же я перевел наши ранние, весьма путаные попытки объясниться в форму, доступную для читателя.

ном расстоянии, но даже могут «говорить» не хуже людей. Правда, он признался, что сам не может ни слышать всех издаваемых волками звуков, ни понимать их значения, но некоторые эскимосы, в частности Утек, настолько хорошо понимают волков, что в состоянии буквально разговаривать с ними.

После этого я окончательно укрепился в своем решении не особенно верить россказням этой пары. Но все-таки меня не оставляла шальная мысль: а вдруг во всем этом есть что-то? На всякий случай я попросил перевести Утеку: пусть он следит за «разговорами» наших волков и через Майка передает мне их содержание.

На следующее утро, когда мы добрались к логовищу, самцов не было и в помине. Ангелина и волчата уже встали и крутились поблизости, но волчице было явно не по себе. Она то и дело взбегала на гребень, к чему-то прислушивалась и, постояв несколько минут, вновь спускалась к волчатам. Время шло, Георг и дядюшка Альберт сильно запаздывали. Наконец, в пятый раз поднявшись наверх, Ангелина, видимо, что-то услыхала. Утек тоже. Он повторил свое театральное представление, приставив к ушам сложенные лодочками ладони. Послушав немного, он попытался объяснить мне происходящее. Увы, мы тогда еще плохо понимали друг друга, и я не уловил даже смысла его слов.

Я продолжал обычные наблюдения, а Утек забрался в палатку и заснул. В 12.17 пополудни я отметил в журнале возвращение Георга и Альберта; волки пришли вместе. В два часа дня Утек проснулся и, стремясь загладить невольный прогул, вскипятил чайник.

При первой же встрече с Майком я напомнил ему свою просьбу, и тот принялся расспрашивать Утека.

— Вчера,— переводил Майк,— волк, которого ты зовешь Георгом, послал своей жене весточку. Так говорит Утек, который хорошо слышал. Волк сказал жене, что охота идет плохо, придется задержаться. Вероятно, не удастся вернуться раньше полудня.

Я вспомнил, что Утек не мог знать, когда вернулись волки, так как в то время он крепко спал в палатке. А 12.17— время, практически близкое к полудню.

Несмотря на эти, казалось бы, весьма очевидные доказательства, мой скептицизм снова взял вверх. Через два дня, в полдень, Георг опять появился на гребне, навострив уши на север. То, что он услыхал (если вообще что-нибудь слышал), видимо, его не заинтересовало, так как он не завыл в свою очередь, а спустился к логову.

Утек, напротив, был захвачен полученной новостью. На лице его отразилось глубокое волнение. Он буквально утопил меня в потоке слов, но я смог уловить немногое. «Инуит» (эскимос) и «кийэн» (приходить) — неоднократно повторял Утек, терпеливо добиваясь понимания. Не одолев моей тупости, он сердито взглянул на меня и без разрешения зашагал через тундру, на северо-запад от избушки Майка.

Такой бесцеремонный уход был мне не по душе, но я быстро забыл об этом, так как день клонился к вечеру и волки забеспокоились: приближалось время ночной охоты.

У волков существовал определенный ритуал сборов. Георг обычно начинал с визита к логову. Если Ангелина и волчата сидели дома, они выбегали навстречу. Если же семья находилась снаружи, то озабоченность Ангелины домашними делами тут же сменялась радостным возбуждением. Она начинала возню, прыгала перед Георгом, толкала его плечом, обнимала передними лапами. В такие веселые минуты Георг был полон добродушия и порой затевал шуточный бой со своей подругой. С моего наблюдательного пункта их схватки выглядели весьма свирепыми, но плавное помахивание хвостами свидетельствовало о самых добрых намерениях противника.

Потревоженный шумом, на сцене появлялся дядюшка Альберт и принимал участие в игре. В дневные часы он предпочитал спать где-нибудь подальше от логова, стремясь по возможности уклониться от роли няньки.

С его приходом взрослые волки вставали в круг нос к носу, энергично виляли хвостами и «поднимали шум». Бесспорно, выражение «поднимали шум» — не очень образное описание, но на лучшее я не способен. Из-за дальности расстояния до меня долетали только громкие звуки, которые более всего походили на ворчание. Значение их мне так и не удалось выяснить, но в них, несомненно, нашли отражение чувство дружбы, ожидание удачи и превосходное настроение.

Бурное веселье длится минут двадцать, а то и целый час, причем волчата принимают в нем самое деятельное участие — они путаются под ногами и без разбора кусают все хвосты, какие попадутся. Затем трое волков поднимаются на гребень оза, обычно под предводительством Ангелины. Они вновь становятся в круг и, высоко задрав головы, начинают «петь». Это один из самых радостных и светлых моментов в их повседневной жизни; для меня он тоже является кульминационным. Правда, на первых порах от древнего, глубоко укоренившегося страха перед волками у меня волосы поднимались дыбом, стоило этой троице «запеть». Не берусь утверждать, что сразу стал получать удовольствие. Но с течением времени я полюбил волчий хор и с нетерпением ждал его очередного выступления. К сожалению, описать все это совершенно невозможно: ведь я могу пользоваться только терминологией, относящейся к человеческой музыке, а к этому случаю она абсолютно неприменима и только может ввести читателя в заблуждение. Ограничусь тем, что просто скажу: этот громкоголосый и задушевный ансамбль по-настоящему трогал; пожалуй, редко меня так волновало даже самое проникновенное исполнение органных произведений.

Волчья «Пассионата» всегда казалась мне до обидного короткой. Какие-нибудь три-четыре минуты — и все. Волки расходятся, напоследок помахав хвостами, потершись носами и вообще выка-

зав все знаки дружелюбия, взаимного расположения и полиого удовлетворения. Аигелина иеохотио направляется к логову, то и дело оглядываясь на Георга и Альберта, которые уже трусят по одной из охотничьих троп. По всему видно, что ей безумио хочется присоединиться к охотиикам, ио вместо этого она идет к волчатам, чтобы сдаться на их милость — горят ли они желанием обедать или играть.

Однако в эту ночь самцы нарушили заведенный порядок и вместо троп, ведущих иа север или северо-запад, направились на восток, в противоположную сторону от избушки Майка и моего наблюдательиого пуикта.

Я ие придал этому особого значения, как вдруг чей-то крик заставил меия обернуться. Это возвратился Утек, но ои был не один. С иим шли три эскимоса; они застенчиво улыбались, смущенные предстоящей встречей со странным каблуиаком, которого иитересуют волки.

Появление целой толпы исключало возможиость продуктивиых наблюдений иынешней иочью, и я поспешил присоединиться к пришельцам на марше к избушке. Майк был дома и приветствовал прибывших как старых друзей. Спустя иекоторое время я улучил минутку и задал ему иесколько вопросов.

— Да,— сказал он,— Утек действительно зиал, что люди в пути и скоро придут сюда.

— Откуда он знал?

— Глупый вопрос. Он знал потому, что слышал, как волк с холмов Пятой Мили сообщил о проходе эскимосов через его территорию. Утек пытался все объяснить, но ты его не понял: в конце концов он вынужден был уйти, чтобы встретить друзей.

Так-то вот!

14

Всю третью неделю июия Ангелина была неспокойна. Видимо, домашний образ жизни ей надоел. Когда Георг и Альберт по вечерам отправлялись на охоту, она провожала их — вначале не дальше сотни шагов от логова, ио однажды пробежала свыше четырехсот метров, а затем нехотя повернула к дому.

Георг был в явном восторге от такой перемены настроения волчицы. Он давно соблазнял Аигелину принять участие в ночиых скитаниях по тундре. Как-то раз он даже задержал выход на охоту на битый час, стараясь увлечь подругу за собой, так что Альберт потерял терпение и ушел один.

За этот час Георг раз восемь спускался с гребня иа детскую площадку, где в окружении волчат лежала Ангелина, иежно ее обнюхивал, неистово размахивая хвостом, и с надеждой устремлялся к одной из охотничьих тропок. И каждый раз, видя, что она не идет за ним, волк возвращался на бугор и понуро выжидал несколько миeут, после чего возобновлял попытку. Когда же он наконец решился уйти, то являл собой печальную картину глубочай-

шего разочарования и уныиия: голова и хвост были опущены так низко, что казалось, зверь не уходит, а уползает.

Желание провести в тундре ночь, несомнеиио, было обоюдным, но для Аигелины благополучие волчат было превыше всего, хотя оии уже повзрослели, приобрели некоторую самостоятельиость и требовали гораздо меньше внимания.

Вечер 23 июня я коротал в палатке один — Утек отлучился на несколько дней по своим делам. Волки, как обычно, начали традиционный коицерт перед уходом на охоту. На этот раз Ангелина превзошла самое себя: в ее высоком голосе прозвучала такая жажда свободы, что я готов был предложить собствеииые услуги для присмотра за волчатами на время ее отсутствия. Однако мне ие стоило беспокоиться. Призыв, а возможио непосредствеиный приказ, дошел и до Альберта; так или иначе, по окоичаиии пеиия Ангелииа и Георг весело убежали, а Альберт угрюмо поплелся вниз, к логову, и покорно обрек себя в жертву неистовым волчатам.

Через иесколько часов иачался проливной дождь, и наблюдеиия пришлось прервать.

Утром разведрилось, туман рассеялся, ио волков пока не было видно. Лишь к девяти часам на гребне показались Георг и Альберт.

Оба нервничали и суетились. После нетерпеливой беготни, долгого выиюхиваиия и коротких остановок, во время которых оии внимательио разглядывали окрестиости, волки разошлись. Георг взобрался на самое высокое место песчаного вала и пристальио всматривался в тундру с востока и с юга, а Альберт побежал к севериому коицу оза, лег иа камеиистом бугре и устремил взор на запад.

Волчица по-прежиему ие появлялась, и это иаряду с необычным поведением самцов крайие меия встревожило. Мысль о том, что с Аигелииой что-то случилось, болезиеиио отозвалась во мие. Я даже ие подозревал, иасколько к ней привязаи, и теперь, когда она, видимо, пропала, искреиие переживал ее гибель.

Я совсем уже собрался выйти из палатки, чтобы поглядеть, нет ли где Ангелины, ио она опередила меня. Взгляиув иапоследок в подзорную трубу, я вдруг увидел, что волчица вылезла из логова и побежала через оз. В первый момеит мие не удалось определить, что она тащит в зубах, ио затем я с удивлением разглядел, что это волчоиок.

Несмотря на тяжесть иоши (волчоиок весил не меиьше пяти килограммов), волчица довольио быстро пересекла склои по диагоиали и скрылась в иизких зарослях стланцевой ели. Мииут через пятиадцать она вериулась за следующим волчоиком, потом еще за одним, а около десяти утра уиесла последнего.

Как только волчица скрылась, иа этот раз окоичательно, оба волка покииули свои сторожевые посты — они, очевидио, охраияли переезд семьи — и поспешили за ней, оставив меия мрачно созер-

цать опустевший ландшафт. Происшедшее совершенно меня обескуражило: вероятно, я чем-то настолько досадил волкам, что вынудил их покинуть логово. (Другое объяснение этому массовому исходу попросту не приходило мне в голову.) В таком случае следовать за ними бессмысленно. Не зная, что делать, я поспешил в избушку, чтобы посоветоваться с Утеком.

Утек сразу же успокоил меня. По его словам, переселение волчат в это время года — явление нормальное для каждой волчьей семьи. Он объяснил это несколькими причинами. Во-первых, волчат «отняли от груди», а в непосредственной близости от логова нет воды. Поэтому необходимо перевести их в такое место, где можно утолять жажду не из материнских сосков. Во-вторых, волчата выросли и в логове им тесно. В-третьих,— и это, пожалуй, самое важное — молодняку пора прощаться с детством и начинать учение.

— Им не годится жить в яме, они уже взрослые, но еще не настолько, чтобы всюду сопровождать родителей,— так переводил Майк объяснения Утека.— Поэтому старые волки отыскали для них новое место, и теперь волчатам достаточно просторно, пусть спокойно бегают и познают мир.

Утек и Майк знали, где находится летнее логовище, и на следующий день мы перенесли туда палатку, выбрав для нее место, откуда частично просматривалось обиталище волков.

Новый дом волчат находился примерно в километре от старого. Это было узкое ущелье с отвесными стенами, заваленное огромными валунами. Внизу раскинулось поросшее травой болотце, оно кишело полевками,— лучшего места для обучения волчат охотничьей азбуке не сыскать. Чтобы выбраться из ущелья, нужно ловко лазать, а этого волчата еще не умели, поэтому их можно было спокойно оставлять одних, не опасаясь, что они убегут и заблудятся. В случае нападения других хищников, водящихся в тундре,— песцов и ястребов — волчата смогут постоять за себя, они уже достаточно сильны.

На первых порах я решил не возобновлять постоянных наблюдений за волками — пусть привыкнут к новому месту. Поэтому следующую ночь я провел в избушке Майка, где подводил итоги работы. Утек порассказал мне немало интересного — например, что волки живут дольше собак. Он лично знал нескольких волков наверняка старше шестнадцати лет, а его отцу довелось встречаться с волком-патриархом, жившим у реки Казан; тому перевалило за двадцать.

По словам Утека, волки придерживаются того же взгляда на волчат, что и эскимосы на детей: фактическое отцовство для них не имеет большого значения и сирот (в нашем понимании) у них нет. Он привел убедительный пример.

Несколько лет назад белый охотник, проплывавший в каноэ, убил волчицу, которая поселилась со своим выводком всего километрах в трех от становища эскимосов, где тогда жил Утек. Утек,

который считал, что он магически связан со всеми волками, был очень этим расстроен. В то время в становище ощенилась сука, и он решил подложить волчат собаке. Но отец отговорил: волки-де сами решат, как быть.

Отец был великим шаманом, ему следовало верить, тем не менее юноша не мог успокоиться и организовал дежурство у логова. Ему не пришлось долго ждать: вскоре появился чужой волк в сопровождении овдовевшего самца. Оба вползли в логово, а когда вылезли обратно, каждый нес в зубах по волчонку.

Утек неотступно следовал за ними несколько километров, пока не убедился, что волки направляются к известному ему логовищу. Тогда он пустился бегом и, срезав путь, добрался до места раньше волков.

Когда те наконец явились, волчица, у которой было собственное потомство, высунула голову, схватила принесенных волчат за шиворот и по очереди втащила внутрь, а оба волка убежали за оставшейся парой осиротевших волчат.

Переселение закончилось благополучно, и теперь в логове оказалось десять волчат — все примерно одного роста и возраста. К ним с равной заботливостью и добротой относились взрослые волки, в том числе и овдовевший самец.

Трогательная история; боюсь, правда, что я тогда в нее не очень-то поверил. Но несколько лет спустя мне довелось услышать почти о таком же случае усыновления волчат, лишившихся матери. На этот раз историю рассказал известный ученый-естествоиспытатель. Его репутация была настолько безупречна, что в достоверности рассказа нельзя было усомниться. Впрочем, если вдуматься, то почему его слово должно иметь больший вес, чем слово Утека, который (духовно) сам почти что волк?

Кстати, я спросил Утека, правда ли, как утверждает освященное веками поверье, что волки иногда вскармливают человеческих детенышей? Он улыбнулся, видимо расценив мой вопрос как проявление своеобразного юмора. Я понял его ответ так: выдумка, мол, славная, но в ней нет и доли истины. Столь категорический отказ признать реальность существования мальчика-волка меня несколько озадачил. Но окончательно сразили дальнейшие объяснения Утека.

По его словам, человеческое дитя, попав в волчье логово, непременно погибнет, причем повинны будут не волки — просто ребенок лишен врожденной способности жить по-волчьи. Но, с другой стороны, женщина в состоянии выкормить щенка. Такие случаи нередки в эскимосских поселениях, когда сдыхает сука. Более того, Утек знал по крайней мере два случая, когда женщина, потерявшая ребенка и страдавшая от обилия молока, кормила грудью волчонка, так как щенка лайки взять было негде.

15

Место нового логовища было идеальным с волчьей точки зрения, но я этого не находил — нагромождение валунов мешало моим наблюдениям. К тому же карибу начали понемногу возвращаться с севера, и охотничий азарт полностью овладел тремя моими волками. И хотя они по-прежнему проводили большую часть дня в летнем логове или поблизости от него, ночные походы так изнуряли их, что они только и делали, что спали.

Время тянулось убийственно медленно, но дядюшка Альберт спас меня от скуки — он влюбился.

Я уже рассказывал, что вскоре после моего первого появления в избушке Майк поспешно уехал к своим и взял всех собак — не из страха, что они попадут под скальпели, которых у меня было великое множество (как я тогда подумал), а по той простой причине, что их нечем кормить, когда нет карибу. Весь июнь упряжка оставалась у эскимосов, чье стойбище находилось на территории летнего выпаса оленей. Теперь, когда карибу возвращались на юг, эскимос, державший у себя собак, привел их обратно.

Собаки Майка — великолепные животные местной породы. Вопреки легенде, эскимосские лайки отнюдь не являются полуприрученными волками, хотя вполне возможно, что оба вида произошли от одних предков. Уступая волкам в росте, лайки значительно кореастее, у них широченная грудь и короткая шея; пушистый, как султан, хвост кольцом завит над крестцом. Они разнятся от волков и в других отношениях. Так, в отличие от своих диких родственников самки лаек не считаются с сезоном, и течка у них может наступить в любое время года.

В только что возвратившейся упряжке Майка была сука, у которой как раз начался такой период. Темпераментная от природы и любвеобильная по личной склонности, она перебудоражила всю упряжку и доставила Майку массу хлопот. Как-то вечером он разворчался, и тут меня осенило.

Целомудренный нрав волков не позволил мне расширить свои познания относительно их половой жизни, хотя минувшей весной я готовился наблюдать за их повадками в течение короткого мартовского сезона спаривания, когда они бродят за стадами карибу. Но до сих пор мне не удалось заполнить этот пробел в моем образовании.

Из рассказов Майка и Утека я знал, что волки не против смешанных браков[1]. Они спариваются с собаками при первой же благоприятной возможности, что, впрочем, случается редко, так как собаки обычно либо привязаны, либо работают. Но бывает, что и случается. Вспомнив об этом, я выдвинул предложение, за которое Майк тотчас ухватился, чем доставил мне большую радость. Он и сам был доволен не меньше моего — ему давно хотелось уз-

[1] В оригинале miscegenation — смешанные браки между белыми и неграми — расистский термин, иронически употребленный автором.— *Прим. перев.*

нать, что за ездозая собака получнтся от скрещиваиия волка с лайкой.

Теперь, когда шар был запущеи, оставалось провести игру по всем правилам. Надо было обеспечить строго иаучиую постановку эксперимеита. Я решил провести опыт по этапам. Первый из них заключался в том, что я н Куа (так звалн собаку) отправились иа прогулку вокруг моего нового наблюдательного пуикта — нужио, чтобы волки узналн о ее существованнн и состояини, в котором оиа находилась.

Куа отиеслась к этому с велнчайшей готовиостью. Стоило нам пересечь одиу из волчьнх троп, как оиа пришла в такой раж, что я еле удержал ее за крепкую цепь. Она тяиула меня по следу, иетерпелнво обиюхнвала каждую пометку. Мие стоило большого труда отбуксировать ее обратно к избушке. Там, иа крепкой привязи, она в полиейшем расстройстве чувств провыла всю иочь иапролет.

А может, оиа пела ие с горя. Когда я проснулся иа следующее утро, Утек доложнл, что у нас был гость. И верио, на мокром песке, менее чем в ста метрах от привязн для собак, отчетливо внднелись следы крупного волка. Очевидио, только присутствне ревнивых псов помешало ромаиу завершиться в ту же иочь.

Я не ожидал, что события развериутся с такой быстротой, хотя н предвидел, что либо Георг, либо Альберт в первый же вечер наверияка иайдут соблазннтельно «надушенные» billets doux[1], оставлеиные Куа.

Теперь следовало привести в исполиеиие вторую часть задумаииого плана. Вдвоем с Утеком мы отправились к палатке и в ста метрах от иее иатяиулн толстую проволоку, привязав коицы к двум скальиым обломкам (расстояние между ними составляло около пятиадцати метров).

На следующее утро мы отвелн туда Куа (вериее, Куа отвела иас). Несмотря на ее решительиые попытки вырваться н самостоятельио иачать поиски волка, иам удалось защелкиуть на проволоку карабии ее цепи. Тем самым лайка получила достаточную свободу движеиия, а мы заиялн командное положеиие, сидя в палатке, откуда могли открыть огоиь из виитовки, еслн что-нибудь пойдет ие так, как иадо.

К моему удивлеиию, Куа момеитальио успокоилась и проспала большую часть дия. Взрослых волков около летнего логовища ие было, ио ииогда мы замечалн в траве иа болотце волчат, которые охотились за мышами.

Было уже около половины девятого вечера, когда из-за скалистого хребта, ограждавшего логово с юга, виезапио послышалась охотинчья песня волков.

При первых же звуках Куа вскочила на ноги и присоедииила свой голос к хору. Как она выла! Даже во мне, хотя в моих жилах иет ии собачьей, ии волчьей крови, маиящее, призывиое пенне Куа пробудило мечты о былых диях и прежних радостях.

[1] Billets doux *(франц.)*— любовные записки.

Нам не пришлось долго сомневаться, что волки ее поняли. Хор оборвался на полутакте, и через несколько секунд вся тройка показалась на хребте. И хотя Куа находилась от них на расстоянии по меньшей мере четырехсот метров, волки отлично ее разглядели. После минутного колебания Георг и Альберт со всех ног кинулись к собаке.

Однако Георг не ушел далеко. Не успел он сделать полсотни шагов, как его догнала Ангелина и — не берусь утверждать определенно, но у меня сложилась впечатление — подставила ему ногу. Георг неуклюже свалился на мокрую почву тундры, а когда поднялся, то интерес к Куа у него совершенно пропал. Правда, я даже не допускал мысли, что Куа заинтересовала его в сексуальном отношении, вероятно, он просто хотел выяснить, кто это вторгся в их владения. Как бы то ни было, Георг и Ангелина вернулись к летнему логову и улеглись у входа в ущелье, откуда наблюдали за происходящим, предоставив Альберту возможность выйти из создавшегося положения по собственному усмотрению.

Я не знаю, сколько времени Альберт прожил холостяком, но, несомненно, долго. Волк на такой скорости подлетел к привязанной Куа, что проскочил мимо. На какую-то долю секунды мне показалось, что он принял нас за соперников и мчится к палатке, чтобы разделаться с нами, но он повернул обратно и снизил скорость. До Куа, охваченной экстазом ожидания, оставалось всего два-три метра, как вдруг в поведении Альберта произошла удивительная метаморфоза. Он с ходу остановился, опустил свою большую голову и превратился... в шута.

Это было тяжкое зрелище. Плотно прижав уши к широкому черепу и растянув губы в безобразную гримасу, волк начал извиваться, как щенок,— возможно, он хотел изобразить безумную страсть, но, на мой взгляд, это скорее смахивало на симптомы старческого слабоумия. В довершение всего он заскулил отвратительным льстивым фальцетом — совсем как китайский мопс.

От такого необыкновенного поведения Куа пришла в замешательство. Очевидно за ней еще никогда не ухаживали столь удивительным образом. С негромким ворчанием она попятилась от Альберта, насколько позволяла цепь, чем вызвала у волка новый приступ безумного унижения. Он пополз за ней на брюхе с выражением полнейшего идиотизма на расплывшейся морде.

Я начал разделять опасения Куа и, решив, что Альберт окончательно спятил, поднял винтовку, чтобы спасти собаку. Но Утек с откровенно непристойной улыбкой остановил меня и дал понять, что это обычная волчья манера ухаживания.

Внезапно Альберт непостижимым образом изменился: вскочив на ноги, он превратился в величавого самца. Шерсть на шее поднялась дыбом, образовав пышный серебристый воротник, обрамляющий морду, все тело напряглось, он казался отлитым из чистой стали. Хвост вскинулся высоко вверх и свился в крутое кольцо, как у настоящей лайки. Осторожно, шаг за шагом, он начал приближаться к собаке.

Куа больше ни в чем не сомневалась. Такое она могла понять. Несколько застенчиво она повернулась к нему спиной, а когда волк потянулся к ней своим большим носом для первой ласки, она обернулась и слегка куснула его в плечо...

Я вел подробнейшие записи происходящего, но, боюсь, они излишне техничны и перегружены научной терминологией, и им не место в этой книге. Поэтому я ограничусь лишь итоговым замечанием: как показали наблюдения, Альберт, несомненно, знал толк в любви.

...Моя научная любознательность была полностью удовлетворена, но страсть Альберта не иссякла. Создалась весьма щекотливая ситуация. Мы с Утеком терпеливо прождали два часа, но Альберт, как видно, и не помышлял расстаться с вновь обретенной подругой. Давно пора было возвращаться, не могли же мы ждать собаку вечно! И, не найдя другого выхода, мы произвели вылазку по направлению к влюбленной паре.

Альберт по-прежнему не отходил от Куа, вернее, он совершенно не обратил на нас внимания. Даже Утек, казалось, несколько растерялся и не знал, как поступить: мы подошли к ним почти вплотную, но Альберт не обнаружил ни малейшего желания уходить. Пришлось выстрелить в землю. Выстрел вывел волка из транса. Он высоко подпрыгнул в воздух и отбежал метров на десять, но тут же вновь обрел самообладание и повернул прямо на нас. Тем временем мы успели освободить цепь, и Утек, как на аркане, потянул к дому упиравшуюся Куа, а я с винтовкой наготове прикрывал отступление.

Альберт держался поблизости, в пятнадцати — двадцати шагах — то позади, то сбоку, то забегал вперед, но не оставлял нас. Придя домой, мы вновь попытались охладить его пыл и дали залп в воздух, но безуспешно: волк только отбежал на несколько шагов. Очевидно, не оставалось ничего другого, как взять Куа на ночь в избушку — ведь если привязать ее вместе с остальными собаками, то произойдет настоящее побоище между Альбертом и псами.

Да, ночь выдалась кошмарная. Не успели мы закрыть за собой дверь, как Альберт завыл. Он вопил, причитал и голосил, не делая ни малейшей паузы. Собаки отвечали ему оскорбительным лаем и воем. К этой душераздирающей какофонии Куа присоединила свои пронзительные заверения в вечной любви. Сущий ад! К утру взбешенный Майк собрался стрелять, на этот раз по-настоящему.

Положение, а может быть и жизнь Альберта, спас Утек. Ему удалось убедить Майка, что все образуется, стоит только освободить Куа. Она не убежит, а будет крутиться вместе со своим волком в окрестностях становища. Как только период течки закончится, собака вернется домой, а волк отправится восвояси.

Как всегда, он оказался прав. В течение недели мы иногда мельком видели, как любовники, плечом к плечу, проходили по далекому гребню. Они никогда не приближались ни к озу, где было логовище, ни к избушке. Они жили в своем собственном мире, чуждые всему, за исключением друг друга.

Они не думали о нас, но я постоянно их помнил и искренне обрадовался, обнаружив как-то утром, что на своем старом месте, среди привязанных собак, лежит Куа, утомленная, но довольная.

На следующий вечер Альберт вновь присоединился к традиционному волчьему хору. Только теперь в его голосе появились самодовольные нотки, звучал он сильно и сочно.

Я невольно стиснул зубы — терпеть не могу бахвальства, даже у волков.

16

После переселения волчат в ущелье я их почти не видел. Поэтому как-то утром, когда Ангелина и оба волка еще не вернулись с ночной охоты, я взобрался на скалы, покрытые порослью стелющегося ельника и почти вплотную нависшие над обрывом. Дул легкий северо-восточный ветерок, это облегчало задачу — волки в логове или на подходе к нему вряд ли почуют мой запах. Я расположился в ельнике и стал внимательно разглядывать дно ущелья. Передо мной находилась небольшая площадка примерно метров тридцати в длину и десяти в ширину, сплошь усеянная волчьими следами. Внезапно у стены ущелья, на осыпи битого камня появились два волчонка и быстро побежали по тропинке к небольшому ручью. Встав рядышком на берегу, они тянули к воде свои тупые мордочки и весело помахивали куцыми хвостишками.

За последние недели волчата порядком подросли и теперь размерами, да, пожалуй, и формой, напоминали взрослых сурков. Они так растолстели, что по сравнению с туловищем их лапы казались просто карликовыми, а пушистые серые шубки только усугубляли полноту. Ничто, казалось, не предвещало, что со временем они превратятся в таких же стройных и мощных зверей, как их родители.

Откуда-то из глубины показался третий волчонок; он тащил начисто обглоданную лопатку и рычал на нее, будто это был живой грозный противник. Волчата у ручья, услыхав шум, подняли мокрые мордочки и устремились навстречу братцу.

Началась свалка, воздух наполнился урчанием, которое прерывалось пронзительным визгом — так волчата выражали свое негодование, стоило кому-нибудь вонзить острые зубы в чью-либо лапу. Откуда-то выскочил четвертый волчонок и с восторженным воплем ринулся в самую гущу схватки.

Через несколько минут после начала этой междоусобной войны низко над ущельем пролетел ворон. Едва его тень накрыла волчат, как те бросили кость и удрали в укрытие. Но это, очевидно, тоже было частью игры, ибо они тут же вылезли обратно. Двое из них возобновили бой за кость, а двое других нырнули в траву в поисках полевок.

Но грызуны, чудом уцелевшие на этом клочке земли, стали, казалось, необыкновенно увертливыми. И после недолгих, довольно небрежных поисков, покопавшись в грязи, волчата бросили охоту и принялись играть друг с другом.

В это время вернулась Ангелина.

Я так увлекся волчатами, что пропустил ее появление, пока неподалеку от себя не услыхал ее низкий вой. Все мы — я и волчата — разом повернули головы и увидели Ангелину, стоявшую на краю ущелья. Волчата моментально прекратили игру, и, не в силах сдержать волнения, залились пронзительным лаем, а один из них даже встал на короткие задние лапы и в радостном ожидании замахал передними.

Какое-то мгновение Ангелина горделиво любовалась потомством, а затем перепрыгнула через край обрыва и спустилась в ущелье, где ее тотчас окружили волчата. Она обнюхала каждого, кое-кого опрокинула на спину и, только покончив с осмотром, сгорбилась и начала отрыгивать пищу.

Мне, разумеется, следовало это предвидеть, но я оказался застигнутым врасплох и вначале испугался, что она съела отраву. Ничуть не бывало — после нескольких конвульсивных движений волчица выложила на землю килограммов пять полупереваренного мяса, после чего спокойно отошла в сторону и улеглась, наблюдая за волчатами.

И если подобный способ утренней раздачи мяса вызвал у меня легкую тошноту, то волчат он ничуть не смутил. В едином порыве они с жадностью набросились на еду, в то время как мать снисходительно взирала на них и даже не пыталась исправить их ужасные манеры.

Завтрак окончен — и ни крошки не осталось на ленч. Волчата где стояли, там и повалились пузом вверх, перемазанные и совершенно неспособные ни на какие шалости.

Теплое летнее утро всех разморило. Вскоре бодрствовал я один, впрочем, и мне это удавалось нелегко. Я бы видоизменил позу и на что-нибудь оперся, но боялся пошевельнуться: волки совсем рядом, а тишина такая, что до них донесется малейший звук.

Может, и неделикатно упоминать об этом, но у меня в желудке от рождения имеется нечто вроде резонатора. В это трудно поверить, но стоит мне только проголодаться(впрочем, случается, и в сытом состоянии), как эта часть моего организма приобретает самостоятельность и независимо от меня начинает урчать. Я был бессилен с этим бороться, но со временем научился владеть собой и довольно искусно притворялся, будто я тут ни при чем, а звуки, которые люди слышат, исходят вовсе не от меня.

И надо же, чтобы адский барабанщик в глубине моего чрева выбрал самый неподходящий момент для своих штучек. Среди утреннего безмолвия, будто отдаленные раскаты грома, по ущелью прокатились рулады.

Ангелина тут же встрепенулась и подняла голову, внимательно прислушиваясь. При новых звуках (несмотря на все мои старания заглушить их!) волчица поднялась на ноги и взглянула на волчат, как бы желая убедиться, что это не *они* являются виновниками шума, а затем устремила испытующий взор в безоблачное небо,

однако и там не нашла разгадки. Всерьез обеспокоенная, она пыталась установить, откуда идут звуки.

Это оказалось нелегкой задачей — ведь любые звуки в брюшной полости несколько сродни чревовещанию, мои же — в особенности. Дважды пробежав ущелье из конца в конец, Ангелина не смогла удовлетворить растущего любопытства.

Я никак не мог решить — отступать мне или оставаться на месте в надежде, что мой внутренний оркестр выдохнется сам по себе; но оркестр был по-прежнему полон сил и энергии и в доказательство этого издал гул, подобный гулу при землетрясении. И тотчас над кромкой обрыва, в каких нибудь десяти шагах от меня, показалась голова Ангелины.

Мы молча уставились друг на друга. По крайней мере она не нарушала тишины. Что до меня, то я прилагал все усилия, но не особенно преуспел. Досаднейшее положение: чем дольше я смотрел на волчицу, тем больше восхищался ею; я очень дорожил ее добрым мнением и вовсе не хотел показаться идиотом.

Но независимо от желания я понял, что окончательно погиб.

Внезапное появление волчицы как бы вдохновило музыкантов в моем желудке, и они заиграли с новой силой. Не успел я придумать оправдания, как Ангелина сморщила нос и, обнажив в холодной насмешке белоснежные зубы, скрылась из глаз.

Я выскочил из убежища и помчался за ней к краю ущелья, но, разумеется, опоздал даже с извинениями. Презрительный взмах великолепного хвоста — вот и все, что мне удалось увидеть, прежде чем волчица исчезла среди расщелин, которые образовали в дальнем краю ложбины нечто вроде садка. В него-то Ангелина и загнала своих волчат.

17

Мои наблюдения в палатке продолжались добрую часть июля, но мало что прибавили к уже имеющимся сведениям о волках. Волчата быстро росли и требовали все большего количества пищи. Поэтому Георг, Ангелина и Альберт вынуждены были тратить много времени и сил на охоту вдалеке, а те немногие часы, которые им удавалось провести в логове, они спали непробудным сном — добывание корма для волчат превратилось в изнурительное занятие. И тем не менее волки по-прежнему продолжали изумлять меня.

Как-то им довелось поймать карибу неподалеку от дома, и этот запас продовольствия позволил им устроить себе кратковременный отпуск. Вечером они не пошли, как обычно, на охоту, а остались у логова.

Следующее утро выдалось ясное и теплое; атмосфера сладостного безделья, казалось, охватила всех троих. Ангелина удобно развалилась на скале над летним логовом, а Георг и Альберт спали, вырыв ямки в песке, на гребне вала. Единственным проявле-

нием жизни было изменение позы спящих да порой ленивый взгляд, которым они обводили окрестности.

Около полудня Альберт встал и поплелся к берегу напиться. Там он час или два лениво ловил бычков, а затем направился к покинутому ложу. На полпути он остановился по нужде, но это усилие так его утомило, что он отказался от первоначального намерения добраться до гребня, растянулся прямо там, где стоял. Голова его опустилась и вскоре он заснул.

Все эти действия не остались незамеченными. Георг, который лежал, уткнув морду в передние лапы, внимательно наблюдал за тем, как его приятель ловил рыбу. И когда Альберта сморил сон, Георг поднялся, потянулся, широко зевнул и с праздным, беззаботным видом, осторожно ступая, стал подбираться к спящему. Трудно было заподозрить, что у него есть какая-то цель; время от времени он останавливался, обнюхивая кусты и мышиные норы, дважды садился, чтобы почесаться. Однако при этом он ни на минуту не спускал глаз с Альберта и, когда почти вплотную приблизился к нему, резко изменил поведение.

Прижавшись к земле, он, как кошка, начал красться к Альберту с явно недобрым намерением. Напряжение нарастало, я схватил подзорную трубу, ожидая трагической развязки и лихорадочно гадая, чем вызвана в Георге такая молниеносная перемена. Что это — свидетельство семейной драмы? Или Альберт нарушил волчий закон и теперь должен заплатить за это собственной кровью? Похоже на то.

С величайшей осторожностью Георг подкрадывался все ближе к ничего не подозревавшему волку. Оказавшись шагах в десяти от Альберта, который по-прежнему оставался глух ко всему на свете, Георг поджал задние ноги и после паузы, позволившей ему полностью насладиться моментом, со страшным рычанием взвился в чудовищном прыжке.

Казалось бы, неожиданный удар, нанесенный волком весом свыше семидесяти килограммов, должен был начисто выбить дух из Альберта, но тот еще дышал и даже издал в ответ какой-то звук, до тех пор не числившийся в моем каталоге волчьих криков. Это был высокий, полный ярости и боли, пронзительный рев (мне пришлось как-то слышать нечто подобное в переполненном вагоне метро — так вопила разъяренная дама, которую кто-то ущипнул).

Георг тотчас умчался прочь. Альберт, с трудом поднявшись на ноги, бросился за ним.

Началась погоня не на жизнь, а на смерть. Георг взлетел вверх по склону, словно его преследовал цербер. Альберт гнался за ним со зловещей и яростной решимостью. Оба, напрягая последние силы, то мчались вперед, то кидались назад или в сторону.

Когда они пронеслись мимо летнего логова, Ангелина привстала, бросила быстрый взгляд на бегущих и с азартом включилась в погоню. Теперь шансы свелись к двум против одного, не в пользу Георга; ему пришлось положиться на скорость в беге по прямой — он потерял возможность увертываться и поскакал вниз по морене

через болото и вдоль берега залива. Там, у самой воды, стояла огромная расколотая надвое скала; Георг сходу проскочил узкую щель между камнями и свернул так круто, что песок и щебень полетели из-под ног; волк обогнул скалу в обратном направлении как раз вовремя, чтобы ударить в бок Ангелине. Не колеблясь ни минуты, он с силой врезался в нее и буквально сбил с ног, заставив метров пять проехаться по земле.

Итак, один из преследователей временно вышел из строя, но и сам Георг потерял скорость. Прежде чем ему удалось вырваться вперед, Альберт уже оседлал его и оба покатились наземь, сцепившись в яростной схватке. Подоспевшая Ангелина незамедлила ввязаться в драку.

Свалка закончилась так же внезапно, как и началась, волки разошлись, отряхнулись, ткнулись носами, дружно помахали хвостами и рысцой направились к логову, всем своим видом показывая, что славно провели время.

Шутки вроде только что описанной редки среди волков, хотя мне несколько раз приходилось видеть, как Ангелина устраивала засаду Георгу, когда издали замечала, что тот возвращается с охоты. В этих случаях она пряталась, но стоило ему поравняться с ней, выпрыгивала прямо на него. Георг всегда делал вид, что напуган внезапным нападением, но, конечно, это было притворство, ибо он должен был почуять ее присутствие. Как только проходило первое изумление, Ангелина начинала обнюхивать супруга, обнимала его передними лапами, валилась перед ним на землю, подняв задние ноги, или нежно подталкивала плечом. Вся эта картина являла собой интимный ритуал встречи.

В июле же произошло событие, заставившее меня задуматься по-настоящему. Ангелина часто уходила с самцами на охоту, но выпадали ночи, когда она оставалась дома, и вот однажды к ней пожаловали гости.

Было далеко за полночь, я дремал в своей палатке, когда где-то неподалеку, чуть южнее, завыл волк. Это был незнакомый призыв, слегка приглушенный и без вибраций. Полусонный, я взял бинокль и попытался найти певца. В конечном счете мне удалось разглядеть двух незнакомых волков — они сидели на мысочке, на моей стороне залива, напротив волчьего логова.

При виде их я окончательно проснулся — мне казалось, что территория любой волчьей семьи священна для других волков, Ангелина была дома, незадолго перед этим я видел, как она вошла в ущелье, и я сгорал от любопытства, как же она отнесется к вторжению.

Я навел бинокль на ложбину (летними ночами, когда здесь царят сумерки, стереотруба хуже бинокля). Ангелина уже стояла у входа, повернувшись в сторону пришельцев. Она была сильно встревожена: голову вытянула вперед, уши насторожила, хвост оттянула назад, как сеттер.

Несколько минут волки стояли молча, выжидая, затем один из чужаков нерешительно завыл, как и в первый раз. Ангелина не-

медленно отреагировала на его призыв. Она начала плавно помахивать хвостом, ее напряженность исчезла, затем волчица выбежала из ущелья и громко залаяла.

Если верить книгам, то волкам (как и ездовым собакам) лаять не полагается; но лай волчицы ничем иным не назовешь. Как только пришельцы его услышали, они побежали по берегу, вокруг залива.

Ангелина встретила их метрах в четырехстах от логова. Стоя неподвижно, она ждала их приближения; в пяти — десяти шагах от нее волки остановились. Разумеется, слышать я ничего не мог, но увидел, как все три хвоста плавно задвигались, и после минутной демонстрации обоюдных симпатий Ангелина осторожно ступила вперед и обнюхала чужих волков.

Кем бы ни были пришельцы, встретили их гостеприимно. Едва церемония приветствий закончилась, как все трое побежали к летнему логову. У входа в ущелье один из визитеров начал заигрывать с хозяйкой, и они резвились несколько минут, но были гораздо сдержаннее, чем Ангелина, когда она играла с Георгом, или Георг с Альбертом.

В это время второй волк спокойно спустился в ущелье к волчатам.

К сожалению, я не мог видеть, что там происходило, но, очевидно, ничего такого, что могло бы обеспокоить мать. Во всяком случае, окончив возню, она подошла к входу в ущелье и стала смотреть вниз, пуще прежнего размахивая хвостом.

Чужие волки долго не задержались. Тот, что спустился в ущелье, минут через двадцать вылез обратно; после взаимного обнюхивания носов посетители удалились той же дорогой, по которой пришли.

Ангелина провожала их некоторое время, заигрывая то с одним, то с другим. И только когда они направились на запад и окончательно скрылись из глаз, она повернула к логову.

Когда я рассказал Утеку о неожиданном визите, он ничуть не удивился, напротив, его поразило мое удивление.

— В конце концов,— сказал он,— ходят же люди друг к другу в гости; что же необыкновенного, если волки тоже навещают друг друга?

Крыть было нечем!

Дискуссию прервал Майк, он попросил меня описать внешность ночных посетителей. Когда я это сделал, он кивнул головой.

— Кажется, эти волки из стаи у Скрытой Долины,— сказал он,— в пяти-шести километрах к югу. Я видел их не раз. Две волчицы, волк и несколько волчат. По-моему, одна из волчиц приходится матерью твоей Ангелине, а вторая сестрой. Во всяком случае, осенью они соединяются с твоей стаей и вместе уходят на юг.

Я помолчал несколько минут, взвешивая сказанное, а затем спросил:

— Если только у одной из волчиц есть пара, то другая должна быть старой девой; которая же из них, как по-вашему?

Майк устремил на меня долгий задумчивый взгляд.

— Послушай,— сказал он,— ты собираешься убраться из этой страны и уехать домой, а? По-моему, ты и так слишком долго здесь пробыл.

18

В середине июля я твердо решил: довольно пассивных наблюдений, пора приступать к изучению охотничьей деятельности волков по-настоящему.

Столь благое намерение отчасти объяснялось тем, что под грудой грязных носков, скопившихся за неделю, я наткнулся на давным-давно затерянный оперативный приказ. Откровенно говоря, я почти совсем забыл не только о приказе, но и о самой Оттаве, а когда вновь перелистал строгие и детальные инструкции, то понял, что повинен в невыполнении служебного долга.

Приказ ясно гласил: первейшая моя задача — провести перепись поголовья и изучать размещение волков, что в свою очередь должно сопровождаться подробными исследованиями взаимоотношений между волком и карибу, то есть между хищником и добычей. Это означало, что наблюдения за поведением и общественными инстинктами волков решительно выходили за рамки порученной мне работы. Поэтому в одно прекрасное утро я свернул палатку, упаковал стереотрубу и закрыл наблюдательный пункт. На другой день мы с Утеком погрузили лагерное снаряжение в каноэ и поплыли на север в длительный рейс по водным просторам тундры.

В течение нескольких недель мы прошли сотни километров и собрали множество данных относительно численности и размещения волков; попутно накопился и другой обширный материал, хотя и не предусмотренный заданиями министерства, но тем не менее представляющий немалый интерес.

Согласно полуофициальным данным, полученным от трапперов и торговцев, поголовье волков Киватина составляет примерно тридцать тысяч. Даже при моих весьма скромных математических познаниях нетрудно подсчитать, что в среднем на каждые пятнадцать квадратных километров приходится один волк. Если учесть, что одна треть тундры покрыта водой, а другую треть занимают бесплодные скалистые холмы и хребты, на которых не могут жить ни карибу, ни волки, ни большинство других животных, то плотность возрастает примерно до одного волка на каждые пять квадратных километров.

Пожалуй, многовато. Будь это в действительности так, нам с Утеком пришлось бы туго.

К огорчению теоретиков, мы обнаружили, что волки широко рассеяны по тундре. Обычно они селятся семьями, причем каждая семья занимает территорию двести пятьдесят — восемьсот квадратных километров. Следует, однако, заметить, что подобное рассредоточение не отличается единообразием. Так, например, в одном

месте мы встретили две семьи волков, логова которых отстояли друг от друга всего на каких-нибудь восемьсот метров. А однажды на моренной гряде близ реки Казан Утек наткнулся сразу на три семьи, причем у всех были волчата; их логова разделяли несколько шагов. С другой стороны, мы три дня плыли по реке Тлевиаза, по местности, которая казалась настоящим волчьим царством, и ни разу не видели ни следа, ни помета, ни клочка волчьей шерсти. Крайне неохотно, понимая, что этим не завоюю авторитета у нанимателей, я был вынужден скостить поголовье волков до трех тысяч, но и эта цифра, вероятно, сильно завышена.

Мы встречали волчьи семейства самых различных размеров: от одной пары взрослых волков с тремя волчатами до группы, состоящей из семи взрослых и десяти детенышей. Поскольку во всех случаях, кроме одного, налицо оказались «лишние» волки, а сам я был бессилен выяснить их статус в семье (и мог лишь пристрелить их, что, впрочем, позволило бы только определить пол и возраст), то не оставалось ничего иного, как вновь обратиться к Утеку.

Как сообщил Утек, самки волков становятся половозрелыми в двухлетнем возрасте, а самцы с трех лет. До получения способности размножаться большинство молодняка остается при родителях, но, даже достигнув брачного возраста, многие не могут обзавестись семьей из-за недостатка свободных участков. Это значит — не хватает охотничьих угодий, позволяющих обеспечить каждую волчицу всем необходимым для выращивания потомства. При избытке волков «производительная способность» тундры оказывается недостаточной, то есть численность животных, служащих объектом их охоты, быстро сокращается, а это означает голод и для самих волков. Поэтому рождаемость регулируется путем воздержания. В поисках подходящего участка тундры многие взрослые волки на долгие годы обрекают себя на безбрачие. К счастью, период обостренного полового влечения у волков весьма недолог (всего около трех недель в году), поэтому «холостяки» и «старые девы» не особенно страдают от сексуальной неудовлетворенности. Кроме того, их потребность в домашнем уюте, компании взрослых и волчат отчасти получает удовлетворение благодаря общинному характеру семейных групп. Утек даже предполагает, что некоторые особи предпочитают положение «дядюшки» или «тетушки»— оно дает им радости, связанные с семейной жизнью, и в то же время не возлагает ответственности, которая падает на родителей.

Старые волки, особенно те, кто потерял свою пару, обычно сохраняют вдовство. Утек припомнил волка, с которым ему пришлось встречаться на протяжении шестнадцати лет. Первые шесть лет волк ежегодно был отцом приплода. На седьмую зиму его подруга исчезла(возможно, была отравлена охотниками, которые в погоне за премиями пришли с юга). Весной волк вернулся в свое старое логово. Но хотя в нем и в этом сезоне рос выводок волчат, они принадлежали другой паре — вероятно, полагал Утек, сыну вдовца и его подруге. Во всяком случае, весь остаток своей жизни

старый волк провел в логове «третьим лишним», но продолжал участвовать в заботах по воспитанию волчат.

Численность волков зависит не только от ограниченности пригодных для жизни участков, но и от особого природного механизма, контролирующего рождаемость. Поэтому, когда виды животных, которые служат им пищей, встречаются в изобилии (или самих волков мало), волчицы рождают помногу, в некоторых случаях до восьми волчат. Но если наблюдается «избыток» волков или не хватает корма, количество волчат в помете сокращается до одного или двух. Это справедливо и в отношении других представителей арктической фауны, таких, например, как мохноногие канюки. В годы, «урожайные» на мелких грызунов, канюки несут по пять или шесть яиц; когда же полевок и леммингов мало, они кладут лишь одно яйцо, а то и вовсе не несутся.

Но если даже перечисленные контролирующие факторы не срабатывают, эпизоотии служат гарантией того, что волчье поголовье не превысит количества, которое сможет прокормиться. В тех редких случаях, когда общее равновесие нарушается (часто в результате вмешательства человека) или животных становится чересчур много, а пища скудная и недоедание переходит в настоящий голод, волки начинают вырождаться физически. Среди них то и дело вспыхивают опустошающие поветрия, такие, как бешенство, собачья чума, чесотка, и тогда их поголовье быстро сокращается до минимума, едва обеспечивающего воспроизводство.

На севере Канады лемминги представлены разновидностью, отличающейся цикличностью размножения, причем наиболее «урожайным» оказывается каждый четвертый год, за которым следует падение численности зверьков почти до полного их исчезновения. На 1946 год пришлась самая низкая точка цикла. К тому же по случайному совпадению и без того резко сократившееся оленье стадо Киватина[1] именно в том же году изменило вековым путям миграции, и основная масса оленей обошла стороной юг и центральную часть района. Наступило время бедствий для эскимосов, песцов и волков. В тундру пришел страшный голод. Латентный вирус бешенства дал вспышку среди голодающих песцов, заболевание перекинулось и на волков.

Нужно сказать, что взбесившиеся животные не «сходят с ума» в буквальном смысле слова. Поражается нервная система, поступки становятся сумасбродными, возникает постоянное стремление куда-то бежать, исчезает спасительное чувство страха. Бешеные волки слепо натыкаются на мчащиеся поезда и автомобили; они могут случайно затесаться в гущу ездовых собак, и в результате их разрывают на куски; нередко бешеный волк забегает на улицу поселка или даже в палатки и дома, в которых находятся люди. Больные, стоящие на грани смерти волки достойны жалости, но в человеке они вызывают только необузданный страх — не перед

[1] Поголовье карибу в Канаде сократилось с 4 000 000 в 1930 году до 170 000 в 1963 году.

болезнью, которую редко удается распознать как бешенство, а просто перед самими животными. Происходят нелепейшие случаи, подтверждающие общепризнанную легенду о злобном и опасном нраве волков.

Как-то волк, больной и умирающий (дело происходило во время эпизоотии 1946 года), забежал в Черчилл. Первым на него наткнулся капрал канадской армии, возвращавшийся из пивного бара в казарму. Согласно рапорту храброго вояки, на него набросился гигантский волк, и ему едва удалось спастись бегством. Пробежав добрых два километра, он скрылся под кровом караульного помещения. Правда, капрал не мог продемонстрировать физических доказательств выдержанного испытания, но психическая травма была, несомненно, глубокой. Поднятая тревога вызвала в лагере панику, близкую к истерике. На борьбу с волком были двинуты американские и канадские воинские подразделения. Отряды людей, вооруженных винтовками и электрическими фонариками, с выражением непреклонности на лицах прочесывали окрестности; они были готовы отразить угрозу, которая за несколько часов успела разрастись до нескольких стай голодных волков.

Во время переполоха было убито и ранено одиннадцать ездовых собак; пострадали также американский капрал и индеец из племени чиппевеев, которые поздно возвращались домой. Все они понесли урон не от волка, а от самих стражей порядка.

Двое суток дети и женщины не выходили из дому. Военный лагерь как бы вымер; ординарцы, которых посылали с поручениями, отправлялись на задание хорошо вооруженные, на джипах или вовсе отказывались выходить из помещения.

Волка удалось обнаружить с небольшого военного самолета, приданного частям, которые проводили облаву. В указанное место был послан эскадрон конной полиции. Но волк оказался... коккер-спаниелем, принадлежащим управляющему отделением Компании Гудзонова залива.

Паника прекратилась только на третий день. Уже под вечер водитель шеститонного армейского грузовика, возвращающийся в лагерь из аэропорта, заметил впереди на дороге что-то мохнатое. Он нажал на тормоза, но слишком поздно: волк, который совсем ослабел и не мог даже ползти, был раздавлен.

Интересны последствия. И поныне можно встретить жителей Черчилла (а также изрядное количество солдат, разбросанных по всему континенту), которые охотно, со всеми подробностями опишут вам нашествие волков на их город в 1946 году. Они поведают об ужасах, которые им пришлось лично пережить, об искусанных женщинах и детях, о собачьих упряжках, изорванных в клочья, и о целом городке, выдержавшем ужасную осаду.

19

Несколько недель, проведенных в плавании по рекам равнины, показались нам сущим раем. Почти все время стояла чудесная погода; бескрайние просторы, полная свобода и дикая, беспорядочная жизнь, которую мы вели,— все наполняло нас бодростью.

Попадая в новые места, на территорию, занятую какой-нибудь волчьей семьей, мы всякий раз останавливались лагерем и не ограничивали себя временем — вели самые подробные исследования, необходимые для достаточно близкого знакомства со всей группой волков. Несмотря на необъятность и безлюдье, мы совершенно не чувствовали одиночества — рядом с нами всегда были карибу. Олени, сопровождаемые стаями серебристых чаек и ворон, оживляли пейзаж.

Эта страна принадлежала оленям, волкам, птицам и мелким зверькам. Мы двое — всего лишь случайные, незваные и маловажные гости. Человек никогда не занимал в тундре господствующего положения. Даже эскимосы, чьей территорией когда-то являлись Бесплодные земли, жили в согласии с природой. Теперь в центральной части тундры эскимосы исчезли. Горстка людей, едва насчитывающая сорок душ — к ним принадлежал и Утек,— вот все, что осталось от народа, некогда заселявшего внутреннюю часть страны. Ныне эта крохотная группка совсем затерялась в бескрайней суровой пустыне.

За все время человеческие существа встретились нам один-единственный раз. Как-то утром, в самом начале путешествия, мы огибали излучину реки. Вдруг Утек поднял весло и закричал. Впереди, на береговой косе, показался приземистый чум из оленьих шкур. На зов Утека из него вывалились двое мужчин, женщина и трое мальчиков-подростков; все они побежали к самой воде, нам навстречу!

Мы причалили, и Утек представил меня одной из семей своего племени. Всю вторую половину дня мы распивали чаи, сплетничали, смеялись и пели, а также съели гору вареной оленины. Когда мы ложились спать, Утек объяснил, что мужчины, мои новые знакомцы, разбили здесь лагерь в надежде подстеречь карибу, которые обычно переплывают реку в узком месте, километрах в восьми отсюда, ниже по течению. На одноместных гребных каяках, вооруженные только короткими острыми копьями, эскимосы надеялись добыть на переправе такое количество нагульных оленей, чтобы мяса хватило на всю зиму. Утеку страшно хотелось участвовать в охоте, и он начал уговаривать меня остаться на несколько дней, с тем чтобы помочь друзьям.

Я не возражал, и на следующее утро три эскимоса ушли, оставив меня наслаждаться великолепием августовского дня.

Сезон несносных комаров кончился. Жарко, ни ветерка. Я решил воспользоваться погодой — поплавать и позагорать, а то моя кожа стала до неприличия бледной. Отойдя на несколько сотен метров от эскимосского становища (ибо стыдливость — последний из пороков цивилизации, который человек отбрасывает в пустыне),

я разделся и искупался, потом взобрался на ближнюю гряду, улегся и стал принимать солнечную ванну.

Подобно волкам, я время от времени поднимал голову и осматривался. Около полудня я вдруг увидел волков — они пересекали гребень следующей гряды, к северу от меня.

Всего три волка — один белый, два других почти черные, очень редкой окраски. Все трое — матерые звери; но один из черных поменьше ростом и изящнее других — вероятно, волчица.

Да, положение весьма пикантное... Моя одежда осталась на берегу довольно далеко отсюда, на мне были только резиновые туфли и бинокль. Если побежать за одеждой, то след волков будет безвозвратно потерян. А, подумал я, кому нужна одежда в такой день? Тем временем волки скрылись за гребнем, и, схватив бинокль, я бросился за ними вдогонку.

Местность вокруг представляла собой настоящий лабиринт из невысоких гряд, разделенных узкими, покрытыми травой низинами; на низинах, медленно продвигаясь на юг, паслись олени. Лучшей обстановки не придумать: с гребня мне будет удобно следить, как волки пересекают низины, одну за другой, а чуть скроются за очередной грядой, можно без опаски следовать за ними. И так до следующей гряды, пока я не окажусь достаточно высоко, чтобы спокойно наблюдать, как волки пересекают долину.

Вспотев от волнения и затраченных усилий, я одолел первую гряду и уже предвкушал драматичную сцену: вот сейчас волки внезапно нападут на ничего не подозревающих оленей там, внизу, и я увижу борьбу не на жизнь, а на смерть. Но то, что я увидел, привело меня в полнейшее замешательство: моему изумленному взору предстала поистине идиллическая картина. В долине паслись небольшими группами около полусотни оленей-быков. Волки шествовали мимо них с таким видом, словно олени интересовали их не больше, чем камни. Карибу, в свою очередь, видимо, и не подозревали об опасности. Создавалось впечатление, будто это не волки и их желанная добыча, а собаки, пасущие домашний скот.

Невероятно — стая волков, окруженная оленями! При этом как одни, так и другие ничуть не волнуются.

Не веря собственным глазам, я увидел, как волки рысцой пробежали метрах в пятидесяти от пары лежащих оленят, беспечно жующих жвачку. Оленята повернули головы и лениво следили за волками, но даже не удосужились встать на ноги, а их челюсти не прекратили работу. Какое презрение к волкам!

Но представьте себе мое изумление, когда в погоне за волками, которые поднялись по склону и скрылись, я попал в ту же долину — два самых апатичных олененка, которые только что с таким безразличием отнеслись к волкам, тотчас вскочили на ноги и уставились на меня широко раскрытыми от удивления глазами. Когда я пробежал мимо, они выставили головы вперед, испуганно фыркнули, повернулись на задних копытах и умчались галопом, будто за ними гнался сам черт. Но это же несправедливо — так испугаться *меня* и спокойно относиться к *волкам!* Правда, я постарал-

ся утешить себя мыслью, что их паника вызвана непривычным зрелищем: белый человек, на котором надеты только туфли да бинокль, сломя голову летит по тундре!

За следующим увалом я едва не наскочил на волков. Они собрались в кучку на противоположном склоне и, видимо, совещались, при этом они усердно обнюхивали носы друг друга и махали хвостами. Я растянулся плашмя за камнями и замер в ожидании. Вскоре белый волк снова двинулся в путь, а остальные последовали за ним. Они не спешили и, прежде чем спуститься в долину, где паслось несколько десятков оленей, немало покрутились по склону. Временами то один из них, то другой останавливался, принюхивался к кочке или отбегал в сторону, ведя разведку. Когда же они наконец спустились, то рассыпались в цепь с интервалами в сотню шагов и в таком порядке рысью побежали вдоль низины.

На появление волков реагировали только те олени, которые оказывались непосредственно перед фронтом наступления. Стоило волкам приблизиться к ним на расстояние пятидесяти — шестидесяти метров, как олени с фырканьем поднимались на дыбы и отскакивали в сторону. Те, что похрабрее, затем поворачивали обратно и с любопытством смотрели на проходящих волков, однако большинство, не удостоив волков и взглядом, снова принимались за пастьбу.

За час волки, а с ними и я, прошли не менее шести километров в непосредственной близости от четырехсот оленей, и во всех случаях реакция карибу была неизменной: полнейшее безразличие, пока волки далеко, некоторый интерес, когда они подходят совсем близко, и отступление, если столкновение кажется неизбежным. Ни панического бегства, ни страха!

До сих пор нам встречались преимущественно быки, но вскоре стало попадаться много важенок и однолеток, и вот тут-то поведение волков резко изменилось.

Один из них выгнал теленка из зарослей ивняка, тот выскочил на открытое место в каких-нибудь двадцати шагах от волка: волк на мгновение замер, а затем кинулся за олененком. У меня учащенно забилось сердце; сейчас я наконец увижу, как волк режет оленя.

Не тут-то было. Волк жал изо всех сил, но не смог выиграть в скорости; пробежав с полсотни метров, он прекратил погоню, затрусил обратно и присоединился к товарищам.

Я не верил своим глазам: по всем законам олененок обречен и должен погибнуть, если хоть десятая доля репутации волка ими действительно заслужена! Однако на протяжении последующего часа волки предпринимали по меньшей мере двенадцать атак против телят-одиночек, против важенки с теленком, а то и против целых групп важенок и однолеток, и каждый раз преследование прекращалось, едва успев начаться.

Меня охватило сильнейшее раздражение — я пробежал десяток километров по тундре и совершенно вымотался не для того, чтобы полюбоваться, как свора волков валяет дурака!

Когда (в который раз!) волки оставили долину и побрели через

гряду, я воинственно двинулся следом. Уж не знаю, что я в тот момеит иамеревался сделать — возможио, сам хотел добыть олеия, чтобы показать этим неучам, как это делается. Как бы то ни было, преисполиеииый отваги, я перемахиул через гребень и попал прямо к волкам.

Оин, по всей вероятиости, остаиовнлись перевести дух, и мое иеожиданное появлеине было подобио разорвавшейся бомбе. Волки бросились врассыпную. Прижав уши и вытяиув хвосты трубой, оии мчались, насмерть перепуганные. Их паиический бег сквозь разрозненные стада оленей вызвал ответную реакцию. Массовая паника, которую я ожидал весь день, охватила теперь по-настоящему перепугаиных животных. Только (мие с горечью пришлось констатировать этот факт) устрашили их ие волки — их иапугал я.

Коиечио, с меия хватнт, и я решительно повериул к дому. Когда до стаиовища оставалось несколько километров, я заметил бегущих навстречу людей. Это была эскимоска и три мальчугаиа. Они были чем-то крайне взволиоваиы. Все кричали, женщина размахивала тяжелым костяиым ножом, а ее сыновья потрясали копьями для охоты на оленей и ножами для снятия шкур.

Я в растеряииости остаиовился. И тут до меия впервые дошел весь трагикомизм моего положеиия — я был не только безоружеи, но и абсолютио иаг. Где уж тут отразить атаку! А атака казалась неотвратимой, хотя я понятия не имел, что могло привести эскимосов в такое бешенство. Но, как говорится, осторожиость — лучшая доблесть, и я из последннх сил устремился вперед, стараясь во что бы то ни стало обойти эскимосов. Это мие удалось, но оии продолжали преследоваиие и ие отставали от меня почти всю дорогу до лагеря.

Там я иаскоро влез в брюки, схватил винтовку и приготовился дорого продать свою жизнь. К счастью, Утек и остальные мужчииы вериулись как раз в тот момеит, когда разъяреииая жеищииа со своей дьявольской комаидой устремилась на меня; сражение было предотвращеио.

Когда страстн улеглись, Утек рассказал, из-за чего разгорелся весь сыр-бор. Один мальчуган, собирая ягоды, иеожиданно увидел, как я, голый, скачу по холмам вслед за волкамн. С круглыми от нзумлеиия глазами он поспешил к матери и рассказал о иеобыкновеином явлении. Она, эта храбрая душа, решила, что я не ииаче как сошел с ума (эскимосы вообще считают, что все белые весьма близки к этому) и собираюсь безоружный, в голом виде напасть иа стаю волков. Кликиув свой выводок и вооружившись чем попало, она помчалась иа выручку. До коица иашего пребываиия в стаиовище добрая женщииа относилась ко мие с такой заботой, смешаниой с опаской, что я почувствовал безмерное облегчеиие, когда распрощался с ней.

Не очеиь-то меня позабавило и замечаиие Утека, когда мы поплыли винз по реке и малеиькое стаиовище скрылось из виду.

— Очеиь жаль,— мрачно сказал ои,— что ты сиял штаны. По-моему, в штанах ты бы ей больше понравнлся.

Меня крайне заинтересовало совершенно необъяснимое поведение стаи волков на охоте за карибу возле эскимосского становища. И я по обыкновению спросил об этом Утека. В своей терпеливой манере он еще раз попытался наставить меня на путь истинный.

Прежде всего, объяснил он, здоровый взрослый олень легко обгоняет волка; даже трехнедельный теленок способен обскакать почти любого волка, разве что за исключением самого быстрого. Карибу это отлично знают и в нормальных условиях не боятся волков. Волки тоже все прекрасно понимают, и, будучи очень смышлеными, редко пытаются догнать здорового карибу — они заранее уверены, что такое занятие окажется бессмысленной тратой сил.

Вместо того, рассказал Утек, волки предпринимают систематическую проверку состояния оленей, с тем чтобы выявить неполноценных. В больших стадах такого рода испытания сводятся к тому, что волки вспугивают оленей и гонят их достаточно долго, стараясь определить больных, раненых или вообще слабых животных. Коль скоро такой инвалид обнаружен — все волки устремляются за ним, стремясь зарезать. Если же в стаде не удалось выявить слабых, преследование прекращается и волки пробуют счастье в другом стаде.

В тех случаях, когда олени встречаются довольно редко, хищники используют иной прием: несколько волков сообща гонят небольшое стадо карибу в засаду, где их поджидают другие волки из той же стаи. Если же попадаются олени-одиночки, волки применяют своеобразную эстафету, иными словами, один волк гонит оленя по направлению к другому волку, находящемуся на некотором расстоянии, а тот в свою очередь продолжает преследование. Оба эти приема сводят на нет упомянутые преимущества в беге, тем не менее жертвами волков, как правило, оказываются все же наименее крепкие и выносливые олени.

— Я же тебе говорил,— пояснил Утек,— карибу кормят волков, а волки делают карибу сильными. Кабы не волки, карибу совсем вымерли бы от болезней.

Утек утверждал, что убив оленя, волки прекращают охоту, пока не кончится все мясо и голод не заставит их снова приняться за дело. Признаться, эти слова были для меня совершенной новостью — ведь я, как и все другие, привык считать, что волки не только способны поймать почти любое живое существо, но, движимые ненасытной кровожадностью, убивают все находящееся в пределах достижимого.

Все волчьи охоты, которые мне впоследствии довелось наблюдать, как правило, проходили по тому же образцу, что и первая из увиденных. Картина выглядит так: волки (числом от одного до восьми) рысцой трусят между рассредоточенными группами оленей, которые будто и не подозревают о присутствии своих «смертельных врагов». Время от времени волк (а иногда два-три волка) выходит из цепи наступающих и делает неожиданный бросок в

сторону ближайшего оленя, а тот выжидает, когда противник окажется в сотне метров, и затем, презрительно вскинув голову, спокойно скачет прочь. Волк останавливается и смотрит ему вслед. Если олень бежит резво, и, следовательно, находится в хорошем состоянии, хищник поворачивает обратно.

Такого рода испытания ведутся волками систематизированно. Мне вскоре удалось выяснить принятую систему отбора. В самом деле, волки чрезвычайно редко обременяют себя «выбраковкой» стад сытых взрослых быков, которые в это время года находятся в наилучшей форме — все лето они только и делали, что ели и спали. Волки не трогают их не потому, что быки — опасные противники (к слову сказать, их раскидистые рога — никуда не годное оружие), просто они не в состоянии догнать оленей и великолепно об этом знают.

Гораздо больший интерес для волков представляют смешанные стада, состоящие из важенок с телятами, ибо процент раненых, уродливых и болезненных особей, разумеется, гораздо выше среди молодняка, еще не прошедшего сурового естественного отбора.

Излюбленной мишенью для волчьей проверки являются также группы старых быков и яловых важенок. Случается, что ослабевший перестарок замешается в середину стада превосходных, сильных оленей, но волков не обманешь, они знают карибу как самих себя и непременно его заметят, а затем начнут, на мой взгляд совершенно безнадежную, проверку здорового и полного энергии стада.

Молодняк они обычно испытывают упорнее, чем взрослых оленей,— иногда волк преследует однолетка на расстоянии до трехсот метров, но если на этой дистанции молодой олень не обнаружит признаков слабости или усталости, погоня прекращается.

Я обратил внимание, что волки вообще очень экономно затрачивают усилия, и, по-моему, поступают в высшей степени мудро — ведь процесс отбраковки иногда длится часами, прежде чем волки встретят достаточно слабого оленя, которого есть надежда поймать.

Когда многократные попытки увенчаются успехом и такой олень наконец обнаружен, охота вступает в новую фазу. Атакующий волк, не задумываясь, пускает в ход всю энергию, которую прибегал в течение длительного поиска, и на неимоверной скорости бросается в погоню за добычей. В случае удачи он вплотную приближается к стремительно скачущему оленю. Жертва, охваченная паникой, начинает делать отчаянные зигзаги, что, по-моему, просто глупо, так как позволяет волку срезать углы и быстрее достичь цели.

Вопреки еще одному догмату из широко распространенного мифа о волках мне ни разу не приходилось видеть, чтобы волк подрезал оленю поджилки. На самом деле все происходит так. Напрягая последние силы, волк постепенно обходит карибу и прыгает ему на плечо. Обычно толчка достаточно, чтобы олень упал; прежде чем ему удается вскочить, волк успевает схватить его сзади за шею и

пржать к земле; прн этом он всяческн уклоняется от бешено машущих копыт — одиого их удара достаточио, чтобы пробить грудную клетку волка.

Смерть иаступает мгиовеиио и обычио бывает бескровной; я сомиеваюсь, чтобы олеии страдали больше, чем свииьи, которых забивают люди для собственного потребления.

В отличие от человека волк иикогда ие убивает ради забавы. Поймать и убить крупиое животиое ему иелегко. Случается, ои охотится всю иочь иапролет, пробежит около сотии километров по туидре, прежде чем добьется успеха (если вообще сумеет добиться). Это его дело, его жизиь, и стоит ему добыть достаточиое количество мяса для себя самого и своей семьи, как он предпочитает остальиое время посвятить отдыху, дружеским встречам с сородичами или играм.

О «кровожадиости» волков слагают легеиды. Но я не зиаю ни одиого веского доказательства в пользу того, что волки режут больше олеией, чем могут съесть. Напротив, зимой, убив олеия, оии посещают свою «кладовую» до тех пор, пока со скелета ие сдерут последиий кусок мяса. Еслн в туидре миого чаек, ворои, песцов и другнх любителей поживиться падалью, волкн иередко расчленяют тушу убитого животиого н прячут в разиых местах подальше от места поимки. В летние месяцы, когда все семейство, включая волчат, вольио скитается по туидре, волкн стаиовятся лагерем у каждого добытого оленя, пока не уничтожат его полиостью.

От шестидесяти семи убитых волками карибу, которых я обследовал уже после того, как волки съели все, что могли, в основном остались лншь костн, связкн, шерсть н отбросы. В большинстве случаев крупиые кости также былн разгрызаиы и из иих высосан костный мозг. А иногда даже череп оказывался вскрытым — граидиозиая задача для волка.

Но иитересно: в подавляющем большиистве даже эти весьма скромиые останки позволяли судить о переиесеиных оленями болезнях или поврежденииях. Чаще всего иаблюдались деформацин костей черепа, вызваиные иекрозом. Стертые зубы свидетельствовали о приивдлежности к старым, н, следовательио, слабым животным. Свежеубнтые олеиьи туши, которые можио было бы исследовать еще целыми, встречались редко; ио ииогда мие удавалось оказаться иа месте почти в самый момент умерщвлеиия оленя волками, и я с редким иахальством прогонял закоиных хозяев. Оии довольно робко, хотя и неохотио, удалялись. И вот что я обиаружил: некоторые убитые олеии оказались иастолько заражеииыми паразитами (наружиыми и виутреиними), что так или ииаче должиы были подохиуть в ближайшее время.

По мере того как бежали недели и лето близилось к концу, я все больше убеждался в справедливости слов Утека. Личио мне было совершенно ясно, что в жизии олеией волки играют первостепенную роль, способствуя скорее сохраиеиию оленьего поголовья, иежели его уничтожеиию, однако поверят ли в это мои наиматели? Да,

чтобы их убедить, требовалнсь незыблемые доводы, предпочтнтельио доказательства материальиого характера.

С этой целью я иачал собирать паразитов, которых иаходил иа зарезанных волками карибу. Утек по обыкиовеиию живо заиитересовался этой новой стороной моей деятельиости, ио радовался он недолго.

На всем протяжеиии истории соплемениики Утека питались почти исключительио олеииной, прнчем преимущественно сырой или иедовареиной (что объясияется иехваткой топлива для костров). Сам Утек был вскормлеи иа оленьем мясе, которое предварительио прожевывала для него мать; это была основиая пища с тех пор, как его отияли от материнской груди. Не удивительио, что молодой эскимос считал мясо даром провидеиия, и ему ие приходило в голову критическим оком взгляиуть иа «хлеб иасущный». Когда же он увидел, что я извлекаю из тела карибу тысячи глистов и цист различных видов, то иесказаиио удивился.

Как-то утром Утек хмуро следил за тем, как я вскрываю старого олеия, особеиио сильно зараженного паразитами. Я всегда старался подробно объясиить ему, чем заиимаюсь. И сейчас, как мие показалось, было самое время озиакомить его с основами паразитологии. Я извлек из печеин карибу пузырь цисты размером с мяч для игры в гольф и объясиил, что это инертиая стадия солитера; если его яйца будут съедеиы плотоядиыми животиым, оии постепеиио превратятся в сегмеитированых паразитов длииой около десяти метров, которые «аккуратио» свериутся в клубок где-нибудь в кишечнике иового хозяина.

Утеку сделалось ие по себе.

— Ты хочешь сказать, когда это съест волк?— с надеждой спросил ои.

— Наак,— ответил я, щеголяя своим знаиием эскимосского языка,— ие только волк, ио и песец, и даже человек. Солитер разовьется в любом из иих, хотя в человеке, пожалуй, иесколько хуже.

Утек вздрогиул и поскреб живот, будто почувствовал болезненное ощущение в этом месте.

— К счастью, я ие люблю печенку,— с облегчением вздохнул ои, уцепившись за этот спасительный факт.

— Ну, глисты в теле карибу встречаются повсюду,— сказал я с энтузиазмом эксперта, просвещающего профаиа.— Смотри. Видишь точки в мясе огузка? Белые люди иазывают такое мясо «финнозиым». Это покоящаяся форма другого паразитического червя. Правда, я ие зиаю, развивается ли ои в человеке. Но вот такие — и я ловко извлек из рассечениого легкого интевидные иематоды длииой свыше двадцати сантиметров каждая,— такие встречаются и у людей; оии способны удушить человека.

Утек зашелся в припадке кашля, и его кирпичное лицо побледнело.

— Довольно,— взмолился он,— замолчи! Я сейчас же вернусь в лагерь и стаиу думать о других вещах, пока ие позабуду все сказаниое тобой. Нет, ты ие добрый! Ведь еслн это правда, то мне

остается только питаться рыбой, как выдре, или умереть с голоду. Но, может, это только шутка белого человека?

И он с такой трогательной надеждой взглянул на меня, что я сразу отказался от менторского тона, так как понял, в какой ужас поверг человека.

Я деланно рассмеялся.

— Еема, Утек. Ну, конечно, я пошутил. Это только шутка. А теперь ступай в лагерь и приготовь на ужин бифштексы. Только,— я не смог удержаться от невольной мольбы,— прожарь их как следует!

21

В середине сентября выгоревшая тундра угрюмо побурела; лишь там, где ранние заморозки тронули низкие ягодники, ее оживлял красновато-коричневый оттенок. Болотистые пастбища вокруг Волчьего Дома покрылись сетью свежих троп, проложенных идущими на юг стадами карибу, и жизненный уклад волков изменился.

Волчата покинули летнее логовище, и хотя не могли еще сопровождать Ангелину и двух самцов на большую охоту, но уже принимали участие в ближних вылазках. Они начали познавать мир, и эти осенние месяцы были счастливейшими в их жизни.

Когда мы с Утеком возвратились домой после путешествия по центральной тундре, то обнаружили, что наша семья волков бродит широко по своему участку и проводит дни там, где увлечется охотой.

В меру своих сил и возможностей я делил с ними бродячую жизнь и безмерно наслаждался. Комары исчезли. По ночам иногда подмораживало, но дни стояли теплые и ясные.

В один из таких ласковых, солнечных деньков я направился на север от оза, вдоль гряды холмов, которые возвышались над обширной долиной. Долина была богата кормами и служила оленям излюбленной магистралью, ведущей на юг.

На белесом небе тучей сажи висели вороньи стаи, сопровождающие стада оленей. Выводки тундряних-куропаток кричали в зарослях стелющегося кустарника. Стайки морянок, готовых к дальнему перелету, бороздили озерца тундры.

В долине подо мной медленно катился поток карибу — стадо за стадом. Продолжая пастись, они бездумно двигались на юг: их направлял инстинкт, более древний, чем наши познания.

В нескольких километрах от оза, где находилось волчье логово, мне посчастливилось найти нишу на вершине утеса, и я устроился удобно: спиной уперся в шероховатую, нагретую солнцем скалу, колени подтянул к подбородку и навел бинокль на живой поток внизу в надежде увидеть волков.

И я не обманулся в своих ожиданиях. Около полудня на гребне поперечной гряды, чуть к северу от меня, появились два волка. Через некоторое время к ним присоединились еще два взрослых волка и четверо волчат. После обычного ритуала — прыжков, взаимного обнюхивания и помахивания хвостами, большинство волков

улеглось, но некоторые продолжали сидеть и лениво наблюдать за оленями, которые двигались по обеим сторонам долины, в нескольких сотнях шагов от волков.

Я сразу узнал Ангелину и Георга. Что же касается другой пары волков, то один из них смахивал на дядюшку Альберта, а другого — стройного темно-серого зверя — мне прежде не доводилось встречать. Я так и не узнал, кто он и откуда, но до конца моего пребывания в тундре он неизменно оставался в стае.

Среди волков, точнее, среди всего живого вокруг, включая оленей и меня самого, только Георг проявлял некоторую активность. В то время как остальные блаженно грелись на солнышке, Георг неугомонно сновал взад-вперед по гребню хребта. Разок-другой он останавливался перед Ангелиной, но та не обращала на него никакого внимания и только лениво помахивала хвостом.

Сквозь дремоту я заметил, как на склон гряды, где отдыхали волки, поднялась важенка — очевидно, наткнулась на участок, густо поросший лишайником. Она, несомненно, видела волков, но продолжала двигаться в их направлении и вскоре оказалась метрах в двадцати от одного из волчат. Волчонок, внимательно следивший за ней, поднялся на ноги и, к моему великому удовольствию, стыдливо оглянулся через плечо на остальных волков, а затем, повернувшись, пополз к ним с поджатым хвостом.

Даже Георг, этот матерый хищник, который медленно приближался к важенке, вытянув нос и принюхиваясь, не смог нарушить ее безмятежного спокойствия. И только когда он, оскорбленный в своих лучших чувствах, сделал ложный выпад в ее сторону, важенка высоко вскинула голову, повернулась на задних ногах и галопом помчалась в долину — скорее возмущенная, нежели испуганная.

Время шло, живой поток продолжал двигаться, и я уже потерял всякую надежду на захватывающее зрелище — видимо, придется удовлетвориться коротенькой интермедией, разыгранной между волком и важенкой; очевидно, волки сыты и наслаждаются послеобеденной сиестой. Но я ошибся — Георг что-то задумал.

Он в третий раз подошел к Ангелине, лениво разлегшейся на боку, и на этот раз не принял отказа. Право, не знаю, что уж он ей сказал, но, верно, что-то дельное — волчица поднялась, отряхнулась и послушно двинулась за ним. А Георг тем временем направился к другой паре — Альберту и Незнакомцу — и принялся их обнюхивать. Выслушав его предложение, те в свою очередь поднялись на ноги. Волчата, всегда готовые принять участие в любом мероприятии, с восторгом присоединились к взрослым. Встав в круг, вся стая подняла морды и завыла — точь-в-точь, как они это делали у логова перед ночной охотой.

По правде говоря, меня удивило, что они готовятся к охоте так рано, среди белого дня, но, пожалуй, больше всего меня поразило, что олени никак не отреагировали на волчий хор. Лишь некоторые из них лениво подняли головы и равнодушно взглянули в сторону волков, а затем снова принялись за мирную пастьбу. Я не успел осмыслить происходящее, как Ангелина, Альберт и Незнакомец убе-

жали, оставив волчат сидеть рядком на самом гребне; прямо перед ним расположился Георг. Один из волчат кинулся было вслед за волками, но Георг двинулся на него, и тот поспешно вернулся на место.

С юга тянул слабый ветер, и трое волков тесной кучкой пошли ему навстречу. В долине они побежали рысцой, растянувшись цепью и неторопливо минуя группы мирно пасущихся карибу. Оленей по обыкновению это ничуть не встревожило, ни один из них не отбежал в сторону — разве только когда возннкала прямая угроза столкновения.

Волки в свою очередь не обращалн внимания на оленей и равнодушно пробегали мимо небольших табунков, среди которых было немало однолеток. Они не тронули никого, а целеустремленно продолжали свой путь и вскоре оказались почти против моей ниши. Тут Ангелина становилась и села, остальные последовали ее примеру. Вновь началось обнюхнвание, затем волчица встала и повернулась к гребню, где все еще маячили волчата и Георг.

Между двумя группами волков оказалось по крайней мере сотни две оленей, к тому же из-за восточного отрога поперечного хребта непрерывно подходили новые стада. Волчнца охватила их всех внимательным взглядом и вместе с компаньонами двинулась дальше. Развернувшись в одну линию, с интервалом в двести — триста метров, так что захватилн почти всю долину, волки побежали на север.

Они не очень спешили, но в их манере появилась целеустремленность, которую олени разгадали; впрочем, возможно, такое построенне волков просто-напросто мешало оленям использовать свою прнвычную тактнку — отбегать в сторону. Так илн иначе, но стадо за стадом поворачивало на север, и в конце концов большинство оленей двинулись обратно той дорогой, по которой пришли.

Оленям не нравилось, что их куда-то гонят, и несколько стад пытались прорвать линию наступлення, но каждый раз два ближайших волка сходились к непокорным н заставляли их идти на север. Однако трем волкам было не под силу контролировать всю долнну; олени вскоре сообразили, что можно прорваться на открытых флангах и продолжать движение на юг. И все же, когда волки приблизились к гряде, где их ждала группа Георга, они гнали перед собой не менее ста оленей.

Теперь карибу по-настоящему забеспокоились. Почти сплошная масса распалась на небольшие стада, которые галопом помчались в разные стороны. Группа за группой уходила в сторону, а волки даже не пытались этому препятствовать. Как только преследователи проскакивали мнмо какого-нибудь стада, карибу останавливались и выжндали момент, чтобы возобновить прерванный бег на юг.

Я начал понимать замысел волков. Онн сконцентрировали все свое внимание на небольшом стаде, состоящем из десятка важенок и семи однолеток. Любая попытка стада свернуть влево или вправо немедленно пресекалась. Оленн вскоре вынуждены были отка-

заться от маневрнрования и положнлнсь на свою быстроту, стремясь уйти от преследователей иа прямой. И это им, очевидио, удалось бы, ио когда оии проиеслись мимо ивияка, что рос в коице гряды, с флаига ударили волки.

Из-за дальности расстояиия ие все удалось разобрать, ио я разглядел Георга, который гнался за важенкой с двумя телятами. Вот ои настиг их... и вдруг свернул в сторону. За ними словио серые пули летели двое волчат. Оин кинулись за ближайшим олеиенком, ио тот иачал быстро увертываться. Одии из волчат, стремясь срезать угол, поскользнулся и покатился кубарем, ио тут же вскочил и продолжил погоию.

Остальные волчата замешкались между оленями, и я не понял, что там произошло; когда же стадо во весь карьер помчалось дальше, волчата неслись за иим по пятам, ио ие выдержали темпа и отстали.

Отбившийся от стада олеиенок тоже начал уходнть от погоии. Все четыре волчонка продолжали бежать изо всех сил, хотя догиать олеией уже ие было ии малейшего шаиса.

Ну, а что же взрослые волки? Когда я обериулся и навел бинокль, то увидел Георга — он стоял иа том же месте, где я видел его в последий раз; медлеиио поводя хвостом, ои следил за охотой. Тем временем остальиые волкн подиялись иа гряду. Альберт и Незиакомец тут же улеглнсь, ио Аигелнна продолжала наблюдать за бегущими олеиями.

Волчата вериулись только через полчаса. Оии так усталн, что едва взобрались иа гребеиь к старшим, которые теперь лежали спокойио и отдыхали. Волчата, тяжело дыша, плюхиулись рядом, ио никто из взрослых ие обратил иа иих ии малейшего виимаиия.

На сегодия занятия в школе были окоичеиы.

22

Сеитябрь смеиился октябрем, морозиые иочи сковали болота, покрыли льдом озера, ио я с удовольствием проводил все время в туидре, продолжая вести псевдоволчий образ жизни. Одиако мие ие хватало свободы волков — меия призывали в избушку Майка буднн исследовательской работы. Увы, следуя теории (моей собственной, ио не моих работодателей), что все время нужно посвятнть иаблюдеиииям за жизиью и повадкамн волков, я пренебрег бесчнсленнымн побочными исследоваинями, предписаннымн Оттавой. Теперь, когда времеии оставалось в обрез, я почувствовал, что должен (хотя бы для проформы) как-то угоднть иачальству.

Помимо непосредствеиных заданий, мие вмеиялось в обязанность проводить ботаиическне иаблюдеиия: во-первых, собрать гербарий местиой флоры; во-вторых, исследовать плотиость растнтельиого покрова н определить процеитиое отиошение входящих в него различных растений н, в-третьих, произвести качествеииый аналнз их состава и питательиой цеииости (с точкн зрення оленей).

Времени на все это не оставалось, и в качестве компромисса я взялся за исследования плотности покрова.

Обычно для этого пользуются кругом Раункиера — инструментом, придуманным не иначе как самим дьяволом. С виду это невинная вещица, обыкновенный металлический обруч; но на деле это дьявольский механизм, предназначенный сводить с ума нормальных людей. Пользуются им так: нужно встать на открытом участке болота, закрыть глаза, повернуться несколько раз, словно волчок, и бросить круг как можно дальше. Вся эта сложная процедура, якобы обеспечивающая бросок «наугад», на самом деле неизбежно приводила к тому, что я каждый раз терял круг и тратил уйму времени на его поиски.

Но это еще полбеды. Настоящая беда начиналась, как только он отыскивался. Я, видите ли, должен был собрать все, даже самые крошечные растения, попавшие в пределы этого заколдованного круга, определить, что это за растения, и установить количество видов, а затем подсчитать общее число растений каждого вида.

Кажется просто? Отнюдь. Все растения в тундре мелкие, иногда почти микроскопические. Первая же попытка стоила мне доброй половины дня, сильного перенапряжения зрения и приступа люмбаго — таков результат многочасовой работы, которую пришлось выполнять с пинцетом в руках, скорчившись над обручем.

На первых порах мне удалось отговорить Утека от намерения сопровождать меня в эти экспедиции,— я просто был бессилен объяснить ему цель проводимых работ. Тем не менее на третий день моих мучений он внезапно появился на ближайшей гряде и радостно устремился ко мне. Я приветствовал его весьма сухо — сердечность не входит в число моих добродетелей — и, с трудом выпрямившись, произвел очередной бросок. Эскимос наблюдал за мной с большим интересом.

Но я устал, был расстроен, выбился из сил, и поэтому круг отлетел недалеко.

— Швинак! Плоховато,— пренебрежительно заметил Утек.

— Будь оно проклято!— вспылил я.— Посмотрим, сможешь ли ты кинуть лучше.

Видимо, сам ангел-хранитель подсказал мне этот спасительный вызов. Утек снисходительно усмехнулся, сбегал за обручем, поднял его, затем отвел руку, словно метатель диска, и бросил. Круг взлетел, подобно вспугнутой куропатке, сверкнул в лучах солнца, достигнув вершины своей траектории, плавно опустился над ближайшим тундровым озерком, почти без всплеска врезался в воду и исчез.

Утек был сражен неудачей. Лицо его вытянулось, он ждал взрыва моего гнева. Бьюсь об заклад, добрый малый так и не понял, почему я заключил его в объятия и принялся весело отплясывать с ним джигу. Затем мы вернулись в избушку и вдвоем распили последнюю драгоценную бутылку «волчьего коктейля». Но, несомненно, этот случай укрепил Утека во мнении, что пути белого человека поистине неисповедимы.

После того как с изучением флоры было невольно покончено, передо мной встала следующая неприятная задача — завершить исследования волчьих экскрементов.

Поскольку в Оттаве скатологии придавали исключительно важное значение, мне было предписано уделить часть времени на сбор и анализ волчьего кала. Не скажу, чтобы я был поглощен этим занятием, но, бродя по тундре, я при случае не оставлял помет без внимания. С помощью длинных хирургических щипцов я собирал его в небольшие брезентовые мешочки и на каждый вешал ярлык с указанием места и времени сбора кала. Мешочки эти хранились в избушке, под моей койкой; к концу сентября удалось собрать такую внушительную коллекцию, что из-за недостатка места образцы сыпались на пол и растаскивались по всей избушке.

По различным причинам я откладывал анализ находок; не последним поводом для этого послужило присутствие Утека и Майка — я мысленно представил себе, какую физиономию они скорчат, когда узнают, чем я занимаюсь. Поэтому сборы кала я постарался всячески засекретить; Майк и Утек могли, разумеется, заинтересоваться содержимым мешочков, но были слишком деликатны (а возможно, попросту боялись моего ответа — мало ли что я мог сказать) и не спрашивали меня ни о чем. Несмотря на то что они притерпелись к неприятным сторонам моей профессии, мне не хотелось быть излишне бесцеремонным, и я все откладывал анализы, пока одним октябрьским утром они не ушли вдвоем охотиться на карибу, предоставив лагерь в мое единоличное распоряжение. Я воспользовался этим и взялся за выполнение малоприятного задания.

От долгого хранения собранный помет стал твердым как камень, и, прежде чем приступить к обработке, его требовалось размочить. Поэтому я перетащил мешочки на берег реки и, сложив в два оцинкованных ведра, залил водой. Пока они размокали, я приготовил инструменты, блокноты и прочее снаряжение и разложил все на большом камне, пригреваемом солнцем и обдуваемом ветерком. Мне казалось, что предстоящую работу лучше всего проводить на воздухе.

Теперь оставалось только надеть противогаз. Да, да, я не обмолвился, именно противогаз. Меня снабдили не только противогазом, но и ящиком слезоточивых гранат — с их помощью я должен был выгонять волков из логова, чтобы пристрелить, когда мне понадобятся образцы для анатомирования. Но само собой разумеется, так низко я ни разу не пал, даже когда еще не успел узнать волков и не подружился с ними. Гранаты я давным давно утопил в ближайшем озере, но противогаз сохранил, так как он за мной числился. И вот предмет, долгое время бывший обузой, теперь пригодился — ведь иногда в волчьем кале содержатся яйца исключительно опасного паразита: стоит им попасть в организм человека (случайно при вдохе), как там из них развиваются мельчайшие личинки, которые попадают в мозг и инцистируются, обычно с роковым исходом для человека.

Убеднвшись, что первая порцня кала размокла, я напялнл маску, выложнл помет на белое эмалированное блюдо, позаимствованное в хозяйстве Майка, н прннялся орудовать щипцамн н скальпелем. С помощью лупы я определял составные частн н результаты заносил в запнсную кннжку.

Процесс был весьма трудоемкнй, но любопытный. И вскоре я так погрузился в работу, что совершенно позабыл обо всем окружающем.

Когда же часа через два я с трудом выпрямнлся, чтобы размяться, н случайно глянул в сторону нзбушкн, то неожиданно увидел перед собой человек двенадцать незнакомых эскнмосов, которые с выражением несказанного удивления и нспуга уставнлнсь на меня.

Ну и положенне! Я прншел в такое замешательство, что совершенно позабыл о протнвогазе с его хоботом и стеклянными выпученными глазамн н попытался прнветствовать незнакомцев. Но мой голос, пройдя через прессованный уголь н резнновую трубку, прозвучал глухо и печально, словно ветер над могилой, н это окончательно повергло эскимосов в ужас. Стремясь исправнть положение, я поспешно сорвал маску н шагнул вперед, но эскимосы с четкостью, сделавшей бы честь любому слаженному опереточному кордебалету, быстро отступнлн н продолжалн нздали глядеть на меня с днкнм нзумлением.

Отчаянно пытаясь показать свои добрые намерения, я заулыбался во весь рот н оскалнл зубы, что было прннято за дьявольскую усмешку. Гостн отступилн еще на два шага, некоторые нз них с опаской перевелн взгляд на блестящнй скальпель, зажатый в моей правой руке.

Онн явно готовнлнсь к бегству. Мне едва удалось спастн положенне. Вспомнив соответствующне нннунтскне[1] слова, я выпалил нечто вроде офнцнального прнветствня. После долгой паузы однн нз эскнмосов собрался с духом н робко ответнл: постепенно они перестални смотреть на меня словно выводок цыплят на гремучую змею.

Правда, ожнвленной беседы не получнлось, но нз последовавшего высокопарного разговора выясннлось: этн люди — часть племени Утека, онн провели все лето далеко на востоке н только что вернулись в родное становнще, где нм рассказалн о странном белом человеке, который поселнлся в нзбушке Майка. Тогда онн решнлн взглянуть на необыкновенного чужестранца собственнымн глазами, но все ранее услышанное не шло нн в какое сравненне с тем, что нм довелось увидеть.

Во время разговора я заметнл, что кое-кто нз ребятншек н взрослых украдкой бросает взгляд на ведро с пометом н на эмалнрованное блюдо, заваленное шерстью и костямн полевок. У всякого другого народа это могло быть проявлением праздного любопытства, но я уже достаточно долго прожнл среди эскимосов н научил-

[1] Эскимосы называют себя инуитами, что на их родном языке означает «люди».— *Прим. перев.*

ся понимать их мысли, даже весьма уклончивые. Проявленный ими интерес я воспринял как тонкий намек на то, что после долгого пути они не прочь попить чайку и закусить.

В отсутствие Майка я остался за хозяина; памятуя, что гостеприимство — высшая добродетель на Севере, я пригласил эскимосов на ужин к себе в избушку. Они, по-видимому, все поняли, приняли предложение и оставили меня заканчивать анализ последней кучки помета, а сами поднялись на соседнюю гряду, чтобы разбить там походный лагерь.

Результаты анализов оказались очень интересными. Примерно на 48 процентов помет содержал остатки грызунов, преимущественно зубы (резцы) и шерсть. Остальные определимые пищевые остатки включали кусочки костей и шерсть оленей, немного птичьих перьев, и, как ни странно,— медную пуговицу, сильно пострадавшую от действия желудочного сока, но сохранившую изображение якоря и каната (такие обычно носят служащие торгового флота). Не представляю, каким образом пуговица могла закончить свой путь там, где оказалась, но, разумеется, ее никак нельзя считать вещественным доказательством того, что волк сожрал какого-то заблудившегося матроса [1].

Я тщательно вымыл ведра и наполнил их чистой водой, которая потребуется, чтобы приготовить несколько галлонов чая. За этой процедурой серьезно наблюдали два маленьких эскимосских мальчугана. Когда я с ведрами зашагал к избушке, они помчались на гряду с великой новостью, которой им, видимо, не терпелось поделиться со взрослыми; их энтузиазм вызвал у меня улыбку.

Однако мое веселое настроение вскоре улетучилось. Через три часа ужин был готов (он состоял из рыбных тефтелей по-полинезийски с кисло-сладким соусом собственного изобретения), а гости не показывались. Стемнело, и я начал беспокоиться, не произошло ли какого недоразумения относительно времени ужина. В конце концов я надел парку, взял электрический фонарик и пошел на поиски эскимосов.

Я их не нашел. Чтобы не томить читателя, скажу сразу: никогда в жизни я их больше не встречал. Место стоянки было покинуто, а люди исчезли, будто их поглотила тундра.

Меня это очень озадачило и, по правде, немного обидело. На следующий день вернулся Утек, и я рассказал ему всю историю и потребовал объяснения. Он задал множество вопросов о ведрах, помете и других вещах, по-моему, не имевших ровно никакого отношения к происходившему. В результате он обманул мои ожидания — впервые за все время нашего знакомства. Он заявил, что сейчас просто не может объяснить, почему мое радушие так грубо отвергли... Он не объяснил этого и позже.

---

[1] Достоверных сведений о случаях гибели людей, съеденных волками, на Канадском Севере не существует, но соблазн обвинить последних и в этом временами оказывается почти непреодолимым.

23

Приближалось время расставания с Волчьим Домом — не потому, что мне этого хотелось, но потому, что так или иначе волки скоро уйдут отсюда на свои зимние квартиры.

В конце октября, когда зима вступила в свои права на открытой тундре, карибу устремились в чужой, но защищенный от ветра мир лесов. И куда бы они ни шли, волки следовали за ними, потому что, когда мороз скует бескрайние голые равнины, там больше нечего есть.

С начала ноября до апреля волки и олени странствуют совместно по редкой тайге [1], состоящей из низкорослых елей и сосен и лежащей севернее границы леса. В годы изобилия зайцев волки охотятся главным образом на них, но всегда предпочитают держаться рядом с оленями — ведь только карибу могут спасти их в случае голода.

Обычно каждая волчья семья держится обособленно, однако не редкость, если два, а то и три семейства объединяются в стаю. По-моему, здесь нет твердых правил, и каждая стая может в любое время распасться на составные части. Однако существует граница максимальной численности. Зимняя охота требует совместных дружных действий нескольких волков — иначе успеха не будет; но если охотников слишком много, то добытого мяса на всех не хватит. Пять — десять волков — вот идеальный размер стаи.

По-видимому, зимой не существует закрепленных территорий, и каждая группа охотится, где и как ей заблагорассудится. Когда встречаются две стаи, они приветствуют друг друга и после взаимных приветствий расходятся по своим путям-дорогам.

Сосредоточенность стай в одном месте — случай весьма редкий. Но я так и не сумел выяснить, как они ухитряются держаться разрозненно и тем самым избегают опасности скопления в районах, где мало пищи. Индейцы из племени чиппевеев утверждают, будто волки этого достигают посредством пахучих меток: они оставляют эти своеобразные весточки на всех видных местах, камнях или деревьях, вокруг озер и вдоль проторенных троп. Факт остается фактом: зимой кочующие стаи волков следуют за такими же кочующими стадами оленей и не наступают друг другу на пятки (если только сильный голод не опустошит землю).

Для тундровых волков зима — время смерти.

В лесах они подвергаются дружному, умелому и свирепому нападению человека. Трапперы терпеть не могут волков не только как конкурентов в охоте за оленями, но и потому, что волки выводят из строя целые линии ловушек, захлопывают легкие капканы, поставленные на лисиц и песцов, а сами благополучно уходят. Кроме того, большинство белых охотников боится волков, некоторые

---

[1] Автор употребил этот русский термин для обозначения лесотундры.— *Прим. перев.*

испытывают буквально смертельный страх, а, как известно, ничто так не возбуждает в человеке ненависть, как страх.

Своими действиями федеральное правительство и власти в провинциях усугубляют эту злобу: устанавливают премии от десяти до тридцати долларов за каждого убитого волка. В годы низких цен на песцов и другую пушнину эти премии превращаются по существу в субсидии, выплачиваемые трапперам и торговцам пушниной.

Сколько сказано и написано об оленях, истребляемых волками! И как мало говорится об оленях, убиваемых человеком! В первом случае ложь получает широкую и официальную поддержку, во втором — правда замалчивается. А между тем в первую зиму моих исследований один траппер, промышляющий на границе между Манитобой и Киватином, получил премии за уничтожение ста восемнадцати волков, из которых сто семь были молодняком, родившимся минувшей весной. По закону он должен был поймать их капканами или взять на ружье. Фактически же (так поступали и поступают все, пользуясь попустительством властей) он просто разбросал на огромном пространстве тундры невероятное количество приманок со стрихнином, в результате чего почти все песцы, лисицы, росомахи и более мелкие хищники были уничтожены. Но это неважно, песцы в тот год ничего не стоили. Зато за каждого убитого волка выплачивалась премия в двадцать долларов!

Волчьи капканы и отрава — основные средства истребления, но существуют и другие, широко применяемые способы. К их числу относится охота с самолета, популярная среди спортсменов с высокоразвитым чувством гражданского долга — они готовы служить обществу, жертвуя своим временем и деньгами ради уничтожения хищников. Экипаж самолета, идущего на значительной высоте, внимательно высматривает волков на открытых местах, предпочтительно на льду озера. Обнаружив волка, самолет снижается и упорно гонит зверя до тех пор, пока тот в изнеможении не упадет; иногда зверь умирает, раньше чем в него влепят заряд картечи.

Но мне известен случай, когда такой способ охоты не принес желанного успеха. Два джентльмена вылетели на собственном спортивном самолете, чтобы помочь миру избавиться от опасных хищников. В прошлые разы (а они охотились так не впервые) они убивали помногу, а пилот стал почти виртуозом — он научился летать так низко, что почти касался волков лыжами самолета. Однако на сей раз он подлетел слишком близко. Загнанный волк повернулся, высоко подпрыгнул и вцепился в одну из лыж. Он погиб в последовавшей катастрофе, но вместе с ним погибли и охотники. Этот трагический случай был описан в популярнейшем спортивном журнале как пример коварства волков и безграничного мужества людей, идущих с ними в бой. Это, конечно, классический прием: когда бы и где бы люди бездумно ни убивали живое существо (это относится и к человеку), они стремятся всячески оправдать свои действия и приписывают жертвам все мыслимые пороки. И чем

меньше поводов для убийства, тем шире кампания, направленная на поношение убитого.

В Броше (северная Манитоба), куда я переехал с залива Волчьего Дома на свою зимнюю базу, население было в высшей степени предубеждено против волков. Местные ревнители охоты с огорчением обрисовали мне создавшееся положение: еще каких-нибудь двадцать лет назад жители города убивали за зиму до пятидесяти тысяч оленей, а сейчас они счастливы, если удастся добыть хотя бы две-три тысячи. Карибу осталось мало, они буквально становятся музейной редкостью, и, по единодушному мнению всех, в этом повинны волки. Я пытался им возразить, ссылаясь на то, что волки резали оленей задолго до появления в Броше белых людей, и тем не менее поголовье их не сокращалось. Но собеседники обычно либо пропускали этот довод мимо ушей, либо, наоборот, приходили в совершенное неистовство.

Как-то в начале зимы ко мне в страшнейшем ажиотаже ворвался торговец пушниной.

— Ну вот что,— вызывающе заявил он,— вы тут разоряетесь, будто нужно еще доказать, что волки истребляют стада. Так запрягайте собак и отправляйтесь на озеро Фишдак. Вы получите доказательства! Не прошло и часа, как мой траппер видел там пятьдесят оленей, зарезанных волками, причем едва ли тронут хотя бы кусочек мяса.

Сказано — сделано, и к концу дня в сопровождении индейца из племени кри я добрался до озера. Перед нами открылась картина отвратительной бойни: на льду валялись трупы двадцати трех карибу; снег вокруг превратился в темно-красную кровавую кашу.

Траппер оказался прав, трупы действительно не были тронуты. Если не считать небольших повреждений, нанесенных песцами, кукшами и воронами, все убитые животные были целы, за исключением трех. У двух быков отсутствовали головы, а у важенок не хватало задней части.

К сожалению, это никак не могло служить «доказательством» работы волков. Волчьих следов на озере не было. Но зато имелись другие: четкие тройные полосы, прочерченные лыжами и хвостовым костылем самолета, который во все стороны рулил по льду и оставил на снегу сеть пересекающихся извилистых линий.

Олени не были зарезаны волками, их застрелили; на некоторых трупах виднелось по несколько огнестрельных ран. Один олень пробежал сотню метров, волоча по льду кишки, которые вывалились от раны в животе. У многих животных пулями были перебиты конечности или кости.

Объяснить трагедию оказалось делом несложным. Два года назад местные власти решили, что северные олени — неотразимая приманка для богатых американцев, любителей охотничьих трофеев [1].

---

[1] В 1963 году их примеру последовали власти Ньюфаундленда.

Управление по туризму разработало специальную программу полного обслуживания сафари[1]. Группы спортсменов, заплативших по тысячи долларов каждый, отправлялись в субарктические районы, иногда на правительственных самолетах, где им были гарантированы первоклассные оленьи рога.

Во время зимовки в лесотундре карибу обычно пасутся в лесу на заре и в сумерки, а светлое время дня проводят на льду озер. Поэтому пилоту охотничьего самолета остается только выбрать озеро, на котором отдыхает большое стадо карибу, и, полетав низко над ним, согнать оленей в тесную, кружащуюся на месте кучу. Затем самолет идет на посадку, и, не выключая моторов, начинает рулить по льду вокруг обезумевшего от страха стада, не давая ему прорваться. Через открытые двери и иллюминаторы охотники ведут беглый огонь, пока не настреляют достаточное количество оленей, из которых можно будет выбрать действительно отличные трофеи. Они считают, что коль скоро увеселительная прогулка стоит бешеных денег, им принадлежит незыблемое право добиваться успеха любой ценой. Остается предположить, что соответствующие правительственные органы вполне разделяют такую точку зрения.

По окончании стрельбы убитых оленей осматривают, и каждый охотник выбирает себе лучшую голову — полученная лицензия дает право «на отстрел только одного оленя». Любители оленины (если таковые окажутся среди охотников) отрезают задние ноги у нескольких карибу, а туши бросают на льду. Самолет берет курс на юг, и через два дня спортсмены победителями возвращаются домой.

Мой проводник-индеец прошлую зиму работал гидом и видел, как творятся такого рода дела. Они не доставляли ему удовольствия, но он хорошо знал положение индейцев в мире белых и понимал, что лучше помалкивать.

Я оказался наивнее. На следующий день я подробно радировал куда следует о случившемся. Ответа не последовало, если не считать того, что власти провинции спустя несколько недель увеличили премию за каждого убитого волка до двадцати долларов.

24

Выбраться с залива Волчьего Дома на юг, в Броше, было весьма сложно, но эта задача неожиданно решилась благополучно. Как-то утром Утек ворвался в избушку и объявил, что видел самолет. Действительно, к востоку от нас над тундрой лениво кружил «Норсмен» на поплавках.

Я уже давно потерял надежду, что пилот, который в свое время доставил меня к заливу Волчьего Дома, когда-нибудь вернется за мной, поэтому появление самолета привело меня в сильное волнение. Вспомнив о генераторах дыма, которыми меня преду-

[1] Сафари *(араб.)*— охотничья экспедиция.— *Прим. перев.*

смотрительно снабдили в Оттаве, я кинулся за ними. К моему удивлению, они работали. Мощная струя густого черного дыма поднялась высоко в небо, и «Норсмен», который успел скрыться на западе, вернулся и теперь держал курс на мой сигнальный столб.

Он сел в заливе, и я на каноэ отправился к летчику, узколицему бесстрастному молодому человеку, усердно жующему резинку. Ему было что мне порассказать. После того как долгие месяцы от меня не было вестей, мое ведомство не на шутку встревожилось: нет не только отчетов о волках, но и казенное снаряжение стоимостью около четырех тысяч долларов в безмолвной пустыне. Положение не из приятных — стоит какому-нибудь дотошному представителю оппозиции об этом узнать, и он может раздуть дело и поставить вопрос в палате общин. А перспектива обвинения в халатном отношении к общественному имуществу — пугало, преследующее любое государственное учреждение.

Поэтому Королевская конная полиция Канады получила строгое предписание отыскать меня, но нити оказались ничтожно малыми. Пилот, доставивший меня в тундру, пропал без вести во время полета над районом реки Маккензи, и так как полиция не нашла никаких *его* следов, то, естественно, не смогла установить, куда он девал *меня*. После длительных поисков удалось выяснить, что в Черчилле ходят слухи, будто я являюсь тайным агентом, посланным со шпионскими заданиями на русские плавучие базы на полюсе. Полиция так и донесла в Оттаву, добавив, что подобные шутки ей не по душе: впредь, когда министерству потребуется что-нибудь отыскать, лучше говорить обо всем прямо и честно.

Летчик, который сел в тундру по моему сигналу, не был участником розысков, а занимался геологической разведкой и обнаружил меня совершенно случайно. Тем не менее он согласился отвезти на базу сообщение, которым министерство будет уведомлено, где находится государственное имущество, с добрым советом немедленно прислать самолет для его вывоза, пока реки и озера еще не замерзли.

С помощью Майка летчик подвел самолет к берегу, чтобы залить баки горючим из запасных бочек, находящихся в фюзеляже. А тем временем я, стремясь закончить некоторые недоделки, отправился на оз, к логову волков. Для завершения исследований жизни волчьей семьи мне оставалось выяснить, что же представляет собой логово внутри — надо установить его глубину, диаметр прохода, устроено ли гнездо и выяснить еще ряд вопросов. По вполне понятным причинам я не мог провести таких обмеров, пока логово было занято, а затем у меня оказалось слишком много работы, и я просто не успел за это взяться. Теперь, когда время поджимало, пришлось поторопиться.

Я побежал через тундру к логову и был от него примерно в километре, как вдруг позади послышался громоподобный рев. Это было так неожиданно, что я невольно бросился на мох. «Норсмен» пролетел надо мной в каких-нибудь пятнадцати метрах от земли!

Самолет весело качнул крыльями, посылая прощальный привет, и взмыл над гребнем волчьего оза, подняв пропеллером целое облако песка. Я поднялся, стараясь унять сердцебиение, и недобрым словом помянул весельчака.

На песчаном валу, у логова, как я и ожидал, волков не оказалось (да и не могло быть после трюка, выкинутого пилотом!). У входа в нору я снял толстые штаны, китель и свитер, взял электрический фонарик (батарейки в нем почти окончательно сели), а также мерную ленту и с трудом полез вниз по узкому наклонному туннелю.

Фонарик горел так тускло, что при его красноватом свете едва можно было различить цифры на мерной ленте. Я прополз меньше трех метров, опускаясь под углом в сорок пять градусов. Рот и глаза наполнились песком, и я начал страдать от приступа клаустрофобии, так как проход едва вмещал меня.

На трехметровой отметке ход круто повернул под прямым углом влево. Я направил фонарик в новом направлении и нажал кнопку. Под тусклым лучом впереди во мраке вспыхнули четыре зеленых огонька.

При виде их я буквально застыл на месте, а в голове забилась страшная мысль; в логове, помимо меня, находятся по крайней мере два волка!

И хотя, казалось, я был весьма близко знаком с волчьим семейством, в сложившейся ситуации бессмысленные, но увы прочно укоренившиеся предрассудки решительно взяли верх над разумом и опытом. Короче я так испугался, что просто остолбенел. Оружия при мне не было, кроме того, в этой тесной темнице я мог действовать только одной рукой, чтобы отразить нападение. А что волки должны напасть, у меня сомнений не вызывало, ведь даже суслик яростно защищается, когда его прижмут в угол норы.

Волки даже не заворчали.

Если бы не две пары неярко горящих глаз, можно было подумать, что их тут вовсе нет.

Состояние временного паралича начало проходить, и, несмотря на холодный день, я весь покрылся потом. В порыве безрассудной храбрости я сунул фонарик как можно дальше вперед, насколько позволяла рука.

Света едва хватило, чтобы я мог узнать Ангелину и одного из волчат. Они тесно прижались к задней стенке логова и сидели неподвижно, точно мертвые.

К этому времени я вышел из шокового состояния, и инстинкт самосохранения вступил в силу. С быстротой, на какую только был способен, я пополз обратно, вверх по наклонному ходу, все время ожидая, что волки меня схватят. Но мне удалось благополучно добраться до выхода и выкарабкаться наружу, а волки все еще не подавали ни малейших признаков жизни.

Я сел на камень, трясущимися руками достал сигарету и закурил — как бы доказывая самому себе, что раз я курю, значит, не трушу. И тут меня охватила слепая ярость. Ей-богу, будь у меня

винтовка, я мог бы поддаться животному инстинкту и убить обоих волков!

Сигарета догорела. С севера, где мрачнело свинцовое небо, подул ветер. Меня снова затрясло, на сей раз от холода, а не от злости. Гнев прошел, и я попытался в нем разобраться. Да, моя ярость была вызвана обидой, родившейся от страха: обидой на зверей, которые возбудили во мне неприкрытый ужас и тем самым нестерпимо оскорбили мое человеческое достоинство.

Но подумать только, как быстро я все забыл, с какой готовностью отрекся от того, что за лето жизнь с волками позволила узнать о них... и о себе самом! Я подумал об Ангелине и волчонке, прижавшихся друг к другу в глубине логова, где они искали убежища от грохота самолета, и мне стало стыдно.

Где-то на востоке завыл волк, негромко, вопрошающе. Я сразу узнал голос, слышанный много-много раз. Это Георг взывал в пустыне и ждал ответа от исчезнувших близких. Но для меня голос зверя говорил об утерянном мире, который некогда был и нашим, пока мы, люди, не выбрали иной путь; о мире, в который я заглянул, почти проник... лишь для того, чтобы в конечном итоге быть изгнанным самим собой.

Эпилог

Зимой 1959 года канадская Служба охраны природы, продолжая борьбу с волками, направила в тундру Киватина специалистов по истреблению хищников. Прилетев на самолете, они разбросали в определенных пунктах приманки с ядом.

В начале мая один из них был высажен на лед в заливе Волчьего Дома. Он провел там несколько часов и повсюду оставил «подарки» со стрихнином, а у логова, которое оказалось занятым, расставил «истребителей волков».

Ранняя весна помешала ему вернуться в Волчий Дом для проверки этой научной акции.

Результаты ее неизвестны.

Английские меры длины, веса, емкости, встречающиеся в книге

Миля — 1609 м	Бушель — 35,2 дм³
Ярд — 91,4 см	Галлон — 3,78 дм³
Фут — 30,4 см	Пинта — 473 см³
Дюйм — 2,5 см	Унция — 29,5 г
Фунт — 453 г	Акр — 0,4 гектара

Содержание

Беззащитные властелины

(Составление О. В. Талановой)

Зав. редакцией
А. Т. Макашев
Редактор
В. Г. Семыкина
Художник
А. В. Ефимцев
Художественный редактор
Б. Р. Жапаров
Технический редактор
Т. И. Мозалевская
Корректоры:
М. П. Губина, О. В. Веретельникова

ИБ 2501

Сдано в набор 30.12.82. Подписано к печати 24.05.83. Формат 60×90 1/16. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем в усл. печ. л. 31,0. Уч.-изд. л. 35,8. Тираж 70 000 экз. Заказ № 132. Цена 3 р. 90 к.
Издательство «Кайнар» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.
Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «КІТАП» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.